

РФ
А94

Handwritten notes or markings, possibly including the word "Сказки"

НАРОДНЫЕ
РУССКИЕ
СКАЗКИ
А.Н.АФАНАСЬЕВА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

НАРОДНЫЕ
РУССКИЕ
СКАЗКИ
А. Н. АФАНАСЬЕВА

В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ
III

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ
Л. Г. БАРАГ, Н. В. НОВИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА · МОСКВА 1985

РФ
А94

1992 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Н. И. БАЛАШОВ, Г. П. БЕРДНИКОВ, Д. Д. БЛАГОЙ, И. С. БРАГИНСКИЙ,
М. Л. ГАСПАРОВ, А. Л. ГРИШУНИН, Л. А. ДМИТРИЕВ,
Н. Я. ДЬЯКОНОВА, Б. Ф. ЕГОРОВ (заместитель председателя),
Д. С. ЛИХАЧЕВ (председатель), А. Д. МИХАЙЛОВ,
Д. В. ОЗНОБИШИН (ученый секретарь), Д. А. ОЛЬДЕРОГТЕ,
Б. И. ПУРИШЕВ, А. М. САМСОНОВ (заместитель председателя),
Г. В. СТЕПАНОВ, С. О. ШМИДТ

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ
Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА, К. В. ЧИСТОВ

121415К

БИБЛИОТЕКА
Карельского филиала
Академии наук СССР

Н 470200000—052
042(02)—85 без объявления

© Издательство «Наука», 1985 г.
Составление, статья,
примечания

319—320. ШЕМЯКИН СУД

319

некоторых палестинах два брата живяше: един богатый,^{184a} а другой — убогий. Прииде убогий брат к богатому лошади просити, на чем бы ему в лес по дрова съездить. Богатый даде ему лошадь. Убогий же нача и хомута прошати; богатый же вознегодовал на брата и не даде ему хомута. Убогий же брат умысли себе привязать древни лошади за хвост, и поехал в лес по дрова, и насек воз велик, елико сила лошади может везти, и приехал ко двору своему, и отворил ворота, а подворотню забыл выставить. Лошадь же бросилась чрез подворотню и оторвала у себя хвост. Брат же убогий к богатому приведе лошадь без хвоста; богатый же виде лошадь без хвоста, не принял у него лошади и поиде на убогого бити челом к Шемяке-судье. Убогий, ведая, что пришла беда его — будет по него посылка, а у голого давно смечено, что хоженного дать будет нечего, поиде вслед брата своего.

И приидоша оба брата к богатому мужику на ночлег. Мужик нача с богатым братом пити и ясти и веселиться, а убогого пригласить не хотяху к себе. Убогий же вниде на полати, поглядывая на них, и внезапно упал с полатей и задавил ребенка в люльке до смерти. Мужик же поиде к Шемяке-судье на убогого бити челом.

Идушим им ко граду кугно (богатый брат и оный мужик, убогий же за ними идяше), прилучися¹ им идти высоким мостом. Убогий разуме, что не быть ему живому от судьи Шемяки, и бросился с мосту: хотел ушибиться до смерти. Под мостом сын вез отца хворого в баню, и он попал к нему в сани и задавил его до смерти. Сын же поиде бити челом к судье Шемяке, что отца его ушиб.

Богатый брат прииде к Шемяке-судье бити челом на брата, како у лошади хвост выдернул. Убогий же подни камень, и завязал в плат, и кажет позади брата, и то помышляет: «аще» судья не по мне станет судить, то я его ушибу до смерти. Судья же, чая — сто рублей дает от дела, приказал богатому отдать лошадь убогому, пока у нее хвост вырастет.

¹ Случилось (Ред.).

Потом прииде мужик, подаде челобитну в уби́йстве младенца и нача бити челом. Убогий вынув тот же камень и показа судье позади мужика. Судья же, чая — другое сто рублей дает ст другого дела, приказал мужику отдать убогому жену по тех мест, пока у ней ребенок родится: «И ты в те поры возьми к себе жену и с ребенком назад».

Прииде сын об отце бити челом, како задавил отца его до смерти, и подаде челобитну на убогого. Убогий же, вынув тот же камень, кажет судье. Судья, чая — сто рублей дает от дела, приказал сыну стать на мосту: «А ты, убогий, стань под мостом, и ты, сын, так же соскочи с мосту на убогого и задави его до смерти».

Судья Шемяка выслал слугу к убогому прошать денег триста рублей. Убогий же показа камень и рече: «Аще бы судья не по мне судил, и я хотел его ушибить до смерти». Слуга же прииде к судье и сказа про убогого: «Аще бы ты не по нем судил, и он хотел тебя этим камнем ушибить до смерти». Судья нача креститься: «Слава богу, что я по нем судил!»

Прииде убогий брат к богатому по судейскому приказу лошади прошать без хвоста, пока у ней хвост вырастет. Богатый же не восхоте лошади дати, даде ему денег пять рублей да три четверти хлеба, да козу дойную, и помирился с ним вечно.

Прииде убогий брат к мужику и нача по судейскому приказу жену прошати по тех мест, пока ребенок родится. Мужик же нача с убогим мириться и даде убогому пятьдесят рублей, да корову с теленком, да кобылу с жеребенком, да четыре четверти хлеба, и помирился с ним вечно.

Прииде убогий к сыну за отцово уби́йство и нача ему говорить, что «по судейскому приказу тебе стать на мосту, а мне под мостом, и ты бросайся на меня и задави меня до смерти». Сын же нача помышляти себе: «Как скочу¹ с мосту, его не задавишь, а сам ушибуся до смерти!» и нача с убогим мириться, даде ему денег двести рублей, да лошадь, да пять четвертей хлеба — и помирился с ним вечно.

320

В некотором царстве жили два брата: богатый и убогий. Нанял¹⁸⁴ ся убогий к богатому, работал целое лето, и дал ему богатый две меры ржи; приносит убогий домой, отдает хлеб хозяйке. Она и говорит: «Работал ты целое лето, а всего-навсего заработал две меры ржи; коли смолоть ее да хлебов напечь — поедим, и опять ничего у нас не будет! Лучше ступай ты к брату, попроси быков и поезжай в поле пахать да сеять: авось господь бог уродит, будем и мы с хлебом!» — «Не пойду, — сказал убогий, — все одно: проси, не проси — не даст он быков!» — «Ступай! Теперь брат в большой радости, родила у него хозяйка сына, авось не откажет!» Пошел убогий к богатому, выпросил пару быков и поехал на поле; распыхал свою десятину, посеял, заборонвал, управился — и домой.

¹ Соскочу.

1.
 В некоторых поистиннах два брата думаше один богатый — а други убоги, приде убоги брата и богатому лошади просити наче. Мъ бы ему влесь подроба съездити, богаты же дде ему лошады убогиме нача ихоумта прошати, богаты же возне годова набратя не даде хому та.

2.
 Убогиме братель умисли себе что дровни придезати лошади за востя, и поехал влесь по дрова, и на сехъ воза великы елико сила може тз лошади бести, и приехадвоу своему и ворилаз вогота а подворотню забыхад выстайити, лошады же бросила чрезъ подворотню и оторвала — усеба хвоста.

3.
 Братя же ббоги к богатому привеле лошады бездвоста богатымсе видела лошады бездвоста не прина у него лошады и поиде на убогово бити челома иשמаче судье — убоги ведала что пришла беда кво, будеть понево посылка, угодова давно слычена что хоме нова дати будеть нечева поиде вясладз брата своего.

И придоша оба брата к богатому мужиком на наслегъ мужик же нача збогатимъ брательмъ бити и асти и вяслитца убогова пригласити нехота ху к себе убогиме виле на полати погла дываа на нихъ гавне залу упалз сполатей и дадвилъ рабенка. Плюкже досмерти мужикъ же поиде иשמаче судье на убогово бити челома.

Идушимже имь пограду юбно бо-
 гаты брать юном мужикъ убоги-
 же заими даше прилучиса и
 ити высокими мостомъ убоги-
 же да сними градомъ что не
 бысть ему живому осуды шь-
 мади ибросиса смосту хотель-
 ущубитца до смерттижно под мос-
 то сца биде всея градога вбавь юна,
 поща гониму вбави изадавъ его до смер-

Богаты Братъ приде кшамаме-
 судде Викчеломъ на врата како уло-
 шадъ хвостъ быдержула убогиме-
 подма камень изавъза Владеть-
 Маже паза ди Брата иго помни ш
 лаетъ аше со да непомне стане
 суди иа ево ущубу досмерти со-
 даже чад сто рублевъ дае о де-
 ла иприказъ Богатому вбавубогому
 поща покауней хвостъ быроститъ

Погомъ приде мужикъ подале че-
 лобитну булицевъ ма дАенца ина
 на вить чело убогиме вына вето
 же камень иона за судде поздам
 мужика, судде же чад аруге сто
 рублевъ дае в аругого два иприна
 дакъ мужику шавъ убогему
 пощех местъ покауней робенна
 эаедае иты вге поры во зми лсе-
 не жему иробенномъ на за аз

приде снъ обогаме вить чело-
 како за да вилъ боца ево до сме-
 рти ипо да де чело битну на у
 богова убогиме выну в тотъ
 же камень инаже судде
 судде же чад сто рублевъ дае
 о аса, иприказала сну спата
 наместу аты убоги стана пойма
 сто иты и втъ тномде спонъ снъ
 на увавава иза да вни ево до смерти

Два мужика, богатый и бедный

9
 ПРИДЕУ БОГИ БРАТА КЪ БОГАТОМУ
 ПОСУДЕЙСКОМУ ПРИКАЗУ КОШАДЪ
 ПРОШАТЬ ВЪЗХВОСТА ПОКАУ НЕЙ
 ВЫРОСТЕТЪ ХВОСТЪ БОГАТЫЖЕ
 НЕВОСХОТЕ ЛОШААК ДАТИ ДА ДЕ
 СМУ ДЕНСГЪ ПАТЬ РУБЛѢВЪ ДА
 ТРИ ЧЕТВЕРТИ ХЛѢБА ДАМО ДУ
 ДАЙНУЮ ИПОМИРИСА СНИМЪ
 ВѢЧНО .

10
 ПРИМАЕ У БОГИ БРАТА ХЛУЖИКУ ИНАЧА
 ПОСУДЕЙСКОМУ ПРИКАЗУЖЕ ПРОША
 ТИ ИХОТ ДШЕ ТАНЕА РОБЕНКА ТАКОВА
 ТЕ ДА ДАЛАТЪ МУЖИКАЖЕ НАЧА СУ БОТИ
 МЪ ЗИМРИТИСА ДА ДЕ У БОГОМУ
 ПАТЬ ДЕСАТЬ РУБЛѢВЪ ДА МОРОВУ
 С ТЪЛЕНКОМЪ ДА ДОБЫЛУ СЖЕ РЕ
 БЕНКОМЪ ДА ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ
 ХЛѢБА ИПОМИРИСА СНИМЪ ВѢЧНО

11
 ПРИМАЕ С БОТИ КЛЫНУ ЗА БОЦОВО
 УЕ И ВЪЗСТА НАЧА СМУ ТОГОРИТЬ ЧТО
 ПОСУДЕЙСКОМУ ПРИКАЗУ ТЕСЕ СТА
 НАМОСТУ ДА МНЕ ПОДАМОСТЪ ТЪ
 ДА МНЕ ДРОСИЯСА НА МЕНА (ЗА ДАВН
 МЕНА ДОСМЕРТИ СЖЕЖЕ НАЧА ПОДЫШ
 ДАТИ СЕБЕ ИТЬ СНОЧУ СМОСТУ ЕГО НЕЗА
 ДАВШЯ А СЖЕЖЕ УШИБСА ДОСМЕРТИ НА
 НА СУ БОТИ ЗИМРИТИСА ДА ДЕСМУ ДЕНЕ 200
 РУБЛѢВЪ ДА ЛОША ДА ДАЛАТЪ ЧЕТВЕРИ ХЛѢБА

12
 СУДЪ АЖЕ ШЕМАНА ВЪ СЛА СЛУЖЬ
 КУ ВО ГОЛУДЪ ПРОШЕ ДЕНЕГЪ ТРИСТА
 РУБЛѢВЪ У БОГИЖЕ ПОКА ЗА НА МЕНЬ
 И РЕЧЕ ДАЩЕ БЫ СЮДЪ ДА НЕ ПОМНЕ СЪ
 ДИЛА ДА ХОТЕЛЪ СВОУШИБИ ДОС
 МЕРТИ СЛУГАЖЕ ПРИ ДЕ НСУДЪ ИСЪ
 НАЗА ПРОУ БО ГОВСАЩЕ БЫ ТЫ НЕ
 ПОМНЕ СУДИ ТОНА ХОТЕЛЪ ТЕБА ЖЕ
 МЪ НА МЪ УШИБЕТИ ДА ДОСМЕРТИ СУДА
 НЕ КАСА ХРЕТИТИСА СЛАВА БУДЪ ТО ДА
 ПОМНЕ СЖЕЖЕ

Едет дорогою, а навстречу ему старец: «Здравствуй, добрый человек!» — «Здорово, старик!» — «Где был, что делал?» — «Поле пахал, рожь засевал». — «А быки чьи?» — «Быки братнины». — «Твой брат богат, да немилостив; выбирай, что знаешь: или сын у него помрет, или быки издохнут!» Подумал-подумал убогий: жалко ему и быков и сына братнина, и говорит: «Пускай лучше быки подохнут!» — «Будь по-твоему!» — сказал старец и пошел дальше. Стал подъезжать убогий брат к своим воротам, вдруг оба быка упали на землю и тут же издохли. Горько он заплакал и побежал к богатому: «Прости,— говорит,— без вины виноват! Уж такая беда стряслась: ведь быки-то пропали!» — «Как пропали? Нет, любезный! Со мной так не разделаешься; заморил быков, так отдавай деньгами». Откуда у бедного деньги? Ждал-пождал богатый и повез его к праведному судие.

Едут они к праведному судие, и попадается им навстречу большой обоз, тянется по дороге с тяжелою кладью, а дело-то было зимою, снега лежали глубокие. Вдруг ни с того ни с сего заупрямилась одна лошадь у извозчика, шарахнулась в сторону со всем возом и завязла в сугробе. «Помогите, добрые люди, выручьте из беды!» — стал просить извозчик. «Дай сто рублей!» — говорит богатый. «Что ты! Али бога не боишься? Где взять тебе сто рублей?» — «Ну, сам и вытаскивай!» — «Постой,— говорит убогий,— я тебе задаром помогу». Соскочил с саней, бросился к лошади, ухватил за хвост и давай тащить: понатужился и оторвал совсем хвост. «Ах ты, мошенник! — напал на него извозчик. — Ведь конь-то двести рублей стоит, а ты хвост оборвал! Что я теперь стану делать?» — «Эх, брат,— сказал богатый извозчику,— что с ним долго разговаривать? Садись со мной да поедем к праведному судие».

Поехали все трое вместе; приехали в город и остановились на постоялом дворе. Богатый с извозчиком пошли в избу, а убогий стоит на морозе; смотрит — копает мужик глубокий колодезь, и думает: «Не быть добру! Затаскают, засудят меня. Эх, пропадай моя голова!» И бросился с горя в колодезь, только себя не доконал, а мужика зашиб до смерти. Тотчас подхватили его и повели к праведному судие.

Стал судить праведный судия и говорит богатому: «Убогий загубил твоих быков, жалеючи сына; коли хочешь, чтоб он купил тебе пару быков, убей наперед своего сына». — «Нет,— сказал богатый,— пусть лучше быки пропадают». *(Дальнейшие решения праведного судьи совершенно сходны с текстом предыдущей сказки.)*

321—323. ЗАГАДКИ

321

185a
В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик; у него был сын. Ездили они по селам, по городам да торговали помаленьку. Раз поехал сын в окольные деревни торговать. Ехал долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, приехал к избушке и попросился ночь ночевать. «Милости просим,— отвечала старуха,— только с тем уговором, чтоб ты загадал мне загадку неразгаданную». — «Хорошо, бабушка!» Вошел в избушку; она его накормила-напоила, в бане выпарила, на постель положила, а сама села возле и велела задавать загадку. «Погоди, бабушка; дай подумаю!» Пока купец думал, старуха уснула; он тотчас собрался, и вон из избушки. Старуха услышала шум, пробудилась — а гостя нет, выбежала на двор и подносит ему стакан с пойлом. «Выпей-ка,— говорит,— посошок на дорожку!» Купец не стал на дорогу пить, вылил пойло в кувшин, и съехал со двора.

Ехал-ехал, и застигла его в поле темная ночь; остановился ночевать где бог привел — под открытым небом. Стал он думать да гадать, что такое поднесла ему старуха, взял кувшин, налил себе на ладонь, с той ладони помазал плеть, а той плетью ударил коня; только ударил — коня вмиг разорвало! Поутру налетело на пададь тридцать воронов; наклевались-наелись, да тут же и переколели все. Купец собирал мертвых воронов и развесил по деревьям. В то самое время ехал мимо караван с товарами; увидели приказчики птиц на деревьях, взяли их — снимали, изжарили и съели: только съели — так мертвые и попадали! Купец захватил караван и поехал домой.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — заехал опять к той же старухе ночь ночевать. Она его накормила-напоила, в бане выпарила, на постель положила и велит задавать загадку. «Хорошо, бабушка, скажу тебе загадку; только уговор лучше денег: коли отгадаешь — возьми у меня весь караван с товарами, а коли не отгадаешь — заплати мне столько деньгами, сколько стоит караван с товарами». Старуха согласилась. «Ну, вот тебе загадка: из стакана в кувшин, из кувшина на ладонь, с ладони на плетку, с плетки на коня, из коня в тридцать воронов, из воронов в тридцать молодых». Старуха маялась-маялась, так и не отгадала; делать нечего, пришлось платить денежки. А купец воротился домой и с деньгами и с товарами и стал себе жить-поживать, добра наживать.

ыл-жил мужичок, у него был сын; вот как померла его хозяй-^{185,}ка, мужичок вздумал да женился на другой бабе, и прижил ^{прим.}с нею еще двух сыновей. И невзлюбила ж мачеха пасынка, ругала его и била, а после пристала к мужу: «Отдай-де его в солдаты!» Нечего с злой бабою спорить, отдал мужик старшего сына в солдаты. Прослужил молодец несколько лет и отпросился домой на побывку.

Явился к отцу; мачеха видит, что из него вышел brave солдат и что все к нему с почтением, озлобилась еще пуще, сварила лютого зелья, налила в стакан и стала его потчевать. Только солдат каким-то манером про то проведал, взял стакан, выплеснул потихоньку зелье за окно и попал нечаянно на пару отцовских коней; в ту же минуту их словно порохом разорвало. Отец потужил-потужил и велел сыновьям свезти падаль в овраг; там налетело шесть ворон, нажрались падали и тут же все подошли. Солдат подобрал ворон, ошипал перья, изрубил мясо и просит мачеху испечь ему пирогов на дорогу. А та и рада: «Пусть дурак воронье жрет!»

Скоро пироги поспели; солдат забрал их в сумку, распрощался с родичами и поехал в дремучий лес, где проживали разбойники. Приехал в разбойничий притон, когда из хозяев никого дома не случилось: только одна старуха оставалась; вошел в хоромы, разложил на столе пироги, а сам на полати влез. Вдруг загикали, захлопали, прикатили на двор разбойники — всех их двенадцать было. Говорит атаману старуха: «Приехал без вас какой-то человек, вот и пироги его, а сам на полатях спит!» — «Ну что ж! Подавай вина; вот мы выпьем да его пирогами закусим, а с ним еще успеем разделаться». Выпили водки, закусили пирогами — и с той закуски все двенадцать на тот свет отправились.

Солдат слез с полатей, забрал все разбойничье добро — серебро и золото, и воротился в полк. В то время прислал к православному царю басурманский король лист и требует, чтобы заганул ему белый царь загадку: «Если я не отгадаю — руби с меня голову и садись на мое царство, а коли отгадаю — то с тебя голову долой, и все твое царство пусть мне достанется». Прочитал царь этот лист и созвал на совет своих думных людей и генералов; сколько они ни думали, никто ничего не выдумал. Услыхал про то солдат и явился сам к царю: «Ваше величество, — говорит, — я пойду к басурманскому королю; моей загадки ему в жизнь не разгадать!»

Царь отпустил его. Приезжает солдат к королю, а он сидит за своими волшебными книгами, и булатный меч перед ним на столе лежит. Вздумал добрый молодец, как от единого стакана две лошади пали, от двух лошадей шесть ворон подошли, от шести ворон двенадцать разбойников померли, и стал задавать загадку: «Один двоих, двое шестерых, а шестеро двенадцать!» Король думал-думал, вертел-вертел свои книжки, так и не смог отгадать. Солдат взял булатный меч и отсек ему голову; все басурманское царство досталось белому царю, который пожаловал солдата

полковничьим чином и наградил большим именем. И был в те поры у нового полковника большой пир, на том пиру и я был, мед-вино пил, по усу текло, в рот не попало; кому подносили ковшом, а мне решетом.

323

Близ большой дороги заседал мужик полянку. На то время ехал царь, остановился против мужика и сказал: «Бог в помощь, мужичок!» — «Спасибо, добрый человек!» (он не знал, что это царь). — «Много ли получаешь с этой полянки пользы?» — спросил царь. «Да при хорошем урожае рублей с восемьдесят будет». — «Куда ж эти деньги деваешь?» — «Двадцать рублей в подать взношу, двадцать — долгу плачу, двадцать — займы даю, да двадцать — за окно кидая». — «Растолкуй же, братец, какой ты долг платишь, кому займы даешь и зачем за окно кидает?» — «Долг плачу — отца содержу, займы даю — сына кормлю, за окно кидая — дочь питаю». — «Правда твоя!» — сказал государь; дал ему горсть серебра, объявил себя, что он царь, и заповедал: без его лица никому тех речей не сказывать: «Кто бы ни спрашивал, никому не говори!»

Приехал царь в свою столицу и созвал бояр да генералов: «Разгадайте, — говорит, — мне загадку. Видел я по дороге мужика — заседал полянку; спросил у него: сколько он пользы получает и куда деньги деваешь? Мужичок мне отвечал: при урожае восемьдесят рублей получаю; двадцать в подать взношу, двадцать — долгу плачу, двадцать — займы даю, да двадцать — за окно кидая. Кто из вас разгадает эту загадку, того больших наград, больших почестей удостою». Бояре и генералы думали-думали, не могли разгадать. Вот один боярин вздумал и отправился к тому мужику, с которым царь разговаривал, насыпал ему целую груду серебряных рублевиков и просит: «Объясни-де, растолкуй царскую загадку!» Мужик позарился на деньги, взял да и объявил про все боярину; а боярин воротился к царю и сейчас растолковал его загадку.

Царь видит, что мужик не сдержал заповеди, приказал его перед себя достать. Мужик явился к царю и с самого перва¹ сознался, что это он рассказал боярину. «Ну, брат, пеняй на себя, за такую провинность велю казнить тебя смертию!» — «Ваше величество! Я ничем не виновен, потому — боярину рассказал я при вашем царском лице». Тут вынул мужик из кармана серебряный рублевик с царской персоной² и показал государю. «Правда твоя! — сказал государь. — Это моя персона». Наградил щедро мужика и отпустил домой.

¹ Сначала.

² Т. е. портретом.

324—325. ГОРШЕНЯ

324

дин, слышь, царь велел созвать со всего царства всех, сколь ни есть, бар¹, всех-на-всех к себе, и вот этим делом-то заганул² им загадку: «Нуте-ка, кто из вас отганёт? Загану я вам загадку: кто на свете лютей и злоедливей,— говорит,— всех?» Вот они думали-думали, думали-думали, гана-ли-гана-ли³, и то думали и сё думали — всяко прикидывали, знашь, кабы отгануть. Нет, вишь, никто не отганул. Вот царь их и отпустил; отпустил и наказал: «Вот тогда-то, смотрите, вы опять этим делом-то ко мне придите».

Вот, знашь, меж этим временем-то один из этих бар, очень дошлый⁴, стал везде выспрашивать, кто что ему на это скажет? Уж он и к купцам-то, и к торгашам-то, и к нашему-то брату всяко прилаживался: охота, знашь, узнать как ни есть да отгануть царску-то загадку. Вот один горшеня, что, знашь, горшки продает, и выискался. «Я, слышь, сумею отгануть эту загадку!» — «Ну скажи, как?» — «Нет, не скажу, а самому царю отгану». Вот он всяко стал к нему прилаживаться: «Вот то и то тебе, братец, дам!» — и денег-то ему сулил, и всяку всячину ему представлял. Нету, горшеня⁵ стоял в одном, да и полно: что самому царю, так отгану, бесприменно отгану; опричь⁶ — никому! Так с тем и отошел от него барин, что ни в жисть, говорит, не скажу никому, опричь самого царя.

Вот как опять, знашь, сызнова собрались бары-то к царю и никто опять не отганул загадку-то, тут барин-от тот и сказал: «Ваше-де царское величество! Я знаю одного горшеню; он,— говорит,— отганёт вам эту загадку». Вот царь велел позвать горшеню. Вот этим делом-то пришел горшеня к царю и говорит: «Ваше царское величество! Лютей,— говорит,— и злоедливей всего на свете казна⁷. Она очень всем завидлива: из-за нее пуще⁸ всего все, слышь, бранятся, дерутся, убивают до смерти друг дружку: в иную пору режут ножами, а не то так иным делом. Хоть,— говорит,— с голоду околевай, ступай по миру, проси милостыню, да того гляди — у нищего-то суму отымут, как мало-мальски побольше кусочков наберешь, коим грехом еще сдобненьких. Да что и говорить, ваше царское величество, из-за нее и вам, слышь, лихости⁹ вволю¹⁰ достается». — «Так, братец, так! — сказал царь. — Ты отганул,— говорит,— загадку; чем, слышь, мне тебя наградить?» — «Ничего не надо, ваше царское величество!» — «Хошь ли чего, крестьянин? Я тебе,

¹ Бояр, господ.

² Загадал.

³ Гадали.

⁴ Дошлый — смысленный, догадливый.

⁵ Горшечник.

⁶ Опричь — кроме.

⁷ Деньги.

⁸ Больше.

⁹ Вреда.

¹⁰ Много.

слышь, дам». — «Не надо, — говорит горшеня, — а коли ваша царска милость будет — говорит, — сделай запрет продавать горшки вот на столько-то верст отсюда: никто бы тут, oprичь меня, не продавал их». — «Хорошо!» — говорит царь, и указал сделать запрет продавать там горшки всем, oprичь его. Горшеня вот как справен стал от горшков, что на диво!

А вот как царь, знашь, в прибыль ему сказал, чтоб никто к нему не являлся без горшка, то один из бар, скупой-перескупой, стал торговать у него горшок. Он говорит: «Горшок стоит пятьдесят рублей». — «Что ты, слышь, в уме ли?» — говорит барин. «В уме», — говорит горшеня. «Ну, я в ином месте куплю», — говорит барин. После приходит: «Ну, слышь, дай мне один горшок!» — «Возьми, давай сто рублей за него», — говорит горшеня. «Как сто рублей? С ума, что ли, — говорит, — сошел?» — «Сошел али нет, а горшок стоит сто рублей». — «Ах ты, проклятый! Оставайся со своим горшком!» — и ушел опять тот барин.

Уж думал он без горшка сходить к царю, да обдумался: «Нехорошо, слышь, я приду к нему один, без горшка». Сызнова воротился. «Ну, — говорит, — давай горшок: вот тебе сто рублей». — «Нет, он стоит теперь полторы сотни рублей», — говорит горшеня. «Ах ты, окаянный!» — «Нет, я не окаянный, а меньше не возьму». — «Ну, продай мне весь завод: что возьмешь за него?» — «Ни за какие деньги не продам, а коли хошь — даром отдам тебе: доведи меня, — говорит, — на себе верхом к царю». Барин-то был очень скуп и оченно завидлив, согласился на это и повез горшеню на себе верхом к царю. У горшени руки-то в глине, а ноги-то в лаптях торчали клином. Царь увидал, засмеялся: «Ха-ха-ха!.. Ба! Да это ты! (узнал, слышь, барина-то, да и горшеню-то). Как так?» — «Да вот то и то», — рассказал горшеня обо всем царю. «Ну, братец, снимай, слышь, все с себя и надевай на барина, а ты (барину-то сказал) скидай все свое платье и отдай ему: он теперь будет барином на твоём месте в вотчине, а ты будь заместо его горшенюю».

325

Горшеня едет-дремлет с горшками. Догнал его государь Иван ¹⁸⁶⁶ Васильевич. «Мир по дороге!» Горшеня оглянулся. «Благодарим, просим со смиреньем». — «Знать, вздремал?» — «Вздремал, великий государь! Не бойся того, кто песни поет, а бойся того, кто дремлет». — «Экой ты смелый, горшеня! Люблю этаких. Ямщик, поезжай тише. А что, горшенюшка, давно ты этим ремеслом кормишься?» — «Сызмолоду, да вот и середовой стал». — «Кормишь детей?» — «Кормлю, ваше царское величество! И не пашу, и не кошу, и не жну, и морозом не бьет». — «Хорошо, горшеня, но все-таки на свете не без худа». — «Да, ваше царское величество. На свете есть три худа». — «А какие три худа, горшенюшка?» — «Первое худо: худой шабер¹, а второе худо: худая жена, а третье худо: худой разум». —

¹ Сосед.

«А скажи мне, которое худо всех хуже?» — «От худого шабра уйду, от худой жены тоже можно, как будет с детьми жить; а от худого разума не уйдешь — все с тобой». — «Так, верно, горшеня! Ты мозголов. Слушай! Ты для меня — а я для тебя. Прилетят гуси с Руси, перышки ошиплешь, а по-правильному покинешь!» — «Годится, так покину — как придет, а то и наголо». — «Ну, горшеня, постой на час! Я погляжу твою посуду».

Горшеня остановился, начал раскладывать товар. Государь стал глядеть, и показались ему три тарелочки глиняны. «Ты наделаешь мне этих?» — «Сколько угодно вашему царскому величеству?» — «Возов десяток надо». — «На много ли дашь время?» — «Месяц». — «Можно и в две недели представить, и в город. Я для тебя, ты для меня». — «Спасибо, горшенюшка!» — «А ты, государь, где будешь в то время, как я представляю товар в город?» — «Буду в дому у купца в гостях». Государь приехал в город и приказал, чтобы на всех угощениях не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни медной, ни деревянной, а была бы все глиняная.

Горшеня кончил заказ царский и привез товар в город. Один боярин выехал на торжище к горшене и говорит ему: «Бог за товаром, горшеня!» — «Просим покорно». — «Продай мне весь товар». — «Нельзя, по заказу». — «А что тебе, ты бери деньги — не повинят из этого, коли не взял задатку под работу. Ну, что возьмешь?» — «А вот что: каждую посудину насыпать полну денег». — «Полно, горшенюшка, много!» — «Ну, хорошо, одну насыпать, а две отдать — хочешь?» И сладили. «Ты для меня, а я для тебя». Насыпают да высыпают, сыпали, сыпали... денег не стало, а товару еще много. Боярин, видя худо, съездил домой, привез еще денег. Опять сыпают да сыпают — товару все много. «Как быть, горшенюшка?» — «Ну что, не жадал²? Нечего делать, я тебя уважу — только знаешь что: свези меня на себе до этого двора, отдам и товар и все деньги».

Боярин мялся, мялся — жаль и денег, жаль и себя; но делать нечего — сладили. Выпрягли лошадь — сел мужик, повез боярин; в спорé дело. Горшеня запел песню, боярин везет да везет. «До коих же мест везти тебя?» — «Вот до этого двора и до этого дому». Весело поет горшеня, против дому он высоко поднял. Государь услышал, выбег на крыльцо — признал горшеню. «Ба! Здравствуй, горшенюшка, с приездом!» — «Благодарю, ваше царское величество». — «Да на чем ты едешь?» — «На худом-то разуме, государь». — «Ну, мозголов, горшеня, умел товар продать! Боярин! Скидай строевую одежду и сапоги, а ты, горшеня, кафтан, и разувай лапти; ты их обувай, боярин, а ты, горшеня, надевай его строевую одежду. Умел товар продать! Не много послужил, да много услужил — а ты не умел владеть боярством. Ну, горшеня, прилетали гуси с Руси?» — «Прилетали». — «Перышки ошипал, а по-правильному покинул?» — «Нет, наголо, великий государь, — всего ошипал».

² Не ожидал.

326. МУДРЫЕ ОТВЕТЫ

лужил солдат в полку целые двадцать пять лет, а царя в лицо не видал. Пришел домой; стали его спрашивать про царя, а он не знает, что и сказать-то. Вот и зачали его корить родичи да знакомцы: «Вишь, — говорят, — двадцать пять лет прослужил, а царя в глаза не видал!» Обидно это ему показалось; собрался и пошел царя смотреть. Пришел во дворец. Царь спрашивает: «Зачем, солдат?» — «Так и так, ваше царское величество, служил я тебе да богу целые двадцать пять лет, а тебя в лицо не видал; пришел посмотреть!» — «Ну, смотри». Солдат три раза обошел кругом царя, все оглядывал. Царь спрашивает: «Хорош ли я?» — «Хорош», — отвечает солдат. «Ну теперь, служивый, скажи: высоко ли небо от земли?» — «Столь высоко, что там стукнет, а здесь слышно». — «А широка ли земля?» — «Вон там солнце всходит, а там заходит — столь широка!» — «А глубока ли земля?» — «Да был у меня дед, умер тому назад с девяносто лет, зарыли в землю, с тех пор и домой не бывал: верно, глубока!» Потом отослал царь солдата в темницу и сказал ему: «Не плошай, служба! Я пошлю к тебе тридцать гусей; умеи по перу выдержнуть». — «Ладно!»

Призвал царь тридцать богатых купцов и загадал им те же загадки, что и солдату загадывал; они думали-думали, не смогли ответу дать, и велел их царь посадить за то в темницу. Спрашивает их солдат: «Купцы-молодцы, вас за что посадили?» — «Да вишь, государь нас допрашивал: далеко ли небо от земли, и сколь земля широка, и сколь она глубока; а мы — люди темные, не смогли ответу дать». — «Дайте мне каждый по тысяче рублей — я вам правду скажу». — «Изволь, брат; только научи». Взял с них солдат по тысяче и научил, как отгадать царские загадки. Дня через два призвал царь к себе и купцов и солдата; задал купцам те же самые загадки, и как скоро они отгадали — отпустил их по своим местам. «Ну, служба, сумел по перу сдернуть?» — «Сумел, царь-государь, да еще по золотому!» — «А далеко ль тебе до дому?» — «Отсюда не видно — далеко, стало быть!» — «Вот тебе тысяча рублей; ступай с богом!» Воротился солдат домой и зажил себе привольно, богато.

12/11/1919

327—328. МУДРАЯ ДЕВА

327

омер старик со старухою, оставался у них сын сирота. Взял ^{183a} его к себе дядя и заставил овец пасти. Ни много, ни мало прошло времени, призывает дядя племянника, хочет попытать у него ума-разума и говорит ему: «Вот тебе сотня баранов, гони их на ярмонку да продай с барышом, чтобы и сам был сыт, и бараны были целы, и деньги сполна выручены». Что тут делать! Заплакал бедняга и погнал баранов в чистое поле; выгнал, сел на дороге и задумался о своем горе. Идет мимо девица: «О чем слезы льешь, добрый молодец?» — «Как же мне не плакать? Нет у меня ни отца, ни матери; один дядя, и тот обижает!» — «Какую ж обиду он тебе делает?» — «Да вот послал на ярмонку, велел баранами торговать, да так, чтобы и сам был сыт, и бараны были целы, и деньги сполна выручены». — «Ну, это хитрость не великая! Найми-ка ты баб да остриги баранов, а волну отнеси на ярмонку и продай, после возьми всех баранов выложи¹ да яйца съешь; вот у тебя и деньги, и бараны в целости, и сам сыт будешь!» Парень так и сделал; продал волну, пригнал стадо домой и отдает дяде вырученные деньги. «Хорошо,— говорит дядя племяннику,— только ведь ты не своим разумом вздумал это? Чай, тебя научил кто-нибудь?» Парень признался: «Шла,— говорит,— мимо девица, она научила».

Дядя тотчас приказал закладывать лошадь: «Поедем, станем сватать ту девицу». Вот и поехали. Приезжают прямо на двор, спрашивают: куда лошадь девать? «Привяжите до зимы аль до лета!» — говорит им девица. Дядя с племянником думали-думали, не знают, за что привязать; стали у ней спрашивать: до какой зимы, до какого лета? «Эх вы, недогадливые! Привяжите к саням, а не то к телеге». Привязали они лошадь, вошли в избу, помолились богу и сели на лавочку. Спрашивает ее дядя: «Ты с кем живешь, девица?» — «С батюшкой». — «Где ж твой отец?» — «Уехал сто рублей на пятнадцать копеек менять». — «А когда назад воротится?» — «Если кругом поедет — к вечеру будет, а если прямо поедет — и через три дня не бывать!» — «Что ж это за диво такое? — спрашивает дядя. — Неужто и вправду отец твой поехал сто рублей на пятнадцать копеек менять?» — «А то нет? Он поехал зайцев травить; зайца-то затравит — всего пятнадцать копеек заработает, а лошадь загонит — сто рублей потеряет». — «А что значит: ежели он прямо поедет — и в три дня не прибудет, а ежели кругом — к вечеру будет?» — «А то значит, что прямо болотом ехать, а кругом дорогою!» Удивился дядя уму-разуму девицы и сосватал ее за своего племянника.

¹ Охолости.

Ехали два брата: один бедный, другой именитый¹; у обоих по лошади: у бедного кобыла, у именитого мерин. Остановились они на ночлег рядом. У бедного кобыла принесла ночью жеребенка; жеребенок подкатился под телегу богатого. Будит он наутре бедного: «Вставай, брат, у меня телега ночью жеребенка родила». Брат встает и говорит: «Как можно, чтобы телега жеребенка родила! Это моя кобыла принесла». Богатый говорит: «Кабы твоя кобыла принесла, жеребенок бы подле был!» Пospорили они и пошли до начальства; именитый дарит судей деньгами, а бедный словами оправдывается.

Дошло дело до самого царя. Велел он призвать обоих братьев и загадал им четыре загадки: «Что всего в свете сильней и быстрее, что всего в свете жирнее, что всего мягче и что всего милее?» и положил им сроку три дня: «На четвертый приходите, ответ дайте!»

Богатый подумал-подумал, вспомнил про свою куму и пошел к ней совета просить. Она посадила его за стол, стала угощать; а сама спрашивает: «Что так печален, куманек?» — «Да загадал мне государь четыре загадки, а сроку всего три дня положил». — «Что такое? Скажи мне». — «А вот что, кума: первая загадка — что всего в свете сильней и быстрее?» — «Экая загадка! У моего мужа карья² кобыла есть; нет ее быстрее! Коли кнутом приударить — зайца догонит». — «Вторая загадка: что всего в свете жирнее?» — «У нас другой год рябой боров кормится; такой жирный стал, что и на ноги не подымается!» — «Третья загадка: что всего в свете мягче?» — «Известное дело пуховик, уж мягче не выдумаешь!» — «Четвертая загадка: что всего в свете милее?» — «Милее всего внучек Иванушка!» — «Спасибо тебе, кума! Научила уму-разуму, по век не забуду».

А бедный брат залился горькими слезами и пошел домой; встречает его дочь-семилетка (только и семьи было, что дочь одна): «О чем ты, батюшка, вздыхаешь да слезы ронишь?» — «Как же мне не вздыхать, как слез не ронить? Задал мне царь четыре загадки, которых мне и в жизнь не разгадать». — «Скажи мне, какие загадки?» — «А вот какие, дочка: что всего в свете сильней и быстрее, что всего жирнее, что всего мягче и что всего милее?» — «Ступай, батюшка, и скажи царю: сильней и быстрее всего ветер; жирнее всего земля: что ни растет, что ни живет — земля питает! Мягче всего рука: на что человек ни ляжет, а все руку под голову кладет; а милее сна нет ничего на свете!»

Пришли к царю оба брата: и богатый и бедный. Выслушал их царь и спрашивает бедного: «Сам ли ты дошел или кто тебя научил?» Отвечает бедный: «Ваше царское величество! Есть у меня дочь-семилетка, она меня научила». — «Когда дочь твоя мудра, вот ей ниточка шелковая:

¹ Богатый.

² Темногнедая, почти вороная с подпалинами (Ред.).

пусть к утру соткет мне полотенце узорчатое». Мужик взял шелковую ниточку, приходит домой кручинный, печальный. «Беда наша! — говорит дочери. — Царь приказал из этой ниточки соткать полотенце». — «Не кручинься, батюшка!» — отвечала семилетка, отломил прутик от веника, подает отцу и наказывает: «Пойди к царю, скажи, чтоб нашел такого мастера, который бы сделал из этого прутика кросны: было бы на чем полотенце ткать!» Мужик доложил про то царю. Царь дает ему полтора яиц: «Отдай, — говорит, — своей дочери; пусть к завтраму выведет мне полтора яиц цыплят».

Воротился мужик домой еще кручиннее, еще печальнее: «Ах, дочка! От одной беды увернешься, другая навяжется!» — «Не кручинься, батюшка!» — отвечала семилетка, попекла яйца и припрятала к обеду да к ужину, а отца посылает к царю: «Скажи ему, что цыплятам на корм нужно однодневное пшено: в один бы день было поле вспахано, просо засеяно, жато и обмолочено; другого пшена наши цыплята и клевать не станут!» Царь выслушал и говорит: «Когда дочь твоя мудра, пусть завтра сама ко мне явится — ни пешком, ни на лошади, ни голая, ни одетая, ни с гостинцем, ни без подарочка». — «Ну, — думает мужик, — такой хитрой задачи и дочь не разрешит; пришло совсем пропадать!» — «Не кручинься, батюшка!» — сказала ему дочь-семилетка. — Ступай-ка к охотникам да купи мне живого зайца да живую перепелку». Отец пошел и купил ей зайца и перепелку.

На другой день поутру сбросила семилетка всю одежду, надела на себя сетку, в руки взяла перепелку, села верхом на зайца и поехала во дворец. Царь ее у ворот встречает. Поклонилась она царю: «Вот тебе, государь, подарочек!» — и подает ему перепелку. Царь протянул было руку: перепелка порх — и улетела! «Хорошо, — говорит царь, — как приказал, так и сделала. Скажи мне теперь: ведь отец твой беден, так чем вы кормитесь?» — «Отец мой на сухом берегу рыбу ловит, лоушки³ в воду не ставит; а я приполон⁴ рыбу ношу да уху варю». — «Что ты, глупая! Когда рыба на сухом берегу живет? Рыба в воде плавает!» — «А ты умен? Когда видано, чтоб телега жеребенка принесла? Не телега, кобыла родит!» Царь присудил отдать жеребенка бедному мужику, а дочь его взял к себе; когда семилетка выросла, он женился на ней, и стала она царицею.

³ Морды (ловушка).

⁴ Подолом.

329. ПОПОВ РАБОТНИК

некотором селе поп нанял себе батрака и послал его на сучонке пахать, и дал ему целую ковригу хлеба, и гуторя¹ ему: «На, батрак, будь сам сыт, и сучонка чтобы была сыта, да чтобы и коврига была цела».

Во батрак, взявши, поехал в поле, а приехавши, зачал пахать. Во пахал, пахал, уж время бы, кажись, и червячка заморить²: животики ему так и подвело; да что станешь делать с поповым-то приказом? Но голод не тетка, уму-разуму научит. Во и вздумал думу батрак, кажись бы гожа! Ну, быть делу так. Взял верхнюю корку с хлебушка тихохонько снял, мякиш всеё повытаскивал, сам досыта наелся и сучонку накормил, а корки опять сложил по-прежнему, как было, да и попахивает себе до вечера как будто ни в чем не был, горя мало ему! Во уж начало смеркаться. Он и поехал домой. Приезжает, а поп его уж у ворот встречает и спрашивает его: «Что, мол, батрак, сыт?» Он кажа: «Сыт». Поп опять спрашивает: «А сучонка сыта?» Батрак кажа: «Сыта». Поп опять гуторя: «А коврига цела?» Батрак кажа: «Цела! На вот, батюшка, целехонька». Во как разглядел поп-от, да и рассмеялся, и гуторя: «Хитрец ты окаянный! Как на тя³ погляжу, из тебя прок будет. Люблю за обычай и за твою догадливость! Ухитрился, молодец! Оставайся у меня, живи; мне такой и надобен». И оставил его у себя, прибавил еще сверх договорной цены за то, что парень-то попался ему ухарский и разухабистый да больно догадливый. Тут-то батраку пошло житье, что твоя маслена, и умирать не надо.

330. ЦАРЕВИЧ-НАЙДЕНЫШ

ил царь с царицею; у них родился сын. Понадобилось царю отлучиться из дому; без него беда пришла—царевич пропал! Искали-искали царевича—как в воду канул, ни слуху, ни духу об нем! Долго плакали царь с царицею. Прошло целые пятнадцать лет, и донеслись до царя вести, что в одной деревне такой-то мужик нашел ребенка—всем на диво: и красотой и умом взял! Царь приказал доставить наскоро к себе мужика. Привезли его, начали расспрашивать, где и когда нашел мальчика? Му-

¹ Говорит.

² Заморить червяка—утолить голод.

³ Тебя.

жик объявил, что нашел его пятнадцать лет тому назад в овине, что на нем одежда была такая-то, богатая. По всем приметам, кажись, и царский сын!

Говорит царь мужику: «Скажи твоему найденышу, чтоб он ко мне побывал ни наг, ни одет, ни пешком, ни на лошади, ни днем, ни ночью, ни на дворе, ни на улице». Мужик приехал домой, плачет и рассказывает мальчику: как теперь быть? Мальчик говорит: «Не больно хитро! Эту загадку разгадать можно». Взял разделся с ног до головы да накинул на себя сетку, сел верхом на козла, приехал к царю в сумерки и въехал на козле в ворота: передние ноги на дворе, а задние на улице. Царь увидал и говорит: «Вот мой сын!»

331. СОСВАТАННЫЕ ДЕТИ

или-были два богатых купца: один в Москве, другой в ¹⁹¹Киеве; часто они съезжались по торговым делам, вместе дружбу водили и хлеб-соль делили. В некое время приехал киевский купец в Москву, свиделся с своим приятелем и говорит ему: «А мне бог радость дал — жена сына родила!» — «А у меня дочь родилась!» — отвечает московский купец. «Ну-ка, давай по рукам ударим! У меня — сын, у тебя — дочь, чего лучше — жених и невеста! Как вырастут, обвенчаем их и породнимся». — «Ладно, только это дело нельзя просто делать. Пожалуй, еще твой сын отступится от невесты; давай мне двадцать тысяч залогу!» — «А если твоя дочь да помрет?» — «Ну, тогда и деньги назад». Киевский купец вынул двадцать тысяч и отдал московскому; тот взял, приезжает домой и говорит жене: «Знаешь ли, что скажу? Ведь я свою дочь просватал!» Купчиха изумилась: «Что ты! Али с ума сошел? Она еще в люльке лежит!» — «Ну что ж что в люльке? Я все-таки ее просватал: вот двадцать тысяч залогу взял».

Вот хорошо. Живут купцы всякий в своем городе, а друг друга не навещают — далеко, да и дела так пошли, что надо дома оставаться. А дети их растут да растут: сын хорош, а дочь еще лучше. Прошло осьмнадцать лет; московский купец видит, что от старого его знакомого нет ни вести, ни слуху, и просватал дочь свою за полковника. В то самое время призывает киевский купец своего сына и говорит ему: «Поезжай-ка ты в Москву; там есть озеро, на том озере я поставил пленку¹; если в эту пленку попала утка — то утку вези, а ежели нет утки — то пленку назад».

¹ Плетеная из конского волоса сеть (Ред.).

Купеческий сын собрался и поехал в Москву; ехал-ехал, вот уж близко, всего один перегон остался. Надо ему через реку переправляться, а на реке мост: половина замощена, а другая нет.

Тою же самую дорогою случилось ехать и полковнику; подъехал к мосту и не знает, как ему перебраться на ту сторону? Увидал он купеческого сына и спрашивает: «Ты куда едешь?» — «В Москву». — «Зачем?» — «Там есть озеро, в том озере — лет осьмнадцать прошло, как поставил мой отец пленку, а теперь послал меня с таким приказом: если попалась в пленку утка — то утку возьми, а если утки нет — то пленку назад!» — «Вот задача! — думает полковник. — Разве может простоять пленка осьмнадцать лет? Ну, пожалуй, пленка еще простоит; а как же утка-то проживет столько времени?» Думал-думал, гадал-гадал, ничего не разгадал. «Как же, — говорит, — нам через реку переехать?» — «Я поеду задом наперед!» — сказал купеческий сын; погнал лошадей, доехал до половины моста и давай задние доски наперед перемаскивать; намостил и перебрался на другую сторону, а вместе с ним и полковник переехал. Вот приехали они в город. «Ты где остановишься?» — спрашивает купеческого сына полковник. «А в том доме, где весна с зимой на воротах». Распрошались и повернули всякий в свою сторону.

Купеческий сын пристал у одной бедной старухи; а полковник погнал к невесте. Там его стали поить, угощать, о дороге спрашивать. Он и рассказывает: «Повстречался я с каким-то купеческим сыном; спросил его: зачем в Москву едет? А он в ответ: есть-де в Москве озеро, на том озере — лет осьмнадцать прошло, как мой отец пленку поставил, а теперь послал меня с таким приказом: если попалась в пленку утка — то утку возьми, а ежели утки нет — то пленку назад! Тут пришлось нам через реку переправляться; на той реке мост, половина замощена, а другая нет. Раздумался я, как на другую сторону переехать? А купеческий сын сейчас смекнул, задом наперед переехал и меня перевез». — «Где же он на квартире стал?» — спрашивает невеста. «А в том доме, где весна с зимой на воротах».

Вот купеческая дочь побежала в свою комнату, позвала служанку и приказывает: «Возьми кринку молока, ковригу хлеба да лукошко яиц; из кринки отпей, ковригу почни, из лукошка яйцо скушай. Потом ступай в тот дом, где на воротах трава с сеном привязаны; разыщи там купеческого сына, отдай ему хлеб, молоко и яйца да спроси: в своих ли берегах море или упало? Полон ли месяц или в ущербе? Все ли звезды в небе или скатились?» Пришла служанка к купеческому сыну, отдала гостинцы и спрашивает: «Что море — в своих ли берегах или упало?» — «Упало». — «Что месяц — полон или в ущербе?» — «В ущербе». — «Что звезды — все ли на небе?» — «Нет, одна скатилась». Вот служанка воротилась домой и рассказала эти ответы купеческой дочери. «Ну, батюшка, — говорит отцу купеческая дочь, — ваш жених мне не годится; у меня есть свой давнишний — с его отцом по рукам ударено, договором скреплено». Сейчас послали за настоящим женихом, стали свадьбу справлять да пир пировать, а полковнику отказали. На той свадьбе и я был, мед-вино пил, по усам текло, в рот не попало.

332—334. ДОБРОЕ СЛОВО

332

ил-был купец богатый, умер, оставался у него сын Иван ^{192a} Бессчастный; пропил он, промотал все богатство и пошел искать работы. Ходит он по торгу, собой-то видный; на ту пору красная девушка, дочь купецкая, сидела под окошечком, вышивала ковер разными шелками. Увидала она купецкого сына... Полюбился ей купецкий сын. «Пусти меня,—говорит матери,—за него замуж». Старуха и слышать было не хотела, да потолковала со стариком: «Может быть, жениным счастьем и он будет счастлив, а дочь наша в сорочке родилась!» Взяли ее да и отдали — перевенчали. Жена купила бумаги ¹, вышила ковер и послала мужа продавать: «Отдавай ковер за сто рублей, а встретится хороший человек — за доброе слово уступи».

Встретился ему старичок, стал ковер торговать: сторговал за сто рублей, вынимает деньги и говорит: «Что хочешь — деньги или доброе слово?» Купецкий сын подумал-подумал: жена недаром наказывала... «Скажи ей,—говорит,—доброе слово; на ковер!» — «Прежде смерти ничего не бойся!» — сказал старик, сам взял ковер и ушел. Приходит купецкий сын домой, рассказал все хозяйке; хозяйка молвила ему спасибо, купила шелку, вышила новый ковер и опять посылает мужа продавать: «Отдавай ковер за пятьсот рублей, а встретится хороший человек — за доброе слово уступи». Выходит купецкий сын на торг; попадаетея ему тот же старичок, сторговал ковер за пятьсот рублей, стал деньги вынимать и говорит купецкому сыну: «А хочешь — я тебе доброе слово скажу?» — «На ковер; говори доброе слово». — «Пробуди, дело разбери, головы не сймаючи!» — сказал старик, взял ковер и ушел. Воротился купецкий сын домой, рассказал все хозяйке — та ни слова.

Вот дядья купецкого сына собралися за море ехать, торг торговать; купецкий сын собрал кое-как один корабль, простился на постели с женой, да и поехал с ними. Едут они по морю; вдруг выходит из моря морской горбыль ². «Давай нам,—говорит горбыль купцам,—русского человека на судьбину — дело разобрать; я его назад опять ворочу». Дядья думали, думали, и пришли к племяннику с поклоном, чтоб он шел в море. Тот вспомнил слово старика: прежде смерти ничего не бойся, и пошел с горбылем в море. Там Судьбина разбирает, что дороже: золото, серебро или медь? «Разберешь ты это дело,—говорит Судьбина купецкому сыну,—награжу тебя». — «Изволь,—отвечает он,—медь дороже всего: без меди при расчете обойтись нельзя; в ней и копейка, и денежка, и полушки, из

¹ Бумага — хлопчатобумажная пряжа, нитки (Ред.).

² Сазан (Ред.).

нее и рубль набрать можно; а из серебра и золота не откусишь». — «Правда твоя! — говорит Судьбина. — Ступай на свой корабль». Выводит горбыль его на корабль, а тот корабль битком набит камнем самоцветным.

Дядя уже далеко уехали, да купецкий сын догнал их и заспорил с ними, чей товар лучше. Те ему говорят: «У тебя, племянничек, один кораблишко, а у нас сто кораблей». Спорили-спорили, осерчали и пошли на него царю жаловаться. Царь сперва хотел просто без суда повесить купецкого сына: не порочь, дескать, дядьев! да после велел товары на посмотр принести. Дядя принесли ткани золотые, шелковые... Царь так и засмотрелся. «Показывай свои!» — говорит он купецкому сыну. «Прикажи, государь, закрыть окна; я свои товары ночью показываю». Царь приказал закрыть окна; тот вынул из кармана камушек — так все и осветило! «Твой лучше товар, купецкий сын! Возьми себе за то дядины корабли».

Он забрал себе дядины корабли, торговал ровно двадцать лет, наторговал много всякого добра и с большим, несметным богатством ворочается домой. Входит в свой дом и видит: хозяйка его лежит на постели с двумя молодцами. Закипело у него ретивое, вынул саблю вострую. «Зарублю, — думает, — друзей жениных!» И вспомнил доброе слово старика: пробуди, дело разбери, головы не сымаючи! Разбудил свою хозяйку, а та вскочила и ну толкать молодцов! «Детки, — говорит, — ваш батюшка приехал». Тут и узнал купецкий сын, что жена без него родила ему двойчат.

333

Жил-был купец да помер; оставался у него сын Иван Несчаст-^{192b}ный — в большой бедности проживал. Пришелся он по мысли одной девице, дочке богатого купца; собралась идти за него замуж. Отец начал ее останавливать: «Что ты за такого за бедного замуж идешь? Я тебя лучше за богатого отдам». Она говорит: «Я не хочу за богатого; отдайте меня хоть за бедного, да желанного». Отдали ее за бедного, да желанного. Говорит она как-то Ивану Несчастному: «Поди в город, купи мне один золотник шелку». Он пошел и купил; принес своей жене шелку. Она вывязала ковер такой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать, и говорит мужу: «Поди, продай ковер».

Иван Несчастный понес в лавку и стал продавать старичку; а старичок наказывает: «Вышей ты мне еще такой ковер; я тебе зараз деньги отдам». Иван Несчастный пошел домой; спрашивает у него жена: «Что же, продал ковер?» Он говорит, что «я его купцу отдал, а деньги после отдаст; велел еще такой же вышить ковер». — «Ну, хорошо! Поди, купи два золотника шелку». Он купил; жена его вышила другой ковер, вдвое лучше того, и посылает своего Ивана Несчастливого продавать. Он понес ковер к прежнему купцу. Говорит ему купец: «Вышей ты мне третий ковер; я тогда за все разом деньги отдам». Купеческий сын пошел домой;

жена его спрашивает: «Что же ты, продал ковер?» Он говорит, что купец велел еще третий вышить.

Жена посылает Ивана Несчастливого купить три золотника шелку; он отправился в город и купил три золотника шелку, а она вышила третий ковер, еще лучше. Посылает Ивана Несчастливого продавать; он понес ковер опять к тому же купцу. Купец взял и третий ковер и говорит: «Что тебе — деньгами заплатить, или возьмешь с меня три добрые слова?» Иван Несчастный подумал про себя: «Вот у моего отца много денег было, а все прахом пошли! Дай-ка лучше три слова возьму». И сказал ему старик: «При радости не радуйся; при страсти не страшись; подними, да не опусти!» Иван Несчастный взял эти три слова и пошел домой. «Сколько за ковры получил?» — спрашивает жена. «Три добрые слова взял: при радости не радуйся; при страсти не страшись; подними, да не опусти!»

Пошел Иван Несчастный на корабли наниматься и нанялся в приказчики на тридцать кораблей. Поплыли по синему морю; плыли-плыли, вдруг ни с того ни с сего остановились все эти корабли и нейдут с места. Хозяин стал посылать в воду водолазов: «Кто полезет да дело исправит, тому (говорит) три корабля подарю». Иван Несчастный вспомнил, что ему старик сказал: при страсти не страшись! — и согласился лезть в воду. Опустили его на цепи; видит он: стоит под водою дом, в том доме сидят старик и девица, перед ними лежит осиновая плаха, в плахе топор торчит; крепко спорят они меж собою: девица говорит, что олово дороже; старик — что сталь дороже. Стали они спрашивать у Ивана Несчастливого: что дороже — олово или сталь? Отвечает он: «Сталь дороже». Тотчас старик ухватил топор и отрубил девице голову, а Ивану Несчастному дал три бриллиантовых камушка.

Вышел Иван Несчастный из-под воды, сейчас корабли поплыли; хозяин отдал ему три корабля. Поспорил Иван Несчастный с хозяином: у кого больше товару? Хозяин говорит: «У меня на двадцати семи кораблях больше!», а Иван Несчастный говорит: «У меня на трех больше!» Спорили-спорили и решили: у кого товару больше, тому отдать все корабли; стали смотреть и нашли у Ивана Несчастливого три камушка бриллиантовые — цены камушкам нет! Забрал Иван Несчастный все тридцать кораблей и поплыл в чужие земли; пристал к большому городу, выкинул флаг и распродал свой товар на много тысяч.

Воротился в свою родину и стал на якорях; тут все горожане удивились: как так, был Иван Несчастный ни при чем, жил бедно, а теперь сколько кораблей пригнал! Приходит Иван Несчастный в свой дом и видит: жена его с добрым молодцем целуется; поднял саблю и хотел зарубить их, да вспомнил доброе слово: «подними, да не опусти», стал свою жену расспрашивать и узнал, что тот молодец его сын: когда Иван Несчастный поехал на кораблях, в те поры жена без него родила. Обрадовался он, поздоровался, и начали себе жить да богатеть.

ил-был Иван Несчастный: куда ни пойдет работатъ — другим дают по рублю да по два, а ему все двугривенный. «Ах,— говорит он,— али я не так уродился, как другие люди? Пойду-ка я к царю да спрошу: отчего мне счастья нет?» Вот приходит к царю. «Зачем, брат, пришел?» — «Так и так, рассудите: отчего мне ни в чем счастья нет?» Царь созвал своих бояр и генералов, стал их спрашивать: они думали-думали, ломали-ломали свои головы, ничего не придумали. А царевна выступила, да и говорит отцу: «А я так думаю, батюшка: коли его женить, то, может, и ему господь пошлет иную долю». Царь разгневался, закричал на дочь: «Когда ты лучше нас рассудила, так ступай за него замуж!» Тотчас взяли Ивана Несчастного, обвенчали с царевною и выгнали обоих вон из города, чтоб об них и помину не было.

Пошли они на взморье. Говорит царевна своему мужу: «Ну, Иван Несчастный, нам не царевать, не торговать, надо о себе промышлять. Сделай-ка ты на этом месте пустыньку¹, станем жить с тобой, богу молиться да на людей трудиться». Иван Несчастный сделал пустыньку и остался в ней жить с молодой женою. На другой день дает ему царевна копейчку: «Поди, купи шелку!» Из того шелку она важный ковер вышила и послала мужа продавать. Идет Иван Несчастный с ковром в руках, а навстречу ему старик: «Что, продаешь ковер?» — «Продаю». — «Что просишь?» — «Сто рублей». — «Ну, что тебе деньги! Возьмешь — потеряешь; лучше отдай ковер за доброе слово». — «Нет, старичок! Я человек бедный, деньги надобны». Старик заплатил сто рублей; а Иван Несчастный пошел домой, приходит, хватъ — денег нету, дорогою выронил.

Царевна другой ковер сделала; понес Иван Несчастный продавать его и опять повстречал старика. «Что за ковер просишь?» — «Двести рублей». — «Ну, что тебе деньги! Возьмешь — потеряешь; отдай лучше за доброе слово». Иван Несчастный подумал-подумал: «Так и быть, скажывай!» — «Подними руку, да не опусти, а сердце скрепи!» — сказал старик, взял ковер и ушел. «Что же мне делать теперь с этим добрым словом? Как покажусь к жене с пустыми руками? — думает Иван Несчастный. — Лучше пойду куда глаза глядят!»

Шел-шел, далеко зашел и услышал, что в той земле двенадцатиглавый змей людей пожирает; сел Иван Несчастный на дороге — отдохнуть вздумал, и говорит сам с собой вслух: «Эхма! Будь у меня деньги, сумел бы я с этим змеем справиться, а теперь что? Без денег и разума нет». Шел мимо купец, услышал эти речи, что без денег и разума нет: «А что, — думает, — ведь и правда! Дай-ка я ему помогу». — «Сколько тебе, — спрашивает, — денег надобно?» — «Дай пятьсот рублей». Купец дал ему взаимы пятьсот рублей, а Иван Несчастный бросился на пристань, нанял работников и начал корабль строить. Издержал все деньги, а дело еще в начале: как быть? Пошел к купцу: «Давай, — говорит, — еще пятьсот;

¹ Пустынька — одинокая келья (Ред.)

не то работа остановится, и твои деньги задарма пропадут!» Купец дал ему другие пятьсот рублей; он и те в корабль всадил, а дело еще на половине. Опять приходит Иван Несчастный к купцу: «Давай, — говорит, — еще тысячу; не то работа остановится, и твои деньги задарма пропадут!» Купец хоть не рад, а дал ему тысячу. Иван Несчастный выстроил корабль, нагрузил его углем, забрал с собой кирки, лопатки, меха, рабочих людей и поплыл в открытое море.

Долго ли, коротко ли — приплывает он к тому острову, где было змеиное логовище. Змей только что нажрался и залег в своей норе спать. Иван Несчастный засыпал его кругом углем, развел огонь и давай раздувать мехами: пошел великий смрад по всему морю! Змей лопнул... Иван Несчастный взял тогда острый меч, отрубил ему все двенадцать голов и в каждой змеиной голове нашел по драгоценному камушку. Вернулся из похода, продал эти камушки за несчетные суммы — так разбогател, что и сказать не можно! Заплатил купцу свой долг и поехал к жене. Вот приезжает Иван Несчастный в пустыньку и видит: жена его живет с двумя молодцами, а то были его законные сыновья-близнецы (без него родились). Пришла ему в голову худая мысль, схватил он острый меч и поднял на жену руку... Вмиг припомнилось ему доброе слово: подними руку, да не опусти, а сердце скрепи! Иван Несчастный скрепил свое сердце, спросил царевну про тех молодцев, и начался у них пир-веселье. На том пире у я был, мед-вино пил, калачами заедал.

335. ДОЧЬ ПАСТУХА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; ¹⁹³накупило ему ходить холостому и задумал жениться; долго приглядывался, долго присматривался, и никак не мог найти себе невесты по сердцу. В одно время поехал он на охоту и увидел на поле: пасет скотину крестьянская дочь — такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать, а другой такой во всем свете не сыскать. Подъехал царь к ней и говорит ласково: «Здравствуй, красная девица!» — «Здравствуй, государь!» — «Которого отца ты дочь?» — «Мой отец — пастух, недалече живет». Царь расспросил про все подробно: как зовут ее отца и как слывет их деревня, распрощался и поехал прочь. Немного погодя, день или два, приезжает царь к пастуху в дом: «Здравствуй, добрый человек! Я хочу на твоей дочери жениться». — «Твоя воля, государь!» — «А ты, красная девица, пойдешь за меня?» — «Пойду!» — говорит. «Только я беру тебя с тем уговором, чтоб ни одним словом мне не поперечила; а коли скажешь супротив хоть единое словечко — то мой меч, твоя голова с плеч!» Она согласилась.

Царь приказал ей готовиться к свадьбе, а сам разослал по всем окрестным государствам послов, чтоб съезжались к нему короли и королевичи на пир на веселье. Собрались гости; царь вывел к ним свою невесту в простом деревенском платье: «Что, любезные гости, нравится ли вам моя невеста?» — «Ваше величество, — сказали гости, — коли тебе нравится, а нам и подавно». Тогда велел ей нарядиться в царские уборы, и поехали к венцу. Известное дело: у царя не пиво варить, не вино курить — всего вдоволь! Перевенчались и подняли пир на весь мир: пили-ели, гуляли и потешались. Отпировали, и зачал царь жить с своей молодой царицею в любви и согласии. Через год времени родила царица сына, и говорит ей царь грозное слово: «Твоего сына убить надо, а то соседние короли смеяться будут, что всем моим царством завладеет после меня мужицкий сын!» — «Твоя воля! Не могу тебе поперечить», — отвечает бедная царица. Царь взял ребенка, унес от матери и тайно велел отвезти его к своей сестре: пусть у ней растет до поры до времени. Прошел еще год — царица родила ему дочь; царь опять говорит ей грозное слово: «Надобно изгубить твою дочь, а то соседние короли смеяться будут, что она не царевна, а мужицкая дочь!» — «Твоя воля! Делай что знаешь, не могу тебе поперечить». Царь взял девочку, унес от бедной матери и отослал к своей сестре.

Много лет прошло, много воды утекло; царевич с царевною выросли: он хорош, она еще лучше — другой такой красавицы нигде не найти! Царь собрал своих думных людей, призвал жену и стал говорить: «Не хочу с тобой больше жить; ты — мужичка, а я — царь! Снимай царские уборы, надевай крестьянское платье и ступай к своему отцу». Ни слова не сказала царица, сняла с себя богатые уборы, надела старое крестьянское платье, воротилась к отцу и по-прежнему начала в поле скотину гонять. А царь задумал на иной жениться; отдал приказ, чтобы все было к свадьбе готово, и, призвав свою прежнюю жену, говорит ей: «Хорошенько приberi у меня в комнатах; я сегодня невесту привезу». Она убрала комнаты, стоит — дожидается.

Вот привез царь невесту, за ним следом наехало гостей видимо-невидимо; сели за стол, стали есть-пить, веселиться. «Что, хороша ли моя невеста?» — спрашивает царь у прежней жены. Отвечает она: «Если тебе хороша, так мне и подавно!» — «Ну, — сказал ей царь, — надевай опять царские уборы и садись со мной рядом; была ты и будешь моей женою. А эта невеста — дочь твоя, а это — сын твой!» С этих пор начал царь жить с своею царицею без всякой хитрости, перестал ее испытывать и до конца своей жизни верил ей во всяком слове.

336—337. ОКЛЕВЕТАННАЯ КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ

336

Был-жил купец, имел у себя двух детей: дочь да сына. Стал купец помирать (а купчиху-то прежде его на погост свезли) и приказывает: «Дети мои! Живите хорошо — в любви и совете, так, как мы с покойницей жили». Вот и помер; схоронили его и помянули, как следует. Немного погодя задумал купеческий сын за морем торговать; снарядил три корабля, нагрузил их разными товарами и стал сестре наказывать: «Ну, милая сестрица, еду я в дальнюю дорогу, оставляю тебя одну-одинешеньку дома; смотри же, веди себя скромно, в худые дела не вдавайся, по чужим людям не таскайся». После того поменялись они своими портретами: сестра взяла братнин портрет, а брат — сестрин; поплакали на расставанье и простились.

Купеческий сын снялся с якорей, отвалил от берега, поднял паруса и вышел в открытое море; плывет год, плывет другой, а на третий год приезжает к некоему богатому, стольному городу и останавливает свои корабли в гавани. Как скоро приехал, сейчас набрал блюдечку драгоценных камней да сверток лучшего бархату, камки¹ и атласу и понес к тамошнему царю на поклон. Приходит во дворец, подает царю гостинец и просит позволения торговать в его стольном городе. Полюбился царю дорогой гостинец, говорит он купеческому сыну: «Хорош твой дар! Сколько лет я на свете живу, никто так меня не учествовал; даю тебе за то первое место по торгу. Продавай-покупай, никого не бойся, а коли обида будет — прямо ко мне приходи; завтра я сам к тебе на корабль побываю».

На другой день приехал царь к купеческому сыну, стал по кораблю похаживать, товары осматривать и увидел в хозяйской каюте — портрет висит; спрашивает купеческого сына: «Чей это портрет?» — «Моей сестрицы, ваше величество!» — «Ну, господин купец, такой красоты я еще отродясь не видывал; а скажи по правде: какова она нравом и обычаем?» — «И тиха и чиста, как голубка!» — «Ну, коли так, быть ей царицею; возьми за себя замуж». А в те поры был при царе генерал, да такой злощій, завистный: чужое счастье ему поперек в горле становилось. Услыхал он царские речи и страшно озлобился: этак, пожалуй, придется нашим женам купчихе кланяться! Не выдержал и говорит царю: «Ваше величество! Не прикажите казнить, прикажите слово вымолвить». — «Сказывай!» — «Эта купеческая дочь вам вовсе не пара; я сам ее давно знаю, не раз с нею на постели леживал, в любовные игры поигрывал; совсем девка распутная!» — «Как же ты, иноземный купец, говоришь, что она тиха и чиста, как голубка, худыми делами не занимается?» — «Ваше величество! Коли генерал не врет, пусть достанет от моей сестры именно

¹ Камка — шелковая китайская ткань с разводами (Ред.).

перстень да узнает, какова у ней тайная примета есть». — «Хорошо, — говорит царь и дает тому генералу отпуск, — коли в срок не достанешь перстня да приметы не скажешь — то мой меч, твоя голова с плеч!»

Собрался генерал и поехал в тот город, где жила купеческая дочь; приехал и не знает, как ему быть? Ходит по улицам взад и вперед, такой кручинный, задумчивый. Попадается ему навстречу старушонка, просит милостыни; он ей подал. Спрашивает старуха: «О чем, господин, приздумался?» — «Что тебе сказывать? Ведь ты моему горю не пособишь». — «Кто знает — может, и пособлю!» — «Знаешь ты, где живет такая-то купеческая дочь?» — «Как не знать!» — «Ну так достань у нее именной перстень да разузнай, какова у ней тайная примета есть; сделаешь это дело, награжу тебя золотом». Старушонка потащила к купеческой дочери, постучалась в ворота, вошла в горницу, помолилась и стала рассказывать, что идет ко святым местам: не будет ли какого подаяния? Повела такие хитрые речи, что красная девица совсем заслушалась и не заметила, как проговорилась о своей тайной примете; пока то да се, старушонка стибрила со столика именной перстень и в руках запрятала. После того попросилась с хозяйкою и бегом к генералу, отдает ему перстень и говорит: «А тайная примета у купеческой дочери — золотой волосок под левою мышкою».

Генерал наградил ее щедрой рукою и отправился в обратный путь; приезжает в свое государство и является во дворец; и купеческий сын тут же. «Ну что, — спрашивает царь, — достал именной перстень?» — «Вот он, ваше величество!» — «А какова у купеческой дочери тайная примета?» — «Золотой волосок под левою мышкою». — «Так ли?» — спрашивает царь купеческого сына. «Точно так, государь!» — «Как же смел ты передо мною лгать? За твою вину велю казнить тебя». — «Царь-государь! Не откажи в последней милости, позволь написать к сестре письмо; пусть приедет, со мной попросится». — «Хорошо, — отвечал царь, — пиши; только я долго ждать не стану!» Отложил казнь на срок, а до того времени приказал заковать его в железа и посадить в темницу.

Вот купеческая дочь, как получила от брата письмо да прочитала, тотчас пустилась в дорогу; едет да золотую перчатку вяжет, а сама горько плачет: слезы падают бриллиантами; она те бриллианты подбирает да на перчатку сажает. Приехала в стольный город наскоро, наняла у бедной вдовы квартиру и спрашивает: «Что у вас в городе нового?» — «У нас новостей нет никаких, кроме того, что один иноземный купец через свою сестру страждает, завтрашний день его вешать будут». Поутру встала купеческая дочь, наняла карету, нарядилась в богатое платье и поехала на площадь; там уж виселица готова, войска расставлены, и народу набралось многое множество; вон уж и брата ее ведут. Она вышла из кареты и прямо к царю, подает ему ту перчатку, что дорогою связала, и говорит: «Ваше величество! Оцените, что такая перчатка стоит?» Царь посмотрел. «Ей, — говорит, — и цены нету!» — «Ну так ваш генерал был у меня в дому и точно такую перчатку украл — дружку этой самой; прикажите розыск сделать».

Царь позвал генерала: «Вот на тебя жалоба, будто ты дорогую пер-

чатку украл». Генерал начал божиться: ничего знать не знаю и ведать не ведаю. «Как же ты не знаешь? — говорит ему купеческая дочь. — Сколько раз бывал в моем доме, со мной на постели леживал, в любовные игры поигрывал...» — «Да я тебя впервой вижу! Никогда у тебя не бывал, и теперь — хоть умереть — не знаю: кто ты и откуда приехала». — «Так за что же, ваше величество, мой брат страдает?» — «Который брат?» — спрашивает царь. «А вон которого на виселицу привели!» Тут все дело начистоту открылося; царь приказал купеческого сына освободить, а генерала повесить; а сам сел с красной девицей, купеческой дочерью, в карету и поехал в церковь. Там они обвенчались, сделали большой пир и стали жить-поживать, добра наживать, и теперь живут.

337

В некотором царстве, в некотором государстве жил купец с купчихою; у него было двое детей: сын и дочь; дочь была такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать. Пришло время — заболела купчиха и померла; а вскоре после того захворал и купец, да так сильно, что не чает и выздороветь. Призвал он детей и стал им наказывать: «Дети мои милые! Скоро я белый свет покину, уж смерть за плечами стоит. Благословляю вас всем моим добром; живите после меня дружно и честно; ты, дочка, почитай своего брата, как отца родного, а ты, сынок, люби сестру, как мать родную». Вслед за тем купец помер; дети похоронили его и остались одни жить. Все у них идет ладно и любовно, всякое дело сообща делают.

Пожили они этак несколько времени, и вздумалось купеческому сыну: «Что я все дома живу? Ни я людей, ни меня люди не знают; лучше оставлю сестру — пусть одна хозяйничает, да пойду в военную службу. Коли бог даст счастья да жив буду — лет через десять заслужу себе чин; тогда мне от всех почет!» Призвал он свою сестру и говорит ей: «Прощай, сестрица! Я иду своею охотою служить богу и великому государю». Купеческая дочь горько заплакала: «Бог с тобой, братец! И не думала и не гадала, что ты меня одну покинешь!» Тут они простились, поменялись своими портретами и обещались завсегда друг друга помнить — не забывать.

Купеческий сын определился в солдаты и попал в гвардию; служит он месяц, другой и третий, вот уж и год на исходе, а как был он добрый молодец, собой статный, разумный да грамотный, то начальство скоро его узнало и полюбило. Не прошло и двух лет, произвели его в прапорщики, а там и пошли чины за чинами. Дослужился купеческий сын до полковника, стал известен всей царской фамилии; царь его жаловал, а царевич просто души в нем не чаял: называл своим другом и зачастую ездил к нему в гости погулять-побеседовать.

В одно время случилось царевичу быть у полковника в спальне; увидал он на стене портрет красной девицы, так и ахнул от изумления. «Неужели, — думает, — есть где-нибудь на белом свете такая красавица?»

Смотрел, смотрел, и влюбился в этот портрет без памяти. «Послушай,— говорит он полковнику,— чей это портрет?» — «Моей родной сестры, ваше высочество!» — «Хороша твоя сестра! Хоть сейчас бы на ней женился. Да подожди, улучу счастливую минутку, признаюсь во всем батюшке и стану просить, чтоб позволил мне взять ее за себя в супружество». С той поры еще в большей чести стал купеческий сын у царевича: на всех смотрах и ученьях кому выговор, кому арест, а ему всегда благодарность. Вот другие полковники и генералы удивляются: «Что б это значило? Из простого звания, чуть-чуть не из мужиков, а теперь, почитай, первый любимец у царевича! Как бы раздружить эту дружбу?» Стали разведывать и по времени разузнали всю подноготную. «Ладно,— говорит один завистливый генерал,— недолго ему быть первым любимцем, скоро будет последним прохвостом! Не я буду, коли его не выгонят со службы с волчьим паспортом!»

Надумавшись, пошел генерал к государю в отпуск проситься: надо-де по своим делам съездить; взял отпуск и поехал в тот самый город, где проживала полковничья сестра. Пристал к подгородному мужику на двор и стал его расспрашивать: «Послушай, мужичок! Скажи мне правду истинную: как живет такая-то купеческая дочь, принимает ли к себе гостей и с кем знается? Скажешь правду, деньгами награжу». — «Не возьму греха на душу,— отвечал мужик,— не могу ни в чем ее покорить; худых дел за нею не водится. Как жила прежде с братом, так и теперь живет — тихо да скромно; все больше дома сидит, редко куда выезжает — разве в большие праздники в церковь божию. А собой разумница да такая красавица, что, кажись, другой подобной и в свете нет!»

Вот генерал выждал время и накануне большого годового праздника, как только зазвонили ко всеобщей и купеческая дочь отправилась в церковь, он приказал заложить лошадей, сел в коляску и покатил к ней прямо в дом. Подъехал к крыльцу, выскочил из коляски, взбежал по лестнице и спрашивает: «Что, сестра дома?» Люди приняли его за купеческого сына; хоть на лицо и не схож, да они давно его не видали, а тут приехал он вечером, впотьмах, в военной одежде — как обман признать? Называют его по имени по отчеству и говорят: «Нет, сестрица ваша ко всеобщей ушла». — «Ну, я ее подожду; проведите меня к ней в спальню и подайте свечу». Вошел в спальню, глянул туда-сюда, видит — на столике лежит перчатка, а рядом с ней именное кольцо купеческой дочери, схватил это кольцо и перчатку, сунул в карман и говорит: «Ах, как давно не видал я сестрицы! Сердце не терпит, хочется сейчас с ней поздороваться; лучше я сам в церковь поеду». А сам на уме держит: «Как бы поскорей отсюда убраться, не ровен час — застанет! Беда моя!» Выбежал генерал на крыльцо, сел в коляску и укатил из города.

Приходит купеческая дочь от всеобщей; прислуга ее и спрашивает: «Что, видели братца?» — «Какого братца?» — «Да что в полку служит; он в отпуск выпросился, на побывку домой приехал». — «Где же он?» — «Был здесь, подождал-подождал да вздумал в церковь ехать; смерть, говорит, хочется поскорей сестрицу повидать!» — «Нет, в церкви его не было; разве куда в другое место заехал...» Ждет купеческая дочь своего

брата час, другой, третий; всю ночь прождала, а об нем ни слуху, ни весту. «Что бы это значило? — думает она. — Уж не вор ли какой сюда заходил?»

Стала приглядываться — так и есть: золотое кольцо пропало, да одной перчатки нигде не видно.

Вот генерал воротился из отпуска в столичный город и на другой день вместе с другими начальниками явился к царевичу. Царевич вышел, поздоровался, отдал им приказы и велел по своим местам идти. Все разошлись, один генерал остался. «Ваше высочество! Позвольте, — говорит, — секрет рассказать». — «Хорошо, сказывай!» — «Слух носится, что ваше высочество задумали на полковничьей сестре жениться; так смею доложить: она того не заслуживает». — «Отчего так?» — «Да уж поведенья больно зазорного: всем на шею так и вешается. Был я в том городе, где она живет, и сам прельстился, с нею грех сотворил». — «Да ты врешь!» — «Никак нет! Вот не угодно ль взглянуть? Она дала мне на память свое именное колечко да пару перчаток; одну-то перчатку я на дороге потерял, а другая цела...» Царевич тотчас послал за купеческим сыном-полковником и рассказал ему все дело. Купеческий сын отвечал царевичу: «Яловой отвечаю, что это неправда! Позвольте мне, ваше высочество, домой поехать и разузнать, как и что там делается. Если генерал правду сказал, то не велите щадить ни меня, ни сестры; а если он оклеветал, то прикажите его казнить». — «Быть по сему! Поезжай с богом». Купеческий сын взял отпуск и поехал домой, а генералу нарочно сказали, что царевич его с глаз своих прогнал.

Приезжает купеческий сын на родину; кого ни спросит — все его сестрой не нахвалятся. Увидался с сестрою; она ему обрадовалась, кинулась на шею и стала спрашивать: «Братец, сам ли ты приехал ко мне вот тогда-то али какой вор под твоим именем являлся?» Рассказала ему все подробно. «Еще тогда, — говорит, — пропала у меня перчатка с именным моим кольцом». — «А! Теперь я догадываюсь; это генерал схитрил! Ну, сестрица, завтра я назад поеду, а недели через две и ты вслед за мной поезжай в столицу. В такой-то день и час будет у нас большой развод на площади; ты будь там непременно к этому сроку и явись прямо к царевичу».

Сказано — сделано. В назначенный день собрались войска на площадь, приехал и царевич; только было хотел развод делать, вдруг прикатила на площадь коляска, из коляски вышла девица красоты неописанной и прямо к царевичу; пала на колени, залилась слезами и говорит: «Я — сестра вашего полковника! Прошу у вас суда с таким-то генералом, за что он меня опорочил?» Царевич позвал генерала: «Знаешь ты эту девицу? Она на тебя жалуется». Генерал вытаращил глаза. «Помилуйте, — говорит, — ваше высочество! Я ее знать не знаю, в первый раз в глаза вижу». — «Как же ты мне сам сказывал, что она тебе перчатки и золотое кольцо подарила? Значит, ты эти вещи украл?»

Тут купеческая дочь рассказала царевичу, как пропали у ней из дому кольцо и одна перчатка, а другую перчатку вор не заметил и не захватил: «Вот она — не угодно ль сличить?» Сличили обе перчатки — как раз

пара! Нечего делать, генерал повинулся, и за ту провинность осудили его и повесили. А царевич поехал к отцу, выпросил разрешение и женился на купеческой дочери, и стали они счастливо жить-поживать да добра наживать.

338. ЦАРИЦА-ГУСЛЯР

В некоем царстве, в некоем государстве жил-был царь с царицею; пожил он с нею немалое время и задумал ехать в ту чужедальнюю землю, где жиды Христа распяли. Отдал приказы министрам, попрощался с женою и отправился в дорогу. Долго ли, коротко ли — приехал в чужедальнюю землю, где жиды Христа распяли; а в той земле правил тогда проклятый король. Увидал этот король царя, велел схватить его и посадить в темницу. Много у него в темнице всяких невольников; по ночам в цепях сидят, а по утрам надевает на них проклятый король хомуты и пашет пашню до вечера. Вот в такой-то муке прожил царь целые три года и не знает, как ему оттудова вырваться, как дать о себе царице весточку? И выискал-таки случай, написал к ней письмо. «Продавай,— пишет,— все наше имение да приезжай выкупать меня из неволи».

Получила царица письмо, прочитала и всплакала: «Как мне выкупить царя? Если сама поеду — увидит меня проклятый король и возьмет к себе вместо жены; если министров пошлю — на них надежи нет!» И что ж она вздумала? Остригла свои косы русые, нарядилась музыкантом, взяла гусли и, никому не сказавшись, отправилась в путь-дорогу дальнюю. Приходит к проклятому королю на двор и заиграла в гусли, да так хорошо, что век бы слушал — не наслушался. Король как услышал такую славную музыку, тотчас велел позвать гуслияра во дворец. «Здравствуй, гуслияр! Из которой земли ты, из которого царства?» — спрашивает король. Отвечает ему гуслияр: «Сызмала хожу, ваше величество, по белому свету, людей веселю, да тем свою голову кормлю». — «Оставайся-ка у меня, поживи день, другой, третий; я тебя щедро награжу». Гуслияр остался; день-деньской перед королем играет, а тот все досыта не наслушается. Экая славная музыка! Всякую скуку, всякую тоску как рукой снимает.

Прожил гуслияр у короля три дня и приходит прощаться. «Что ж тебе за труды пожаловать?» — спрашивает король. «А пожалуй, государь, мне единюго невольника, у тебя много в темнице насажено; а мне нужен товарищ в дороге. Хожу я по чужедальным государствам; иной раз не с кем слова вымолвить». — «Изволь, выбирай себе любого!» — сказал король и повел гуслияра в темницу. Гуслияр оглянул заключенных, выбрал себе царя-невольника, и пошли они вместе странствовать. Подходят к своему госу-

дарству, царь и говорит: «Отпусти меня, добрый человек! Я ведь — не простой невольник, я сам царь; сколько хочешь, бери выкуп: ни денег, ни крестьян не пожалею». — «Ступай с богом, — говорит гуслияр, — мне твоего ничего не надо». — «Ну, хоть в гости ко мне зайди». — «Будет время — побываю». Тут они распрощались и пошли каждый своею дорогою.

Царица побежала окольною дорогою, прежде мужа домой поспела, сняла с себя гуслиярское платье и нарядилась, как быть следует. Через час времени закричали, забегали по дворцу придворные: царь пришел! Царица к нему навстречу бросилась, а он со всеми здоровается, а на нее и смотреть не хочет. Поздоровался с министрами и говорит: «Вот, господа, какова жена у меня! Теперь на шею бросается, а как сидел я в неволе да писал к ней, чтоб все добро продавала да меня выкупала — небось ничего не сделала. О чем же она думала, коли мужа позабыла?» Министры доложили царю: «Ваше величество! Как только царица получила ваше письмо, в тот же самый день неизвестно куда скрылась и все это время пропадала; во дворец только сегодня явилась».

Царь сильно разгневался и приказывает: «Господа министры! Судите мою неверную жену по правде по истинной. Где она по белу свету таскалась? Зачем не хотела меня выкупить? Не видать бы вам своего царя веки вечные, если б не молодой гуслияр; за него стану бога молить, ему половину царства не пожалею отдать». Тем временем царица успела нарядиться гуслияром, вышла на двор и заиграла в гусли. Царь услышал, побежал навстречу, схватил музыканта за руку, приводит во дворец и говорит своим придворным: «Вот этот гуслияр, что меня из неволи выручил!» Гуслияр сбросил с себя верхнюю одежду — и все тотчас узнали царицу. Тут царь возрадовался; начал на радостях пир пировать, да так целую неделю и прохлаждался.

339. ОТЕЦ И ДОЧЬ

В некотором царстве, не в нашем государстве жил-был богатый купец, у него жена была красавица, а дочь такова, что даже родную мать красотой превзошла. Пришло время, купчиха заболела и померла. Жаль было купцу, да делать нечего; похоронил ее, поплакал-погоревал и стал на свою дочь за-сматриваться. Обуяла его нечистая любовь, приходит он к родной дочери и говорит: «Твори со мной грех!» Она залилась слезами, долго его уговаривала-умоляла; нет, ничего не слушает. «Коли не согласишься, — говорит, — сейчас порешу твою жизнь!» И сотворил с нею грех насильно, и с того самого времени понесла она чадо. А у того купца было двенадцать приказчиков. Как только заметил он, что дочь тяжела, тотчас начал ее выспрашивать:

«Послушай, дочь моя милая! Когда ты родишь, на кого скажешь?» — «На кого мне сказывать? Прямо на тебя». — «Нет, дочка, ты на меня не сказывай, а лучше скажи на приказчика». — «Ах, отец, как я скажу понапрасну на человека невинного?» Сколько купец ее ни уговаривал, она все свое твердит. А время идет да идет.

Вдруг приезжает за ним гонец от государя: «Царь-де спрашивает». Приехал к царю: «Что, ваше величество, прикажете?» — «Собери корабли да поезжай в тридесятое государство за товарами». Ну, царя нельзя не послушаться; хоть не хочешь — поедешь. Велел купец изготовить все к походу, а сам к дочери: «В последний раз тебя, дочка, спрашиваю: когда ты родишь, на кого скажешь?» — «На кого мне сказывать? Прямо на тебя». Купец схватил острый меч со стены и отсек ей голову: кровь так и брызгнула! После взял убитую, отнес в сад и спрятал в погреб; сам сел на корабль и уехал в тридесятое государство.

Всем домом купеческим стал заправлять главный приказчик. Вот в первую же ночь снится ему, будто кто говорит: «Что ты спишь! Ничего не ведаешь, что у тебя приключилось?» Приказчик проснулся, взял ключи и пошел по кладовым; кажись, все кладовые обошел, а один ключ все лишний, и не придумает приказчик, что бы такое тем ключом было заперто. «Дай пойду в сад, поразгуляюся!» Только он в сад, а соловей сидит на кустике да громко поет, словно человеческим голосом выговаривает: «Добрый молодец! Вспомни про меня, я здесь лежу!» Приказчик стал присматриваться и набрел на погреб; еле-еле доискался входа — так заросло все травой да деревьями. Попробовал — лишний ключ как раз сюда пришелся; отворил дверь, а в том погребе стоит гроб, в гробу девица, кругом свечи горят воску ярого, по стенам образа в золотых ризах так и светятся. Говорит ему девица, дочь купеческая: «Сослужи мне службу, добрый молодец! Облегчи меня: возьми меч и вынь из меня младенца». Приказчик побежал за мечом; входит в ту самую горницу, где отец дочь загубил, смотрит — а на полу, где кровь текла, там цветы цветут! Взял меч, воротился в сад, разрезал у купеческой дочери чрево, вынул младенца и отдал его воспитывать своей матери.

Ни много, ни мало прошло времени, приехал купец из тридесятого государства; стал государю про свои дела докладывать, а мальчик прибежал во дворец, да все возле них увивается. «Чей такой славный ребенок?» — спрашивает царь. «Это сын моего приказчика». Царь пожелал видеть этого приказчика; позвали его во дворец, а он тотчас и рассказал все, как было. Царь приказал купца расстрелять, а мальчика взял к себе: и теперь при государе живет!

340. СОЛДАТ И ЦАРЬ В ЛЕСУ

некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик; ¹⁹⁷ у него было два сына. Пришла солдатчина, и взяла старшего сына в рекруты. Служил он государю верою и правдою, да таково счастливо, что в несколько лет дослужился до генеральского чина. В это самое время объявили новый набор, и пал жеребей на его меньшего брата; забрали ему лоб, и случилось так, что он попал в тот самый полк, в котором брат его был генералом. Солдат признал было генерала, да куды! тот от него начисто отказывается: «Я тебя не знаю, и ты меня не ведай!»

Раз как-то стоял солдат на часах у полкового ящика, возле генеральской квартиры; а у того генерала был большой званый обед, и наехало к нему много офицеров и бар. Видит солдат, что кому веселье, а ему — нет ничего, и залился горькими слезами. Стали его спрашивать гости: «Послушай, служивый, что ты плачешь?» — «Как мне не плакать? Мой родной брат гуляет да веселится, про меня не вспомянет». Гости рассказали про то генералу, а генерал рассердился: «Что вы ему верите? Сдуру врет!» Приказал сменить его с часов и дать ему триста палок, чтоб не смел в родню причитаться. Обидно показалось это солдату; нарядился в свою походную амуницию и бежал из полку.

Долго ли, коротко ли — забрался он в такой дикий, дремучий лес, что мало кто туда и захаживал, и стал там время коротать, ягодами да кореньями питаться. Вскоре после того собрался царь и выехал на охоту с большою свитою; поскакали они в чистое поле, распустили гончих собак, затрубили в трубы и начали тешиться. Вдруг откуда ни взялся — выскочил красивый олень, стрелой мимо царя и бух в реку; переплыл на другую сторону и прямо в лес. Царь за ним плыл-плыл, скакал-скакал... смотрит — олень из глаз скрылся, охотники далеко назади остались, а кругом густой, темный лес; куда ехать — неведомо, ни одной тропинки не видно. До самого вечера блуждал он и крепко умаялся. Попадаетея ему навстречу беглый солдат. «Здравствуй, добрый человек! Как сюда попал?» — «Так и так, поехал поохотиться, да в лесу заблудился; выведи, брат, на дорогу». — «Да ты кто таков?» — «Царский слуга». — «Ну, теперь темно; пойдем, лучше где-нибудь в овраге ночуем, а завтра я тебя на дорогу выведу».

Пошли искать — где бы им ночь переспать; шли-шли и увидали избушку. «Эва! Бог ночлег послал; зайдем сюда», — говорит солдат. Входят они в избушку; там сидит старуха. «Здорово, бабушка!» — «Здорово, служивый!» — «Давай нам пить да есть!» — «Сама бы съела, да нечего». — «Врешь ты, старая чертовка!» — сказал солдат и стал в печи да по полкам шарить; глядь — у старухи всего вдоволь: и вино припасено, и кушанье всякое изготовлено. Сели за стол, поужинали всласть и полезли на чердак спать. Говорит солдат царю: «Береженого и бог бережет! Пусть один из нас отдыхает, а другой на часах стоит». Кинули жеребей, доставалось первому царю сторожить. Солдат дал ему свой острый тесак, поставил у

дверей, приказал не дремать, а коли что случится — тотчас его разбудить; сам лег спать и думает: «Как-то будет мой товарищ на часах стоять? Пожалуй, с непривычки не сможет. Дай на него посмотрю».

Вот царь стоял-стоял, и начало его в сон клонить. «Что качаешься? — окликает его солдат. — Аль дремлешь?» — «Нет», — отвечает царь. «То-то, смотри!» Царь постоял с четверть часа и опять задремал. «Эй, приятель, никак ты спишь?» — «Нет, и не думаю». — «Коли заснешь, не пеняй на меня!» Царь постоял еще с четверть часа; ноги у него подкосились, свалился он на пол и заснул. Солдат вскочил, взял тесак и давай его уговать да приговаривать: «Разве так караул держат? Я десять лет прослужил, мне начальство ни одной ошибки не простило; а тебя, знать, не учили! Раз-другой простил, а уж третья вина завсегда виновата... Ну, теперь ложись спать; я сам на часы стану».

Царь лег спать, а солдат на часах стоит, глаз не смыкает. Вдруг зашвыряли-захлопали, приехали в ту избушку разбойники; старуха встречает их и говорит: «К нам-де гости ночевать пришли». — «Ладно, бабушка! Вот мы целую ночь понапрасну проездили, а наше счастье само в избу привалилось. Давай-ка наперед ужинать!» — «Да ведь гости наши всё приели, всё выпили!» — «Ишь, смельчаки какие! Да где они?» — «На чердак спать забралась». — «Ну, я пойду с ними сделаюсь!» — сказал один разбойник, взял большой нож и полез на чердак; только просунул было в дверь голову, солдат как шаркнет тесаком — так голова и покатила; солдат тотчас втащил на чердак туловище, стоит-ждет: что дальше будет? Разбойники ждали-ждали, и говорят: «Что он долго возится?» Послали другого; солдат и того убил. Вот так-то в короткое время перебил он всех разбойников.

На рассвете проснулся царь, увидел трупы и спрашивает: «Ах, служивый, куда мы попались?» Солдат рассказал ему все, как было. Потом сошли они с чердака. Увидал солдат старуху и закричал на нее: «Постой, старая чертовка! Я с тобою разделаюсь. Ишь, что выдумала — разбой держать! Подавай сейчас все деньги!» Старуха открыла сундук, полон золота; солдат насыпал золотом ранец, набил все карманы и говорит своему товарищу: «Бери и ты!» Отвечает царь: «Нет, брат, не надобно; у нашего царя и без того денег много, а коли у него есть — и у нас будут». — «Ну, как знаешь!» — сказал солдат и повел его из лесу; вывел на большую дорогу. «Ступай, — говорит, — по этой дороге; через час в городе будешь». — «Прощай, — говорит царь, — спасибо тебе за услугу. Побывай ко мне, я тебя счастливым человеком сделаю». — «Полно врать! Ведь я в бегах, если в город покажусь — сейчас схватят». — «Не сомневайся, служивый! Меня государь очень любит; коли я за тебя попрошу да про твою храбрость расскажу, он не то что простит, еще тебя пожалеет». — «Да где тебя найдешь?» — «Прямо во дворец приходи». — «Ну, ладно; завтра побываю».

Распрощался царь с солдатом и пошел по большой дороге; приходит в свой столичный город и, не мешкая, отдает приказ по всем заставам, абвахтам¹ и караулам, чтоб не зевали: как скоро покажется такой-то сол-

¹ *Абвахта* — гауптвахта (Ред.).

дат, сейчас отдавали бы ему генеральскую честь. На другой день только показался солдат у заставы, сейчас весь караул выбежал и отдал ему генеральскую честь. Дивуется солдат: что б это значило? и спрашивает: «Кому вы честь отдаете?» — «Тебе, служивый!» Он вынул из ранца горсть золота и дал караульным на водку. Идет по городу: куда ни покажется, везде часовые ему честь отдают — только успевай на водку отсчитывать. «Экой, — думает, — болтун этот царский слуга! Всем успел разблаговестить, что у меня денег много». Подходит ко дворцу, а там уже войско собрано, и встречает его государь в том самом платье, в котором на охоте был. Тут только узнал солдат, с кем он в лесу ночь ночевал, и крепко испугался: «Это-де царь, а я с ним, словно с своим братом, тесаком управился!» Царь взял его за руку, перед всем войском благодарил за свое спасение и наградил генеральским чином, а старшего брата его в солдаты разжаловал: не отказывайся вперед от роду от племени!

341. СОЛДАТ И РАЗБОЙНИК

ил-был мужик да баба; мужик-то разбоем промышлял, а жена ему помогала. Вот раз поехал он на разживу; дома оставалась одна баба. На ту пору случилось проходить той деревней солдату; постучался к ней в окно и просится: «Пусти переночевать, хозяйюшка!» — «Ступай!» Солдат вошел в избу, снял с себя ранец и лег спать. Немного погодя приезжает хозяин, увидал гостя и говорит: «Ну слава богу, хоть на дороге не выездил, да в избе нашел!» Сел ужинать и велит жене: «Разбуди-ка солдата! Пусть и он со мной поужинает». Вот и солдат уселся за стол; хозяин наливает ему стакан вина — он выпил; наливает другой — и другой выпил; наливает третий — а он больше не пьет, отнекивается. «Не чванься! Хоть пей, хоть не пей — все равно помирать!» — сказал хозяин; вылез из-за стола, взял в руки топор и говорит: «Ну, служивый, молись богу; немного тебе жить осталось!» Солдат начал просить, умолять, чуть не в землю кланяется — нет, ничего не берет. Стал он на колени перед святою иконою и так усердно, от всего сердца молится да в грехах кается. «Скорей молись! Пора!» А солдат все стоит да молится.

Вдруг кто-то стукнул в окно, и неведомый голос провестился: «Служба, а служба! Что ты копаешься; иди, я тебя давно дожидаюсь». Мужик испугался и топор выронил, а солдат надел ранец и вышел на крыльцо — стоит тройка добрых коней; он сел в повозку — лошади понеслись, и не успел солдат очнуться — глядь: перед ним отцовский двор. Тройка пропала, словно ее и не было. Возблагодарил солдат бога за свое спасение и пошел в избу; отец с матерью обрадовались ему, не знают — как принять,

чем угостить. Живет у них солдат день и другой; на третий приезжает к ним в гости тот самый мужик, что хотел было порешить солдата; вишь, разбойник-то был женат на его родной сестре, только солдат про то не ведал, да и сестра его не признала. Сейчас за стол, стали есть да пить; разбойник смекнул, что его дело неладно, сидит — не пьет, а солдат его потчует: «Хоть пей, — говорит, — хоть не пей — все одно помирать!» — «Бог с тобой, сынок! Что ты говоришь нехорошее?» — напустились на него отец с матерью. Солдат рассказал все, как было; тут разбойника схватили, заковали и в острог отправили.

342—343. РАЗБОЙНИКИ

342

ил-был поп с попадьёю; у них была дочка Аленушка. Вот ¹⁹⁹этого попа позвали на свадьбу; он собрался ехать с женою, а дочь оставляет домоседкою. «Матушка! Я боюсь оставаться одна», — говорит Аленушка матери. «А ты собери подружек на посиделки, и будешь не одна». Поп и попадьё уехали, а Аленушка собрала подружек; много сошлось их с работою: кто вяжет, кто плетет, а кто и прядет. Одна девица уронила невзначай веретено; оно покатилося и упало в трещину, прямо в погреб. Вот она полезла за веретеном в погреб, сошла туда, смотрит, а там за кадушкою сидит разбойник и грозит ей пальцем. «Смотри, — говорит он, — не рассказывай никому, что я здесь, а то не быть тебе живой!» Вот вылезла она из погреба бледная-бледная, рассказала все шепотом одной подружке, та другой, а эта третьей, и все, перепуганные, стали собираться домой. «Куда вы? — уговаривает их Аленушка. — Пойдите, еще рано». Кто говорит, что ей надо по воду идти; кто говорит, что ей надо отнести к соседу холст, — и все ушли. Осталась одна Аленушка.

Разбойник услышал, что все приутихло, вышел из погреба и говорит ей: «Здравствуй, красная девица, пирожная мастерица!» — «Здравствуй!» — отвечает Аленушка. Разбойник осмотрел все в избе и вышел посмотреть еще на дгэре, а Аленушка тем временем поскорей двери заперла и огонь потушила. Разбойник стучится в избу: «Пусти меня, а то я тебя зарежу!» — «Не пуш; коли хочешь, полезай в окно!» — а сама приготовила топор. Только разбойник просунул в окно голову, она тотчас ударила топором и отрубила ему голову, а сама думает: скоро приедут другие разбойники, его товарищи; что мне делать? Взяла отрубленную голову и завязала в мешок; после притащила убитого разбойника, разрубила его

на куски и поклала их в разные мешки и горшки. Прошло ни много ни мало, приехали разбойники и спрашивают: «Справился ли?» Они думали, что товарищ их жив. «Справился,— говорит Аленушка голосом разбойника,— вот два мешка денег, вот крынка масла, вот ветчина!» — и подает приготовленные мешки и горшки в окно. Разбойники забрали все это, да на воз. «Ну, поедем!» — говорят они. «Поезжайте,— говорит Аленушка,— а я посмотрю, нет ли еще чего». Те и уехали.

Рассвело. Поп с попадѣй воротились со свадьбы. Она и рассказала им все, как было: «Так и так, сама разбойников победила». А разбойники приехали домой, да как поглядели в мешки и в горшки, так и ахнули: «Ах она такая-сякая! Хорошо же, мы ее сгубим!» Вот нарядились они хорошо-хорошо и приехали к попу свататься за Аленушку, а в женихи ей выбрали дурачка, нарядили и его. Аленушка сметила их по голосу и говорит отцу: «Батюшка! Это не сваты, это те же разбойники, что прежде приезжали». — «Что ты врешь? — говорит поп. — Они такие нарядные!» А сам-то рад, что такие хорошие люди приехали свататься за его дочь и приданого не берут. Аленушка плакать — ничего не помогает. «Мы тебя из дому прогоним, коли не пойдешь теперь замуж!» — говорит поп с попадѣю. И просватали ее за разбойника и сыграли свадьбу. Свадьба была самая богатая.

Повезли разбойники Аленушку к себе, и только въехали в лес и говорят: «Что ж, здесь станем ее казнить?» А дурачок и говорит: «Хочь бы она денечек прожила, я бы на нее поглядел». — «Ну, что тебе, дураку, смотреть!» — «Пожалуйста, братцы!» Разбойники согласились, поехали и привезли Аленушку к себе, пили-пили, гуляли-гуляли; потом и говорят: «Что ж, теперь пора ее сказнить!» А дурачок: «Хочь бы мне одну ноченьку с нею переночевать». — «Ну, дурак, она, пожалуй, еще уйдет!» — «Пожалуйста, братцы!» Разбойники согласились на его просьбу и оставили их в особой клети.

Вот Аленушка и говорит мужу: «Пусти меня на двор — я простужусь»¹. — «А ну как наши-то услышат?» — «Я потихонечку; пусти хочь в окошко». — «Я бы пустил, а ну как ты уйдешь?» — «Да ты привяжи меня; у меня есть славный холст, от матушки достался; обвяжи меня холстом и выпусти, а когда потянешь — я опять влезу в окно». Дурачок обвязал ее холстом. Вот она это спустилась, поскорей отвязалась, а вместо себя привязала за рога козу и немного погодя говорит: «Тящи меня!» — а сама убежала. Дурачок потащил, а коза — мекеке-мекеке! Что ни потянет, коза все — мекеке да мекеке! «Что ты мекэкаешь? — говорит молодой. — Наши услышат, сейчас же тебя изгубят». Притащил — хватъ — а за холст привязана коза. Дурачок испугался и не знает, что делать: «Ах она проклятая! Ведь обманула». Поутру входят к нему разбойники. «Где твоя молодая?» — спрашивают его. «Ушла». — «Ах ты, дурак, дурак. Ведь мы ж тебе говорили, так нет!»

Сели верхами и поскакали нагонять Аленушку; едут с собаками, хло-

¹ Простудиться — прохладиться, подышать свежим воздухом.

пают да свищут — такая страсть! Аленушка услышала погоню и влезла в дупло сухого дуба и сидит там ни жива ни мертва, а вокруг этого дуба собаки так и вьются. «Нет ли там ее? — говорит один разбойник другому. — Ткни-ка, брат, туда ножом». Тот ткнул ножом в дупло и попал Аленушке в коленку. Только Аленушка была догадлива, схватила платок и обтерла нож. Посмотрел разбойник на свой нож и говорит: «Нет, ничего не видать!» И опять они поскакали в разные стороны, засвистали и захолопали.

Когда все стихло, Аленушка вылезла из дупла и побежала; бежала-бежала, и слышит опять погоню. А по дороге, видит она, едет мужик с корытами и лотками. «Дяденька, спрячь меня под корыто!» — просит она. «Эка ты какая нарядная! Ты вся вымарашься». — «Пожалуйста, спрячь! За мной разбойники гонятся». Мужик раскидал корыта, положил ее под самое нижнее и опять сложил. Только что успел кончить, как наехали разбойники. «Что, мужик, не видал ли такой-то женщины?» — «Не видал, родимые!» — «Врешь! Сваливай корыта». Вот он стал сбрасывать корыта и посбросал уж все, кроме последнего. «Нечего, братцы, здесь искать; поедemте дальше!» — сказали разбойники и поскакали с гамом, свистом и хлопаньем.

Когда все стихло, Аленушка и просит: «Дяденька, пусти меня!» Мужик выпустил ее, и она опять побежала; бежала-бежала, и слышит опять погоню. А по дороге, видит она, едет мужик — везет кожи. «Дяденька, — молит она, — спрячь меня под кожи! За мной разбойники гонятся!» — «Эка, вишь ты какая нарядная! Под кожами ты вся вымарашься». — «Ничего, только спрячь!» Мужик раскидал кожи, положил ее под самую нижнюю и опять сложил все по-прежнему. Только что успел кончить, как наехали разбойники. «Что, мужик, не видал ли такой-то женщины?» — «Не видал, родимые!» — «Врешь! Сваливай кожи». — «Да зачем, родимые, стану я разбрасывать свое добро?» Разбойники бросились сами сбрасывать кожи и посбросали, почитай, все кожи; только две-три оставалось. «Нечего, братцы, здесь искать; поедemте дальше!» — сказали они и поскакали с гамом, свистом и хлопаньем.

Когда не стало слышно ни стуку этого, ни грома, она и просит: «Дяденька, пусти меня!» Мужик выпустил ее, и она опять побежала; бежала-бежала, и пришла домой в полночь, да и легла в стог сена, закопалась туда вся и заснула. Рассвело. Поп пошел давать коровам сена, и только воткнул вилами в стог — Аленушка и схватилась руками за вилы. Поп оробел, крестится и говорит: «С нами крестная сила! Господи помилуй!» Потом уж спросил: «Кто там?» Аленушка узнала отца и вылезла из сена. «Как ты сюда попала?» — «Так и так, вы отдали меня разбойникам; они хотели меня убить, да я убежала», — и рассказывает все страсти. Немножко погодя приезжают к попу разбойники, а он Аленушку спрятал. Поп спрашивает: «Жива ли, здорова дочка моя?» — «Слава богу! Она осталась дома хозяйничать», — говорят разбойники, и сели они как бы в гостях; а поп тем временем собрал солдат, потом вывел дочь и говорит: «А это кто?» Тут разбойников похватили, связали — да в тюрьму.

Задумали отец с матерью в город ехать, а дочери говорят: «Останься ты, дочка, здесь; на ночь созови к себе подруг, тебе и не скучно будет». Вечером сидят подружки да прядут; уронила одна початок¹, початок покатился — да под пол. Хозяйка зажгла лучину, подняла доску — а там разбойник сидит. Девушки испугались, жутко им стало, и разбежались по дворам. Тут вылез разбойник. «Где, — говорит, — деньги? Подай, не то худо будет». Хозяйка отперла сундук, подняла крышку и держит. «Бери!» — говорит. Разбойник нагнулся в сундук, а она хлоп его крышкою по шее и убила до смерти.

Через несколько дней высватали ее разбойники и увезли с собой в густой, дремучий лес. Там у них дом был выстроен. Входит девица в одну горницу — горница вся в кровавых пятнах; входит в другую — там коник² весь полон человеческими головами. Положили разбойники зажить сварить девицу в котле и посылают ее воду носить. Нечего делать — пошла за водой, пришла к колодцу, сняла с себя платок да платье, надела на столбик, а сама поскорей вон бежать.

Бежит по лесу, и пристигла ее ночь темная и непогода страшная, дождь так и поливает. Увидала суковатый дуб, влезла на него. «Лучше, — думает, — здесь переночую; авось не отыщут!» А тем временем жених-то ее хватился: «Ребята, — говорит товарищам, — ведь девка бежала; надо ее искать». Поехали. Плутали, плутали по лесу и наткнулись на суковатый дуб. «Не здесь ли она?» — говорит один разбойник и давай пикой ширять, да все ей в пятки да в пятки. Девица молчит, а кровь так и каплет. Разбойник думает: «Это дождь идет!» На ее счастье такая темь была, что ничего не узнаешь; вот разбойники так ни с чем и домой воротились.

Утром, только светать стало, она прибежала домой и рассказала про все отцу-матери. Заплакали отец с матерью. «Ах ты, дитяtko милое! Сгубили было тебя, а всё польстились на синие кафтаны, на красные шелковые кушаки да бархатные шапки!» А разбойники на том положили, что куда ей уйти, верно в лесу звери съели, и говорят меж собой: «Поедем к девкину отцу к матери, скажем, что их дочь больна, зовет проведать; привезем их сюда, да и порешим всех, а худоба³ и деньги — все наше будет!»

Оседлали коней и поехали; только на двор — увидала их девица и поскорей нарядилась работником. Разбойники вошли в избу, начали пирировать. «Где же дочка наша? — спрашивает отец. — Что с собой не взяли?» — «Да она захворала, приказала вас в гости звать». — «Не хотите ли, — спрашивает хозяин, — я позабавлю вас сказочкой; есть у меня работник — большой мастер сказки сказывать». — «Что ж, это дело хорошее! Рады послушать». Пришла переодетая дочь и стала рассказывать

¹ Веретено с намотанными нитками.

² Коник — ларь для спанья [в избе] (Ред.).

³ Платье.

все, што с нею случылось, разбойнікі догадалісь, што это былъ, а не сказка, кинулись к лошадям, да не тут-то было: тотчас их схватили, веревками скрутили и отдали под суд.

344. КОРОЛЕВНА И РАЗБОЙНИКИ

Выў сабе круль з крулёвай, і мелі адну дачку вельмі харошую, ²⁰⁰ і да яе сваталіся дванаццаць кавалераў¹, а тые кавалеры былі ўсе разбойнікі. Тые разбойнікі прасілі, каб калі-небудзь яна да іх прыйшла багата ўбранная. Аднаго разу, без ведама айца², яна сабралася дый пашла па той дарозе, па якой яны ёй наказалі. Ідзе яна дак ідзе лесам, аж у лесе стаіць палац³. Вайшла ў той палац, аж у першай хаце стаяць бочкі з кровей⁴ чалавечай, у другой хаце ўсё чалавечыя голавы, ногі, рукі, у трэцяй ўсё тулубы⁵ чалавечыя, у чацвёртай самыя боты⁶ і чаравікі⁷, у пятай адзенне⁸ суконнае і матэрыі, у шостай і у сёмай срэбро і брыльянты, а восьмая — тая хата, гдзе жылі разбойнікі.

Хадзіла яна, хадзіла па ўсех пакоях, і як пачула⁹ стук — схавалася пад ложку. Сядзіць яна там аж ўходзяць тые дванаццаць разбойнікаў і прыводзяць с сабою некую вельмі харошую і багатую панну: ўзялі яну разабралі¹⁰ дагала, палажылі на калодку і зарэзалі, а после зачалі знімаць персцёнкі з рук, і з аднаго пальца ніяк¹¹ не маглі зняць. Адзін кажа, што аддайце мне гэты персцёнак. «Добра!» — казалі ўсе. Ён узяў сакеру і як рубнуў, дак палец з персцёнкам паляцеў пад тое ложку, гдзе сядзела кraleўна. Разбойнік палез пад ложку шукаць¹² персцёнка; але як было цёмна, то не знайшоў персцёнка і адлажыў да заўтра.

Кraleўне аж млосно¹³ зрабілася са страху, бо яна чула ўсю іх гутарку¹⁴. Яны гаварылі, каб як-небудзь звясці кraleўну да сябе ўбранную і после забіць. Доўго гулялі, пілі, елі разбойнікі, а як падышла поўнач, дак ўсе парасходзілісе: адзін пашоў у лес, другі пашоў на гасцінец¹⁵, трэці на другі гасцінец, а рэшта¹⁶ парасходзілісь ў усе стороны. Кraleўна, як яны павыходзілі, вылязла з-пад ложка дый пайшла проста дадому. Прыйшоўшы дадому, яна нічога нікому не казала, што бачыла, і лягла спакойна спаць.

1 Женихов.
2 Отца.
3 Дворец.
4 С кровью.
5 Туловища.
6 Сапоги.
7 Башмаки.
8 Одежда, платье.

9 Послышала.
10 Раздели.
11 Никак, никаким образом.
12 Искать.
13 Тошно.
14 Разговор.
15 Большая дорога.
16 Остальные.

На другі дзень рана расказала кралеўна аб усём свайму бацьку, і ён, канечна, захацеў іх палавіць. Аж таго самаго дня прыезджаюць усе тые разбойнікі на абед да караля. Доўго сядзелі тые разбойнікі, а пасле сталі абедать. Як толькі зачалі есці, кралеўна зачала так расказаць: «Мне снілася сягодня, што пашла да вас ў госьці. Ішла я дак ішла той дарогай, якой вы мне наказалі, аж стаіць палац; ўхаджу я ў той палац, аж у першай хаце стаяць бочкі з кровёй чалавечай, у другой хаце голавы, ногі, рукі, у трэцім пакоі тулубы чалавечыя, у чацвёртым пакоі самыя боты і чаравікі, у пятым пакоі адзенне суконнае і матэрыі, у шостым пакоі самае срэбро і брыльянты. А пасле пачула стук і схавалася пад ложку. Сядзела я там, сядзела, аж ўходзяць дванаццаць мушын і прывялі з сабою адну вельмі харошую і багатую панну; палажылі яну на калодку і зарэзалі. Пасле пазнімалі персцёнкі з рук, але аднаго персцёнка ніяк не маглі зняць. Дак адзін разбойнік кажэ: аддайце мне гэты персцёнак, я яго зніму. Яны аддалі той персцёнак, і ён адрубаў яго з пальцам; але той палец паляцеў пад тое ложка, гдзе я сядзела».

Калі гэта расказвала кралеўна, разбойнікі ўсе пачырванелі¹⁷ і дагада-ліся, што кралеўна была ў іх і ўсё бачыла. Пасле кралеўна выняла персцёнак з пальцам з кішэні¹⁸ і сказала: «Гэта, што я гаварыла, мне не снілося, але было праўда!» Тые разбойнікі, бачучы, што будзе кепско¹⁹, з-за сталі дый у ногі²⁰ праз окна; але там сядзелі прыгатаваныя людзі, каторыя іх усіх палавілі, павязалі і прывялі да караля. Кароль зараз казаў прыгатаваць железныя бórаны ўсіх дванаццаць разбойнікаў парасцягаць; а кралеўну аддаў замуж за аднаго вялікага кралевіча. Вяселля было гучнае²¹, а па вяселлі прыехалі да таго палацу, гдзе жылі разбойнікі, і пазабіралі ўсё багацтва і, прыехаўшы назад, далі бал, на каторым і я быў, мед-піво піў, па барадзе цякло, ў роце не было.

345. МУДРАЯ ДЕВИЦА И СЕМЬ РАЗБОЙНИКОВ

ил-был крестьянин, у него было два сына: меньшой был²⁰¹ в дороге, старшой при доме. Стал отец помирать и оставил сыну при доме все наследство, а другому ничего не дал; думал, что брат брата не изобидит. Как отец-то помер, старшой сын его похоронил и все наследство у себя удержал. Вот приезжает другой сын и горько плачет, что не застал отца в живых. Старшой ему и говорит: «Отец мне все одному оставил!» И детей-то у него не было, а у меньшого был сын родной да дочь-приемыш.

¹⁷ Покраснели, побагровели.

¹⁸ Из кармана.

¹⁹ Плохо.

²⁰ То есть бегать.

²¹ Шумное, громкое.

Вот старшой получил все наследство, разбогател и стал торговать дорогими товарами; а меньшей был беден, рубил в лесу дрова да возил на рынок. Соседи, жалея его бедность, собрались и дают ему денег, чтобы он хоть мелочью торговал. Бедняк боится, говорит им: «Нет, добрые люди, не возьму я ваши деньги; неравно проторгуюсь — чем я вам долг заплачу?» И уговорились двое соседей как-нибудь ухитриться да дать ему денег. Вот как поехал бедный за дровами, один из них настиг его окольной дорогой и говорит: «Поехал я, братец, в дальний путь; на дороге отдал мне должник триста рублей — не знаю, куда их девать! Домой ворочаться не хочется; возьми, пожалуй, мои деньги, похрани у себя, а лучше-ка торгуй на них; я приеду не скоро; после выплатишь мне понемножку».

Бедный взял деньги, привез домой и боится, как бы их не потерять, как бы жена не нашла да не издержала заместо своих. Думал-думал, и спрятал в малёнку¹ с золой, а сам ушел со двора. Приехали без него меновщики — вот что скупают золу да меняют ее на товар. Баба взяла и отдала им эту малёнку с золой. Вернулся домой муж, видит, что малёнки нет, спрашивает: «Где зола?» Жена отвечает: «Я ее продала меновщикам». Вот он испугался, тоскует и горюет, а только все молчит. Видит жена, что он печален; приступила к нему: «Что за напасть с тобой случилась? Отчего так печален?» Он и признался, что в золе были спрятаны у него чужие деньги; рассердилась баба — и рвет, и мечет, и слезами заливается: «Зачем ты мне не поверил? Я б получше твоего припрятала!»

Опять поехал мужик по дрова, чтобы потом на рынке продать да хлеба купить. Настигает его другой сосед, говорит ему те же самые речи и дает под сохрану пятьсот рублей. Бедняк не берет, отказывается, а тот ему насильно всунул деньги в руку и поскакал по дороге. Деньги-то были бумажками; думал-думал: куда их положить? Взял да промеж подкладки и спрятал в шапку. Приехал в лес, шапку повесил на елку и начал рубить дрова. На его беду прилетел ворон и унес шапку с деньгами. Мужик потужил, погоревал, да, видно, так тому и быть! Живет себе по-прежнему, торгует дровишками да мелочью, кое-как перебивается. Видят соседи, что времени прошло довольно, а у бедного торг не прибывает; спрашивают его: «Что ж ты, братец, худо торгуешь? Али наши деньги затратить боишься? Коли так, лучше отдай наше добро назад». Бедный заплакал и рассказал, как пропали у него ихние деньги. Соседи не поверили и пошли просить на него в суд. «Как рассудить это дело? — думает судья. — Мужик — человек смиренный, неимущий, взять с него нечего; коли в тюрьму посадить — с голоду помрет!»

Сидит судья, пригорюнясь, под окошком, и взяло его большое раздумье. На то время как нарочно играли на улице мальчишки. И говорит один — такой бойкий: «Я бурмистр буду: стану вас, ребята, судить, а вы приходите ко мне с просьбами». Сел на камень; а к нему подходит другой мальчишка, кланяется и просит: «Я-де вот этому мужичку дал денег

¹ Малёнка — деревянная кадочка, мерка, пудовка (Ред.).

взаймы, а он мне не платит; пришел к твоей милости суда на него просить». — «Ты брал займы?» — спрашивает бурмистр у виноватого. «Брал». — «Почему ж не платишь?» — «Нечем, батюшка!» — «Слушай, челобитчик! Ведь он не отрицается, что брал у тебя деньги, а заплатить ему не вмоготу, так ты отсрочи ему долг лет на пять — на шесть, авось он поправится и отдаст тебе с лихвою. Согласны?» Мальчишки оба поклонились бурмистру: «Спасибо, батюшка! Согласны». Судья все это слышал, обрадовался и говорит: «Этот мальчик ума мне дал! Скажу и я своим челобитчикам, чтоб отсрочили они бедному». По его словам согласились богатые соседи обождать года два-три; авось тем временем мужик поправится!

Вот бедный опять поехал в лес за дровами, полвоза нарубил — и сделалось темно. Остался он на ночь в лесу: «Утром-де с полным возом ворочусь домой». И думает: где ему ночевать? Место было глухое, зверей много; подле лошади лечь — пожалуй, звери съедят. Пошел он дальше в чащу и влез на большую ель. Ночью приехали на это самое место разбойники — семь человек, и говорят: «Дверцы, дверцы, отворитесь!» Тотчас отворились дверцы в подземелье; разбойники давай носить туда свою добычу, снесли всю и приказывают: «Дверцы, дверцы, затворитесь!» Дверцы затворились, а разбойники поехали снова на добычу. Мужик все это видел, и когда кругом его стихло — спустился с дерева: «А ну-тка я попробую — не отворятся ль и мне эти дверцы?» И только сказал: «Дверцы, дверцы, отворитесь!» — они в ту ж минуту и отворились. Вошел он в подземелье, смотрит — лежат кучи золота, серебра и всякой всячины. Возрадовался бедный и на рассвете принялся таскать мешки с деньгами; дрова долой сбросил, нагрузил воз серебром да золотом и поскорей домой.

Встречает его жена: «Ох ты, муж-муженек! А я уж с горя пропадала; все думала: где ты? Либо деревом задавило, либо зверь съел!» А мужик веселехонек: «Не кручинься, жена! Бог дал счастья, я клад нашел; пособляй-ка мешки носить». Кончили работу, и пошел он к богатому брату; рассказал все, как было, и зовет с собой ехать по счастью. Тот согласился. Приехали вместе в лес, отыскивали ель, крикнули: «Дверцы, дверцы, отворитесь!» Дверцы отворились. Начали они таскать мешки с деньгами; бедный брат наложил воз — и доволен стал, а богатому все мало. «Ну ты, братец, поезжай, — говорит богатый, — а я за тобой скоро буду». — «Ладно! Не забудь же сказать: «Дверцы, дверцы, затворитесь!» — «Нет, не забуду». Бедный уехал, а богатый никак не может расстаться: всего вдруг не увезешь, а покинуть жаль! Тут его и ночь застигла. Приехали разбойники, нашли его в подземелье и отрубили ему голову; снимали свои мешки с возу, заместо того положили убитого, настегали лошадь и пустили на волю. Лошадь бросилась из лесу и привезла его домой. Вот атаман разбойничий и бранит того разбойника, что убил богатого брата: «Зачем ты убил его рано? Надо было наперед спросить, где он живет? Ведь у нас много добра убыло: видно, он же повытаскал! Где теперь найдем?» Есаул говорит: «Ну, пускай тот и доискивается, кто его убил!»

Недолго спустя стал тот убийца разведывать; не отыщется ли где их золото? Приходит как есть к бедному брату в лавочку; то-другое поторговал, заметил, что хозяин скучен, задумывается, и спрашивает: «Что так приуныл?» А тот и говорит: «Был у меня старшой брат, да беда стряслась: кто-то убил его, третьего дня лошадь на двор привезла с отрубленной головою, а сегодня похоронили». Разбойник видит, что на след попал, и давай расспрашивать; притворился, будто очень жалеет. Узнал, что после убитого вдова осталась, и спрашивает: «Хоть есть ли у сироты свой-то уголок?» — «Есть — дом важный!» — «А где? Укажи мне». Мужик пошел, указал ему братнин дом; разбойник взял кусок красной краски и положил на воротах заметку. «Это для чего?» — спрашивает его мужик. А тот отвечает: «Я-де хочу помочь сироте, а чтоб легче дом найти — нарочно заметку сделал». — «Э, брат! Моя невестка ни в чем не нуждается: слава богу, у нее всего довольно». — «Ну, а ты где живешь?» — «А вот и моя избушка». Разбойник и у него на воротах положил такую ж заметку. «А это для чего?» — «Ты, — говорит, — мне очень понравился; стану к тебе на ночлег заезжать; поверь, брат, для твоей же пользы!» Вернулся разбойник к своей шайке, рассказал все по порядку, и уговорились они ехать ночью — ограбить и убить всех в обоих домах да воротить свое золото.

А бедный пришел ко двору и рассказывает: «Сейчас спознался со мной молодец, запятнал мои ворота — стану, говорит, к тебе завсегда на постой заезжать. Такой добрый! А как о брате сожалел, как хотел невестке помочь!» Жена и сын слушают, а дочь-приемыш говорит ему: «Батюшка, не ошибся ли ты? Ладно ли этак будет? Не разбойники ль это убили дядюшку, а теперь хватились своего добра да нас разыскивают? Пожалуй, наедут, разграбят, и от смерти не уйдешь!» Мужик испугался: «А что дивить? Ведь я его допрежде того никогда не видывал. Вот беда! Что же делать-то станем?» А дочь говорит: «Поди же ты, батюшка, возьми краски да по всему околотку и запятнай ворота такими же метками». Мужик пошел и запятнал ворота во всем околотке. Приехали разбойники и не могли ничего разыскать; воротились назад и приколотили разведчика: зачем неладно пятнал? Наконец рассудили: «Видно, мы на хитрого напали!» и погода немного приготовили семь бочек; в шесть бочек посадили по разбойнику, а в седьмую масла налили.

Поехал прежний разведчик с этими бочками прямо к бедному брату, приехал под вечер и попросился ночевать. Тот и пустил его, как знакомого. Дочь вышла на двор, стала осматривать бочку, одну открыла — в ней масло, другую попробовала открыть — нет, не сможет; припала ухом и слушает, а в бочке кто-то шевелится и дышит. «Э, — думает, — да тут недобрая хитрость!» Пришла в избу и говорит: «Батюшка! Чем будем гостя потчевать! Сем-ка² я пойду затоплю печку в задней избе да изготовлю чего-нибудь поужинать». — «Ну что ж, ступай!» Дочь ушла, затопила печь, да между стряпней все воду греет, кипяток носит да в бочки льет; всех разбойников заварила. Отец с гостем поужинали; а дочь

² Дай-ка.

сидит в задней избе да караулит: что-то будет? Вот когда хозяева уснули, гость вышел на двор, свистнул — никто не откликается; подходит к бочкам, кличет товарищей — нет ответа; открывает бочки — оттуда пар валит. Догадался разбойник, запряг лошадей и убрался со двора с бочками.

Дочь заперла ворота, пошла будить своих домашних и рассказала все, что сделалось. Отец и говорит: «Ну, дочка, ты нам жизнь спасла, будь же законной женой моему сыну». Веселым пирком и свадьбу сыграли. Молодая одно отцу твердит, чтобы продал свой старый дом да другой купил: крепко боялась разбойников! Не ровен час — опять пожалуют. Так и случилось. Через некое время тот самый разбойник, что приехал с бочками, снарядился офицером, приехал к мужику и просится ночевать; его пустили. Никому невдомек, только молодая признала и говорит: «Батюшка! Ведь это прежний разбойник!» — «Нет, дочка, не тот!» Она замолчала; да как стала спать ложиться — принесла вострый топор и положила подле себя; всю ночь глаз не смыкала, все караулила. Ночью офицер встал, берет свою саблю и хочет ее мужу голову отсечь: она не сробела, махнула топором — и отрубила ему правую руку, махнула еще раз — и голову снесла. Тут отец уверился, что дочка его подлинно премудрая; послушался, продал дом и купил себе гостиницу. Перешел на новоселье, начал жить, богатеть, расторгиваться.

Заезжают к нему соседи — те самые, что давали ему денег да после на него в суде просили. «Ба! Ты как здесь?» — «Это мой дом, недавно купил». — «Важный дом! Видно, у тебя деньга водится. Что ж ты долгу не платишь?» Хозяин кланяется и говорит: «Слава богу! Мне господь дал, я клад нашел и готов заплатить вам хоть втрое». — «Хорошо, брат! Давай же теперь новоселье праздновать». — «Милости просим!» Вот погуляли, попраздновали; а при доме сад куда хорош! «Можно сад посмотреть?» — «Извольте, честные господа! Я и сам с вами пойду». Ходили, ходили по саду, и нашли в дальнем углу маленку золы. Хозяин как увидал, так и ахнул: «Честные господа! Ведь это та самая маленка, которую моя жена продала». — «А ну-тка, нет ли в золе денег?» Вытряхнули, а они тут и есть. Тогда соседи поверили, что мужик им правду сказывал. «Станем, — говорят, — деревья осматривать; ведь шапку-то ворон унес — верно, в ней гнездо свил». Ходили-ходили, увидели гнездо, стщили баграми — как есть та самая шапка! Выбросили гнездо и нашли деньги. Заплатил им хозяин долг свой и стал жить богато и счастливо.

346. СЧАСТЬЕ И НЕСЧАСТЬЕ

Віў чалавек бедны, не меў ні снасціны¹, ні скаціны, а дзецей²⁰² меў шмат². Прыйшла вясна, а яму няма чым гараць; людзі ідуць з сахою і скацінаю, а ён ідзе з жалязніком. Устрачае ён дзве панны, а тые панны былі: адна — Шчасце, а другая Няшчасце. Пытаюць яго: «Куды, чалавеча, ідзеш?» Так ён кажа: «Панначкі маі, кралёўначкі! Мае такое няшчасце: людзі ідуць з скацінаю, а я з жалязніком; няма чым пражывіць³ дзяцей». Дак тые, адна з другою гаворачы, кажуць: «Надарым мы яго». Дак Шчасце кажа: «Калі твой⁴, то ты яго і надары». Дак вынялі і далі яму дзесяць рублёў і сказалі: «Ідзі да хаты і купі сабе вала». Дак ён прышоў да хаты і тые грошы⁵ схваў ў гаршок, дзе быў пópел. Назаўтра прыйшла да яго суседка, кума багатая, дый кажа: «Чы няма ў вас попелу, бо мае палотна вельмі рудыя?»⁶ — «Вазьмі сабе, вот у гарнушку⁷ стаіць», — сказала беднага чалавека жонка. Мужык, каторага не было дома, стаў аглядацца і ніяк не ўбачыў гаршка з попелам дый стаў на жонку крычаць: «Куды дзела грошы з гаршком?» Жонка зачала бажыцца, што не ведала, што там былі грошы, і сказала, што гаршок узала суседка кума. А после мужык пашоў да кумы і стаў прасіць, каб аддала грошы. Яна каже, што я не бачыла іх у цябе нікалі. Мужык пайшоў да пана, і там не знайшоў справы⁸; бо пан сказаў, што ты грошай нікалі ня меў, а хочэш толькі ў яе адабраць. Так грошы мужыка прапалі.

Плакаў ён, плакаў, дый ізноў ідзе з жалязніком, аж устрачае тые дзве панны. Ён іх не пазнаў, а яны яго пазналі. А после пытаюць таксама⁹, як упярод¹⁰; ён ім таксама адказаў, як упярод, і яны далі яму дваццаць рублёў. Мужык зноў прышоўшы дадому, схваў грошы ў гумне ў патруху¹¹. Назаўтра прыйшла тая самая кума і зачала прасіць патрухі для цялят, і жонка беднага мужыка зноў дала патруху, бо ня ведала, што там грошы. Мужык, прышоўшы да дому, пайшоў ў гумно выняць грошы і зноў не знайшоў. Прышоў ў хату і стаў свáрыцца¹² на жонку, куды дзела грошы з патрухаю? Жонка сказала, што кума прыходзіла і забрала патруху. Дак той мужык таксама, як упярод, хадзіў да кумы і да пана, але нідзе не знайшоў справы: ўсе казалі, што у цябе нікалі грошей не было.

Мужык паплакаў дый ізноў ідзе і спатыкае¹³ тые самыя панны, і яны далі яму толькі два грашы і сказалі: «Ідзі да рэчкі Нёмна¹⁴, там будуць лавіць рыбу дый ніяк не зловяць. Ты папрасі, каб на тваё шчасце закінулі». Ён так і зрабіў¹⁵; пайшоў да Нёмна і папрасіў, каб на яго шчасце

¹ Домашней рухляды.

² Довольно, много.

³ Прокормить.

⁴ Т. е. бесталаный, несчастный.

⁵ Деньги.

⁶ Замаваны, нечисты.

⁷ Маленький горшок с ручкой.

⁸ Суда, справки, правды.

⁹ Точно так же.

¹⁰ Вперед, прежде.

¹¹ Мякина, труха.

¹² Браниться.

¹³ Встречает.

¹⁴ Немана.

¹⁵ Сделал.

закінулі. Як закінулі, дак там многа выцягнулі рыбы, што недзе было дзець. Рыбакі запыталіся: «Колькі бы табе даць за гэта?» Ён кажа, што прадайце мне за два грашы. Яны прадалі адну рыбку за два грашы, а другую далі яму дарам. Мужык, узяўшы тые рыбки, пайшоў да дому і аддаў жонцы, каб зварыла. Жонка вельмі была рада з дзецьмі з тых рыбак і не варыла, а плажыла так. Аж ехаў адзін пан цераз тое сяло; той мужык пайшоў адчыніць ¹⁶ варота і зачаў смяецца, а пан запытаўся: «Чаго ты смяеся?» І ён сказаў, што ў мяне ёсць такая рыбка: хто на рыбку гляне, то кажны смяецца. Таму пану вельмі захацелася рыбка і за тую рыбку даў мужыку пару валоў, пару коней і толькі збожа ¹⁷, колькі мужык хацеў. Ітак мужык знайшоў сваё шчасце ў двух грашах.

347. УБОГИЙ

Жил-был Нестерка, было у него детей шестерко; детей-то ²⁰ много, да имения никакого, нечем ему с семьей кормиться, а воровать боится. Вот он запряг повозку, забрал детишек и поехал по миру. Едет дорогою, оглянулся назад — лежит в грязи старичок безногий. И просит этот старичок: «Возьми меня, пожалуйста, с собою!» — «Куда мне тебя, батюшка, — отвечает Нестерка, — у меня шестеро детей, а лошадь худая». Опять просит безногий: «Возьми меня, пожалуйста!» Нестерка взял этого убогого, посадил на повозку и поехал. Говорит ему убогий: «Давай мы с тобой бросим жеребей, кому быть из нас большим братом». Бросили они жеребей, доставалось быть большим братом убогому.

Приехали в деревню. Убогий приказывает: «Поди, просись ночевать вот в этот дом». Нестерка стал проситься ночевать; вышла старуха, отвечает ему: «У нас негде, и без вас тесно!» Вернулся Нестерка к убогому. «Сюда не пускают», — говорит; а убогий опять его посылает: непременно просись! Пошел Нестерка и таки выпросился ночевать; въехал на двор, стал носить своих детей в избу, и убогого перенес. Велит ему хозяйка: «Клади ты своих детей под лавку, а безногого на полати посади!» Посадил он безногого на полати, а детей под лавку положил. «Где твой муж?» — спрашивает хозяйку убогий. «На разбой поехал и двух сыновей взял».

Вот приезжает домой хозяин, впустил двенадцать возов на двор — все серебром насыпаны, отложил лошадей и пришел в избу. Увидал нищих и закричал на хозяйку: «Что ты за людей напустила?» — «Это

¹⁶ Отворить.

¹⁷ Жита, хлеба.

нищие, ночевать выпросились». — «Нужно было! И на улице б ночевали!» Сел хозяин с хозяйкою и с двумя сыновьями ужинать, а нищих не зовут. Убогий вынул половину просвирки, сам покушал и Нестерке и детишкам его дал; все сыты наелись. Хозяин только удивляется: «Отчего так: мы четверо целый хлеб съели — и то впроголодь, а их восьмеро половиной просвирки сыты?» Как заснули хозяева, убогий и посылает Нестерку на двор посмотреть, что там делается. Нестерка вышел — все лошади овес едят. В другой раз посылает его убогий: «Поиди, опять посмотри!» Вышел он, посмотрел — на всех лошадях хомуты надеты. В третий раз посылает Нестерку убогий; опять вышел он — все лошади запряжены. Воротился в избу и говорит: «Все лошади в упряжи стоят». — «Ну, — сказал убогий, — теперь выноси своих детей и меня да поедем».

Сели они на свою повозку и поехали со двора, а двенадцать хозяйских лошадей вслед за ними с возами пошли. Ехали-ехали, и приказывает убогий, чтобы сходил Нестерка в тот дом, где они ночевали, да рукавицы взял: «Я-де на полатях забыл». Пришел Нестерка — а того дома как не бывало, сквозь землю провалился! Одни рукавицы на печном столбу уцелели. Взял он рукавицы, приходит к убогому и говорит, что весь дом провалился сквозь землю. «Это господь за разбой покарал! Возьми себе эти двенадцать возов со всем, что есть», — сказал убогий и из глаз пропал. Нестерка приехал домой, посмотрел — все возы серебром засыпаны, и стал он богато жить.

Посылает его жена: «Что, — говорит, — лошади так гуляют? Поезжайка в извоз». Он собрался и поехал в город. Повстречала его на дороге неведомо чья девица: «Это, — говорит, — не твои лошади!» — «Не мои, — отвечает Нестерка, — коли ты признала их — возьми, бог с тобой!» Девица взяла двенадцать лошадей, а мужик домой воротился. На другой день пришла к нему под окно эта девица и говорит: «На, возьми своих лошадей; я с тобой пошутила, а ты их и отдал!» Нестерка взял лошадей, смотрит, а в возах больше прежнего серебра да золота насыпано!

348—350. БЕССТРАШНЫЙ

348

некотором царстве жил купеческий сын; сильный, смелый,^{204а} смолоду ничего не боялся; захотелось ему страсти¹ изведать, и поехал он с работником странствовать. Долго ли, коротко ли — приехали они к дремучему лесу, а тут как нарочно и смерклося. «Поезжай в лес!» — говорит купеческий сын. «Эх, хозяин, сюда страшно ехать; ведь теперь ночь, могут либо звери напасть, либо разбойники обидеть». — «Вот испугался! Делай, что приказываю». Вехали они в лес и спустя немного увидели: висит на одном дереве мертвец. Работник еще пуще набрался страху, а купеческому сыну все нипочем — снял мертвеца с дерева, положил в повозку и велел ехать дальше. Через час — через два подъезжают они к большому дому; в окна огонь светится. «Ну, вот и знатно: есть где переночевать!» — говорит купеческий сын; а работник упирается: «Лучше в лесу ночевать, чем в этом доме; того и гляди к разбойникам попадем — оберут нас до нитки, да и смерти не миновать!» И впрямь тут жили разбойники; но купеческий сын ничего не слушает, сам и ворота отворил и на двор въехал. Выпряг лошадей и берет с собой работника в хоромы.

Входят — а там за большим столом сидят разбойники, все в богатой одежде, у всех при боку славные сабли; пьют разные напитки да едят рыбу. «Здравствуйте, господа, — сказал им купеческий сын, — посадите-ка и меня с собой попить-покушать». Разбойники смотрят на него: что за молодец? — и не отвечают ни слова. Незванный гость сам к столу подходит, взял кусок рыбы, съел и говорит: «Ну, господа, плоха ваша рыба! Эй, работник, поди-ка принеси сюда ту белужину, что в повозке лежит». Работник сбегал, принес мертвеца. Купеческий сын взял мертвое тело, бросил на стол и принялся ножом кромсать; отрезал кусок, понюхал и закричал: «Нет, нехороша и эта белужина! Работник! Лови-ка живых!» А сам на разбойников показывает; разбойники с испугу разбежались в разные стороны и попрятались кто куда. «Ну вот, ты боялся! Где же страсть-то? — спрашивает купеческий сын работника. — Сядем лучше за стол да поужинаем». Сели, напились-наелись, а ночевать не остались; запрягли лошадей и поехали в путь-дорогу.

Вот подъезжают они к кладбищу. «Стой! — закричал купеческий сын. — Остановимся здесь ночевать». А работник опять за свое. «Тут страшно, по ночам мертвецы встают!» — «Экой ты, всего боишься!» Остановились и легли спать на могиле. Купеческий сын заснул, а работнику и сна нет. Вдруг из той могилы подымается мертвец в белом саване, огромного роста; навалился на купеческого сына и начал его душить. Тот пробудился, сшиб мертвеца под себя и принялся, в свою очередь, бить и мучить всячески. Мертвец терпел-терпел и стал пощады просить.

¹ Страха.

«Я тебя, пожалуй, отпущу (говорит купеческий сын), если ты через час унесешь и доставишь мне дочь такого-то царя, что живет отсюда за тридцать земель». — «Доставлю, только отпусти!» Купеческий сын отпустил мертвеца, и через час времени возле его повозки появилась спящая царевна — на той же самой кровати, на какой обыкновенно она почивала в царских палатах. Купеческий сын не будил царевны до тех пор, пока она сама не проснулась; а воротившись домой, вступил с нею в законное супружество.

Много купеческий сын по разным землям странствовал, а страху нигде не испытал; приехал домой, и вот что случилось с ним в некое время. Имел он сильную охоту рыбу ловить; целые дни и ночи на реке проводил. Матери его больно не нравилось, что он надолго из дому отлучался; вот она и попросила рыбаков как-нибудь испугать его. Рыбаки наложили ершей и, как скоро заметили, что купеческий сын, плавая в лодке, заснул, — подплыли к нему потихоньку и положили ему за пазуху несколько ершей. Ерши затрепетались, купеческий сын вскочил, испугался и упал в воду, кое-как выплыл и тут-то впервые узнал, что такое страх!

349

В некоем царстве, в некоем государстве был барин — такой смелый, ничего не боялся, и был у него слуга Фомка. Собрались они и поехали в путь-дороженьку. Долго ли, коротко ли они ехали, пристигала их в лесу темная ночь. Едучи лесом, увидели они землянку, а в землянке огонь горит. «Фомка, — сказал барин, — поезжай к огню». Подъехали к землянке, вошли, смотрят — мертвец лежит. Барин говорит: «Фомка, давай здесь ночевать!» — «Нет, барин, я боюсь; лучше дальше поедем». — «Дурак, стану я для тебя по лесу плутать!» Взял барин плетъ и лег подле мертвеца; а Фомка залез в печь, изогнул заслон, протащил к себе, после опять расправил, закрыл печь заслоном и уперся в него ногами. Ударило полночь — мертвец встал и напал на незванного соседа; барин не будь плох, ухватил плетъ и ну его жарить. Долго билась она; наконец, запел кочет — мертвец упал на свое место, а барин кричит: «Фомка! Чего поробил¹? Вылезай из печи, клади мертвеца в повозку». Фомка вылез и потащил мертвеца в повозку.

Сели и поехали дальше; целый день были в дороге, а к вечеру в село приехали. Смотрят: стоит народ на улице и горько плачет. «О чем, мужички, плачете?» — спрашивает барин. «Как нам не плакать, батюшка! Поводилась к нам ходить Смерть и ест наших детей каждую ночь по очереди». — «А ну, покажите мне вашу Смерть». — «Да вот она в этот дом придет». Барин говорит: «Фомка! Поедем-ка на охоту, не удастся ли еще?» Подъехали к тому дому и просятся ночевать. «Нет, барин, — отвечают хозяева, — нельзя нам тебя пустить, потому что ныне ночью к нам Смерть придет; мы уж припасли ей мальчика». — «Пожалуйста, пустите!

¹ Оробел.

Мне посмотреть хочется, что за Смерть такая?» Пустили его; барин взошел в избу, взял в руки плеть и сел на лавку. В самую полночь пришел мертвец. Барин спрашивает его: «Кто пришел?» — «Смерть!» — «А есть ли у тебя билет?» — «Что за спрос! Разве у Смерти бывают билеты?» Барин зачал его плетью дуть; насилу мертвец вырвался и пустился на кладбище — в свою могилу; барин за ним, положил на той могиле примету и воротился в избу. Тут ему большую честь воздали.

Наутро сказал барин: «Фомка! Запрягай лошадей, поедем на могилы; я там что-то забыл». Поехали. Барин нашел заримеченную могилу, разрыл и вытащил оттуда мертвеца. «Фомка! Бери его, клади в повозку». Фомка положил, стало у них два мертвеца. «Ну,— говорит барин,— теперь с нас довольно; есть и осетр и белуга!» Поехали дальше; приезжают в другое село, а здесь народ плачет. «Что, мужички, плачете?» — спросил барин. «Как нам, батюшка, не плакать? Возле нас в лесу живут разбойники, всячески нас обижают, грабят и до смерти побивают». — «А в каком месте живут разбойники?» Мужики указали. «Фомка,— сказал барин,— поедем на охоту, не будет ли еще удача?» Поехали; стоит в лесу большой дом, смотрит в окно атаман и говорит: «Ну, ребята, едет к нам какой-то барин; вот мы его поздравим с приездом!»

Барин въехал на двор, взошел в горницу, а там двенадцать человек разбойников сидят за столом да обедают. «Здорово, молодцы!» — сказал барин и велел Фомке тащить осетра да белугу. Фомка притащил мертвцов и прямо на стол. «Ну, ребята, кушайте»,— угощает барин разбойников; они поробили, ничего не отвечают. «Фомка! Принеси-ка плеть, я их заставлю есть!» Фомка подал плеть, барин взял и начал направо и налево разбойников хлестать; те вскочили да бежать! Так все и ушли. Барин говорит: «Ну, Фомка, наша взяла! Давай искать денег». Забрали все, что нашли у разбойников, и поехали дальше.

Приезжают к морю-океану; стоит на берегу большой трехэтажный дом. «Фомка! Выпрягай лошадей да пойдем в дом». Возшли на самый верхний этаж и увидели — сидит царевна и горькими слезами разливается. «Что, девица, плачешь?» — спрашивает барин. «Как мне не плакать, молодец! Выпал мне жребий быть взятой нечистыми; вот сейчас придут черти и потащут в море!» Барин стал дожидаться. Наперед прибежал маленький чертенок. «Ты куда?» — закричал на него барин. «За царевною; меня дедушка послал». — «А есть ли у тебя билет?» — «Что за билет, ведь мы — черти!» — «Знаю, что черти! А зачем живете безданно, беспощинно?» Схватил плеть и зачал чертенка бить. Чертенок кое-как вырвался и без памяти убежал в море; пересказал обо всем сатане. Сатана послал много-много чертей; барин тех плетью повыгнал, тех в окно повыкидал.

Прибежал сам сатана. «Что ты, брат, буянишь? Или хочешь быть больше меня?» — «А ты кто таков?» — спрашивает барин. — «Есть ли у тебя билет?» — «Экой ты дурак! Ну, какой там билет? Ведь я — сатана!» — «Постой же, вот я тебя, умника! Фомка, подай плеть да щипцы раскаленные!» — ну его щипать да плетью бить. Сатана и так и сяк вертелся, не мог скоро вырваться, начал просить у барина милости. Барин

отпустил его еле жива, и убежал он без оглядки в море. После приезжает туда царь в печальной ризе, увидел живую дочь — и возрадовался великою радостью. Стал ее расспрашивать; царевна рассказала, кто и как избавил ее от смерти. Царь возблагодарил барина и отдал за него дочь свою. Барин женился и поехал с своею женою на старое жительство; случись ему ехать мимо того моря, где черти живут. Увидали его черти, собираются навстречу бежать, хотят его в воду толкнуть; но сам сатана закричал: «Не можете его трогать; он шутя придет, нас всех перебьет!» Барин приехал домой благополучно и поныне живет счастливо.

350

ил на свете бесстрашный барин; захотелось ему странствовать, взял своего слугу и поехал в дорогу. Ехали-ехали, добрались к ночи в одну деревеньку и остановились ночевать в крайней избушке. Входят в избушку — никого нет, только лежит на столе мертвец, а перед ним стоит закуска да штоф с водкою. Бесстрашный сел с своим слугою за стол, поужинали, водочки испили и углеглись на лавках. В самую полночь смотрят — мертвец пошевелился и закачал головою; а то был колдун: давно уж владел он этой избушкою, всех жильцов разогнал. Каждое утро приходили сюда его сродственники, наготовят ему кушаньев, поставят штоф водки и уйдут; ровно в полночь колдун встанет, поест и выпьет все дочиста, а как придет время петухам петь — ляжет на свое место и лежит неживой целые сутки.

«Что, брат, головой качаешь? — спрашивает колдуна бесстрашный барин. — Али выпался?» Колдун молчит, не отвечает; приподнялся и давай шарить водку да закуски. «Эх, земляк, — говорит бесстрашный, — ты, я вижу, есть хочешь? Ну, брат, извини, мы всё приели и выпили; не ведали, что ты проснешься, а то б и тебе оставили». Колдун бросился на барина, и принялись драться; бились-бились, барин был сильный, прижал его к самой двери, дверь отворилась — и колдун упал в сени, так через порог и брякнулся. Бесстрашный заперся на крюк и лег спать, а колдун разозлился и ну грызть дверь зубами. Долго возился, совсем было прогрыз — как вдруг петухи запели, и упал он наземь, окостенел, не движется; как есть мертвец! «Возьмем его с собою, — говорит барин своему слуге, — нам троим веселей в дороге будет!»

Подняли они мертвеца, положили в повозку, сели и поехали. Едут дорогою, глядь — в стороне дерево, на дереве покойник висит, за ноги привязан. «Стой! — закричал барин. — Видишь ли ты, братец, вон на дереве человек висит?» — «Вижу», — отвечает слуга. «Надо его снять! Может, он без вины, напрасно повешен». Положили и другого мертвеца в повозку, ударили по лошади и поехали дальше. Перед вечером остановились в поле, покормили лошадь, отдохнули, а как стемнело — опять в путь собрались. Едут себе как ни в чем не бывало; в полночь поднимается колдун, берется за барина, а другой мертвец схватил его самого за шиворот: «Ах ты, разбойник, — говорит, — за что его терзаешь? Я три

года висел на дереве, никто не хотел меня снять, а он, спасибо ему, пожалел меня!» Сцепились мертвецы друг с дружкой, давай барахтаться и свалились с повозки; идут по дороге следом за тою повозкою да все дерутся... Пришло время петухам кричать — оба посеред дороги так и повалились. «Останови-ка лошадь, — сказал барин своему слуге, — надо их поднять». — «Ну их к богу! Как бы беды не нажить!» — «Ничего, они еще пригодятся нам». Взяли мертвецов, уложили и поехали.

Близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли — приезжают в большой столичный город; в том городе король жил, у того короля был славный дворец выстроен, весь золотом изукрашен, а жить в нем нельзя было; уж много-много лет пустой стоял. Поселилась во дворце нечистая сила, и сколько ни вызывалось богатырей, храбрецов — никто не смог ее выжить оттуда; с вечеру пойдет богатырь во дворец и здоровый и сильный, а к утру одни косточки останутся. Вот приходит бесстрашный к королю: «Прикажи-де квартиру отвести; я — человек чужестранный». — «Есть у меня, — сказывает король, — отличный дворец, только нечистая сила им завладела; коли хочешь, остановись там; отдаю тебе тот дворец в вечное владение. А выгонишь нечистых, еще награждение пожалую». Бесстрашный согласился. Приехал в пустой дворец, видит — покои большие, убранство знатное. «Что, братец, — говорит своему слуге, — хороша квартира?» — «Чего лучше!» — «Ну, теперь таскай дрова как можно больше, накладывай полны печи и зажигай: пусть жарко горят!» Слуга натаскал целые вороха дров и затопил печи: докрасна накалил. Вечером пошел бесстрашный к повозке, забрал обоих мертвецов и тащит в горницы. «Эх, барин, — говорит слуга, — что ты с ними таскаешься? Ведь от них покоя всю ночь не видать!» — «Молчи, дурак! Я сам знаю, что делаю!» — отвечает барин; положил мертвецов рядышком на постель, а сам лег вместе с слугою под кровать.

В двенадцать часов начался шум да гам, прибежали три черта, глядь — на постели незваные гости лежат. «Это что за люди? Как вы смели сюда зайти?» А бесстрашный, лежа под кроватью, отзывается: «Не все вам, проклятые, здесь жить! Теперь наш черед пришел — надо нам, добрым молодцам, повеселиться! Аль не видите, как печки натоплены?» — «Как не видать!» — «Ну, это для вас, проклятые! Всех сожжем, пепел по ветру пустим, будете нас помнить!» Черты испугались и языки прикусили. Вдруг вскакивают два мертвеца и давай меж собой драться, а черти стоят да смотрят: «За что ж, — спрашивают, — вы сами-то деретесь?» Покойники услышали и бросились на нечистых, ну их рвать и зубами терзать. Черты благим матом завопили: «Ох, отпустите живых нас! Как хотите, так и бейте, только в печь не бросайте!» — «А, вы печи боитесь!» Схватили двух чертей и бросили в раскаленную печку, а третий пустился бежать. Навстречу ему валит толпа нечистых. «Куда вы, братцы?» — «Во дворец». — «Что вы! Коли хотите быть целыми, лучше и не показывайтесь; не то прямо в жар угодите! Я насилу ушел; сами видите, как изуродован!» Только успели переговорить, как закричали петухи — черти пропали, а мертвецы на каком месте стояли, на том и повалились, словно колоды.

Бесстрашный барин и слуга его вылезли из-под кровати, убрали мертвецов, а сами легли на постель и проспали до света. Утром посылает король узнать: жив ли бесстрашный барин, али черти его замучили? Докладывают королю, что он жив, ни в чем невредим. «Хорошо,—молвил король,—посмотрю, что дальше будет». На другую ночь случилось то же самое, на третью опять то же; видят черти, что дело-то плохо, всякий раз своих не досчитываются, и говорят меж собой: «Как ни вертись, братцы, а приходится нам оставлять этот дворец; куда ж теперь сунемся?» И придумали они перебраться на тот на зеленый луг, что перед самым королевским дворцом расстился. Дал король бесстрашному барину большое награждение, и зажил он в богатстве и довольстве, а мертвецов своих уложил в кибитку и поставил ее в сарай — в самый темный угол; день покойники смиренно лежат, а придет глухая полночь — встанут, подерутся друг с дружкой и опять на свое место лягут.

Немного прошло времени, запленили черти зеленый луг и сделали из него трясиину да болото; прежде королевская семья тут гуляла, а теперь нельзя стало ни пройти, ни проехать; сильно топко! Курица — и та на другую сторону не переправится. Дивится король: «Что бы это значило?», а чем пособить — не знает. Бесстрашный барин сейчас догадался, в чем дело; раз как-то поздним вечером взял он своих мертвецов, потащил к болоту, положил на видное место, а сам тут же за куст спрятался. Выскочили два черта, увидели старых знакомых и говорят: «Что вы, честные господа! Зачем сюда пришли? Неужли вам во дворце места мало, что хотите нас из болота выживать?» На те речи отвечает бесстрашный из-за куста: «Нет, за дворец вам спасибо! Только луг-то зачем вы запакостили? По нем ни пройти теперь, ни проехать. Коли хотите быть с нами в миру, сделайте так, чтобы нам двоим можно было по этому болоту каждый день верхом кататься, и дайте в том расписку». Только что успели бесы написать расписку, как пришло время мертвецам драться: как вскочат, как бросятся! Нечистые с испугу в болото покидались, в самые глубокие омуты провалились; а мертвецы-то сцепились друг с дружкой, до крови перещарапались... Закричали петухи — и повалились они на землю бездыханные, неподвижные.

Бесстрашный барин схватил расписку и убрал своих покойников, а наутро вырыл на дворе большую яму, положил их туда лицом книзу, заколотил каждому по осиновому колу в спину и закидал землею: с тех пор полно вставать по ночам да царапаться! В скором времени пустил король клич по всему своему государству: не сможет ли кто учинить, чтобы того болота не было, а был бы по-прежнему зеленый луг? — и обещал в награду за то великой казной пожаловать. Нет, никто не вывасял. Вспомнил король про бесстрашного барина, посылает за ним, и начал накладывать на него ту службу нелегкую. «Ваше величество,— отвечает бесстрашный,— я того болота не смогу сделать по-старому зеленым лугом, а смогу по нем проехать верхом на лошади». — «Что ты! Аль потонуть хочешь?» — «Небось,— говорит,— не потону!» Тотчас король собрал свою свиту и сказывает: «Вот-де бесстрашный барин так и так похваляется!» Все главные министры и сенаторы удивились: «Возьми с

нас, — говорят бесстрашному, — по пяти тысяч, коли это сделаешь!» Закрепили уговор, оседлали доброго коня, и пошли все на то диво смотреть.

Бесстрашный барин сел на коня, напустил на себя смелость и поскакал прямо в трясины; развезжает себе по болоту, словно по гладкому месту, а народ глядит — только ахает! Вот забрал он с министров да с сенаторов многое множество денег и стал с той поры, с того времени каждый день по болоту разгуливать. Мало того, что сам катается: и слугу с собой берет! Просто нет чертям покою: днем барина возят, а по ночам по белу свету рыскают да людей смущают! Побежали они к старой-старой ведьме и давай ей кланяться, давай ее упрашивать: «Бабушка-голубушка! Научи нас, пожалуйста, как бы нам бесстрашного барина со свету сжить? Сокрушил нас проклятый! Каждый день развезжает по болоту, а мы повинны его поддерживать вместе с лошадьё; нет нам покою ни на минуточку! Сколько хошь — золота притащим, только выручи из беды!» — «Эх вы, дурные! Сами не догадаетесь! Смотрите ж: завтра, как приедет он гулять по болоту, вы допустите его до середины, да потом и бросьте; пусть провалится — будет вам барин!» На другой день сел бесстрашный на своего доброго коня и поехал на болото гулять; доскакал до середины — тут черти отступились, отскочили от него в разные стороны, и зашумел он совсем с лошадьё в тартарары на самое дно.

351—362. РАССКАЗЫ О МЕРТВЕЦАХ

351

В одном селе была девка — лежакá, лентяйка, не любила работат^{205a}ь, абы как погудорить да побалакать! И вздумала она собрать к себе девок на попрядухи. А в деревнях вестимо уж лежакáки собирают на попрядухи, а лакомогозки¹ ходят. Вот она собрала на ночь попрядух; они ей прядут, а она их кормит, потчует. То, сё, и разговорились: кто из них смелее? Лежакá говорит: «Я ничего не боюсь!» — «Ну, ежели не боишься, — говорят попрядухи, — дак поди мимо погосту² к церкви, сними с дверей образ да принеси». — «Хорошо, принесу; только каждая напряди мне по початку³». А это чувство-то в ней есть, чтоб ей ничего самой не делать, а чтоб другие за нее делали. Вот она пошла, сняла образ и принесла. Ну, те видят — точно образ от церкви. Надо теперь несть образ назад, а время уж к полночи. Кому

¹ Лакомогозки — сластены, любители лакомств (Ред.).

² Кладбища.
³ Мера прядева.

несть? Леж́ака говорит: «Вы, девки, прядите; я сама отнесу, я ничего не боюсь!»

Пошла, поставила образ на место. Только идет назад мимо погосту и видит: мертвец в белом саване сидит на могиле. Ночь-то месячная, все видно. Она подходит к мертвецу, стащила с него саван; мертвец ничего не говорит, молчит — знать, время не пришло еще ему говорить-то. Вот она взяла саван, приходит домой. «Ну,— говорит,— образ отнесла, поставила на место, да вот еще с мертвеца саван стащила!» Девки — которые спужались, которые не верят, смеются. Только поужинали, легли спать, вдруг мертвец стучится в окна и говорит: «Отдай мой саван! Отдай мой саван!» Девки перепугались — ни живы ни мертвы; а леж́ака берет саван, идет к окну, отворила: «На,— говорит,— возьми!» — «Нет,— отвечает мертвец,— неси туда, где взяла!» Только вдруг петухи запели — и мертвец исчез.

На другую ночь уж попрядухи все по домам разошлись; в тот же самый час опять мертвец приходит, стучится в окно: «Отдай мой саван!» Вот отец и мать леж́аки отворяют окно, отдают ему саван.— «Нет,— говорит,— пушай она отнесет туда, где взяла!» Ну, как идти с мертвецом на погост? Страшно! Только петухи пропели — исчез мертвец. На другой день отец и мать послали за священником; рассказали ему так и так и просят пособить их горю: «Нельзя ли,— говорят,— обедню отслужить?» Священник подумал: «Ну, пожалуй! Велите ей завтра к обедне выходить». Назавтра пошла леж́ака к обедне; началась служба, народу много нашло! Только как стали херувимскую петь, вдруг откуда поднялся страшный вихрь, ажно все ниц попадали! Ухватил ее, да б́земь. Девки не стало, только одна коса от нее осталась.

352

Е хал ночью мужик с горшками; ехал-ехал, лошадь у него устала и остановилась как раз против кладбища. Мужик выпряг лошадь, пустил на траву, а сам прилег на одной могиле; только что-то не спится ему. Лежал-лежал, вдруг начала под ним могила растворяться; он почувал это и вскочил на ноги. Вот могила растворилась, и оттуда вышел мертвец с гробовою крышкою, в белом саване; вышел и побежал к церкви, положил в дверях крышку, а сам в село. Мужик был человек смелый; взял гробовую крышку и стал возле своей телеги, дожидается — что будет?

Немного погодя пришел мертвец, хватъ — а крышки-то нету; стал по следу добираться, добрался до мужика и говорит: «Отдай мою крышку, не то в клочья разорву!» — «А топор-то на что? — отвечает мужик.— Я сам тебя искрошу на мелкие части!» — «Отдай, добрый человек!» — просит его мертвец. «Тогда отдам, когда скажешь: где был и что делал?» — «А был я в селе; уморил там двух молодых парней». — «Ну, скажи теперь: как их оживить можно?» Мертвец поневоле рассказывает: «Отрежь от моего савана левую полу и возьми с собой; как придешь в тот дом, где парни уморены, насыпь в горшочек горячих угольев и поло-

жи туда клочок от савана, да дверь затвори; от того дыму они сейчас отживут». Мужик отрезал левую полу от савана и отдал гробовую крышку. Мертвец подошел к могиле — могила растворилась; стал в нее опускаться — вдруг петухи закричали, и он не успел закрыться как надо: один конец крышки снаружи остался.

Мужик все это видел, все приметил. Стало рассветать; он запряг лошадь и поехал в село. Слышит в одном доме плач, крики; входит туда — лежат два парня мертвые. «Не плачьте! Я смогу их оживить». — «Оживи, родимый; половину нашего добра тебе отдадим», — говорят родичи. Мужик сделал все так, как научил его мертвец, и парни ожили. Родные обрадовались, а мужика тотчас схватили, скрутили веревками: «Нет, дока! Мы тебя начальству представим; коли оживить сумел, стало быть ты и уморил-то!» — «Что вы, православные! Бога побойтесь!» — завопил мужик и рассказал все, что с ним ночью было. Вот дали знать по селу, собрался народ и повалил на кладбище, отыскивали могилу, из которой мертвец выходил, разрыли и вбили ему прямо в сердце осиновый кол, чтоб больше не вставал да людей не морил; а мужика знатно наградили и с честью домой отпустили.

353

лучилось одному ремесленнику поздним вечером ворочаться^{205с} домой из чужой деревни, с веселой приятельской пирушки. Навстречу ему старинный приятель — лет с десятков тому, как помер. «Здоров!» — «Здравстуй!» — говорит гуляка, и позабыл, что знакомый его давным-давно приказал долго жить. «Зайдем ко мне; хватим еще по чарке, по другой». — «Пойдем; на радостях, что свиделись, можно выпить!» Пришли в избу, пьют-гуляют. «Ну прощай! Пора домой идти!» — «Постой, куда теперь идти! Переночуй со мной». — «Нет, брат, и не проси — нельзя; завтра дело есть, так надо пораньше быть дома». — «Ну, прощай! Да что тебе пешком идти? Лучше садись на мою лошадь, живо довезет». — «Спасибо, давай!» Сел верхом и понесся — что твой вихрь летит! Вдруг петух запел!.. Страшно: кругом могилы, а под ездоком надгробный камень!

354

пустили одного солдата в побывку на родину; вот он шел,^{205д} шел, долго ли, коротко ли, и стал к своему селу приближаться. Недалеко от села жил мельник на мельнице; в былое время солдат водил с ним большое знакомство; отчего не зайти к приятелю? Зашел; мельник встретил его ласково, сейчас винца принес, стали распивать да про свое житье-бытье толковать. Дело было к вечеру, а как погостил солдат у мельника — так и вовсе смерклось. Собирается солдат идти на село; а хозяин говорит: «Служивый, ночуй у меня; теперь уж поздно, да, пожалуй, и беды не уйдешь!» — «Что так?» — «Бог наказал! Помер у нас страшный колдун; по ночам

встает из могилы, бродит по селу и то творит, что на самых смелых страх нагнал! Как бы он и тебя не потревожил!» — «Ничего! Солдат — казенный человек, а казенное ни в воде не тонет, ни в огне не горит; пойду, больно хочется с родными поскорей увидаться».

Отправился; дорога шла мимо кладбища. Видит — на одной могиле огонек светит. «Что такое? Дай посмотрю». Подходит, а возле огня колдун сидит да сапоги тачает. «Здорово, брат!» — крикнул ему служивый. Колдун взглянул и спрашивает: «Ты сюда зачем?» — «Да захотелось посмотреть, что ты делаешь». Колдун бросил свою работу и зовет солдата на свадьбу: «Пойдем, брат, погуляем — в селе нонче свадьба!» — «Пойдем!» Пришли на свадьбу, начали их поить, угощать всячески. Колдун пил-пил, гулял-гулял и осердился; прогнал из избы всех гостей и семейных, усыпил повенчанных, вынул два пузырька и шильце, ранил шильцем руки жениха и невесты и набрал их крови. Сделал это и говорит солдату: «Теперь пойдем отсюда». Вот и пошли. На дороге солдат спрашивает: «Скажи, для чего набрал ты в пузырьки крови?» — «Для того, чтоб жених с невестою померли; завтра никто их не добудится! Только один я знаю, как их оживить». — «А как?» — «Надо разрезать у жениха и невесты пяты и в те раны влить опять кровь — каждому свою: в правом кармане спрятана у меня кровь жениха, а в левом невестина».

Солдат выслушал, слова не проронил; а колдун все хвалится: «Я, — говорит, — что захочу, то и сделаю!» — «Будто с тобой и сладить нельзя?» — «Как нельзя? Вот если б кто набрал костер осиновых дров во сто возов да сжег меня на этом костре, так, может, и сладил бы со мною! Только жечь меня надо умеючи; в то время полезут из моей утробы змеи, черви и разные гады, полетят галки, сороки и воробьи; их надо ловить да в костер бросать: если хоть один червяк уйдет, тогда ничто не поможет! В том червяке я ускользну!» Солдат выслушал и запомнил. Говорили, говорили, и дошли, наконец, до могилы, «Ну, брат, — сказал колдун, — теперь я тебя разорву; а то ты все расскажешь». — «Что ты, образумься! Как меня рвать? Я богу и государю служу». Колдун заскрипел зубами, завыл и бросился на солдата, а тот выхватил саблю и стал наотмашь бить. Дрались-дрались, солдат почти из сил выбился; эх, думает, ни за грош пропал! Вдруг запели петухи — колдун упал бездыханен. Солдат вынул из его карманов пузырьки с кровью и пошел к своим родичам.

Приходит, поздоровался; родные спрашивают: «Не видал ли ты, служивый, какой тревоги?» — «Нет, не видал». — «То-то! А у нас на селе горе: колдун ходить повадился». Поговорили и легли спать; наутро проснулся солдат и начал спрашивать: «Говорят, у вас свадьба где-то справляется?» Родные в ответ: «Была свадьба у одного богатого мужика, только и жених и невеста нынешней ночью померли, а отчего — неизвестно». — «А где живет этот мужик?» Указали ему дом; он, не говоря ни слова, пошел туда; приходит и застает все семейство в слезах. «О чем горюете?» — «Так и так, служивый!» — «Я могу оживить ваших молодых; что дадите?» — «Да хоть половину имения бери!» Солдат сделал так, как научил его колдун, и оживил молодых; вместо плача начались радость,

веселье; солдата и угостили и наградили. Он налево кругом и марш к старосте; наказал ему собрать крестьян и приготовить сто возов осино-вых дров.

Вот привезли дрова на кладбище, свалили в кучу, вытащили колдуна из могилы, положили на костер и зажгли; а кругом народ обступил — все с метлами, лопатами, кочергами. Костер облился пламенем, начал и колдун гореть; утроба его лопнула, и полезли оттуда змеи, черви и разные гады, и полетели оттуда воробьи, сороки и галки; мужики бьют их да в огонь бросают, ни одному червяку не дали ускользнуть. Так колдун и сгорел! Солдат тотчас собрал его пепел и развеял по ветру. С того времени стала на селе тишина; крестьяне отблагодарили солдата всем миром; он побыл на родине, нагулялся досыта и воротился на царскую службу с денешками. Отслужил свой срок, вышел в отставку и стал жить-поживать, добра наживать, худа избывать.

355

Жил-был солдат; вышел в отставку и пошел домой. Приходит в свою деревню — вся пуста, не видать нигде народу. Что такое значит? Зашел в свою прежнюю избу, снял ранец, разделся; стал на лавку садиться, глянул, а на столе стоит штоф вина, и всяких закусок вволю наготовлено. «Ну, — думает, — хоть голоден не буду: есть что закусить и выпить». Вдруг лезет в избу его старый дед, который лет с десять как помер; был он сильный колдун, весь народ из деревни повыгнал, а такого хитреца, чтобы с ним сладил, еще не бывало! Увидал он гостя и закричал: «Ба! Здравствуй, внучек!» — «Здорово, дедушка!» — «Давно я тебя не видал!» — «И то давно!» Сел колдун и давай закуски уписывать да вином запивать; всё один приел. «Где ж мои братья?» — спрашивает солдат. «В иной деревне живут; я отсюда всех выгнал. Только и ходят сюда что днем; придут, поставят мне ужин да штоф вина, и назад!»

Позакусил колдун, повыпил, и говорит: «Поедем-ка в соседнее село; там нынче свадьба у богатого мужика. Как приедем, я в избу пойду, а ты стой на улице и что стану тебе в окно подавать — все примай да в повозку клади». — «Ладно, дедушка!» Вышли на двор, у крыльца стоит тройка вороных — так и рвут, копытами землю роют! Сели в повозку и мигом в село прискакали. Колдун вошел в избу, а солдат остался на улице, смотрит: что будет? Дед взял со стола скатерть и все, что на столе было наложено-наставлено, завернул в узел и подает в окно; солдат принял и положил в повозку. Потом подошел колдун к жениху, засучил свой рукав и засунул ему руку в рот по самое плечо — жених тотчас помер; сделал то же и с невестою — и та померла. Тут все заголосили, заплакали; отчего беда приключилась? Никто не ведает: колдун и вошел и ушел никому невидим.

Сел он с солдатом в повозку и поскакал назад. Кони быстро несут! «Что, дедушка, — спрашивает солдат, — долго ты будешь по белу свету ходить?» — «Долго, внучек, пока сам захочу». — «Неужто на тебя и силы

нет?» — «Сила-то есть, да никто про нее не ведает». — «Скажи мне, дедушка!» — «Нет, внучек! Много знать хочешь». — «Пожалуйста, скажи!» — «Ну, так и быть: вот в этакое-то месте стоит сухая груша; коли соберутся семеро да выдернут ее с корнем — под ней провал окажется; после надо вырыть мой гроб да бросить в тот провал и посадить опять грушу; ну, внучек, тогда полно мне ходить!» — «А нельзя ли вылечить нынешних молодых, чтоб они ожили?» — «Эх, внучек! Много будешь знать, скоро состарешься». — «Однако скажи!» — «Ну, так и быть! У богатого мужика отелилась сегодня корова и принесла красного бычка; коли того бычка зарезать, да вынуть сердце, да из того сердца взять крови, да тою кровью помазать молодых — они в ту ж минуту оживут и будут здоровы и невредимы».

Кони подлетели к крыльцу и стали как вкопанные; колдун взял узел и понес в избу. Развязал и начал жрать все, что попало: сперва ел кушанья, а там принялся глотать ложки, ножи, бутылки и самую скатерть. Живо все обработал и кричит во всю глотку: «Есть хочу! Голоден!.. Ну, внучек, теперь за тебя примусь!» — «Что ты, дедушка, какая солдат еда! Только одни кости». — «Ничего, годишься!» — «Дай хоть в последний раз на белый свет взглянуть!» — «Ну, взгляни, только поскорее!» Вышел солдат на двор, нашел осиновое полено, взял и стоит; а дед кричит: «Что ж ты копаешься? Иди, мне некогда ждать». — «Нет, дедушка, я в избу не пойду; если хочешь, ешь меня на дворе — нечего избы марать!»

Колдун рассердился, бежит к нему на двор; только хотел было схватить, а солдат не дал маху — как урежет его наотмашь осиновым поленом! Колдун и с ног долой! «Ну, внучек, ударь еще раз». — «Будет с тебя и этого!» Тут запел петух — старик окостенел и замолчал; а солдат схватил ранец и пошел в соседнюю деревню, где его братья жили. На другой день он созвал весь мир, выбрал шесть человек, сам седьмой пошел; взяли колдуна и бросили в провал — там, где сухая груша стояла. После того солдат вылечил молодых, взял за то большую награду и зажил себе богато и счастливо.

356

спросился солдат в отпуск — родину навестить, родителей пови-^{205f}дать, и пошел в дорогу. День шел, другой шел, на третий забред в дремучий лес. Где тут ночевать? Увидал — на опушке две избы стоят, зашел в крайнюю и застал дома одну старуху. «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, служивенькой!» — «Пусти меня ночь переспать». — «Ступай, только тебе здесь беспокойно будет». — «Что? Али тесно у вас? Это, бабушка, ничего; солдату немного места надо: где-нибудь в уголок прилягу, только бы не на дворе!» — «Не то, служивенькой! На грех пришел ты...» — «На какой грех?» — «А вот на какой: в соседней избе помер недавно старик — большой колдун; и таперича каждую ночь рыщет он по чужим домам да людей ест». — «Э, бабушка, бог не выдаст, свинья не съест».

Солдат разделся, поужинал и полез на полати; лег отдыхать, а возле себя тесак положил. Ровно в двенадцать часов попадали все запоры и растворились все двери; входит в избу покойник в белом саване и бросился на старуху. «Ты, проклятый, зачем сюда?» — закричал на него солдат. Колдун оставил старуху, вскочил на полати и давай с солдатом возиться. Тот его тесаком, рубил-рубил, все пальцы на руках поотбивал, а все не может поправиться. Крепко они сцепились, и оба с полатей на пол грохнулись: колдун под низ, а солдат наверх попал; схватил солдат его за бороду и до тех пор угощал тесаком, пока петухи не запели. В ту самую минуту колдун омертвел: лежит, не тронется, словно деревянная колода.

Солдат вытащил его на двор и бросил в колодезь — головой вниз, ногами кверху. Глядь: на ногах у колдуна славные новые сапоги, гвоздями убиты, дегтем смазаны! «Эх, жаль, так задаром пропадут, — думает солдат, — дай-ка я сниму их!» Снял с мертвого сапоги и воротился в избу. «Ах, батюшка служивенькой, — говорит старуха, — зачем ты с него сапоги-то снял?» — «Дак неужли ж на нем оставить? Ты смотри: какие сапоги-то! Кому не надо — рубль серебра даст; а я ведь человек походный, мне они очень пригодятся!»

На другой день простился солдат с хозяйкою и пошел дальше; только с того самого дня — куда он ни пойдет на ночлег, ровно в двенадцать часов ночи является под окно колдун и требует своих сапог. «Я, — грозит, — от тебя нигде не отстану: всю дорогу с тобой пройду, на родине не дам отдыху, на службе замучу!» Не выдержал солдат: «Да что тебе, проклятый, надобно?» — «Поддай мои сапоги!» Солдат бросил в окно сапоги: «На, отвяжись от меня, нечистая сила!» Колдун подхватил свои сапоги, свистнул и с глаз пропал.

357

Пошел мужик на охоту и любимую собаку с собой взял. Ходил^{205g} по лесам, по болотам, ничего не выходил; пристигла его темная ночь, в неуказные часы идет мимо кладбища и видит: стоит на распутии мертвец в белом саване. Оробел мужик: куда идти — вперед, или назад повернуть? «Эх, что ни будет, пойду вперед!» Идет, а собака за ним следом бежит. Заприметил его мертвец и понесся навстречу — до земли ногами на пол-аршина не хватает, только саван раздувается. Поравнялся с охотником, бросился на него, а собака ухватила того мертвеца за голые икры и начала с ним бороться. Видит мужик, что собака с мертвецом схватилась; обрадовался, что его дело право, и побежал во всю прыть домой!

Собака до тех пор дралась, пока петухи запели и мертвец недвижим упал; после того пустилась за хозяином, нагнала у самого дома и бросилась рвать-кусать его; так обозлилась, так пристала, что еле домашние отбили. «Что такое с собакой подеялось? — спрашивает мать-старуха. — Отчего так возненавидела хозяина?» Мужик рассказал все, что было. «Нехорошо, сынок, — говорит старуха, — собака за то осерчала, что ты не дал ей помочи; она с покойником дралась, а ты ее одной покинул да себя

спасал! Теперь она долго будет на тебя зло мыслить». Наутро вся семья по двору ходит — собака ничего, а только хозяин покажется — так и зарычит. Приковали ее на цепь; целый год на цепи продержали, а все она не забыла хозяйской обиды; сорвалась как-то и прямо на охотника, давай душить его... Тут ее и убили.

358

стародавние годы жили-были в одной деревне два молодых парня; жили они дружно, вместе по беседам ходили, друг друга за родного брата почитали. Сделали они между собой такой уговор: кто из них станет вперед жениться, тому звать своего товарища на свадьбу; жив ли он будет, помрет ли — все равно. Через год после того заболел один молодец и помер; а спустя несколько месяцев задумал его товарищ жениться. Собрался со всем сродством своим и поехал за невестою. Случилось им ехать мимо кладбища; вспомнил жених своего приятеля, вспомнил старый уговор и велел остановить лошадей. «Я, — говорит, — пойду к своему товарищу на могилу, попрошу его к себе на свадьбу погулять; он был мне верный друг!»

Пошел на могилу и стал звать: «Любезный товарищ! Прошу тебя на свадьбу ко мне». Вдруг могила растворилась, покойник встал и вымолвил: «Спасибо тебе, брат, что исполнил свое обещание! На радостях взойди ко мне; выпьем с тобой по стакану сладкого вина». — «Зашел бы, да поезд стоит, народ дожидается». Покойник отвечает: «Эх, брат, стакан ведь недолго выпить». Жених спустился в могилу; покойник налил ему чашу вина, он выпил — и прошло целое сто лет. «Пей, милый, еще чашу!» Выпил другую — прошло двести лет. «Ну, дружище, выпей и третью да ступай с богом, играй свою свадьбу!» Выпил третью чашу — прошло триста лет.

Покойник протиснулся с своим товарищем; гроб закрылся, могила заровнялась. Жених смотрит: где было кладбище, там стала пустошь; нет ни дороги, ни сродников, ни лошадей, везде поросла крапива да высокая трава. Побежал в деревню — и деревня уж не та; дома иные, люди все незнакомые. Пошел к священнику — и священник не тот; рассказал ему, как и что было. Священник начал по книгам справляться и нашел, что триста лет тому назад был такой случай: в день свадьбы отправился жених на кладбище и пропал, а невеста его вышла потом замуж за другого.

359

ил-был мужик да баба, у них было два сына. Пришла солдатчина, забрили старшему сыну лоб и угнали далеко-далеко; а другой брат охотой нанялся и пошел в солдаты. «Кто нас кормить станет?» — говорит старуха, озлобилась на меньшего сына и прокляла его навеки. И случилось так, что оба брата попали в один полк; жили они согласно, хорошо.

Вот меньшей прослужил год, другой, заболел и помер. Схоронили его, как следует. Ночью приходит мертвый брат к живому и говорит: «Братец, проснись!» Тот испугался. «Не бойся! Я не даром. Помнишь, как нанялся я в охотники, в те поры меня мать прокляла, и теперь меня земля не принимает. Так вот что, братец! Отпросись в отпуск да умоли матушку, чтоб простила меня; коли умолишь ее, добром тебе заплачу: станешь жениться — вспомнешь меня!» Старший брат отпросился в отпуск и пошел домой. Приходит в свою деревню; отец и мать радехоньки, стали спрашивать: «Не встречал ли где меньшого брата, не слышал ли чего об нем?» — «Ах, ведь он помер! Матушка, прости его». Старуха заплакала и простила.

На другой день идет солдат рынком; вдруг кличет его купец: «Что, служба, не хочешь ли жениться?» — «Невесты нету!» — «Пойдем ко мне: у меня дочь есть». — «Пойдем». У того купца дочь два раза замуж вышла, да все беда случалась: положат с вечера молодых спать, а наутро муж помрет; вишь, к ней змей летал. А солдат про то ничего не ведает; сосватался, обвенчали их и положили спать. Ночью пришел умерший брат и стал у изголовья с мечом в руке. Ударило двенадцать часов, прилетает страшный змей. Мертвец бросился на него и срубил ему все девять голов; наутро пришли купец с купчихою, а зять жив; поставили за него в полк рекрута, и стал он жить с своею женою, брата поминать да добра наживать.

360

Отпросился солдат в отпуск на родину — святым иконам помолиться, родителям поклониться. Идет дорогою, а уж солнышко давно село, в поле темно. Надо идти мимо кладбища; вот слышит он — кто-то за ним гонится: «Стой! — кричит. — Не уйдешь!» Оглянулся, а то упокойник бежит, зубами скрипит; солдат пустился от него в сторону во всю свою прыть, увидал часовенку — и прямо в нее. В той часовенке нет никого, только лежит на столе другой упокойник, а перед ним свечи горят. Солдат забился в угол, сидит ни жив ни мертв: что-то будет!

Вдруг прибегает и лезет в часовню тот, первый упокойник, что за солдатом гнал; а тот, что на столе лежал, встает и говорит ему: «Ты зачем прибег?» — «Я солдата сюды пригнал, так хочу его съесть». — «Ну, брат, он ко мне прибег; я его и съем!» — «Нет, я!» — «Нет, я!» И давай драться, только пыль летит; долго бы они дрались, да петухи закричали: тут оба упокойника упали на пол замертво, и солдат спокойно ушел домой. «Слава тебе господи, спасся от колдунов!»

361

В одном селе жили-были муж да жена; жили они весело, согласно, любовно: все соседи им завидовали, а добрые люди, глядячи на них, радовались. Вот хозяйка отяжелела, родила сына, да с тех родов и померла. Бедный мужик горевал да плакал, пуще всего о ребенке убивался: как теперь выкормить, возрастить его без родной матери? Нанял какую-то старушку за ним ходить; все лучше. Только что за притча? Днем ребенок не ест, завсегда кричит, ничем его не утетишь; а наступит ночь — словно и нет его, тихо и мирно спит. «Отчего так? — думает страуха. — Дай-ка я ночь не посплю, авось разведу». Вот в самую полночь слышит она: кто-то отворил потихоньку двери и подошел к люльке; ребенок затих, как будто грудь сосет. На другую ночь и на третью опять то же.

Стала она говорить про то мужику; он собрал своих сродственников и стал совет держать. Вот и придумали: не поспать одну ночь да посмотреть: кто это ходит да ребенка кормит? С вечера улеглись все на полу, в головах у себя поставили зажженную свечу и покрыли ее глиняным горшком. В полночь отворилась в избу дверь, кто-то подошел к люльке — и ребенок затих. В это время один из сродственников вдруг открыл свечу — смотрят: покойная мать в том самом платье, в каком ее схоронили, стоит на коленях, наклонясь к люльке, и кормит ребенка мертвой грудью. Только осветилась изба — она тотчас поднялась, печально взглянула на своего малютку и тихо ушла, не говоря никому не единого слова. Все, кто ее видел, превратились в камень; а малютку нашли мертвым.

362

Раз ночью шел мимо церкви школьный учитель и попался на встречу двенадцати разбойникам. «Знаешь ли ты, — спросили разбойники, — где лежит та богатая пани, что с неделю назад померла в вашем местечке?» — «Знаю; ее похоронили в церковном склепе». Разбойники пригрозили ему острым ножом и принудили идти с собою; пришли к церковному склепу, выломали из окна железную решетку и спустили туда на кушаках школьного учителя. «Открой, — говорят ему, — гробницу, сними у пани семь золотых перстней с драгоценными камнями и подай сюда».

Учитель открыл гробовую крышку и стал снимать с рук покойницы золотые перстни; шесть легко снял, а седьмого не может: пани сжала палец и не дает кольца. Сказал он про то разбойникам; они кинули ему нож и приказывают: «Отруби-ка ей палец!» Учитель поднял нож и как только отрубил палец — в ту ж минуту покойница словно от сна пробудилась, закричала громким голосом: «Сестрицы и братцы! Вставайте на помощь скорей; не знала я покоя при жизни, не дают мне его и по смерти!» На ее голос растворились гробницы, и начали выходить мертвецы.

205,
прим.

Разбойники услышали шум и разбежались в разные стороны, а учитель с испугу бросился из подвала на лестницу, вбежал в церковь, спрятался на хоры и дверь за собой запер. Мертвецы — за ним, увидали, куда он спрятался, и принялись таскать свои гроба и становить один на другой, чтобы по ним взобраться на хоры. Учитель тем временем нашел длинный шест и давай гроба сваливать: в такой работе провозился он до полуночи; а как ударило двенадцать часов — мертвецы разобрали свои гроба и ушли в склеп. Учитель еле жив остался! На другое утро нашли его в церкви разбитого, больного; пришел священник, исповедал и приобщил его, и вслед за тем учитель помер.

363. УПЫРЬ

В некотором царстве, в некотором государстве был-жил старик²⁰⁶ со старухою; у них была дочь Маруся. В их деревне был обычай справлять праздник Андрея Первозванного: соберутся девки в одну избу, напекут пампушек и гуляют целую неделю, а то и больше. Вот дождалась этого праздника, собрались девки, напекли-наварили, что надо; вечером пришли парубки с сопелкою, принесли вина, и началась пляска, гульба — дым коромыслом! Все девки хорошо пляшут, а Маруся лучше всех. Немного погода входит в избу такой молодец — что на поди! Кровь с молоком! Одет богато, чисто. «Здравствуйте, — говорит, — красные девицы!» — «Здравствуй, добрый молодец!» — «Гулянье вам!» — «Милости просим гулять к нам!» Сейчас вынул он кошель полон золота, послал за вином, за орехами, пряниками — разом все готово; начал угощать и девок и ребят, всех оделил. А пошел плясать — любо-дорого посмотреть! Больше всех полюбилась ему Маруся; так к ней и пристаёт.

Наступило время по домам расходиться. Говорит этот молодец: «Маруся! Поди, проводи меня». Она вышла провожать его; он и говорит: «Маруся, сердце! Хочешь ли, я тебя замуж возьму?» — «Коли бы взял, я бы с радостью пошла. Да ты отколя?» — «А вот из такого-то места, живу у купца за приказчика». Тут они попрощались и пошли всякий своей дорогою. Воротилась Маруся домой, мать ее спрашивает: «Хорошо ли погуляла, дочка?» — «Хорошо, матушка! Да еще скажу тебе радость: был там со стороны добрый молодец, собой красавец, и денег много; обещал взять меня замуж». — «Слушай, Маруся: как пойдешь завтра к девкам, возьми с собой клубок ниток; станешь провожать его, в те поры накинь ему петельку на пуговицу и распускай потихоньку клубок, а после по этой нитке и сведаешь, где он живет».

На другой день пошла Маруся на вечерницу и захватила с собой клубок ниток. Опять пришел добрый молодец: «Здравствуй, Маруся!» —

«Здравствуй!» Начались игры, пляски; он пуше прежнего льнет к Марусе, ни на шаг не отходит. Уж время и домой идти. «Маруся, — говорит гость, — проводи меня». Она вышла на улицу, стала с ним прощаться и тихонько накинула петельку на пуговицу; пошел он своею дорогою, а она стоит да клубок распускает; весь распустила и побежала узнавать, где живет ее названный жених? Сначала нитка по дороге шла, после потянулась через заборы, через канавы и вывела Марусю прямо к церкви, к главным дверям. Маруся попробовала — двери заперты; пошла кругом церкви, отыскала лестницу, подставила к окну и полезла посмотреть, что там деется? Влезла, глянула — а названный жених стоит у гроба да упокойника ест; в церкви тогда ночевало мертвое тело. Хотела было потихоньку соскочить с лестницы, да с испугу не остереглась и стукнула; бежит домой — себя не помнит, все ей погоня чудится; еле жива прибежала!

Поутру мать спрашивает: «Что, Маруся, видела того молодца?» — «Видела, матушка!» — а что видела, того не рассказывает. Вечером сидит Маруся в раздумье: идти или нет на вечерницу? «Ступай, — говорит мать, — поиграй, пока молода!» Приходит она на вечерницу, а нечистый уже там. Опять начались игры, смехи, пляска; девки ничего не ведают! Стали по домам расходиться; говорит нечистый: «Маруся! Поди, проводи меня». Она нейдет, боится. Тут все девки на нее накинулись: «Что с тобой? Или застыдилась? Ступай, проводи добра молодца!» Нечего делать, пошла — что бог даст! Только вышли на улицу, он ее и спрашивает: «Ты вчера к церкви ходила?» — «Нет!» — «А видела, что я там делал?» — «Нет!» — «Ну, завтра твой помрет!» Сказал и исчез.

Вернулась Маруся домой грустная и невесела; поутру проснулась — отец мертвый лежит. Поплакали над ним и в гроб положили; вечером мать к попу поехала, а Маруся осталась: страшно ей одной дома. «Дай, — думает, — пойду к подругам». Приходит, а нечистый там. «Здравствуй, Маруся! Что не весела?» — спрашивают ее девки. «Какое веселье? Отец помер». — «Ах, бедная!» Все тужат об ней; тужит и он, проклятый, будто не его дело. Стали прощаться, по домам расходиться. «Маруся, — говорит он, — проводи меня». Она не хочет. «Что ты — маленькая, что ли? Чего боишься? Проводи его!» — пристают девки. Пошла провожать; вышла на улицу. «Скажи, Маруся, была ты у церкви?» — «Нет!» — «А видела, что я делал?» — «Нет!» — «Ну, завтра мать твоя помрет!» Сказал и исчез.

Вернулась Маруся домой еще печальнее; переночевала ночь, поутру проснулась — мать лежит мертвая. Целый день она проплакала, вот солнце село, кругом темнеть стало — боится Маруся одна оставаться; пошла к подругам. «Здравствуй! Что с тобой? На тебе лица не видать!» — говорят девки. «Уж какое мое веселье! Вчера отец помер, а сегодня мать». — «Бедная, несчастная!» — сожалеют ее все. Вот пришло время прощаться. «Маруся! Проводи меня», — говорит нечистый. Вышла провожать его. «Скажи, была ты у церкви?» — «Нет!» — «А видела, что я делал?» — «Нет!» — «Ну, завтра ввечеру сама помрешь!» Маруся переночевала с подругами, поутру встала и думает: что ей делать? Вспомнила, что у ней есть бабка — старая-старая, уж ослепла от долгих лет. «Пойду-ка я к ней, посоветуюсь».

Отправилась к бабке. «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, внучка! Как бог милует? Что отец с матерью?» — «Померли, бабушка!» — и рассказала ей все, что с нею случилось. Старуха выслушала и говорит: «Ох, горемычная ты моя! Ступай скорей к попу, попроси его: коли ты помрешь, чтоб вырыли под порогом яму, да несли бы тебя из избы не в двери, а протащили б сквозь то отверстие; да еще попроси, чтоб похоронили тебя на перекрестке — там, где две дороги пересекаются». Пришла Маруся к попу, слезно заплакала и упросила его сделать все так, как бабушка научила; воротилась домой, купила гроб, легла в него — и тотчас же померла. Вот дали знать священнику; похоронил он сначала отца и мать Маруси, а потом и ее. Вынесли Марусю под порогом, схоронили на раздорожье.

В скором времени случилось одному боярскому сыну проезжать мимо Марусиной могилы; смотрит — а на той могиле растет чудный цветок, какого он никогда не видывал. Говорит барич своему слуге: «Пооди, вырой мне тот цветок с корнем; привезем домой и посадим в горшок: пусть у нас цветет!» Вот вырыли цветок, привезли домой, посадили в муравлений горшок и поставили на окно. Начал цветок расти, красоваться. Раз как-то не поспалось слуге ночью; смотрит он на окно и видит — чудо совершилось: вдруг цветок зашатался, упал с ветки наземь — и обратился красной девицей; цветок был хорош, а девица лучше! Пошла она по комнатам, достала себе разных напитков и кушаньев, напилась-наелась, ударилась об пол — сделалась по-прежнему цветком, поднялась на окно и села на веточку.

На другой день рассказал слуга баричу, какое чудо ему в ночь привиделось. «Ах, братец, что ж ты меня не разбудил? Нынешнюю ночь станем вдвоем караулить». Пришла ночь — они не спят, дожидаются. Ровно в двенадцать часов цветок начал шевелиться, с места на место перелетать, после упал наземь — и явилась красная девица; достала себе напитков и кушаньев и села ужинать. Барич выбежал, схватил ее за белые руки и повел в свою горницу; не может вдоволь на нее насмотреться, на красоту ее наглядеться. Наутро говорит отцу, матери: «Позвольте мне жениться; я нашел себе невесту». Родители позволили. Маруся говорит: «Я пойду за тебя только с тем уговором, чтобы четыре года в церковь не ходить». — «Хорошо!»

Вот обвенчались, живут себе год и два, и прижили сына. Один раз наехали к ним гости; подгуляли, выпили, и стали хвалиться своими женами: у того хороша, у другого еще лучше. «Ну, как хотите, — говорит хозяин, — а лучше моей жены во всем свете нету!» — «Хороша, да некрепка!» — отвечают гости. «Как так?» — «Да в церковь не ходит». Те речи показались мужу обидны; дождался воскресенья и велел жене наряжаться к обедне. «Знать ничего не хочу! Будь сейчас готова!» Собрались они и поехали в церковь; муж входит — ничего не видит, а она глянула — сидит на окне нечистый. «А, так ты вот она! Вспомни-ка старое: была ты ночью у церкви?» — «Нет!» — «А видела, что я там делал?» — «Нет!» — «Ну, завтра у тебя и муж и сын помрут!»

Маруся прямо из церкви бросилась к своей старой бабушке. Та ей дала в одном пузырьке святой воды, а в другом живущей и сказала, как и что делать. На другой день померли у Маруси и муж и сын; а нечистый прилетел и спрашивает: «Скажи, была у церкви?» — «Была». — «А видела, что я делал?» — «Мертвого жрал!» Сказала да как плеснет на него святой водою — он так прахом и рассыпался. После взбрызнула живущей водою мужа и сына — они тотчас ожили и с той поры не знали ни горя, ни разлуки, а жили все вместе долго и счастливо.

364. ИВАН КУПЕЧЕСКИЙ СЫН ОТЧИТЫВАЕТ ЦАРЕВНУ

В некотором государстве жил-был купец, у него был сын Иван.²⁰⁷ Выучился Иван грамоте и нанялся к одному богачу в работники; пожил у него три года, получил за все это время жалованье и собрался домой. Идет он дорогою, а навстречу ему нищий плетется — и хром, и слеп, и просит святой милостыньки Христа ради. Купеческий сын отдал убогому все заработанные деньги и пришел домой ни с чем; а тут несчастье — отец помер, надо хоронить да долги платить. Как-то сбился, управился с делами и принялся за торг. Вскоре прослышал он, что два его дяди нагружают корабли товарами и хотят за море ехать. «Дай, — думает, — и я поеду! Авось дяди возьмут меня с собою». Пошел к ним проситься. Дяди обещали. «Приходи, — говорят, — завтра!», а назавтра чуть свет распустили паруса и уехали одни, без племянника.

Иван запечалился; говорит ему мать: «Не кручинься, сынок! Ступай на рынок, найми себе приказчика — только постарей выбирай; старые люди — бывалые, на все догадливые. Как наймешь приказчика, изготовь корабль, и поезжайте вдвоем за море. Бог не без милости!» Иван купеческий сын послушался, побежал на рынок, а навстречу ему седой старичок: «Куда спешишь, добрый молодец?» — «Иду, дедушка, на рынок, хочу нанять приказчика». — «Найми меня!» — «А что возьмешь?» — «Половину барыша». Купеческий сын согласился и принял старика в приказчики. Изготовили они корабль, нагрузили товарами и отвалили от берега; ветер был попутный, корабль ходкий, и прибыл Иван в чужестранное государство в то самое время, как дядины корабли в пристань входили.

В том государстве обмерла у царя дочь; вынесли ее в церковь и каждую ночь посылали к ней по одному человеку на съедение. Много народу погибло; этак, думает царь, пожалуй, и царство мое не устоит, и выдумал: вместо своих людей посылать к дочери приезжих из иных земель; какой бы купец ни явился у пристани — должен наперед перебыть ночь в церк-

ви, а потом, коли уцелеет, — может и покупать, и продавать, и назад ехать. Вот новоприезжие купцы сошлись на пристани и стали судить да рядить, кому прежде в церковь идти. Кинули жребий, и доставалось: на первую ночь идти старшему дяде, на вторую ночь — младшему дяде, а на третью ночь — Ивану купеческому сыну. Дядя испугался и давай просить своего племянника: «Голубчик Ванюшка! Переночуй за нас в церкви; что хочешь — то и возьми за послугу, спорить не будем». — «Постойте, я спрошусь у дедушки». Пошел к старику: «Так и так, — говорит, — дяди пристают, просят за них потрудиться; как ты, дедушка, присоветуешь?» — «Ну что ж — потрудись; только пусть они за то по три корабля тебе дадут». Иван купеческий сын передал эти слова своим дядюшкам, они согласились: «Ладно, Ваня! Шесть кораблей — твои».

Когда наступил вечер, старичок взял Ивана за руки, привел в церковь, поставил возле гроба и начертил круг: «Стой крепко, из-за черты не выходи, читай псалтырь и ничего не бойся!» Сказал и ушел; Иван купеческий сын остался один в церкви, развернул книгу и начал псалмы читать. Как только пробило двенадцать часов — подымается крышка с гроба, встает царевна и подходит прямо к черте: «Я тебя съем!» — грозит, рвется вперед, кричит на разные голоса, и по-собачьи и по-кошачьи, а переступить черты не может. Иван читает, на нее не смотрит; вдруг петухи запели, и царевна бросилась в гроб как попало; ее платье через край повисло. Поутру посылает царь своих прислужников: «Ступайте в церковь, приберите кости». Прислужники отперли двери, заглянули в церковь — а купеческий сын стоит живой перед гробом да все псалтырь читает.

На другую ночь было то же самое; а на третий день вечером взял его старик за руку, привел в церковь и говорит: «Как только ударит двенадцать часов, ты не мешкая полезай на хоры; там стоит большой образ Петра-апостола, стань позади его — ничего не бойся!» Купеческий сын принялся за псалтырь; читал-читал; ровно в двенадцать часов видит — крышка с гроба подымается; он поскорей на хоры и стал позади большого образа Петра-апостола. Царевна выскочила да за ним; прибежала на хоры, искала-искала, все углы обошла — не могла найти. Подходит к образу, глянула на лик святого апостола и задрожала; вдруг от иконы глас раздался: «Изыдй, окаянный!» В ту же минуту злой дух оставил царевну, пала она перед иконою на колени и начала со слезами молиться. Иван купеческий сын вышел из-за образа, стал с нею рядом, крестится да поклоня кладет.

Поутру приходят в церковь царские прислужники, смотрят — Иван купеческий сын и царевна стоят на коленях и богу молятся; тотчас побежали и доложили царю. Царь обрадовался, поехал сам в церковь, привез царевну во дворец и говорит купеческому сыну: «Ты мою дочь и все царство избавил; возьми ее за себя замуж, а в приданое жалую тебе шесть кораблей с дорогими товарами». На другой день их перевенчали; весь народ пировал на свадьбе — и бояре, и купцы, и простые крестьяне. Через неделю после того собрался Иван купеческий сын домой ехать: распрощался с царем, взял молодую жену, сел на корабль и велел выходить

в море. Бежит его корабль по морю, а вслед за ним двенадцать других плывут; шесть кораблей, что царь подарил, да шесть кораблей, что у дядей выслужил.

На половине пути говорит старичок Ивану купеческому сыну: «Когда ж станем барыши делить?» — «Хоть сейчас, дедушка! Выбирай себе шесть кораблей, какие полюбятся». — «Это не все; надо и царевну поделить». — «Что ты, дедушка, как ее делить?» — «Да вот разрублю надвое: тебе половина да мне половина». — «Бог с тобой! Этак она никому не достанется; лучше бросим жребий». — «Не хочу», — отвечает старик, — сказано — барыши пополам, так тому и быть!» Выхватил меч и рассек царевну надвое — поползли из нее разные гады и змеи. Старик перебил всех гад и змей, сложил царевнино тело, взбрызнул раз святою водою — тело срослось, взбрызнул в другой — царевна ожила и сделалась краше прежнего. Говорит тогда старик Ивану купеческому сыну: «Бери себе и царевну и все двенадцать кораблей, а мне ничего не надо; живи праведно, никого не обижай, нищую братию наделяй да молись святому апостолу Петру». Сказал и исчез. Купеческий сын воротился домой и жил с своею царевною долго и счастливо, никого не обижал и бедным завсегда помогал.

365—369. РАССКАЗЫ О ВЕДЬМАХ

365

Поздним вечером приехал один казак в село, остановился у ^{208a} крайней избы и стал проситься: «Эй, хозяин, пусти переночевать!» — «Ступай, коли смерти не боишься». — «Что за речь такая!» — думает казак, поставил коня в сарай, дал ему корму и идет в избу. Смотрит — и мужики, и бабы, и малые ребятишки — все навзрыд плачут да богу молятся; помолились и стали надевать чистые рубашки. «Чего вы плачете?» — спрашивает казак. «Да вишь, — отвечает хозяин, — в нашем селе по ночам смерть ходит, в какую избу ни заглянет — так наутро клади всех жильцов в гробá да вези на погост. Нынешнюю ночь за нами очередь». — «Э, хозяин, не бойся; бог не выдаст, свинья не съест». Хозяева полегли спать; а казак себе на уме — и глаз не смыкает.

В самую полночь отворилось окно; у окна показалась ведьма — вся в белом, взяла кропило, просунула руку в избу и только хотела кропить — как вдруг казак размахнул своей саблею и отсек ей руку по самое плечо. Ведьма захохала, завизжала, по-собачьи забрехала и убежала прочь. А казак поднял отрубленную руку, спрятал в свою шинель, кровь замыл и лег спать. Пoutuру проснулись хозяева, смотрят — все до единого живы-здоро-

вы, и нескáзанно обрадовались. «Хотите,— говорит казак,— я вам смерть покажу? Соберите скорей всех сотников и десятников да пойдемте ее по селу искать». Тотчас собралась все сотники и десятники и пошли по домам; там нету, здесь нету, наконец добрались до пономарской избы. «Вся, ли семья твоя здесь налицо?» — спрашивает казак. «Нет, родимый! Одна дочка больна, на печи лежит». Казак глянул на печь, а у девки рука отсечена; тут он объявил все, как было, вынул и показал отрубленную руку. Мир наградил казака деньгами, а эту ведьму присудил утопить.

366

некотором королевстве жил-был король; у этого короля была ^{208b} дочь волшебница. При королевском дворе проживал поп, а у попа был сынок десяти лет и каждый день ходил к одной старушке — грамоте учиться. Раз случилось ему поздно вечером идти с ученья; проходя мимо дворца, глянул он на одно окошечко. У того окошечка сидит королева, убирается: сняла с себя голову, мылом намылила, чистой водой вымыла, волосы гребнем расчесала, заплела косу и надела потом голову на старое место. Мальчик диву дался: «Вишь какая хитрая! Прямая колдунья!» Воротился домой и стал всем рассказывать, как он королеву без головы видел. Вдруг расхворалась-разболелась королевская дочь, призвала отца и стала ему наказыывать: «Если я помру, то заставьте поповского сына три ночи сряду надо мною псалтырь читать». Померла королева, положили ее в гроб и вынесли в церковь. Король призывает попа: «Есть у тебя сын?» — «Есть, ваше величество». — «Пусть,— говорит,— читает над моей дочерью псалтырь три ночи сряду». Поп воротился домой и велел сыну изготovitься.

Утром пошел попович учиться и сидит над книгою такой скучный. «О чем запечалился?» — спрашивает его старушка. «Как мне не печалиться, коли я совсем пропал?» — «Да что с тобой? Говори толком». — «Так и так, бабушка! Надо читать над королевною, а она ведь колдунья!» — «Я прежде тебя это ведала! Только не бойся, вот тебе ножик; когда придешь в церковь, очерти около себя круг, читай псалтырь да назад не оглядывайся. Что бы там ни было, какие бы страсти ни представлялись — знай свое, читай да читай! А если назад оглянешься — совсем пропадешь!» Вечером пришел мальчик в церковь, очертил ножом около себя круг и принялся за псалтырь. Пробыло двенадцать часов, с гроба поднялась крышка, королева встала, выбежала и закричала: «А, теперь ты узнаешь, как под моими окнами подсматривать да людям рассказывать!» Стала на поповича бросаться, да никак через круг перейти не может; тут начала она напускать разные страсти; только что ни делала — он все читает да читает, никуда не оглядывается. А как стало светать, бросилась королева в гроб и со всего размаху повалилась в него — как попало!

На другую ночь то же приключилось; попович ничего не убоился, до самого света безостановочно читал, а поутру пошел к старухе. Она спрашивает: «Ну что, видел страсть?» — «Видел, бабушка!» — «Нынче

еще страшнее будет! Вот тебе молоток и четыре гвоздя — забей их по четырем углам гроба, а как станешь псалтырь читать — молоток против себя поставь». Вечером пришел попovich в церковь и сделал все так, как научила старушка. Пробило двенадцать часов, гробовая крышка на пол упала, королевна встала и начала летать по всем сторонам да грозить попovichу; то напускала большие страсти, а теперь еще больше: чудится попovichу, что в церкви пожар сделался, пламя так все стены и охватило; а он стоит себе да читает, назад не оглядывается. Перед рассветом королевна в гроб бросилась, и тотчас пожара как не бывало — все наваждение сгнуло! Поутру приходит в церковь король, смотрит — гроб открыт, в гробу королевна кверху спиной лежит. «Что такое?» — спрашивает мальчика; тот ему рассказал, как и что было. Король приказал забить своей дочери осиновый кол в грудь и зарыть ее в землю, а попovichа наградила казною и разными угодами.

367

ил-был солдат, служил богу и великому государю пятнадцать ^{208с} годов, ни разу не видался с своими родителями. На ту пору вышел от царя приказ отпускать рядовых для свидания с своими сродственниками по двадцати пяти человек с роты; заодно с другими отпросился и наш солдат и отправился домой на побывку в Киевскую губернию. Долго ли, коротко ли — пришел он в Киев, побывал в лавре, богу помолился, святым мощам поклонился и пошел на родину в ближний уездный город. Шел-шел, вдруг попадается ему навстречу красная девица, из того же уездного города дочь купеческая, собой знатная красавица. Известное дело: коли завидит солдат пригожую девку, ни за что не пройдет просто, а чем-нибудь да зацепит. Так и этот солдат: поравнялся с купеческой дочерью и говорит ей в шутку: «Эх, хороша девушка, да не объезжена!» Отвечает красная девица: «Бог знает, служивый, кто кого объездит: либо ты меня, либо я тебя!» Засмеялась и пошла своей дорогой.

Вот приходит солдат домой, поздоровался с родными и крепко обрадовался, что всех их застал в добром здоровье. Был у него старый дедушка, белый как лунь, лет сто с хвостиком прожил. Стал ему солдат рассказывать: «Ишел я, дедушка, домой, и попалась мне навстречу знатная девица; я — грешный человек — так и так посмеялся над ней, а она мне сказала: бог знает, служивый: либо ты меня объездишь, либо я тебя!» — «Ах, батюшки! Что ж ты наделал; ведь это дочь нашего купца — страшная ведьма! Не одного молодца свела она с белого свету». — «Ну, я и сам не робкого десятку! Меня не скоро напугаешь; еще поглядим: что бог даст?» — «Нет, внучек, — говорит дед, — если не станешь меня слушать, тебе завтра живому не быть». — «Вот еще беда!» — «Да такая беда, что ты этакой страсти и на службе не видывал...» — «Что ж мне делать, дедушка?» — «А вот что: приготовь узду да возьми толстое осиновое полено и сиди в избе — никуда не ходи; ночью она прибежит сюда, и если успеет прежде тебя сказать: стой, мой конь! — в ту ж ми-

нугу оборотишься ты жеребцом; она сядет на тебя верхом и до тех пор будет гонять, пока не заедит тебя до смерти. А если ты успеешь наперед сказать: «Тпру! стой, моя кляча!», то она сама сделается кобылою, тогда зануздай ее и садись верхом. Она понесет тебя по горам, по долам, а ты знай свое — бей ее осиновым поленом в голову, и до тех пор бей, пока не убьешь до смерти!»

Не чаял солдат такой службы, а нечего делать — послушался деда: приготовил узду и осиновое полено, сел в углу и дожидается, что-то будет. В глухую полночь скрипнула дверь в сенях, и послышались шаги — идет ведьма; только отворила дверь в избу, он тотчас и вымолвил: «Тпру! стой, моя кляча!» Ведьма оборотилась кобылою; солдат зануздал ее, вывел на двор и вскочил верхом. Понесла его кобыла по горам, по долам, по оврагам и все норовит, как бы сбить седока долой; да нет! Солдат твердо сидит да то и дело по голове ее осиновым поленом осаживает; до тех пор угощал ее поленом, покудова с ног сбил, а после накинудся на лежащую, хватил еще разов пять и убил ее до смерти. Стало светать, он домой пришел. «Ну, друг, как твое дело?» — спрашивает старик. «Слава богу, дедушка, убил ее до смерти». — «Ладно! Теперь ложись спать». Солдат лег и заснул крепким сном.

Вечером будит его старик: «Вставай, внучек!» Он встал. «Ну, как же теперь-то? Ведь купеческая дочь померла, так отец ее за тобой приедет — станет звать тебя к себе псалтырь читать над покойницей». — «Что ж, дедушка, иди али нет?» — «Пойдешь — жив не будешь, и не пойдешь — жив не будешь! Однако лучше иди...» — «А коли что случится, куда я денусь?» — «Слушай, внучек! Когда пойдешь к купцу, будет он тебя вином потчевать — ты не пей много, выпей сколько надобно. После того поведет тебя купец в ту комнату, где дочь его во гробу лежит, и запрет тебя на замок; будешь ты псалтырь читать с вечера до полуночи, а в самую полночь вдруг дунет сильный ветер, гробница заколыхается, крышка долой упадет... Вот как эта страсть начнется, ты скорей полезай на печь, забейся в угол и твори потихоньку молитвы; там она тебя не найдет!»

Через полчаса приезжает купец и просит солдата: «Ах, служивый! Ведь у меня дочка померла, почитай над нею псалтырь». Солдат взял псалтырь и поехал в купеческий дом. Купец тому радехонек, сейчас его за стол посадил и давай вином поить. Солдат выпил, сколько ему надобно, а больше не пьет, отказывается. Купец взял его за руку, повел в ту комнату, где мертвая лежала. «Ну, — говорит, — читай псалтырь!» Сам вышел вон, а двери на замок запер. Нечего делать, принялся солдат за псалтырь, читал-читал, вдруг в самую полночь дунул ветер, гробница заколыхалась, крышка долой слетела; солдат поскорей на печь, забился в угол, оградил себя крестом и давай шептать молитвы. Ведьма выскочила из гроба и начала во все стороны кидаться — то туда, то сюда! Набежало к ней нечистых видимо-невидимо — полна изба! «Что ты ищешь?» — «Солдата: вот сейчас читал, да пропал!» Черти бросились в розыски; искали, искали, все закоулки обшарили, стали на печь заглядывать... тут на солдатское счастье петухи закричали: в один миг все черти пропали, а ведьма

зря на полу растянулась. Солдат слез с печи, положил ее в гроб, накрыл, как следует, крышкой, и опять за псалтырь.

На рассвете приходит хозяин, отворил двери: «Здравствуй, служивый!» — «Здравия желаю, господин купец!» — «Благополучно ли ночь провел?» — «Слава богу!» — «Вот тебе пятьдесят рублей; приходи, друг, еще ночь почитай!» — «Хорошо, приду!» Воротился солдат домой, лег на лавку и спал до вечера; проснулся и говорит: «Дедушка! Купец велел приходиться другую ночь псалтырь почитать; иди али нет?» — «Пойдешь — жив не будешь, и не пойдешь — то же самое! Однако лучше иди: вина много не пей — выпей сколько надобно; а как ветер дунет, гробница заколыхается — тотчас в печь полезай! Там тебя никто не найдет!» Солдат собрался и пошел к купцу: тот его посадил за стол и давай вином поить; после повел к покойнице и запер дверь на замок. Солдат читал-читал, читал-читал; наступила полночь — дунул ветер, гробница заколыхалась, крышка долой упала; он поскорей в печь... Ведьма вскочила и начала метаться; набежало к ней нечистых — полна изба! «Что ты ищешь?» — «Да вот сейчас читал, да с глаз пропал! Найдите не могу...» Черти бросились на печь. «Вот, — говорят, — то место, где он вчера сидел!» — «Место тут, да его нету!» Туда-сюда... вдруг петухи запели — нечистые сгнули, ведьма на пол повалилась.

Солдат отдохнул немного, вылез из печи, положил купеческую дочь в гроб и стал псалтырь читать. Смотрит — уж светает, хозяин идет: «Здравствуй, служивый!» — «Здравия желаю, господин купец!» — «Благополучно ли ночь прошла?» — «Слава богу!» — «Ну, пойдем!» Вывел его из той комнаты, дал сто рублей денег и говорит: «Приходи, пожалуйста, почитай и третью ночь; я тебя не обижу». — «Хорошо, приду!» Воротился солдат домой. «Ну, внучек, что бог дал?» — «Ничего, дедушка! Купец велел еще приходиться. Иди али нет?» — «Пойдешь — жив не будешь, и не пойдешь — жив не будешь! Однако лучше иди». — «А коли что случится, куда мне спрятаться?» — «Вот что, внучек: купи-ка себе сковороду и скори так, чтобы купец не видал; а как придешь к купцу, станет он тебя вином дюже неволить; ты смотри много не пей, выпей, сколько снести можешь. В полночь, как только зашумит ветер да гробница заколыхается, ты в ту ж минуту полезай на печной столб и накройся сковородою; там тебя никто не сыщет!»

Солдат выспался, купил себе сковороду, спрятал ее под шинель и к вечеру пошел на купеческий двор. Купец посадил его за стол и давай вином поить; всячески его просит, улещает. «Нет, — говорит солдат, — будет; я свое выпил, больше не стану». — «Ну, когда не хочешь пить, так ступай псалтырь читать». Привел его купец к мертвой дочери, оставил одного и запер двери. Солдат читал-читал, читал-читал — наступила полночь, дунул ветер, гробница заколыхалась, крышка долой упала. Солдат влез на столб, накрылся сковородой, оградился крестом и ждет — что-то будет? Ведьма вскочила, начала всюду метаться; набежало к ней нечистых видимо-невидимо — полна изба! Бросились искать солдата, заглянули в печь. «Вот, — говорят, — место, где он вчера сидел!» — «Место цело, да его нет!» Туда-сюда — нигде не видать! Вот лезет через порог

самый старый черт: «Что вы ищете?» — «Солдата; сейчас читал, да с глаз пропал!» — «Эх вы, слепые! А это кто на столбе сидит?» У солдата так сердце и ёкнуло, чуть-чуть наземь не упал! «И то он, — закричали черти, — только как с ним быть? Ведь его достать нельзя!» — «Вот нельзя! Бегите-ка раздобудьте огарок, который не благословясь зажжен был». Вмиг притащили черти огарок, разложили костер у самого столба и запалили; высоко ударило пламя, жарко солдату стало — то ту, то другую ногу под себя поджимает. «Ну, — думает, — смерть моя пришла!» Вдруг на его счастье петухи запели — черти сгнули, ведьма на пол повалилась, солдат соскочил с печного столба и давай огонь тушить. Погасил, убрал все как следует, купеческую дочь в гроб положил, крышкою накрыл и принялся псалтырь читать.

На рассвете приходит купец, прислушивается — жив ли солдат али нет? Услыхал его голос, отворил дверь и говорит: «Здравствуй, служивый!» — «Здравия желаю, господин купец!» — «Благополучно ли ночь провел?» — «Слава богу, ничего худого не видал!» Купец дал ему полтора рубля и говорит: «Много ты потрудился, служивый! Потрудись еще: приходи сегодня ночью да свези мою дочку на кладбище». — «Хорошо, приду!» — сказал солдат и бегом домой. «Ну, друг, что бог дал?» — «Слава богу, дедушка, уцелел! Купец просил побывать к нему ночью, отвезти его дочь на кладбище. Идти али нет?» — «Пойдешь — жив не будешь, и не пойдешь — жив не будешь! Однако надо идти; лучше будет». — «Что же мне делать? Научи». — «А вот что! Как придешь к купцу, у него все будет приготовлено. В десять часов станут с покойницей сродственники прощаться, а после набьют на гроб три железных обруча, поставят его на дроги, в одиннадцать часов велят тебе на кладбище везти. Ты гроб вези, а сам в оба гляди: лопнет один обруч — не бойся, смело сиди; лопнет другой — ты все сиди; а как третий лопнет — сейчас скачи через лошадь да скрозь дугу и беги задом. Сделаешь так, ничего тебе не будет!»

Солдат лег спать, проспал до вечера и отправился к купцу. В десять часов стали с покойницей сродственники прощаться; потом начали железные обручи нагонять; нагнали обручи, поставили гроб на дроги: «Теперь поезжай, служивый, с богом!» Солдат сел на дроги и поехал; сначала вез тихо, а как с глаз уехал, припустил что есть духу. Скачет, а сам все на гроб поглядывает. Лопнул один обруч, за ним другой — ведьма зубами скрипит. «Постой, — кричит, — не уйдешь! Сейчас тебя съем!» — «Нет, голубушка! Солдат — человек казенный; их есть не дозволено». Вот лопнул и последний обруч — солдат через лошадь да скрозь дугу и побежал задом. Ведьма выскочила из гроба и кинулась догонять; напала на солдатский след и по тому следу повернула к лошади, обежала ее кругом, видит, что нет солдата, и опять в погоню. Бежала-бежала; на след напала и опять повернула к лошади... Совсем с толку сбилась, разов десять назад ворочалась; вдруг петухи запели, ведьма так и растянулась на дороге!

Солдат поднял ее, положил в гроб, заколотил крышку и повез на кладбище; привез, свалил гроб в могилу, закидал землею и воротился к купцу. «Все, — говорит, — сделал; бери свою лошадь». Купец увидал солдата и

глаза выпучил: «Ну, служивый, я много знаю; об дочери моей и говорить нечего — больно хитра была; а ты, верно, и больше нашего знаешь!» — «Что ж, господин купец, заплати за работу». Купец вынул ему двести рублей; солдат взял, поблагодарил его и пошел угощать свою родню. На том угощение и я был; дали мне вина корец, моей сказке конец.

368

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, у этого царя был сын. Когда царевич стал на возрасте, отец его женил; но жена его не любила: начинал ли он к своей жене ласкаться, она сейчас его отталкивала. Царевич часто жаловался на нее своему отцу и, наконец, стал с горя проситься по чужим землям странствовать. Отец позволил. Вот он оседлал своего доброго коня и отправился в путь-дорогу; долго ли, коротко ли — приезжает в одно отдаленное государство. Тамшний царь увидел Ивана-царевича, обласкал его и стал говорить: «Послушай, Иван-царевич, будь мне брат, сослужи мне службу: вызывает меня соседний король на войну, так помоги своей силою!» Иван-царевич не отказался, и, как утро настало, оба они отправились на войну. Иван-царевич побил все неприятельское войско и самого короля в плен взял. После бою, воротившись домой, царь его угостил-употчевал и положил спать на свою постель.

Только царевич улегся и стал засыпать, вдруг прилетела колпича, сняла перья — сделалась девица; будит его, сама приговаривает: «Возлюбленный мой царь! Аль не хочешь для меня проснуться да поговорить со мной? Мой муж Ванька в чистое поле уехал, уж его давно собаки разорвали!» Не успела она речь скончать, как Иван-царевич узнал в ней свою жену, вскочил с постели, махнул мечом и отрубил ей правую руку. Вскрикнула она, обратилась колпичею и улетела домой. Долго ли, коротко ли — воротился Иван-царевич в свое государство и спрашивает: «Где моя жена?» Отец говорит: «Дома». — «А коли дома, пусть ко мне выйдет». Вышла она об одной руке. Иван-царевич рассказал отцу, отчего у ней рука отрублена; тотчас же велел ее на воротах расстрелять, а сам после на другой женился.

369

Жила-была старуха — страшная колдунья; у нее были дочь да внучка. Пришло время помирать старухе; призывает к себе свою дочь и так наказывает: «Смотри, дочка, как я помру — ты не обмывай мое тело теплою водицею, а возьми котел, вскипяти самого крутого кипятку да тем кипятком и ошпарь всеё меня». После этого полежала колдунья хворою дня дватри и померла. Дочь побежала по соседям с просьбою, чтобы пришли пособить ей обмыть старуху; а в избе осталась одна малая внучка; и видится ей: вылезли вдруг из-под печки два черта — большой да крохотный, подбежали к мертвой колдунье; старый черт схватил ее за ноги, как дернул — сразу всю шкуру сорвал, и говорит чертенку: «Возьми себе

мясо, тащи под печку!» Чертенюк подхватил мясо в охапку и унес под печь. Оставалась одна старухина шкура; старый черт залез в эту шкуру и лег на том самом месте, где лежала колдунья.

Вот воротилась дочь, привела с собой с десяток баб, и принялись они убирать покойницу. «Мама,— говорит девочка,— а без тебя с бабушки шкуру стащили». — «Что ты врешь?» — «Право, мама! Вылез из-под печки такой черный-черный, содрал шкуру, да сам в нее и залез». — «Молчи, негодная! Ишь что выдумала!» — закричала старухина дочь, принесла большой котел, налила холодной воды, поставила в печь и нагрела крутого кипятку; потом подняли бабы старуху, положили в корыто, взяли за котел и разом весь кипяток на нее вылили. Черт не вытерпел, выскочил из корыта, бросился в дверь — и пропал совсем со шкурою. Бабы смотрят: что за чудо? Была покойница, да и нет ее! Ни убирать, ни хоронить некого; в глазах черти унесли!

370. СМЕРТЬ СКУПОГО

ил-был скупой скряга, старик; имел двух сыновей и мно-²⁰⁹
жество денег; слышал смерть, заперся один в избе и
сел на сундук, начал глотать золотые деньги и есть ассиг-
нации и так покончил свою жизнь. Пришли сыновья, по-
ложили мертвого под святые иконы и позвали дьячка чи-
тать псалтырь. Вдруг в самую полночь является в образе
человека нечистый, поднял мертвого старика на плечо и
сказал: «Держи, дьячок, полу!» И начал трусить старика:
«Деньги твои, а мешок мой!» Понес его и невидим стал.

371. СКРИПАЧ В АДУ

ыл-жил мужик, у него было три сына. Жил он богато, собрал²¹⁰
два котла денег — один закопал в овине, другой в воротах.
Вот помер этот мужик, а про деньги никому не сказал. Од-
нажды был на деревне праздник; шел скрипач на гулянку и
вдруг провалился сквозь землю; провалился и попал в ад,
прямо в то место, где богатый мужик мучился. «Здравствуй,
знакомый!» — говорит скрипач. Отвечает ему мужик: «Ты
неладно попал сюда! Здесь ад, и я в аду сижу». — «За что
же ты, дядя, сюда угодил?» — «За деньги! Было у меня

денег много, нищим не давал, два котла в землю закопал. Вот сейчас станут меня мучить, палками бить, когтями терзать». — «Как же мне-то быть? Пожалуй, и меня замучают!» — «А ты пооди, сядь за трубой на печке да три года не ешь — так уцелеешь!» Скрипач спрятался за трубой, пришли ненаши¹, стали богатого мужика бить да приговаривать: «Вот тебе, богач! Тьму денег накопил, а спрятать не сумел; туда закопал их, что нам сторожить немоготу! В воротах бесперечь ездят, лошади нам головы подковами поразбивали, а в овине цепами нас молотят».

Только ушли ненаши, мужик и говорит скрипачу: «Если выйдешь отсюда, скажи моим детям, чтобы они взяли деньги: один котел у ворот закопан, а другой — в овине, и чтобы роздали их на нищую братию». Потом еще набежала целая изба ненаших и спрашивают у богатого мужика: «Что у тебя русским духом пахнет?» Мужик говорит: «Это вы по Руси ходили, русского духу набрались!» — «Как бы не так!» Стали искать, нашли скрипача и закричали: «Ха-ха-ха, скрипач здесь!» Стащили его с печки и заставили играть на скрипке. Он три года играл, а ему за три дня показалось; устал и говорит: «Что за диво! Бывало, играл я — в один вечер все струны изорву, а теперь третий день играю — и всё целы. Господи благослови!» Только вымолвил — все струны и лопнули. «Ну, братцы, — говорит скрипач, — сами видите: струны лопнули, не на чем играть!» — «Постой, — сказал один нечистый, — у меня есть два бунта² струн, я тебе принесу». Сбежал и принес; скрипач взял струны, потянул и опять только вымолвил: «Господи благослови!» — оба бунта лопнули. «Нет, братцы, ваши струны мне не годятся; у меня свои дома есть, дайте — схожу!» Ненаши его не пускают: «Ты уйдешь!» — говорят. «Если вы не верите, то пошлите со мной кого-нибудь в провожатых». Ненаши выбрали одного и послали с скрипачом.

Скрипач пришел в деревню; слышит: в крайней избе свадьбу справляют. «Пойдем на свадьбу!» — «Пойдем!» Вошли в избу; тут все скрипача узнали, спрашивают: «Где это ты, братец, три года пропадал?» — «На том свете был!» Посидели, погуляли; ненаш зовет скрипача: «Пора идти!» А тот: «Погоди еще немножко; дай мне на скрипке поиграть, молодых повеселить». До тех пор просидели, пока петухи запели: тут ненаш пропал, а скрипач стал говорить сыновьям богатого мужика: «Ваш батюшка приказал вам взять деньги: один котел у ворот зарыт, а другой — в овине, и велел все эти деньги нищим раздать». Вот откопали оба котла, стали раздавать деньги по нищей братии: чем больше их раздают, тем больше их прибавляется.

Вывезли эти котлы на перекресток: кто ни едет мимо, всякий берет оттуда, сколько рукой захватит, а деньги всё не сбывают. Подала челобитную государю; он и приказал: в некотором городе шла дорога в объезд — верст пятьдесят будет, а если прямо проложить то всего пять верст, и приказал государь выстроить прямоезжий мост. Вот и выстроили мост на пять верст, и на то дело оба котла опорожнили.

¹ Черти..

² Бунт — пучок, связка (Ред.).

В те времена некая девица родила сына и покинула его с малолетства; этот младенец три года не ел, не пил, и все с ним божий ангел ходил. Пришел младенец на мост и говорит: «Ах, какой славный мост! Дай бог тому царство небесное, на чьи деньги его построили». Услышал господь эту молитву и велел своим ангелам выпустить богатого мужика из аду кромешного.

372. ГОРШЕЧНИК

дет дорогою горшечник; навстречу ему прохожий: «Найми, — ²¹¹ говорит, — меня в работники!» — «Да умеешь ли ты горшки делать?» — «Еще как умею-то!» Вот порядились, ударили по рукам и поехали вместе. Приезжают домой, работник и говорит: «Ну, хозяин, приготовь сорок возов глины, завтра я за работу примусь!» Хозяин приготовил сорок возов глины: а работник-то был — сам нечистый, и наказывает он горшечнику: «Я стану по ночам работать, а ты ко мне в сарай не ходи!» — «Отчего так?» — «Ну да уж так! Придешь — беды наживешь!» Наступила темная ночь; как раз в двенадцать часов закричал нечистый громким голосом, и собралось к нему чертенят видимо-невидимо, начали горшки лепить, пошел гром, стук, хохот по всему двору. Хозяин не вытерпел: «Дай пойду — посмотрю!» Приходит к сараю, заглянул в щелочку — сидят черти на корточках да горшки лепят; только один хромой не работает, по сторонам смотрит, увидел хозяина, схватил ком глины да как пустит — и попал ему прямо в глаз! Окривел хозяин на один глаз и вернулся в избу, а в сарае-то гам да хохот пуше прежнего!

Наутро говорит работник: «Эй, хозяин! Ступай горшки считать, сколько за одну ночь наработано». Хозяин сосчитал — сорок тысяч наработано. «Ну, теперь готовь мне десять сажен дров; в эту ночь стану обжигать горшки». Ровно в полночь опять закричал нечистый громким голосом; сбегались к нему со всех концов чертенята, перебили все горшки, покидали черепа в печь и давай обжигать. А хозяин закрестил щелочку и смотрит. «Ну, — думает, — пропала работа!» На другой день зовет его работник: «Погляди, хорошо ли сделал?» Хозяин приходит смотреть — все сорок тысяч горшков стоят целы, один одного лучше! На третью ночь созвал нечистый чертенят, раскрасил горшки разными цветами и все до последнего на один воз уклад.

Дождлся хозяин базарного дня и повез горшки в город на продажу; а нечистый приказал своим чертенятам бегать по всем домам, по всем улицам да народ скликать — горшки покупать. Сейчас повалил народ на базар: обступили со всех сторон горшечника и в полчаса весь товар разобрали. Приехал мужик домой и полон мешок денег привез. «Ну, — гово-

рит ему нечистый,— давай барыши делить». Поделили пополам. Черт взял свою часть, распрощался с хозяином и пропал. Через неделю поехал мужик с горшками в город; сколько ни стоял он на базаре, никто не покупает; все обходят его мимо, да еще всячески ругают: «Знаем мы твои горшки, старый хрен! С виду казисты, а нальешь воды — сейчас и развалятся! Нет, брат, теперь не надуешь». Перестали брать у него горшки; совсем обеднял мужик, запил с горя и стал по кабакам валяться.

373. ВДОВА И БЕС

ил-был мужик, была у него жена-красавица; крепко они ²¹²любили друг дружку и жили в ладу и согласии. Ни много, ни мало прошло времени, помер муж. Похоронила его бедная вдова и стала задумываться, плакать, тосковать. Три дня, три ночи бесперечь слезами обливалась; на четвертые сутки, ровно в полночь, приходит к ней бес в образе ее мужа. Она возрадовалась, бросилась ему на шею и спрашивает: «Как ты пришел?» — «Да слышу, — говорит, — что ты, бедная, по мне горько плачешь, жалко тебя стало, отпросился и пришел». Лег он с нею спать; а к утру, только петиухи запели, как дым исчез. Ходит бес к ней месяц и другой; она никому про то не рассказывает, а сама все больше да больше сохнет, словно свечка на огне тает!

В одно время приходит ко вдове мать-старуха, стала ее спрашивать: «Отчего ты, дочка, такая худая?» — «От радости, матушка!» — «От какой радости?» — «Ко мне покойный муж по ночам ходит». — «Ах ты, дура! Какой это муж — это нечистый!» Дочь не верит. «Ну, слушай же, что я тебе скажу: как придет он к тебе в гости и сядет за стол, ты урони нарочно ложку, да как станешь подымать — посмотри ему на ноги». Послушалась вдова матери; в первую же ночь, как пришел к ней нечистый, уронила под стол ложку, полезла доставать, глянула ему на ноги — и увидела, что он с хвостом. На другой день побежала к матери. «Ну что, дочка? Правда моя?» — «Правда, матушка! Что мне делать, несчастной?» — «Пойдем к попу». Пошли, рассказали все, как было; поп начал вдову отчитывать, три недели отчитывал — насилу отстал от нее злой бес!

374. ЛЕШИЙ

дна поповна, не спросясь ни отца, ни матери, пошла в лес гулять и пропала без вести. Прошло три года. В этом самом селе, где жили ее родители, был смелый охотник: каждый божий день ходил с собакой да с ружьем по дремучим лесам. Раз идет он по лесу; вдруг собака его залаяла, и песья шерсть на ней щетиною встала. Смотрит охотник, а перед ним на лесной тропинке лежит колода, на колоде мужик сидит, лапоть ковыряет; подковырнет лапоть, да на месяц и погрозит: «Свети, свети, ясен месяц!» Дивно стало охотнику: отчего так, думает, собою мужик — еще молодёц, а волосом как лунь сед? Только подумал это, а он словно мысль его угадал: «Оттого говорит, я и сед, что чертов дед!» Тут охотник и смекнул, что перед ним не простой мужик, а леший; нацелился ружьем — бац! и угодил ему в самое брюхо. Леший застонал, повалился было через колоду, да тотчас же привстал и потащился в чащу. Следом за ним побежала собака, а за собакою охотник пошел.

Шел-шел и добрал до горы; в той горе расщелина, в расщелине избушка стоит. Входит в избушку, смотрит: леший на лавке валяется — совсем издох, а возле него сидит девица да горько плачет: «Кто теперь меня поить-кормить будет!» — «Здравствуй, красная девица, — говорит ей охотник, — скажи: чья ты и откуда?» — «Ах, добрый молодец! Я и сама не ведаю, словно я и вольного света не видала и отца с матерью не знавала». — «Ну, собирайся скорей! Я тебя выведу на святую Русь». Взял ее с собою и повел из лесу; идет да по деревьям все метки кладет. А эта девица была лешим унесена, прожила у него целые три года, вся-то обносила, оборвалась — как есть совсем голая! А стыда не ведает.

Пришли на село; охотник стал выспрашивать: не пропадала ли у кого девка? Выискался поп. «Это, — говорит, — моя дочка!» Прибежала попадья: «Дитячко ты мое милое! Где ты была столько времени? Не чаяла тебя и видеть больше!» А дочь смотрит, только глазами хлопает — ничего не понимает; да уж после стала помаленьку приходить в себя... Поп с попадьею выдали ее замуж за того охотника и наградили его всяким добром. Стали было искать избушку, в которой она проживала у лешего; долго плутали по лесу, только не нашли.

375—377. МОРОКА

375

ил-был старик да старуха. Пришел бурлак и просится ночевать. Старик пустил: «Пожалуй, ночуй, только с таким уговором, чтобы всю ночь сказки сказывал». — «Изволь, буду сказывать». Ну, вот хорошо; полез старик с бурлаком на полаты, а старуха сидит на печи — лен прядет. Бурлак и думает про себя: «Дай-ка, разве подшутить над ним!» — и оборотил себя волком, а старика медведем. «Побежим, — говорит, — отсюда», — и побежали в чистое поле. Увидал волк старикову кобылу и говорит: «Давай съедим кобылу!» — «Нет, ведь это моя кобыла!» — «Ну да ведь голод не тетка!» Съели они кобылу и опять побежали; увидели старуху, старикову-то жену, — волк опять и говорит: «Давай съедим старуху!» — «Ой, да ведь это моя старуха», — отвечает медведь. «Какая твоя!» Съели и старуху. Так-то медведь с волком лето целое пробегали; настает зима. «Давай, — говорит волк, — засядем в берлогу; ты полезай дальше, а я наперед сяду. Коли найдут нас охотники, так меня первого застрелят; а ты смотри, как меня убьют, начнут кожу сдирать, — ты выбеги, да через кожу-то переметнись, и обернешься опять человеком». Вот лежат они в берлоге; набрели на них охотники, сейчас застрелили волка и начали снимать с него кожу. В то самое время медведь как выскочит, да кувырк через волчью шкуру — и полетел старик с полатей вниз головою. «Ой, ой! — заревел он. — Всю спину отбил!» Старуха кричит: «Что ты, черна немочь! Почто пал? Кажись, пьян не был». — «Да вот почто. — и начал рассказывать: — Ты ведь ничего не знаешь, а мы с бурлаком зверьем были: он — волком, я — медведем; целое лето да зиму пробегали, и кобылу нашу съели, и тебя, старую, съели!» Старуха принялась хохотать, просто удержу нету: «Ай да бурлак! Славно подшутил!»

376

некотором царстве, в некотором государстве жил-был матрос; служил царю верно, вел себя честно, потому и начальство его знало. Отпросился он раз с корабля походить по городу, надел свой парусинник и пошел в трактир; сел за стол и потребовал себе и вина и закусок: ест, пьет, прохлаждается! Уж рублей на десять забрал, а все не унимается: то того, то другого спрашивает. «Послушай, служба, — говорит ему половой, — забираешь ты много, а есть ли у тебя чем рассчитаться?» — «Эх, братец, о деньгах, что ли сомневаешься? Да у меня денег куры не клюют». Тотчас вынул из кармана золотой, бросил на стол и говорит: «На, получай!» Половой взял золотой, высчитал все, как следует, и приносит сдачу; а матрос ему: «Что там за сдача, братец! Возьми себе на водку».

На другой день опять отпросился матрос, зашел в тот же трактир и прогулял еще золотой; на третий день тоже, и стал он ходить туда, почитай, каждый день и все платит золотыми, а сдачи не берет, дарит повому на водку. Стал замечать за ним сам трактирщик, и пришло ему в сумнение: «Что бы это значило? Матросишка — так себе, а поди как сорит деньгами! Полную шкатулку золота натаскал!.. Жалованье мне ихнее известно, небось — не раскутишься! Верно, он где ни на есть казну обобрал; надо начальству про то донести; неровён час — еще в такую беду попадешь, что после и не разделаешься, а пожалуй, и в Сибирь угодишь». Вот и доложил трактирщик офицеру, а тот довел до самого генерала. Генерал потребовал к себе матроса. «Признавайся, — говорит, — по совести, отколь золото брал?» — «Да этого золота во всякой помойной яме много!» — «Что ты врешь?» — «Никак нет, ваше превосходительство! Не я вру, а трактирщик; пусть покажет он то золото, что от меня получил».

Сейчас принесли шкатулку, открыли, а она полнехонька костяшек. «Как же, братец: ты платил золотом, а очутились костяшки? Покажи, как ты сделал это?» — «Ах, ваше превосходительство! Ведь нам смерть приходит...» Глядят, а в окна и в двери так вода и хлынула; все выше да выше, уж под горло подступает. «Господи! Что же теперь делать? Куда деваться?» — спрашивает с испугу генерал. А матрос в ответ: «Коли не хотите тонуть, ваше превосходительство, так полезайте за мною в трубу». Вот и полезли, взобрались на крышу, стоят и смотрят во все стороны: целый город затопило! Такое наводнение, что в низких местах совсем домов не выдать; а вода прибывает да прибывает. «Ну, братец, — говорит генерал, — верно и нам с тобой не уцелеть!» — «Не знаю; что будет — то будет!» — «Смерть моя приходит!» — думает генерал, стоит сам не свой да богу молится.

Вдруг откуда не взялся — плывет мимо ялик, зацепился за крышу и остановился на том месте. «Ваше превосходительство, — говорит матрос, — садитесь скорее в ялик, да поплывем; может, и уцелеем, авось вода сбудет». Сели оба в ялик, и понесло их ветром по воде; день плывут, и другой плывут, а на третий стала вода сбывать, и так скоро — куда только она делась? Кругом сухо стало; вышли они из ялика, спросили у добрых людей, как слывет та сторона и далеко ль занесло их? А занесло-то их за тридевять земель, в тридесятое царство; народ все чужой, незнаемый. Как тут быть, как попасть в свою землю? Денег при себе ни гроша не имеют, подняться не на что. Матрос говорит: «Надо наняться в работники да зашибить деньжонок; без того и думать нечего — домой не воротиться». — «Хорошо тебе, братец! Ты давно к работе привычен; а мне каково? Сам знаешь, что я генерал, работать не умею». — «Ничего, я такую работу найду, что и уменя не надо».

Побрели в деревню и стали в пастухи наниматься; общество согласилось и порядило их на целое лето: матрос пошел за старшего пастуха, а генерал за подпaska. Так-таки до самой осени и пасли они деревенскую скотину; после того собрали с мужиков деньги и стали делиться. Матрос разделил деньги поровну: сколько себе, столько и генералу. Вот генерал видит, что матрос равняет его с собою, стал на это обижаться и говорит:

«Что же ты меня с собою равняешь? Ведь я — генерал, а ты — все-таки простой матрос!» — «Как бы не так! Мне бы разделить на трою: две части себе взять, а с вас и одной довольно: ведь я настоящим пастухом был, а вы — подпаском». Генерал осерчал и принялся всячески ругать матроса; а матрос крепился-крепился, размахнул рукой, как толкнет его в бок: «Очнитесь, ваше превосходительство!» Генерал очнулся, смотрит — все по-старому; как был в своей комнате, так и не выходил из ней! Не захотел он больше судить матроса, отпустил его от себя; так трактирщик ни при чем и остался.

377

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь ^{214c} Агей. У этого царя были корабли, ездили воевать в другие страны, и напал на них нечаянно-негаданно сильный неприятель. На одном корабле был на ту пору Иван-бурлак; видит беду неминуемую, ухватился за мачту и повел корабль под воду, отплыл от неприятеля с версту и вынырнул наверх. Доложили про то дело царю, и царь отпустил его на волю. Ходит бурлак по всему царству; только про Иванушку слава хороша, а в кармене нет ни гроша! Да уж что говорить про деньги, коли не было у него ни кола, ни двора, принужден был искать себе квартиру, где бы от темной ночи укрыться, от дождя схорониться.

Нашел он квартиру у отставного солдата и зачал с ним уговариваться: «Я,— говорит,— буду у тебя только по ночам ночевать, а днем стану промышлять да хлеб добывать; а ты себе знай денежки получай: за каждую ночь по целковому». Солдат — не богат, куда деньгам рад! И вспало ему на разум купить себе ларчик, закрыть его наглухо, а сверху прорезать малую дырочку и класть туда рублевки на сохрану. Так и сделал; за всякую ночь дает ему бурлак по целковому, а он все в ларчик да в ларчик. «Кажись, много накопил,— думает он однажды,— время-то прошло немалое, дай посмотрю: много ли у меня рублевиков? А ведь мой бурлак, стало быть, совсем дурак; не ест, не пьет, а каждую ночь по целковому несет! Где только он деньги берет?»

Открывает солдат ларчик, а в нем и не пахнет деньгами: одни щепки лежат. И вышел у хозяина с постояльцем большой тогда спор; один божится, что чистым серебром давал, а другой говорит: «Ну, брат, не знал, что ты этакой мошенник! Я бы тебя и на квартиру не пускал, а то, вишь, все время даром простоял; чего у тебя взять? Как добрым людям сказать?» Отправился солдат в суд и стал просить, чтоб его с бурлаком рассудить. Судьи думали-думали, ничего не выдумали; приказали обоим им руки связать да к царю отослать. Царь Агей стал спрашивать у солдата: какие деньги он брал и куда клал? «Я брал ходячею серебряною монетою и клал в сундучок, чтоб не терся бочок». Царь Агей захохотал, наскоро за сундучком послал. Принесли ларчик, отперли, поглядели, а в нем лежат всё целковики, да такие новые — словно с молотка сейчас! Царь Агей на солдата напустился, закричал: «Ты зачем бурлака обол-

гал?» и приказал его взять да плетьюми наказать. Ивану-бурлаку стало жаль солдата, просит у царя, чтоб его не бил: «Это, — говорит, — я над ним шутку сшутил». Царь спрашивает: «Неужли ты сможешь этак шутить?» — «Смогу, ваше царское величество!» — «А ну, пошути надо мною». — «Я бы рад, да боюсь — достанется». — «Ничего не достанется! Вот тебе Микола порукою».

Тотчас напустил бурлак полон дворец воды; сенаторы всполошились, тонуть-то никому не хочется, чуть не плачут со страху! А к царскому месту подплывает лодка. «Царь Агей, — говорит Иван-бурлак, — сядем в лодку да поедем гулять». Сели и поехали; понесло их ветром в открытое море, а на море поднялась такая сильная буря, что долго они живота себе не чаяли; потом буря помаленьку стихла, и прибило лодку к одному острову. Вышел царь на землю, ступил шага два-три, оглянулся назад — нет ни лодки, ни Ивана-бурлака. Задумался царь Агей: «Куда мне теперь идти?» И пошел вдоль берега; шел-шел и попал в большой город. Видит он: несет баба жареную баранину продавать. «Голубушка, — говорит царь, — найми меня: я стану тебе служить, стану за тобой баранину носить». — «Что возьмешь?» — «Ничего, только хлебом корми». Баба согласилась, и пошли они вдвоем по городу.

Царь нес-нес баранину, захотелось ему попробовать, взял кусок и давай есть. Тут со всех сторон обступили его прохожие, начали приставать да спрашивать: «Что ты ешь?» — «Жареную баранину». — «Какая баранина! Это человечья рука. Вишь какой людоед появился!» Схватили его, связали по рукам и по ногам и посадили в острог. Стали опосля судить, и присудили предать его смертной казни; привели на помост, положили голову на плаху, палач взял в руки топор, замахнулся... «Ай!» — закричал царь Агей. Сенаторы повскакивали со стульев: «Что так громко изволили закричать?» — «Еще бы не кричать: чуть-чуть палач головы не отсек!» — «Что вы это, ваше величество! Какой палач? Вы сидите во дворце, на своем на царском месте, и нас всех собрали судить Ивана-бурлака». — «А ты здесь еще, проклятый, — грозно сказал царь Агей, — жаль мне, что Миколу дал в поруки, а то б велел тебя повесить. Вон из моего царства, чтоб твоего и духу не было слышно!» Тотчас же отдан был приказ по всему царству, чтоб никто не смел принимать в свой дом Ивана-бурлака. Долго бродил он без пристанища; во все дворы заходил — нигде не пускают.

Вот однажды приходит бурлак в деревню и просится к мужику. «Царь не велел!» — говорит мужик. «Пусти, добрый человек!» — «Сказано; нельзя! Коли пушту, так разве за сказку, я до них большой охотник». — «Пожалуй, хоть за сказку». Мужик пустил его, накормил-напоил, и полезли оба на полати. «Ну, сказывай сказку!» — пристаёт хозяин к Ивану-бурлаку, а тот ему в ответ: «Посмотри-ка на себя, кто ты стал?» Мужик посмотрел на себя: как есть медведь! «Посмотри и на меня; ведь и я такой же!» — «Как же нам быть? Ведь нас, пожалуй, убьют!..» — «Небось!»

На полатях-то было окно; вот Иван-бурлак толкнул хозяина за окно, и сам за ним; побежали в лес. Увидали их охотники и погнали вслед.

«Что теперь делать?» — спрашивает мужик. «Садись в дубовое дупло, а я возле сяду; коли охотники прискачут, меня убьют да сдерут мою шкуру — ты выскочи из дупла, перекувырнишь через шкуру — и будешь опять человеком». Только успел рассказать, насккали охотники, убили медведя, сняли с него шкуру и пошли к речке руки мыть.

Мужик увидал, что они ушли, выскочил из дупла, перевернулся раз — и полетел с полатей наземь, больно ушибся, и говорит сам с собой: «Праведно повелел царь Агей, чтоб тебя нигде не пускали!» А Иван-бурлак кричит с полатей: «Что, хозяин, видно, крепко уснул!» — «Где ты, окаянный? Ведь тебя убили и шкуру сняли?» — «Неправда, я жив, и шкура цела!» Тут хозяин выгнал его взаши из дому. Иван-бурлак шатался, шатался и ушел в иное царство.

378. ДОКА НА ДОКУ

215

Пришел солдат в деревню и просится ночевать к мужику. «Я бы тебя пустил, служивый, — говорит мужик, — да у меня свадьба заводится, негде тебе спать будет». — «Ничего, солдату везде место!» — «Ну, ступай!» Видит солдат, что у мужика лошадь в сани запряжена, и спрашивает: «Куда, хозяин, отправляешься?» — «Да, вишь, у нас такое заведение: у кого свадьба, тот и поезжай к колдуну да вози подарок! Самый бедный без двадцати рублей не отделается, а коли богат, так и пятидесяти мало; а не отвезешь подарка, всю свадьбу испортит!» — «Послушай, хозяин! Не вози, и так сойдет!» Крепко уверил мужика, тот послушался и не поехал к колдуну с гостинцами.

Вот начали свадьбу играть, повезли жениха с невестою закон принимать; едут дорогою, а навстречу поезду бык несется, так и ревет, рогами землю копает. Все поезжане испугались, а солдат усом не мигнет: где ни взялася — выскочила из-под него собака, бросилась на быка и прямо за глотку вцепилась — бык так и грохнулся наземь. Едут дальше, а навстречу поезду огромный медведь. «Не бойтесь, — кричит солдат, — я худа не допущу!» Опять где ни взялася — выскочила из-под него собака, кинулась на медведя и давай его душить; медведь заревел и издох. Миновала та беда, снова едут дальше; а навстречу поезду заяц выскочил и перебежал дорогу чуть-чуть не под ногами передней тройки. Лошади остановились, храпят, а с места не трогаются! «Не дури, заяц, — крикнул на него солдат, — мы опосля поговорим с тобой!» — и тотчас весь поезд легко двинулся. Приехали к церкви благополучно, обвенчали жениха с невестою и отправились назад в свою деревню. Стали ко двору подъезжать, а на воротах черный ворон сидит да громко каркает — лошади

опять стали, ни одна с места не тронется. «Не дури, ворон,— крикнул на него солдат,— мы с тобой опосля потолкуем». Ворон улетел, лошади в ворота пошли.

Вот посадили молодых за стол; гости и родичи свои места заняли — как следует, по порядку; начали есть, пить, веселиться. А колдун крепко осердился; гостинцев ему не дали, пробовал было страхи напускать — и то дело не выгорело! Вот пришел сам в избу, шапку не ломает, образам не молится, честным людям не кланяется; и говорит солдату: «Я на тебя сердит!» — «А за что на меня сердиться? Ни я не занимал у тебя, ни ты мне не должен! Давай-ка лучше пить да гулять». — «Давай!» Взял колдун со стола ендову пива, налил стакан и подносит солдату: «Выпей, служивый!» Солдат выпил — у него все зубы в стакан выпадали! «Эх, братец,— говорит солдат,— как мне без зубов-то быть? Чем будет сухари грызть?» Взял да и бросил зубы в рот — они опять стали по-прежнему. «Ну, теперь я поднесу! Выпей-ка от меня стакан пива!» Колдун выпил — у него глаза вылезли! Солдат подхватил его глаза и забросил неведомо куда. Остался колдун на всю жизнь слепым и закаялся страхи напускать, над людьми мудрить; а мужики и бабы стали за служивого бога молить.

379—380. ВОРОЖЕЯ

379

В одном селе жила-была старуха старая, а у ней был сын не велик и не мал, такой, что еще в поле не сможет хорошо работатъ. Вот они дожили до того, что им пришлось — и перекусить нечего; вот тут-то задумалась больно старуха, думала себе, гадая крепку думушку, как им быть и на белу свету жить, да чтобы и хлебушка был.

Думала-думала и вздумала думу, да и гуторит своему мальчуге: «Сынок, поди хоть ты, уведи у кого лошадушек и привяжи их в таком-то кусте да сена дай, а потом отвяжи опять, и отведи в этакую-то лошину, и там поколь¹ пусти их». Малый ее был, нечего сказать, больно проворен; как услышал, что матушка ему приказывает, вот он пошел да и свел где-то лошадушек, и сделал все так, как матушка ему гуторила.

Про старуху же преж сего была молва, что она таки кое-что знает и по просьбе кой-когда бывала ворожа.

Как хватились хозяева своих лошадушек, давай искать, и долго бились они сердечные, да нигде не нашли. Вот и гуторят: «Что делать? Надоть

¹ Поколь, покель — пока.

найти знахаря, чтобы поворожить, хошь² бы и заплатит ему не больно так много, чтобы найти их». Вот и вспомнили про старуху, да и говорят: «Сем-ка³ пойдем к ней, попросим поворожить; авось она и скажет нам об них что-нибудь». Как сказано, так и сделано. Вот и пришли к старухе да и бают: «Бабушка-кормилица! Мы слышали от добрых людей, что ты кой-чем маракуешь, умеешь гадать по картам и по ним смекаешь, как по-писаному: поворожи-ка и нам, родимая! У нас пропали лошадушки». Вот бабушка и кажет им: «Ох, батюшки мои светы, да у меня и мочушки-то⁴ нет! Удушье, родимые мои, меня замучило». А они ей кажут: «Эка, бабушка, потрудись, желанная ты наша! Это не дарма⁵, а мы тебе за работу заплатим».

Вот она, переминаясь и покашливая, расклала карты, посмотрела на них долго и кажет им (хошь ничего не знала, да делать нечего; голод не свой брат, уму-разуму научит): «Эка притча⁶. Подумаю. Глядь-ка сюда, мои батюшки! Вот, кажись, ваши лошадушки стоят в этаком-то месте, в кусте привязаны». Вот хозяева обрадовались, дали старухе за работу и пошли себе искать своих животинушек⁷. Пришли в сказанному кусту, а там уж их лошадей-то и нет, хошь и было заметно то место, где были привязаны лошади, потому что отрезан гуж от узды и висит на кусте, да и сена навалено, чай, немало. Вот они пришли, посмотрели, а их и след простыл; взгоревались бедняги и не знают, что и делать; подумали меж собой и опять отправились к старухе: коли раз узнала, то и теперь скажет.

Вот пришли опять к старухе, а она лежит на печи да уж так-то кричат да охает, что и невеста какая болезнь на ее приключилась. Они стали ее униженно просить еще им поворожить. Она было опять по-прежнему стала отнекиваться, говоря: «Мочи нет, и старость-то осилила!» — а все для того, чтобы больше дали ей за труды-то. Они обещали, коли найдутся, ничего не жалеть для ней, и теперича дать покель поболе. Вот старуха слезла с печи, покрёхтывая и кашляя, раскинула опять карты, призадумалась, посмотрела на них и гуторит: «Ступайте, ищите их в этакой-то лошине, они там, кажись, ходят, точнехонько ваши!» Хозяева дали ей с радости за работу очень довольно и пошли от ней опять искать. Вот пришли они в лошину, глядь — а там их лошади ходят целехоньки; они взяли их и повели домой.

Вот и пошла про старуху великая слава, что, мол, такая-то ворожея умеет ворожить во как: что ни скажет — быть делу так. Эта слава распространилась далеко, и дошел этот слух до одного боярина, у которого пропал целый сундук денег неизвестно куды. Вот как он услыхал, да и послал за бабушкой-ворожейкой свою карету, чтоб ее к нему привезли непременно, будь она хошь как больна; а послал двух своих людей — Самона да Андрюху (они-то и сдули эти деньги у барина). Вот они при-

² Хотя.

³ Союз предположительный.

⁴ Уменьшительное от слова: мочь (сила).

⁵ Даром.

⁶ Притча — непредвиденный, несчастный случай.

⁷ Живот, животина — лошадь.

ехали к бабке и почти силом⁸ ее посадили в карету и повезли к барину. Дорогой бабушка начала тосковать, охать и вздыхать, и гуторит про себя: «Охо-хо-хо! Кабы не мамон⁹ да не брюхо, где бы этому делу сбыться, чтобы мне ворожейкой быть и ехать в карете к боярину для того, чтобы он меня запрягал туда, куда ворон и костей моих не занес. Ох, плохо дело!»

Самон это подслушал, да и кажет: «Чуешь¹⁰, Андрюха! Старуха о сю пору что-то про нас бормочет. Кажись, плохо дело будет!» Андрюха ему гуторит: «Что ты так сробел, может это так тебе со страстей почудилось». А Самон ему бает: «Послухай-ка сам, вот она опять что-то гуторит». А старуху самоё берет страх и горе: вот она, посидя немного, опять свое твердит: «Охо-хо-хо! Коли б не мамон да не брюхо, где бы такой оказии сбыться!» Вот ребята давай прислушивать, что старуха бормочет: а она, посидя немного, опять за свое примется: «Мамон да брюхо» — и бесперечь со страстей¹¹ все свое несет. Как ребята это услышали, и оторопь сильно взяла: что делать? да и загуторили промеж себя, что надоть бабушку упросить как можно, чтобы она не болтнула этого боярину, а то старая все твердит: «Кабы не Самон да не Андрюха, где бы такой оказии сбыться?» Они, окаянные, со страстей-то не разобрали, что старуха гуторит о мамоне да о брюхе, а не Самоне да Андрюхе.

Как меж собой у них сказано, так было и сделано. Вот они и начали просить старуху: «Бабушка, желанная ты наша, кормилица, не погуби нас, а заставь вечно за тя бога молить. Ну что тебе будет прибыли погубить нас и оговорить перед боярином? Лучше не сказывай на нас, а так как-нибудь; а мы-то уж тебе за это что хошь заплатим». А бабушка не дура, себе на уме, чует эти слова, схаменулась¹², и страсть с нее вся соскочила — как рукой сняло, да и спрашивает их: «Где же вы, детушки, все это дели?» Они гуторят уж с плачем: «Что, родимая, чай нас сам окаянный¹³ соблазнил, что грех такой сделали». Бабушка опять спрашивает: «Да где же они?» Вот они и гуторят: «Да куда ж их окромя было спрятать-то, как не на мельницу под гать¹⁴, покуля пройдет такая непогодь».

Вот они, сгуторившись дорогою как надоть, и приехали в дом к боярину. Боярин как увидал, что привезли старуху, сделался и невесть как рад, взял ее под руки к себе в хоромы¹⁵, начал потчевать всякими этакими питьями и яствами, чего ее душеньке угодно, и, напотчевавши ее досыта, давай просить ее, чтоб она ему про деньги поворожила. А бабушка себе на уме свое несет, что мочи-то нет и насилу ходит; а боярин и кажет: «Экая ты, бабушка! Ты будь у меня как в своем дому, хошь — сядь, а хошь — ляжь, если уж тебе невоготу сидеть-то, да только поворожи, об чем я тя прошу, и если узнаешь, кто взял мои деньги, да еще я найду свою пропажу, то не только угощу, а еще и награжу тя чем душеньке твоей угодно, как следует, без всякой обиды».

⁸ Насильно.

⁹ Деньги.

¹⁰ Слышишь.

¹¹ Со страху.

¹² Схаменуться — опомниться, спохватиться.

¹³ Нечистый дух.

¹⁴ Плотина.

¹⁵ В комнаты.

Вот старуха, переминаясь, как бы ее и в самом деле лихая болезнь изнимает, взяла карты, разложила как следует и долго на них смотрела, все пришептывая что-то губами. Посмотревши, и гуторит: «Пропажа твоя на мельнице под гатью лежит». Боярин как только услышал это, что сказала старуха, сейчас и послал Самона да Андрюху, чтобы это все отыскать и к нему принести: он не знал, что это всё они сами спроворили. Вот те нашли, отыскали и принесли к боярину; а боярин-то, глядя на свои деньги, так обрадовался, что и считать их не стал, а дал старухе сейчас сто рублей и еще кое-чего очень довольно, да еще и напередки¹⁶ обещался ее не оставлять за такую услугу; потом, угостя ее хорошенько, отослал опять в карете домой, наградя еще на дорогу кое-чем по домашнему. Дорогой Самон и Андрюха благодарили старуху, что она хоть знала про их дела, да боярину не сказала, и дали ей еще денег.

С этих пор наша старуха еще боле прославилась и стала жить себе — не тужить, и не только что хлебушка стало у нее вволю, но и всякого прочего, и всего невпроед, да и скотинушки развели очень довольно; и стали с своим сынком себе жить да поживать и добра наживать, да бражку и медок попивать. И я там был, мед-вино пил, только в рот не попало, а по усам текло.

380

некотором царстве был-жил барин; у того барина были лакей^{216b} да кучер; лакей прозывался Брюхо, а кучер Ребро. В одно время украли они из барского сундука жемчуг. Барин хватился — нет жемчугу! Позвал своих людей. «Признавайтесь, — говорит, — вы украли?» — «Никак нет! Знать не знаем, ведать не ведаем». — «Ну, смотрите! Сейчас же призову бабу-ворожейку, да коли она узнает да на вас покажет, тогда худо будет!» Послал барин за старухою; привезли ее. «Здравствуй, бабушка! Поворожи мне, голубушка, у меня дорогой жемчуг пропал». — «Хорошо, барин, поворожу; только прикажи наперед баню истопить, с дороги обмыться надо». Истопили баню, стала старуха париться, а сама приговаривает: «Ну, достанется ж теперь и брюху и ребру». А лакей да кучер слушают под окном, что она станет говорить. «Ах, брат, — говорит кучер, — ведь узнала, проклятая! Что теперь делать?» Только старуха из бани, а они к ней: «Бабушка, родимая, не говори барину». — «А где жемчуг? Цел ли?» — «Цел, бабушка!» — «Ну, возьмите закатайте каждую жемчужинку в хлеб и дайте серому гусю; пусть поклюет!»

Сказано — сделано. Пришла старуха к барину. «Что, бабушка, узнала?» — «Узнала, родной!» — «Ктс ж виноват?» — «Да серый гусь, что на дворе ходит; вишь, у вас в горницах окна-то отворены, он влетел в окно, да жемчуг и поклевал». Барин приказал поймать гуся и зарезать. Зарезали серого гуся и нашли в зобу жемчуг. Стал барин благодарить ворожейку и оставляет у себя обедать; а к обеду велел изготовить на

¹⁶ Наперед.

жареное ворону. «Посмотрю,— думает,— узнает ли старуха?» Вот сели обедать; несут жареную ворону на стол, а баба смотрит по сторонам да говорит о себе: «Вот залетела ворона в высоки хоромы!» — «Экая хитрая! Все знает». После обеда приказал барин заложить коляску да отвезть старуху домой, а в коляску наклак потихоньку яиц: «Посмотрю, узнает ли теперь?» Вот стала она садиться в коляску и говорит сама себе: «Ну, бабушка, садись на старые яички!» Удивился барин, что старуха все знает, все ведает, наградил ее деньгами и отпустил с богом.

381. ЗНАХАРЬ

ил бедный да продувной мужичок, по прозванью Жучок; ²¹⁷ украл у бабы холстину и спрятал в омете соломы, а сам расхвастался, что ворожить мастер. Пришла к нему баба и просит погадать. Мужик спрашивает: «А что за работу дашь?» — «Пуд муки да фунт масла». — «Ладно!» Стал гадать; погадал-погадал и сказал ей, где холст спрятан. Дня через два, через три пропал у барина жеребец; он же, плут, его и увел да привязал в лесу к дереву. Посылает барин за этим мужиком; стал мужик гадать и говорит: «Ступайте скорей, жеребец в лесу, к дереву привязан». Привели жеребца из лесу; дал барин знахарю сто рублей, и пошла об нем слава по всему царству.

Вот на беду пропало у царя его венчальное кольцо; искать-искать — нет нигде! Послал царь за знахарем, чтобы как можно скорей во дворец его привезли. Взяли его, посадили в повозку и привезли к царю. «Вот когда попал-то,— думает мужик,— как мне узнать, где девалось кольцо? Ну как царь опалится да туда зашлет, куда Макар и телят не гонял!» — «Здравствуй, мужичок,— говорит царь,— поворожи-ка мне; отгадаешь — деньгами награжу, а коли нет — то мой меч, твоя голова с плеч!» Тотчас приказал отвести знахарю особую комнату: «Пускай-де целую ночь ворожит, чтоб к утру ответ был готов».

Знахарь сидит в той комнате да думает: «Какой ответ дам я царю? Лучше дождусь глухой полночи да убегу куда глаза глядят; вот как пропоют третьи петухи, сейчас и задам тягу!» А кольцо-то царское стащили три дворовых человека: лакей, кучер да повар. «Что, братцы,— говорят они меж собой,— как этот ворожейка да узнает нас? Ведь тогда нам смерть неминуемая... Давайте-ка подслушивать у дверей: коли он ничего — и мы молчок; а коли узнает нас, так уж делать нечего — станем просить его, чтоб царю-то не доказывал».

Пошел лакей подслушивать; вдруг петухи запели, мужик и промолвил: «Слава тебе господи! Один уже есть, остается двух ждать». У лакея душа

Старый черт с двумя чертенятами. Скопинская керамика

Сосуд «Полкан». Скопинская керамика

Сосуд «Дракон». Скопинская керамика

Сосуд «Баран». Скопинская керамика

Сосуд «Лев». Скопинская керамика

Сосуд «Василиск». Скопинская керамика

в пятки ушла; прибежал он к своим товарищам: «Ах, братцы, ведь меня узнал; только я к двери, а он кричит: один уже есть, остается двух ждаты!» — «Постой, я пойду!» — сказал кучер; пошел подслушивать. Запели вторые петухи, а мужик: «Слава тебе господи, и два есть, остается одного ждаты». — «Эх, братцы, и меня узнал». Повар говорит: «Ну, если и меня узнает, так пойдем прямо к нему, бросимся в ноги и станем упрашивать». Пошел подслушивать повар; третьи петухи запели, мужик перекрестился: «Слава богу, все три есть!» — да поскорей в двери — бежать хочет; а воры к нему навстречу, пали в ноги и просят и молят: «Не погуби, не сказывай царю; вот тебе кольцо!» — «Ну, так и быть, прощаю вас!»

Взял мужик кольцо, поднял половицу и бросил его под пол. Наутро царь спрашивает: «Что, мужичок, как твои дела?» — «Выворожил; кольцо твое укатилось под эту половицу». Подняли половицу и достали кольцо; царь щедро наградил знахаря деньгами и велел накормить-напоить его до отвала, а сам пошел в сад гулять. Идет по дорожке, увидел жука, поднял его и воротился к знахарю: «Ну, коли ты знахарь, так узнай, что у меня в руке?» Мужик испугался и говорит сам себе: «Что, попался, Жучок, царю в руки!» — «Так, так, твоя правда!» — сказал царь, еще больше его наградил и с честью домой отпустил.

382. СЛЕПЦЫ

В Москве белокаменной жил один парень в работниках; заду-²¹⁸ мал на лето в деревню идти и стал просить у хозяина рас-
чета. Только не много пришлось ему получать денег, всего-
навсего один полтинник. Взял он этот полтинник и пошел
за Калужскую заставу; смотрит — сидит на валу слепой ни-
щий и просит Христовым именем подавания. Мужик подумал-
подумал и сжалился; подал ему полтинник и сказывает:
«Это, старичок, полтинник; прими из него Христа ради
семитку, а сорок восемь копеек дай мне сдачи». Слепой по-
ложил полтинник в свою кошину и снова затянул: «Православные христиане,
подайте Христа ради слепому-невидущему!» — «Что ж ты, старик? Пода-
вай мне сдачу». А он будто не слышит: «Ничего, родимый! Еще солнышко
высоко, успею до двора помаленьку добрести». — «Оглох, что ли? Мне
самому идти добрых сорок верст, деньги в дороге-то надобны!» Взяло
мужика горе пуще острого ножа: «Эй, — говорит, — старый черт! Подавай
сдачу; не то я с тобой разделаюсь по-своему!» И начал его поворачивать
на все стороны. Слепой во всю глотку закричал: «Батюшки, грабят!
Караул, караул!»

Побоялся мужик беды нажить, бросил слепого; лучше, думает про
себя, от греха уйти, а то не ровён час — прибегут караульные, да еще в

город поведут! Отошел шагов с десяток али больше, остановился на дороге и все глядит на нищего: жалко, вишь, своих трудовых денег! А тот слепой на двух костылях ходил, и оба костыля при нем лежали: один с правого боку, другой с левого. Разгорелось у мужика сердце, рад всякое зло ему сделать: «Постой же, хоть костыль унесу да посмотрю, как-то ты домой поплетешься!» Вот подобрался потихонечку и утащил костыль; а слепой посидел немного времени, вылупил свои бельмы на солнце и говорит: «Ну, солнышко не больно высоко; чай, время и домой собираться. Эй вы, костылики, мои батюшки! Не пора ли ко двору идти?» Стал он шарить¹ с обеих сторон: слева-то костыль тут, а справа-то нету: «Уж этот мне костыль давно опостыл! Никогда его сразу не ощупаю». Пошарил-пошарил и говорит сам с собой: «Знать, кто-нибудь надо мною шутку шутил! Да ничего: и на одном добреду». Встал и поплелся на одном костыле; следом за ним пошел и мужик.

Шли, шли; недалече от деревни, у самого-таки перелеска, стоят две старых избушки. Подошел слепой к одной избушке, распоясался, снял с пояса ключ и отпер свою келью; только он отворил дверь настежь — а мужик поскорей туда, забрался наперед его, сел на лавку и дух притаил. «Посмотрю, — думает, — что дальше будет?» Вот слепой пошел в избушку, наложил на дверь изнутри крючок, оборотился к переднему углу и помолился на святые иконы; опосля бросил кушак с шапкою на прилавок и полез под печку — так и загремели сковородни да ухваты. Маленько погода тащит оттудова бочонок; вытащил, поставил на стол и начал вытряхивать из мощны набранные деньги да в бочонок класть; у того бочонка сбоку горлышко было малое — так, чтобы медному пятаку пролезть. Покидал туда деньги, а сам таково слово вымолвил: «Слава богу! Насилу пятьсот доровнял; да спасибо и тому молодцу, что полтинник дал; кабы не он под руку попался, еще дня три просидел бы на дороге».

Усмехнулся слепой, сел на пол, раскорячился и ну покатывать бочонок с деньгами: покатит его от себя, а он ударится об стенку да назад к нему. «Дай подсоблю ему, — думает мужик, — полно ему, старому черту, куражиться!» — и тотчас к рукам прибрал бочонок с деньгами. «Ишь, зацепил за лавку!» — говорит слепой и пошел щупать; щупал, щупал — нет нигде; испугался, сердечный, отворил немного дверь, просунул голову и закричал: «Пантелей, а Пантелей! подь-ка, брат, сюда!»

Пришел Пантелей — такой же слепец; рядом с этим в другой келье жил. «Что такое?» — спрашивает он. «Да вишь какая притча вышла! Катал я по полу бочонок с деньгами, а куда он теперь девался — сам не ведаю; шутка ли — пятьсот рублей денег! Уж не стибрил ли кто? Кажись, в избе никого не было». — «Поделом вору и мука! — сказал Пантелей. — Вишь ты, старый, совсем из ума выжил! Словно малый ребенок, задумал деньгами играть; вот теперь и плачь от своей игры! А ты бы сделал по-моему: у меня своих, почитай, с пятьсот рублей, вот я разменял их на ассигнации и зашил в эту старую шапчонку; небось на нее никто не польстится!»

¹ Искать.

Мужик услышал эти речи и думает: «Ладно! Ведь шапка у тебя к голове не гвоздем прибита». Стал Пантелей входить в избу, только за порог переступил, а мужик цап-царап с него шапку, да в дверь, и побежал домой без оглядки. А Пантелей подумал, что шапку-то подцепил у него сосед, хватъ его по рылу: «У нас, брат, так не делают! Свои деньги потерял да на чужие зарисься!» Ухватили друг друга за честные волосы, и пошла у них драка великая. Пока они дрались, мужик далеко ушел; на те деньги он знатно поправился и зажил себе припеваючи.

383—390. ВОР

383

ил-был старик со старухой; у них был сын по имени ^{219a}Иван. Кормили они его, пока большой вырос, а потом и говорят: «Ну, сынок, доселева мы тебя кормили, а нынче корми ты нас до самой смерти». Отвечал им Иван: «Когда кормили меня до возраста лет, то кормите и до уса». Выкормили его до уса и говорят: «Ну, сынок, мы кормили тебя до уса, теперь ты корми нас до самой смерти». — «Эх, батюшка, и ты, матушка, — отвечает сын, — когда кормили меня до уса, то кормите и до бороды». Нечего делать, кормили-поили его старики до бороды, а после и говорят: «Ну, сынок, мы кормили тебя до бороды, нынче ты нас корми до самой смерти». — «А коли кормили до бороды, так кормите и до старости!» Тут старик не выдержал, пошел к барину бить челом на сына.

Призывает господин Ивана: «Что ж ты, дармоед, отца с матерью не кормишь?» — «Да чем кормить-то? Разве воровать прикажете? Работать я не учился, а теперь и учиться поздно». — «А по мне как знаешь, — говорит ему барин, — хоть воровством, да корми отца с матерью, чтоб на тебя жалоб не было!» Тем временем доложили барину, что баня готова, и пошел он париться; а дело-то шло к вечеру. Вымылся барин, воротился назад и стал спрашивать: «Эй, кто там есть? Подать босовики!» А Иван тут как тут, стащил ему сапоги с ног, подал босовики; сапоги тотчас под мышку и унес домой. «На, батюшка, — говорит отцу, — снимай свои лапти, обувай господские сапоги».

Наутро хватился барин — нет сапогов; послал за Иваном: «Ты унес мои сапоги?» — «Знать не знаю, ведать не ведаю, а дело мое!» — «Ах ты, плут, мошенник! Как же ты смел воровать?» — «Да разве ты, барин, не сам сказал: хоть воровством, да корми отца с матерью? Я твоего господ-

¹ Башмаки (туфли), надеваемые на босую ногу.

ского приказу не хотел послушаться». — «Коли так, — говорит барин, — вот тебе мой приказ: украдь у меня черного быка из-под плуга; уворуешь — дам тебе сто рублей, не уворуешь — влеплю сто плетей». — «Слушаю-с!» — отвечает Иван.

Тотчас бросился он на деревню, стащил где-то петуха, ощипал ему перья, и скорей на пашню; подполз к крайней борозде, приподнял глыбу земли, подложил под нее петуха, а сам за кусты спрятался. Стали плугатаря вести новую борозду, зацепили ту глыбу земли и своротили на сторону; ощипанный петух выскочил и что сил было побежал по кочкам, по рытвинам. «Что за чудо из земли выкопали!» — закричали плугатаря и пустились вдогонку за петухом. Иван увидел, что они побежали как угорелые, бросился сейчас к плугу, отрубил у одного быка хвост да воткнул другому в рот, а третьего отпряг и увел домой.

Плугатаря гонялись-гонялись за петухом, так и не поймали, воротились назад: черного быка нет, а пестрый без хвоста. «Ну, братцы, пока мы за чудом бегали, бык быка съел; черного-то совсем сожрал, а пестрому хвост откусил!» Пошли к барину с повинною головою: «Помилуй, отец, бык быка съел». — «Ах вы, дурачье безмозгое, — закричал на них барин, — ну где это видано, где это слыхано, чтоб бык да быка съел? Позвать ко мне Ивана!» Позвали. «Ты быка украд?» — «Я, барин». — «Куда же ты девал его?» — «Зарезал; кожу на базар снес, а мясом стану отца да мать кормить». — «Молодец, — говорит барин, — вот тебе сто рублей. Но украдь же теперь моего любимого жеребца, что стоит за тремя дверями, за шестью замками; уведешь — плачу двести рублей, не уведешь — влеплю двести плетей!» — «Изволь, барин, украду».

Вечером поздно забрался Иван в барский дом; входит в переднюю — нет ни души, смотрит — висит на вешалке господская одежда; взял барскую шинель да фуражку, надел на себя, выскочил на крыльцо и закричал громко кучерам и конюхам: «Эй, ребята! Оседлать поскорей моего любимого жеребца да подать к крыльцу». Кучера и конюхи признали его за барина, побежали в конюшню, отперли шесть замков, отворили трое дверей, вмиг все дело исправили и подвели к крыльцу оседланного жеребца. Вор сел на него верхом, ударил хлыстиком — только и видели!

На другой день спрашивает барин: «Ну, что мой любимый жеребец?» А он еще с вечера выкраден. Пришлось посылать за Иваном. «Ты украд жеребца?» — «Я, барин». — «Где ж он?» — «Купцам продал». — «Счастлив твой бог, что я сам украсть велел! Возьми свои двести рублей. Ну, украдь же теперь керженского² наставника». — «А что, барин, за труды положишь?» — «Хочешь триста рублей?» — «Изволь, украду!» — «А если не украдешь?» — «Твоя воля; делай, что сам знаешь».

Призвал барин наставника. «Берегись, — говорит, — стой на молитве всю ночь, спать не моги! Ванька-вор на тебя похваляется». Перепугался старец, не до сна ему, сидит в келье да молитву твердит. В самую полночь пришел Иван-вор с рогозыным³ кошельем и стучится в окно. «Кто

² Раскольничий.

³ Из рогожи (Ред.).

ты, человеке?» — «Ангел с небеси, послан за тобою унести живого в рай; полезай в кошель». Наставник сдуру и влез в кошель; вор завязал его, поднял на спину и понес на колокольню. Ташил-ташил. «Скоро ли?» — спрашивает наставник. «А вот увидишь! Сначала дорога хоть долга, да гладка, а под конец коротка, да колотлива».

Вташил его наверх и спустил вниз по лестнице; больно пришлось наставнику, пересчитал все ступеньки! «Ох,—говорит,—правду сказывал ангел: передняя дорога хоть долга, да гладка, а последняя коротка, да колотлива! И на том свете такой беды не знавал!» — «Терпи, спасен будешь!» — отвечал Иван, поднял кошель и повесил у ворот на ограду, положил подле два березовых прута толщиной в палец и написал на воротах: «Кто мимо пройдет да не ударит по кошелю три раза — да будет анафема проклят!» Вот всякий, кто ни проходит мимо,— непременно стегнет три раза. Идет барин: «Что за кошель висит?» Приказал снять его и развязать. Развязали, а оттуда лезет керженский наставник. «Ты как сюда попал? Ведь говорил тебе: берегись, так нет! Не жалко мне, что тебя прутьями били, а жалко мне, что из-за тебя триста рублей даром пропали!»

384

ыл старик со старухой, у них сын Климка. Думали-гадали,²¹⁹⁶ в какое мастерство отдать его учиться, и придумали отдать вору на выучку. Долго ль, коротко ль, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается; жил Климка у мастера-вора, да и выучился воровать на славу; не ведал только, как у сороки яйца красть. «Пойдем,—говорит мастер Климке,—я покажу тебе, как у сороки яйца крадут. Показал бы я тебе, как штаны с живого человека снять, да сам не умею!» Вот полез мастер на дерево; яиц у сороки украсть не удалось, а Климка штаны с него стибрил. «Нечему мне тебя учить,—говорит мастер Климке,—ты сам меня научишь!»

Пришел Климка к отцу, к матери и стал кормить их своим мастерством. Что ни увидит — так в избу и тащит; повесят ли бабы сорочки сушить, станут ли холсты белить — он все к рукам приборет. Собрались крестьяне миром и пошли жаловаться барину: «Появился-де вор Климка, богатых мужиков разорил, а бедных совсем оголил». — «Что ж вы, дурачье, его не изловите?» — «Не такой вор, батюшка! Так востёр, так хитёр, что, кажись, из-под птицы яйца выкрадет!» Захотелось барину попробовать Климовой удали, велел позвать его. Пришел Климка. «Можешь ли украсть у меня барана?» — «Могу!»

Вот барин и наказал пастухам беречь баранов от Климки-вора. Пастухи погнали стадо в поле, а Климка-вор забежал вперед, сделал петлю, да такую хитрую, что повиснуть на ней можно, а удавиться нельзя, влез на березу и надел на шею петлю, будто повесился. Как увидели его пастухи — и беречься перестали. А Климка соскочил с дерева, забежал опять вперед, взлез на осину и зацепил веревку на шею. Подошли пастухи, глядь — Климка-вор и здесь висит! Один пастух говорит: «Климка на осине повесился!», а другой говорит: «Врешь, это не он; Климка на бере-

зе повесился!» Спорили-спорили и побились об заклад; побежали смотреть, кто повис на березе? Тем временем Климка соскочил с дерева, барана за рога да в кабак. Наутро призывает барин Климку: «Ты украл барана?» — «Я». — «Где же он?» — «Продал». — «А деньги где?» — «Пропил». — «Украдь же теперь у меня шкатулку с деньгами». — «Изволь!»

Барин взял шкатулку, нарочно у окна поставил, себе ружье достал, а лакеям дал сабли: «Пускай-ка сунется, мы его примем по-своему!» Ночью Климка-вор украл козла, поднял окно, просунул в горницу козлиную голову и тычет прямо на барина. Барин и лакеи думают: сам черт лезет; пороняли ружье и сабли и попадали со страстей на пол, а Климка за шкатулку, да и был таков! Наутро призывает барин Климку: «Ты унес шкатулку?» — «Я». — «Где ж она?» — «Разломал». — «А деньги где?» — «Промотал да пропил». — «Теперь украдь у меня лошадь». — «Изволь!»

Наказал барин конюхам беречь лошадь пуше своего глаза: одному велел за хвост держать, другому за повод, третьего верхом посадил, еще двух у дверей поставил с дубинами. Климка надел барское платье, и только стемнело — пошел в конюшню. «Вы здесь, ребята?» — закричал Климка и голос свой переменял — точь-в-точь как у барина. «Здесь», — отвечают конюхи. «Небось озябли?» — «Озябли, барин!» — «Ну вот погрейтесь, я принес вам водки; только смотрите, стеречь хорошенько!» — «Рады стараться!» Напоил Климка всех конюхов допьяна; верхового посадил на слегу¹, который за повод держал — тому дал веревку, который за хвост — тому пук соломы, а что у дверей стояли — тех за волоса скрутил друг с дружкой; сам вскочил на лошадь, приударил плеткою — и след его простыл.

Утром приходит барин в конюшню: лошадь украдена, а конюхи спят с похмелья. Как прикрикнет, затопает ногами — что тут было только! Один конюх со слегы упал, все кишки отбил; другой спросонок забормотал: «Стой, одёр! Тпррру!» А двое, за волоса связанные, потянулись в разные стороны и давай рваться, давай угощать друг друга тумаками да подзатыльниками. Плюнул барин и послал за Климкою. «Ты украл лошадь?» — «Я». — «Где ж она?» — «Продал». — «А деньги где?» — «Промотал да пропил». — «Ну, черт с тобой!»

385

ил барин именитый, у него был крестьянин Каныга, по прозвищу Лыга; сам барин так его прозвал за то, что дуже много облыгал. Вот посылает барин: «Призовите, — говорит, — ко мне Каныгу-Лыгу». Лыга пришел. «Ну что, Каныга!» — говорит барин. — Сказывают, ты дуже фастаешься, что ты хитер на разные этакие проворные дела. Уведешь ли ты крестьянских лошадей?» — «Уведу». — «Врешь! Я вот пошлю семьдесят пять подвод с просом на мельницу; ежели ты уведешь, так дам тебе, —

¹ Слега — жердь, которую кладут поперек стога сена (ред.).

говорит, — тысячу рублей». — «Ладно, барин, только дайте задатку». — «Изволь!» Вынул трехрублевую и отдал.

Вот отправил барин семьдесят пять возов с просом на мельницу; мужики поехали через бор. А Лыга-то впереди их поспел да в бору поперек дороги на лежнях¹ быдто повесился. Один мужик подходит: «О,— говорит,— да это Лыга! Что ты тут делаешь?» Он молчит. Вот тот возьмет — хлопнет его кнутом, другой возьмет — хлопнет, он все молчит, как мертвый какой! Поехали дальше, а Лыга-то рысью успел вперед взять, да на дороге опять и повесился. Как мужики-то подъехали, один и говорит: «Ба! Да это никак Лыга?» А другой говорит: «Нет, не он! Лыга там позади остался». — «А давай об заклад, что он». — «Давай!» Вот ударились об заклад. «Ну,— говорят,— пойдем взад — посмотрим; мы еще недалече отъехали».

Пошли двое, а за ними и все побегли. Лыга, увидавши, что мужиков нет, а подводы тут, взял отвязался и погнал подводы ближнею дорогою к себе на двор. Мужики приходят: нет ни возов, ни лошадей. Послали своего старосту доложить барину, что так и так: все подводы пропали. «Эх,— говорит барин,— верно это Лыга, сучий сын, проказит! Ступай к нему да возьми все назад». Староста пришел к Лыге: «Что, у тебя подводы с просом?» — «У меня». — «Барин велел назад взять». — «Пускай-ка наперед тысячу рублей пришлет!»

386

ил старик со старухою; родился у них сын Матроха¹, стал ^{219d} подрастать, стала мать говорить старику: «Поведи сына, отдай куда-нибудь в науку!» Старик собрался и повел сына в город; идут они дорогою, и попадается им навстречу мужик: «Здорово, старичок! Зачем идешь, куда путь держишь?» — «Да вот, родимый, сына в город веду, в науку отдавать хочу». — «Отдай его мне, добру научу». — «А ты какому мастерству знаешь?» — «Я — ночной портной: туда-сюда стегну, шубу с кафтаном за одну ночь сошью». — «Ах, родимый, мне такого и надобно», — говорит старик, и отдал ему сына. Как воротился домой, старуха спрашает: «Ну что, старик?» — «Слава тебе господи! Отдал сынка к ночному портному в ученье, да еще какой мастер выискался: туда-сюда стегнет, за одну ночь шуба с кафтаном явится!» — «Ну, ладно,— говорит старуха,— дай бог, чтоб наука впрок пошла!»

Ночной портной привел Матроху к себе в дом, дождался вечера и говорит ему: «Ну, теперь пойдем на раздобытки!» — «Куда?» — спрашивает Матроха. «Да есть у меня на примете вдова; заберемся к ней да пообчистим клетки». — «Эх, ты! Вдова — бедный человек, у ней все трудовое; пойдем лучше к богатому генералу». — «И то дело!» Вот и пошли;

¹ Лэжень — деревья, павшие в лесах сами собою.

¹ Митроха (Димитрий). Ради игры слов

имя это сближается в сказке со словом: *мотрошить* — худо торговать, в переносном смысле: воровать.

Матроха захватил с собой целую вязку соломы, и как только подошли к генеральскому дому, сейчас обернулся в солому, перепрыгнул через забор и подкатился прямо к крыльцу. Стоят два дворника; один говорит: «Вишь, солома катится!» А другой: «Пускай катится, где-нибудь да остановится; завтра утром уберем».

Матроха выждал время, выскочил из соломы и забрался в хоромы; нашел генеральский халат и фуражку, нарядился, вышел на крыльцо и крикнул дворникам: «Что, ребята, холодно нынче?» — «Холодно, ваше превосходительство» — «А про воров не слышно?» — «Нет, ничего не слышать».— «А коли не слышать, так ступайте себе с богом спать». Дворники ушли в кухню, а Матроха отпер ворота, впустил своего учителя, и принялись вдвоем за работу: стали замки ломать, амбары вычищать; забрали все, что получше, да и были таковы! Дошло до дележа; ну, знакомое дело — не поладили, не захотел Матроха быть под началом и воротился к отцу, к матери; стал он красть-воровать, на все стороны обирать; пошла об нем слава по всему околотку.

Присылает к нему генерал и говорит: «Сказывают про тебя, что ты славный вор! Покажи свое мастерство, украдь моего лучшего вороного коня; если украдешь — плачу тебе сто рублей, а на воровстве попадешься — твоя спина в ответе. Согласен?» — «Согласен, отчего не украсть».— «Когда ж воровать придешь?» — «Да зачем откладывать? Нынешнюю ночь приду». Генерал собрал конюхов и накрепко приказал беречь: одного посадил верхом на коня, другому велел за узду держать, третьему за хвост, а двух у дверей поставил.

Матроха тоже не промах, себе на уме; купил ведро водки, поставил у самой конюшни, обвертелся-обвязался соломою и лег возле. «Братцы! — говорит один караульщик. — Надо обойти кругом конюшни да поглядеть, не видать ли вора?» — «Ну что ж, поди, погляди; у дверей пока один постоит». Вышел караульщик и стал присматриваться; видит — солома валяется, поднял всю связку и снес в конюшню. «Вишь, — говорит, — прибрать позабыли!» Потом усмотрел полное ведро водки. «Верно, — думает, — кто-нибудь из кабака унес да здесь припрятал: добро ж, мы и сами с усами, сумеем выпить!» Притащил ведро в конюшню: «Братцы! Бог находку послал». Выпили конюхи по стакану — хорошо, выпили по другому — еще лучше, и давай пить-опорожнять дочиста; напились пьяны и заснули как убитые.

Матроха только этого и ждал, вылез из соломы и принялся за работу; обрезал у лошади и хвост и повод; конюха, что верхом сидел, снял вместе с седлом и посадил на перекладину, отворил ворота и увел коня. Ранехонько утром проснулся генерал и бросился поскорей в конюшню; смотрит — дверь растворена, караульщики спят: один держит обрезанные поводья, другой — обрывок лошадиного хвоста, третий на перекладине очутился, а лучшего вороного коня как не бывало. «Ах вы, мошенники!» — закричал на них генерал; караульщики разом проснулись от его грозного голоса, пали на колени и повинились в своей вине.

Пошел генерал к старику на двор; а старик сидит у ворот на завалин-

ке, греется на солнышке. «Здорово, старик! Что твой сынок?» — «Мотрошит помаленьку; вот нынешнюю ночь коня привел — такого славного, видного!» — «Экой плут! На, отдай ему сто рублей да скажи, чтоб ухитрился, украл у меня весь прибор со стола; коли украдет — другую сотню пожалую, а нет — так спиной расплатится!» — «Хорошо, — говорит, — скажу».

На другой день собрались к генералу гости; а Матроха выпачкал себе рожу сажею, привязал к голове бараньи рога, забрался в генеральские хоромы и залез за печку. Только стали гости за обед садиться, он как выскочит, как побежит по горницам. Гости за ним, генерал за гостями, слуги за генералом. «Черт, черт!» — кричат все в один голос; шум, гам, беготня в доме, а старик, по уговору с сыном, бросился из передней прямо к столу, забрал весь прибор и унес к себе.

Воротился генерал, глядь — не видать на столе ни ложки, ни плошки! И черта не поймал и прибор потерял. Пошел к старику на двор; опять сидит он на завалинке да греется на солнышке. «Здорово, старик! Что твой сынок?» — «Слава богу, мотрошит помаленьку; вот сейчас притащил целый ворох блюд, ножей да ложек; будет на чем пообедать!» Заплатил генерал сто рублей и не захотел больше ведаться со стариковым сыном.

387

барина был старик-слуга, такой верный, что всем домом один ^{219e} управлял; а сын его Климка не в батьку пошел, с малолетства воровать научился. А ему ли не было холи и воли? Отец водил его, словно ягодку, в красной рубашке, в новых сапожках. Так нет, нечестивого дарами не ударишь. «Пойду, — говорит, — батюшка, уведу вола». — «Не ходи, каналья! Тебе там голову сорвут». Не послушал Климка отца, пошел воровать. Гонят хохлы гурт. Климка выглядел-высмотрел, забежал вперед, не пожалел нового сапога, снял с ноги и бросил на дороге; сам за куст спрятался. Хохлы увидали сапог: «Эх, жаль, что один! Кабы, — говорят, — пара таких сапогов, надел бы их и стал паном». Поговорили, сапога не подняли и погнали скотину дальше. Климка рад услужить, забежал вперед, снял другой сапог и кинул на распустье. Хохлы увидали, обрадовались и пустились все за прежним сапогом. А Климка не плошает, дело в его руках огнем горит: отвязал пару волов — и поминай как звали!

«Худо, худо делаешь, — говорит отец, — скажу барину». Сказал барину под веселый час. Климку позвали. «Ты, Климка, говорят, вор?» — «Вор, сударь!» — «Ха-ха-ха! Украдь же у меня стоялого жеребца». — «Украду, только чур не отнимать». — «Не отниму!» Барину потеха, что Климка-мальчишка вор! Над жеребцом поставили большой караул: два человека за узду держат, два — за хвост, четверо — за ноги, один верхом сидит, да двое у дверей торчат; всех сторожей было одиннадцать. «Смотрите, ребята, не спать, не зевать! — говорил барин. — Придет Климка воровать — ловите; уж мы его проучим, зададим ему баню!»

Пришла ночь, пришел и Климка; взлез на крышу, проломал дыру, спустил в конюшню бочонок вина на оброточке¹, бочонком помахивает, сторожей подразнивает. «Братцы,— говорят караульщики,— что-то хорошо пахнет! Кажись, бог клад посылает; дураки же мы будем, коли не сумеем взять его». Один за другим стали к бочонку прикладываться, зелена вина натягиваться; натянулись так, что и руки опустили и носы повесили. А Климке того и надо; он тут как есть! Зачал распорядиться по-своему: верхового снял — на колоду посадил, которые за ноги держали — тем в руки по палке всунул, которые за хвост — тем трепаной пеньки дал, а которые за узду — тем по веревочке, опростал поводка и вывел коня, сел на него молодцом и очутился под барским крыльцом. «Ах, ах! Где мои наглядчики, где караульщики?» Пошел барин на конюшню пытаться, а они словно дурни спят, еще не очнулись спяна. «Ну, Климка, твое счастье, твой конь! Украдь же ты у меня погребец». — «Украду, только не отнимай». — «Не отниму!»

Климка взял лопату и заступ, пошел на кладбище, вырыл мертвеца и сготовился на дело; а барин собрал-снарядил караул с вилами, стрелами, дубинами: глянуть, так страшно! Посадились все караульщики в круговину, погребец поставили в середину; сидят, чубом не тряхонут, глазом не моргнут, хозяйское добро берегут. Пришла полночь, в окно кто-то стук-стук! Поднялись дубинки, натянулись стрелы, уставились вилы. Показалась голова, лезет человек, а то Климка-вор сует в окно мертвеца; сейчас напали на того мертвеца караульщики, изрубили-искрошили в пирожное тесто. Пошли доложить барину, что Климку убили, на куски искромсали, да погребец грудью отстояли. Барин за то ни похвалил, ни пожурил, а по Климке, видно, не много тужил. Тем временем Климка-вор унес погребец и завалился спать.

Вот на другое утро понадобился барину погребец, приказал подать: слуги побежали, хватъ — тут был, да нету! «Что за притча!» — думает барин; смотрит — а Климка в дверь. «Ты унес погребец?» — «Я». — «Как же ты украл его?» — «Как бы ни украл, да украл, про то я знаю». — «Ну, удалец! Этак ты, пожалуй, у меня барыню украдешь?» — «Украду, только без выкупу не отнимай». — «Дело! А коли не украдешь, знай наперед: велю тебя повесить». Согласились. Оградил барин барыню нянюшками, мамушками, красными девушками; сам над нею день и ночь сидит, в ее очи глядит, каждый шаг назирает, каждый след охраняет. Украсть трудновато!

Случилась барину нужда лесным путем проезжать. Климка забежал вперед, развешал по деревьям колокольчики; сам взял взлез на ближнюю осину, надел на шею петлю и повис вверх ногами. Едет барин с барыней, увидал, что Климка на осине качается, и говорит: «Ах, боже мой! Да ведь это Климка-вор повесился! Видно, моего гнева испугался, что до барыни не добрался. Жаль Климку!» А колокольчики в лесу динь, динь! «Малый! Это что за звон? Поди, погляди!» Сперва пошел один малый, там

¹ Оброточек (оброт) — уздечка без удила с одним поводком для привязи (Ред.).

другой, третий, и разбрелись все в разные стороны — никак толку не доберутся.

Выскочил сам барин и пустился в лес; а Климка того и ждал, прыгнул с дерева, подбежал к коляске и вмиг очутился на козлах; приударил коней по бедрам и покатил себе... Барин пришел назад — нет ни барыни, ни Климки на дереве, только пыль по дорожке вьется! Догадался и воротился пешком домой. Велел позвать Климку: «Ты украл барыню?» — «Я». — «Отдай назад!» — «Нет, барин, шалишь! Не на то воруют, чтоб назад отдавать. Выкупи — твоя будет». — «Что возьмешь?» — «Коробочку серебра». Барин согласился. Климка вырыл яму, поставил на нее коробку, да в коробке-то дно продырявил. Барин сыпал-сыпал, яма не насыпается, Климка, барыней не меняется. Надоело барину сыпать, опостылел ему Климка, велел бросить его в море.

Зашили раба богия в куль, положили на бережок, пошли искать камень на шею; а Климка-вор в куле катается, громким голосом разливается: «Сударе бояре! Явите богию правду; на воеводство меня посылают, судить-рядить заставляют, а я воеводою быть не гожусь!» Проходил мимо какой-то боярин, вслушался в эти речи, подошел и спрашивает: «Что ты говоришь, братец?» — «На воеводство меня посылают, судить-рядить заставляют, а я воеводою быть не гожусь!» — «Пусти меня на свое место; лезь вон!» Забрался боярин в куль, уж считал себя за воеводу — да попал в воду; а Климка вышел на простор, загулял вольным казаком, кутил-мутил, пока буйну голову сложил.

388

ивал-бывал Наум. Вздумал Наум воровать идти. Пошел один; попался ему навстречу Антон. «Ты куда, Наум?» — «Взбрело мне на ум воровать идти; а ты куда, Антон?» — «Я сам думаю о том!» — «Ну так пойдем вместе». Вот и пошли двое; идет навстречу Влас, спрашивает их: «Ты куда, Наум?» — «Да взбрело мне на ум воровать идти». — «А ты, Антон?» — «Я сам думаю о том!» В свой черед и они спрашивают: «Ну а ты куда, Влас?» — «Я давно поджидаю вас!» Вот пошли все вместе и держат такой совет: «Куда ж нам воровать идти? Если к попу — у попа деньги трудные¹, если к купцу — у купца то же самое; пойдете-ка к судье, у судьи деньги нетрудные». Пришли к судье; у него ворота закрыты, а собаки злющие. «Нет, видно, сюда не проберешься!» — стали говорить Антон с Власом. «Вот еще! — сказал Наум. — Притащите соломы, заверните меня да спустите за ограду; я вам ворота отпру».

Сказано — сделано. Завернули Наума в солому и перекинули за ограду; он покатился прямо к кладовой, достал оттуда мешок муки, насыпал в корыто, развел-замесил на крепком вине и поставил собакам. Собаки бросились на месиво; до того нажрались, что ни одна и с места не может сойти. Наум взял перевязал всех собак хвостами по паре и повесил на

¹ Трудовые.

ограде, потом отворил ворота, впустил товарищей, и пошли они замки ломать да амбары обчищать. Много набрали всякого добра. Стали добычу делить; всё поделили, остается енотова шуба, как с ней быть? Наум говорит: «Шуба мне следует; я выдумал и собак окормить и ворота отворить». — «Нет, брат, жирно будет!» — «Коли так, я пойду к судье; он горазд судить и рядить; пусть-ка нас рассудит!»

Вот пошел Наум в комнаты, а Влас да Антон стали под окно слушать. У судьи совесть-то нечиста, так ночью не спится. «Это ты, Иван?» — спрашивает судья. «Я», — отвечает вор. «Расскажи-ка мне сказочку». — «Пожалуй, скажу: живал-бывал Наум, взбрело ему на ум воровать идти...» — и начал рассказывать все дело, как было; дошел до того, как они трое за шубу поспорили, и говорит: «Сам рассуди, кому шубу взять?» — «Кому? Да, разумеется, Науму». — «Мне и самому то ж думается!» — «Что ж дальше-то было?» — «А дальше спать пора!» — сказал Наум и ушел из комнаты. Приходит к своим товарищам: «Ну что? Чай, сами слышали, кому шуба следует!» — «Мы и не стоим теперь за нее, возьми себе и владей на здоровье!» — отвечали Антон и Влас. После того распрощались и пошли в разные стороны, а судья остался с пустыми амбарами и без шубы.

389

ил-был мужик; у него было три сына. Повез отец большого сына в лес; возил его, возил, вот парень увидал березу и говорит: «Батюшка! Если б сжечь эту березу на уголья, завел бы я себе кузницу и пошел молотком постукивать да денежки выколачивать». — «Ну, — думает мужик, — в этом сыне будет прок!» Потом взял среднего сына и завез в лес; увидели они большой дуб, и говорит сын отцу: «Батюшка! Если б срубить этот дуб, стал бы я плотничать, топором деньги зарабатывать». — «Слава богу, — думает мужик, — и в этом прок будет!» Опосля взял меньшого сына Ваньку; возил его, возил по лесу — Ванька все молчит, ни единого словечка не проронит; только выехали они из лесу — ведут мясники корову. «Батюшка, — говорит сын, — как бы украсть эту корову?» — «Э, да ты этакое!» — отвечает отец. — «Ступай же от меня, куда сам знаешь! Видно, ты — не кормилец мне». — «Ну что ж! Коли гонишь, я себе дядю найду». Долго ли, мало ли искал он, и нашел-таки дядю. «Возьми, — просит, — меня в товарищи». — «Возьму, — говорит в ответ названный дядя, — если украдешь из-под дикой утки яйца, да так украдешь, что она и не услышит и с гнезда не слетит». — «Экая диковина!» Вот отправились они вместе, нашли утиное гнездо и поползли к нему на брюхе; пока еще дядя подкрадывался, а парень уж все яйца из гнезда повыбрал, да так хитро, что птица и пером не шевельнулась; да не только яйца повыбрал, мимоходом у названного дяди из сапог подошвы повырезал. «Ну, Ванька, нечему тебя больше учить, ты и сам большой мастер!» С той самой поры начал Ванька воровством промышлять: что ни попадет под руку — все тянет!

Собрались горожане, люди торговые, посадские, пришли к королю и стали челом бить: «Такой-де вор проявился, что берегись — не уберешься, сторожись — не устережешься; захочет — среди белого дня разденет до нитки!» Приказал король призвать к себе вора. «Правда ли, — спрашивает у него, — будто ты такой хитрый вор, что берегись — не уберешься, сторожись — не устережешься?» — «Правда, ваше королевское величество!» — «Коли так, уведи у меня жеребца из конюшни; украдешь — помилую, а не украдешь — мой меч, твоя голова с плеч!» — «Украду, ваше королевское величество!»

Король нарядил на конюшне строгий караул; а вор Ванька дождался вечера, переоделся, чтоб его не спознали, взял бочонок с водкою, притворился пьяным, и идет через королевский двор, идет-шатается, из стороны в сторону качается. Увидали его конюхи: «Эк нализался! Чуть на ногах стоит!» — «Стой, братцы, — говорит один, — ведь у него бочонок-то с вином; давайте зазовем его к себе да поделимся винцом; веселей сторожить будет». — «И впрямь так!» — закричали другие; тотчас подхватили вора под руки, привели в конюшню: «Оставайся, брат, с нами; куда тебе идти! К завтраму проспиться и пойдешь домой».

Ванька повалился на солому и захрапел, будто совсем спит. Тут конюхи стали к бочонку прикладываться; осушили весь до дна, опьянели, попадали наземь и крепко заснули. А вор тому и рад, отвязал королевского жеребца и увел к себе. Наутро хватился король — нет любимого коня. Послал за Ванькою: «Ты увел жеребца?» — «Я, ваше величество». — «Хорошую шуточку сшутил ты; ну, эту шутку я тебе прощаю, только уходи поскорей из моего царства, не то, добрый молодец, несдобровать тебе!»

390

В некотором царстве стояла небольшая деревня; в этой деревне жили два брата; один помер, и остался после него сын — записной вор Сенька Малый. Уж куда-куда ни отдавал его отец в науку — все не вышло толку. «Что ж ты не учишься? — спрашивают, бывало, у него отец с матерью. — Али целый век хочешь дураком изжить?» А Сенька так и брякнет в ответ: «Коли хотите вы от меня хлеб-соль видеть, отдайте воровству учиться; другой науки и знать не хочу!» Вот как помер отец, Сенька Малый не стал долго думать, пришел к дяде и говорит: «Пойдем, дядя, на работу; ты будешь воровать, а я тебе помогать». — «Ладно, пойдем!»

Вот и пошли; идут мимо болота, глядь — дикая утка в камышах гнездо свила и сидит себе на яйцах. «Давай-ка утку изловим!» — говорит дядя и стал подкрадаться; только птицы не поймал, понапрасну с гнезда согнал. А Сенька Малый шел позади и вырезал из дядиных сапогов подметки. «Ну, Сенька, — сказал дядя, — я хитер, а ты хитрее меня!» Идут они дальше; а навстречу им три мужика, ведут на базар быка продавать. «Как бы нам, дядюшка, этого быка достать?» — спрашивает Сенька. «Эх ты; ведь теперь не ночь; серед бела дня не украдешь». —

«Небось украду!» — «Что ж ты, али и взаправду мудреней дяди хочешь быть?» — «А вот увидишь!»

Сенька Малый снял с правой ноги сапог, бросил на дорогу и укрылся с дядей в сторонке. Мужики дошли до этого места. «Стой, ребята, — закричал один, — вишь какой славный сапог валяется». — «Хорош, да что с ним делать-то? Кабы пара нашлась, можно бы взять; а теперь что? Одна нога в сапоге, а другая в лапте!» Посудили, подумали и, не взяв сапога, пошли прочь. Сенька тотчас надел правый сапог, а левый снял; забежал вперед, кинул его на дорогу и спрятался в канаву. «Стой, ребята, — закричал тот же мужик, — вот и другой сапог. Знать, какой-нибудь Разувай Федулыч растерялся. Ну-тко, братцы, вперегонки за тем сапогом! Ведь годятся на вечеринки к девкам ходить». Бросили быка и пустились вперегонки назад; а Сенька Малый того и добивался, подхватил сапог и погнался быка в сторону; загнал его в болото, отрубил голову и приставил ее опять на прежнее место.

Мужики пробегались попусту; воротились — нет быка; пошли искать, искали-искали, ходили-ходили и набрали на болото. «Ишь куда нелегкая его угораздила! Прямо в тину затесался! Надо, — говорят, — вытаскивать...» Достали веревку, сделали петлю, набросили с размаху и зацепили за рога, понатужились да как дернут — так все наземь и попадали. «Ахти, какое горе! Ведь совсем быка загубили, как есть голову оторвали!» Делать нечего, пошли мужики домой с пустыми руками; а Сенька Малый позвал дядю, вытащили вдвоем быка, содрали кожу, разрубили мясо на части и стали делиться. Дядя говорит: «Неужли ж делить поровну? Я старше, мне следует больше!»

Сенька обиделся, схватил бычью кожу и ушел от дяди; забрался в кусты, вырезал два березовых прута и принял хлестать по коже. Хлещет да во все горло выкрикивает: «Батюшки! Не я один крал, дядя помогал!» Дядя услышал это. «Ну, — думает, — попался Сенька!» — и приударил с испугу домой; а Сенька сбегал за лошадью, поклат всю говядину на воз, отвез ее в город и продал за чистые денежки.

На другой день пришел Сенька Малый к дяде, зовет государеву казну воровать. «Пойдем, — говорит, — на работу; ты будешь воровать, а я тебе помогать». Вот пришли ночью к царскому дворцу; у ворот стоят часовые — как тут ухитриться? Сенька Малый подкопался под угол, залез с дядей в кладовую и ну набивать карманы. Что тут золота, что серебра они утащили! Полюбилось им это дело, и повадился Сенька каждую ночь ходить в царскую кладовую да забирать деньги.

Захотел царь посмотреть свою казну, видит — что-то неладно, много добра распропало; созвал совет и стал спрашивать: как бы умудриться да вора поймать? И придумали сообща: у той самой дыры, куда вор лезит, поставить большой чан со смолою. Как сказано, так и сделано; целый день смолу топили да всё в чан лили. Вечером поздно зовет Сенька Малый дядю на промысел. «Пойдем, — говорит, — ты будешь воровать, а я тебе помогать». Вот пришли к царской кладовой. Сенька Малый стал посылать дядю: «Ты полезай наперед, а я за тобою!» Дядя полез — и прямо в чан угодил; как закричит благим матом: «Ох, смерть моя!

В смолу попал». Сенька думал было его вытащить, возился с ним, возился, нет — ничего не поделаешь! «Пожалуй, — думает, — по нем и меня дознаются!» Взял отвернул ему голову и понес к тетке: так и так, сказывает ей, пропал дядя ни за грош!

Наутро доложили царю: который-де вор казну воровал — нынче в смолу попал, только головы нету. Царь приказал заложить тройку лошадей с колокольчиком и везти мертвое тело по всем селам, по всем городам: не найдутся ли сродники? Коли станет кто по нем плакать, сейчас того хватать да в кандалы ковать. «Тетушка, — спрашивает Сенька, — хочешь поплакать по своем муже?» — «Как же не хотеть, родимый? Все-таки муж был!» — «Слушай же: возьми новый кувшин, налей молока и ступай навстречу: как увидишь, что везут твоего покойника, спотыкнись нарочно, разбей кувшин и плачь себе вволю». Тетка взяла новый кувшин, налила молоком и пошла навстречу.

Вот везут мертвое тело, и как только поравнялись с нею — она вдруг будто споткнулась, разбила кувшин, разлила молоко и начала громко плакать да причитывать: «Свет ты мой! Как мне жить без тебя?» Сейчас набегали со всех сторон солдаты, окружили бабу и стали допрашивать: «Говори, старая, о чем голосишь? Не признала ли покойника? Что он — муж тебе, брат али сват?» — «Батюшки мои родные! Как же не плакать мне? Сами видите, какая беда надо мною стряслась: разбила кувшин с молоком!» — и опять принялась выть. «Экая дура, нашла о чем плакать!» — говорят солдаты, и поехали дальше.

На другой день докладывают царю: где-где ни возили покойника, никто не сказался из сродников, никто по нем не поплакал; только и слез видели, что одна старуха кувшин разбила да над черепьем голосила. «Что ж вы ее не хватали?» — говорит царь. — Кто другой, а уж она наверно знает про вора!» — и опять-таки приказал возить мертвое тело по всем селам, по всем городам. «Тетушка, — говорит Сенька Малый, — хочешь похоронить дядю?» — «Как же не хотеть, родимый? Все-таки муж был!» Сенька запряг лошадь в телегу, приехал в ту самую деревню, где с мертвым телом ночевать пристали, и просится на постоялый двор. «Куда тебе?» — сказывает хозяин. — Вишь сколько народу наехало». — «Пусти, добрый человек! Ведро вина куплю». Услыхали солдаты. «Пусти!» — говорят. Сенька купил ведро вина и наполнил всех допьяна; крепко заснули и хозяин и сторожа, а Сенька Малый отпер ворота и увез покойника.

Поутру проснулись солдаты, собираются ехать и сами не знают: как быть, что делать? Воротились к царю; доложили, что мертвое тело ночью выкрадено, а кем и как — неизвестно. Царь созвал совет и опять спрашивает: нельзя ли как умудриться — изловить вора? Совет и придумал поставить на таком-то лугу целую бочку вина, при ней кучу денег рассыпать, а в стороне часового спрятать; известное дело: вор не утерпит. придет воровать, напьется пьян — тут его и хватай! Сказано — сделано. Сенька Малый выбрал темную ночь и пошел воровать; приходит на луг, стал было деньги огребать, да почувал, что вином пахнет: «Дай винца попробую!» Попробовал — славное вино, сроду такого не пивал! «Ну-ка

еще!» Пил-пил и напился пьян как стелька; и с места не сошел: где воровал, тут и уснул.

А часовой давно его заприметил. «Ага,— думает,— попался, любезный! Теперь полно по свету гулять; насидишься в сибирке¹!» Подошел к Сеньке Малому и обрезал ему половину бороды: коли и уйдет, так было б признать по чем. «Пойду теперь — доложу по начальству». Пока добрался часовой до начальства, уж светать стало; Сенька проснулся, опохмеллся, хватить рукой за бороду — половины как не бывало. Что делать? Думал, думал и надумался; пошел на большую дорогу и давай всякого встречного-поперечного таскать за бороду, кого ни ухватит — так половина бороды и прочь! Как тут вора узнать? Выпутался Сенька из беды, отрастил снова бороду и стал себе жить-поживать, в чужое добро лапы запускать; и долго бы жил, да вот недавно повесили.

391. ВОРОВАТЫЙ МУЖИК

Жила-была старуха, у ней было два сына: один-то помер,²²⁰ а другой в дальнюю сторону уехал. Дня три спустя как уехал сын, приходит к ней солдат и просится: «Бабушка, пусти ночевать». — «Иди, родимый. Да ты откуда?» — «Я, бабушка, Никонец, с того свету выходец». — «Ах, золотой мой! У меня сыночек помер; не видал ли ты его?» — «Как же, видел; мы с ним в одной горнице жили». — «Что ты!» — «Он, бабушка, на том свете журавлей пасет». — «Ах, родненький, чай он с ними замаялся?» — «Еще как замаялся! Ведь журавли-то, бабушка, всё по шиповнику бродят». — «Чай, он обносился?» — «Еще как обносился-то, совсем в лохмотьях». — «Есть у меня, родимый, аршин сорок холста да рублей с десяток денег; отнеси к сынку». — «Изволь, бабушка!» Долго ли, коротко ли, приезжает сын: «Здравствуй, матушка!» — «А ко мне без тебя приходил Никонец, с того света выходец, про покойного сынка сказывал; они вместе в одной горнице жили; я услала с ним туда холстик да десять рублей денег». — «Коли так,— говорит сын,— прощай, матушка! Я поеду по вольному свету; когда найду дураковатей тебя — буду тебя и кормить и поить, а не найду — со двора спихну!» Повернулся и пошел в путь-дорогу.

Приходит в господску деревню, остановился возле барского двора, а на дворе ходит свинья с поросятами; вот мужик стал на колени и кланяется свинье в землю. Увидала то из окна барыня и говорит девке: «Ступай

¹ Сибирка — арестантская при волостном правлении или полицейском участке (Ред.).

Сосуд со львом. Скопинская керамика

Сосуд с птицей и зайцем. Скопинская керамика

*Изразцы с изображением птицы, льва, коня, единорога.
Рис. С. А. Маслиха*

*Изразцы с изображением грифа, птицы Сирин, единорога
и битвы Бовы с Полканом.
Рис. С. А. Маслиха*

спроси, чего мужик кланяется?» Спрашивает девка: «Мужичок, чего ты на коленях стоишь да свинье поклоны бьешь?» — «Матушка! Доложи барыньке, что свинья-то ваша пестра, моей жене сестра, а у меня сын завтра женится, так на свадьбу прошу. Не отпустит ли свинью в свахи, а поросят в поезд?» Барыня как выслушала эти речи, и говорит девке: «Какой дурак! Просит свинью на свадьбу, да еще с поросятами. Ну что ж! Пусть с него люди посмеются. Наряди поскорей свинью в мою шубу да вели запрячь в повозку пару лошадей, пусть не пешком идет на свадьбу». Запрягли повозку, посадили в нее наряженну свинью с поросятами и отдали мужику; он сел и поехал назад.

Вот воротился домой барин, а был он в то время на охоте. Барыня его встречает, сама со смеху помирает: «Ах, душенька! Не было тебя, не с кем было посмеяться. Был здесь мужичок, кланялся нашей свинье: ваша свинья, говорит, пестра — моей жене сестра, и просил ее к своему сыну в свахи, а поросят в поезжане». — «Я знаю, — говорит барин, — ты ее отдала». — «Отпустила, душенька! Нарядила в свою шубу и дала повозку с парюю лошадей». — «Да откуда мужик-то?» — «Не знаю, голубчик!» — «Это, выходит, не мужик — дурак, а ты — дура!» Рассердился барин, что жену обманули, выбежал из хором, сел на виноходца и поскакал в погоню.

Слышит мужик, что барин его нагоняет, завел лошадей с повозкою в густой лес, а сам снял с головы шляпу, опрокинул наземь и сел возле. «Эй ты, борода! — закричал барин. — Не видал ли — не проехал ли здесь мужик на паре лошадей? Еще у него свинья с поросятами в повозке». — «Как не видеть! Уж он давно проехал». — «В какую сторону? Как бы мне его догнать!» — «Догнать — не устать, да повёрток много; того и смотри заплутаешься. Тебе, чай, дороги неведомы?» — «Поезжай, братец, ты, поймай мне этого мужика!» — «Нет, барин, мне никак нельзя! У меня под шляпою сокол сидит». — «Ничего, я постерегу твоего сокола». — «Смотри, еще выпустишь! Птица дорогая! Меня хозяин тогда со свету живнет». — «А что она стóит?» — «Да рублей триста будет». — «Ну коли упушу, так заплачу». — «Нет, барин, хоть теперь ты сулишь, а что после будет — не ведаю». — «Экой невера! Ну вот тебе триста рублей про всякий случай». Мужик взял деньги, сел на виноходца и поскакал в лес, а барин остался пустую шляпу караулить.

Долго ждал барин; уж и солнышко закатывается, а мужика нет как нет! «Постой, посмотрю: есть ли под шляпою сокол? Коли есть, так приедет; а коли нет, так и ждать нечего!» Поднял шляпу, а сокола и не бывало! «Экой мерзавец! Ведь, наверно, это был тот самый мужик, что барыню обманул!» Плюнул с досады барин и пошелся к жене; а мужик уж давно дома. «Ну, матушка, — говорит старухе, — живи у меня; есть на свете и тебя дурашливее. Вот ни за что ни про что дали тройку лошадей с повозкою, триста рублей денег да свинью с поросятами».

392—394. СОЛДАТСКАЯ ЗАГАДКА

392

ли солдаты прохожие, остановились у старушки на отдых.²²¹ Попросили они попить да поесть, а старуха отзывается: «Детоньки, чем же я вас буду потчевать? У меня ничего нету». А у ней в печи был вареный петух — в горшке, под сковородой. Солдаты это дело смекнули; один — вороватый был! — вышел на двор, раздергал воз со снопами, воротился в избу и говорит: «Бабушка, а бабушка! Посмотри-ка, скот-ат у тебя хлеб ест». Старуха на двор, а солдаты тем времечком заглянули в печь, вынули из горшка петуха, вместо его положили туда ошметок¹, а петуха в суму спрятали. Пришла старуха: «Детоньки, миленьки! Не вы ли скота-то пустили? Почто же, детоньки, пакостите? Не надо, миленьки!» Солдаты помолчали-помолчали да опять попросили: «Дай же, бабушка, поесть нам!» — «Возьмите, детоньки, кваску да хлеба; будет с вас!»

И вздумала старуха похвалиться, что провела² их, и загнула им загадку: «А что, детоньки, вы люди-то бывалые, всего видали; скажите-ка мне: ныне в Пенском, Черепенском, под Сковородным, здравствует ли Курухан Куруханович?» — «Нет, бабушка!» — «А кто же, детоньки, вместо его?» — «Да Липан Липанович³» — «А где же Курухан Куруханович?» — «Да в Сумин город переведен, бабушка». После того ушли солдаты. Приезжает сын с поля, протит есть у старухи, а она ему: «Поди-ка сынок! Были у меня солдаты да просили закусить, а я им, дитяtko, загнула загадочку про петуха, что у меня в печи; они не сумели отгадать-то». — «Да какую ты, матушка, загнула им загадку?» — «А вот какую: в Пенском, Черепенском, под Сковородным, здравствует ли Курухан Куруханович? Они не отгадали. «Нет, бают, бабушка!» — «Где же он, родимые?» — «Да в Сумин город переведен». А того и не знают, курвины дети, что у меня в горшке-то есть!» Заглянула в печь, ан петух-то улетел; только лапоть вытащила. «Ахти, дитяtko, обманули меня проклятые!» — «То-то, матушка! Солдата не проведешь, он — человек бывалый».

393

ила-была баба, у ней было три сына. Встали они ранехонько,²²¹ пошли в поле, застрелили журавля, принесли к матери:^{6ар. 1} «Свари, матушка, к обеду!» А сами поехали сено косить. На ту пору зашли к бабе солдаты — люди дорожные; налила она им шей и говорит: «Загадаю вам загадку». — «Какую, бабушка?» — «Доселева Курлинской-Мурлинской под Небе-

¹ Изношенный, старый лапоть.

² Обманула.

³ Курухан от слова: кур — петух; липан от слова: липа, потому что лапти плетутся из липовых лык.

Вор и баба.

Лубок из собрания Д. Ровинского, № 204

синском летал, а в нынешни годы очутился в городе Печинском, во селе Горшинском». Солдаты хоть давно смекнули, чем что-то пахнут, одначе притворились, будто ничего не догадываются. «Подумайте, родимые, а я вот на погреб за молоком пойду».

Пока старуха на погреб ходила, солдаты утащили у ней журавля. «Что ж, отгадали загадку?» — спрашивает старуха. «Нет, бабушка, твоей не отгадали, а свою загадали: доселева Курлинской-Мурлинской под Небесинском летал да в город Печинской попал, а в нынешни годы очутился в городе Суминском, в селе Заплечинском. Отгадай-ка, божья старушка!» — «Нет, родные! Ваша загадка длиннее моей, мне не разгадать ее...»

394

Старуха сварила во щах гуся. Приходит к ней на квартиру солдат... «А что, служивый,— спрашивает старуха,— не бывал ли ты в городе Горшанске, не знавал ли там Гагатея Гагатеевича?» — «Как не знать! Только теперь его там нету: Гагатея Гагатеевич вышел оттуда в город Кошелянск¹, в село Заплетчанское, а наместо его в город Горшанск приехал Плетухан Плетуханович, сын Ковырялкин²». Тут ударили сбор; солдат простился с старухой и пошел в поход. Идет с товарищами, глядь — лежит на дороге зуб от бороны; поднял его и спрятал в карман.

Пришли в другую деревню. Досталось нашему солдату опять к глупой бабе на квартиру. Сел обедать, вынул зуб, что дорогой нашел, и ну мешать щи. Подает ему хозяйка солонку: «На, посоли, служивый!» — «Не надо мне твоей соли! Я вот этим зубом помешаю — все одно что солью посыпал!» (А уж он давно посолил щи своей солью). «Вишь, диво какое,— думает хозяйка,— с таким добром и соли покупать не надо!» Попробовали щи — как есть солонь! «Не продашь ли зуб?» — «Купи». — «А что возьмешь?» — «Рубль серебра да двадцать аршин холста». На том и поладили. «Вот тебе зуб,— говорит солдат,— как станешь щи мешать, приговаривай: шунь-бунь, будьте щи солонь! Муж приедет, будут шлепанцы-хлопанцы». Взял рубль денег да кусок холста и пошел куда надо.

После того воротился мужик домой и спросил обедать. Налила ему баба щей, а соли не дает. «Что ж ты, про соль позабыла?» — «Нет, хозяин! У меня теперь есть такая штука, что и соли покупать не станем!» Вытащила зуб и зачала мешать в миске да приговаривать: «Шунь-бунь, будьте щи солонь! Муж приедет, будут шлепанцы-хлопанцы!» Мужик попробовал щи — совсем без соли. «А что дала за эту штуку?» — «Рубль серебра да двадцать аршин холста». Схватил ее муж за косу и пошел таскать: «Вот тебе шлепанцы, вот тебе хлопанцы!»

395—396. МЕРТВОЕ ТЕЛО

395

Внекоем царстве, не в нашем государстве жила старушка-вдова; у ней было два сына умных, а третий дурак. Стала мать помирать, стала имение отказывать — кому что, и просит умных: «Не обделите, сынки, дурака; было бы всем поровну!» Вот старуха померла, умные братья разделили все имение меж собой, а дураку ничего не дали. Дурак схватил покойницу со стола и потащил на чердак. «Что ты, дурак! — закричали на него братья.— Куда поволок?» А дурак в ответ: «Вы двое все добро себе забрали; мне одна матушка

¹ От слова: кошель.

² От слов: плести и ковырять.

осталась!» Втащил наверх и принялся кричать во все горло: «Люди добрые, поглядите — матушку убили!» Братья видят — худо дело! — и говорят ему: «Дурак, не кричи! Вот тебе сто рублей; вот тебе лошадь!»

Дурак взял деньги, запряг лошадь, посадил старуху на дровни и повез ее, словно живую, на большую дорогу. Скачет навстречу ему барин, колокольчик под дугой так и заливаются: дурак с дороги не сворачивает. «Эй ты, олух, ворота в сторону!» — кричит барин. «Сам ворота!» — отвечает дурак. Барин осерчал, заругался, не велел сворачивать, наскочил на дровни и опрокинул набок; старуха упала, а дурак завопил: «Караул, караул! Барин матушку до смерти зашиб!» — «Молчи, дуралей, вот тебе сто рублей». — «Давай триста». — «Черт с тобой! Бери триста, только кричать перестань». Дурак взял с барина деньги, положил старуху на дровни и поехал в ближнее село; пробрался задами к попу на двор, залез в погреб, видит — стоят на льду кринки с молоком. Он сейчас поснимал с них покрышки, приволок свою старуху и усадил возле на солому; в левую руку дал ей кувшин, в правую — ложку, а сам за кадку спрятался.

Немного погода пошла на погреб попадья; глядь — незнамо чья старуха сметану с кринок сымает да в кувшин собирает; попадья ухватила палку, как треснет ее по голове — старуха свалилась, а дурак выскочил и давай кричать: «Батюшки-светы, караул! Попадья матушку убила!» Прибежал поп: «Молчи, — говорит, — я тебе сто рублей заплачу и мать даром схороню». — «Неси деньги!» Поп заплатил дураку сто рублей и похоронил старуху. Дурак воротился домой с деньгами; братья спрашивают: «Куда мать девал?» — «Продал, вот и денежки». Завидно стало братьям, стали сговариваться: «Давай-ка убьем своих жен да продадим. Коли за старуху столько дали, за молодых вдвое дадут». Ухлопали своих жен и повезли на базар; там их взяли, в кандалы заковали и сослали в Сибирь. А дурак остался хозяином и зажил себе припеваючи, мать поминаючи.

396

ил-был старый бобыль с своею старухой; у него было три сына: двое умных, младший — Иван-дурак. Случится большим братьям на охоту идти, и дурак за ними идет; те ловят зверей да птиц, а дурак крыс да мышей, сорок да ворон. Вот как-то посеяли умные братья горох в огороде, а Ивана-дурака от воров караулить поставили. Понадобилось старухе, их матери, в огород сходить; только вошла туда, Иван-дурак заметил и говорит само с собой: «Погоди ж, изловлю я вора; будет меня помнить!» Подкрался потихоньку, поднял дубинку да как треснет старуху по голове — так она и не ворохнулась, навеки уснула!

Отец и братья принялись ругать, корить, увещать дурака, а он сел на печи, перегребает сажу и говорит: «Черт ли ее на кражу нес! Ведь вы сами меня караулить поставили». — «Ну, дурак, — говорят братья, — заварил кашу, сам и расхлебывай; слезай с печи-то, убирай мясо!» А дурак бормочет: «Небось не хуже другого слажу!» Взял старуху, срядил в

праздничную одежду, посадил на повозку в самый задок, в руки ей паяла¹ дал и поехал деревнею.

Навстречу ему чиновник едет: «Свороти, мужик!» Дурак отвечает: «Свороти-ка сам, я везу царскую золотошвейку». — «Мни его, мошенника!» — говорит барин кучеру, и как скоро поверстались ихние лошади — зацепились повозки колесами, и опрокинулся дурак со старухою: вылетели они далёко! «Государи бояре! — закричал дурак на весь народ. — Убили мою матушку, царскую золотошвейку!» Чиновник видит, что старуха совсем лежит мертвая, испугался и стал просить: «Возьми, мужичок, что тебе надобно, только не сзывай народу». Ну, дурак не захотел хлопотать много, говорит ему: «Давай триста рублей мне, да попа сладь², чтоб покойницу прибрал». Тем дело и кончилось; взял дурак деньги, поворотил оглобли домой, приехал к отцу, к братьям, и стали все вместе жить да быть.

397—399. ШУТ

397

одной деревне жил шут. Какой-то поп вздумал ехать к нему, ^{223a} говорит попадье: «Ехать было к шуту, не шутит ли какú шутку!» Собрался и поехал; шут по двору похаживает, за хозяйством присматривает. «Бог в помощь, шут!» — «Добро жаловать, батюшка! Куды тебя бог понес?» — «К тебе, свет; не сшутишь ли шутку мне?» — «Изволь, батюшка; только шутку-то я оставил у семи шутов, дак снаряди потеплей да дай лошади съездить за нею». Поп дал ему лошадь, тулуп и шапку. Шут сел и поехал. Приехал к попадье и говорит: «Матушка! Поп купил триста пудов рыбы; меня вот послал на своей лошади к тебе за деньгами, триста рублей просит». Попадья тотчас считала ему триста рублей; шут взял и поехал назад. Приезжает домой, тулуп и шапку положил в сани, лошадь в ограду пустил, а сам спрятался. Поп пождал-пождал, не мог дожждаться, собрался и воротился к попадье. Она спрашивает: «А где рыба-то?» — «Какая рыба?» — «Как какая! Шут приезжал за деньгами, сказывал, будто ты заторговал триста пудов рыбы; я ему триста рублей дала». Узнал поп, каковую шутку сыграл над ним шут!

На другой день собрался, и опять к шуту. Шут знал, что поп придет, переоделся женщиной, взял пресницу¹ и сел под окошко, сидит да прядет. Вдруг поп: «Бог в помочь!» — «Добро жаловать!» — «Дома шут?» —

¹ Пяльцы.

² Уговори.

¹ Прялку.

Пляска. Лубок из собрания Д. Ровинского, № 39

«Нету, батюшка!» — «Где же он?» — «Да ведь он, батюшка, с тобой вчераш пошутил да после того и дома не бывал». — «Экой плут! Видно, назавтрее приезжать». На третий день приехал; шута все нет дома. Поп и думает: «Чего же я езжу без дела? Эта девка, знать, сестра его, увезу ее домой, пусть зарабатывает² мои деньги». Спрашивает ее: «Ты кто же? Как шуту доводишься?» Она говорит: «Сестра». — «Шут у меня триста рублей денег взял, так ступай-ка, голубушка, зарабатывай их...» — «Дак что! Ехать дак ехать!» Собралась и поехала с попом. Живет у него уж и долго.

У попа были дочери-невесты. Вдруг к нему сватовщики — какой-то богатый купец начал сватать дочь за сына. Поповски дочери что-то купцу не понравились, не поглянулись, он и высватал стряпку³, шутову сестру.

² Зарабатывает.

³ Кухарку, работницу.

Веселым пирком да и за свадебку. Справили все как следует. Ночью молодая говорит мужу: «Высади меня в окошко по холсту поветриться; а как тряхну холстом, назад тяни». Муж спустил ее в сад; женушка привязала вместо себя козлуху, тряхнула — молодой потащил. Притащил в горницу, смотрит — козлуха. «Ох, злые люди испортили у меня жену-то!» — закричал молодой; все сбежались, начали возиться с козлухой; дружки взялись наговаривать, чтобы обратить ее в женщину, и совсем доконали-замучили: пропала⁴ козлуха!

Шут между тем пришел домой, переоделся и поехал к попу. Тот его встретил: «Милости просим, милости просим!» — угощает. Шут сидит, ест да пьет; те-други разговоры; он и спрашивает: «Батюшка, где же моя сестра? Не увозил ли ты?» — «Увез,— говорит поп,— да и отдал взамуж за богатого купца». — «А как же, батюшка, без моего спросу отдали ее взамуж? Разе⁵ есть таки законы? Ведь я просить пойду!» Поп биться-биться с ним, чтобы не ходил в просьбу. Шут выпросил с него триста рублей; поп отдал. Шут взял и говорит опять: «Ладно, батюшка, теперь своди-ка меня к сватушку-то; покажи, каково они живут». Поп не захотел спорить; собрались и поехали.

Приезжают к купцу; тут их встретили, начали потчевать. Шут сидит уж и дивно⁶ времени — сестры не видать, и говорит он: «Сватушка, где же моя-то сестра? Я давно с ней не видался». Те посемывают⁷. Он опять спрашивает; они и сказали ему, что злы люди похимостили⁸, испортили ее в козлуху. «Покажите козлуху!» — просит шут; они говорят: «Козлуха пропала». — «Нет, не козлуха пропала, а вы разве мою сестру убили; как сделаться ей козлухой! Пойду просить на вас». Те ну просить его: «Не ходи, пожалуйста не ходи просить; чего хочешь бери!» — «Отдайте триста рублей, не пойду!» Деньги отсчитали, шут взял и ушел, сделал где-то гроб, склал в него деньги и поехал.

Вот едет шут, а навстречу ему семь шутов; спрашивают: «Чего, шут, везешь?» — «Деньги». — «А где взял?» — «Где взял! Вишь, покойника продал и везу теперь полон гроб денег». Шуты, ничего не говоря, приехали домой, перебили всех своих жен, поделали гроба, склали на телеги и везут в город; везут и кричат: «Покойников, покойников! Кому надо покойников?» Услыхали это казаки, живо подскакали и давай их понужать плетями; драли-драли, еще с приговорами: «Вот вам покойники! Вот вам покойники!» — и проводили вон из города. Еле-еле убрались шуты; покойников схоронили, сами и ступай к шуту отмстить за насмешку; тот уж знал, вперед изготовился.

Вот они приехали, вошли в избу, поздоровались, сели на лавку; а у шута в избе была козлуха: она бегала-бегала, вдруг и выронила семигривенник. Шуты увидели это, спрашивают: «Как это козлуха-то семигривенник выронила?» — «Она у меня завсегда серебро носит!» Те и приступили: продай да продай! Шут упрямится, не продает: самому-де надо. Нет, шуты безотступно торгуют. Он запросил с них триста рублей.

⁴ Издохла.

⁵ Разве.

⁶ Много.

⁷ Переминаются, беспокоятся.

⁸ Заворожили, заколдовали.

Шуты дали и увели козлуху; дома-то поставили ее в горнице, на пол ковров настлали, дожидаются утра, думают: «Вот когда денег-то наносит!» А вместо того она только ковры изгадила.

Шуты опять поехали мстить тому шуту. Тот уже знал, что они будут; говорит своей жене: «Хозяйка, смотри, я тебе привяжу под пазуху пузырь с кровью; как придут шуты бить меня, я в те поры стану просить у тебя обедать; раз скажу — ты не слушай, другой скажу — не слушай, и в третий — тоже не слушай. Я ухвачу нож и ткну в пузырь, кровь побежит — ты и пади, будто умерла. Тут я возьму плетку, стегну тебя раз — ты пошевелись, в другой — ты поворотись, а в третий — скочи да на стол собирай». Вот приехали шуты: «Ну, брат, ты нас давно обманываешь, теперича мы тебя уьем». — «Дак что! Убьете — так убьете; дайте хоть в последний раз пообедать. Эй, хозяйка! Давай обедать». Та ни с места; он вдругорядь приказывает — она ни с места; в третий раз говорит — то же самое. Шут схватил ножик, хлоп ее в бок — кровь полилась ручьями, баба пала, шуты испугались: «Что ты наделал, собака? И нас упекешь тут же!» — «Молчите, ребята! У меня есть плетка; я ее вылечу».

Сбежал за плеткой, стегнул раз — хозяйка пошевелилась, в другой — поворотилась, в третий — скочила и давай на стол собирать. Шуты говорят: «Продай плетку!» — «Купите». — «Много ли возьмешь?» — «Триста рублей». Шуты отсчитали деньги, взяли плетку, ступай с ней в город; видят — везут богатого покойника, они кричат: «Стой!» Остановились. «Мы оживим покойника!» Раз стегнули плеткой — покойник не шевелится, в другой раз — тоже, в третий, четвертый, пятый — покойник все не шевелится. Тут их, сердешных, забрали и давай самих драть; плетью стегают да приговаривают: «Вот вам, лекарья! Вот вам, лекарья!» До полу-смерти исстегали, отпустили. Они кое-как доплелись до двора, поправились и говорят сами с собой: «Ну, ребята, не докуль шуту над нами смеяться; пойдемте уьем его! Чего на него смотреть-то?»

Тотчас собрались и поехали; застали шута дома, схватили и потащили на реку топить. Он просится: «Дайте хоть с женой да с родней проститься, приведите их сюда!» Ну, согласились, пошли все за родней; а шута завязали в куль и оставили у проруби. Только уши, вдруг едет солдат на паре каурых, а шут что-то и скашлял. Солдат остановился, соскочил с саней, развязал куль и спрашивает: «А, шут! Пошто залез тут?» — «Да вот высватали за меня убогом таку-то (называет ее по имени), сегодня и украли; а отец и хватился, давай искать. Нам некуда деваться; вот мы спрятались в кули, нас завязали да и растащили по разным местам, чтоб не узнали». Солдат был вдовый, говорит: «Пусти, брат, меня в куль-от». Шут упрямится, не пускает. Солдат уговаривать, и уговорил его. Шут вышел, завязал солдата в куль; сел на лошадей и уехал. Солдат сидел-сидел в кулю и уснул.

Семь шутов воротились одни, без родни, схватили куль и бросили в воду; пошел куль ко дну — буры да кауры! Сами побежали домой; только прибежали, расселись по местам, а шут и катит мимо окон на паре лошадей — ух! «Стой!» — закричали семеро шутов. Он остановился. «Как ты из воды выбился?» — «Эх вы, дураки! Разве не слышали: как

пошел я ко дну, то сказывал: буры да кауры? Это я коней имал. Там их много, да какие славные! Это что еще! Я дрянь взял — спереди, а там дальше воронье — вот так лошади!» Шуты поверили: «Спускай, брат, нас в воду; пойдем и мы коней выбирать». — «Извольте!» Всех извязал в кули и давай спускать по одному; испускал всех в воду, махнул рукой и сказал: «Ну, выезжайте же теперь на вороных!»

398

ил-был Фомка-шут, умел шутить шутки хитрые. Раз идет ^{223б} Фомка дорогою; повстречался ему поп: «Здравствуй, Фомка!» — «Здравствуй, батюшка!» — «Пошути мне!» — «Ах, батюшка, рад бы, да шутки дома забыл». — «Сбегай, пожалуйста!» — «Далеко бежать-то!» — «Возьми, свет, мою лошадь». — «Давай, батюшка!» Сел и поехал к попадье: «Матушка, подавай семьсот рублей; батюшка купил семь сел, семь деревень; меня послал за деньгами, вот свою лошадь дал». Попадья дала ему семьсот рублей; Фомка-шут взял деньги и поехал на болото; утопил лошадь в болоте, отрезал у ней хвост и воткнул в тину. Приходит к попу: «Ну, батюшка, верно ты свою кобылу недели две не поил?» — «А что?» — «Да то — как поехал я мимо воды, кинулась она со всех ног в болото, да там и завязала!» — «Что делать! Пойдем вытаскивать». Пришли к болоту — один хвост торчит. «Лезь, батюшка, в воду!» — «Полезай лучше ты, Фомка!» Фомка полез.

Вот шут ухватился за один конец хвоста, а поп за другой; тянут в разные стороны. Вот тянули, тянули, Фомка взял да выпустил хвост из рук — поп так и ударился оземь. «Нет, — говорит Фомка, — видно, совсем пропала лошадь! Теперь уж не вытасишь — хвост оборвали!» Поп потужил-потужил и пошел домой. Попадья встречает: «Что, батька, купил семь сел, семь деревень?» — «Каких, свет?» — «Как же, Фомка-шут от тебя приезжал да семьсот рублей денег взял!» — «Ах он вор этакой! Неча сказать: славную шутил шутку!» А Фомка себе на уме, поехал в город протирать глаза чужим денежкам: у попа-де в сундуке они заржавели!

У Фомки-шута было два брата. Раз как-то затопил он печку, поставил на огонь котел с водою и сел под окном, глядь — идут одали братья. Фомка сейчас вытасил котел из печи, поставил на улицу в снег и покрыл сковородой. Братья подошли и услышали — что-то в котле шумит. Стали спрашивать: «Шут, что у тебя в котле-то шумит?» — «Вода на снегу кипит! Если в котел муки положить, так можно и кисель сварить: не надо и дров!» — «Подари нам этот котелок». — «Не могу, братцы! Я только им и живу». — «Ну, продай! Что возьмешь?» — «Да мне ста рублей не возьму». — «На, бери!» Заплатили братья сто рублей, взяли котелок и принесли домой. «Эй, жена, — говорит один, — давай кисель варить». — «Дров нету!» — отвечает ему баба. «Да нам дров и не надо; подавай муки». Баба принесла муки; мужики налили в котел воды, насыпали туда муки, накрыли сковородой и поставили в снег. Прошло с час времени. «Ну-ка, бабё, не готов ли наш кисель?» Посмотрели, а вода

совсем замерзла; стали ножом резать — нож не берет, стали топором рубить — и разбили котел вдребезги. Осердились братья и пошли Фомку бить.

Фомка-шут знал, что братья не спустят ему, и загодя придумал новую шутку: убил барана, нацедил крови и налил в пузырь; а тот пузырь привязал своей бабе под мышку. Только братья в избу, он и закричал: «Таня, делай яичницу, да проворнее!» Таня и с места не встает. Фомка за нож, как ударит ее под мышку — кровь так и полилась. Таня упала — захрапела, словно душа из тела выходит. «Что, али умирать вздумала?» — говорит Фомка, снял с гвоздя плетку и давай стегать да причитывать: «Плетка-живилка, оживи мою женушку!» Она тотчас вскочила и принялась готовить яичницу. «Фомка, — говорят братья, — продай плетку-живилку». — «Купите!» Торговаться-торговаться, купили плетку и пошли над своими бабами куражиться... (Окончание то же, что и в предыдущем списке.)

399

ил-был поп с попадьей. Вот он, вишь ты, поехал нанимать казака¹; только что едет поп по деревне — попадаетея ему мужик. «Здорово, батюшка!» — «Здравствуй, братеник!» — «Куды ты, батя, едешь?» — «Да ништо ведь, вишь — работа поспела, так надобно нанять казака на летину». — «А что, — бает, — батюшка, найми меня». — «Ладно, — бает поп, — ступай к попадье, скажи, что меня, мол, нанял поп. А я покамест съезжу в деревню, окрещу ребенка: вишь, Пафнутьевна родила». «Ступай, батюшка, ступай!» — бает казак; а сам пошел на погост. Пришел к попадье: «Здорово, — бает, — матушка! Поп приказал дом сжечь, а сам поехал новый покупать». И! Попадья взяла пук лучины зажгла и давай со всех сторон дом поджигать. Едет поп, а попадья пепелок развевает да место очищает. «Что ты, попадья?» — «Да ништо! Пришел Ерема; меня, бает, батюшка нанял в казаки; дом да село покупает, а этот дом велел сжечь». — «Ах он, лиходей! Где же он?» — «Да ушел домой». — «Делать нечего, разве нанять другого мужика в казаки?» — бает поп своей попадье. «Уж без казака не жить, — бает попадья — найми, найми, поп!» Вот он и нанял другого мужика в казаки. Дело пошло на лад. Только что приходит сенокос — а ведь это время, знаешь, самое трудное! — поп и задумал нанять еще казачиху. Поехал в приход; едет и видит бабу с пальцами, а это был Ерема; он узнал, что поп хочет нанимать казачиху, взял да и перерядился в бабье платье и стал как девка. Вот едет поп, а девушка бает: «Куды ты, батюшка, едешь?» — «Да ништо ведь, — бает поп, — надобно нанять казачиху, так вот и ищущу». — «Ах, батюшка, да найми меня!» — «Да как тебя зовут?» — «Маланьей». — «Так что же, ступай с богом ко мне».

Вот и пошла. Живет Ерема у попа да работает, а поп и не ведает, что у него в казачихах живет Ерема. Только что долго ль, коротко ль,

¹ Батрака, работника.

а попу вздумалось женить казака своего на казачихе. «А что, попадья, бает,— сыграем-ка свадебку; казак-то парень дюжий, да и казачиха-то девка ража. Давай-ка!» — «Так что ж зевать?» — бает попадья. Взяли да и женили казака своего на казачихе и заперли их спать на ночь в клетки. Вот Ерема и бает: «Что, Сысоюшка (этак звали казака-то), ведь мне на двор надо». — «Да как же,— бает,— быть? Ведь мы заперты!» — «Ничего, возьмем-ка поднимем половицу, да ты меня привяжи к кушаку, да и пусти туда; я как справлюсь, так и потрясу кушаком, а ты и тащи меня». — «Ну, ладно, ступай!»

Вот Ерема спустился под пол и привязал кушаком козу за рога — оттого что были там козы. Привязал. да и потряхнул: «Тяни!» — бает, а сам и ушел. Тот потянул, а коза: «Бяу!» — «Что это,— думает себе,— неужто моя жена козой сделалась? Дай-ка еще!» — «Бяу!» — «Ах, и взабыль² никак она уж оборотень! Ну-ка еще...» — «Бяу!» — «Делать нечего, пойти к попу... Батюшка!» — «Кто там стучит?» — «Откутайся-ка³». — «Да кто там?» — бает поп. «Да я, батюшка!» — «Ты. Сысой?» — «Я». — «Пошто ты?» — «Да что, батюшка,— бает казак,— никак женка-то козой сделалась!» — «Пойдем-ка посмотрим!» Казак все рассказал попу, как дело было. Пришли под клеть, глядь — а кушак-то привязан козе за рога; сосчитали коз: все ли тут, нет ли, бывает, лишних? Нет, все по-прежнему, а казачихи как не было! «Уж не Ерема ль это подделал?» — бает поп. «Да, пожалуй!» — бает попадья.

У Еремы было еще два брата: Фома да Кузьма, и были они — ворьё⁴. Только им и вздумалось украсть у попа улей пчел. Вот и пошли; да в ту самую пору, как Ерему-то в клеть спать положили; а Ерема-то уж знал, что братники думали делать. Вот он ушел, да и сел в один улей. Пришли братья и стали пробовать, который потяжелее; взялись за тот самый, где сидел Ерема. «Ого-го! — бают.— Вот где мед-то! Ну-ка, брат, на плечо, да и потащим!» Подняли и потащили, а Ерема сидел, сидел, да потихоньку и закричал: «Вижу, вижу!» — «Смотри-ка, брат, никак нас догоняют, слышишь?.. Побежим скорее...» А Ерема опять: «Вижу, вижу!» — «Уж близко! Бросим-ка лучше, а не то догонят». Вот они бросили и ушли; и Ерема ушел... Вот братья на другой день приходят, видят улей, раскрыли — пустой!.. «А это дело Еремы; пойдем-ка дадим ему знать!»

А Ерема уж это наперед знал; бает своей женке: «Смотри, как придут братья, я тебе велю собирать на стол; а ты возьми да и не давай нам; мне, мол, надоть ребят накормить. Да еще подвяжи пузырь под пазуху, а я тебе ножом по ему — ты возьми и ляг; а я тебя плеткой — ты и вскочи поскорее. Смотри ж не забудь!» — «Ладно», — бает женка. Вот приходят братья. «Здравствуй,— бают,— Ерема!» — «Здравствуйте, братцы! Добро пожаловать! Что скажете хорошенького?» — «Да ништо! Мы вот хотим...» А Ерема: «Э, братцы, я вас наперед угошу. Женка, давай сейчас обедать». — «Некогда». — «Ну же, живее!» — «Да дай ребят накормить!» — «А вот я те⁵ дам ребят накормить!» — да как чесанет но-

² В самом деле.

³ Отворись, отомкнись.

⁴ Воры.

⁵ Тебе.

жом-то под пазуху — женка его так тут и грянулась оземь. «Ах ты, шельма!» Взял плетку с гвоздя да ее и ну пороть, а сам приговаривает: «Плетка-живилка, оживи мою женушку!» И! Женка разом вскочила, тотчас собрала на стол.

Вот братья пообедали, переглянулись: «А что, — бают, — Еремушка, дай-ка нам своей плетки, и мы своих жен поучим; они у нас нешто заценились». — «А как вы ее потеряете?» — «Небось!» — «Ну так возьмите, да смотрите отдайте». Они взяли и пошли. «Пойдем, — бает Фома, — сперва ко мне; сперва я поучу свою женку». Пришли. «Давай, женка, — бает Фома, — нам есть!» — «Погоди; вот я ребят накормлю, тогда и сберу». — «Нам некогда, давай скорее!» — «Да погоди!» Фома схватил нож да как чесанет свою женку под пазуху — та и грохнулась наземь. Схватил плетку и ну пороть, а сам приговаривает: «Плетка-живилка, оживи мою женушку!» Не тут-то было: женка лежит себе да лежит. «Постой-ка, — бает Кузьма, — ты не умеешь пороть; дай-ка я!» Хлоп, хлоп!.. Не встает. «Ну, ну, брат, ишь твоя жена какая непослушная⁶. Пойдем к моей». — «Пойдем, — бает Фома, — ведь моя-то ух как была непослушная! Видно, и плетка ее не берет». Вот и пошли. «Женка, — бает Кузьма, — собирай мне на стол». — «Некогда», — бает жена. Еще стала отговариваться. «Вот я тя!» — да как чесанет ножом-то, та и грянулась оземь. Он схватил плетку и ну стегать, а сам приговаривает: «Плетка-живилка, оживи мою женушку!» Не тут-то было: женка лежит себе да лежит. «Ну, делать нечего! Обманул Ерема. Пойдем мы его утопим».

Идут, а Ерема попадаетея навстречу. Вот они и схватили его. «Мы те, — бают, — дадим знать! Станешь ужо нас обманывать!» Взяли да и потащили к реке; а это дело-то было уж осенью, только что река замерзла. Притащили его к реке, а проруби-то и нету такой, чтоб его в воду бросить. «Поди, — бает Фома Кузьме, — поди, принеси топор». — «Не пойду», — бает Кузьма. «Ну так останься здесь, а я принесу». — «Нет, братеник, не останусь». — «Ну так делать нечего, пойдем оба».

Вот они взяли и пошли, а Ерему так тут и оставили, только ноги ему кушаком связали. Видит Ерема — барин едет; вот он и начал кричать: «Пожалуйте сюды!» Барин подъехал; а Ерема развязал себе ноги да как крикнет: «Скидывай попону-то⁷!» Тот скинул. Ерема снял с себя армяк да надел на барина, связал ему и руки и ноги. «Лежи, — бает, — здесь, пока опять приду». Только что Ерема ушел, а Фома да Кузьма и вернулись, прорубили прорубь да не посмотревши — бух в нее барина!

Немного погодя едет Ерема на бариновой лошади и в бариновом платье. «Здравствуйте, — бает, — братцы!» — «Здравствуй, — бают братья, — где ты взял лошадей-то?» — «А вот где! Только что вы пихнули меня в воду, а я бурл!.. бурл!.. бурл!.. вот мне и явились буры кони; я на них и выехал из реки». — «Ах, братец родимый, пихни и нас туды, чтоб и нам достать по бурым лошадям». Он взял да и пихнул их в прорубь; а сам стал поживать, добра наживать.

⁶ Непослушная.

⁷ Одежду.

400—401. ИВАНУШКА-ДУРАЧОК

400

224a

ыл-жил старик со старухою; у них было три сына: двое — умные, третий — Иванушка-дурачок. Умные-то овец в поле пасли, а дурак ничего не делал, все на печке сидел да мух ловил. В одно время наварила старуха аржаных клецок и говорит дураку: «На-ка, снеси эти клецки братьям; пусть поедят». Налила полный горшок и дала ему в руки; побрел он к братьям. День был солнечный; только вышел Иванушка за околицу, увидел свою тень сбоку и думает: «Что это за человек со мной рядом идет, ни на шаг не отстает? Верно, клецок захотел?» И начал он бросать на свою тень клецки, так все до единой и повыкидал; смотрит, а тень все сбоку идет. «Эка ненасытная утроба!» — сказал дурачок с сердцем и пустил в нее горшком — разлетелись черепки в разные стороны.

Вот приходит с пустыми руками к братьям; те его спрашивают: «Ты, дурак, зачем?» — «Вам обед принес». — «Где же обед? Давай живее». — «Да вишь, братцы, привязался ко мне дорогою незнамо какой человек, да все и поел!» — «Какой-такой человек?» — «Вот он! И теперь рядом стоит!» Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овец пасти, а сами ушли на деревню обедать.

Принялся дурачок пасти: видит, что овцы разбрелись по полю, давай их ловить да глаза выдирать; всех переловил, всем глаза выдолбил, собрал стадо в одну кучу и сидит себе радехонек, словно дело сделал. Братья пообедали, воротились в поле. «Что ты, дурак, натворил? Отчего стадо слепое?» — «Да пошто им глаза-то? Как ушли вы, братцы, овцы-то врозь рассыпались; я и придумал: стал их ловить, в кучу собирать, глаза выдирать; во как умаялся!» — «Постой, еще не так умаешься!» — говорят братья и давай угощать его кулаками; порядком-таки досталось дураку на орехи!

Ни много, ни мало прошло времени; послали старики Иванушку-дурачка в город к празднику по хозяйству закупать. Всего закупил Иванушка: и стол купил, и ложек, и чашек, и соли; целый воз навалил всякой всячины. Едет домой, а лошаденка была такая, знать, неудальная, везет — не везет! «А что, — думает себе Иванушка, — ведь у лошади четыре ноги, и у стола тож четыре; так стол-от и сам добежит». Взял стол и выставил на дорогу. Едет-едет, близко ли, далеко ли, а вороны так и вьются над ним да всё каркают. «Знать, сестрицам поесть-покушать охота, что так раскричались!» — подумал дурачок; выставил блюда с ествами наземь и начал потчевать: «Сестрицы-голубушки, кушайте на здоровье!» А сам все вперед да вперед подвигается.

Едет Иванушка перелеском; по дороге всё пни обгорелые. «Эх, — думает, — ребята-то без шапок; ведь озябнут, сердечные!» Взял понадевал на них горшки да корчаги. Вот доехал Иванушка до реки, давай лошадей

понть, а она не пьет. «Знать, без соли не хочет!» — и ну солить воду. Высыпал полон мешок соли, лошадь все не пьет. «Что ж ты не пьешь, волчке мясо! Разве задаром я мешок соли высыпал?» Хватил ее поленом, да прямо в голову, и убил наповал. Остался у Иванушки один кошель с ложками, да и тот на себе понес. Идет; ложки назади так и брякают: бряк, бряк, бряк! А он думает, что ложки-то говорят: «Иванушка-дурак!» — бросил их и ну топтать да приговаривать: «Вот вам Иванушка-дурак! Вот вам Иванушка-дурак! Еще вздумали дразнить, негодные!»

Воротился домой и говорит братьям: «Все искупил, братики!» — «Спасибо, дурак, да где ж у тебя закупки-то?» — «А стол-от бежит, да, знать, отстал, из блюд сестрицы кушают, горшки да корчаги ребятам в лесу на головы понадевал, солью-то пиво лошади посолил, а ложки дразнятся — так я их на дороге покинул». — «Ступай, дурак, поскорее собери все, что разбросал по дороге». Иванушка пошел в лес, снял с обгорелых пней корчаги, повышибал днища и надел на батог корчаг с дюжину — всяких: и больших и малых. Несет домой. Отколотили его братья; поехали сами в город за покупками, а дурака оставили домовничать. Слушает дурак, а пиво в кадке так и бродит, так и бродит. «Пиво, не броди, дурака не дразни!» — говорит Иванушка. Нет, пиво не слушается; взял да и выпустил все из кадки, сам сел в корыто, по избе разъезжает да песенки распевает.

Приехали братья, крепко осерчали, взяли Иванушку, зашили в куль и потащили к реке. Положили куль на берегу, а сами пошли прорубь осматривать. На ту пору ехал какой-то барин мимо на тройке бурых; Иванушка и ну кричать: «Садят меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить, ни рядить не умею!» — «Постой, дурак, — сказал барин, — я умею и судить и рядить; вылезай из куля!» Иванушка вылез из куля, зашил туда барина, а сам сел в его повозку и уехал из виду. Пришли братья, спустили куль под лед и слушают, а в воде так и буркает. «Знать, бурка ловит!» — проговорили братья и побрели домой. Навстречу им откуда ни возьмись едет на тройке Иванушка, едет да прихвастывает: «Вот-ста каких поймал я лошадушек! А еще остался там сивко — такой славный!» Завидно стало братьям; говорят дураку: «Зашивай теперь нас в куль да спускай поскорей в прорубь! Не уйдет от нас сивко...» Опустил их Иванушка-дурачок в прорубь и погнал домой пиво допивать да братьев поминать. Был у Иванушки колодец, в колодце рыба елец, а моей сказке конец.

ри матери были три сына: два умных, третий дурак. Умные за-^{224b}нимались работою, ловили зверей капканами да путами. Раз привезли они многое множество зверей. Дурак слез с печи и закричал: «Братцы, ведь и я лису поймал!» — «Где ж она?» — «А вон в хлеву». Они пошли, поглядели — сидит в капкане мертвая старуха. Братья ругали его, ругали, ну да что? ведь с дурака взятки гладки. Немного погодя задумал старшой брат жениться. Умные-то всегда делом заняты, а дурак на печи лежит; вот и послали его

на базар в соседнюю деревню — искупить все нужное для свадьбы. Дурак купил соли, говядины и горшков пять либо шесть. Идет домой, глядь — собака на озере воду лакает. «У, родная моя, — закричал дурак, — зачем без соли пьешь?» Взял да и высыпал всю соль в воду. Идет дальше; вороны увидали говядину, так и вьются над ним да кричат: карр! карр! Дураку показалось, что они величают его Карпом, взял да говядину и раскидал: «Кушайте, родимые!»

Идет да идет; по дороге верстовые столбы стоят. «Эх, мои братцы без шапок стоят!» — сказал дурак и понадевал на них горшки. Воротился к братьям и рассказал все, что сделал; братья обругали его, как надо, и велели сидеть дома: «Ты-де, дурак, никуда не годишься!»

Вот повезли жениха с невестою к венцу; остался дурак один во всем доме; запер дверь, выпустил целую бочку квасу, сел в лоток, в руки взял веселку и плавает по избе да приговаривает: «Еду-еду, до берега не доеду». Приехали молодые из церкви, стучатся в дверь: «Отвори, дурак!» А он в ответ: «Постойте, дайте до берега доехать!» Нечего делать, пришлось ломать дверь; разломали — как хлынет оттуда квас, так молодых с ног и сбил!..

402. ДУРАК И БЕРЕЗА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик, у него было три сына: двое — умных, третий — дурак. Помер старик, сыновья разделили имение по жеребью: умным досталось много всякого добра, а дураку один бык — и тот худой! Пришла ярмарка; умные братья собираются на торг ехать. Дурак увидал и говорит: «И я, братцы, поведу своего быка продавать».

Зацепил быка веревкою за рога и повел в город. Случилось ему идти лесом, а в лесу стояла старая сухая береза; ветер подует — и береза заскрипит. «Почто береза скрипит? — думает дурак. — Уж не торгует ли мсего быка? — Ну, — говорит, — коли хочешь покупать — так покупай; я не прочь продать! Бык двадцать рублей стоит; меньше взять нельзя... Вынимай-ка деньги!» Береза ничего ему не отвечает, только скрипит; а дураку чудится, что она быка в долг просит. «Изволь, я подожду до завтраго!» Привязал быка к березе, распрощался с нею и пошел домой. Вот приехали умные братья и стали спрашивать: «Ну что, дурак, продал быка?» — «Продал». — «За дорого?» — «За двадцать рублей». — «А деньги где?» — «Денег еще не получал; сказано — завтра приходить». — «Эх ты — простота!»

На другой день поутру встал дурак, снарядился и пошел к березе за деньгами. Приходит в лес — стоит береза, от ветру качается, а быка нету;

ночью волки съели. «Ну, земляк, подавай деньги, ты сам обещал, что сегодня заплатишь». Ветер подул — береза закричала, а дурак говорит: «Ишь ты какой неверный! Вчера сказывал: завтра отдам, и нонче то же сулишь! Так и быть, подожду еще один день, а уж больше не стану — мне самому деньги надобны». Воротился домой. Братья опять к нему пристают: «Что, получил деньги?» — «Нет, братцы, пришлось еще денек подождать». — «Да кому ты продал?» — «Сухой березе в лесу». — «Экой дурак!»

На третий день взял дурак топор и отправился в лес. Приходит и требует денег. Береза скрипит да скрипит. «Нет, земляк, коли все будешь завтраками потчевать, так с тебя никогда не получишь. Я шутить-то не люблю, живо с тобой разделаюсь!» Как хватит ее топором — так щепки и посыпались во все стороны. В той березе было дупло, а в том дупле разбойники спрятали полный котел золота. Распалось дерево надвое, и увидел дурак чистое золото; нагреб целую полу и потащил домой, принес и показывает братьям. «Где ты, дурак, добыл столько?» — «Земляк за быка отдал; да тут еще не сполна все, чай и половины домой не притащил! Пойдемте-ка, братцы, забирать остальное!» Пошли в лес, забрали деньги и несут домой. «Смотри же, дурак, — говорят умные братья, — никому не сказывай, что у нас столько золота». — «Небось не скажу!»

Вдруг попадается им навстречу дьячок. «Что вы, ребята, из лесу тащите?» Умные говорят: «Грибы». А дурак поперечит: «Врут они! Мы деньги несем; вот посмотри!» Дьячок так и ахнул, бросился к золоту и давай хватать пригоршнями да в карман, совать. Дурак рассердился, ударил его топором и убил до смерти. «Эх, дурак! Что ты наделал? — закричали братья. — Сам пропадешь и нас загубишь! Куда теперь мертвое тело девать?» Думали-думали и стащили его в пустой погреб, да там и бросили.

Поздно вечером говорит старший брат среднему: «Дело-то выходит неладно! Как станут про дьячка разыскивать, ведь дурак все расскажет. Давай-ка уьем козла да схороним в погребу, а мертвое тело зароем в ином месте». Дождали они глухой ночи, убили козла и бросили в погреб, а дьячка снесли в иное место и зарыли в землю. Прошло несколько дней, стали про дьячка везде разыскивать, у всех расспрашивать; дурак и отозвался: «На что он вам? А намедни я его топором убил, а братья на погреб снесли».

Тотчас ухватились за дурака: «Веди, показывай!» Дурак полез в погреб, достал козлиную голову и спрашивает: «Ваш дьячок черный?» — «Черный». — «И с бороною?» — «Да, и с бороною». — «И рога есть?» — «Какие там рога, дурак!» — «А вот смотрите!» — и выбросил голову. Люди смотрят — как есть козел, плюнули дураку в глаза и разошлись по домам. Сказке конец, а мне меду корец.

403—404. НАБИТЫЙ ДУРАК

403

ил-был старик со старухой, имели при себе одного сына, и то дурака. Говорит ему мать: «Ты бы, сынок, пошел, около людей потерся да ума набрался». — «Постой, мама; сейчас пойду». Пошел по деревне, видит — два мужика горох молотят, сейчас подбежал к ним; то около одного потрется, то около другого. «Не дури,— говорят ему мужики,— ступай, откуда пришел»; а он знай себе потирется.

Вот мужики озлобились и принялись его цепами потчевать: так ошарашили, что едва домой приполз. «Что ты, дитяtko, плачешь?» — спрашивает его старуха. Дурак рассказал ей свое горе. «Ах, сынок, куда ты глупешенек! Ты бы сказал им: бог помочь, добрые люди! Носить бы вам — не переносить, возить бы — не перевозить! Они б тебе дали гороху; вот бы мы сварили, да и скушали».

На другой день идет дурак по деревне; навстречу несут упокойника. Увидал и давай кричать: «Бог помочь! Носить бы вам — не переносить, возить бы — не перевозить!» Опять его прибили; воротился он домой и стал жаловаться. «Вот, мама, ты научила, а меня прибили!» — «Ах ты, дитяtko! Ты бы сказал: «Канун да свеча!» да снял бы шапку, начал бы слезно плакать да поклоны бить; они б тебя накормили-напоили досыта». Пошел дурак по деревне, слышит — в одной избе шум, веселье, свадьбу празднуют; он снял шапку, а сам так и разливается, горько-горько плачет. «Что это за невежа пришел,— говорят пьяные гости,— мы все гуляем да веселимся, а он словно по мертвому плачет!» Выскочили и порядком ему бока помяли...

404

одной семье жил-был дурак набитый. И, бывало, нет того дня, чтобы на него не жаловались люди: либо кого словом обидит, либо кого прибьет. Мать сжалилась над дураком, стала смотреть за ним как за малым ребенком; бывало — куда дурак срядится¹ идти, мать с полчаса ему толкует: ты так-то, дитяtko, делай и так-то! Вот однажды пошел дурак мимо гумен, и увидел — молотят горох, и закричал: «Молотить вам три дня и намолотить три зерна!» Мужики его за такие слова прибили цепами. Пришел дурак к матери и вопит: «Матушка, матушка! Ныне били хохла, колотили хохла!» — «Тебя, что ль, дитяtko?» — «Да». — «За что?» — «Вот я шел мимо Дормидошкинова гумна, а на гумне молотили горох его семейные²...» — «Ты что же, дитяtko?» — «Да я им прогугорил³: молотить вам

¹ Снарядится, приготовится.

² Родные, домашние.

³ Промолвил.

три дня и намолотить три зерна. Они за то меня и прибили». — «Ох, дитятко, ты бы сказал им: возить вам — не перевозить, носить — не переносить, таскать — не перетаскать!» Обрадовался дурак, пошел на другой день по селу. Вот навстречу ему несут упокойника. Дурак, помня вчерашнее наставление, зашумел в прегреликий голос: «Носить вам — не переносить, таскать — не перетаскать!» Опять отдули⁴ его! Дурак воротился к матери и рассказал ей, за что его прибили. «Ты бы, дитятко, сказал им: канун да ладан!» Такие слова глубоко пали дураку в ум-разум. На другой день опять пошел он бродить по селу. Вот свадьба и едет ему навстречу. Дурак откашлялся, закричал, как только свадьба с ним поравнялась: «Канун да ладан!» Пьяные мужики соскочили с телеги и прибили его жестоко. Дурак пошел домой, кричит: «Ох, мать моя родимая, как больно-то прибили меня!» — «За что, дитятко?» Дурак рассказал ей, за что прибили. Мать сказала: «Ты бы, дитятко, поиграл да поплясал им». — «Спасибо тебе, матушка моя!» И ушел опять на село да взял с собою дудочку.

Вот на конце села занялся⁵ овин у мужика. Дурак со всех ног побежал туда; забежал против овина и ну плясать да играть в свою дудочку. И тут дурака отколотили. Он опять пришел к матери со слезами и рассказал, за что его побили. Мать ему сказала: «Ты бы, дитятко, взял воды да заливал с ними». Через три дня, как зажили у дурака бока, пошел он бродить по селу. Вот увидел он: мужик свинью палит. Дурак схватил у мимошедшей бабы с коромысла ведро с водою, побежал туда и начал заливать огонь. И тут дурака порядком поколотили. Опять воротился он к матери и рассказал, за что его били. Мать заклалась пускать его по слободе, и с тех пор дурак и поныне, кроме двора своего, никуда не выходит.

405—406. ЛУТОНЮШКА

405

ил-был старик со старухой; был у них сынок Лутоня.^{227a} Вот однажды старик с Лутонеею занялись чем-то на дворе, а старуха была в избе. Стала она снимать с гряд¹ полено, уронила его на загнетку² и тут превеликим голосом закричала и завопила. Вот старик услышал крик, прибежал поспешно в избу и спрашивает старуху: о чем она кричит? Старуха сквозь слез стала говорить ему: «Да вот если бы мы женили своего Лутонюшку, да если бы у него был сыночек, да если бы он тут сидел на загнет-

⁴ Т. е. прибили.⁵ Загорелся.¹ Гряда — две перекладыны, утвержденные вверху избы, для сушения дров.² Загнетка — шесток у русской печи.

ке — я бы его ведь ушибла поленом-то! Ну, и старик начал вместе с нею кричать о том, говоря: «И то ведь, старуха! Ты ушибла бы его!..» Кричат оба что ни есть мочи!

Вот бежит со двора Лутоня и спрашивает: «О чем вы кричите?» Они сказали о чем: «Если бы мы тебя женили, да был бы у тебя сынок, и если б он давеча³ сидел вот здесь, старуха убила бы его поленом: оно упало прямо сюда, да таково резко!» — «Ну,— сказал Лутоня,— исполать вам!» Потом взял свою шапку в охапку и говорит: «Прощайте! Если я найду кого глупее вас, то приду к вам опять, а не найду — и не ждите меня!» — и ушел.

Шел-шел и видит: мужики на избу тащат корову. «Зачем вы тащите корову?» — спросил Лутоня. Они сказали ему: «Да вот видишь, сколько выросло там травы-то!» — «Ах, дураки набитые!» — сказал Лутоня, взял залез на избу, сорвал траву и бросил корове. Мужики ужасно⁴ тому удивились и стали просить Лутоню, чтобы он у них пожил да поучил их. «Нет,— сказал Лутоня,— у меня таких дураков еще много по белу свету!» — и пошел дальше.

Вот в одном селе увидел он толпу мужиков у избы: привязали они в воротах хомут и палками вгоняют в этот хомут лошадь, умаяли⁵ ее до полусмерти. «Что вы делаете?» — спросил Лутоня. «Да вот, батюшка, хотим запрячь лошадку». — «Ах вы, дураки набитые! Пустите-ка, я вам сделаю». Взял и надел хомут на лошадь. И эти мужики с дива дались ему, стали останавливать его и усердно просить, чтоб остался он у них хоть на недельку. Нет, Лутоня пошел дальше.

Шел-шел, устал и зашел на постоялый двор. Тут увидел он: хозяйка-старушка сварила саламату⁶, поставила на стол своим ребятам, а сама то и дело ходит с ложкою в погреб за сметаной. «Зачем ты, старушка, понапрасну топчешь лапти?» — сказал Лутоня. «Как зачем,— возразила старуха хриплым голосом,— ты видишь, батюшка, саламата-то на столе, а сметана-то в погребе». — «Да ты бы, старушка, взяла и принесла сюда сметану-то; у тебя дело пошло бы по масличку!» — «И то, родимый!» Принесла в избу сметану, посадила с собою Лутоню. Лутоня наелся донельзя, залез на полатки⁷ и уснул. Когда он проснется, тогда и сказка моя дале начнется, а теперь пока вся.

406

ила-была старуха, у нее был сын Лутонюшка. Вот раз — ^{227b} дело было осенью — стал он скотинку бить, на зиму в запас солить; а мать смотрит да ругается: «Ишь, сколько голов загубил; куда девать-то будешь?» — «И, матушка, весна придет, все подберет!» — отвечал Лутоня, да вслед за тем сел в телегу и поехал в лес за дровами. На ту пору шел мимо

³ За несколько часов.

⁴ Ужасно, очень.

⁵ Утомили.

⁶ Саламата — мучная кашка (Ред.).

⁷ Полати.

прохожий — такой продувной! — услышал эти речи, смекнул, что баба не то проста, не то глупа, и прямо к ней на двор: «Здравствуй, старушка!» — «Здравствуй, батюшка!» — «Я — Весна красна, за говядиной к тебе пришла». Старуха обрадовалась, привела его к чану и наклала ему целый мешок мяса — пудов с восемь будет. Немного погодя приезжает из лесу сын. «Знаешь ли, сынок, — рассказывает ему старуха, — ведь у меня Весна была». Лутоня глядит ей в глаза: «Какая Весна?» — «Какая! Сам же давеча сказал, что за мясом придет; я ей полон мешок наклала». — «Ну, матушка, — говорит Лутоня, — прощай; пойду по белу свету шататься: коли найду кого глупее тебя — ворочусь домой, а то и не жди назад!»

Пошел он по белу свету шататься; в одну деревню зашел — там плотники избу строят; окоротили одно бревно, привязали к обоим концам по веревке, схватились и давай тянуть в разные стороны. «Что вы делаете?» — «Да вот бревно окоротили, так растянуть хотим». Рассмеялся Лутоня, показал им, как наставку приделать, и пошел дальше. Смотрит: на поле люди хлеб убирают; только не серпами жнут, а всякий колос зубами отгрызают. Подивился он этому чуду, и жаль стало ему, что народ терпит такую муку. Сходил в кузницу, сковал себе серп и воротился назад; тем временем народ обедать ушел. «Пусть же знают, как хлеб убирать!» — подумал Лутоня, нажал сноп, связал и воткнул в него серп; а сам стоит, дожидается: что будет? Вот люди пообедали, пришли на поле, увидали серп в снопу и закричали в один голос: «Ох, батюшки! Какой червяк проявился, что хлеба-то попортил!» Не знают, что и делать, как к тому червяку приступить; принесли ужище¹, накинули на серп мертвую петлю и потащили к реке. «Как же нам его в воду спихнуть?» Недолго думали, сейчас догадались: привязали мужика к бревну, дали ему ужище и спустили на воду. «Переезжай, — говорят, — на ту сторону и потопи червяка». На беду бревно с мужиком перевернулось: очутился он головою вниз, ногами вверх. «Эх, брат, — кричат ему с берега, — что ж ты онучи бережешь? Коли и намочишь — дома на печке высушишь». А мужик совсем потонул. «Ну, этих дураков не выучишь», — сказал Лутоня и пошел своей дорогой. Пришел в другую деревню. Глядь — старуха сечет курицу, сечет да приговаривает: «А, курва! Цыплят целый содом вывела, а титек не вырастила — кормить нечем». — «Эта, кажись, глупей моей матушки! Надо домой ворочаться». Пошел назад и набрел на дороге на артель работников; сидят вместе да обедают. «Хлеб да соль!» — «Садись с нами». После обеда стали они считать, все ли налицо? Но сколько ни считали, всё одного не досчитываются. «Пожалуйста, добрый молодец, пересчитай нас; отпустил нас хозяин всего-навсего десять человек, а теперь сколько ни считаем — все одного не хватает». — «Да вы этак никогда не досчитаетесь! Каждый из вас, как станет считать, себя-то в счет и не кладет: полно хлопотать попусту, вы все налицо!» — «Спасибо, добрый человек!» Простился с ними Лутонюшка и опять в дорогу; пришел домой и говорит: «Здорово, матушка! Воротился с тобой жить; сколько ни ходил по белу свету, а умнее тебя не нашел!»

¹ Вербку.

407—409. МЕНА

407

истил мужик навоз и нашел овсяное зерно; приходит к жене, у жены изба топится. Он говорит: «Ну-ка ты, хозяйка, поворачивайся, загребай-ка ты жар, сыпь это зерно в печь; выгребь из печи, истолки его и смели, киселю навари, отлей в блюдо; вот я и пойду к царю, понесу блюдо киселю; ну, хозяйка, не пожалует ли нас царь чем-нибудь?»

Вот он и пришел к царю, принес блюдо киселю; царь его пожаловал золотой тетеркой. Пошел от царя домой; идет полем; берегут табун коней. Пастух его спрашивает: «Мужичок, где ты был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю». — «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотой тетеркою». — «Променяй нам тетерку на коня». Ну, променял, сел на коня и поехал.

Вот он едет: берегут стадо коров. Пастух говорит: «Где ты, мужичок, был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю». — «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотую тетеркою». — «Где у тебя тетерка?» — «Я ее променял на коня». — «Променяй нам коня на корову».

Променял, ведет коровку за рога; берегут стадо овец. Пастух говорит: «Мужичок, где ты был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю». — «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотую тетеркою». — «Где золотая тетерка?» — «Променял на коня». — «Где конь?» — «Променял на коровку». — «Променяй нам коровку на овечку».

Променял, гонит овцу; берегут стадо свиней. Пастух говорит: «Где ты, мужичок, был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю». — «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотую тетеркою». — «Где золотая тетерка?» — «Променял на коня». — «Где конь?» — «Променял на коровку». — «Где коровка?» — «Променял на овечку». — «Променяй нам овечку на свинью».

Променял, гонит свинью; берегут стадо гусей. Пастух спрашивает: «Где ты, мужичок, был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю». — «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотую тетеркою». — «Где у тебя золотая тетерка?» — «Я променял на коня». — «Где конь?» — «Я променял на коровку». — «Где коровка?» — «Я променял на овечку». — «Где овечка?» — «Я променял на свинью». — «Променяй нам свинью на гуська».

Променял, несет гуська; берегут уток. Пастух говорит: «Мужичок, где ты был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю». — «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотую тетеркою». — «Где золотая тетерка?» — «Я променял на коня». — «Где конь?» — «Я променял на коровку». — «Где коровка?» — «Я променял на овечку». — «Где овечка?» — «Я променял на свинью». — «Где свинья?» — «Я променял на гуська». — «Променяй нам гуська на уточку».

Променял, несет утку; ребята играют в клюшки¹. «Где ты, мужичок,

¹ Клюшка (клюка) — дубинка, палка с загнутым концом, которою дети подбивают шар.

был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю». — «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотою тетеркою». — «Где золотая тетерка?» — «Я променял на коня?» — «Где конь?» — «Я променял на коровку». — «Где коровка?» — «Я променял на овечку». — «Где овечка?» — «Я променял на свинью». — «Где свинья?» — «Я променял на гуська». — «Где гусек?» — «Я променял на утку». — «Променяй нам утку на клюшку».

Променял, идет; пришел домой, клюшку поставил у ворот, а сам пошел в избу. Жена стала спрашивать; он рассказал все до клюшки. «Где клюшка» — «У ворот». Она пошла, взяла клюшку да клюшкой-то возила-возила² его: «Не меняй, не меняй, старый черт! Ты хоть бы утку принес домой!»

408

ил мужик с бабою; была у них пара волов, а телеги не было.^{228b} Куда ни соберутся ехать — бежит мужик по деревне искать телеги, и уж худо-худо разов по пяти брал он телегу у каждого хозяина! До того дошло дело, что перестали давать ему; куда ни сунется, всякий срамит его: «Какой ты мужик! Пару волов имеешь, а телеги не справишь!» Соберется мужик в дорогу, а ехать не на чем; посуетится-посуетится да так дома и останется. «Послушай, муженек, — сказывает жена, — поведи волов на ярмарку, продай, да за эти деньги купи телегу; пускай у нас своя будет! Тогда и к нам станут ходить люди да просить телеги, а мы никому не дадим!»

Мужик послушал жену, встал поутру рано, взял пару волов и повел в город. Стал приближаться к городу, глядь — везет старик на ярмарку новые телеги; подбежал к нему: «Здорово, земляк! Продаешь телеги?» — «Продаю». — «Знаешь ли, что я тебе скажу?» — «Как скажешь, так и буду знать». — «А вот что; сделай милость, дай мне телегу, а себе возьми пару волов».

Старик видит, что мена-то выгодная: пара волов худо стоит полтора ста рублев, а телега всего-навсего двадцать, и говорит: «Изволь, брат! Выбери любую».

Мужик выбрал себе самую большую телегу и отдал за нее пару волов. Старик радехонек, поскорей в город; на уме одно держит: как бы этот дурак не одумался да не отобрал назад своих волов. А мужик стоит на дороге да думает: «Слава богу, теперь есть телега! Только как ее домой дотащить? Ведь волов нету, приходится на себе везти». Взял веревку, привязал к телеге и давай тащить; тащил-тащил, с полверсты сделал, а устал как собака: пот так и льет с лица, а рубаху хоть выжми! Остановился, сел отдохнуть и призадумался: до двора далеко, верст с пятнадцать будет! Как теперь с телегой быть?

Увидал пастуха — гонит две козы на ярмарку, и закричал ему: «Здорово, земляк! Куда коз гонишь?» — «В город продавать». — «Чем прода-

² Т. е. била.

вать, променяй-ка лучше мне одну козу вот на эту телегу; вишь, совсем новая!» Пастух усмехнулся: «Как бы, брат, не промахнуться? А то маху дашь, после не поправишься; да, пожалуй, куда кривая не вывезет! Выбери себе любую». Мужик отдал телегу, взял козу и повел ее домой.

Шел-шел, версты две отхватил, и встречается ему разносчик: на спине коробка, за поясом целая связка кошельков прицеплена. Засмотрелся мужик на те кошельки, крепко понравилась: «Послушай, земляк! Куда несешь кошельки?» — «В город продавать». — «Променяй мне один на козу». — «Изволь, брат!» Взял мужик кошелек, положил за голенище и пошел домой. Шел, шел; на пути речка; сел на перевоз и перебрался на другую сторону. Стали перевозчики спрашивать деньги, а у него нет ни гроша, и заплатить нечем. «Тащите, братцы, армяк с плеч, коли денег нет!» — говорят перевозчики. «Постойте, армяк самому надобен; а есть у меня кошелек новый, возьмите его за работу». Вынул кошелек и отдал; перевозчики отпустили его.

Поплелся мужик домой. «Вот, — думает, — ни за что, ни про что загубил пару волов!» Смотрит: сидят на дороге чумаки да варят кашичу. «Здравствуйте, земляки!» — «Здравствуй, добрый человек!» — «Хлеб-соль вашей милости!» — «Спасибо». — «Славная у вас кашича! Пустите, братцы, похлебать маленько; крепко есть хочется». — «Да ты откуда?» — спрашивает атаман. «А я, дяденька, ходил на ярмарку, пару волов водил продавать». — «Ишь какой! Пару волов продал, а попрошайничаешь...» — «Эх, дяденька, — отвечал мужик, — когда бы ты знал да ведал мое горе!» — «Какое?» — «А вот послушайте!» — и рассказал все, как было.

Атаман засмеялся и говорит мужику: «Ну, брат, теперь ты к своей хозяйке лучше и не показывайся; а то беда будет». — «Нет, дяденька, ничего не будет; даже слова худого не скажет!» — «Врешь, мужик! Если за это да не обругает тебя хозяйка, так вот двенадцать фур с солью — все отдам тебе и с волами!» — «Хорошо, атаман!» — «Ну, а если обругает?» — «В вечную кабалу к тебе пойду!»

Заложилась¹ и пошли в деревню. Добрались до двора; атаман стал в сенях и слушает, а мужик вошел в избу: «Здравствуй, жена!» — «Здравствуй, муженек! Что ж, променял волов?» — «Променял». — «Где же телега?» — «За козу отдал». — «А коза где?» — «За кошелек пошла». — «А кошелек где?» — «За перевоз взяли». — «Ну, слава богу, что сам-то назад воротился! Раздевайся скорей да садись за стол, пообедай; чай, давно проголодался? О волах не кручинься; нет волов — и заботы у нас не будет!» Мужик сел за стол и кричит: «Эй, атаман! Ступай в хату; ну что — слышал? Правда моя!» — «Правда, земляк, — сказал атаман, вздохнувши, — бог с тобой, забирай все двенадцать фур — и с солью и с волами». Вот так-то и разбогател мужик и стал себе жить-поживать да добра наживать.

¹ Ударилась об заклад.

ув собі дід да баба; у них не було ніколи дітей. Пішла баба по воду; коли дивиться — горошина котиться по дорозі; баба взяла — вкинула у відро, прийшла додому, виливає воду да й каже своєму діду: «Я найшла на дорозі горошину». Дід каже: «Дай мені, стара! Я її посажу». Дід узяв да й посадив під полом. Вона росте не по дням, а по часам, і не по часам, а по минутам; от виросла вона до неба, і вродились на ній стрючки так ясно, що ніхто і не згадає.

От дід стереже тих стрючків, да так, що по цілим ночам не спить да стереже. В середу к вечері дід заснув; коли встає вранці — нема стрючків. Він каже: «Піду до бога, нащо він мої стрючки забрав?» Да й прийшов до бога і каже: «Нащо ти мої стрючки забрав?» Бог йому каже: «Коли я твої стрючки забрав, так на тобі за твої стрючки золоті постольці, сребряні волока»¹. Дід узяв, подяковав да й пішов; іде — коли пастух пасе коні. От вони поздрастувались; пастух його питає: «Де, діду, був?» Він каже: «У бога». — «Що тобі бог дав?» — «Золоті постольці, сребряні волока». — «Дай мені їх, я тобі дам самого луччого коня».

Він узяв коня, подяковав да й пішов; іде да іде — коли чередник² пасе скот. От вони поздрастувались. Чередник його питає: «Де ти, діду, був?» — «У бога», — каже. «Що тобі бог дав?» — «Золоті постольці, сребряні волока». — «Де ж вони?» — «Проміняв за коня». — «Проміняй мені коня за вола».

Він узяв вола, подяковав да й пішов; іде да іде — коли пастух пасе овечки. От вони поздрастувались. «Де ти, діду, був?» — питає пастух. «У бога». — «Що тобі бог дав?» — «Золоті постольці, сребряні волока». — «Де ж вони?» — «Проміняв за коня». — «Де ж той кінь?» — «Проміняв за вола». — «Проміняй мені вола за самого луччого барана».

Він проміняв, узяв барана і пішов; іде да іде — коли свинар пасе свині. От поздрастувались. Той свинар його питає: «Де ти, діду, був?» — «У бога». — «Що тобі бог дав?» — «Золоті постольці, сребряні волока». — «Де ж вони?» — «Проміняв за коня». — «Де ж той кінь?» — «Проміняв за вола». — «Де ж той віл?» — «Проміняв за барана». — «Проміняй мені барана за самого луччого кабана».

Він проміняв, подяковав да й пішов; іде да іде... Прийшов у город, дивиться — коли на базарі чоловік продає шила. От вони поздрастувались. Той чоловік його питає: «Де ти, діду, був?» Він каже: «У бога». — «Що тобі бог дав?» — «Золоті постольці, сребряні волока». — «Де ж вони?» — «Проміняв за коня». — «Де ж той кінь?» — «Проміняв за вола». — «Де ж той віл?» — «Проміняв за барана». — «Де ж той баран?» — «Проміняв за кабана». — «Проміняй мені кабана за шило».

Він узяв шило, подяковав да й пішов; іде да іде — коли коробейник наустрічу. От вони поздрастувались. Той його питає: «Де ти, діду,

¹ Постольці — обуви, лапти; волока — завязка у обуви.

² Пастух.

був?» — «У бога». — «Що тобі бог дав?» — «Золоті постольці, срібляні волака». — «Де ж вони?» — «Проміняв за коня». — «Де ж той кін?» — «Проміняв за вола». — «Де ж той віл?» — «Проміняв за барана». — «Де ж той баран?» — «Проміняв за кабана». — «Де ж той кабан?» — «Проміняв за шило». — «Проміняй мені шило за іголку».

Дід проміняв і пішов додому; став перелазить через тин да й загубив іголку. Баба вибіжала із хати: «Я без тебе трохи не пропала! Де ти, мій дідусю, був?» — «У бога». — «Що тобі, старенький, бог дав?» — «Дав мені золоті постольці, срібляні волака». — «А де ж вони?» — «Проміняв за коня». — «А де ж, дідусю, коник?» — «Проміняв за волика». — «А де ж, дідусю, волик?» — «Проміняв за барана». — «А де ж, дідусю, баран?» — «Проміняв за кабана». — «А де ж, дідусю, кабан?» — «Проміняв за шило?» — «А де ж, дідусю, шило?» — «Проміняв за іголку; тобі, старенька, хотів гостинця принести, да став лізти через тин да й загубив». — «Я рада, що ти сам пришов!». Обнялись, поцілувались і пішли в хату.

410—411. СКАЗКА ПРО БРАТЬЄВ ФОМУ И ЕРЕМУ

410

х, да Ерема да Фома были два братейка:

Они волосом однаки и умом равны,

У них борода, как борода, и усы, как усы.

Вот задумали братаны в божью церковь идти;

В божью церковь идти, богу молиться.

Вот Ерема зашел в церковь, а Фома в алтарь,

Вот Ерема взял книгу, а Фома псалтырь;

Ох, Ерема-то запел, а Фома заговорил.

То слышали попы со высокоя горы,

Попы грамотные, люди надобные...

Вот Ерему взяли в шею, а Фому в толчки.

.....
Ерема-то из двери, а Фома из окна.

Ох, Ерема пошел в ельник, а Фома в сосняк;

Они оба испугались, оба вместе соходились.

Вот задумали братаны серых зайков промышлять,

Серых зайков, побегошков: ничего не нашли!

Вот пошли они, братаны, по крутому бережку,

По крутому бережку, по желтому по песку.

Вот увидели братаны, что две уточки плывут;
 Одна уточка белешенька, а другая-то что снег.
 Ох, Ерема схватил палку, а Фома косарь:
 Как Ерема недокинул, Фома через перекинул.
 Вот задумали братаны себе рыбу промышлять,
 Себе рыбу промышлять, красну семужку.
 Ох, Ерема сел да в лодку, а Фома в ботню:
 У них лодка без набоев¹ и ботни² безо дна.
 Они три года тонули — не могли потонуть,
 Их три черта давили — не могли задавить!
 Вот задумали братаны свои головы кормить,
 Свои головы кормить, себе хлеб наживать,
 И полóжили ребята себе пашню пахать;
 Вот Ерема пошел в рынок, а Фома на базар,
 Вот Ерема купил мерина, Фома жеребца —
 Он у них, мерин-то, не тянет, и соха-то не валит;
 Они мерина колом, сами с пашенки бегом!

411

Было два брата, Хома да Ерема; сдумали-сгадали честные бра-^{229б}
 таны рыбу ловить. Лодка была у них розна¹, ботник² безо
 дна; три дня тонули, а потонуть не могли, добрые люди по-
 вытащили. Сели братаны на бережок, понюхивают табачок.
 Вздумали они торговать; накупили холстов, съехали в Ростов
 и променяли холсты на свиные хвосты, и тут неудача! Вздума-
 ли землю пахать: посеяли рожь и овес; рожь-то не выникла, а овес-то не
 взошел, с того они соху и борону в огонь, лошадь по горлу ножом,
 а сами с пашни бегом!

¹ *Набойная лодка* — та, у которой на бор-
 тах набито по одной или по две доски.

¹ Изломана, дырява.

² Челнок, маленькая лодка, выдолбленная
 из одного дерева.

412—417. ХОРОШО, ДА ХУДО

412

хали барин и мужик. «Мужик, откуда ты?» — «Издалеча, бачка». — «А откуда?» — «Из города Ростова, а барина Толстова». — «А велик ли город?» — «Не мерил». — «А силен?» — «Не боролся». — «А за чем ехал?» — «За покупкой дорогою: за мерою гороха». — «Вот это хорошо!» — «Хорошо, да не дюже!» — «А что ж?» — «Ехал пьяный, да рассыпал». — «Вот это худо!» — «Худо, да не дюже!» — «А что ж?» — «Рассыпал-то меру, а подгреб-то две!» — «А вот это хорошо!» — «Хорошо, да не дюже!» — «Да что ж?» — «Посеял, да редок». — «Вот это худо!» — «Худо, да не дюже!» — «А что ж?» — «Хоть редок, да стручист!» — «Вот это хорошо!» — «Хорошо, да не совсем!» — «А что ж?» — «Поповы свиньи повадись горох топтать, топтать — да и вытоптали». — «Этак худо!» — «Худо, да не дюже!» — «А что ж?» — «Я поповых свиней убил да два чана свежины насолил». — «Вот это хорошо!» — «Хорошо, да не дюже!» — «А что ж?» — «Поповы собаки повадись свежину таскать, таскать — да повытаскали». — «Вот это худо!» — «Худо, да не дюже!» — «А что ж?» — «Я тех собак убил да жене шубу сшил!» — «Вот это хорошо!» — «Хорошо, да не дюже!» — «А что ж?» — «Пошла моя шельма жена мимо попова двора; поп-то узнал да шубку снял». — «Вот это худо!» — «Худо, да не дюже!» — «А что ж?» — «Я с попом судился, судился, сивого мерина да рыжую коровку цап-царап! Мое-то дело и выгорело!»

413

овстречались два мужика. «Здорово, брат!» — «Здорово!» — «Откуда ты?» — «Из Ростова». — «Не слыхал ли что нового?» — «Не слыхал». — «Говорят, ростовскую мельницу сорвало?» — «Нет; мельница стоит, жернова по воде плавают, на них собака сидит, хвост согнувши, — повизгивает да муку полизывает...» — «А был на ростовской ярманке?» — «Был». — «Велика?» — «Не мерил». — «Сильна?» — «Не боролся». — «Что ж там почем?» — «Деньги по мешкам, табак по рожкам, пряники по лавкам, калачи по санкам». — «А ростовского медведя видел?» — «Видел». — «Каков?» — «Серый!» — «Не бредь! Это волк». — «У нас волк по лесу побегивает, ушми подергивает!» — «Это заяц!» — «Черта ты знаешь! Это трус!» — «У нас то трус, что на дубу сидит да покаркивает». — «Это ворона!» — «Чтоб тебя лихорадка по животу порола!»

¹ Заяц или кролик.

414

фонька! Где был-побывал, как от меня бежал?» — «В вашей, ^{230c} сударь, деревне — у мужика под овином лежал». — «Ну, а кабы овин-то вспыхнул?» — «Я б его прочь отпихнул». — «А кабы овин-то загорелся?» — «Я бы, сударь, погрелся». — «Стало, ты мою деревню знаешь?» — «Знаю, сударь». — «Что, богаты мои мужички?» — «Богаты, сударь! У семи дворов один топор, да и тот без топорщица». — «Что ж они с ним делают?» — «Да в лес ездят, дрова рубят; один-то дрова рубит, а шестеро в кулак трубят». — «Хорош ли хлеб у нас?» — «Хорош, сударь! Сноп от снопа — будет целая верста, копна от копны — день езды». — «Где ж его склали?» — «На вашем дворе, на печном столбе». — «Хорошее это дело!» — «Хорошо, да не очень: ваши борзые разыгрались, столб упал — хлеб в лохань попал». — «Неужто весь пропал?» — «Нет, сударь! Солоду нарастили да пива наварили». — «А много вышло?» — «Много! В ложке растирали, в ковше разводили, семьдесят семь бочек накатили». — «Да пьяно ли пиво?» — «Вам, сударь, ковшом поднести да четвертным поленом сверху оплести, так и со двора не свести». — «Что ж ты делал, чем промышлял?» — «Горохом торговал». — «Хорошо твое дело!» — «Нет, сударь, хорошо, да не так», — «А как?» — «Шел я мимо попава двора, выскочили собаки, я бежать — и рассыпал горох. Горох раскатился и редок уродился». — «Худо же твое дело!» — «Худо, да не так!» — «А как?» — «Хоть редок, да стручист». — «Хорошо же твое дело!» — «Хорошо, да не так!» — «А как?» — «Повадилась по гороху попава свинья, все изрыла-перепортила». — «Худо же, Афонька, твое дело!» — «Нет, сударь, худо, да не так». — «А как?» — «Я свинью-то убил, ветчины насолил».

«Эй, Афонька!» — «Чего извольте?» — «С чем ты обоз пригнал?» — «Два воза сена, сударь, да воз лошадей». — «А коня моего поил?» — «Поил». — «Да что же у него губа-то суха?» — «Да прорубь, сударь, высока». — «Ты б ее подрубил». — «И так коню четыре ноги отрубил» — «Ах, дурак, ты мне лошадь извел!» — «Нет, я ее на Волинский двор к собакам свел». — «Ты никак недослышишь?» — «И так коня не сыщешь». — «Жену мою видел?» — «Видел». — «Что ж, хороша?» — «Как сука пестра». — «Как?» — «Словно яблочко наливное».

415

рат, здорово!» — «Брату челом!» — «Откуда?» — «Из города ^{230d} Ростова». — «А как же сказали: в нашем ростовском государстве озеро выгорело?» — «Выгорело — не выгорело! Пошел я сегодня, пришел вчера, случилось мне идти мимо того озера; там я видел: окуни сотлели, ерши погорели, а щучьи головы словно головни лежат». — «Да правда ль это?» — «Правда — не правда, а что видел, то и сказываю». — «А с чем в город ездил?» — «Ездил, брат, с овсом; мешки-то на беду завязал плохо; овес мой сыпался да сыпался, чуть не весь рассыпался». — «Худо ж твое дело!» — «Худо,

да не само; рассыпал меру, да две нагреб». — «Хорошо ж твое дело!» — «Хорошо, да не само; овес-то у меня в городе украли». — «Худо ж твое дело». — «Худо, да не само; я воров поймал, да деньги взял». — «Хорошо ж твое дело!» — «Хорошо, да не само; денег-то всего три алтына». — «Худо ж твое дело!» — «Худо, да не само; на те деньги я купил калач». — «Хорошо ж твое дело!» — «Хорошо, да не само; я калач съел и стал ни сыт, ни голоден». — «Худо ж твое дело!» — «Худо, да не само; в городе нашел я работу». — «Хорошо ж твое дело!» — «Хорошо, да не само; на работе меня били, больно колотили». — «Худо ж твое дело!» — «Худо, да не само; я теперь дороже стал: ведь за битого двух небитых дают, да и то не берут!»

416

Где ты, брат, был?» — «В Боровичах на торгу». — «Что по чему?» — «Рожь да овес по мешкам, а деньги по мошням». — «Ладно, брат!» — «Ладно, да не совсем». — «А что ж таково?» — «Ехал я рекою да рожь подмочил». — «Худо, брат, худо!» — «Да не то-то, брат, худо!» — «А что ж таково?» — «Я солоду нарастил да пива наварил». — «Ладно, брат, ладно!» — «Да не то-то, брат, ладно!» — «А что ж таково?» — «Пришли свиньи да все пиво выпили». — «Худо, брат, худо!» — «Да не то-то, брат, худо!» — «А что ж таково?» — «Я свиней-то убил да чан мяса насолил». — «Ладно, брат, ладно!» — «Да не то-то, брат, ладно!» — «А что ж таково?» — «Пришли кошки, все мясо поели». — «Худо, брат, худо!» — «Да не то-то, брат, худо!» — «А что ж таково?» — «Я кошек убил, жене шубку сшил». — «Ладно, брат, ладно!» — «Да не то-то, брат, ладно!» — «А что ж таково?» — «Пришли воры да шубку украли». — «Худо, брат, худо!» — «Да не то-то, брат, худо!» — «А что ж таково?» — «Я воров изловил, в тюрьму засадил». — «Ладно, брат, ладно!» — «Да не то-то, брат, ладно!» — «А что ж таково?» — «Воры из тюрьмы ушли да деревню сожгли».

417

Жил-был барин в городе; приехал к нему из деревни староста. «Это ты, Василий Петров?» — спрашивает барин. «Я, батюшка-барин!» — «Не привез ли ты от матушки письма?» — «Письмеца нет, только одна грамотка». — «Что же в ней прописано?» — «Да, вишь, прогневили господа бога, ваш перочинный ножичек изломали». — «Как же вы его изломали?» — «С вашего иноходца кожу снимали; ножичек-то мал, я его и сломал». — «Да разве мой конь помер?» — «Нет, подох». — «Как же он издох?» — «Не он наперед подох, а ваша матушка, батюшка-барин!» — «Ужли и матушка померла?» — «Да как у Фомки овин горел, она в те поры сидела в каменном доме в верхнем этажу, а форточка пола была: искорка ей на ногу скакнула, барыня упала, да ногу-то и

свихнула». — «А ты, дурак, чего не поддержал?» — «Батюшка-барин! Она хлебом-солью откормлена. В кое место падет, меня уьет!» — «Ты бы таковской и был! Отчего ж у Фомки овин загорелся?» — «Не он наперед загорелся, а ваша новая конюшня». — «Что от нее осталось?» — «Три столба воротных да с вороного коня подуздочек». — «Как же она загорелась?» — «Да не она, батюшка-барин, загорелась, а ваша новая мельница». — «Как, и новая мельница сгорела?» — «Да, батюшка-барин, сгорела! Прогневил мы господу бога». — «Что ж от нее осталось?» — «Вода да камень остались: камень-то начетверо разорвало, а все уцелел; да в дымном окошке кошка сидела, так у ней глаза лопнули, а сама как есть живая!» — «Как же новая мельница загорелась?» — «Не она, батюшка-барин, наперед загорелась, а ваша кладовая». — «Как — и кладовая?» — «Да, сгорела, батюшка-барин! Прогневил мы господу бога». — «Что ж от нее осталось?» — «Четырнадцать бутылок осталось; я у всех горлышки пообломал да отведывал; в иной кисло, в иной горько, а в иной и пить нельзя». — «Ты, дурак, пьян!» — «Батюшка-барин! Ведь немножко отведал».

«Ты старостой называешься, а собрал ли с крестьян деньги?» — «Собрал, батюшка-барин, собрал». — «С кого сколько?» — «С Фомки грош, с Еремки грош, а с Варфоломейка одна копейка». — «А что ж с него мало?» — «Он вдовый, половину тягла платит». — «Где же деньги?» — «Да шел я, батюшка-барин, по улице; стоит новый кабак, я на грош выпил да трехкопеечным калачиком закусил». — «Ты, дурак, пропил!» — «Нет, батюшка, и пропил и проел». — «А собрал ли с крестьян муку?» — «Собрал, собрал, батюшка-барин!» — «Куда ж ты ее девал?» — «Вам да свиньям пятьдесят четвертей; черному псу да твоему родимому отцу сорок четвертей; суке Галяме да матери Ульяне тридцать четвертей; уткам да курам, сестрам твоим дурам, двадцать четвертей». — «Что ты, дурак, ругаешься?» — «Батюшка-барин, пословица така!» — «Был ли ты на рынке?» — «Был, батюшка-барин, был». — «Велик ли торг?» — «Я с ним не мерился». — «Силен ли он?» — «Я с ним не боролся». — «Почем там мука?» — «По кулям да по мешкам». — «Ты, говорят, Фомку женил?» — «Женил, батюшка-барин, женил». — «А богата невеста?» — «Богата, батюшка-барин, дюже богата!» — «Что богатства?» — «Чепчик с клиньем, да колпак с рукавами, чугуна коробка, железный замок». — «Богата, богата! А из божества что у ней есть?» — «Картина в лицах, другá в тряпичах...»

418—427. НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ

418

или два брата умных, а третий дурак. Вот однажды по-^{231a}ехали они на чащу¹, и захотелось им там пообедать; насыпали они круп в горшок, налили воды холодной (так командовал дурак), а огня не знали где добыть. Неподалеку от них был пчельник. Вот большой брат и говорит: «Пойти мне за огнем на пчельник». Приходит и говорит старику: «Дедушка, дай мне огоньку». А дед говорит: «Сыграй прежде песенку мне». — «Да я, дедушка, не умею». — «Ну, попляши». — «Я, дедушка, не горазд». — «А, не горазд, так нет тебе и огня!» К тому ж за провинку взял вынул у него из спины ремень. И приходит этот большой брат без огня к своим братьям. Тут средний брат закроптался² на него, говоря: «Экой ты, брат! Не принес нам огню! Да-ка³ я пойду», — и пошел. Пришел на пчельник и кричит: «Дедушка, пожалуй мне огоньку!» — «Ну-ка, свет, сыграй мне песенку!» — «Я не умею». — «Ну, сказку скажи». — «Да я, дедушка, ничего не умею». Старик взял и у этого брата вырезал из спины ремень. Приходит и этот без огня к своим братьям. Вот умные братья и поглядывают друг на друга.

Дурак все смотрел на них и проговорил: «Эх вы, умные братцы, не взяли вы огню!» — и пошел сам за огнем. Приходит и говорит: «Дедушка, нет ли у тебя огоньку?» А дед говорит: «Попляши прежде!» — «Я не умею», — отвечал дурак. «Ну, сказку скажи». — «Вот это так мое дело, — сказал дурак, присаживаясь на лежащий плетень, — да смотри, — продолжает дурак, — садись-ка насупротив меня, слушай, да не перебивай, а если перебьешь, то из спины твоей три ремня». Вот старик сел напротив его — к солнцу лысиной, а лысина была большая. Дурак откашлялся и начал сказку: «Ну, слушай же, дед!» — «Слушаю, свет!» — отвечал старик.

«Была у меня, дедушка, пегонькая лошаденка; я на ней ездил в лес сечь дрова. Вот однажды сидел я на ней верхом, а топор у меня был за поясом; лошадь-то бежит — трюк, трюк, а топор-то ей по спине — стук, стук; вот стучал, стучал, да и отсек ей зад. Ну, слушай, дед!» — говорит дурак, а сам его голицею⁴ по лысине щелк! «Слушаю, свет!» — «Вот я на передке этом еще три года ездил, да потом как-то нечаянно в лугах увидал задок моей лошади; ходит он и траву щиплет. Я взял поймал его и пришел к передку, пришел, да еще три года ездил. Слушай, дед!» А сам опять голицею его по лысине щелк! «Слушаю, свет!» — «Ездил-ездил, приехал я в лес и увидал тут высокий дуб; начал по нем лезть и залез на небо. Вот увидал я там, что скотина дешева, только комары да мухи дороги, взял и слез на землю, наловил я мух и комарей два куля, взвалил их на спину и вскарабкался опять на небо. Сложил кули

¹ Чаща — лес, ельник.

² Кропаться — тужить, сердясь говорить или ворчать; кропота, кропотливый.

³ Дай-ка.

⁴ Голиця — рукавица.

Изразец с изображением города. Рис. С. А. Маслиха

Вятские игрушки. Музей народного искусства. Москва

Филимоновские игрушки. Музей народного искусства. Москва

Вятские игрушки. Музей народного искусства. Москва

Тройка. Вятская игрушка. Музей народного искусства. Москва

*Изразец
с изображением
всадника.
Рис. С. А. Маслиха*

*Изразец
с изображением
птицы.
Рис. С. А. Маслиха*

и стал раздавать грешным людям: отдаю я муху с комаренком, а беру с них на обмен корову с телянком,— и набрал столько скотины, что и сметы нет. Вот и погнался я скотину, пригнал я к тому месту, где взлезал,— хватился: дуб-то подсекали. Тут я пригорюнился и думал, как мне с неба слезть, и вздумал, наконец, сделать веревку до земли: для этого перерезал я всю скотину, сделал долгий ремень и начал спускаться. Вот спускался-спускался, и не хватило у меня ремней вышиною поболее твоего шалаша, дедушка, а прыгнуть побоялся. Слушай, дед!» А сам голицею по лысине его щелк! «Слушаю, свет!» — «Вот мужик на мое счастье веет овес: полова-то ⁵ летит вверх, а я хватаю да веревку мотаю. Вдруг поднялся сильный ветер и начал меня качать туда и сюда, то в Москву, то в Питер; оторвалась у меня веревка из половы, и забросило меня ветром в тину. Весь я ушел в тину, одна голова лишь осталась; вылезть мне хочется, а нельзя. На моей голове свила утка гнездо. Вот повадился бирюк ходить на болото и есть яйца. Я как-нибудь ⁶ вытянул из тины руку и хватился за хвост бирюку, как стоял он подле меня, ухватился и закричал громко: тю-лю-лю-лю! Он меня и вытащил из тины. Слушаешь, дед?» А сам голицею его по лбу щелк! «Слушаю, свет!»

Видит, дурак, что дело-то плохо: сказка вся, а дед сдержал свое слово, не перебивал его; чтобы раздражить старика, начал дурак иную побаску ⁷: «Мой дедушка на твоём дедушке верхом ездил...» — «Нет, мой на твоём ездил верхом!» — перебил сказку старик. Дурак тому и рад, того и добивался, свалил старика и вырезал у него из спины три ремня; взял огня и пришел к своим братьям. Тут разложили они огонь, поставили горшок с крупами на таган и начали варить кашу. Когда каша сварится, тогда и сказка продлится, а теперь пока вся.

419

одного мужика много было гороху насеяно. Поваялись журавли летать, горох клевать. «Постой,— вздумал мужик,— я вам переломаяю ноги!» Купил ведро вина, вылил в корыто, намешал туда меду; корыто поставил на телегу и поехал в поле. Приехал к своей полосе, выставил корыто с вином да с медом наземь, а сам отошел подальше и лег отдохнуть. Вот прилетели журавли, поклевали гороху, увидели вино и так натюкались, что тут же попадали. Мужик — не промах, сейчас прибежал и давай им веревками ноги вязать. Опутал веревками, прицепил за телегу и поехал домой.

Дорогой-то порастрясло журавлей; протрезвились они, почувствовались; стали крыльями похлопывать, поднялись, полетели и понесли с собою и мужика, и телегу, и лошадь. Высоко! Мужик взял нож, обрезал веревки и упал прямо в болото. Целые сутки в тине сидел, едва оттуда выбрался. Воротился домой — жена родила, надо за попом ехать, ребенка

⁵ Мясина, телуха.

⁶ Кое-как.

⁷ Сказку.

крестить. «Нет,— говорит,— не поеду за попом!» — «Отчего так?» — «Журавлей боюсь! Опять понесут по поднебесью; пожалуй, с телеги сорвусь, до смерти ушибусь!» — «Не бойсь! Мы тебя к телеге канатом прикрутим».

Вот хорошо, положили его в телегу, обвязали канатом, лошадь поворотили на дорогу; стегнули раз, другой — она и полелась рысцою. За деревней-то был колодец, а лошадь-то была не поена; вздумалось ей напиться, свернула с дороги в сторону и прямо к колодцу; а колодец был без сруба, а упряжь-то без шлеи, и узда без повода, а хомут большой, просторный; лошадь наклонилась к воде, а хомут через голову и съехал долой. Вот лошадь напилась и пошла назад, а мужик с телегою остался у колодца. На ту пору выгнали охотники из лесу медведя; медведь бросился со всех ног, набежал на телегу, хотел перескочить, прыгнул — да прямо в хомут и попал! Видит, что беда на носу, и пошел валять что есть силы с телегою. «Батюшки, помогите!» — кричит мужик.

От того крику медведь еще пуще напугался; пошел таскать по кочкам, по яругам¹, по болотам. Прибежал на пчельник, полез на дерево и телегу за собой потащил — захотелось, видно, медку попробовать. Взлез на самую верхушку, а телега вниз тянет: бедный медведь и сам не рад, ни взад, ни вперед! Немного спустя времени пришел хозяин, увидел медведя. «Ага,— говорит,— попался! Вишь ты какой бездельник, Мишка: не просто за медом пришел, на телеге приехал!» Схватил топор и ну рубить дерево под самый корень. Дерево повалилось наземь, разбило телегу и задавило совсем мужика; а медведь выскочил из хомута да бежать: только унеси бог ноги! Вот каковы журавли!

420

Нустил мужик петуха в подвал; петух там нашел горошинку и стал кур скликать. Мужик услышал про находку, вынул петуха, а горошинку полил водою. Вот она и начала расти; росла-росла — выросла до полу. Мужик пол прорубил, горошинка опять начала расти; росла-росла — доросла до потолка. Мужик потолок прорубил, горошинка опять росла-росла — доросла до крыши. Мужик и крышу разобрал, стала горошинка еще выше расти; росла-росла — доросла до небушка. Вот мужик и говорит жене: «Жена, а жена! Полезу я на небушко, посмотрю, что там делается? Кажись, там и сахару и меду — всего вдоволь!» — «Полезай, коли хочешь».

Мужик и полез на небушко, лез-лез, насилиу влез. Входит в хоромы: везде такое загляденье, что он чуть было глаз не проглядел! Среди хором стоит печка, в печке и гусятины, и поросятины, и пирогов — видимо-невидимо! Одно слово сказать — чего только душа хочет, все есть! Сторожит ту печку коза о семи глазах. Мужик догадался, что надобно делать, и стал про себя приговаривать: «Засни, глазок, засни, глазок!»

¹ Яруги — овраги, бугераки (Ред.).

Один глаз у козы заснул. Мужик стал приговаривать погромче: «Засни, другой, засни, другой!» И другой глаз заснул. Таким побытом все шесть глаз у козы заснули; а седьмого глаза, который был у козы на спине, мужик не заметил и не заговорил. Недолго он думал, полез в печку, напился-наелся, насахарился; вылез оттуда и лег на лавочку отдохнуть. Пришел хозяин, а коза про все ему и рассказала: вишь, она все-то видела седьмым глазком. Хозяин осердился, кликнул своих слуг, и прогнали мужика взаши.

Побрел он к тому самому месту, где была горошинка: глянул — нет горошинки. Что будешь делать? Начал собирать паутину, что летает летом по воздуху; собрал паутину и свил веревочку; зацепил эту веревочку за край неба и стал спускаться. Спускался-спускался, хватъ — веревочка вся, а до земли еще далеко-далеко; он перекрестился — и бух! Летел-летел и упал в болото. Долго ли, коротко ли сидел он в болоте (а сидел он в болоте по самую шею), только вздумалось утке на его голове гнездо свить; свила гнездо и положила яйца. Мужик ухитрился, подкараулил утку и поймал ее за хвост. Утка билась, билась и вытащила-таки мужика из болота. Он взял и утку и яйца, принес домой и рассказал про все жене.

Не то чудо из чудес,
Что мужик упал с небес;
А то чудо из чудес,
Как он туда залез!

421

одного старика было три сына: старший — говорлив, средний — ²⁵¹говорлив, а малый — как черт, все молчит. Пошли эти детки лесовать, а огниво дома позабыли. Ходили день до вечера, привелось ужинать, а огня нету. Большой брат был смысловатее: взлез на лесину, увидел — вдалеке огонек горит, и пошел в ту сторону. Приходит к старику: «Здравствуй, добрый человек!

Дай огня». — «Нет, брат, скажи небыль, тогда и огня дам; а скажешь быль — из спины ремень выкрою».

Стал ему мужик сказывать; что ни скажет, все быль да быль; повалил его старик наземь, выкроил из спины ремень и отпустил к братьям. Пошел средний добывать огня, дошел до старика: «Здравствуй, добрый человек! Дай огня». — «А скажи, брат, небыль, тогда и огня дам; а скажешь быль — из спины ремень выкрою». И этот мужик что ни скажет, все быль да быль; старик выкроил из его спины ремень и отпустил к братьям. Воротился средний брат и говорит младшему: «Поди ты, брат, тебя звали».

Пошел младший: «Здравствуй, добрый человек! Дай огня». — «Скажи небыль, тогда и огня дам; а коли быль скажешь — из спины ремень выкрою». — «Ладно, старый старичище, только чур: не перебивать, а перебьешь — из твоей спины три ремня вырезать».

И стал сказывать: «Было нас у отца у матери тридцать девять братьев, да была у нас кобыла о тридцати восьми пежинах¹. Мы на той кобыле ездили, гуляли по чистому полю; всякий на свою пежину садится, а мне, грешному, нет пежинки. Выехали раз братья в чистое поле погулять, а я за ними; ездили день, наехали на пень; кобыла лягнула да хвостом махнула, увидел я на хвосте у ней пежинку, привскочил да и сел. Поехали мы не знаю куда, приехали на базар, спрашиваем: «Люди добрые! Что дешево и что тут дорого?» — «Дешевы за морем коровы, дороги мухи; за муху с мушонком дают корову с теленком, за крупных оводов — больших быков». Наловили мы тут мух целых три куля, приехали к морю синему. Как нам переправиться? Сине море широко и глубоко. Братья плакать-горевать, а я не тужу да песни пою; сел на куль, переплыл море и наменял коров да быков три табуна. Взяло меня раздумье: как назад воротиться? Если корабли наймовать — дорого возьмут; если стадо плавком пускать — половина потонет. Вот я схватил одну корову за хвост, махал-махал, да как пушу — так на другой берег и ткнулась, раз-другой на лету перевернулась. Перемахал я все три табуна; оставался один бык-бурище. Взял и его за хвост, обвил кругом руки крепко-накрепко, собрался с силою, развернулся да как махну — так вместе с быком и перелетел за море.

Тут услышал я, что на небе люди босиком ходят, и задумал там побывать, сапогами промышлять. Товар-то у меня некупленный: перебил коров да быков, захватил с собой кожи и полез на небо. Туда-то не хитро влезть; как назад воротиться? В те поры я догадлив был: оставалось у меня с десяток кож; я те кожи на ремни порезал, ремни зацепил за сваю, сваю вколотил в облако и пошел спускаться. Еще далеко-далеко до земли, а ремней не достало. Только я не тужу, по сторонам гляжу; поп овес веет, полова² вверх летит. Я скорей полову ловить да веревку вить; вил-вил, мертвую крысу завил. Ни с того ни с сего крыса ожила, принялась за веревку, грызла-грызла, совсем перегрызла. Я упал да в тине застрял. Прибежала супоросая лиса, на моей голове гнездо свила, семерых лисенят принесла. Шел мимо серый волк, лисенят уволок: «За лисою приду, все гнездо разорю!»

Я тем временем вытащил из болота руки, и только пришел серый волк гнездо разорять — я хватя его за хвост. Тю-тю-тю! Волк бежать: раз рванул — меня вытянул, в другой рванул, — хвост оборвал. Я взял хвост распорол, там ящик нашел, в ящике — грамотка, а в грамотке написано, что твой отец моему отцу будет век платить кабалы, напраслины...» — «Что ты, дурак! Когда это было?» — перебил старик. «Эх, старый черт, не вытерпел; подавай из спины три ремня», — сказал мужик; выкроил три ремня, взял огню и воротился к братьям.

¹ Пежины — пятна (Ред.).

² Полова — мякина, шелуха (Ред.).

422

некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик; у него три сына: два умных, третий дурак. Послал их отец землю пахать. Вот они пахали, пахали — до самого вечера, пришлося ночевать в поле; надо на ужин кашу варить, да за огнем куда идтить? Старший брат взлез на дерево, туда-сюда поглазел и увидел: в одной стороне как будто огонь горит; слез наземь и пошел огня добывать.

Идет себе да идет — стоит на пути избушка на курьих ножках, на собачьих пятках, а в избушке сидит седой старик. «Здорово, дедушка!» — «Здорово, соседушка!» — «Дай огоньку». — «Скажи сказочку». — «Не умею». — «Скажи присказку». — «Не смею». — «Коли так, отвечай спиной!» Выдрал у него из спины ремень, посыпал то место золой и пустил без огня домой.

Воротился парень к братьям и рассказывает, что не мог найти. «Экой ты гусь! Разве мне пойти», — говорит середний брат. Пошел, и с ним случилось то же самое. «Ну, дурак, ступай теперь ты». Поплелся дурак — стоит избушка на курьих ножках, на собачьих пятках, а в избушке — седой старик. «Здорово, дедушка!» — «Здорово, соседушка!» — «Дай огоньку». — «Скажи сказочку». — «Сказал бы, да ты поперечить будешь». — «Нет, не буду; я люблю, коли мне сказки рассказывают». — «Ну так сделаем уговор; кто поперечить станет — у того из спины ремень». — «Ладно!» Вот и начал дурак:

«Было нас, дедушка, три брата, поехали мы траву косить, приезжаем — хватъ: нет ни одной косы, дома забыли! Что делать, чем косить? Только мы догадливы были, давай косить дугами; махали-махали, три стога наметали. Стали домой ворочаться: едем мимо лесу и слышим крик-гам великий. Что такое? Медведь со шмелем дерется. Шмель кричит: «Мне пособите!» Медведь кричит: «Мне пособите!» Как тут быть, кому пособить? Если шмелю, так он вырвется да улетит. Пособили медведю; убили шмеля и надавили вошин семь лошин, а меду с сенную копну набрали. Из тех вошин я слепил себе кобылку да три года на ней ездил. Раз как-то поехал я на зеленя; еду, ничего не ведаю, глядь назад — половины лошади нет: на передке сижу, а задок по зеленым бегаёт. Я ловил его, ловил, насилу поймал; взял да лычком обе половины сшил да еще три года ездил.

В некое время случилось мне ехать возле озера: на том озере утка гнездо свила. Я сейчас вырубил три полена: одно — липовое, другое — лутоховое, а третье — с чего лыки дерут; одним бросил — недошвырнул, другим бросил — перешвырнул, а третьим как раз в утку угодил; утка полетела, а я, дедушка, гнездо поташил, полную лодку яиц навалил: в целый год не съест! Захотелось мне напиться; влез я в озеро по самую глотку, а почерпнуть воды нечем; вот я снял с головы череп да тем и напился. Оглянулся назад: лошадь моя далеко ушла; побежал за нею, да череп и позабыл. Пока изловил я лошадь, тем временем череп уплыл; прилетела утка, нанесла в нем яичек и вывела деток. Захватил я все гнездо; череп на себя надел, а птиц за жарил да поел.

Еду после того по́ лесу; мужик на дубу горох молотит: гороховина наземь валится, а горох по сучкам садится. Полез я, дедушка, горох собирать, сижу на дереве, собираю, ничего не знаю. А дуб рос-рос, до небес дорос. Влез я на небеса посмотреть-посудить, что там деется. Только у нашего попа завистные глаза: взял он этот дуб срубил, к себе на двор стащил. Как быть? Спасибо, там коровы дешевы: телушка по мушке, за быка слепня дают. Вот я целый кошель мух наловил да телушек накупил; стал их резать, кожи драть, ремни вязать. Зацепил ремень за край неба и давай вниз спускаться; спускался-спускался: гляжу — ремень-то весь, а до земли далеко: коли прыгнуть — убьешься! На мое счастье мужик овес веял: я все мякину ловил да веревку вил. Только та веревка оборвалась; я упал, чуть не убится, на тот свет провалился; видел там всех покойников: как мой-то батюшка на твоём дедушке воду возит...» — «Что ты, дурак! Будто и правда?» — перебил старик. Дурак тотчас его повалил, вырезал из спины ремень, взял огню и воротился к братьям: «Вот вам огонь, варите-ка кашу!»

423

Жил я с дедушкой, а батюшка мой тогда еще не родился: по тому самому, как начался свет, — было мне семь лет. Жили мы куда богато! Был у нас большой дом из одного кирпичика; глазом не окинешь, а взглянуть не на что; светом обгорожен, небом покрыт. Лошадей было много: шесть кошек езжалых, двенадцать котов стоялых; один жеребец бойкий — кот сибирский был на цепь прикован возле печки к столбу. Земли у нас с дедом было видимо-невидимо: пол да лавки сами засева-ли, а печь да полати внаймы отдавали. Родилось хлеба много; стали убирать — девать некуда. Дед был умен, а я догадлив; склали скирду на печном столбу; велика скирда — глазом не окинешь, хоть взглянуть не на что! И завелись в ней мыши, стали хлеб точить; жеребец наш бойкий — кот сибирский прыг на столб — мышей не изловил, скирду в лохань уронил. Дед голосом завыл, а я заголосил: «Чем теперь кормиться-то будем?» Только дед был умен, а я догадлив; вытащили хлеб из лохани, пересушили и обмолотили.

Время было к празднику, стали мы солод готовить да пиво варить; как в ложке затерли, в корце развели — вышло пива с целую бочку. Что гостей-то к нам привалило — и в дом и на двор, по улице пройтись нельзя от народу! Дед выставил бочку с пивом, принес большой ковш и давай всех поить-угощать. Стали к нему гости подходить; а дед был очень прост — всякому по полному ковшу: как кому поднесет, да за волосы потрясет, да четвертным поленом по затылку оплетет, так и с ног долой! Сколько тут пьяных набралось — по двору, по улице как шмели ползают! Перепоили мы с дедом всю деревню, да как перепоили — который и проспится, так опохмелиться не хочет; а пива все-таки осталось немало — целую неделю мы с дедом пили, насилу выпили.

После того смотрю я — дров в дому ни полена, а топить надобно. Была у нас лошадь серая: упряжь чудесная, да запрячь не во что. «Ступай, — говорит мне дедушка, — запрягай лошадь, поезжай в лес за дровами». Я надел кафтанишко худенький, заткнул топор за пояс, сел верхом и поехал в путь. Еду рысью скорою, а топор тяп да ляп, и перерубил мою лошадь пополам. Оглянулся назад — ан на одном передке еду: задок далеко отстал. Я кликать, я звать — прибежал задок. Что долго думать, составил обе половинки, смазал глиною, дал шпоры под бока — и откуда прыть взялась! Приехал в лес, нарубил дров, наклат большущий воз и привязал веревкою за хвост. Как крикну — лошадь сгоряча хватилась, по уши в грязь угодила. Я за дедом; тот был умен, а я догадлив; взялись оба за хвост и ну тянуть; тащили-тащили, да шкуру долой и стащили! Дед голосом завыл, я заголосил. Не на чем было ехать; приходим домой и горюем. Только глядь в окно, а лошадь наша стоит у ворот, сама пришла. Дед засмеялся, я захохотал: лошадь-то дома, а шкура в барышах досталась.

У нас на дворе рос высокий дуб; усмотрел я, что на том дубу много птицы водится, и полез добывать дичинки. Я лезу, а дуб все растет да растет, и упер верхушкою в небо. Пришло мне на мысль: дай пощупаю, крепко ли небо? Только рукой за край взялся, дуб подо мной и свалился; повис было на одной руке, да потом ухитрился и взобрался на небо. День хожу, и два и три хожу; совсем отощал-исхудал: есть-то нечего! С той худобы завелись вши немалые; а я догадлив был, принялся их ловить, шкурки драть да ремешки кроить; свил веревочку, привязал за край неба и начал спускаться. На беду не хватило веревочки. Пришлось бы мне долго висеть промеж неба и земли, да мужик вышел овес веять: несет ветерком ко мне полову, а я-то ловлю да веревку вью. Ни много, ни мало прошло времени, перестал мужик овес веять, а веревки все не хватает. Что тут делать? Была не была, прыгнул наземь и попал в трясины; по самые уши утонул.

Сижу день, и два, и три; волоса ветром разбило. Прилетела утка, свила себе на моей голове гнездышко и снесла яичко. Я хотел было взять яйцо да съесть, уж и руку протянул, да одумался: пусть еще снесет, тогда за один раз наемся. На другой день снесла утка второе яичко; а я себе на уме: подожду еще денек, авось снесет третье. Наутро слышу я — шум шумит: идет волк болотом; подошел к гнезду и поел яйца; поел и хочет назад идти, а я тем временем намотал хвост его на руку и крикнул во все свое горло. Волк с испугу бросился в сторону и вытащил меня из трясины. Воротился я домой; дед засмеялся, я захохотал; тут и батька мой родился.

ак у нас на селе заспорил Лука с Петром, сомутилася вода с песком, у невестки с золовками был бой большой; на том на бою кашу-горюху поранили, киселя-горюна во полон полонили, репу с морковью подкопом взяли, капусту под меч приклонили. А я на бой не поспел, на лавочке просидел. В то время жили мы шесть братьев — все Агафоны, батюшка был Тарас, а матушка — не помню, как звалась; да что до названья? Пусть будет Маланья. Я-то родом был меньшей, да разумом большой. Вот поехали люди землю пахать, а мы шесть братьев руками махать. Люди-то думают: мы пашем да на лошадей руками машем, а мы промеж себя управляемся. А батюшка навязал на кнут зерно гречихи, махнул раз-другой и забросил далеко.

Уродилась у нас гречиха предобрая. Люди вышли в поле жать, а мы в бороздах лежать; до обеда пролежали, после обеда проспали, и наставили много хлеба: скирда от скирды, как от Казани до Москвы. Стали молотить — вышла целая горсть гречихи. На другой год батюшка спрашивает: «Сынки мои возлюбленные, где нам нынче гречиху сеять?» Я — брат меньшей, да разумом большой, говорю батюшке: «Посеем на печке, потому что земля та порожняя; все равно круглый год гуляет!» Посеяли на печке, а изба у нас была большая: на первом венце¹ порог, на другом потолок, окна и двери буравом наверчены. Хоть сидеть в избе нельзя, да глядеть гожа.

Батюшка был тогда больно заботлив, рано утром вставал — чуть заря занимается, и все на улицу глазел. Мороз-то и заберись к нам в окно да на печку; вся гречиха позябла. Вот шесть братьев стали горевать, как гречиху с печи собирать? А я — родом хоть меньшей, да разумом большой. «Надобно, — говорю, — гречиху скосить, в омет² свозить». — «Где же нам омет метать?» — «Как где? На печном столбе: место порожнее». Сметали большой омет.

Была у нас в дому кошка лыса: почуй она, что в гречихе крыса, бросилась ловить и прямо-таки о печной столб лбом пришлась; омет упал да в лохань попал. Шесть братьев горевать, как из лохани омет убирать? На ту пору пришла кобыла сера, омет из лохани съела; стала вон из избы бежать, да в дверях и завязала: таково-то с гречихи у ней брюхо расперло! Задние ноги в избе, а передние на улице. Зачала она скакать, избу по улице таскать; а мы сидим да глядим: что-то будет! Вот как брюхо у кобылы-то опало, я сейчас в гриву ей вцепился, верхом на нее ввалился и поехал в кабак. Выпил винца, разгулялся добрый молодец; попало мне в глаза у целовальника ружье славное. «Что, — спрашиваю, — заветное аль продажное?» — «Продажное». Ну, хоть полтину и заплатил, да ружье купил.

Поехал в дубовую рошу за дичью; гляжу: сидит тетерев на дубу. Я прицелился, а кремня-то нет! Коли в город за кремнем ехать — будет

¹ Т. е. на первом ряду бревен.

² Скирда (Ред.).

десять верст; далеко; пожалуй, птица улетит. Думаячи этак сам с собою, задел невзначай полшубком за дубовый сук; кобыла моя рванула с испугу да как треснет меня башкой о дерево — так искры из глаз и посыпались! Одна искра упала на полку, ружье выстрелило и убило тетерева; тетерев вниз упал да на зайца попал; а заяц сгоряча вскочил, да что про меня дичины набил! Тут я обозом в Саратов отправился; торговал-продавал, на пятьсот рублей дичины сбывал. На те деньги я женился, взял себе славную хозяйшку: коли вдоль улицы пройдет, всю подолом заметет; малые ребятишки встречают, поленьями кидают. Не надо покупать ни дров, ни лучины; живу себе без кручины.

425

Уродился я ни мал, ни велик — всего-то с игольное ушко, не то с приворотную надолбу. Пошел я в лес, самое дремучее дерево рубить — крапиву. Раз тяпнул — дерево качается, в другой тяпнул — ничего не слышно, в третий тяпнул — выскочил кусок мне, добру молодцу, в лобок. Тут я, добрый молодец, трои сутки пролежал; никто меня не знал, не видал, только знала-видала меня рогатая скотина — таракан да жужелица. Встал я, добрый молодец, отряхнулся, на все четыре стороны оглянулся, побрел по берегу, по берегу все не нашему. Стоит река — вся из молока, берега из киселя. Вот я, добрый молодец, киселя наелся, молока нахлебался... Пошел я по берегу, по берегу все не нашему; стоит церковь — из пирогов складена, оладьями повершена, блином накрыта. Вступил я на паперть, вижу двери — калачом двери заперты, кишкою бараньей задержаны. Тут я, добрый молодец, догадался, калач переломил да съел, кишку собакам отдал. Вошел я в церковь, в ней все не по-нашему: паникадило-то репяное, свечи морковные, образа пряничные. Выскочил поп толоконный лоб, присел — я его и съел. Пошел я по берегу, по берегу все не нашему: ходит тут бык печеный, в боку нож точеный. Кому надо закусить, изволь резать да кроить.

426

Я встал поутру, обувался на босу ногу, топор надевал, трои лыжи под пояс подтыкал, дубинкою подпоясался, кушаком подпирался. Шел я не путем, не дорогой; подле лыков горы драл; увидел на утке озеро, топор в ее шиб¹ — недошиб, другим шиб — перешиб, третьим шиб — попало, да мимо; утка-то скулбалась², озеро-то улетело. И пошел я в чисто поле, увидел: под дубом корова бабу доит. Я говорю: «Тетенька, маменька, дай мне-ка полтора молока пресного стáвца³». Она меня послала в незнамую деревню, в небывалую избу. Я пошел и пришел: квашня бабу

¹ Кинул.

² Всколебалось.

³ Навыворот, вместо: полтора ставца (т. е. кувшина) пресного молока.

месит. Я говорю: «Тетенька, маменька, дай мне-ка теста». Она выхватила из мутовки квашню: хлысь по зубам. Я бежать. Вышел на улку; тут лайка собачит⁴ на меня; мне-ка чем оборониться? Я увидел: на санях дорога, выхватил из оглобель сани, хлысь лайке по зубам и пошел домой да с горя спать повалился.

427

ывали-живали старик да старушка. У старика, у старушки²³¹ к был сын Иван. Жили они ни много, ни мало; старик помер, а сын вырос. Старуха напряла два мотка. В то самое времечко занадобилось Ивану ехать на ярмарку; стал проситься у матери: «Я поеду, мати, на ярмарку; стану торговать, из карманов воровать; наторгую много денег и буду богат!» — «Что ты, дитятко! — говорит ему мать. — Этак ведь неладно». — «Небось, ладно будет!» Взял он у старухи мотки пряжены, приехал на ярмарку и начал торговать; продал на десять рублей да украл девяносто — стало всех денег сто рублей. Накупил себе пряников да меду, сел на воз и поехал домой. Едет — не едет, всё пряники в мед макает да в рот пихает. Попался ему на дороге барин: скачет на лихой четверне. Увидал барин Ивана, остановился и говорит ему: «Что ты, мужичок, больно роскошно кушаешь? Кажись бы, пряники можно и так есть; а ты еще в мед макаешь!» — «Как же мне роскошно не есть! — отвечает Иван барину. — Ездил я в торг торговать, выторговал десять да украл девяносто рублей; а с тебя хоть бы двести взять». — «А ну, ухитрись!» — «Давай-ка, барин, уговор положим: коли ты мне молвишь: «врешь!» — с тебя двести рублей; а коли удержишься — делай со мной, что сам знаешь». — «Ладно!» — говорит барин.

Вот ударили они по рукам, и начал Иван сказку сказывать: «Был я у отца с матерью малешенек; пошел я как-то в лес; увидел в лесу дерево, а в дереве дупло, а в дупле-то жареные перепелята гнездо свили. Сунул я в дупло руку — не лезет, сунул ногу — не лезет; я согнулся да прыг — и вскочил туда весь. Наелся-накушался, захотел вылезть; не тут-то было! Больно толст от еды сделался, а дыра мала. Я, добрый молодец, догадался, сбегал домой за топором, прорубил дыру и вылез. Вздумалось тогда мне напиться; пришел я к морю, снял череп, зачерпнул воды и напился. Все бы ладно, да уронил череп в воду. Глядь — а он серед моря плавает, утки-гуси в нем гнезда поделали да яиц нанесли. Что делать? Раз топором кинул — недокинул, в другой кинул — перекинул, а в третий совсем не попал. Вот так-то я всех гусей-уток побил; яйца сами улетели. Опосля того зашел я по конец моря, взял да зажег; как все море выгорело — я достал свой череп и пошел по белу свету разгуливать».

«Бай, бай⁴, мужичок! — говорит барин. — Все это правда истинная!» — «Поехал я в лес за дровами. Пока там-сям бродил да дрова рубил, серые

⁴ Вместо: собака лает.

⁴ Говори, сказывай.

волки набежали, у моей лошаденки брюхо прорвали. Только я догадлив был: вырубил березовый прут да бегом к лошади; кишки все собрал, в брюхо поклат и зашил березовым прутом. Наложил целый воз дров и стал в путь собираться, трогаю лошадь, она ни с места! Что за диво? Смотрю, а березовый-то прут вырос высоко-высоко, так за облако и задевает верхушкою. Вот я полез на небо; все там выглядел, все там высмотрел. Пора и назад спускаться; на мою беду лошаденка с места дернула и свалила вербу. Как быть, чем горю пособить? Набрал я пыли-копоти, свил канат, привязал его за облако и давай спускаться вниз. Спускался-спускался, пока канату недостало. Что же я вздумал: сверху-то отрежу, да на низ наставлю; отрежу да наставлю, отрежу да наставлю, а сам все вниз спускаюсь. До того дошло, что резать-то нечего, а до земли еще далеко! Вот поднялся сильный ветер; уж меня качало-качало, во все стороны бросало! Канат оборвался, и упал я в самую преисподнюю. Насилу оттуда выбрался! Да, был я, барин, в аду; видел, как на твоём отце навоз возят...» — «Что ты, дурак, врешь!» А Ивану того только и надобно; взял с барина по уговору двести рублей и поехал домой. Мать ему обрадовалась; тотчас назвала гостей, сродников, и подняли они пир великий; на том пиру и я был, мед-вино пил, по усу текло, во рту сухо было. Дали мне колпак, стали в шею толкать; дали мне шлык, а я под ворота шмыг! Сказке конец, а мне меду корень.

428 БАЙКА ПРО СТАРИНУ СТАРОДАВНЮЮ

тарину скажу стародавнюю,
 Стародавнюю, небывалую;
 Старика свяжу со старухою,
 Со старухою с кособрюхою.
 То вам не чудо, не диковинка,
 Я видал чуда чуднее того:
 Среди моря овин горит,
 По чисту полю корабль бежит!
 То вам не чудо, не диковинка,
 Еще вот вам чудо чуднее того:
 Уж как кутюшка¹ бычка родила,
 Поросеночек яичко снес!
 Это вам не чудо, не диковинка,
 Я видал чуда чуднее того:
 Мужики на улице заезки² бьют,

¹ Кутя — собака.

² Езы — заколы для рыбной ловли.

Заезки бьют, они рыб ловят!
 То вам не чудо, не диковинка,
 Я видал чуда чуднее того:
 По поднебесью медведь летит,
 Ушками, лапками помахивает,
 Серым хвостиком поправливает;
 На дубу кобыла белку злаяла,
 В стойле сука в запрягу стоит,
 В осеку³ овца гнездо свила!
 И тому чуду не дивуйтесь:
 С горы корова на лыжах катится,
 Расширя ноги, глаза выпуча!
 И то не чудо, не диковинка,
 Я видал чуда чуднее того:
 Сын на матери снопы возил,
 Молода жена в пристяжи была;
 Сын матушку припониюживал⁴,
 Молоду жену призадёрживал!
 Я еще видел чудо-диковинку:
 Бьется сноха со свекровкою,
 Большим боём бьются — мутовками,
 Ложками стреляли во чисто поле;
 Устрелили татарина мертвого,
 Кафтан с него сняли рогозяный,
 Опоясочку с него сняли лычану,
 Сапоги с него сняли берестяные.
 Кто богат да скуп: пива не варит,
 Нас, молодец, не кормит, не поит,
 Тому даст бог кошечье вздыханье,
 Собачье взрыданье.
 Небогатому, да тороватому,
 Кто пиво варит, нас, молодец, поит,
 Даст бог на поле приплод,
 На гумне примолот.
 В квашне спорину⁵,
 На столе сдвижину⁶.
 С пива с того приупился мужик,
 Приупившись, сам на сарае лежит,
 У рта кроха — полтора колпака...⁷

³ Осек — изгородь из кольев, отделяющая пажить от лугов или селение от полей.

⁴ Понуждал (нудил), подгонял.

⁵ Прибыль.

⁶ Частую перемену яств.

⁷ Колпак — большая чашка.

429. УДАЛОЙ БАТРАК

одного мирошника¹ был работник. Мирошник послал его засыпать на ковш пшеницы, а работник пошел и засыпал-то на камень. Мельница завертелася, а пшеница вся разметалася. Хозяин как пришел на мельницу и как увидел разметанную пшеницу — и согнал работника. Работник пошел домой, в свое село, и запутался. Вот зашел он в этакие кусты и лег спать. Приходит бирюк; видит, что работник спит, и подошел к нему близко, стал его обнюхивать, а работник-то ухватил бирюка за хвост, убил его и снял с него шкуру!

Вот работник вышел на гору, а на горе стояла пустая мельница: он у этой мельницы и остановился ночевать. Приехали три человека, разбойники; развели в мельнице огонь и начали дуван дуванить². Один разбойник говорит: «Я свою часть положу под испод мельницы»; другой разбойник: «А я под колесо подпихну»; а третий говорит: «Я в ковш спрячу». А работник лежит в ковше и, убоившись, как бы разбойники его не убили, вздумал себе: «Дай я вон так-то закричу: Денис, ступай туда на низ; а ты, Хвока, гляди с бока; а ты, малый, гляди там, а я тут! Держи их, ребята! Бей их, ребята!» Разбойники уробели, бросили свое имя и разбежались.

Работник вылез из ковша, подобрал все богатство и пошел домой; приходит и рассказывает отцу с матерью: «Вот все, что я заработал на мельнице. Поедем теперь, дедушка, на базар, и купим себе ружье, и будем охотничать». Поехали себе на базар, купили ружье и едут с базару. Вот работник и говорит деду: «Ты, дедушка, гляди, не попадется ли нам заяц, лиса, а не то куница». Едут да оба дремлют, и наконец уснули. Где ни взялись два бирюка, зарезали у них лошадь и съели всю. Дедушка проснулся да как стегнет кнутом — думал по лошади, а по бирюку! Бирюк-то попал в хомут и давай носить, а дед правит. А другой бирюк сзади хочет ухватить работника, и тот бирюк-то был с щербиной. Работник как стегнет бирюка кнутом, а он хотел кнут-то зубами поймать, да на кнуте был узел, — этот узел и застрял у бирюка в щербине! Работник и потащил его за телегою. Один бирюк везет, а другой сзади идет. Вот приехали они домой; собачка выскочила и давай лаять. Бирюки испугались, один как повернул круто — тележонка и опрокинулась, работник с стариком упали на землю; тут бирюк из хомута выскочил, а работник кнут из рук выпустил, так оба бирюка и убежали, а старик с работником остались ни при чем. Жили они богато; двор у них кольцом, три жердины конец с концом, три кола забито, три хворостины завито, небом накрыто, а светом обгорожено!

¹ Мельник.

² Делить грабеж, добычу; *дуван* — добыча, раздел добычи.

430. ИВАН-ДУРАК

некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик со старухой. У них было три сына, третьего звали Иван-дурак. Первые двое женатые, а Иван-дурак холостой; два брата занимались делом, управляли домом, пахали и сеяли, третий же ничего не делал. Один раз отец и снохи стали Ивана посылать на поле допахать сколько-то лех¹ пашни. Парень поехал, приехал на пашню, запряг лошадь, проехал с сохой раз ли, два ли, видит: счету нет комаров да мошек; он схватил хлыстик, стегнул по боку лошадь, убил их без сметы; ударил по другому, убил сорок паутов² и думает: «Ведь я на один замах убил сорок богатырей, а мелкой сошки³ сметы нет!» Взял их всех положил в кучу и завалил конским калом; сам не стал пахать, выпряг лошадь, поехал домой. Приезжает домой и говорит снохам и матери: «Давайте мне полог⁴ и седло, а ты, батюшка, давай саблю, которая у тебя висит — на стене заржавела. Что я за мужик! У меня ничего нет».

Те посмеялись над ним и дали на смех какой-то расколотый тюрик⁵ наместо седла; парень наш приделал к нему подпруги и надел на худую кобыленку. Вместо пологу мать дала какой-то старый дубас⁶; он и то взял, да взял саблю у отца, пошел, выточил, собрался и поехал. Доезжает до росстаней⁷ — а был еще мало-мало грамотный — написал на столбе: приезжали бы сильные богатыри Илья Муромец и Федор Лыжников в такое-то государство к сильному и могучему богатырю, который на один помах убил сорок богатырей, а мелкой сошки сметы нет, и всех их камнем привалил.

Точно, после его приезжает богатырь Илья Муромец, видит на столбе надпись: «Ба,— говорит,— проехал сильный, могучий богатырь: ослушаться не годно». Поехал, догонят Ванюху; далеко не доехал, снял шапку и кланяется: «Здравствуй, сильный, могучий богатырь!» А Ванюха не ломат шапки, говорит: «Здорово, Илюха!» Поехали вместе. Не чрез долго времени к тому же столбу приехал Федор Лыжников, видит, на столбе написано, ослушаться не годно: Илья Муромец проехал! — и он поехал туда же; так же далеко не доехал до Ванюхи — снимат шапку, говорит: «Здравствуй, сильный, могучий богатырь!» А Ванюха шапки не ломат. «Здорово,— говорит,— Федюнька!»

Поехали вместе все трое; приезжают в одно государство, остановились на царских лугах. Богатыри поставили себе шатры, а Ванюха распялил дубас; коней два богатыря спутали шелковыми путами, а Ванюха сорвал прут с дерева, свил его и спутал свою кобылу. Вот и живут. Царь

¹ Мера земли.

² Паут — слепень или овод.

³ Соха — мера земли, с которой платилось в старину. Выражение «мелкой сошки» означает здесь: низшего разряда.

⁴ Полог — толстая холстина, сшитая в несколько полос.

⁵ Тюрик — толстая холстина, сшитая в несколько полос.

⁶ Род одежды, подобной сарафану и названной так потому, что ее красят в дубовом листу.

⁷ Росстани — место, где одна дорога разделяется на две, перекресток.

из своего терему увидел, что его любимые луга травят какие-то люди, тотчас отряжат ближнего своего спросить, что за люди? Тот приехал на луга, подошел к Илье Муромцу, спрашивает, что они за люди и как смели без спросу топтать царские луга? Илья Муромец отвечал: «Не наше дело! Спрашивай вон старшого — сильного, могучего богатыря».

Посол подошел к Ванюхе. Тот закричал на него, не дал слова молвить: «Убирайся, докуля жив, и скажи царю, что на его луга приехал сильный, могучий богатырь, который на один помах убил сорок богатырей, а мелкой сошки сметы нет, и камнем привалил, да Илья Муромец и Федор Лыжников с ним, и требует у царя дочь замуж». Тот пере-сказал это царю. Царь хватил по записям: Илья Муромец и Федор Лыжников есть, а третьего, который убиват на один помах по сороку богатырей, нет в записях. То царь приказал собрать рать, захватить трех богатырей и привести к нему. Где захватить? Ванюха увидел, как стала подходить ближе рать; он крикнул: «Илюха! Ступай прогони их, что за люди?» — сам лежит, растянулся да поглядывает, как сыч.

Илья Муромец на того слова соскочил на коня, погнал, не столько руками бил, сколько конем топтал; всех прибил, оставил только одних язычников⁸ царю. Царь услышал эту беду, того больше собрал силы и послал поймать богатырей. Иван-дурак крикнул: «Федюнька! Поди-ка прогони эту сволочь!» Тот соскочил на коня, всех прибил, оставил одних язычников.

Чего делать царю? Дело худо, силу побили богатыри; царь призадумался и вспомнил, что у него в царстве живет сильный богатырь Добрыня. Он посылает к нему письмо, просит приехать победить трех богатырей. Добрыня приехал; царь на третьем балконе встретил его, а Добрыня наверхний⁹ подъехал к балкону вровень с царем: вот какой был! Поздоровался, поговорили. Он и поехал на царские луга. Илья Муромец и Федор Лыжников увидели, что к ним едет Добрыня, испугались, соскочили на своих лошадей да ступай-ка оттуда — угнали. А Ванюха не успел. Пока имел свою кобыленку, Добрыня и подъехал к нему, да и смеется, что это за сильный, могучий богатырь? Маленький, худенький! Согнулся головой к самому Ванюхе, смотрит на него, да и любит. Ванюха да как-то не обробел, выхватил свою саблешку, да и ссек ему голову.

Царь это увидел, перепугался: «Ох,— говорит,— богатырь убил Добрыню; беда теперя! Ступайте скорее, зовите богатыря во дворец». За Ванюхой приехал такой почет, что батюшки упаси! Кареты самолучши, люди все изжалованы. Посадили и привезли к царю. Царь его угостил и отдал дочь; обвенчались они, и теперя живут, хлеб жуют.

Я тут был, мед пил; по усам текло, в рот не попало. Дали мне колпак, да почали толкать; дали мне кафтан, я иду домой, а синичка летат и говорит: «Синь да хорош!» Я думал: «Скинь да положи!» Взял скинул, да и положил. Это не сказка, а присказка, сказка впереди!

⁸ Язычник (язык) — вестник.

⁹ Наверхний — едущий верхом.

431—432. ФОМА БЕРЕННИКОВ

431

ила-была старуха, у нее был кривой сын Фома Берен-^{235a}ников. Вот поехал Фома пахать; лошаденка худенькая, взяло его горе, сел на завалинку... мухи около навоза так и жужжат. Схватил он хворостину, да как хлыснет по куче, стал считать: сколько побил? Насчитал пятьсот, да еще много без счету осталось. Решил Фома, что им и сметы нет! Приходит к своему коню, на нем сидит двенадцать оводов; он всех и побил. Воротился Фома Беренников к матери и просит у ней благословенья великого: «Побил, дескать, мелкой силы — счету нет, да двенадцать могучих богатырей; пусти меня, матушка, на подвиги великие, а землю пахать — не мое дело богатырское, то дело мужицкое!» Благословила его матушка на подвиги великие, на поприща богатырские. Берет он за плечи тупой серп, за пояс лычный кошель, а в тот кошель кладет тупой ко-сарь.

Вот едет Фома путем-дорогою, стороною незнакомою, и наехал на столб; пишет он на том столбе — не было у него в кармане ни злата, ни сѣребра, а случился в кармане мел — вот и пишет он мелом: «Проехал здесь богатырь Фома Беренников, который сразу побивает двенадцать могучих богатырей, да oprичь того силу несметную». Написал и поехал дальше. Едет той же дорогою Илья Муромец, подъезжает к столбу, видит надпись и говорит: «Видна попрыска¹ богатырская; не тратит ни злата, ни сѣребра, один мел!» Написал он сѣребром: «Вслед за Фомою Беренниковым проехал богатырь Илья Муромец». Наезжает он Фому Беренникова и говорит (устранился, зная, тоѣ надписи меляныя): «Могучий богатырь Фома Беренников! Где ехать: спереди или сзади?» — «Ступай сзади!» — отвечает Фома.

Вот едет той же дорогою Алеша Попович млад; наезжает он на тот столб, издалеца видит на том столбе надпись — как жар горит! Прочитал надписи Фомы Беренникова да Ильи Муромца, вынимает из кармана чисто золото и пишет: «За Ильєю Муромцем проехал Алеша Попович млад». Наезжает он Ильєю Муромца: «Ты скажи, скажи, Илья Муромец, впереди ехать или сзади мне?» — «Не меня испроси, а мово брата старшего Фому Беренникова». Подъехал Алеша Попович млад к Фоме Беренникову: «Удалой боец Фома Беренников! Где укажешь ехать Алеше Поповичу?» — «Ступай сзади!»

Вот едут они путем-дорогою, стороною незнакомою; приезжают они в зелены сады. Илья Муромец и Алеша Попович раскидывают белы шатры, а Фома Беренников свои портки. А те сады были самого царя, царя прусского, и воевал того царя король китайский с шестью могучими богатырями. Посылает царь прусский грамотку к Фоме Беренникову, а в

¹ След (Ред.).

той грамотке значится: «Воюет меня, царя прусского, король китайский; не будет ли ваша помощь?» Фомка грамоте не больно разумел, посмотрел на грамотку, покачал головою и говорит: «Хорошо!»

Вот подступает король китайский близко к городу; приходят Илья Муромец и Алеша Попович млад к Фоме Беренникову и говорят таково слово: «Подъезжают под царя, к самому городу; надо его защитить. Сам пойдешь или нас пошлешь?» — «Ступай ты, Ильюшка Муромец!» Побил Илья Муромец всех. А после того приводит король китайский еще шесть богатырей и рать-силу несметную. Илья Муромец с Алешей Поповичем приходят к Фомке Беренникову: «Ты скажи, скажи, Фома Беренников, сам пойдешь или нас пошлешь?» — «Ступай ты, брат, Алешка Попович млад!» Поехал Алеша Попович млад и побил всю рать-силу несметную и тех шесть могучих богатырей. Говорит китайский король: «Есть у меня еще один богатырь, берег его на племя; пушу и его теперь!»

Вот приводит он рать-силу несметную и с нею богатыря могучего, заветного, и говорит король своему богатырю: «Не силой бьет нас русский богатырь, а хитростью; что станет делать русский богатырь, то и ты делай!» Приезжают Илья Муромец да Алеша Попович млад к Фомке Беренникову: «Сам пойдешь или нас пошлешь?» — «Сам пойду; приведи моего коня». Кони богатырские по чисту полю ходят, травку щиплют, а Фомкин стоит да овес уплетает. Подошел Илья Муромец к Фомкину коню, а тот разъялся, брыкается и кусается! Взяла досада Илью Муромца, схватил он коня Фомкина за хвост, да и кинул его через плетень. Молвил ему Алеша Попович млад: «Не увидел бы нас Фома Беренников! Задаст он нам жару!» — «Знать, вся сила не в коню, а в самом молодцу!» — говорит Илья Муромец и подводит тоё клячу к Фомке Беренникову. Фомка садится на лошадь, а сам думает: «Пусть убьют! Сраму не будет». Едет он, пригнулся к коню на гриву и зажмурился. Богатырь китайский, помня королевский наказ, и сам к коню пригнулся да зажмурился. Фомка слез с коня, сел на камень и давай точить серп; китайский богатырь и себе тож: слезает с могуча коня и точит свой меч. Видит он, что Фомка Беренников на один глаз крив, думает про себя: «Он один глаз прищурил; дай-ка я ухитрюсь да оба зажмурию!»

Не успел он зажмурить, как Фомка Беренников отсек ему голову. Берет он его коня богатырского, хочет на него сесть, да не влезет. Привязал Фомка сильногомучего коня к столетнему дубу, взобрался на дерево, да и вспрыгнул на коня верхом. Почуял конь седока, как рванется — и вырвал дуб с корнем вон; летит во всю мочь богатырскую и волочит за собою громадный дуб. Фома Беренников кричит: «Помогите, помогите!» А китайцы-дураки русского языка не знают, побежали с испугу врозь; богатырский конь их ногами топчет да столетним дубом бьет; всех перебил до единого! Вот и пишет китайский король к Фомке Беренникову грамотку: «Никогда не буду с тобой воевать». А Фомке то и надобно! И дивуются Илья Муромец и Алешка Попович млад тому Фомке Беренникову.

Вот едет Фома к царю прусскому. «Чем тебя жаловать? — спрашивает царь. — Бери казны золотой сколько надобно, или полцарства моего

белого, или царевну прекрасную». — «Давай царевну прекрасную да позови на свадьбу меньших моих братьев Илью Муромца да Алешу Поповича млада». И женился Фома Беренников на прекрасной царевне. Видно, не одним богатырям бывает удача! Кто накричит о себе больше, тому и лучше.

432

В некотором царстве-государстве жил-был мужик Фомка Беренников — такой сильный да дородный, что если пролетит мимо воробей да зацепит его крылом, так он и с ног свалится! Плохо ему на белом свете, все его обижают, и вздумал он: «Дай пойду утоплюся с горя!» Подходит к болоту; увидали его лягушки и прыгнули в воду. «Постой, — думает Фомка, — не стану топиться; и меня люди боятся!» Воротился домой, стал на пашню собирать; а лошаденка у него была дрянная, на работе замученная; натерло ей хомутом шею до крови, и облепили ее слепни да мухи видимо-невидимо! Фомка подошел, как ударит ладонью — одним махом сто побивахом! — и говорит: «Ох, да я сам богатырь! Не хочу пахать, хочу воевать!» Соседи над ним смеются: «Куда тебе, дураку, воевать; тебе в пору свиньям корм давать!»

Не тут-то было; назвался Фомка богатырем, взял тупицу и косарь, что лучину скепают¹, надел на себя старый кафтан да высокий яломок², сел на свою клячу и поехал в чистое поле ступою бредучею. В чистом поле врыл в землю столб и написал на нем: «Еду сражаться в иные города — одним махом сто побивахом!»

Только что успел отъехать с места, прискакали к столбу два могучих богатыря, прочитали надпись и говорят: «Что за богатырь такой! Куда он поехал? Скоку молодецкого не слышно, следу богатырского не видно!» Кинулись за ним по дороге; увидал их Фомка и спрашивает: «Вы кто таковы?» — «Мир тебе, добрый человек! Мы — сильномогучие богатыри». — «А по сколько голов сразу рубите?» Один говорит: «По пяти», другой: «По десятку». — «Какие ж вы сильномогучие богатыри? Вы просто дрянь! Вот я так богатырь: одним махом сто побивахом!» — «Прими нас в товарищи, будь нам старший брат». — «Пожалуй, — говорит Фомка, — поезжайте сзади».

Пристроились к нему сильномогучие богатыри и отправились все вместе в заповедные луга царские. Приехали, сами легли отдых взять, а лошадей пустили шелкову траву щипать. Долго ли, коротко ли — скоро сказка сказывается, не скоро дело делается — усмотрел их царь. «Что, — говорит, — за невежи такие в моих лугах прохлаждаются? Доселева тут ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывала, а теперь гости пожаловали!» Сейчас собрал войско великое и дает приказ очистить свои луга заповедные. Идет сила-рать несметная; увидали могучие

¹ Колют.

² Войлочный колпак («Опыт обл. великорусского словаря», с. 274).

богатыри, доложили про то названому старшему брату, а он им в ответ: «Ступайте-ка, переведайтесь, а я посмотрю — какова ваша храбрость есть?»

Вот они сели на своих богатырских коней, припустили их на войско вражее, полетели как ясные соколы на стадо голубей, притоптали, прирубили всех до единого. «Дело-то не ладно!» — думает царь; опять собирает войско великое, чуть не вдвое больше прежнего, а впереди всего войска посылает силача-великана: голова что пивной котел, лоб что твоя за-слонка, а сам что гора! Сел Фомка на свою клячу, выехал навстречу и говорит великану: «Ты — сильномогучий богатырь, и я — таков же! Не честь, не хвала будет нам, добрым молодцам, коли станем сражаться не поздоровавшись! Наперед надо друг другу поклон отдать, а потом и в бой вступать». — «Ладно!» — отвечает великан. Разъехались они и стали кланяться. Пока великан наклонил свою голову, прошло полчаса времени; а другое полчаса надо, чтоб поднять ее. Фомка мал, да удал, не захотел дожидаться, хватил косарем раз-другой, и полетела голова с плеч долой.

Войско дрогнуло и рассыпалось в разные стороны; а Фомка взобрался на богатырского коня, давай нагонять да конем топтать. Нечего делать, покорился царь; послал звать к себе сильномогучего богатыря Фому Беренникова и двух меньших его братьев. Угостил их, учествовал на славу, выдал за Фомку дочь свою царевну и дал полцарства в приданое.

Долго ли, коротко ли — скоро сказка сказывается, не скоро дело делается — подступает под то царство басурманский король с силами несметными, требует дани-окупу великого. Не захотел царь платить дани-окупу великого, нарядил свое войско храброе, поставил зятя начальником и накрепко приказал, чтобы все на Фомку смотрели: что он станет делать, и они б то же делали.

Снялся Фомка и поехал сражаться. Едет он лесом, войско за ним. Он срубил себе березку, и солдаты срубили себе по березке. Пришли к глубокой реке — мосту нет, а обходу двести верст; Фомка бросил свою березку в воду, и солдаты побросали свои туда же, запрудили реку и перешли на другую сторону. Басурманский король засел в крепком городе. Фомка остановился перед тем городом, развел костер, разделся весь догола — сидит да греется; солдаты увидели, тотчас же насбирали хворосту, нарубили поленьев, запалили костры по всему чистому полю. «Закусить бы надо!» — сказал Фомка Беренников, вытащил из сумки сдобную лепешку и стал уписывать. Откуда ни возьмись — прибежала собака, вырвала лепешку и давай бог ноги! Фомка ухватил горячую головешку и как был голый — так и пустился за нею: во всю прыть бежит да во все горло кричит: «Держите! Держите!» Глядя на него, и солдаты сидели у огня голые, а тут повскакивали, похватили горячие головешки и побежали вслед за ним.

Собака-то была королевская, бросилась прямо в город да во дворец: Фомка за собакою, солдаты за Фомкою: все что ни попадет под руку, жгут и палят без пощады. Поднялась в городе суматоха; король не знает, что делать с испугу, стал просить замирения. Фомка на то не согла-

сен; взял короля в плен и покорил все его королевство. Воротился из походу — царь встретил его с большим почетом: музыка заиграла, колокола зазвонили, пушки грохнули, и пошел пир на весь мир! И я там был, мед-вино пил, по усам текло, в рот не попало; ел я капусту, а в брюхе-то пусто. Дали мне колпак, стали со двора толкать; дали мне шлык, а я в подворотню шмыг! Дали мне синь-кафтан; летят синицы да кричат: «Синь-кафтан, синь-кафтан!» А мне послышалось: «Скинь кафтан!» Скинул и бросил на дороге. Дали мне красные сапоги; летят вороны да кричат: «Красные сапоги, красные сапоги!» А мне послышалось: «Крадены сапоги!» Снял да и бросил. Дали мне лошадку восковую, плетку гороховую, уздечку репяную; увидел я — мужик овин сушит, привязал тут лошадку — она растаяла, плетку куры склевали, а уздечку свиньи съели!

433—437. СКАЗКА О ЗЛОЙ ЖЕНЕ

433

ла жена худо с мужем жила, ничего мужа не слушала. Велит ^{236a} муж ране встать, так она трои сутки спит; велит муж спать, а она нисколько не спит. Велит муж блины печи, а она говорит: «Не стоишь, вор, блинов!» Муж говорит: «Не пеки, жена, блинов, коли не стою»; она выпечет кринку в два ведра и говорит: «Ешь, вор, чтоб съедено было!» — «Ну, — говорит, — жена, не стряпай и на сенокос не ходи; мне тебя жаль!» А она говорит: «Нет, вор, я пойду, и ты ступай за мною!»

Только он побился с ней, помаялся, пошел с горя в лес по ягоды, и нашел куст смородины, и увидел в этом кусту бездонную яму; глазел он и смекнул: «Что я живу со злой женой, маюся? Не могу ли я ее в эту яму засадить, не могу ли я ее проучить?» Пришел в избу и говорит: «Не ходи, жена, в лес за ягодами!» — «Нет, шишморник¹, пойду!» — «Я нашел куст смородины, не бери!» — «Нет, сама пойду, оберу, тебе не дам смородины!» Муж пошел, жена с ним; пришел к кусту к смородине, а жена вскочила в куст и матом кричит: «Не ходи, вор, в куст, убью!» — и сама полезла в средину, да в яму-то и хлоп бездонную!

Муж с радостей в избу пошел и прожил трои сутки, на четвертые пошел проведывать; взял бечеву длинную, пустил в ямищу и вытащил оттуда чертенка; испугавшись, и хочет чертенка в яму опустить. Закричал тот матом, замолился и говорит: «Крестьянин, не обрати назад, пу-

¹ Бранное слово, шишмора.

сти на свет! Пришла злая жена, всех нас приела, прикусила, прищипала — тошно нам! Я тебе добро сделаю!» Крестьянин отпустил его на божью волю — на святую Русь. Чертенюк и говорит: «Ну, крестьянин, пойдем со мною во град Вологду; я стану людей морить, а ты — лечить».

Ну вот пошел чертенюк по купеческим женам и по купеческим дочерям; стал он в них входить, стали они дуреть, стали они болеть. Вот этот крестьянин — где заболит — придет в дом, а неприятель-то вон, в дому благодать будет, и смекают все, что этот крестьянин — лекарь, деньги дают, да и пирогами кормят. И набрал крестьянин денег несметную сумму себе. Вот чертенюк и говорит: «Полно, крестьянин, с тебя, доволен ли ты? Теперь я пойду в боярскую дочь;мотри² не ходи ее лечить; не то съем я тебя!» Боярышня заболела и так задурела, что требует людей есть.

Приказал боярин крестьянина найти — такого-то лекаря отыскать. Он приходит в хоромы и велит боярину, чтоб все горожане и кареты с кучерами стояли в этой улице противу дому боярского; потом дает приказ, чтоб все кучера щелкали в арапельники³ и матом кричали: «Злая жена пришла, злая жена пришла!» — и сам пошел в комнаты. Пришел он в комнаты: чертенюк возлился на него и говорит: «Что ты, русский, зачем пришел? Я тебя съем!» Он говорит: «Что ты! Я пришел тебя не выживать, а пришел, тебя жалея, сказать: зла-то жена сюда пришла!» Черт на окошко вскочил, вытаращил зенки⁴, да и чует⁵: все одним матом орут: «Злая жена!» — «Крестьянин, — взговорил черт, — мне-то куды деваться?» — «Ступай опять в ямищу: она туды больше не пойдет». Черт туды и ушел к злой жене. За это боярин пожаловал милость, дочку (за крестьянина) замуж отдал, пол-именья подарил, а злая жена и теперь в яме сидит в тартарары⁶.

434

Собирался мужик в поле, говорит жене: «Не пеки блинов». ^{236b} А жена говорит: «Вот таки напеку!» — «Если напекешь, так в поле не носи». — «Вот таки напеку и понесу!» — «А понесешь, так через мост не ходи». — «А вот пойду, так пойду!» — «А пойдешь, так каменьев в пазуху не клади». — «Вот накладу, так накладу!» — «А накладешь, так с мосту в воду не сигай¹». — «Вот сигну, так сигну!» — «Если прыгнешь, так чертей не пужай». — «Вот распужаю, так распужаю!»... Едет мужик с поля, выскочил чертенюк и кричит ему: «Дядюшка, возьми свою жену, а то нам житья от нее в воде нет!» — «Не надо мне ее», — отвечал мужик. «Я, мужичок, шляпу денег принесу». Мужик и от денег отказался, только чтоб чертенюк с женой к нему не вязался.

² Смотри.

³ Арапники.

⁴ Зенки — глаза.

⁵ Слышит.

⁶ Это слово часто встречается в заговорах: «Так бы черная немочь бежала в тартарары, во тьму кромешную» (Сахаров. Сказания русского народа I, 31).

¹ Не прыгай.

Антипка была распрезлюющая жена да детей куча. Антипка — слово, баба — за рычаг¹ да в бок норовит. Захочет Антипка проучить жену, возьмет кнут, а баба разорется-раскритчится, до того разозлится, что выхватит из люльки ребенка за ногу и давай им отмахиваться; глаза вытаращит, пена у рта, черт-чертом! Не стало Антипке житья. Что стареет жена, то хуже. Стал он задумываться, как бы жену сбыть? И придумал.

Воротился однажды из лесу такой развеселый и гуторит жене ласково: «Послушай-ка, моя женушка! Заживем мы с тобой по-баярскому, разряжу тебя павою, — ведь я нашел казны гибель страшную, несметную». — «Где, пострел? Покажи-ка мне! Не во сне ли тебе, тучелу, пригрезилось?» — «Нет, моя ластушка, нет, моя любушка! Хотя очми не досмотрел, а ушми дослышал, как злато-серебро перезвякивало». — «Да где?» — «Там, в лесу, в провале, что над самым крутояром, подле дуба-то тройчатого». — «Ну, пойдем, — говорит баба ласковее, — да смотри: коли сбре-хал, задам вытаску! Как же ты слышал? Расскажи-ка мне». — «Вот видишь, захотелось мне швырнуть камень в еван-то² ямище; швырнул, а целковики да, кажись, лобанчики³ так и зазвякали. Я в другой раз, ан еще дюжей! Я и в третий — право слово, звякают!» Пришли к ямищу — черно, глубоко! «Ну, жена, вот булыга⁴ — брось сама, коли мне веры не даешь!»

Баба взяла камень да, наклонясь, бросила, а Антип тем часом потрафил ей в шею: баба кувырк, полетела в ямище и не пикнула. Только пришел Антип ко двору, детишки — все девчуря мелкая — с визгом его встретили: «Батя, каши, батя, хлеба, батя, молока!» А тут сам корову дой, сам на речку беги — пеленки стирай, лошадей убирай да ночь не спи — малолеток качай. «Ай, ай! — вскричал Антип, почесываясь в затылке. — С бабой была беда, а без бабы десять бед, и работать некогда!» Обнищал Антип и вздумал думу новую: «Да пойду жену вытащу!» Начал собирать обрывки да веревки, от лаптей оборки, связал все вместе, наставил и надвил, на конце клепец⁵ в аршин присади; пошел к ямищу, опустил веревку с клепцом да потряхивает. И вот мудреное дело — на веревке что-то потяжелело, а не с бабу весом; стал наверх тащить, ташил-тащил, глядь — на конце чертенюк сидит, вершков шести, весь в шерсти. Антип закричал: «Прочь! Знаю, ты мал, да шибко удал! Отцепись, проклятый, да ступай туда, где прежде был; на белый свет я тебя не пушу; слышь, как раз перекрещу».

Взмолился бесенок: «Антипушка! Я добрый черт, я тебе богатство дам: станут по чужим домам вселяться, а ты меня словом гони да деньги гребни. Только, слышь, до двух раз! Выберу тебе богачей на заказ. Как злая баба в ямище упала, нам просто житья не стало!.. Вытащи,

¹ Рычаг — рогач, ухват (Ред.).

² Еван-то — указат. частица, вон там (Ред.).

³ Червонцы.

⁴ Булыжник.

⁵ Железное орудие, которым ловят зимою зайцев и лисиц (Опыт великорусского словаря, с. 283).

Антипушка! Я свое обещание сдержу, на корень твой двор посажу; будут у тебя батраки и батрачки, наймешь няньку за детьми ходить, будешь с господами хлеб-соль водить». Соблазнился Антип, вытащил беса наружу — на канате вдруг полегче стало, бесенка словно ветром унесло.

Не прошло и недели, как слышит Антип, что у богача-подрядчика в больших каменных палатах поднялась громотня, стукотня, по ночам хохот, беготня, жильцам житья не стало! Идет Антип к подрядчику, поклонился и говорит: «У вас, батюшка, в доме нечисто, поселился презлой бесенок; ты ничем его не выживешь, разве мне приказать изволишь». — «Гони, гони, Антипушка! — говорит подрядчик. — Во как поклонюсь»: — «Добро! — отвечает Антип. — Из поклона ведь шубы не тачают, а я мужик бедный семьянистый; у меня семь дочерей — старшой лишь осьмой годок пошел, а баба-то сбежала, так за всем сам присмотри! Дай мне на каждую дочь по тысяче, я твой дом обойду, свистну да слово скажу — и не будет чертей».

Подрядчик не стал спорить, достал мошну, отсчитал семь тысяч и повел Антипа по своим упокоям. Антип что войдет в упокой, свистнет и закричит: «Вон!» В ответ ему из-за печки пищит: «Уйду!» Обошел весь дом — и везде сделалось и тихо и смирно. Поздравил хозяина с благодарью в дому; ну, хозяин подносит ему и вина заморского, и травнику, и наливки, а на стол закуску наставил: яйца вкрутую да щуку обливную⁶, разные колбасы и всякие припасы. Подгулял Антип, на целую неделю наелся — аж подпояску долой! Простился с подрядчиком и поплелся до дому. Завелась у него и батраки, и батрачки, и кони славные, и всякого добра много. Молва об Антипе далеко бежит, что Антип — мастак ворожить, и хоть не бабка он, а большой чертогон!

Вот через месяц, через два, шлет из города откупщик гонца за Антипом. «Помоги, Антипушка, у нас несчастье». — сказывает гонец. «Что, ай дом горит?» — «Нет! Хоть не горит, а пуще того: нечистая сила откупом вертит; в дому и шум и гам, паутина да грязь по чанам. Откупщик за плату не постоит, только возьмись, брат, от беса полечить». — «Хорошо!» — промолвил Антип, заложил в беговые дрожки рысака и поехал к откупщику на двор. Откупщик берет его за руку, с честью в дом ведет, вперед ему ход отдает, что слово — почтенным величает, на мягки диваны сажает. «Родимый, помоги!» А Антип бородку гладит, на десять тысяч ладит; деньги в карман кладет и, свистнув, по палатам идет: прогнал беса, везде и тихо и смирно! «Спасибо, — сказал откупщик, — за твою послугу прикажу тебе бочку вина отвезти в дом».

Поехал Антип от него мимо гостинных рядов: на черепенники⁷ и калачи уж и не глядит. «Подавай сластей!» — говорит. Приезжает домой, глядь — на дороге приказчик стоит: «Эй, Антип! Соберайся скорей на боярский двор». — «Зачем?» — «Да, вишь, черт поселился, бедами качает, боярыня слезно рыдает, дети ревмя ревут...» — «Родимый Иваныч! Помилуй, я в третий раз не смогу черта прогнать». — «Подика изволь с

⁶ Заливную (Ред.).

⁷ Черепенники — гречневые лепешки (Ред.).

баринoм толковать! Коли, говорит, к ночи не выгонит беса вон, так я его на конюшне с головы до пят испарю, на поселенье сошло, а дочек на баршину возьму, на тальках-то⁸ заморю!» — «Нечего делать, — отвечает Антип, — сейчас прибегу; дай только лошадь отпрягу».

Антип был мужик из десятка не простого, навострился людей надувать, захотел обмануть и духа злого. Отпряг рысака, долой новую одежду, сыскал старую и ту в клочки изорвал, волосы овином встрепал, переделся в старье, сапоги на осметки⁹ сменил да исцарапал в кровь лицо и побежал в село на боярский двор. «Ты зачем, — говорит бесенок, — разве забыл уговор?» — «Знаю, — отвечает Антип, — я гнать тебя не хочу, сам у боярина защиты ищу; ведь моя баба из ямы выдралась, следом за мною бежит, хочет со свету изжить!» — «Как? — закричал бесенок. — Из ямы выдралась, за тобою бежит! Нет, лучше я к братьям в ямище уйду; теперь, чай, без бабы пирушки в аду!» Убежал бесенок в ямище — и стихло в боярских хоромах. Тут боярин Антипку на милость принял, от баршины ему совсем отказал.

Воротился Антипка домой, глядь — на дворе бочка с вином стоит; не обманул откупщик! Созвал он соседей — и давай угощаться; на другой день надо опохмелиться, опохмелился да не в меру — опять пьян напился... С той самой поры начал он и по дням, и по ночам к бочке прикладываться: все ему жена грезится! Заснет — а она на грудь коленом станет да за горло давит; проснется — а она в углу стоит да кулаком грозит. Страшно и жутко! Поневоле за чарку возьмешься. Умер Антип от запою; отнесли его на погост¹⁰, девчонок на баршину взяли, а добро и казну по рукам растащили.

436

атюшка, жениться хочу, матушка, жениться хочу!» — говорил ^{236д} добрый молодец. «Женись, дитятко!» И женился, выбрал себе бабу длинную, черную, косую; понравилась сатана лучше ясного сокола, и пенять не на кого, сам себе виноват! Живет с нею и кулаком слезы утирает. Пошел раз на сходку, где судят да рядят; постоял там и воротился домой. «Что шлялся, — спросила косая баба, — что слышал?» — «Да говорят: новый царь настал, новый указ наслал, чтоб жены мужьями повелевали». Он думал пошутить, а она и на ус замотала. «Ступай, — говорит, — на речку рубахи мыть, да возьми веник — хату подмети, да сядь к люльке — дитя закачай, да щи, кашу свари, пироги замеси!» Муж хотел было молвить: «Что ты, баба! Мужичкое ли это дело?» — Да как взглянул на нее — холодом облило, язык к горлу пристал. Поташил белье, замесил пироги, хату вычистил, и ничем не угодил.

Прошел год и другой; наскучило добру молодцу в хомуте ходить, да что делать? Женился — навеки заложился! А век-то может, надолго про-

⁸ Талька — мера пряжи (Дополнение к обл. словарю, с. 264).

⁹ Изношенные лапти.

¹⁰ Кладбище.

тнется. С горя выгадал выгадку. Была в лесу яма глубокая, конца-дна не видать; взял он — заклял ее сверху палочками, затрусил соломкою; приходит к жене и рассказывает: «Ты не знаешь, жена, как в лесу-то клад есть — и звенит, и гремит, и золотом рассыпается, а в руки никак не дается; я подошел было к нему, нос с носом стоял, дак мне не дался — посылай, говорит, жену!» — «Ну, пойдем, пойдем! Я возьму, а тебе шиш!» Пошли в лес. «Тише, баба! Тут провальная земля, отсюда клад выйдет». — «Ах ты, дурень мужик! Всего боишься. Вот как я-то прыгну!» Прыгнула на солому и провалилась в яму. «Ну, ступай! — молвил муж. — Я теперь отдохну».

Отдыхал он месяц и другой, а там и скучно стало без косой. Выйдет в лес, выйдет в поле, подойдет к речке — все об ней думает: «Может, стала она и тиха и смирна; дай-ка выну опять!» Навязал коробью, опустил под землю; слышит — села, тянет вверх, вот и близко... глядит, ан в коробье чертенок сидит! Мужик испугался, чуть веревки из рук не выпустил. Взмолился чертенок, закричал ему вслух: «Вынь меня, мужичок! Твоя жена всех нас замучила, загоняла. Повелишь что творить, стану тебе вечно служить; вот хоть сейчас побегу в боярские хоромы, мигом заварю кашу, буду днем и ночью стучать да бояр выживать, а ты скажись знахарем, приди, закричи на меня — я выскочу и уйду. Ну, ты и гребни деньги лопатою!» Мужик вытащил коробью; чертенок выпрыгнул, отряхнулся — и поминай как звали! В тот же день в боярском доме все пошло наизворот. Стали искать доку: добрый молодец вызвался докою, выгнал черта и получил плату хорошую.

Скоро пронесся слух, что у князя во дворце, в высоком тереме завелись домовые и не дают княжнам покою. Из конца в конец разослали по всей земле гонцов звать-собирать знахарей. Со всех царств собрали — нет проку, домовые стучат и гремят. Пришел и наш дока, узнал старого знакомого, стал на чертенка и кричать и плевать; чертенок и не думает бежать, полюбилось ему в князем терему жить. «Погоди ж, когда так! — закричал дока. — Эй, косая баба! Подь сюда». Тут чертенок не высидел и со всех ног махнул из-за печки вон. Доке честь, доке слава, дока деньги гребет; но недаром говорят, что и в самом раю тошно жить одному. Сгрустнулось добру молодцу, и пошел опять косую искать. Навязал коробью и опустил в яму: баба села, он и потащил ее кверху. Вот уж близко! Баба вверх подымается, а сама зубом скрипит да кулаками грозит. Со страстей затряслись у мужика руки, сорвалась коробья — и загремела косая баба по-прежнему в ад.

437

ла жена худо с мужем жила, ничего мужа не слушала. Велит ²³⁶ муж работать, так она трои сутки спит; велит спать, так несколько не спит. Велит муж пироги пѣчи, а она вздумает на полати лечи; не велит муж печку топить, а она нарочно истопит и выпечет оладий целое ведро. Долго муж с ней бился, и пошел раз по смородину, набрался смородины и пришел до-

мой. Жене стало завидно, она и сама взяла корзинку большую-пребольшую и пошла по смородину. Муж говорит: «Не ходи!» — «Нет, нарочно пойду!» Злая жена дошла до смородинника, не успела сорвать двух ягод, как провалилась в яму, где черти сидели да горшки лепили.

Прошла неделя. Муж говорит: «Дай схожу, посмотрю — что сделалось с женой?» Подходит к смородиннику и слышит в яме страшный крик и визг. Один из чертей закричал: «Крестьянин! Вытащи нас отсюда; злая жена пришла, всех нас приела, прикусила; вытащи! Я сам тебе службу сослужу». Жалко стало крестьянину черта; он спустил в яму веревку и вытащил оттуда черта.

Черт с крестьянином заключил вот какое условие: пойдут они в большой город Вологду; черт будет селиться в жены знатных купцов и бояр, а крестьянин лечить. Дошли они до города. Черт то в ту, то в другую женщину селится, и всякая только примет в себя черта, так и взбеленится, точно с ума сойдет. Придет крестьянин и точно водой смочет, вылечит — как вылечит.

Крестьянину славное житье; везде его принимают, кормят пирогами и рогульками; умирать не надо! Черту стало завидно; поселился он в дочь воеводы и не выходит оттуда. Крестьянин лечит, а толку нет; и выдумал он вот какую хитрость: велел, чтоб все горожане и лакеи с кучерами бегали по улице и кричали благим матом: «Злая жена пришла, злая жена пришла!» Лишь только велел это сделать, как черт насмерть перепугался, выпрыгнул из дочери воеводской — прыг за окошко! Воевода отдал дочь за крестьянина, а злая жена и теперь сидит в тартарары.

438—440. ЖЕНА-СПОРЩИЦА

438

одного мужика была жена сварлива и упряма; уж что, бы-^{237а}вало, захочет, дак муж дай ей, и уж непременно муж согласайся с ней. Да больно она льстива была на чужую скотину; как, бывало, зайдет на двор чужая скотина, дак уж муж и говори, что это ее. Страшно надоела жена мужу. Вот однажды и зашли к ней на двор барские гуси. Жена спрашивает: «Муж, чьи это гуси?» — «Барские». — «Как барские!» Вспылила со злости, пала на пол. «Я умру, — говорит, — сказывай: чьи гуси?» — «Барские». Жена охает, стонет. Муж наклонился к ней: «Что ты стонешь?» — «Да чьи гуси?» — «Барские». — «Ну, умираю, беги скорей за попом».

Вот муж послал за попом; уж и поп едет. «Ну, — говорит муж, — вот и священник едет». Жена спрашивает: «Чьи гуси?» — «Барские». —

«Ну, пускай священник идет, умираю!» Вот исповедали ее, приобщили, поп ушел. Муж опять: «Что с тобой, жена?» — «Чьи гуси?» — «Барские». — «Ну, совсем умираю, готовь домовище¹!» Изготовили домовище. Муж подошел: «Ну, жена, уж и домовище готово». — «А чьи гуси?» — «Барские». — «Ну, совсем умерла, клади в домовище».

Положили в домовище и послали за попом. Муж наклонился к жене, шепчет: «У:: домовище подымают, нести хотят отпевать в церковь». А она шепчет: «Чьи гуси?» — «Барские». — «Ну, несите!» Вот вынесли домовище, поставили в церкви, отпели панихиду. Муж подходит прощаться: «Уж и панихиду, — говорит, — отпели; выносить хотят на кладбище». Жена шепчет: «Чьи гуси?» — «Барские». — «Несите на кладбище!»

Вот и вынесли; подняли домовище опущать в могилу, муж нагинается к ней: «Ну, жена, уж тебя в могилу опускают и землей тотчас засыплют». А она шепчет: «Чьи гуси?» — «Барские». — «Ну, опускайте и засыпайте!» Домовище опустили и засыпали землю. Так уходили бабу барские гуси!

439

Была у одного мужа жена, да только такая задорная, что все ему наперекор говорила. Бывало, он скажет: «Бритое», а уж она непременно кричит: «Стриженое!» Всякий день бранились! Надоела жена мужу; вот он и стал думать, как бы от нее отделаться. Идут они раз к реке, а вместо моста на плотине лежит перекладинка: «Постой, — думает он, — вот теперь-то я ее изведу». Как стала она переходить по перекладинке, он и говорит: «Смотри же, жена, не трясись, не то как раз утонешь!» — «Так вот же нарочно буду!» Тряслась, тряслась, да и бултых в воду. Жалко ему стало жены; вот он влез в воду, стал ее искать и идет по воде в гору¹. «Что ты тут ищешь?» — говорят ему прохожие мужики. «А вот жена утонула, вон с этой перекладинки упала!» — «Дурак, дурак! Ты бы шел вниз по реке, а не в гору; ее теперь, чай, снесло». — «Эх, братцы, молчите! Она все делала наперекор, так уж и теперь, верно, пошла против воды».

440

Мужик обрил бороду и говорит: «Смотри, жена, как я чисто выбрился». — «Да разве это брито? Это так только — стрижено!» — «Врешь, каналья! Говори: брито!» — «Нет, стрижено!» — «Я тебя изобью; говори: брито». — «Нет, стрижено». Муж побил жену и нудит: «Говори: брито, не то утоплю!» — «Что хочешь делай, а стрижено!» Повел ее топить: «Говори: брито!» — «Нет, стрижено!» Ввел ее в глубину по самую шею и толкает в голову; скажи да скажи: брито! Жена и говорить не может, подняла руку из воды и двумя пальцами показывает, что стрижено.

¹ Домовище — гроб.

¹ Вверх, против течения.

441—443. ЖЕНА-ДОКАЗЧИЦА

441

ил-был старик со старухою. Не умела старуха языка держать на привязи; бывало, что ни услышит от мужа — сейчас вся деревня узнает. Пока не повздорят промеж себя — еще туда-сюда, а случится старику со старухой подраться да поколотить ее — она озлится и побежит по людям да на господский двор, всю подноготную расскажет; иной раз вдвое больше наврет, чем правды скажет. По тем наговорам и тащат старика; только успевай спиной расплачиваться.

238a

Вот снова пошел старик в лес за дровами; ступил в одном месте ногою — нога провалилась. «Что за притча! Дай-ка я стану рыть, может — на мое счастье, что и найдется». Взялся за лопату; копнул раз, другой, третий — и вырыл котел полнехонек золота. «Слава богу! Только как домой взять? От жены не укроешься, она всему свету разблаговестит; еще беды наживешь!» Подумал-подумал, зарыл котел в землю и пошел в город, купил щуку да живого зайца, щуку повесил на дерево — на самую верхушку, а зайца посадил в морду.

Приходит в избу: «Ну, жена, какое мне счастье бог послал, только тебе сказать-то нельзя; пожалуй, всем разболтаешь!» — «Скажи, старичок, — пристаёт баба, — право слово — никому не заикнусь; хочешь — побожусь, образ сниму да поцелую». — «Вот что, старуха: нашел я в лесу полон котел золота». — «Экой ты! Пойдем поскорее, домой унесем...» — «Смотри же, старая! Никому не сказывай, не то беду наживем». — «Небось, ты только не сказывай, а я не скажу! Ты когда пьян, всегда хвастаешь!»

Повел мужик бабу, дошел до того места, где щука на дереве висит, остановился, поднял вверх голову и смотрит: «Ну, что глазеешь? Пойдем скорее!» — «Да разве не видишь? Глянь, щука на дереве выросла!» — «Ой ли! Полезай за нею; ужотка на ужин зажарим». Старик слезил на дерево и достал щуку. Пошли дальше. Шли-шли: «Дай, старая, к реке сбегая, в морды посмотрю». Заглянул в морду и давай жену звать: «Глянь-ка, заяц в морду попал!» — «А коли попал, бери его поскорей — к празднику на обед пригодится». Взял старик зайца и привел старуху в лес; отрыли вдвоем котел с золотом и потащили домой. Дело было к вечеру; совсем потемнело. «Старик, а старик! — говорит баба. — Никак овцы режут?» — «Какие овцы! То нашего барина черти дерут». Шли-шли, старуха опять говорит: «Старик, а старик! Никак коровы режут?» — «Какие коровы! То нашего барина черти дерут». Шли-шли; стали к деревне подходить, старуха старику говорит: «Никак волки режут?» — «Какие волки! То нашего барина черти дерут».

Разбогател старик со старухою. Вздурилась старуха пуще прежнего, пошла каждый день гостей зазывать да такие пиры подымать, что муж

хоть из дому беги. Совсем от рук отбилась и слушаться перестала. Старик терпел-терпел, да не вытерпел, схватил ее за косу и давай таскать по полу; досыта потешился! Как только вырвалась баба, сейчас принялась ругаться: «Постой, подлец! Узнаешь меня. Ты хочешь все золото себе забрать; нет, врешь! Я тебя упеку, в Сибири места не сыщешь! Сейчас пойду к барину!»

Побежала к барину, завывала-заплакала: «Так и так,— говорит,— нашел муж полон котел золота и с той самой поры зачал крепко вином зашибать. Я было его уговаривать, а он меня колотить; таскал-таскал за косу, еле из рук вырвалась! Прибежала к вашей милости мое горе объявить, на негодного мужа челом бить: отберите у него, подлеца, все золото, чтоб работал, а не пьянствовал!» Барин позвал несколько дворовых людей и пошел к старику. Приходит в избу и закричал на него: «Ах ты, мошенник этакий! Нашел на моей земле целый котел золота — сколько времени прошло, а мне до сих пор не доложил! Начал пьянствовать, разбойничать да жену тиранить! Подавай сейчас золото...» — «Смилуйся, барин,— отвечает старик,— я знать не знаю, ведать не ведаю: никакого золота не находил». — «Врешь ты, бесстыжие твои глаза! — напустилась на него старуха.— Пойдемте, барин, за мною; я покажу, где деньги спрятаны».

Приводит к сундуку, подняла крышку — нет ничего, пустехонек. «Ах он, плут! Пока я ходила, в иное место перепрятал». Тут барин пристал к старику вплотную: «Покажь золото!» — «Да где ж мне его взять? Извольте про все доподлинно допросить мою старуху». — «Ну, голубушка, расскажи мне толком, хорошенько: где и в какое время найден котел с золотом?» — «Да вот, барин,— начала старуха,— шли мы лесом — еще в те поры щуку на дереве поймали...» — «Опомнись, дура,— говорит старик,— ведь ты заговариваешься!» — «Нет, подлец, я не заговариваюсь, а правду сказываю, еще тут же мы зайца из морды вынули...» — «Ну, пошла! Чай, теперь сам, барин, слышишь! Ну как можно, чтобы звери в реке водились, а рыба в лесу на дереве плодилась?» — «Так потвоему того не было? А помнишь, как мы назад шли,— я сказала: «Никак овцы режут?» А ты отвечал: «То не овцы режут, то нашего барина черти дерут!» — «Врешь, старая! С ума спятила». — «Я опять сказала: «Никак коровы режут?» А ты: «Какие коровы! То нашего барина черти дерут». А как стали подъезжать к деревне, мне почудилось, что волки режут; а ты сказал: «Какие волки! То нашего барина черти дерут...» Барин слушал-слушал, осерчал и ну толкать в шею старуху. После того старуха недолго жила, а старик взял за себя молодую жену, накупил товаров и стал жить-поживать да в городе торговать».

ил старик со старухой; сбили они на реке заезочек¹ и за-
ложили по мордочке. Пошли домой; на дороге увидела ста-
руха клад и давай всем рассказывать. Что с ней делать?
Вздумал старик пошутить над старухой, пошел в поле, пой-
мал зайца и отправился на реку морды смотреть; вынул
одну — а в ней щука попалась. Он щуку-то взял, заместо
ее посадил в морду зайца, а рыбу в поле понес и положил в горох.
Воротился домой и зовет старуху горох крючить². Вот собрались и пое-
хали. Дорогою старик начал сказывать: «Люди говорят, что ныне рыба
в полях живет, а в водах зверь поселился». — «Что ты, старик!» Приеха-
ли в поле. «Вот правда и есть! — закричал старик. — Погляди, старуха,
щука-то в горох заползла!» — «Лови ее!» Старик взял щуку, положил в
пестерёк³: «Пойдем-ка теперь на реку, не попало ли чего в морды?»
Достал морду: «Ах, старуха, ведь люди-то правду сказывают! Погляди,
заяц попал!» — «Держи его крепче, а то, пожалуй, опять в воду ныр-
нет!» Взял старик зайца: «Ну, говорит, поедем клад добывать».

Забрали все деньги и поехали домой. Дорогою усмотрела старуха,
что в стороне медведь корову рвет, и говорит: «Эй, старик, погляди-ка,
медведь корову рвет». — «Молчи, жена! Это черт с нашего барина шку-
ру дерет». Приехали ко двору; старик пошел деньги прятать, а старуха
побежала рассказать соседке; соседка рассказала дворецкому, а дворец-
кий барину. Барин призвал старика: «Ты клад нашел?» — «Никак нет». —
«Твоя старуха сказала». — «Да, пожалуй, ей врать не впервой!» Послал
барин за старухой: «Что, старуха, нашли вы клад?» — «Нашли, батюш-
ка!» — «Как же ты, старик, говоришь, что нет?» — «Что ты врешь, глу-
пая баба! Ну, где мы клад нашли?» — «Как где? В поле; еще в то время
щука в горохе плавала, а заяц в морду попал». — «Врешь ты, старая
кочерга! Где это видано, чтобы рыба в поле жила, а заяц в воде пла-
вал?» — «Ну вот, позабыл! Еще в то самое время черт с нашего барина
шкуру драл...» Барин хлоп ее по уху: «Что ты бредишь, подлая! Когда
черт с меня шкуру драл?» — «Да, таки драл, ей-богу, драл!» Барин рас-
сердился, велел принести розог и заставил при себе ее наказывать. Ра-
стянули ее, сердечную, и начали потчевать; а она знай себе — и под роз-
гами то же сказывает. Барин плюнул и прогнал старика со старухой.

ил мужик на чужой стороне, не заработал ни копейки и по-
шел домой. Стал подходить к своей деревне и думает: как ^{237b}
без денег домой показаться? Попадает ему богатый жид на-
встречу; мужик хватил его топором, ушиб до смерти, день-
ги к себе прибрал, а мертвое тело под куст стащил. Прихо-
дит домой, увидела жена деньги и ну приставать: «Где до-

¹ Заезочек — плетень поперек реки для лова рыбы (Ред.).

² Т. е. снимать с поля (Опыт обл. великорусского словаря, с. 94).

³ Корзина, сплетенная из лык и бересты.

был такую великую казну?» Мужик и проговорись: «Встречного убил, под куст положил; смотри, жена, никому не сказывай!» Проговорился, да и сам не рад: «Ну как разболтает баба? Ведь у них волос длинен, да ум короток! Беда моя будет!»

Побежал поскорей в поле, ухватил-поволок жида в иное место и зарыл где-то в лесной труппе, а заместо его под кустом бросил зарезанного козла; потом закупил целый четверик груш и нацеплял их на вербу; а стояла та верба как раз на дороге к барской усадьбе. День прошел — баба молчит, и другой прошел — все молчит; а на третий черт и попутал. Вишь, муж вчастью дома не живал, так баба с добрым молодцем знакомство свела; доведался мужик, что баба-то гуляет, и давай ее бить-коло-тить — что только силы было! «Ах ты, разбойник,— закричала она,— одного ты убил и денежки обобрал, а теперь и меня хочешь забить до смерти! Пойдем, душегуб, к барину; я на тебя все докажу...»

Пошли судиться к барину. «Стой, жена,— говорит мужик дорогою,— погляди-ка, на вербе груши выросли, давай трусить». — «Давай!» Натрусили полон мешок, снесли домой и опять собрались к барину. Вот и усадьба барская. Стала жена на мужа доказывать: «Батюшка барин! Заступись, оборони от злодея: мой муж человека сгубил, деньги обобрал, мертвое тело под куст положил». — «Что ты врешь, полоумная? Не верьте ей, добрый барин: она у меня издавна завирается. Я козла зарезал, а ей человек почудился». Барин поехал сам осматривать; глянул под куст — зарезанный козел лежит. «Что ж ты клепишь, глупая баба?» — «Нет, барин,— отвечает баба,— я не клеплю, а говорю сущую правду; должно быть он, мошенник, мертвое тело запрятал куда подальше, а заместо его козла подкинул». — «Ну, мужик, признавайся!» — говорит барин. «Да в чем признаваться-то, коли ни душой, ни телом не виноват? Известное дело — баба: волос долог, ум короток; сдуру врет! Она, пожалуй, скажет, что груши на вербе растут,— так ей и верить?» — «Да, так растут! Сегодня полон мешок с вербы натрусили...» — «Пошла вон, дура,— закричал барин,— ты совсем с ума спятила». Пошла баба, несо-лоно хлебавши; а дома мужик опять за плетку и порядком поучил ее: с неделю спина и бока болели!

444. ГОЛОВИХА

дна баба бойка была; пришел муж с совету, она и спрашивает его: «Чего вы там судили?» — «Чего судили-то! Голову выбирали». — «А кого выбрали?» — «Никого еще». — «Выберите меня», — бает¹ баба. Дак что² муж пошел на совет (она зла была, ему хотелось ее проучить), сказал это старикам; те тотчас бабу выбрали в головы. Живет баба, судит и рядит, и вино с мужиков пьет, и взятки берет.

Пришло время подушно собирать. Голова не успел, не мог собрать вовремя; приехал казак, стал спрашивать голову, а баба прятаться: узнала, что приехал казак, бежит скорей домой. «Да куда же я, да куда же я спрятаюсь?» — говорит мужу. — «Завяжи-ка меня, батюшка-муженек, в мешок да поставь вон к мешкам с хлебом-то». Тут стояло с ярицей³ мешков пять. Муж завязал голову, поставил в середку мешков. Казак пришел да говорит: «Э, голова-то спрятался!» Давай-ка по мешку-то плетью хлестать. Баба во все горло заревела: «Ой, батюшка, не пойду в головы, не пойду в головы!» Казак отхлестал, ушел, баба полно головить⁴ и стала после того мужа слушать.

445. МУЖ ДА ЖЕНА

или муж с женой, по виду будто хорошо, да как-то жена²⁴⁰ была мудрена: уйдет муж — она весела, придет — захворает; так и старается ему дело найти, куда-нибудь с рук сбыть; нынче пошлет его туда, завтра в другое место, а без него у нее гулюшки, пирушки! Придет муж — и чисто и прибрано; сама охает, больна, на лавочке лежит. Муж верит, чуть сам не плачет. Вот раз придумала жена послать его за лекарством в Крым-град. Муж пошел. На дороге ему встретился солдат: «Куда ты, мужик?» — «В Крым-град за лечбой!» — «Кто болен?» — «Жена!» — «Воротись, воротись безотменно; я сам дока, я пойду с тобою!» Поворотил его налево кругом, и очутился мужик опять у своего гумна. «Сядь же ты здесь, — говорит дока, — я спроведаю, какова хворая?»

Вошел на двор, приложил ухо к избе — там игры, там скоки, гульба! Забилась солдатская грудь, ударил в дверь, растворилась изба — хозяйка по ней лебедем носится, перед ней молодой парень вприсядку рассыпается, зелено винцо по столу разливается. Пришел солдат вовремя, вы-

¹ Говорит.

² Только что.

³ Ярица — яровой хлеб.

⁴ Быть головою.

Баба яга и мужик. Лубок из собрания Д. Ровинского

пил чарку и пошел вприсядку; полюбился хозяйке: что за солдат, что за детина! Угодлив, догадлив, словно век тут жил! Поутру надо пирожки печь. «Солдат, сходи на гумно, принеси соломки вязаночки».

Солдат пошел; набрал соломы, завернул туда мужа, скрячил¹ веревкой, вскинул за плечи и принес к хозяйке. Хозяйка рада, затянула песенку: «Пошел муж во Крым-град зелья купить, жене зельем живот лечить! Туда ему не доехать и оттуда не приехать!.. Солдат, подтягивай мне!» Солдат начал свою песню: «Чуешь ли, солома, что деется дома?» — «О, твоя нехороша, моя лучше; давай вместе: пошел муж во Крым-град зелья купить, жене зельем живот лечить». Она поет громко, а солдат еще громче: «Чуешь ли, солома, что деется дома? Плеть висит на стене, а быть ей на спине!» Солома почуяла, затряслась, веревка лопнула, вязанка распалась — и выскочил муж, схватил плетку и давай стегать хозяйку. Как рукой сняло — вылечил жену.

¹ Крячить — скручивать веревку палкою при связывании ноши.

446. ВЕЩИЙ ДУБ

ошно молодой жене с старым мужем, тошно и старику с молодой женой! В одно ушко влезет, в другое вылезет, замаячит — в глазах одурочит, из воды суха выйдет: и видишь и знаешь, да ни в чем ее не поймаешь!

Одному доброму старичку досталась молодая жена — плутоватая баба. Он ей слово в науку, она ему в ответ: «Нет тебе, старый лежебок, ни пить, ни есть, ни белой рубахи надеть!» А не стерпишь — слово вымолвишь: дело старое! Вот и придумал он жену выучить. Сходил в лес, принес вязанку дров и сказывает: «Диво дивное на свете деется: в лесу старый дуб все мне, что было, сказал и что будет — угадал!» — «Ох, и я побегу! Ведь ты знаешь, старик: у нас куры мрут, у нас скот не стоит... Пойду побалакать; авось скажет что». — «Ну, иди скорей, пока дуб говорит; а когда замолчит, слова не допросишься». Пока жена собиралась, старик зашел вперед, влез в дубовое дупло и поджидает ее.

Пришла баба, перед дубом повалилася, замолилася, завывала: «Дуб дубовистый, дедушка речистый, как мне быть? Не хочу старого любить, хочу мужа ослепить; научи, чем полечить?» А дуб в ответ: «Незачем лечить, зелья попусту губить, начни масленей кормить. Сжарь курочку под сметанкою, не скупись: пусть он ест — сама за стол не садись. Свари кашу молочную, да больше маслом полей; пушай ест — не жалея! Напеки блинцов; попроси, поклонись, чтоб их в масло макал да побольше съедал — и сделается твой старик слепее кур слепых».

Пришла жена домой, муж на печке кряхтит. «Эх ты, старенький мой, ай опять что болит, ай опять захирел? Хочешь: курочку убью, аль блинцов напеку, кашку маслом полью? Хочешь — что ль?» — «Съел бы, а где взять?» — «Не твоя печаль! Хоть ты и журишь меня, а все тебя жалко!.. На, старинушка, ешь, кушай, пей — не жалея!» — «Садись и ты со мною». — «Э, нет, зачем? Мне б только тебя напитать! Сама я там-сям перекушу — и сыта. Ешь, голубчик, помасляней ешь!» — «Ох, постой, жена! Дай водицы хлебнуть». — «Да вода на столе». — «Где на столе? Я не вижу». — «Перед тобою стоит!» — «Да где же? Что-то в глазах темно стало». — «Ну, полезай на печку». — «Укажи-ка, где печь? Я и печь не найду». — «Вот она, полезай скорее». Старик собирается головой в печь лезть. «Да что с тобой? Ослеп, что ли?» — «Ох, согрешил я, жена! Сладко съел, вот божий день и потемнел для меня. Ох-хо!» — «Экое горе! Ну, лежи пока; я пойду, кое-что принесу».

Побежала, полетела, собрала гостей, и пошел пир горой. Пили-пили, вина не хватило; побежала баба за вином. Старик видит, что жены нету, а гости напитались и носы повесили; слез с печи, давай крестить — кого в лоб, кого в горб; всех перебил и заткнул им в рот по блину, будто сами подавились; после влез на печь и лег отдохнуть. Пришла жена, глянула — так и обмерла: все други, все приятели как боровы лежат, в зубах блины торчат; что делать, куда покойников девать? Зареклася баба гостей собирать, зареклася старика покидать. На ту пору шел мимо

дурак. «Батюшка, такой-сякой! — кричит баба. — На тебе золотой, душу с телом пусти, беду с нас скости!» Дурак деньги взял и потащил покойников: кого в прорубь всадил, кого грязью прикрыл и концы схоронил.

447. ДОРОГАЯ КОЖА

В одном селе жили два брата — Данило и Гаврило. Данило²⁴² был богатый, а Гаврило бедный; только и живота было у Гаврилы, что одна корова, да и тому Данило завидовал. Поехал Данило в город закупить кое-что и, воротясь из городу, пришел к брату и говорит: «Что ты, брат, держишь корову? Я был сегодня в городе и видел: там коровы очень дешевы, по пяти и шести рублей, а за кожу двадцать пять дают». Гаврило поверил ему, заколол корову и приел говядину, после дождался рынку и отправился в город. Приехал в город и поволок продавать кожу. Увидел его кожевник и спрашивает: «Что, любезный, продаешь кожу?» — «Продаю». — «Что просишь?» — «Двадцать пять рублей». — «Что ты, безумный! Возьми два с полтиной». Гаврило не отдал и волочил кожу целый день; никто ему не дает больше. Наконец, поволок ее мимо гостинного ряду; увидел его купец и спрашивает: «Что, продаешь кожу?» — «Продаю». — «Дорого ли просишь?» — «Двадцать пять рублей». — «Что ты, шальной! Где слышал про такие дорогие кожи? Возьми два с полтиной». Гаврило подумал-подумал и сказал: «Так и быть, господин купец, уступлю тебе! Только поднеси мне хоть водки стакан». — «Хорошо, об водке ни слова!» Отдал ему купец два с полтиной да вынимает из кармана платок и говорит: «Ступай вон в тот каменный дом, отдай хозяйке платок и скажи, что я велел тебе поднести полон стакан вина».

Гаврило взял платок и пошел; приходит в дом, хозяйка его и спрашивает: «Ты зачем?» Гаврило ей говорит: «Так и так, сударыня, продал я твоему хозяину за два с полтиной кожу, да еще вырядил полон стакан вина; дак он меня сюда послал, велел тебе платок отдать да сказать, чтобы ты винца поднесла». Хозяйка тотчас налила стакан, только немного не полон, и поднесла Гавриле; он выпил и стоит. Хозяйка спрашивает: «Что ж ты стоишь?» Гаврило говорит: «У нас была ряда — полон стакан вина!» А в то время сидел у купчихи полюбовник, услышал он эти слова и говорит: «Налей ему, душа, еще!» Она налила еще полстакана; Гаврило выпил и все стоит. Хозяйка опять спрашивает: «Теперь чего дожидаться?» Отвечает Гаврило: «Да у нас ряда была — полон стакан, а ты полстакана подала». Любownik велел поднести ему в третий раз; тогда купчиха взяла графин с вином, стакан отдала Гавриле в руки и налила его так, что через край побежало. Только Гаврило выпил, а хо-

зяин на ту пору домой грядет. Она не знает, куда полюбовника девать, и спрашивает: «Куда ж я тебя спрячу?» Любовник забежал по горнице, а Гаврило за ним да кричит: «Куда я-то денусь?» Хозяйка отворила западню и пихнула обоих туда.

Хозяин пришел и привел еще с собой гостей. Когда они подпили, то начали песни запевать; а Гаврило, сидя в яме, говорит своему товарищу: «Как хочешь — это любимая батюшкова песня! Я запою». — «Что ты, что ты! Пожалуйста, не пой. На тебе сто рублей, только молчи». Гаврило взял деньги и замолчал. Немного погода запели другую; Гаврило опять говорит товарищу: «Как хочешь, а теперь запою; это любимая песня матушкина!» — «Пожалуйста, не пой! На тебе двести рублей». Гавриле то на руку — уже триста рублей есть; спрятал деньги и молчит. Вскоре запели третью песню; Гаврило говорит: «Теперь хоть четыреста давай, дак запою». Любовник его всячески уговаривать; а денег больше нет. Хозяйка услышала, что они там ерошатся, отперла западню и спросила потихоньку: «Что вы там?» Любовник потребовал пятьсот рублей; она живо вернулась, подала пятьсот рублей, Гаврило опять взял и замолчал.

Как-то попалась тут Гавриле подушка и бочонок смолы; он приказал товарищу раздеться. Когда тот разделся, он окатил его смолой; потом распорол подушку, рассыпал пух и велел ему кататься. Вот как тот выкатался в пуху, Гаврило растворил западню, сел на товарища верхом, едет, а сам кричит: «Девятая партия из здешнего дому убирается!» Гости увидали и кинулись по домам; думают, что то черти явились. Так все и разбежались, а купчиха стала говорить своему мужу: «Ну вот! Я тебе говорила, что у нас чудится». Купец сдуру-то возьми да и поверь, и продал свой дом за бесценок.

Гаврило пришел домой и послал своего старшего сына за дядей Данилом, чтоб пришел к нему деньги пересчитать. Сын пошел, стал звать своего дядю; а тот ему смеется: «Да что у него считать-то? Али Гаврило двух с полтиной сосчитать не может!» — «Нет, дядя, он много принес денег». Тогда жена Данилова стала говорить: «Подь, сходи! Что, тебе не охота? Хоть посмеешься над ним». Послушался Данило жены и пошел. Вот как Гаврило высыпал перед ним кучу денег, Данило удивился и спрашивает: «Где ты, брат, взял столько денег?» — «Как где? Ведь я корову заколол да кожу в городе продал за двадцать пять рублей; на те деньги сделал оборот: купил пять коров, заколол да кожи опять продал по той же цене; так все и перебивался». Данило услышал, что брат его так легко нажил богатство, пошел домой, заколол всю свою скотину и стал дожидаться рынку; а как время было жаркое, то говядина у него вся испортилась. Повез продавать кожи, и дороже двух с полтиной никто ему не дал. Так-то ему дался барыш с накладом, и стал он жить беднее Гаврилы; а Гаврило пошел на выдумки, да и нажил себе большое богатство.

448. КАК МУЖ ОТУЧИЛ ЖЕНУ ОТ СКАЗОК

243

ил себе дворник. Он имел у себя жену, которая страсть как любила сказки, и запретила она пушать к себе в постойщики тех, кто не умел сказки сказывать. Ну, разумеется, мужу то убыточно, он и думает: «Как бы мне жену отучить от сказок!» Вот однажды в зимнюю пору, поздно ночью, идет себе старичок, весь иззяб, и просится переночевать. Муж выбегает к нему: «А что, — говорит, — умеешь ты сказки сказывать? Жена не велит пушать никого, кто не умеет сказки сказывать». Мужик видит — дело плохо, от холода чуть не мерзнет. «Умею», — говорит. «А долго будешь сказывать?» — «Да всю ночь».

Ну, вот хорошо. Впустили мужика. Муж говорит: «Ну, жена, вот мужик посулился всю ночь сказывать сказки, да только с тем, чтоб поперечки¹ ему не делать и не перебивать». Мужик говорит: «Да, поперечки не делать, а то сказывать не буду». Вот поужинали, легли спать; мужик и начал: «Летела сова мимо сада, села на колоду, выпила воду; летела сова мимо сада, села на колоду, выпила воду...» И пошел твердить все одно и то же: «Летела сова мимо сада, села на колоду, выпила воду...» Хозяйка слушала, слушала, да и говорит: «Что ж это за сказка, все одно и то же твердит!» — «Так для чего же ты меня перебиваешь? Ведь я говорил, чтобы мне поперечки не делать; ведь это так уж сказка сказывается вначале, а там пойдет другое». Вот муж, услышавши это, а ему то и нужно было, скочил с лавки и давай жену колотить: «Тебе сказано, чтоб ты не поперечила! И сказку не дала кончить!» Уж он бил-бил, бил-бил, так что жена возненавидела сказки и с тех пор зареклась сказки слушать.

449. ЛУБОК

ув собі в однім пустім місці хутор невеличкий. В хуторі²⁴¹ жила сім'я одна, і невеличка: був там старесенький дід да син його жонатий — звався він Нечипір, да ще не дуже великий син од Нечипора. Дід був зовсім без моші: ходючи він згинався уже дуже, голова у його була біла-біла, мов молоком облита, а робити — дак зовсім нельзя було йому, бідному. Нечипору се було дуже не по нутру; йому усе хотілося, щоб батько що-небудь да робив. Надумався Нечипір да й каже: «Згублю я батька, годі йому жити! Мені і так приходиться гірко жити да хліб добувати».

¹ От глагола: *перечить* — возражать.

Прийшла зима. Нечипір достав з гори предовгий да широкий луб, узяв свого сина да й каже батькові старому: «Ходімо, тату, в поле; годі тобі жити! Ні сам не будеш мучитись, ні нас не будеш мучити». І повели старого батька. Почувши річ таку, батько тільки заливався гіркими слізами — більш нічого. Довіз Нечипір діда до дуже глубокого яру, посадив його, старесенького, на лубок, що приніс з собою, спустив на нім батька у самий низ да й каже: «Прощай тепер, тату! Не поминай нас лихом!» І вже хотів іти додому, аж внучок того діда і каже батькові: «Тату! Возьми ж лубочок з собою». — «А нащо він? Нехай там застається». — «Як нащо? Адже як будеш і ти такий старик, як дід мій, то й я тебе посадив би на той лубок та й спустив би».

Тоді Нечипір хопився за висок: «Дурний, дурний я! Що зробив! Спасибі ж тобі, сину, що ти дурного батька на ум та на разом наставив!» І швидче кинувся у яр, взяв батька старого з собою, попросив у його опрощення і став кормити до самісінької смерти, щоб і його діти не покидали.

450. КРЕСТ — ПОРУКА

Водном было городе — жили два купца по самый край речки: ²⁴⁵ один русский, а другой татарин; оба были богатые люди. Только русский по каким-то торговым делам обанкрутился, так что у него не осталось ничего из пожитков; всё описали и обобрали. Нечего было делать русскому купцу — остался гол как сокол; пошел к своему приятелю татарину и просит у него займы денег. Татарин говорит: «Давай поручителя!» — «А кого ж я тебе дам, когда у меня нет никого? Ну да постой, вот тебе порука — на церкви животворящий крест!» — «Хорошо, друг! — говорит татарин. — Я кресту вашему поверю; для меня все равно, что ваша вера, то и наша». И дал русскому купцу пятьдесят тысяч рублей. Русский взял деньги, распростился с татариним и отправился опять торговать по разным местам.

Через два года на эти пятьдесят он нажил сто пятьдесят тысяч рублей, и случилось ему с товаром плыть по Дунай-реке из одного места в другое; вдруг поднялась буря, так и хочет судно потопить. Тут купец и вспомнил, что брал деньги и давал в поручителя животворящий крест, а долгу не заплатил: так, верно, оттого и буря поднялась! Только подумал это, как стала буря утихать. Купец взял бочонок, отсчитал пятьдесят тысяч рублей, написал к татарину записку, положил ее вместе с деньгами в бочонок и бросил тот бочонок в воду, думая про себя: «Когда я давал в поручителя крест, так он и доставит!»

Бочонок тотчас же на дно пошел; все так и думали, что деньги потеряются. Что же случилось? Жила у татарина русская стряпка. Вот од-

нажды случилось ей идти на реку за водой; приходит и видит — плавает бочонок; побрела по воде и давай его хватать — не тут-то было! Она к бочонку, а бочонок от нее; она от бочонка к берегу, а бочонок за ней плывет. Так она билась-билась немалое время, пошла домой и рассказала про то своему хозяину. Он сначала было ей не поверил, а потом сам решился идти на реку и посмотреть, что за бочонок такой там плавает. Приходит туда — бочонок, точно, плавает, и недалеко от берега. Татарин снял с себя одежду, зашел в воду, и только что побрел, как бочонок сам к нему подплывает; взял татарин бочонок, принес домой и раскупорил; заглянул, а в бочонке деньги лежат, наверху денег записка виднеется. Взял он — прочитал записку, а в ней вот что говорилось: «Любезный друг! Возвращаю тебе пятьдесят тысяч рублей, которые когда у тебя занимал, то давал тебе в поручители животворящий крест».

Татарин прочитал и удивился силе животворящего креста; пересчитал деньги: все ли налицо? Деньги оказались все сполна. Меж тем русский купец, поторговавши лет с пяток, нажил порядочный капиталец; приезжает в свое место и, думая, что бочонок его пропал, за первый долг поставил рассчитаться с татариним; приходит он к нему и отдает занятые деньги. Тогда татарин рассказал купцу все, что было, и как он поймал на реке бочонок с деньгами и с запиской; показал ему эту записку и спросил: «Точно ли это твоей руки?» Тот отвечал: «Точно, моей». Все подивились чудному явлению, и татарин сказал: «Так мне, брат, не нужно с тебя других денег получать; неси-ка их назад». Русский купец отслужил богу благодарственный молебен; а татарин на другой же день крестился со всем своим семейством. Русский купец был у него крестным отцом, а стряпка — крестною матерью. После того жили они оба долго и счастливо; прожили до глубокой старости и скончались в мире.

451. ОБ ОТЦЕ НИКОЛАЕ

В одном городе был вороватый человек, и наделал уже много бед. Однажды случилось ему обокрасть богатого человека; дело это подметили и послали за ним погоню. Долго он бежал лесом, а впереди того леса была чистая степь верст по крайней мере на десять. Как пробежал весь лес, остановился и не знает, что ему делать. Если бежать по степи, то сейчас поймают, потому что версты на две все видно, а погоня, слышит, уже близко. Тогда-то он начал молиться: «Господи! Прости мою душу грешную; батюшка отец Николай, сокрой меня — я тебе гривенную свечку поставлю».

Вдруг ниоткуда взялся — предстал человек пожилых лет и спрашивает вора: «Что ты теперь говорил?» Вор отвечает: «Вот что я говорил:

«Батюшка отец Николай, сокрой меня в этой глуши». И обещался ему свечу поставить». Тут он покаялся старичку в своем грехе. Старик ему сказал: «Если хочешь, полезай в это падалище!» А тут неподалеку лежала падаль. Нечего было делать вору, надо было лезть в падаль, потому что пойману быть не хочется. Залез он туда, а старичок в ту же минуту невидим стал. Тот старичок был сам отец Николай.

Вот приближается погоня; выехали люди на степь, отъехали с полверсты — никого не видать, и воротились обратно; а вор лежит в падалище, еле дышит — такой гнилой дух! Когда проехала погоня мимо, он вылез оттуда и видит опять того же старичка — стоит неподалечку да собирает воск. Вор подходит к нему, благодарит за избавление; тогда старичок снова спросил: «А что ты обещал отцу Николаю, когда искал убежища?» Вор отвечает: «Я обещался сменить гривенную свечу». — «То-то и есть! Как тебе было душно лежать в падалище, так и отцу Николаю было бы душно от твоей свечи». И дал ему старичок наставление: «Никогда не проси господ бога и святых его угодников на злые дела, потому что господь не благословляет злых дел. Да смотри же, помни мои слова, да и прочим скажи, чтоб никогда не просили бога в худых делах!» Сказал это и скрылся из глаз.

452. СКРЯГА

Жил-был богатый купец Марко — скупей его не было! Раз ²⁴⁷ как-то пошел он гулять; идучи дорогою, увидел нищего: сидит старец и просит милостыни: «Подайте, православные, Христа ради!» Марко Богатый прошел мимо. Следом за ним шел на ту пору бедный мужик, возжалел нищего и подал ему копеечку. Стыдно показалось богатому, остановился он и говорит мужику: «Послушай, земляк, дай мне взаймы копеечку; хочется убогому подать, да мелких нету!» Мужик дал ему и спрашивает: «А когда за долгом приходиться?» — «Завтра приходи!» На другой день бедный идет к богатому за своей копеечкою. Пришел на его широкий двор: «Что, Марко Богатый дома?» — «Дома! Тебе что надо?» — спрашивает Марко. «За копеечкой пришел». — «Ах, брат, приходи после; ну, право, мелких нет». Бедный поклонился и назад. «Я, — говорит, — приду завтра». Наутро приходит — опять то же: «Мелких денег вовсе нет, коли хочешь, давай с сотенной сдачи... а не то приходи через две недели». Через две недели снова идет бедный к богатому, а Марко Богатый увидел его в окно и говорит жене: «Слушай, жена! Я разденусь догола и лягу под святые; а ты покрой меня полотном, сиди и плачь словно над мертвым. Когда придет мужик за долгом, скажи ему, что я сегодня помер».

Вот ладно, как муж приказал, так жена и сделала: сидит да горючими слезами заливается. Приходит мужик в горницу, она его и спрашивает: «Тебе что?» — «За должком к Марку Богатому», — отвечает бедный. «Ну, мужичок, Марко Богатый приказал долго жить; сейчас только помер». — «Царство ему небесное! Позволь, хозяйка, за мою копеечку послужи ему — хоть грешное тело обмою». С этим словом ухватил чугуи с горячей водою и давай Марка Богатого кипятком ошпаривать. Марко еле терпит, морщится да ногами дрыгает. «Дрыгай не дрыгай, а копейку подай!» — говорит бедный. Обмыл, снарядил как надо. «Ну, хозяйка, покупай гроб да вели в церковь выносить; я стану над ним псалтырь читать». Положили Марка Богатого в гроб и вынесли в церковь; а мужик стал над ним псалтырь читать.

Наступила темная ночь. Вдруг открывается окно и лезут в церковь воры-разбойники; мужик за алтарь спрятался. Воры влезли и начали меж собой добычу делить; все поделили, остается золотая сабля — всякий к себе тащит, никто не уступает. Бедный как выскочит, как закричит: «Что вы спорите? Кто мертвецу голову отрубит, того и сабля будет!» Марко Богатый вскочил сам не свой. Воры испугались, побросали свою казну и кинулись бежать. «Ну, мужичок, — говорит Марко, — давай деньги делить». Разделили поровну; много досталось и тому и другому. «Что ж копеечку?» — спрашивает бедный. «Эх, брат, сам видишь — мелких нет!» Так-таки и не отдал Марко Богатый копеечки.

453—527

НАРОДНЫЕ АНЕКДОТЫ

453

Їхав Остап з Ромна, а Федір — у Ромен, і зустрілись¹. Остап і пита^{249a} у Федора: «Звідкіля?»² — «З Ромна», — кає³ Федір. «А що?» — «Вола». — «А як?» — «Тридцять». — «Гум!..» — «Ге!» І розїхались собі.

454

Йшов москаль по селу нічю, а ніч була місяшна. Бог його святий зна,^{249b} кудись місяць і сховавсь⁴; пани кажуть, що то було якесь-то лунне затміння. Москаль подививсь, що нема на небі місяця, да й пита у якогось мужика, котрий йому навстріч² йшов: «А што энто на небе делается?» — «Да я не здешний, господин служивый, — кає мужик, — спросить у тутешніх».

455

«Де се ти був, — пита Нечипір¹ Степана, — що тебе так довго не було видно?» — «Ге, де? У татарви!» — «У татарви! Чого?» — «Воювати ходив». — «А чи зрубав хоть єдиного татарюгу?» — «А тож і ні!» — «А як же ти його зрубав?» — «Да такечки: іду собі полем і брязкочу шаблюкою², аж зирк³ — під вербою лежить здоровенний татарюга і руки розкидав. Ото і підкрався да із-за верби йому єдну руку і відтяв⁴ шаблюкою, а він лежить; я йому і другу відтяв, а він усе лежить!» — «Е, дурний⁵ же ти, Степане! — кає Нечипір. — Ти б йому голову перш⁶ відтяв». — «Ге, — каже, — я і сам так думав, да голови не було».

¹ Встретились.

² Откуда.

³ Говорит.

⁴ Спрятался.

⁵ Навстречу.

⁶ Никифор.

² Саблюю.

³ Глядь.

⁴ Отсек, от глагола: *тяти, тнути* — сечь, бить.

⁵ Глупый.

⁶ Наперед.

456

«Що то за суш така! — казав пан писар пану голові. — Колиб-то дощик зпризнув — то усе б полізло із землі. — «Ковінька¹ тобі на язик, пане писарю! — кає голова. — Уже ж там у мене три жінки, да не дай же то боже, як вони вилізуть!»^{249d}

457

Заснув мужик на возі да і наїхав на верству; коні стали, мужик і проснувся да й кає: «Оце бісова тіснота! Да що то за розумні люди були: не знали, де постановити верству!»^{249e}

458

Продав Грицько борошно¹ в губернії² і купив собі добрі шкапові³ чоботи⁴, вимазав їх добрим дьогтем і напився губерньської горілки⁵ всмак⁶, так що ледве⁷ виліз з губернії. Далі вже не міг іти, упав на шляху⁸ да і заснув, а москалі шли да і зняли чоботи. На другий день уранці іде мужик з того села, з якого був і Грицько. Ото він, бач — той, що їхав, підходе до Грицька да і буде його: «Вставай, кажу, Грицько!» — «Да ще рано», — кає Грицько. «Да яке тобі рано?» — «Геть⁹, кажу тобі!» — кає Грицько, розсердившись. «Бач, ще й гнівається! Прийми хоч ноги з шляху, дай проїхати». Глянув Грицько на свої ноги і баче, що нема чобіт, да і кає: «Се не мої, мої в чоботах!»^{249f}

459

«Що це з тобою робиться? — кає батько своєму синові. — Чи у тебе лихоманка, чи що, що ти нічого і не їси? Чи їв ти сьогодні що?» — «Ні, — кає син, — мати уранці дала краюшку хліба, да черству, я хотів в ведро обмочити, да не влізла, дак я і сухую згриз; більш¹ нічого не їв».^{249g}

460

Сів Охрім з своєю жінкою Солохою на великопісні запуски¹ запускати. Солоха чи що з'їла, чи не з'їла, а Охрім усе поїв, і печене, і варене, да ще он цілу макитру² гречаних вареників вм'яв³, і не здужа, сердега, вже встати з покуття да й кає жінці: «Солоха, Солоха! Ке⁴ лишень сюда подушки». —^{249h}

¹ Закорючка.

² Муку.

³ В губерньском городе.

⁴ Шкаповий — яловий, то есть сапоги из телячьей кожи.

⁵ Сапоги.

⁶ Водки.

⁷ Всласть.

⁸ Едва.

⁹ На дороге.

¹⁰ Прочь.

¹¹ Больше.

¹² Великопостное заговенье.

¹³ Большая глиняная ендова, сосуд.

¹⁴ Умял, съел.

¹⁵ Дай.

«На що тобі? Хіба на примосці місця мало?» — «Ох, лишечко ж мені!» — гвалтує Охрім. «Да що там таке з тобою?» — «Ох, голубочко ж моя Со-лоха! Скажи ж мені: чи усі миряне сьгодні їли вареники?» — «А як же, усі!» — «Про-о-пали ж теперічки усі миряне!»

461

Зібралися з нашого села хлопці, може їх там було із семеро або й більш.²⁴⁹ⁱ Да пішли в губернію на ярманок. Ходять собі по ярманку да й думають, щоб то губернське купити, да таке, щоб усім було в диковину. Аж зирк, москаль несе фузію¹! «А що, браця, — кає коваль², — чи не купимо фузію у москаля?» — «А що ж, — гукнули³ хлопці, — коли куповать, то й купи-мо!» Ото й купили фузію, купили маку — се то бач, пороху купили і шро-ту⁴, да й пішли додому. Ідучи дорогою, один хлопець кає: «А що, браця, трельнимо⁵ з фузії!» — «Коли трельнимо, то й трельнимо!» — «А хто буде триляти?» — питає один. «Да хто ж, — гукнули усі, — як не коваль, се вже звісно!» Ото коваль узяв фузію, усипав в неї жменю⁶ маку да і хотів уже триляти. «Тривай⁷, тривай! — гукнули хлопці. — А ще ми не сипали маку». — «Ну, сипте і ви» — кає коваль. Хлопці повну фузію насипали ма-ком да й кажуть: «От теперечки триляй, а ми з боків станемо да будемо ди-витись⁸, як вона пальне»⁹. — «А куди триляти?» — питається коваль. «Да туди, на татарву», — гукнули хлопці. Коваль трельнув — і фузію упустив і сам упав, а після як очунявся¹⁰ да поглядів, що вся у нього мор-да в пасоці¹¹, а хлопці — де який без очій, а де який зовсім мертвий ле-жить, аж жах¹² його пройняв. А далі і кає: «Оце бісова фузія! Скільки тут людей побила! Чого ж вона наробила¹³ у татарви?»

462

«Прохоре! — кає Омелько. — А на шо оце у тебе висе рушниця¹, хіба^{249k} ти умієш триляти?» — «От таке! — каже Прохір, — атож і не умію? Лас-тівку кулею² так і зчешу». — «Еге, а зіб'єш кулею у мене з голови шап-ку?» — «Зіб'ю». — «Ні, не зіб'єш!» — «Ні, зіб'ю». — «А шо?..» — «Квар-ту горілки». — «Добре!» Ото і пішли Прохір і Омелько у поле; сів Прохір на пні, а Омелько відміряв³ п'ятнадцять ступенів да й ціле прямісенко в Прохорову кучку⁴, а Прохір тільки зна натягує шапку, щоб не збив її Омелько. Трельнув Омелько. Прохір як сніп покотився. «А шо, — кає Омелько сам собі, — не збив, пропала кварта горілки!» А далі як підійшов

¹ Ружье.

² Кузнец.

³ Закричали, воскликнули.

⁴ Дроби.

⁵ Стрельнем.

⁶ Горсть.

⁷ Погоди.

⁸ Смотреть.

⁹ Выпалит.

¹⁰ Очнулся.

¹¹ В крови.

¹² Ужас, страх.

¹³ Наделала.

¹ Ружье.

² Пулею.

³ Отмерил.

⁴ Кучма — особенный род крестьянской шапки.

да побачив, що Прохір зовсім умер, зняв з його кучму — аж куля наскрізь голову пробила. «Еге, — сказав сам собі, — оце я понизив!»

463

Купив собі мужик нові шкапові чоботи, жінці накупив каблучків¹, а дочці сережки. Прийшов празник, ото усі і понадівали свої обновки. Мужик сів на покуття, виставив ногу і човга², щоб то бачили його чоботи, і кає жінці: «А чому се у нас хата не метена?» Жінка виставила поперед себе руки, розтопирила пальці, щоб то бачили її каблучки, да й каже: «Чи я ж не казала!» А дочка замотала головою, так що сережки зателипались³, да кає: «Ото лихо, скільки її разів на день мести?»

464

Накинув Грицько кона арканом да й тягне на гору, а кінь тягне під гору; аркан хоть і дуже кріпкий був, да порвався, а кінь сторч¹ головою покотивсь. Баче Грицько, що кінь перевертнем чеше, да й каже: «Оце бісова скотина, яка сильна! Бач, новий аркан як перегорів!» А Никита і пита у Грицька: «Яка ж скотина, чи та, що перевернулась, чи та, що стоїть?»

465

Продав мужик товар да пішов дьогтю купити, да увійшов в таку, бач, лавку, де фиги-миги продають і всякі ласощі¹. Ввійшов, поставив мазницю біля чобота да і дивиться. Купець його і пита: «Чого се тобі надобно?» — «Я дивлюсь, — кає мужик, — що тутечки продається?» Купець і розсердився на мужика да й закричав: «Дураки, дураки, дураки!» — «Оце да й розход на них великий, — кає мужик, — оце ти тільки один і зоставсь!»

466

«Дивись, тату¹, від чого се: інший колосок, як поглянеш, так до землі і припада, а інший як стовбур² стоїть?» — «Гай, гай! — кає батько, — бачу, що ти ще нерозумний, і того не втелепав, з дуба виріс, а ума, бачу, не виніс! Ото котрий повний, то так до землі і припада, а котрий пустий, то так до гори і дереться». — «От тепер же то я, тату, й догадався — від чого се наш писар Іван Гургуня так до гори ніс дере!»

467

«Хто там до тебе приїздив учора, — питає пан у свого мужика, — що ти до мене прибігав за самоваром?» — «Да якійсь пан». — «Да який же, як його прозвище?» — «Оце й забув. Такось як на птаха скидається; є птах

¹ Колець, перстней.

² Кошьет, качает.

³ Телпаться — болтаться.

¹ Торчмя.

¹ Лакомства.

¹ Отец.

² Обрубок каменный или деревянный.

такий». — «Сорочинський?» — кає пан. «Ні». — «Гороб'євський?» — «І то ні!» — «Синицький?» — «Да ні. О, щоб його! От на умі вертиться, да не згадаю...¹ Вербицький, Вербицький, пане! Насилу згадав». — «Ти же казав, що його прозвище на птаха скидається?» — «Ге! Да шо, хіба птах на вербі і не сидить?»

468

Приходе мужик до пана, ввійшов у горницю да й став, а у пана був попугай, котрий тільки і умів казати: «Дурак мужик!» Мужик стоїть у порога, а попугай усе кає: «Дурак мужик!» А мужик усе йому кланяється, а далі і каже: «Звините, ваше благородіє! Я думав, що ви птиця».^{249g}

469

«Чого се ти дома сидиш, — казала жінка мужикові, — чому се ти не поведеш вола в Москву? Там, кажуть, хороші грóші дають за волів». — «Оле! І то правда, спасибі, що нагадала». Ото і повів мужик вола в Москву продавати, і стріча¹ його у Москві москаль і кає: «Здоров, хахол!» — «Будте здорові, москалю!» — «Што, брат, продаєш козла?» — «Якого козла?» — «Што ведеш за рога». — «Да се віл!» — «Што ты, безмозглий хахол, дурачить, што ль, пришол?» — «Да біг з вами, се віл!» — «Да бог с тобою, хахол, это козел, тебя ешшо поколотят, как будеш говорить, што это вол». — «Одчальюте², одчальюте, москалю! Я бачу, що у вас не усі дома». — «Погоди, отчалит хто-нибудь тебя!» Мужик повів вола далі, а москаль перевулками побіг да знову йому навстріч йде. «Здоров, хахол!» — кає москаль. А мужик і не втелепав³, що то той самий москаль, що перше здоровкався, да й кає: «Здорові були!» — «Не продаєш ли козла?» Мужик глядить на москаля да й дума: «Чи вони подуріли, сі москалі, що на вола кажуть козел!» — «Ну, што вылупил глазища? Тебя спрашивают, не продаєш ли козла?» — «Да який се козел, се віл». — «Где вол?» — «Да оце!» — «Вот тебе, проклятый хахол, штоб не дурачил людей!» — і дзвизнув⁴ москаль мужика по потилиці⁵ і пішов собі. «Оце лихо!» — дума мужик; уж сам собі, сердега, не віре. «Може, се манія⁶ яка! Побачу, що буде далі, а то й брошу — цур йому!» Повів вола далі, а москаль — що то за хитрий був! — побіг да надів вже мундер да й знов іде навстріч мужикові, щоб то, бач, зовсім з пантелику збити⁷. «Эй ты, лоботряс! Што заплатил за козла?» Злякавсь⁸ бідний мужик: «Оце лихо! — дума сам собі. — Я й казав, що се манія яка, а не віл!» — да уже зрадовавсь, що москаль озвався. «Цур йому, щоб я за собою манію водив!.. Я його продаю», — кає москалю. «А што просишь?» — «Да десять карбованців». — «Што-о! Ах ты, мужицкая твоя харя! Да где же ты слышал, штобы за коз-

¹ Не вспомню.

² Встречает.

³ Отчаливайте.

⁴ Не признал, не смекнул.

⁵ Ударил.

⁵ По затылку.

⁶ Призрак, привидение.

⁷ С разума сбить.

⁸ Испугался.

ла платили по десяти цалкових?» — «Да не серчайте бо, господин служивый! Ви кажіть, що даєте». — «Цалковый». — «Накиньте хоть що-небудь!» Москаль баче, що мужик зовсім здурів, ну торговаться, і виторговав вола за два карбованця.

Пішов мужик додому, ввійшов у хату, кинув на піл батіг і шапку, став да й дивиться на жінку. «Ну що, — питає його жінка, — продав вола?» — «Якого вола?» — «Да бурого, що в Москву повів». — «Ге, вола! Був віл, да зкозлятивсь⁹!»

470

Не про́дав мужик вола в губернії і веде додому, закинув йому ланцюг¹ ^{249a} на роги; а москалі відрізали ланцюг да прив'язали свого брата москаля, а вола повели знов на ярманок у губернію. Ото прив'язаний москаль як смикне² за ланцюг, мужик і оглянувся і баче, що замість³ вола прив'язана служба⁴. «Що се таке?» — кає сам собі. А москаль кає йому: «Пусти меня, мужичок! За што ты меня привязал, ведь я тебе ничаво не сделал». Мужик спугався да і ланцюг упустив, а москаль тим часом взяв да утік⁵. Вернувся знову мужик в губернію і баче, що його вола москалі вже продають на ярманці, а знакомий чоловік з їх же села торгує того вола; ото він підійшов до нього да й кає: «Эй, брате, не купиуй сього вола! Се не віл, а манія: от тепер він зовсім як віл, а виведеш за губернію, то й стане служба!»

471

Приїхав Грицько у Москву і став біля дзвониці¹ Великого Івана да ^{249b} галкі й пита, а на ту біду йде москаль да й пита Грицька: «Што ты, хахол, делаешь?» — «Галкі питаю, господа служба!» — «Как, што? Галки считаешь?» — «Еге!» — «Как же ты смеешь казенные галки считать, а?» — «Хіба ж вони справді казённі?» — «А ты, безмозглой, и энтаво не знал! Пойдем в полицию». — «Да за що, господа служба, в поліцію?» — «Как за што? За галки». — «Да помилуйте!» — «Што тут с тобою толковать, пойдем, говорят; а не то за шиворот поташу!» — «Да помилуйте-бо! Може, вам грошей треба?» — «А сколько ты галок насчитал?» — «Да усього тільки два десятка». — «По гривне за штуку!» — «Да звольте ж, тільки помилуйте!» Поліз у кишеню² Грицько, достав мідяків пригош³, відчитав москалеві два рублі, да мерщій⁴ від нього, прибіг до своїх да й сміється. «Чого се ти смієшся?» — питаються його хлопці. «Ких, ких, ких! Оце обдурив москаля; кажуть, що москаля не обдуриш; я начитав галок може сотні з дві, а сказав йому тільки двадцять!»

⁹ Окозлятнися.

¹ Цепь, обороть.

² Дернет, потянет.

³ Вместо.

⁴ Солдат.

⁵ Убежал.

¹ Колокольни.

² В карман.

³ Пригоршня, горсть.

⁴ Скорее.

472

Біжить мужик, а навстріч йому іде москаль; мужик і пита у москаля: «Москалю, москалю! Чи не находив ти торбинки¹, а в торбинці виторопок² да дві паляниці?» — «Што?» — «Чи не находив ти торбинки, а в торбинці виторопок да дві паляниці?» — «Нет, я нашел мешок, а в мешке заяц да две ляпешки». — «Ні,— кає мужик,— се не моє».

473

Москаль побачив, що у мужика на горищі¹ вісе сало, да тихесенько й поліз, щоб то, бач, його зняти. Зняв сало, да вмісті з салом як загуркотить², бо стеля³ була у хаті уже трухлява⁴. Ото він і впав у хату, а у хаті чоловік з жінкою да з дітками вечеряли⁵. Шо тут робити москалеві? Він зараз скочив на ноги да і пита у мужика: «А што, брат, не были ль здеся наши колядники⁶?» — «Ні, не було». — «А коли не были, так прощай!» І з сим словом москаль вибіг з хати. «Оце лихо! — кає жінка чоловікові⁷, — мені здається, що у москаля було наше сало?» — «І то бач, — кає мужик, — а поліз лишень на горище да погляди». Полізла жінка, побачила, що нема сала, да й кає: «Нема, чоловіче!» — «Оле! Ну вже ж хоч москаль і вкрав сало, зато ж і сам страху набрався!»

474

Йшов мужик з поля; підходе до своєї хати, зирк в вікно, а у хаті москаль цілує його жінку. Мужик мерщій у хату, а москаль примітив мужика да мерщій на покуття, вкрився — нібито спить. Мужик шасть у хату і баче, що москаль спить, а жінка порається біля пічки¹. «Хіба ж то я нічого й не бачив!» — кає мужик. «А що ти там бачив?» — пита його жінка. «Як, що, бісова дочка!» — «За що ти лаєшся, вражий сину?» — «Як за що! Хіба ж я не бачив, як тебе москаль цілував». — «Коли?» — «Як коли! Господа служба! Господа служба! — кає мужик москалеві. — Бач, нібито й спить! Оце лихо, в очі обдурюють!» — «Што за шум!» — кає москаль, придиряючи очі. — бач, хоче показати, що спав. «Як що за шум! А на що ви мою жінку цілували?» — «Када?» — «Як коли! Да зараз». — «Што ты, ошалел, што ли? Як начальству пойду, пожалюсь, што ты мне покою не даєшь; на ученье был, устал...» — «Да таки і підіть, господа служба! — кає жінка. — Пожалуйтесь на його. Се йому від п'янства так вздрілося»². — «Оце лихо! — кає мужик. — Далєбі³ що сам бачив». — «Да што ты, одурел, што ли?» Мужик здвигнув плечима і дума: «А може мені й показалося». — «Как же ты

¹ Мешка.

² Заяц.

³ На чердаке.

⁴ Громко застучать; здесь: провалиться с шумом.

⁵ Потолок.

⁶ Дряблая, гнилая.

⁵ Ужинали.

⁶ Те, кто славят по дворам на праздник коляды.

⁷ Мужу.

¹ Возится, убирается около печи.

² Показалося.

³ Ей, поистине.

видел?» — пита його москаль. «Да у вікно», — кає мужик. «А постой, я пойду погляжу».

Пішов москаль да і глядить у те саме вікно, у которе глядів і мужик, да і каже: «Вот и ты цалуешь!» — «Да ні, господа служба! Далєбі-то що ні». — кає мужик, дивуючись. «Нет, брат, цалуешь!» — «Оце окаязія! — кає мужик. — А ідїть ви, служба, у хату, а я ще піду подивлюсь». Москаль ввійшов у хату да знов став жінку цілувати, а мужик дивиться у вікно да кає: «Цілуєте, господа служба, далєбі що цілуєте!» — «Вот я тебе говорю, што это окно так показывает!» — «А і справди, се вікно непевне⁴, мороче воно нас з вами! — кає мужик, вхόдючи у хату. — Треба забити його, господа служба! Бачите, що воно зачаровано».

475

Прийшов москаль на квартиру да й кає хазяйці. «Хазявка! Нету ли чаво поесть?» — «Є», — кає хазяйка. «Ну так давай!» Ото й постановила Хівря перед москалем повнісіньку макитру вареників — дума собі, що москаль повної не зїсть. Почав москаль пораться біля вареників, упорався так, що тільки на донечку трошки¹ зосталось. Баче москаль, що вже трохи вареників в макитрі, да й пита Хіврю: «Хазявка! А как называется ева еда?» Хівря дуже розсердилась на москаля за вареники да з серцем йому й кає: «Жри мовчки²!» — «А славные жримочки! — кає москаль. — Нельзя ли еще подложит евтих жримочков?»

476

Прийхав з київської бурси син зажиточного мужика Петра Дренчика, хлоп'я мале, да що то розумне да прерозумне, таке що забуло — як з нами і говорють і як зоветься плуг, або потилиця, усе по письменському раздобарює: потилиця, кає, не потилиця, а затилок. Ото ходе він за батьком по двору і баче, що лежать граблі, він і пита батька: «Тату, як воно зоветься?» Да й наступив на зубці. Ще батько і не відвітив йому, як граблі вченого панича вчистили по мармизі так, що іскри з очий посипались. «Ай, бісові граблі!» — заскиглив¹ панич, а батько й каже: «Так тобі й треба, сину! Вчись, да розуму не провчи²; скоро ти забудеш, як і мене звати».

477

Іхав Омелько з губернії додому, а школяр тож біг додому. Баче школяр, що на дорозі велика калюжа¹, да й почав прохати Омелька, щоб він його перевіз, а Омелько й кає: «Ти, братику, вчений, перейдеш, як захочеш». — «Е, коли ж так, — кає бурсак, — то я ж тобі зроблю штуку». Тільки ще Омелько вїхав в калюжу, а бурсак вбіг за ним, да й сів верхи на коня, да й відрізав гужи у хомуті і переїхав через калюжу; а Омелько зоставсь у

⁴ Необыкновенное.

¹ Немного.

² Молча.

¹ Жалобно запищал.

² Проучи.

¹ Лужа.

калюжі. Що тут робити Омелькові? Треба злазити з воза да ловити коня, що бурсак, переїхавши, бросив на тім боці², а сам узяв да й утік. Приймав Омелько коня, запряг, як пришлося, у самій калюжі і приїхав додому. Входить у хату і баче, що бурсак сидить на покутті в його хаті. Омелько і рот раззявив да й пита жінку: «Що се? Як се?» — «Да ночувати попросився», — кає жінка. «Гу! — кає Омелько. — Добре, спасибі, жінко, що пустила! От тепер же ж то я з тобою, бісове дитя, розтурбуюсь³». Що тут робити бурсакові? Утік би, да Омелько і хату защеппив і сам став біля дверей. Ото і кає Омелько бурсакові: «А ходи лишень сюда, вчений паничу!» Бурсак підійшов. «А що се таке?» — пита Омелько і показує на огонь. «А що ж, дядюшка, — кає бурсак, — як не огонь?» — «Ні, брешеш», — кає Омелько да як згарбав школяра за чуприну, да круте, круте, да приговорює: «Брешеш, се не огонь, а чистота!» Аж моторошно⁴ стало бурсакові, да нічого робити. А далі велів Омелько жінці принести кухлик⁵ води да знов пита у бурсака: «Що воно є?» — «Вода», — кає бурсак. «Ні, брешеш, — кає Омелько, — се не вода, а благодать!» — да знов згарбав бурсака за чуприну і ну крутити, аж сльози як горох сиплються із очий у бурсака, а Омелько його круте за чуприну да приговорює: «Се не вода, а благодать!» — «Ну, а се що?» — пита знов Омелько у бурсака і показує на стелю. «Стеля, дядюшка!» — кає бурсак. «А, бач, ти вчений, да не знаєш, що се висота!» — да знов почав за чуба крутити; крутив, крутив, аж іскри посипались із очий у бурсака; сердега бурсак аж упав! Тоді Омелько сказав: годі⁶!

Після сього Омелько з жінкою повечеряли, а бурсакові не дали, да й лягли спати. Ліг і бурсак, да не спитися йому: почув, що мужик з жінкою захропіли, тихесенько відсунув заслінку у печі, достав огню і вийшов з хати да й підложив той огонь під стріху; хата мужикова і загорілась, а бурсак відсунув віконечко да й кричить мужикові: «Дядюшка, а дядюшка! Встаньте да погляньте, що воно робиться!» — «А що там таке?» — кає Омелько. «Як що? Хіба ж ви не бачите, що чистота побігла на висоту. А ви, дядюшка, мерщій беріть благодать да йдіть хату заливать!»

478

Йшов москаль чи в домовний одпуск, чи що, а його догоня конем Грицько^{2495b} з нашого села — чоловік усім знакомий, той, що у цвинтарі¹ в великий пост стоїть з каламаром² да проскури³ підписує, бо був собі чоловік письменний. Його звали по батьощі Максимович. Ото він догнав москаля, а москалю захотілося підїхати, бо дуже утомився сердега. Москаль і гукнув⁴ Грицьку: «Здоров, Хахол Максимович!» Грицько не розчухав⁵, як його москаль назвав по йменню, а тільки почув, що по батьощі так улу-

² На той стороні.

³ Расправлюсь; турбовать — беспокоить кого, трогать.

⁴ Жутко.

⁵ Кувшин.

⁶ Довольно.

¹ В церковной ограде.

² С чернильницею.

³ Просвиры.

⁴ Закричал.

⁵ Не расслышал.

чив⁶; опинив⁷ коня, глядять на москаля, потилицю чеше і сам сміється. «Што, — кає москаль, — аль не познал, што ли?» — «Ні», — кає Грицько. «Вот те на! Нешто забыл, как мы стояли в вашей деревне?» — «Да чи не Иван ви, господа служба?» — «Насилу вспомнил, Максимыч! А брат твой али сват, как бишь его — тот, што водочку тово...» — «Се Иван, да він мені дядько доводиться; нема вже його, господа служба!» — «Да где же он?» — «Вмер». — «Ой ли! А славный был мужик, царство небесное!» Москаль взяв да й перехрестивсь. «Да ви, бачу, усіх наших знаєте; сідайте лишень на віз я вас підвезу». Москалю тільки того і хотілось. Сів москаль на віз, да як переговорив усе, що було, а мовчки сидіти не хотілося, і кає Грицькові: «Максимыч! Давай, брат, рифмы говорить». — «Як се то рихми?» — «Да так, штоб было до ладу». — «А що ж, давай». — «Вот, например, как твоего деда звали?» — «Кузьмою». — «Я твоего Кузьму за бороду возьму». — «Ні, се не звичайно⁸; мій дід був чоловік всіми поважаємий, за що його за бороду брати?» — «Эх, брат, не знаешь ты дела! Ну, как твоего дядьку звали?» — «Хіба ж ти не знаєш, що Иван!» — «Твой дядько Иван большой болван». — «Бач, бісова служба, ще й лається! А як же тебе зовуть?» — «Леонтий». — «Е, коли Леонтий, то злізай з воза». — «Да эвто не рифма». — «Да що, хоть не рихма, а ти геть пішов з воза!»

479

Ходив якійсь пан по охоті з лягавою собакою, зовсім як треба, а мужик^{249cc} ще до схід сонця встав да може де яку й десятину зорав¹ і сів собі снідати хліб да сало. Ото пан і підходе до нього і пита: «А що се ти робиш, чоловіче?» — «Снідаю, пане!» — «Снідаєш?» — «Еге!» — «А що ж ти снідаєш?» — «Що снідаю? Хліб да сало». — «Сало! Да і собака моя не буде їсти сала, хоть брось їй». Мужик і відрізав шматовик² сала і кинув собаці да й дивиться, що то з того буде, а пан щось не наше наказав собаці. Собака й дивиться на сало, а їсти боїться. Мужик поглядує то на пана, то на собаку. а далі зкинув кучму, почухав³ потилицю і кає: «От тепер же ж то я, пане, догадавсь, від чого вона не їсть сала; бачу, що і вона єдиної з вами породи».

480

Приїхав якійсь пан у своє село; він десь в другім місці жив довго-довго,^{249dd} так що мужики не знали, що там за пан у їх. Ото і приїхав да зараз виліз з карети і пішов до горниці, а його собака, чи вона мидялянська, чи або яка, з довгими ушима, зосталась у кареті. Ото єдна жінка і кає свому чоловікові: «Чоловіче! Піду лишень я побачу, що там за пан такий!» — «Іди», — кає чоловік. Ото й пішла жінка на панський двор і баче, що стоїть карета. Вона зараз до неї дивиться; подивилась і пішла собі додому. Ото й пита її

⁶ Попал.⁷ Остановил.⁸ Звичайний — обыкновенный, вежливый.¹ Вспахал.² Кусочек.³ Почесал.

чоловік: «А що, жінка, чи бачила пана?» — «А як же!» — «А який же він?» — «Да який! Зовсім як наш барбос, тільки уши довші!».

481

Побачив Пуд у панії маленьку собачку на руках, да хорошу, да мохнату-премохнату, да й кає сам собі: «Що то за бісові глачане, чого вони не зроблять!» ^{249ee}

482

«Що то за скусні¹ німці — казав Нестур. — Бач, обіз'яну видумали!» ^{249ff}

483

«Чи еў ты баранкі з малаком?» — «Не, ня еў! А ты чи еў?» — «Нет, і я ня еў; а бацька відзеў, як пан еў у карчмы, кажіць — дужа смáчны!» ^{249gg}

484

Старуха-мать ругала мальчишку, чтоб он не ходил на реку купаться: «Ну, курвин сын, смотри, коль утонешь, так и домой не ходи!» ^{249hh}

485

Раз зимою ехали по Волге-реке извозчики. Одна лошадь заартачилась и бросилась с дороги в сторону; извозчик тотчас погнался за нею и только хотел ударить кнутом, как она попала в майну¹ и пошла под лед со всем возом. «Ну, моли бога, что ушла, — закричал мужик, — а то я бы нахлестал тебе бока-то!» ²⁴⁹ⁱⁱ

486

Поехал молодой мужик на промыслы, а жена пошла его провожать; прошла с версту и заплакала. «Не плачь, жена, я скоро приеду». — «Да разве я о том плачу? У меня ноги озябли!» ^{249kk}

487

Заприметил солдат, что у хохла в сенях висело под коньком пуда¹ два свиного сала в мешке: прорыл ночью крышу, стал отвязывать мешок, да как-то осклизнулся и упал вместе с салом в сени. Хозяин услышал шум и вышел с огнем: «Чого тобі треба?» — «Не надо ли тебе сала?» — спра- ^{249ll}

¹ Длиннее.

¹ Искусные.

¹ Польнью.

шивает солдат. «Ни, у мене свого богацько!» — «Ну так потрудись, навали мне мешок на спину». Хохол навалил ему мешок на спину, и солдат ушел.

488

Раз вошел хохол в церковь в шапке и стал впереди всех; другой увидал ^{249тт} и толкнул его: «Что ты шапки не скидаешь?» Тот оглянулся: «А шо, хиба староста здись?»

489

В одной слободе напроказил что-то дьячок. Собралась громада ¹ и послала за ним десятского. «Пан дьячок, иды в громаду,— сказал десятский,— щось на тебе громада рыпить ²!» — «Сейчас приду»,— отвечал дьячок; захватил с собой кувшин с дегтем да кнач ³ и пошел в громаду. «Кто тут на меня рыпит?» — спрашивает дьячок. «Та хоть бы и мы!» — крикнул старшина. Дьячок мазнул его дегтем по губам — он замолчал. «Еще кто?» Все и замолчали.

490

Прибили одного дурня ночью, и стали ему на другой день смеяться. ^{249оо} «Ну,— говорит он,— молитесь бога, что ночь была светлая; а то я выкинул бы вам штуку!» — «Какую, скажи, пожалуй!» — «Я бы спрятался!»

491

Трое прохожих пообедали на постоялом дворе и отправились в путь. ^{247рр} «А что, ребята, ведь мы, кажется, дорого за обед заплатили?» — «Ну, я хоть и дорого заплатил,— сказал один,— зато недаром!» — «А что?» — «А разве вы не заметили? Только хозяин засмотрится, я сейчас схвачу из солоницы горсть соли, да в рот, да в рот!»

492

Какой-то мужик купил полуштоф вина, выпил зараз — ничего; купил ^{249оо} еще косушку — все не пьян; выпил еще шкалик — и опьянел. И начал тужить: «Зачем покупал я полуштоф да косушку? Лучше б прямо купил шкалик — с него б меня и так разобрало!»

493

Овдовел мужик, пришлось самому хлебы ставить. Вот он замесил в ^{249рр} деже ¹ тесто и вышел куда-то. В сумерках воротился, хотел было вздуть

¹ Мирская сходка.

² Рыпеть — о людях: ворчать, гневаться;
о немазанных колесах: скрипеть.

³ Помазок.

¹ Квашне.

огонь, как услышал, что кто-то пыхтит; а это хлеба кисли. «Недавно,— думает себе,— ушел, а кто-то уж забрался в избу!» — и впотьмах наступил на кочергу. Она ударила его в лоб, он закричал: «Сделай милость, не дерись, ведь я тебе ничего не сделал!» — а сам ну пятиться вон из избы. На беду нога разулась, и мужик при выходе прихлопнул оборку² дверью и упал. «Батюшка, отпусти! Не держи меня, право слово — ничего тебе не сделаю!»

494

Мужик позвал соседа на обед и поставил на стол щи с говядиной.^{249ss} Гость захватил себе весь кусок говядины и говорит: «Ну, брат, что зацепил — то и бог дал!» А хозяин похлебал, похлебал щей, да потом ухватил гостя за волосы и давай таскать: «Ну, брат, что зацепил — то и бог дал!»

495

Богатый купец часто зазывал к себе всяких людей, поил, кормил, угощал: только коли кто скажет ему противное — того непременно поколотит.²⁴⁹ⁱⁱ Раз зазвал он к себе ямщика. Тот отпряг лошадей, вошел в хоромы и после долгого угощения сказал: «Довольно, хозяин! Мне пора ехать». Купец давай его бить, так что ямщик едва вырвался и стал запрягать лошадей. Купец за ним. Ямщик нарочно начал дугу вкладывать кольцом назад. Купец закричал: «Не так вкладываешь!» А ямщик давай его бить да приговаривать: «Не твое дело указывать! Не твое дело указывать!»

496

Один мужичок охотник был драться; зазвал к себе в гости мужика,²⁴⁹ⁱⁱⁱ велел хозяйке собрать на стол, велит гостю садиться за стол. Тот отговаривается: «Что ты, Демьян Ильич, беспокоишься напрасно?» Демьян Ильич ему плюху¹, да и по щеке, и говорит: «В чужом доме хозяина слушай!» Тому нечего делать, сел за стол, потчует его; он ест. Хозяин начал рушать² хлеба много. Мужик и говорит: «Куда ты, Демьян Ильич, столько хлеба нарушиваешь?» Демьян Ильич и другú ему чикку³: «Не указывай,— говорит,— в чужом доме! Делай то, чего хозяин велит». Мужик не рад стал: ежели потчует — не ест, не слушает Демьяна. Тот его бьет да приговаривает: «В чужом доме хозяина слушай!»

На эту пору ниоткуда возмись — другой детина, только в невзрачной лопотине⁴, а парень бойкий, без спросу отворяет ворота, заезжает в ограду; а Демьян вышел на крыльцо, кланяется: «Милости просим, милости просим!» — охота и этого побить! Детина — неробкий, снимает шапку и говорит: «Извини, Демьян Ильич, я не спросился — заехал». — «Ниче-

² Веревку от лаптя.

¹ Затрепину.

² Резать.

³ Чикать — бить, ударить.

⁴ Лопотина — мужская и женская одежда.

го, ничего! Милости просим в избу». Дитина вошел. Хозяин и его садит за стол, жене велит ставить ество, нести хлеба, так и потчует! А дитина ест да ест, не перечит. Демьян сколько ни бился — дитина ни в чем не перечит: не удалось ему ударить. Он и пошел на проделки, вынес хорошее, самое лучшее платье, говорит дитине: «Скидай то, надевай вот это!» Думает сам: «Ужо-де отпираться станет, я его выколочу». Дитина не прекословит, надевает. Демьян то, другое подсунет; дитина все не спорит. Вывел хорошую лошадь, обседлал в лучшее седло, надел добру узду и говорит дитине: «Садись на мою лошадь; твоя-то худая!» — ужо да не станет ли перечить? Дитина сел. Демьян велит ехать; тот молчит, понужнул⁵ лошадь, выехал из ограды и говорит: «Прощай, Демьян! Не черт пихал, сам попал!» И уехал — поминай как звали: только и было! Демьян посмотрел вслед, хлопнул руками, да и сказал: «Ну, видно, нашла коса на камень! Дурак же я — хотел побить, да лошадь и пробил!» Может, лошадь-то со сбруей-то сот полуторых стоила.

497

Жил-был барин; вышел однажды на базар и купил себе канарейку за пятьдесят рублей. Случилось быть при этом мужику; пришел мужик домой и говорит своей бабе: «Знаешь ли что, жена?» — «А что?» — «Ходил я сегодня на базар; там был и барин, и купил он себе малую пташку — пятьдесят рублей заплатил. Дай-ка я понесу к нему своего гусака: не купит ли?» — «Понеси!» Вот взял мужик гусака и понес к барину. Приносит: «Купи, барин, гусака». — «А что стоит?» — спросил барин. «Сто рублей». — «Ах ты, болван!» — «Да коли ты за малую пташку не пожалел пятидесяти, так за эту и сотня дешево!» Барин рассердился, прибил мужика и отобрал у него гуся даром. «Ну, ладно, — сказал мужик, — попомнишь ты этого гусака!» Воротился домой, снарядился плотником, взял в руки пилу и топор и опять пошел; идет мимо барского дома и кричит: «Кому теплы сени работать?» Барин услышал, зовет его к себе: «Да сумеешь ли ты сделать?» — «Отчего не сделать; вот тут неподалечку растет теплый лес: коли из того лесу да выстроить сени, то и зимой топить не надо». — «Ах, братец, — сказал барин, — покажи мне этот лес поскорее». — «Изволь, покажу». Поехали они вдвоем в лес. В лесу мужик срубил огромную сосну и стал ее пластать на две половины; расколол дерево с одного конца и ну клин вбивать, а барин смотрел, смотрел, да спроста и положил руку в щель. Только он это сделал, как мужик вытащил клин назад и накрепко защебил ему руку. Потом взял ременную плетку и начал его дуть да приговаривать: «Не бей мужика, не бери гусака! Не бей мужика, не бери гусака!» Уж он его дул, дул! Вволю натешился и сказал: «Ну, барин, бил я тебя раз, прибью и в другой, коли не отдашь гусака да сотню рублей в придачу». Сказал и ушел, а барин так и пробыл до вечера: дома-то поздно хватились его, да пока нашли да из тисков высвободили — времени и многонько ушло!

⁵ Понукать, нудить.

Вот барин захворал, лежит на постели да охает; а мужик нарвал трав, цветов, обтыкался ими кругом, обрядился дохтуром и опять идет мимо барского двора и кричит: «Кого полечить?» Барин услышал, зовет его: «Ты что за человек?» — «Я дохтур; всякую болезнь снимаю». — «Ах, братец, пожалуйста, вылечи меня!» — «Отчего не вылечить? Прикажи истопить баню». Тотчас вытопили баню. «Ну, — говорит мужик барину, — пойдем лечиться; только никого не бери с собой в баню, бойся дурного глаза!» Пошли они вдвоем в баню; барин разделся. «А что, сударь, — спрашивает дохтур, — стерпишь ли, коли в этаким жару начну тебя мазью пачкать?» — «Нет, не стерпеть мне!» — говорит барин. «Как же быть? Не велишь связать тебя?» — «Пожалуй, свяжи». Мужик связал его бечевой, взял нагайку и давай валять на обе корки. Уж он валял-валял, а сам приговаривал: «Не бей мужика, не бери гусака! Не бей мужика, не бери гусака!» После, уходя, сказал: «Ну, барин, бил я тебя два раза; прибью и в третий, коли не отдашь гусака да двух сотен рублей на придачу». Барин еле жив из бани вылез, не захотел ожидать третьего раза и отослал мужику и гусака и двести рублей.

498

Жил-был купец; у него был сын. Вот однажды посылает он сына в 249 сс нижние города товары закупать и на прощанье наказывает: «Смотри же, сынок, будь умен да рассудлив, с рыжим да с красным не связывайся!» Поехал купеческий сын в путь-дорогу. День-то был морозный; вот он прозяб и заехал в кабак обогреться; входит — за стойкою сидит рыжий целовальник. «Налей-ка мне, — говорит ему купеческий сын, — стакан доброй наливки». Выпил стакан наливки, и больно пришлось она ему по вкусу: «Вот наливка, так наливка! Сто рублей стоит! Налей-ка еще». Выпил в другой раз — еще лучше показалась: «Ну, брат, этот стакан двух сот стоит». — А целовальник себе на уме: какую цену сказывал купеческий сын, ту и на стенку записывал. Пришло дело до расчета. «Сколько тебе?» — спрашивает купеческий сын. «Триста рублей». — «Что ты, белены объелся? Экую цену заломил!» — «Не я заломил, ты же сам назначил, да теперь назад пятишься. Только, брат, от меня не отвертись; коли не заплатишь — с двора не спущу!» Нечего делать, заплатил купеческий сын триста рублей, поехал дальше и думает сам с собою: «Вот она правда-то! Водись после того с рыжими да с красными! Недаром отец наказывал; родительское слово пустяшное не бывает».

На ту самую пору попадается навстречу рыжий мужик с возом. Как увидал его купеческий сын, тотчас выскочил из кибитки и сунулся ничком в снег, ажно дрожит с испугу! «Что с ним случилось? Не попритчилось ли?» — подумал встречный мужик, подошел к купеческому сыну и стал подымать его на ноги: «Вставай, брат!» — «Отвяжись от меня! Уж один рыжий надул меня, и ты надуешь». — «Полно, брат! Рыжий да красный всякий бывает: бывает плут, бывает и добрый человек. Да кто тебя обманул-то?» — «Так и так, рыжий целовальник из соседнего села». — «Воротись со мной; я с ним сделаюсь». Вот приехали они в кабак, мужик

тотчас окинул глазом всю избу, увидал: под матицей баранья лопатка висит, подошел к целовальнику, спросил рюмку водки, да тут же бьет его по плечу и говорит: «Продай-ка мне эту лопаточку!» — «Купи». — «Что возьмешь?» — «Рубль серебра». Мужик выкинул целковый; после вынул из-за пазухи широкий нож и дает купеческому сыну в руки: «На, брат, вырежь у него лопатку — мне на закуску». — «Что ты!» — говорит целовальник. — «Я тебе баранью лопатку продал, а не эту». — «Рассказывай! Меня, брат, не проведешь, как этого купеческого сына; не на таковского напал!» Целовальник просит да молить, чуть не в ноги кланяется. «Ну, так и быть!» — сказал мужик. — «Отпущу тебя, коли воротишь купеческому сыну все деньги сполна». Целовальник отдал назад триста рублей; а мужик того и добивался. «Вот видишь, — говорит купеческому сыну, — рыжий да красный всякий бывает: бывает и плут, бывает и добрый человек. Поезжай теперь с богом!» А купеческий сын только и думает, как бы скорее убраться; сел в кибитку, погоняет лошадей и говорит сам с собой об мужике: «Слава богу, вырвался! Целовальник рыжий плутоват, а этот еще плутоватей; коли б с ним связался, кажись, он с меня с живого бы кожу снял!»

499

Жил-был бедный мужик; детей много, а добра — всего один гусь. Долго²⁴⁰ берег он этого гуся, да голод не тетка: до того дошло, что есть нечего: вот мужик и зарезал гуся; зарезал, зажарил и на стол поставил. Все бы хорошо, да хлеба нет, а соли не бывало. Говорит хозяин своей жене: «Как станем мы есть без хлеба, без соли? Лучше я отнесу гуся-то к барину на поклон да попрошу у него хлеба». — «Ну что ж, с богом!» Приходит к барину: «Принес вашей милости гуська на поклон; чем богат, тем и рад. Не побрезгуй, родимый!» — «Спасибо, мужичок, спасибо! Раздели же ты гуся промеж нас без обиды!» А у того барина была жена, да два сына, да две дочери — всего было шестеро. Подали мужику нож; стал он кроить, гуся делить. Отрезал голову и дает барину: «Ты, — говорит, — всему в доме голова, так тебе голова и следует». Отрезал гузку, дает барыне: «Тебе дома сидеть, за домом смотреть; вот тебе гузка!» Отрезал ноги, дает сыновьям: «А вам по ножке, топтать отцовские дорожки!» Дочерям дал по крылышку: «Вам с отцом, с матерью недолго жить; вырастете — прочь улетите. А я, — говорит, — мужик глуп, мне глодать хлуп!» Так всего гуся и выгадал себе. Барин засмеялся, напоил мужика вином, наградил хлебом и отпустил домой.

Услыхал про то богатый мужик, позавидовал бедному, взял — зажарил целых пять гусей и понес к барину. «Что тебе, мужичок?» — спрашивает барин. «Да вот принес вашей милости на поклон пять гуськов». — «Спасибо, братец! Ну-ка раздели промеж нас без обиды». Мужик и так и сяк; нет, не разделишь поровну! Стоит да в затылке почесывает. Послал барин за бедным мужиком, велел ему делить. Тот взял одного гуся, отдал барину с барыней и говорит: «Вы теперь, сударь, сам-третей!» Отдал

¹ Птичье туловище.

другого гуся двум сыновьям, а третьего — двум дочерям: «И вы теперь сам-третий!» Остальную пару гусей взял себе: «Вот и я сам-третей!» Барин говорит: «Вот молодец, так молодец! Сумел всем поровну разделить, и себя не забыл». Тут наградил он бедного мужика своею казною, а богатого выгнал вон.

500

Повез бедный мужичок дрова продавать. Встречает его богатый да чванный. «Эй, постой! Что на базар везешь?» — «Солому». — «Врешь, дурак! Какая солома — этой дрова!» — «Ну, коли сам видишь, так неча и спрашивать! У тебя глаза не вылезли!» Сказал бедный и поехал своей дорогой. На другой день идет богатый да чванный по улице с приятелем. «Так и так, — рассказывает ему, — разобидел меня бедный мужичишка!» А бедный как тут — едет опять навстречу. «Вот он — вчерашний мужик-то!» — говорит богатый. «Нет, врешь!» — отвечает ему бедный. — Я не вчерашний: скоро сорок лет стукнет, как я живу на белом свете».

501

Шли проселком нищие — старик да старуха; стали подходить к деревне. Старик говорит: «Я здесь молока попрошу!» Старуха в ответ: «А я в молоко хлеба крошу!» Старик ухватил старуху и давай бить да приговаривать: «Не кроши в молоко хлеба, не то прокиснет, не кроши в молоко хлеба, не то прокиснет!» Пришли в деревню, а молока никто не дал.

502

Повезла баба в город кринку масла продавать; время-то шло к масленой. Нагоняют ее два солдата: один позади остался, а другой вперед забежал и просит бабу: «Эй, тетка, подпояшь меня, пожалуйста». Баба слезла с воза и принялась подпоясывать. «Да покрепче подтяни!» Баба подтянула покрепче. «Нет, это туго; ослабь маленько». Отпустила послабже. «Уж это больно слабо будет: закрепи потуже». Пока завязывала баба пояс то крепче, то слабже, другой солдат успел утащить кринку с маслом и убрался себе подобру-поздорову. «Ну, спасибо тебе, тетка! Подпоясала ты меня на всю масленицу», — говорит солдат. «На здоровье, служба!» Приехала баба в город, хватъ — а масла как не бывало!

503

Пришел солдат с походу на квартиру и говорит хозяйке: «Здравствуй, божья старушка! Дай-ка мне чего-нибудь поесть». А старуха в ответ: «Вот там на гвоздике повесь». — «Аль ты совсем глуха, что не чуешь?» — «Где хошь, там и заночуешь». — «Ах ты, старая ведьма, я те глухоту-то вылечу!» И полез было с кулаками: «Подавай на стол!» — «Да нечего, родимый!» — «Вари кашичу!» — «Да не из чего, родимый!» — «Давай

топор; я из топора сварю». — «Что за диво! — думает баба. — Дай посмотри, как из топора солдат кашницу сварит». Принесла ему топор; солдат взял, положил его в горшок, налил воды и давай варить. Варил, варил, попробовал и говорит: «Всем бы кашница взяла, только б малую толику круп подсыпать!» Баба принесла ему круп. Опять варил-варил, попробовал и говорит: «Совсем бы готово, только б маслом сдобрить!» Баба принесла ему масла. Солдат сварил кашницу: «Ну, старуха, теперь подавай хлеба да соли, да принимайся за ложку; станем кашницу есть». Похлебали вдвоем кашницу. Старуха спрашивает: «Служивый! Когда же топор будем есть?» — «Да вишь, он еще не уварился, — отвечал солдат, — где-нибудь на дороге доварю да позавтракаю». Тотчас припрятал топор в ранец, распростился с хозяйкою и пошел в иную деревню. Вот так-то солдат и кашницы поел и топор унес!

504

Купил мужик гуся к празднику и повесил в сених. Проведали про то ^{249ddd} двое солдат; один взобрался на крышу гуся добывать, а другой вошел в избу. «Здорово, хозяин!» — «Здорово, служба!» — «Благослови колядовать!» — «Колядуй, добрый человек!» Солдат начал:

А в лесе, в лесе
Солдат на стреси¹;
Стреху продрал,
Гуся забрал.
Святой вечер!

А хозяину и невдогад, что солдат прямо в глаза ему смеется. «Спасибо тебе, служивый! Я, — говорит, — такой коляды отроду не слыхивал». — «Ничего, хозяин, завтра сам ее увидишь». Наутро полезла хозяйка за гусем, а гусем и не пахнет давно!

505

Дело было весною. Вынесли бабы холсты белить. «Ну, — говорят, — ^{249eee} теперь надо смотреть да смотреть, как бы кто холстов не стибрил!» — «У меня все будет цело! — стала похвалиться одна старушка. — Кто к моим холстам только руку протянет, тот с места не встанет!» Похвальные речи всегда гнилы; старуха-то выдавала себя за колдунью, а какая колдунья! Бывало, у людей кровь заговаривает, а у себя и соплей утереть не сможет. Вот разостлала она по полю холсты и уселась сторожить. Проходили мимо двое солдат, и вздумали поживиться чужим добром. «Слушай, товарищ! — говорит один. — Ты залезь в кусты, да смотри не зевай, а я пойду, стану с бабой лясы точить». Сказано — сделано. Подошел солдат к старухе: «Здравствуй, баушка!» — «Здорово, батюшка! Куда тебя господь несет?» — «Иду к начальству за тем, за сем, больше

¹ Стреха — крыша, кровля.

незачем». — «И-и, родимый, служба-то ваша куды мудрена!» — «А я, баушка, к тебе с запросом; вижу: ты — человек бывалый! Разреши-ка наш солдатский спор. Товарищи мои говорят, что в вашей стороне совсем не так звонят, как у нас; а я говорю, что все равно». — «Вестимо, все равно; небось и у вас колокола-то медные!» — «То-то! Прозвони-ка, баушка, по-вашему». — «По-нашему: тинь-тинь-тинь! дон-дон! тинь-тинь-тинь! дон-дон!» — «Не много разницы! У нас, баушка, звонят пореже». Тут солдат махнул своему товарищу рукою и зазвонил: «Тини-тини, потягивай, тини-тини, потягивай!» Старуха и рот разинула; пока она слушала, другой солдат стянул холст — и был таков! «Ну, служивый, — говорит старуха, а сама так и заливается со смеху, — звонь-то ваши куда чудны! Досыта насмеешься!» — «А вот ужо — так досыта наплачешься! Прощай, баушка!» — «С богом, родимый!» Вечером стали бабы холсты считать; у старухи нет одного. Заплакала она горькими слезами, и наплакалась досыта: правду сказал солдат!

506

У мужика в сенях висел кусок сала. Один солдат взобрался на чердак; другой вошел в избу: «Здравствуй, бабушка! Скажи, пожалуйста, как у вас звонят?» — «Неужли ж ты не слыхивал?» — «Не доводилось, бабушка!» — «У нас звонят: тень-бом! тень-бом!» — «А у нас: тини-тини, по-тя-ги-вай, на сто-ро-ну по-глядывай!» — «Хорошо и этак!» — говорит баба. Ну, поқа один звонил, другой (солдат) сало стащил. ^{24/веч.} ^{вап.}

507

Пошел солдат в отпуск; шел-шел, много верст ногами измерил, и добрался к вечеру до одной деревушки. Время было осеннее: то дождем поливало, а тут изморозь пошла. Солдат крепко измочился и весь иззяб; остановился у одной избы, постучался в окно и просится ночевать! «Кто там?» — спрашивает хозяин. «Солдат». — «Откуда тебя черти принесли? Ступай туда, откуда пришел». Постучался солдат у другой и у третьей избы, всю деревню обошел — нигде не пускают; приходится на улице мерзнуть! Увидал он — на другом краю стоит еще избушка, пошел туда и говорит: «Эй, хозяин, пусти на ночь кости обогреть!» — «Пожалуй, пушту, только с тем уговором, чтобы ты всю ночь сказывал нам сказки». — «Хорошо, — говорит солдат, — я стану сказывать, только чтоб никто мне не поперечил; а коли кто хоть едино слово промолвит, так уж не погневишь — тому и сказки рассказывать до белого дня». — «Ладно, ладно, служивый!» Вот поужинали и улеглись на ночь: хозяин с солдатом на лавках, хозяйка на печке, а работник под печкою. «Ну, — сказал солдат, — теперь слушайте, начинается моя сказка: как у вас, хозяин, на деревне мужики всё живут дураки! Как у вас, хозяин, на деревне мужики всё живут дураки!» И пошел твердить одно и то же, разов сто уж повторил! Мужик слушал-слушал, разобиделся и не вытерпел: «Послушай, служивый! Ведь ты и меня заодно ругаешь, не я ль тебя в избу пустил?» Солдат вскочил с

лавки, хлоп хозяина по уху: «Мое дело было сказывать, твое — слушать да молчать!» Пристал к нему вплотную; ничем не отвяжешься! «Полно, служивый! — говорит хозяин. — Ложись с богом. Я сам тебе стану сказку сказывать». Солдат улегся, а мужик начал: «Дурак будет тот, кто тебя, служивый, вперед пустит к себе ночевать; а я больше никогда не пушу! Дурак будет тот, кто тебя, служивый, вперед пустит к себе ночевать; а я больше никогда не пушу!» Разов сто повторил он эти речи; на ту пору проснулась на печи хозяйка, слышит, что в избе все еще бормочут, и говорит: «Полно вам болтать, скоро свет, а вы всё не спите!» Мужик с солдатом вскочили и пристали к старухе: «Как ты смела перебить нашу сказку? Теперь сама рассказывай!» Нечего делать, начала старуха: «Какой, — говорит, — хозяин подлец, такого ж подлеца и ночлежника пустил! Какой хозяин подлец, такого ж подлеца и ночлежника пустил!» Твердила, твердила; вот услышал работник и отозвался под печкою: «Будет вам толковать; из пустого в порожнее переливать; добрые люди давно спят!» Тут все трое, и солдат и хозяин с хозяйкою, уцепились за работника: говори-де нам сказку! Работник начал: «Как не спали мы с вечера, так и не спать нам и до свету; скоро надо на работу идти! Как не спали мы с вечера, так не спать нам и до свету; скоро надо на работу идти!» И говорил он эти речи до самого света. Поутру собрался солдат в дорогу: «Прощай, хозяин!» — «Ну те к бесу!»

508

Два солдата шли домой на побывку; шли, шли — дело-то было зимою — и набрали на мерзлого человека. Один говорит: «Вот беда!» Другой ему: «Что за беда? Это бог клад дает!» Отрубил у мертвого ногу и положил ее в ранец со всем с сапогом. Пришли они в большое село, сговорились промежду себя и выпросились один у богатого мужика на ночь, другой — у его соседа. Тот, что ночевал у богатого мужика, собрался рано-рано, только светать начинало, подбросил на полати отрубленную ногу и ушел потихоньку. Погодя немного приходит его товарищ, стучится в избу и кричит: «Вставай! Солдату долго спать не приходится; пора в поход идти». — «Да его здесь нету, — говорит хозяйка, — видно спозаранку ушел». — «Вот те на, что выдумала, как же он про меня-то забыл?» Тотчас вошел солдат в избу, бросился на полати, искал-искал и нашел отрубленную ногу, вытащил ее. «А это что?» — говорит. Хозяин с хозяйкою перепугались: «Батюшка! Знать не знаем, ведать не ведаем; ни душою, ни телом не виноваты». — «Врете вы, воры! Польстились на солдатские деньги, да и зарезали: вот так-то вы нашего брата прохожего обираете да свои карманы набиваете — с того и богатеете! Да что с вами много разговаривать! Пойду к сотскому и заявлю; пускай это дело суд разбирает». Мужик чуть не в ноги кланяется солдату: «Служивый! Батюшка! Нельзя ли как помириться?» Принес ему штоф водки, потчует, а сам все упрощает. Солдат как выпил, еще пузе зашумел. «Не погуби, родимый! — просит мужик. — Хочешь полсотни взять?» — «Как бы не так! С убитого ты, чай, целую тысячу заграбил; давай пятьсот, в убытке не будешь! Коли

дашь — все шито да крыто, а не дашь — на себя пеняй!» Нечего делать, заплатил ему мужик пятьсот рублей. «Давай еще на придачу лошадь с телегой». Мужик и на том не постоял. Вот солдат сел в повозку и поехал в путь-дорогу; нагнал своего товарища, что вперед-то ушел, и говорит: «Здорово, земляк! Не подвезти ли?» — «Что, как дело?» — «Да ведь я ж тебе говорил, что бог клад дает».

509

Сидели старик со старухою на печи. Старуха смотрит в окошечко на поле и говорит: «Что, старик, кабы был у нас сынок Иванушка, да была дочка Аленушка, вот бы сынок вспахал тут да посеял хлеба, хлеб-то бы вырос, а дочка ждала; нарастила бы я солоду, наварила бы пива, всю родню свою созвала бы, а твоих не позвала б!» — «Нет, моих позови, а своих не надо!» — говорит старик. «Нет, своих позову, а твоих не надо!» Старик вскочил и ну таскать старуху за косу; таскал-таскал и с печи столкнул. 249hh

Старик поехал в лес за дровами, а старуха бежать собралась; напекла пирогов да хлебов, уложила в большой мешок и пошла к соседке прощаться. Узнал как-то про это старик, воротился домой, повынул из мешка все, что баба на дорогу заготовила, отнес пироги да хлебы в клеть, а сам сел в мешок. Старуха пришла домой, подняла мешок на спину и ударилась в беги. Сделала верст пять или шесть, остановилась и говорит: «Сесть было на пенек, съесть было пирожок!» А старик из мешка кричит: «Вижу-вижу, слышу-слышу!» — «Ах, проклятый, он, пожалуй, догонит!» — думает старуха и пустилась дальше. Опять верст шесть отошла и говорит: «Сесть было на пенек, съесть было пирожок!» — «Вижу-вижу, слышу-слышу!» — кричит старик. Она опять бежать; много верст отсчитала и так-то приустила, не пивши, не евши, что и сил больше не хватает. «Что будет — не будет, останюлюся здесь, — думает старуха, — отдохну маленько да закушу». Глядь — а в мешке-то муж. Взмолилась старуха старику: «Батюшка, помилуй! Николи вперед не стану бегать». Старик ее простил, и пошли вместе домой.

510

Бедный мужик, идучи по чистому полю, увидал под кустом зайца, обрадовался и говорит: «Вот когда заживу домком-то! Возьму этого зайца, убью плетью да продам за четыре алтына, на те деньги куплю свинушку, она принесет мне двенадцать поросеночков; поросятки вырастут, принесут еще по двенадцати; я всех приколю, амбар мяса накоплю; мясо продам, а на денежки дом заведу да сам оженюсь; жена-то родит мне двух сыновей Ваську да Ваньку. Детки станут пашню пахать, а я буду под окном сидеть да порядки давать: эй вы, ребятки, крикну, Васька да Ванька, шибко людей на работу не туганьте¹, видно, сами бедно не живали!» Да так-то громко крикнул мужик, что заяц испугался и убежал, а дом со всем богатством, с женой и с детьми пропал!

¹ Не понуждайте.

511

Мужик стащил в лавке куль пшеничной муки; захотелось к празднику ^{249kkk} гостей зазвать, пирогами попотчевать. Принес домой муку, да и задумался: «Жена! — говорит он своей бабе. — Муки-то я украл, да боюсь — узнают, спросят: отколь ты взял такую белую муку?» — «Не кручинься, мой кормилец, я испеку из нее такие пироги, что гости ни за что не отличат от аржаных».

512

«Куда, добрый человек, идешь?» — «Да вон в соседнюю деревню». — ^{249lll} «Что ж, там родня у тебя?» — «Да из нашей деревни отдана туда девка замуж». — «Так зачем же ты идешь?» — «Да либо пива напиться, либо подраться».

513

Пришла в кабак баба и спрашивает о своем муже: «Не был ли здесь ²⁴⁹ мой пьяница?» — «Был». — «Ах, подлец, ах, разбойник! На сколько он ^{mm} выпил?» — «На пятак». — «Ну так давай мне на гривну».

514

Выдали девуку замуж; она сидит и воет: «Свет-то моя крашенина, у ма- ²⁴⁹ⁿⁿⁿ тушки на печи осталась!» — «Какая крашенина? Много ли аршин?» — «Да я в квасу хлеба накрошила густо-нагусто, и с лучком и с маслицем!»

515

У одной бабы был муж глухой. Раз как-то вздумалось ей приласкаться ^{249ooo} к мужу. Вот она и говорит ему: «Ох ты, моя защита и оборона!» — «Как, я ощипана ворона? Ах ты, такая-сякая!» — и отколотил жену. «Что ты, глухой черт! — закричала баба. — Разбойник, обидчик этакой!» — «Вот давно бы так!» — сказал муж.

516

Давно было. Не стало на селе попа. Согласились мужики избрать ^{249ppp} попа миром, выбрали и пошли к дяде Пахому. «Пахом, — говорят ему, — а Пахом! Будь ты у нас на селе попом». Пахом и стал попом, да то беда: ни службы не знает, ни петь, ни читать не умеет. Вот однажды собрались миряне в церковь, а в тот день был большой у бога праздник. Пахом выносит книгу и спрашивает: «Православные! Знаете ли вы эту книгу?» — «Знаем, батька, знаем. Еще покойный поп все, бывало, ее читал». — «Ну, коли знаете, нечего вам ее и читать». Выносит другую: «Православные! А эту книгу знаете?» — «Нет, батька, этой не знаем». — «Ну, так что ж вам ее и читать!»

517

Повез мужик в город три четверти ржи продавать. Подъезжает к заставе. Обступили его мошенники: «Стой! Как тебя зовут?» — «Егором, родимые!» — «Эх, брат! Недавно у нас четыре Егора церковь обокрали; троих-то нашли, а четвертого всё ищут! Смотри ж, коли где тебя спросят: как зовут? — говори: без четверти Егор; а не то свяжут да в тюрьму посадят». — «Спасибо, родимые, спасибо, что научили!» Приехал мужик на подворье, хватился, а четверти ржи как не бывало! На заставе стащили. 217qqq

518

Жил-был мужик Иван да жена Арина. Послал он ее в поле рожь жать. Вот Арина пришла на полосу, выжала такое местечко, чтоб можно было одной улечься; улеглась, выспалась хорошоохонько и отправилась домой, будто и впрямь потрудилась-поработала. «Что, жена, — спрашивает муж, — много ли сегодня выжала?» — «Слава тебе господи, одно местечко выжала». — «Ну, это хорошо! — думает мужик. — Одна полоса, значит, покончена». На другой день опять пошла Арина в поле, выжала местечко и проспала до вечера; и на третий день — то же самое, и на четвертый — то же самое; так всю неделю и проволочила. Пора, думает мужик, за снопами в поле ехать; приезжает — а рожь стоит вся нежатая; кое-где, кое-где выжато местечками, да и то такими, что только человеку улечься. Стал жену искать и видит: лежит она на одном местечке да так-то храпит! Мужик сейчас домой, захватил ножницы, патоки и пуху; воротился на жниву, остриг свою бабу наголо, вымазал ей голову патокой и осыпал пухом; сделал все это и воротился на деревню. Вот Арина спала-спала, да, наконец, и проснулась; хватилась рукой за голову и говорит сама себе: «Чтой-то попритчилось! Кажись, я — Арина, а голова не моя! Пойду домой: коли собака залаёт, так я, значит, — не Арина». Пришла на деревню прямо к своей избе и спрашивает под окошком: «Что, ваша Арина дома?» Муж смекнул и говорит ей: «Дома!» Тут вылезла из-под ворот собака, не признала хозяйки и бросилась на нее словно на чужую; так за полы и хватает. Арина бегом да бегом, как бы только живой от своего дома уйти! И пошла она бродить по полю; целые сутки ничего не пила, не ела. После того мужик сжалился, простил ее, и с той поры стала Арина жать бесхитростно. 249rrr

519

Доселева одинокий был Мартынок, задумал жениться и пошел свататься к попу; вот и сватает девку Устинью. Поп ему и бает: «Ой, Мартынок, отдал бы, да как станешь жить-то? Ведь Устя уросливая¹ такая!» Мартынок отвечает ему: «Батюшка! Я один, а с ней будем двое, не на кого будет сердиться, не с кем будет браниться». Поп согласился отдать 249sss

¹ Капризная.

Устю за Мартынка. Вот они и свенчались. Мартынку увез Устю к себе домой; она спрашивает: «Коли ты осердишься, что делаешь?» Он сказал: «Когда осержусь, с воды пьян бываю!» Потом спросил Устю: «А ты, Устя, когда осердишься, что делаешь?» — «Коли я сердита, тогда стану сидеть на печи к углу лицом и у коошника козырек назад сделаю». На другой день утром уехал наш Мартынка на своей пегой кобыле пахать под вешну². Устя после его настряпала шанег³, понесла к нему, кричит: «Мужик, иди есть!» Он как будто не слышит, пашет себе. Устя рассердилась, ушла домой, стряпню свою съела и села на печь к углу лицом. Мартынку как приехал домой, выпил два ковша воды, взял ягненка и порвал; начал ползать на печь к жене, оборвался, пал к дверям избы на пол и захрапел. Жена тихонько слезла с печи, дверей отпереть не посмела, в окошко дров натаскала, истопила печку и настряпала для Мартынка. Он проснулся, она его напотчевала и созвала в гости к отцу. Вот Мартынку запряг свою пегую кобылу в сани — нужды нет, что весной! Поехали; дорогою кобыла-то у них не пошла, Мартынку отсек ей голову и запряг свою Устю. Подъезжает к дому тестя: увидела попадя с дочерьми, что Устя Мартынка везет, выскочила встречать, взяли кто за гужи, кто за оглобли, пособляют Усте; а поп благодарит Мартынка, что так учит уросливых. Пришли в избу, Устя заказывает своим, чтобы воды нигде не было, а поили бы вином да пивом; сказывала: когда Мартынку воды напьется — беда сердит! На другой день как-то одна стряпка оставила в сених ведро с водою; он и напился воды, задурел как пьяный, приказывает Усте запрягаться, а она дрожит да все попа просит, чтобы дал им своего бурка. Поп подарил им лошадь; Мартынку уехал с Устей домой, и теперь они живут да хлеб жуют, а Устя поди-кось какая послушная стала!

520

В одном селе жил-был старик, да такой скупой, прижимистый! Как ²⁴⁹¹¹сидет за стол, нарежет хлеба, сидит да на снох посматривает: то на ту, то на другую, а сам ничего не ест. Вот, глядя на него, и снохи тоже поглазеют-поглазеют, да и ползут вон из-за стола голодные. А старик опосля, только что уйдут они по работам, втихомолку наестся, напьется и разляжется на печи сытехонек. Вот одна отпросилась меньшая сноха и пошла к своему отцу, к матери и стала жаловаться на свекра: «Такой-де лютый, ненавистный! Жить нельзя! Совсем есть не дает, все ругается: ненаеды вы этакие!» — «Хорошо, — говорит ей отец, — я приду к вам в гости, сам посмотрю ваши порядки». И погода денек-другой пришел он к старику вечером. «Здорово, сват!» — «Здорово!» — «Я к тебе в гости; рад ли мне?» — «Рад не рад, делать нечего; садись, так и гость будешь!» — «Как моя дочушка живет, хорошо ли хлеб жует?» — «Ништо, живет себе!» — «Ну-ка, сватушка, соловья баснями не кормят; давай-ка поужинаем, легче говорить будет». Сели за стол; старик нарезал хлеба, сам не ест — сидит,

² Под яровую.

³ Ватрушек, сдобных хлебов.

все на снох глядит. «Эх, сват! — говорит гость. — Это не по-нашему; у нас нарезал хлеба да поел, еще нарезал — и то поел. Ну вы, бабы молодые, больше хлеба ешьте, здоровее будете!» После ужина стали спать укладываться. «Ты, сват, где ляжешь?» — спрашивает хозяин. «Я лягу на кутничке». — «Что ты! Я тут завсегда сплю», — говорит старик; вишь, в куте у него спрятаны были яйца, хлеб и молоко; ночью, как заснут в избе, он украдкою встанет и наестся вдоволь. Сват это дело заприметил. «Как хочешь, — говорит, — а я лягу на кутничке». Вот улеглись все спать. В самую как есть полночь старик ползком-ползком да прямо в зававок — скрип! А гость еще с вечера припас про него большой ремённый кнут; как вытянет свата раз, другой, третий — сам бьет да приговаривает: «Брысь, окаянная, брысь!» Пришлось старику не евши спать. Вот такто прогостил сват у свата целых три дня и заставил на́долго себя помнить. Проводил его старик, и с тех пор полно — перестал у снох во рту куски считать.

521

Послала хохлушка в город мужа — продавать кадку масла да купить очипок¹, и накрепко ему наказала по сторонам не зевать, а смотреть, чтобы не стащил кто кадки. Приехал хохол на базар, поставил свою кадку и уселся на ней. «Что, хохол, продаешь?» — «Масличко». — «Покажи». — «Ни, вкрадешь!» И это говорил он всякому, кто только хотел торговать у него масло. Так без толку и просидел на базаре до самого вечера; а тут пришли два солдата. «Знаешь что, хохол? — сказал ему один, — ведь с вашего брата набор, тебя, пожалуй, в солдаты возьмут. Не хочешь ли помериться? Может, ты и не годишься...» Хохол встал и пошел в меру становиться; солдат примерил его и говорит: «Ну, счастливи твой бог! Ты, брат, не годен». А тем временем другой солдат уж успел стащить у него кадку с маслом. Приходит хохол назад, смотрит — масло украдено; потужил он, потужил и поехал домой. Только в двери, а жена спрашивает: «Що, человек, купив очипок?» — «Ни». — «А масличко продав?» — «Ни». — «Сгубив?» — «Ни». — «Вкрали?» — «Ни». — «Де ж воно?» — «Ге! Усе утро стояв — не вкрали, повдень стояв — не вкрали, та насилу-насилу вже к вечеру вкрали!»

522

Шел солдат домой на побывку и забрел к одному мужику ночь ночи² вать. «Здравствуй, хозяин! Накорми и обогрей прохожего!» — «Ну что ж, садись за стол, гость будешь!» Солдат снял тесак да ранец, помолился образам и уселся за стол; а хозяин налил стакан горького и говорит: «Отгадай, служба, загадку — стакан вина поднесу; не отгадаешь — оплеуху тебе!» — «Изволь, сказывай загадку». — «А что значит чистота?» Солдат подумал-подумал и вымолвил: «Хлеб чист, значит он и чистота». Мужик хлоп его по щеке. «Что ж ты дерешься? Нас бьют да вину ска-

¹ Головной убор.

зывают». — «Чистота, брат, кошка: завсегда умывается! А что значит *благодать?*» Солдат опять подумал-подумал и говорит: «Знамое дело, хлеб — благодать!» Мужик хлоп его в другой раз: «Врешь, брат, служба! Благодать — вода. Ну, вот тебе последняя загадка: что такое *красота?*» Солдат опять свое: «Хлеб, — говорит, — красота!» — «Врешь, служба; красота — огонь; вот тебе и еще оплеуха! Теперь полно, давай ужинать». Солдат ест да про себя думает: «Сроду таких оплеух не видал, и на службе царской того не было; постой же, я тебе и сам удружу; будешь меня помнить!»

Поужинали и легли спать. Солдат выждал ни много, ни мало времечка; видит, что хозяева заснули, слез с полатей, поймал кошку, навязал ей на хвост пакли, паклю-то зажег да кошку на чердак погнал: бросилась она туда со всех четырех ног и заронила огонь в солому; вмиг загорелась изба, и пошло драть! Солдат наскоро оделся, подошел к хозяину и давай в спину толкать. «Что ты, служивый?» — «Прощай, хозяин! Иду в поход». — «Ступай с богом!» — «Да вот тебе на прощанье загадка: взяла чистота красоту, понесла на высоту: коли не ухватишь благодати, не будешь жить в хати! Отгадывай!» — сказал солдат и пошел со двора. Пока мужик ломал себе голову, что бы такое значили солдатские речи, загорелся потолок. «Воды! Воды!» — кричит хозяин, а воды-то в доме ни капли нет; так все и сгинуло. «Ну, правду солдат загадал: коли не ухватишь благодати, не будешь жить в хати!» Отольются кошке мышинные слезки!

523

Одна глупая баба приехала на ярмарку купить образ Временной Пятницы¹. Приходит в балаган к разносчику: «Дядюшка, покажи-ка мне образ Временной Пятницы!» Вместо того показывает он ей Егория Храброго. «Дядюшка! Да отчего же она, матушка, на коне?» — Экая ты, баба, дура! Оттого она и называется Временною, что иной раз пешком ходит, а временем на коне ездит. Вишь, конь-то так копытища и задирает!»

524

Одна баба, ставя по праздникам свечку перед образом Георгия По-^{219/111}бедоносца, завсегда показывала змию кукиш: «Вот тебе, Егорий, свечка; а тебе шиш, окаянному!»

Этим она так рассердила нечистого, что он не вытерпел; явился к ней во сне и стал страшать: «Ну уж попадись ты только ко мне в ад, натерпишься муки!»

После того баба ставила по свечке и Егорию и змию. Люди и спрашивают, зачем она это делает? «Да как же, родимые! ведь незнамо еще куда попадешь: либо в рай, либо в ад!»

¹ «Пятница именуется Временною, потому что день св. Параскевы, 28 октября, временно приходится в пятое» («Рус-

ские престонародные праздники» И. Снегирева, I, 188).

525

Орал мужик в поле, выорал самоцветный камень. Идет домой, а на встречу ему сосед, такой стародревний. Показал ему камень: «Кому гож?» — «Неси,— говорит,— к царю». Понес; приходит во дворец и повстречал генерала. Поклонился ему до земли: «Батюшка! Доведи до царя». — «Зачем тебе нужно?» — «Несу из деревни подарок». — «Ну, мужичок, чем царь тебя наградит, отдай мне половину; а не хочешь — вовек не дойти тебе до царя». Мужик согласился. Вот генерал довел его до самого царя. «Благодарю, мужичок! — говорит царь. — Вот тебе в награду за то две тысячи рублей». Мужик пал на колени: «Не надо мне, царь-государь иной награды, кроме пятидесяти стегей в спину». Возжалел его царь и приказал дать ему пятьдесят стегей легонько. А мужик зачал считать; как дали двадцать пять, он и закричал: «Полно, будет с меня; другая половина посулена тому, что довел меня до вашего царского величества». Ну, того позвали и сполна отсчитали половину награды, как следовало; только он не рад был такой награде! Царь поблагодарил мужичка и подарил ему целых три тысячи.

526

В некоем царстве поехал король по столичному городу покататься и в то время обронил с своей руки именной перстень. Тотчас же приказал он публиковать в газетах: кто найдет и доставит к нему перстень, тому будет большая награда деньгами. И посчастливилось найти тот перстень одному простому солдату. «Как теперь быть? — думает солдат. — Коли в полку объявить, то дело пойдет по начальству — от фельдфебеля к ротному, от ротного к батальонному, от батальонного командира к полковнику, а тот к бригадному: этак не скоро конца дождешься! Дай-ка я лучше пойду прямо к королю». Приходит во дворец; увидал его дежурный. «Ты за чем?» — «Я,— говорит,— королевский перстень нашел». — «Хорошо, братец! Я об тебе доложу королю, только с тем уговором: какую тебе даст король награду, из той награды половину мне». Солдат задумался: «Вот в кои-то веки счастье попало, да и тем поделись! — Хорошо,— говорит дежурному,— только дайте расписку, что вам половина и мне половина». Дежурный дал расписку и доложил про него королю. Король похвалил солдата за находку: «Спасибо тебе, молодец! Я тебе пожалую за это две тысячи!» — «Нет, ваше королевское величество, это не солдатская награда; солдатская награда — двести палок». — «Дурак же ты!» — сказал король и велел принести палок. Стал солдат раздеваться, расстегнул пуговицы, и выпала у него расписка. «Это что за бумага?» — спросил король. «А это, государь, расписка, что из теперешней награды только половина моя, а другая следует дежурному». Король засмеялся, позвал дежурного и велел отсчитать ему сто палок. Вот по тому приказу и принялись угощать его палками; как скоро начали отсчитывать последний десяток, солдат подошел к королю и сказал: «Ваше величество, когда он такой жадный, что ему много надобно, то я, так и быть, жертвую ему и свою полови-

ну». — «Вишь какой добрый!» — сказал король и велел дать дежурному и другую сотню. С той награды дежурный еле на карачках домой дополз; а солдата отпустил король в чистую отставку и при отпуске пожаловал ему на жить-бытье три тысячи рублей.

527

Был в одной помещицъей деревне управляющий-немец, праздников ^{248,}наших не почитал и завсегда заставлял мужиков работать. Приходит к нему ^{прим.}однажды староста и говорит: «Завтра у нас праздник, работать нельзя». — «Какой там праздник выдумал?» — «Да святого Николы, батюшка!» — «А где он? Покажь мне его!» Староста принес образ. «Ну, это доска! — говорит немец. — Мне она ничего не сделает, и сам буду работать, и вы не ленитесь». Вот мужики и придумали сыграть с немцем шутку; опять приходит к нему староста: «У нас, батюшка, завтра праздник». — «Какой праздник?» — «Да преподобного шерстня». — «А где он? Покажь!» Староста привел его к старому дуплу, где шерстни водились: «Вот он!» Немец стал заглядывать в щели, а шерстни так и гудят! «Ишь, — говорит немец, — как песни-то распевает! Али водочки хлебнул? Ну, да я его не боюсь, все-таки прикажу работать». Пока немец рассуждал, шерстни вылетели и давай его жалить. «Ай-ай!» — закричал он во всю мочь. — Право слово — не велю работать, и сам не стану; пускай мужики хоть всю неделю гуляют».

528—532

ДОКУЧНЫЕ СКАЗКИ

528

Жили-были два братца, два братца — кулик да журавль. Накосили^{250a} они стожок сенца, поставили среди польца. Не сказать ли сказку опять с конца?

529

Жил-был старик, у старика был колодец, а в колодце-то елец¹, тут^{250b} и сказке конец.

530

Жил-был царь, у царя был двор, на дворе был кол, на колу мочало;^{250c} не сказать ли с начала?

531

«Сказать ли тебе сказку про белого бычка?» — «Скажи». — «Ты скажи, да я скажи, да сказать ли тебе сказку про белого бычка?» — «Скажи». — «Ты скажи, да я скажи, да чего у нас будет, да докуль это будет! Сказать ли тебе сказку про белого бычка?»¹

532

«Рассказать ли тебе докучную сказочку?» — «Расскажи». — «Ты говоришь: расскажи, я говорю: расскажи; рассказать ли тебе докучную сказочку?» — «Не надо». — «Ты говоришь: не надо, я говорю: не надо; рассказать ли тебе докучную сказочку?» — и т. д.

¹ Рыба.

¹ И так далее, пока не наскучит одному спрашивать, а другому отвечать.

533—553

ПРИБАУТКИ

533

«Государь ты наш Сидор Карпович, много ли тебе от роду лет?» — ^{251a}
«Семьдесят, бабушка, семьдесят, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, когда ты умирать будешь?» — «В среду, бабушка, в среду, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, когда ж тебя хоронить будут?» — «В пятницу, бабушка, в пятницу, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, чем тебя поминать будут?» — «Блинами, бабушка, блинами, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, во что после тебя позвонить будет?» — «В сковороду, бабушка, в сковороду, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, много ли у тебя детушек?» — «Семеро, бабушка, семеро, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, чем после тебя поить-кормить будет?» — «По миру, бабушка, по миру, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, по миру ходить — зима студена!» — «В лапотках, бабушка, в лапотках, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, по миру ходить — собачки съедят!» — «С палочкой, бабушка, с палочкой, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, по миру ходить — не во что милостыню класть!» — «В сумочку, бабушка, в сумочку, Пахомовна!»

534

«Куда, миленький, снаряжаешься?» — «Не скажу». — «Скажи, мой дорогой, куда снаряжаешься?» — «В город на ярманку». — «Миленький, возьми меня с собой!» — «Не возьму». — «Возьми, мой дорогой, меня с собой». — «Садись на самый краешек». — «Что у тебя, миленький, в возу?» — «Не скажу». — «Что, мой дорогой, в возу?» — «Яблоки». — «Дай мне, миленький, яблочко». — «Не дам». — «Дай, дорогой, яблочко». — «Возьми одно». — «Где мы, миленький, ночуем с тобой?» — «Не скажу». — «Скажи мой дорогой, где ночуем с тобой?» — «В большой деревне, у попа в пелевне ¹».

¹ Пелевня — сарай для соломы, пуня.

535

«Коза, коза, лубяные глаза, где ты была?» — «Коней пасла».^{251c}
 «А кони-то где?» — «Николка увел».— «А Николка-то где?» — «В клеть ушел».— «А клеть-то где?» — «Водой унесло».— «А вода-то где?» — «Быки выпили».— «А быки-то где?» — «В гору ушли».— «А гора-то где?» — «Черви сточили».— «А черви-то где?» — «Гуси выклевали».— «А гуси-то где?» — «В вересняк¹ ушли».— «А вересняк-то где?» — «Девки выломали».— «А девки-то где?» — «Замуж выскакали».— «А мужья-то где?» — «Все примерли».

536

«Галка-копалка, ты куды, галка, летала?» — «На дедину полянку».^{251d}
 «Чего делают на дединой полянке?» — «Грамоту пишут, на девицу здышут»¹. — «Девица, девица, сходи за водицей!» — «Рака боюся!» — «Рак на болоте, рубахи колотит, в цветном платье; трои сани с козырями, трои с вычурами».

537

Гуси-лебеди летели, в чисто поле залетели, в поле банюшку dospели.^{251e}
 Воробей дрова колол, таракан баню топил, мышка водушку носила, вошка парилася, приушмарилася¹; бела гнида подхватила, на рогожку повалила; сера блошка подскочила, ножку подломила, в передбанок вошку выносила...

538

Кот на печи сухари толчет, кошка в окошке ширинку¹ шьет, свинья^{251f}
 в огороде овес толчет, курочка в сапожках избушку метет; вымела избушку, положила голичок под порожилок.

539

Ходит курочка в сапожках, выронила перышко, из перышка-то ядрышко.^{251g}
 укатилось оно на Иваново село. На Ивановом селе-то собачка на лычке потяжкивает, медведь на цепочке порывается, господин на печке обуваётся, госпожа за печкой оладьи печет, сухари толчет.

540

Слетались птицы стадами, садились малыми рядами, пели они — вос-^{251h}
 певали, жалобно причитали: кто у нас на море бóльшим? Кто на синем-то меньше? На море орел царем, на море орлица царица, его голубушка

¹ Можжевательник.¹ По девице вздыхают.¹ Устала.¹ Платок.

перепелка, русский гусь торговый, сера утка попадья, воробышек дьячок, малые чирята крылошане, дикие гуси дворяне, на море филин водовозом, на море журавль перевозом: то-то ли долги ноги, то-то ли короткое платье! Журавль по бережку ходит, людей перевозит, цветно платье не мочит; галочки черноваты, малиновки штукваты¹, синички молодицы, касаточки красны девицы; малая птица синица сенушко косить не смогает, по корму скотинушку пускает; жаворон² воспевает, слышит весну красну, слышит лето тепло: стала мать-рожь на колос метаться, скотинушка в лес убираться; ворона-то вшивая, понаплетка фальшивая, летом ворона по суслонам³, зимой ворона по дороге, каждого следу перегребаёт, каждого братом называет; сорока-то гостиная жена, хочет щепотко⁴ ходити, с денежки на денежку ступать, рублем ворота отпирать, полтиною замечать, без калача исть не сядет, без водки не изопьет.

541

Лежит заякa под кустом; охотники за ним взорят, зверя малого ловят.^{251k}
Скочил заякa на ноги: «Вы, охотнички, идите — на мой хвостик посмотрите!»

«Зайнька серенький, где ты был-спобывал?» — «Был я, побывал в огороде-ельничке, в амбарчике-спальничке». — «Кого видел-сповидал?» — «Видел я, повидал три девчины хороши, три любчины пригожи; Анюшенька черноброва, черноглаза лучше всех». — «Зайнька серенький, они звали ли тебя?» — «Звали-звали, позывали: Катюша на часок, Марьюша на денек; Анюшенька удалá на недельку позвала». — «Зайнька серенький, кормили ли тебя?» — «Катюша-то блинами, Марьюша-то пирогами; Анюшенька удалá кашу с маслом поднесла». — «Зайнька серенький, поили ли тебя?» — «Катюшка-то пивцом, Марьюша-то винцом; Анюшенька удалá стакан меду налила». — «Зайнька серенький, положили ли тебя?» — «Катюша-то на лавку, а Марьюша на другую; Анюшенька удалá подушечку подала». — «Зайнька серенький, не били ли тебя?» — «Катюша-то клюкой, а Марьюша кочергой; Анюшенька удалá за ушеньки подрала». — «Зайнька серенький, провожали ли тебя?» — «Катюша-то на сенец, а Марьюша на крылец; Анюшенька удалá за ворота провела».

542

Тень-потетень, выше города плетень; на полище трубица гороховая,^{251k} на печи калачи, как огонь горячи, с печки упали, в горшочек попали. Кушайте, бояре, повáрных щей. Тетка-божатка¹, сошей-ка рубашку, тоненьку, беленьку, косой вороток. Поеду я жениться, на сивке, на бурке, на соловой кобылке. Кобылка, кобылка, не сдерни овима; в овине Арина

¹ Хитры.

² Жаворонок.

³ Суслон — несколько снопов, складенных в кучу.

⁴ Чисто, богато.

¹ Крестная мать.

ткет полотно, перетыки-то² кладет, да недотыкивает. Шапка-татарка поехала по лавкам; бей в доску да поминай Москву. Как на Вологде вино по три денежки ведро, хоть пей, хоть лей, хоть окачивайся! Куколка, куколка, для ча долго не жила? Я боялась типуна. А типун-то не судья, а судья-то лодыга. Лодыгины дети хотят улетети за Иванов город. Они по грамотке пишут, на девицу дышут. Девица, девица, поди по водицу! На дороге-то волки горох молотили, поповы ребята полу-то сказали, попадья-то с печи обломала плечи. Сем-пересем на лопатке испечен; мужик песню спел, на капустник сел, съел три короба блинов, три костра пирогов, заулок рогулек, заход калачей, макинницу сулюю³, овин киселя, поваренку шей!

543

Ну-тка, дядюшка Корнило, запрягай-ка ты кобылу, у Макарья на песку приразмычь горе-тоску: стоит бражка в тuesку¹, бражка пьяная-пьяна, весела хмельная голова! Бражку порняй² выпивай!..

544

Пошел полковник погулять, поймал птичку-перепелочку; птичка перепелочка пить похотела, поднялась-полетела, пала-пропала, под лед попала, попа поймала, попа-поповича, Петра Петровича.^{251m}

545

Однажды говорила о себе репа: «Я, репа, с медом хороша!» — «Поди²⁵¹ⁿ прочь, хвастунья! — отвечал ей мед. — Я и без тебя хорош».

546

Была репа важная, дивилась старуха кажная; одним-днем кругом не обойдешь; у той репы половину мы с семьей целую неделю ели, а другую половину другую неделю; корку навалили да кобылу надсадили и телегу обломили. Вот какая была мудрость недавно утрь¹!

547

Стоит град пуст, а во граде куст; в кусте сидит старец да варит изварец^{251p}; и прибежал к нему косою заяц и просит изварец. И приказал старец безногому бежать, а безрукому хватать, а голому в пазуху класть.

² Перетыки — особенного рода нить, затканная в полотно.

³ Сулюй — мутный квас и густое сусло, из которого варят ржаной кисель.

¹ Тues — берестяной бурак.

² Порно — крепко, скоро, прытко.

¹ Утром.

548

Теща про зятя пирог пекла, творила¹ да вмесила три осьмины муки,^{251g} соли да крупы на четыре рубли, масла да яиц на восемь рублей, окорок свиной да поросенок годовой. Этого пирожка семерым не съесть, а хоть семеро подымут, так десятком не съесть. А зятек сел, в присядку² все съел. Теща по полу похаживает, ско́са на зятя поглядывает: «Милый зять, не одуло ли тебя?» — «Ласкова теща, не прибавишь ли еще хоть сито блинов, решето пирогов?» — «Что тебя, зятюшка, не рóзорвало?» Вот зять идет дорогой, а брюшина стороной; навстречу ему прохожий — спрашивает: «Что это за диво? Где я ни бывал, нигде не видал!» — «Какое это диво — зятева брюшина!»

549

«Бабушка Арина, куда ты ходила?» — «В новую деревню». — «Ну что в новой деревне?» — «Утка в юбке, селезень в кафтане, корова в рогоже — нет ее дороже». Это присказка, сказка будет впереди. Кудель, кудель, куда ты летела, на кусточек села, на кусточек села — соловьем запела? У нас не так, как у вас: и кудель поет соловьем!

550

Наташка, Наташка, сладенька кулажка¹, сладка медовая, в печи не^{251s} бывала, жару не видала. Заиграли утки в дудки, журавли пошли плясать, долги ноги выставлять, долги шеи протягать.

551

Меж долами, меж горами сидит баба с пирогами, недорого продает,^{251t} все по денежке пирог. Она век-от свой торгует, ходит босиком: чулки новы, пяты голы, носки выпадали. Призакаялась молодка пирогами торговать, пироги печи, на базар везти.

552

Курошинским-то ребятам ныне по́жилось, прибогатилось; они с торгу^{251u} муку брали, муку на солод меняли, часто пивушко варили, бражку пьяненькую, бражку хмельненькую. Они пили пировали, сами все происто-щали, кошелечки нашивали и пестери наплели, по дворам побрели.

553

Не белая березонька в поле шатается, шелудивый с плешивым счи-^{251w}тается: «Хороши твои кудри, хороши твои русы, да не выросли!»

¹ Существительное «творило» от глагола творить — разводить муку на теплой воде.

² За присест.

¹ *Калѳа* — солод ржаной, смешанный с ржаною же мукою и сваренный в печке.

СКАЗКИ ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ АФАНАСЬЕВА

554. КАЗКА ПРО КОЗЛА И БАРАНА

Був собі чоловік та жінка; мали вони козла й барана. «Ох, жінко! — каже чоловік. — Проженемо¹ ми цього барана і козла, а то вже вони у нас дурно хліб їдять. А вбирайся, козел і баран, собі з богом, щоб ви не були у мене і в дворі!» Пошили вони собі торбу, та й пішли. Ідуть та ідуть. Посеред поля лежить вовча голова. От баран дужий, та не сміливий, а козел сміливий, та не дужий. «Бери, баране, голову, бо ти дужий». — «Ох, бери ти, козле, бо ти сміливий». Узяли вдвох і вкинули в торбу. Ідуть та ідуть — коли горить вогонь. «Ходимо й ми туди! Там переночуємо, щоб нас вовки не з'їли». Приходять туди, аж то вовки кашу варять: «А, здорові, молодці!» — «А, драстуйте, братці, драстуйте, ще каша не кипить, мясо буде з вас». От тут баран уже злякався², а козел давно уж злякався. Козел і одумавсь: «А подай лишень³, баране, отую вовчу голову!» От баран і приніс. «Та не цю, а подай більшу!» — каже козел. Баран знов цупить⁴ ту ж саму. «Та подай ще більшу!»

От тут уже вовки злякались; стали вони думати-гадати, як би відтіля удрати. «Славная, братці, кумпанія і каша гарна кипить, та нічим долить; піду я по воду». Як пішов вовк по воду: «Хай вам абищо з вашою кумпанією!» Як зачав другий того дождати, став думати-гадати, як би й собі видтіля удрати: «Е, вражий син! Пішов та й сидить, нічим кашу долить. Ось візьму я ломаку та прижену його, як собаку!» Як побіг, так і той не вернувся. А третій сидів, сидів: «Ось піду лишень я, так я їх прижену!» Як побіг, так і той рад, що втік. «Ох, нум⁵, брате, скоріше хвататися, щоб нам оцю кашку поїсти та з куреня убратися!» От як одумавсь вовк: «Е, щоб нам троїм та козла і барана бояться! Ось ходім ми їх поїмо, вражих синів». Прийшли, аж тії добре шатались, уже з куреня убрались; як побігли, та й на дуба зібрались. Стали вовки думати-гадати, як би козла та барана нагнати. Як стали йти, і найшли їх на дубі. Козел сміліший, ізліз на самий верх, а баран не сміливий — так нижче. «Ох, лягай, — кажуть вовки ковтуноватому⁶ вовкові, — ти старший! Та й ворожи, чи не побачимо їх». Як ліг вовк до-гори і зачав ворожити. Баран сидить на гіллі⁷ та так дрижить: як упаде, та на вовка. Козел сміливий не став зівати, а як закричить: «Подай мені ворожбита!» Вовки як схватились та насилу відтіля убрались.

¹ Прогоним.

² Испугался.

³ Лишень — усилительная частица (ка, же).

⁴ Тянет, тащит.

⁵ Станем.

⁶ С шерстью, сбившейся от грязи в комья.

⁷ На ветке.

555. КАЗКА ПРО КРАВЦЯ І ВОВКА

Як був у попа кравець¹ і пішов на село робити, а в той час безщасному вовкові не послав біг корму. Він зліз на гору да й просе бога: «Дай, господи, їсти, а то вмру!» — «Ох, іди ж, — каже, — вовче! Шо нападеш попове, то й їсти тобі готове». От іде вовк — ходе кобила: «Здорова була, кобило, а чия ти єсть?» — «Ох, вовче, я попова». — «Ти ж мені їсти готова!» — «Ох, подивися ж, — каже, — вовче! Я була в городі, принесла бумага». Став вовк дивитися в бумага, кобила як стрибнула! Оглянулась, так і вовка не вздріла. От іде вовк та й думає: «Який я дурень єсть! Чи я пан, чи я письменний, шо ще мені в бумага дивитися?» Іде вовк, аж ходить баран: «Здоров був, баране! А чий ти єсть?» — «Поповий». — «Ти ж мені їсти готовий!» — «Ой, стань же ти, вовче, в долині, а я піду на гору; роззяв ріт, так я сам тобі влечу». Як розігнався баран, як дав йому в лоб, дак трохи не заснув вовк. От іде вовк та й думає: «Який я дурень! Чи я пан, чи шо, шо ще захотів легкого хліба?» Стрів вовк свіні: «Здорові були, свіні! А чії ви єсть?» — «Попові!» — «Ви ж мені їсти готові!» — «Ох, вовче-братику! Зволь же нам хоть пісню заспівать». Поти свині вовка манили, пока люди взгляділи вовка да й прогнали.

От іде вовк і стрічає кравця: «Здоров, був, кравче! А чий ти єсть?» — «Поповий!» — «Ти ж мені їсти готовий!» — «Ох, вовче-братику! Дозволь же мені хоч умитися на останній дорозі, от дай же ще й хвоста втертись». От кравець у хвіст руки як умотав, як одпустив три аршини, так вовк там трохи й не гигнув...² От кравець як одумавсь; як побіг, та на дуба і сховавсь. Став вовк думати-гадати, як би того кравця здогнати; зібрав собі молодців і підійшов як раз під того дуба. «Онде, братці, сидить кравець на дубі. Ох, нумте, братці, як би його достати...» От ліг безхвостий на споді, а ті всі на його зверху; от уже одному вовку стати і кравця достати. Той кравець каже: «Понюхаю хоч на останній дорозі табаки!» Понюхавши: ахчи! А вовк думав, шо кричить: «Аршин!» Як пирсне відтіля, як посиплються вовки, як вхопили того вовка, розірвали — і пропав бідний!

556. ПОВЕСТЬ О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ, СЫНЕ ЩЕТИННИКОВЕ

Пришел Лещ на Ерша подал челобитну, а в челобитной пишет тако: «Господам моим от рыб великому Осетру и Белуге и Белой рыбице. Бьем челом на лихого Ерша, что он владеет насильством нашими вотчинами. Собою он мал, а щетины у него как острые рогатины, и где он ни попросится ночевать и кто его не ведаючи пустит, — и он хочет хозяина вон выжить. А мы хотим быть оправлены вами, праведными судиями». Судья спросил Леща: «Чем, Лещ, Ерша уличаешь?» Лещ сказал: «Уличаю я его истинною правдою; да есть у меня рыбы добры, зовут их Сиг и Ладога, на них я шлюся». Судьи спросили Ерша: «Шлешься ли ты на

¹ Портной.

² Чуть не умер, не успев крикнуть.

Сига и на Ладогу?» Ерш сказал: «Сиг и Ладога рыбы велики, а мы рыбы малые; а се они с Лещом хлеб-соль водят вместе, и они правды не скажут». Судьи спросили Леща: «Еще чем Ерша уличаешь?» Лещ сказал: «Уличаю я его общею правдою, да есть у меня еще рыба добрая, зовут ее Сельдь переславская; на ту я еще шлюся». Судьи спросили Ерша: «Шлешься ли ты на общую правду — Сельдь?» Ерш сказал: «То общая правда; на ту и я шлюся».

Судьи послали по Сельдь пристава Окуня. Окунь пошел, взял в понятия Сома, и Сом с большим усом сказал, что-де я в понятия не гожусь, имею брюхо велико, ходить не могу, глазами вдоль не вижу. И Окунь отпустил Сома и взял в понятия Язя, и поставили Сельдь перед судьями. Судьи спросили Сельдь: «Чье Ростовское озеро, исстари ли Ершово? и знают ли Ерша на Москве все богатые, покупают ли его для похмелья дорогою ценою и с похмелья им оправляются?» Сельдь переславская сказала, что Ростовское озеро исстари Лещево, а тот-де Ерш где ни попросится ночевать, кто его не ведаючи пустит,—и он хочет хозяина выжить, а знают его все богатые, у кого одна полушка есть,—и на ту ершов много купит: столько не съедят, сколько расплюют его! Судьи приговорили: истца Леща оправить, а ответчика Ерша обвинить, и в соль осолить, и против солнышка повесить. И как Ерш сие услышал, вильнул хвостом, ушел в хворост: только Ерша и видели! И всему тому конец.

Послали миром Першу заложить вершу; пришел Богдан, Ерша бог дал; пришел Устин, опять Ерша упустил; пришел Иван, опять Ерша поймал; пришел Потап, стал Ерша топтать; пришел Давид, стал Ерша давить; пришел сосед, бросил Ерша в сусек; пришел Лазарь, по Ерша слазил; пришел Назар, понес Ерша на базар: недорог! Пришел Константин, дает за Ерша шесть алтын: уступи, Назар! Пришел Мартын, дает Константину барыша алтын; пришел Анос и даром Ерша унес; пришел Копрон, сустиг на коне; пришел Павел, котел поставил; пришел Ерема, принес дров беремя; пришел Селиван, воды в котел наливал; пришел Обросим, Ерша в котел бросил: пусть попреет, к ужину поспеет! Пришел Перша, посыпал перцу; пришел Лука, покрошил луку; пришел Савва, положил полтора пуда коровьего сала; пришел Глеб, принес хлеб; пришел Пахом, хлеба напахал; пришел Логин, принес ложек; пришел Вавила, поднял Ерша на вила; пришел Филипп, стал Ерша пилить; пришел Демид, стал Ерша делить; пришел Мина, мякнул Демиду в рыло; пришел Тит, только походя бз.; пришел Андрей, Тита по плешу огрел; пришел Яков один Ерша смякал, сам убежал, только ножки показал! Пришел Елизар, только котла полизал, а Ерша и в глаза не видал; пришел Данила да сестра его Ненила, только по Ерше голосом повыли и конец ему сотворили.

557. ДЕВУШКА И МЕДВЕДЬ

Было три сестры, младшая — дурочка. Летом собирали они в лесу ягоды; старшая сестра заблудилась, шла, шла и пришла к хатке на куриной лапке. Вошла в хатку и стала сестер закликать: «Кто в лесу, кто в

бору, приди ко мне ночевать!» — «Я в лесу, я в бору, приду к тебе ночевать, — отвечал огромный медведь, входя в дверь, — не бойся меня, влезь в правое мое ушко, вылезь в левое — у нас всего будет!» Девуца влезла медведю в правое ухо, вылезла в левое и нашла у себя за пазухой ключи. «Теперь приготовь ужин!» Она приготовила ужин. Сели за стол; мышь подбегает и просит у девушки каши. «Кто с тобой разговаривает?» — спрашивает медведь. «Мышка каши просит». — «Ударь ее по лбу!» Она ударила. «Теперь стели мне постель — ряд поленьев да ряд каменьев, ступу в головы, а жерновом накрыться». Постель приготовлена; медведь лег, а девуце велел целую ночь бегать по комнате да звенеть ключами. Она бегаёт, ключами побрякивает, а медведь лежал, лежал и бросил в нее жернов. «Жива еще!» — закричала мышка; медведь бросил ступу. «Жива еще!» — опять отозвалась мышка, и вслед за ступой полетело полено. Убил медведь красную девуцу и высосал из нее кровь. В другой раз заблудилась середняя сестра, и с нею случилась та же самая беда. Вздумала меньшая — дурочка — пойти поискать своих сестер и попала в ту же хатку. Медведь велел ей приготовить ужин и постлать постель. Сели они за стол, прибежала мышка и стала просить каши. Девуца дала ей. «Кто с тобой разговаривает?» — спросил медведь. «Никто!» Вот когда медведь улегся, мышка сказала красной девуце: «Дай мне ключики, я стану за тебя бегать!» Медведь бросил жернов, мышка закричала: «Не жива!» Медведь вскочил, стал искать убитую, не нашел и побежал в лес. Тогда мышка рассказала девуце про старших сестер, дала ей ключики, у которых что ни попроси — всё дадут, и проводила ее домой.

558. ТРИ СЕСТРЫ

В одной деревне жили три замужние сестры. Раз мужья их куда-то уехали. В это время приходит к старшей сестре ведьма попросить заступа, но когда та пошла за заступом и воротилась, то не нашла в избе ни ведьмы, ни ребенка своего. Побежала она по дороге и спрашивает у рябины: «Рябинка, рябинка, не видала ль ты ведьмы с ребенком?» — «Очисти меня, подбери меня, тогда скажу». — «Нету времени!» — с досадой сказала крестьянка и пустилась дальше. То же случилось и при расспросах, обращенных к яблоне, груше, корове, колодцу и квашне. Яблоня и груша просили очистить их, корова — выдоить ее, колодец — накрыть его, квашня — замесить в ней тесто; крестьянка всем отказала и прибежала, наконец, к маленькой избушке; входит в нее, а там сидит старая ведьма, в печи на огне кипит смола, а на припечке лежит ребенок. «Зачем кипит смола?» — спрашивает несчастная мать. «Хочу сварить твое дитя», — отвечает ведьма. Мать стала молить и просить. «Почеси мне голову», — сказала ведьма. Крестьянка повиновалась, но только расправила ей волосы, как смола побежала через край горшка. «Отставь горшок!» — говорит ведьма; мать схватывает горшок со смолою, бросает его на ведьму, потом берет своего ребенка и убегает. Кот продрал ведьме глаза, и она пустилась в погоню; квашня, колодец, корова, груша, яблоня и рябина указали

ей дорогу, ведьма догнала и разорвала ребенка на части. На другой день то же несчастье постигло среднюю сестру, а на третий день ведьма посетила младшую сестру-дурочку и похитила у нее ребенка. Сестра-дурочка исполнила требования рябины, груши, яблони, коровы, колодца и квашни; от деревьев получила за то плоды, от коровы кринку молока, от колодца бутылку воды, от квашни хлеб. Она залила ведьму смолою, но, убегая, бросила коту все полученные ею припасы. «Кот, продери очи!» — кричала ведьма. «Постой, съем хлеб!» Съел хлеб; ведьма опять кричит: «Кот, продери очи!» — «Подожди, съем молоко», — и так далее. Когда он собрался продирать ведьме очи, мать с ребенком была уже дома.

559. СКАЗКА О ЗОЛОТОМ, СЕРЕБРЯНОМ И МЕДНОМ ЦАРСТВАХ

В некотором было царстве, в некотором государстве жил царь с супругою своею, и имели они у себя трех прекрасных сыновей, из которых называли большого Василий-царевич, а среднего Федор-царевич, а меньшого Иван-царевич. В один день царь прогуливался в саду, и с супругою своею. Вдруг поднялся вихорь и унес царицу из глаз его, о чем царь весьма был печален, долгое время соболезуя о своей супруге. Старшие его два сына испросили у печального отца своего благословение и отправились в путь свой искать матери своей. Едучи с своими людьми долгое время, заехали они в дикую степь, раскинули палатки и ожидали не увидят ли кого, кто бы указал им дорогу; однако чрез три года никого не видали, а между тем подрос меньшей брат Иван-царевич. И тот также, испрося у отца своего благословение и простясь, отправился в путь. По одновременном путешествии увидел он вдали палатки и поехал к ним и как стал подъезжать ближе, то и узнал, что это были его братья. Приехавши, сказал он: «Что вы, братья, в какой дикой степи остановились? Отпустимте своих людей в наше государство и поедем лучше одни искать своей матери». Братья по его совету учинили и поехали в путь, и ехали они долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро-то сказка сказывается, а дело-то не скоро делается, и усмотрели вдали дворец хрустальный, обнесен такою же стеною вокруг, и приехали к оному. Тогда Иван-царевич, найдя ворота, взъехал на двор и, подъезжая к крыльцу, увидел столб, в котором было два кольца: одно золотое, другое серебряное. Проведши повод в оба кольца, привязал он своего коня богатрского, потом пошел на крыльцо. И встречает его сам король, и по довольном разговоре король узнал, что он был ему племянник, и повел его в покои, куда и братьев Ивана-царевича пригласил. Погостили они недолгое время и получили от короля в подарок волшебный шар, который поката перед собою — доехали до высочайшей горы, где и остановились. Крутизна горы была столь высока, что на нее взлезть им никак было не можно.

После того Иван-царевич нашел скважину, где попались ему на руки и на ноги железные когти, помощью коих взшел он на самый верх горы. Уставши, сел он под дуб для отдохновения, и лишь только снял с себя

когти — вдруг оные исчезли. Вставши, увидел он вдали палатку, сделанную из самого тонкого батисту, на коем изображалось медное государство, а на верху оной палатки поставлен был шар медный. При входе оной лежали два превеликие льва, которые не допускали войти в палатку. Иван-царевич, увидя стоявшие при них тазы пустые, налил воды и утолил их жажду, и они дали свободный вход в палатку. По входе в оную увидел он на софе сидящую прекрасную царевну, а в ногах у ней спал змей трехглавый, которому, он одним махом все три головы отсек, — за что царевна его благодарила и подарила ему яйцо медное, сокрывающее в себе медное государство. Итак, царевич, простясь с нею, отправился в путь и, шедши долгое время, увидел вдали палатку, сделанную из самого тонкого флеру и привязанную к кедровым деревьям серебряными шнурками, у коих кисти были изумрудные, а на палатке изображено серебряное государство, и на верху был поставлен серебряный шар. При входе оной палатки лежали два превеличайшие тигра, которых жажду от солнечного зноя утолил водою и сделал себе свободный вход в палатку. И как вошел туда Иван-царевич, то увидел на софе сидящую весьма богато убранную царевну, красотою превосходнее первой. У ног ее лежал шестиглавый змей и вдвое против прежнего больший, которому он за один раз отрубил все головы, — за что царевна, видя его силу и неустрашимость, подарила ему серебряное яйцо, сокрывающее в себе серебряное государство. Простясь и с этой царевной, пошел Иван-царевич далее и достиг, наконец, до третьей палатки, которая была сделана из самого чистого каротку (?), на коем было вышито золотое государство, а на палатке был шар из самого чистого золота; она была прикреплена к лавровым деревьям золотыми шнурками, у коих были привешены алмазные кисти. При входе оной лежали два великие крокодила, которые от великого жару испущали огненное пламя. Царевич, видя их жажду, наполнил их пустые тазы водою и тем учинил себе свободный вход в палатку. И там увидел царевич на софе сидящую царевну, красотою превосходнее прежних; у ног ее лежал двенадцатиглавый змей, которому с двух раз все головы отрубил. Царевна за сие подарила ему золотое яйцо, содержащее в себе золотое государство, а с яйцом вручила ему свое сердце и по довольном разговоре указала ему, где живет его мать, и желала ему счастливо предприятие окончить.

По довольном путешествии достиг Иван-царевич до великолепного дворца и в нем прошел многие покои и не нашел ни одного человека. Напоследок пришел в пребогато убранную залу и увидел мать свою в царской одежде, сидящую в креслах, и по нежных между ими ласкательствах и учтивых разговорах объявил ей, что он с братьями многие лета странствовал. Вдруг мать почувствовала Духа и сказала Ивану-царевичу: «Спрячься под мою одежду, и как Вихорь прилетит и станет меня ласкать, то старайся ухватиться руками за его волшебную палицу; он подыметя на воздух — ты не страшися, а как опустится на землю и рассыплется на мелкие части — ты все собери и сожги, а пепел развей по полю». Лишь только мать успела сказать и спрятать Ивана-царевича под свою одежду, ту минуту Вихорь прилетел и начал ласкаться к царице. Тогда

царевич, по совету матери своей, ухватился за волшебную палицу. Вихорь, осердясь на царевича, поднялся на высоту, потом опустился на землю и рассыпался на мелкие части. Царевич, все части подобрав, сжег, а пепел развеял по полю и овладел волшебною палицею. Взявши мать свою и трех царевен, Иван-царевич пришел к дубу, где всех по полотну спустил книзу. Братья его, как Иван-царевич один остался на горе, обрезали полотно и уехали с матерью и царевнами в свое государство и велели им клясться, что отцу скажут, будто они найдены старшими царевичами. А Иван-царевич, оставшись один на горé, не смел спуститься с оной, видя, что полотно обрезаны, и ходил по горе, перекидывая палицу с руки на руку. Как вдруг предстал перед него человек, который снес его с горы и поставил на площади его государства, где Иван-царевич и встретился с одним башмачником, у коего нанялся он в работники. Хозяин, купив кож довольно число, напился пьян и лег спать. Иван-царевич, видя, что в хозяине проку мало, призвал Духа, который снес его с горы, и приказал ему к утру сделать башмаки; Дух по приказу его все учинил. Поутру Иван-царевич, разбудя хозяина, послал с товаром в город, где тот и продал башмаки купцу, который рекомендовал его знатым господам. Наконец сам царь, увидя его работу, приказал ему носить к себе во дворец; а между тем находившаяся тут золотого государства царевна, приметя, что сия работа золотого государства Духа, приказала призвать к себе сапожника. А как скоро он пришел, то и приказала ему, чтобы завтрашнего дня поутру пред сим дворцом поставил дворец золотого государства, а от него золотой мост до самого царского дворца; покрытый зеленым бархатом,— и с тем от него пошла. Хозяин пришел домой весьма печален и сказал все то работнику, а сам с горя так напился пьян, что и сам себя не помнил, только и говорит: «Теперь хотя голову руби, так и нужды нет!» Царевич, услыша сие, приказал Духу, чтоб немедленно к завтраму поставил дворец и золотое государство, сокрывающееся в золотом яйце; Дух по приказанию все исполнил и поутру рано перенес туда Ивана-царевича, который, изготоясь для встречи отца своего и матери, послал по ним великолепные колесницы, а по братьев самые срамные телеги, прося притом всех откушать. Царь, услыша, что сын его меньшей Иван-царевич жив и здравствует, весьма обрадовался и сел с царицею и с тремя царевнами в присланную для них пребогато убранную колесницу, а детей своих насильно приказал посадить в срамные телеги, говоря притом, что вы по вине своей и того не заслуживаете. Иван-царевич встретил их великолепно и простил братьям своим их вину; потом назначил Василью-царевичу в супруги серебряного государства царевну Елену, а Федору-царевичу медного государства царевну Земиру, а себе взял золотого государства царевну Плену и отдал братьям серебряное и медное яйца, сокрывающие в себе оные государства. На другой день совершен был брак всех братьев, к великой радости подданных. И так обладали они своими подданными и всеми государствами, которые были поставлены на одном море.

560. СКАЗКА О ВАСИЛИСЕ ЗОЛОТОЙ КОСЕ, НЕПОКРЫТОЙ КРАСЕ И ОБ ИВАНЕ-ГОРОХЕ

Жил-был царь Светозар. У него, у царя, было два сына и красавица дочь. Двадцать лет жила она в светлом тереме; любовались на нее царь с царицею, еще мамушки и сенные девушки, но никто из князей и богатырей не видал ее лица. А царевна-краса называлась Василиса золотая коса; никуда она из терема не ходила, вольным воздухом царевна не дышала; много было у ней и нарядов цветных и камней дорогих, но царевна скучала: душно ей в тереме, в тягость покрывало! Волосы ее густые, златошелковые, не покрытые ничем, в косу связанные, упали до пят, и царевну Василису стали люди величать: золотая коса, непокрытая краса. Но земля слухом полнится: многие цари узнавали и послов присылали царю Светозару челом бить, царевну в замужество просить. Царь не спешил; только время пришло, и отправил он гонцов во все земли с вестью, что будет царевна жениха выбирать, чтоб цари и царевичи съезжались, собирались к нему пировать, а сам пошел в терем высокий сказать Василисе Прекрасной. Царевне на сердце весело; глядя из окошка косячатого, из-за решетки золотой, на сад зеленый, лужок цветной, захотела она погулять; попросила ее отпустить в сад — с девицами поиграть. «Государь батюшка! — она говорила. — Я еще свету божия не видала, по траве, по цветам не ходила, на твой царский дворец не смотрела; дозвожь мне с мамушками, с санными девушками в саду проходиться».

Царь дозволил, и сошла Василиса Прекрасная с высокого терема на широкий двор. Отворились ворота тесовы, очутилась она на зеленом лугу пред крутою горой; по горе той росли деревья кудрявые, на лугу красовались цветы разнообразные. Царевна рвала цветочки лазоревые; отошла она немного от мамушек — в молодом уме осторожности не было; лицо ее было открыто, красота без покрова... Вдруг поднялся сильный вихрь, какого не видано, не слыхано, людьми старыми не запомнено; закрутило, завертело, глядя — подхватил вихрь царевну, понесла она по воздуху! Мамки вскрикнули, ахнули, бегут, оступаются, во все стороны мечутся; но только и увидели, как помчал ее вихорь! И унесло Василису золотую косу через многие земли великие, реки глубокие, через три царства в четвертое — в область змея лютого. Мамки бегут в палаты, слезами обливаются, царю в ноги бросаются: «Государь! Неповинны в беде, а повинны тебе; не прикажи нас казнить, прикажи слово молвить: вихорь унес наше солнышко, Василису-красу золотую косу, и неведомо — куда». Все рассказали, как было. Опечалился царь, разгневался, а и в гневе бедных помиловал.

Вот наутро князья и королевичи в царские палаты наехали и, видя печаль, думу царскую, спросили его: что случилось? «Грех надо мною! — сказал им царь. — Вихрем унесло мою дочь дорогую, Василису косу золотую, и не знаю — куда!» Рассказал все, как было. Пошел говор меж приезжими, и князья и королевичи подумали, перемолвились, не от них ли

царь отрекается, выдать дочь не решается? Бросились в терем царевны — нигде не нашли ее. Царь их одарил, каждого из казны наделил; сели они на коней, он их с честью проводил; светлые гости откланялись, по своим землям разъехались. Два царевича молодые, братья удалые Василисы золотой косы, видя слезы отца-матери, стали просить родителей: «Отпусти ты нас, государь-отец, благослови, государыня-матушка, вашу дочь, а нашу сестру отыскивать!» — «Сыновья мои милые, дети родимые, — сказал царь невесело, — куда же вы поедете?» — «Поедем мы, батюшка, везде — куда путь лежит, куда птица летит, куда глаза глядят; авось мы и сыщем ее!» Царь их благословил, царица в путь снарядила; поплакали, расстались. Едут два царевича; близко ли путь, далеко ли, долго ль в езде, коротко ли — оба не знают. Едут год они, едут два, проехали три царства, и си-неются-виднеются горы высокие, между гор степи песчаные: то земля змея лютого. И спрашивают царевичи встречных: не слышали ли, не видали ли, где царевна Василиса золотая коса? И от встречных в ответ им: «Мы ее не знали; где она — не слышали». Дав ответ, идут в сторону. Подъезжают царевичи к великому городу; стоит на дороге предряхлый старик — и кривой и хромой, и с клюкой и с сумой, просит милостыни. Приостановились царевичи, бросили ему деньгу серебряную и спросили его: не видал ли он где, не слышал ли чего о царевне Василисе золотой косе, непокрытой красе? «Эх, дружки, — отвечал старик, — знать, что вы из чужой земли. Наш правитель лютей змей запретил крепко-накрепко толковать с чужеземцами; нам под страхом заказано говорить, пересказывать, как пронес мимо города вихрь царевну прекрасную». Тут догадались царевичи, что близко сестра их родимая; рьяных коней понукают, к дворцу подъезжают. А дворец тот золотой и стоит на одном столбе на серебряном, а навес над дворцом самоцветных камней, лестницы перламутровые, как крылья в обе стороны расходятся-сходятся.

На ту пору Василиса Прекрасная смотрит в грусти в окошечко, сквозь решетку золотую, и от радости вскрикнула — братьев своих вдалеке распознала, словно сердце сказало. И царевна тихонько послала их встретить, во дворец проводить; а змей лютей в отлучке был. Василиса Прекрасная береглася, боялася, чтобы он не увидел их. Лишь только вошли они, застонал столб серебряный, расходился лестницы, засверкали все кровельки, весь дворец стал повертываться, по местам передвигиваться. Царевна испугалась и братьям говорит: «Змей летит, змей летит, оттого и дворец кругом повертывается. Скройтесь, братья!» Лишь сказала, как змей лютей влетел, и он крикнул громким голосом, свистнул молодецким посвистом: «Кто тут живой человек?» — «Мы, змей лютей! — не робея, отвечали царевичи. — Из родной земли за сестрой пришли». — «А, это вы, молодцы! — вскрикнул змей, крыльями хлопая. — Незачем бы вам от меня пропадать, здесь сестры искать; вы братья ей родные, богатыри, да небольшие!» И змей подхватил на крыло одного, ударил им в другого и свистнул и гаркнул. К нему прибежала дворцовая стража, подхватила мертвых царевичей, бросила обоих в глубокий ров! Залилася царевна слезами, Василиса коса золотая, ни пищи, ни питья не принимала, на свет бы глядеть не хотела; дня два и три проходит — ей не умирать стать, уме-

реть не решилася — жаль красоты своей, голода послушала, на третий покушала. А сама думу думает, как бы от змея избавиться, и стала выведывать ласкою. «Змей лютый! — сказала она. — Велика твоя сила, могуч твой полет, неужели тебе супротивника нет!» — «Еще не пора! — молвил змей. — На роду моем написано, что будет мне супротивник Иван-Горох, и ододится он от горошинки».

Змей в шутку сказал, супротивника не ждал. Надеется сильный на силу, а и шутка находит на правду. Тосковала мать прекрасной Василисы, что нет весточки о детях; за царевною царевичи пропали. Вот пошла она однажды разгуляться в сад с боярынями. День был знойный, пить царица захотела. В том саду из пригорка выбежала струя ключевая вода, а над ней был колодезь белораморный. Зачерпнув золотым ковшом воды чистой, как слезинка, царица пить поспешила и вдруг проглотила с водою горошинку. Разбухла горошинка, и царице тяжелешенько; горошинка растет да растет, а царицу все тягчит да гнетет. Прошло несколько времени — родила она сына; дали ему имя Иван-Горох, и растет он не по годам, а по часам, гладенький, кругленький! Глядит, усмехается, прыгает, выскочит, да в песке он катается, и все прибывает в нем силы, так что лет в десять стал могуч богатырь. Начал он спрашивать царя и царицу, много ли было у него братьев и сестер, и узнал, как случилось, что сестру вихрь унес — неведомо куда; два брата отпросились отыскивать сестру и без вести пропали. «Батюшка, матушка, — просился Иван-Горох, — и меня отпустите; братьев и сестру отыскать благословите». — «Что ты, дитя мое! — в один голос сказали царь и царица. — Ты еще зеленехонек-молодехонек; братья твои пошли да пропали, а ты как пойдешь — пропадешь!» — «Авось не пропаду! — сказал Иван-Горох. — Я братьев и сестры доискаться хочу». Уговаривали и упрашивали сына милого царь с царицею, но он просится, всплачет, взмолится; в путь-дорогу снарядили, со слезами отпустили.

Вот Иван-Горох на воле, выкатился в чистое поле; едет он день, едет другой, к ночи в лес темный въезжает. В лесу том избушка на курьих ножках, от ветра шатается, сама перевертывается. По старому присловью, по мамкину сказанью — «Избушка, избушка, — молвил Иван, подув на нее, — стань к лесу задом, ко мне передом». И вот повернулась к Ивану избушка, глядит из окошка седая старушка и молвит: «Кого бог несет?» Иван поклонился, спросить торопился: «Не видала ли, бабушка, вихря залетного? В какую он сторону уносит красных девиц?» — «Ох-ох, колодец! — отвечала старуха, покашливая, на Ивана поглядывая. — Меня тоже напугал этот вихрь, так что сто двадцать лет я в избушке сижу, никуда не выхожу: неравно налетит да умчит! Ведь это не вихорь, а змей лютый!» — «Как бы дойти к нему?» — спросил Иван. «Что ты, мой свет, змей проглотит тебя». — «Авось не проглотит!» — «Смотри, богатырь, головы не спасти; а если вернешься, дай слово из змеинных палат воды принести, которою всплеснешься — помолодеешь!» — промолвила она, через силу шевеля губами. «Добуду — принесу, бабушка! Слово даю». — «Верю на совесть твою. Иди же ты прямо, куда солнце катится; через год дойдешь до Лисьей горы, там спроси — где дорога в змеинное

царство». — «Спасибо, бабушка!» — «Не на чем, батюшка!» Вот Иван-Горох пошел в сторону, куда солнце катится. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Прошел он три государства, дошел и до змеиного царства. Перед городскими воротами увидел он нищего — хромого, слепого старика с клюкой, и, подав милостыню, спросил его, нет ли в том городе царевны, молодой Василисы косы золотой. «Есть, да не велено сказывать!» — отвечал ему нищий. Иван догадался, что сестра его там; добрый молодец смел, прибодрился и к палатам пошел.

На ту пору Василиса-краса золотая коса смотрит в окошко, не летит ли змей лютый, и заметила издалека богатыря молодого, знать об нем пожелала, тихонько разведать послала: из какой он земли, из какого он рода, не от батюшки ли прислан, не от матушки ль родимой? Услышав, что пришел Иван, брат меньшей (а царевна его и в лицо не знавала), Василиса к нему подбежала, встретила брата со слезами. «Беги поскорее, — закричала, — беги, братец! Скоро змей будет, увидит — погубит!» — «Сестрица любезная! — отвечал ей Иван. — Не ты бы говорила, не я бы слушал. Не боюсь я змея и всей силы его». — «Да разве ты — Горох, — спросила Василиса коса золотая, — чтоб сладить с ним мог?» — «Погоди, друг-сестрица, прежде напой меня; шел я под зноем, приустал я с дороги, так хочется пить». — «Что же ты пьешь, братец?» — «По ведру меду сладкого, сестрица любезная!» Василиса коса золотая велела принести ведро меду сладкого, и Горох выпил ведро за один раз, одним духом; попросил налить другое. Царевна приказать торопилась, а сама смотрела-дивилась. «Ну, братец, — сказала, — тебя я не знала, а теперь поверю, что ты Иван-Горох». — «Дай же присесть немного — отдохнуть с дороги». Василиса велела стул крепкий придвинуть, но стул под Иваном ломается, в куски разлетается; принесли другой стул, весь железом окованный, и тот затрепал и погнулся. «Ах, братец, — вскричала царевна, — это стул змея лютого». — «Ну, видно, я потяжеле!» — сказал Горох, усмехнувшись, встал и пошел на улицу, из палат в кузницу. И там заказал он старому мудрецу, придворному кузнецу, сковать посох железный в пятьсот пуд. Кузнецы за работу взялись-принялись, куют железо, день и ночь молотами гремят, только искры летят; через сорок часов был посох готов. Пятьдесят человек несут — едва тащат, а Иван-Горох взял одной рукой бросил посох вверх — посох полетел, как гроза загремел, выше облака взвился, из вида скрылся. Весь народ прочь бежит, от страха дрожит, думая: когда посох на город упадет, стены прошибет, людей передавит, а в море упадет — море расхлестнет, город затопит. Но Иван-Горох спокойно в палаты пошел, да только сказать велел, когда посох назад полетит. Побежал с площади народ, смотрят из-под ворот, смотрят из окон, не летит ли посох? Ждут час, ждут другой, на третий задрожали, сказать прибежали, что посох летит. Тогда Горох выскочил на площадь, руку подставил, на лету подхватил, сам не нагнулся, а посох на ладони согнулся; Иван посох взял, на коленке поправил, разогнул и пошел во дворец.

Вдруг послышался страшный свист — мчится змей лютый, конь его вихорь стрелою летит, пламенем пышет; с виду змей — богатырь, а голо-

ва змеиная. Когда он летит, еще за десять верст весь дворец начнет повертываться, с места на место передвигаться; а тут дворец с места не трогается. Видно, седок есть! Змей призадумался, присвистнул, загаркал; конь-вихорь тряхнул черною гривую, размахнул широкие крылья, взвился, зашумел; змей подлетает ко дворцу, а дворец с места не трогается. «Ого! — заревел змей лютый. — Видно, есть супротивник; не Горох ли в гостях у меня?» Скоро пришел богатырь. «Я посажу тебя на ладонь одною рукою, прихлопну другою — костей не найдут!» — «Увидим!» — молвил Иван-Горох; с посохом выходит, а змей с вихря кричит: «Расходись, Горох, не катайся!» — «Лютый змей, разъезжайся!» — Иван отвечал, посох поднял. Змей разлетелся ударить Ивана, взоткнуть на копье — промахнулся; Горох отскочил — не шатнулся. «Теперь я тебя!» — зашумел Горох, пустил в змея посох и так огорошил, что змея в куски разорвал, разметал, а посох землю пробил, ушел через два в третье царство. Народ шапки вверх побросал, Ивана царем величал; но Иван тут, приметя кузнеца-мудреца, в награду, что посох скоро сработал, старика подозвал и народу сказал: «Вот вам голова! Слушайте его, на добро радея, как прежде на зло слушали вы лютого змея». Иван добыл и живомертвой воды, sprysнул братьев; поднялись молодцы, протирают глаза, сами думают: «Долго спали мы; бог весть, что сделалось!» — «Без меня и век бы вы спали, братья милые, други родимые!» — сказал им Иван-Горох, прижимая к ретивому сердцу. Не забыл он взять и змеиной водицы; корабль снарядил по реке лебединой с Василисой-красой, золотою косой поплыл в земли свои через три царства в четвертое; не забыл и старушки в избушке, дал ей умыться змеиной водицей: обернулась она молодицей, запела-заплясала, за Горохом бежала, в пути провожала. Отец и мать Ивана встречали с радостью, с честью; гонцов разослали во все земли с вестью, что возвратилась дочь их родная, Василиса коса золотая. В городе звон, по ушам трезвон, трубы гудят, бубны стучат, самопалы гремят. Василиса жениха дождалась, а царевичу невеста нашлась. Четыре венца заказали, две свадьбы пировали, на веселье на радостях пир горой, мед рекой! Деда дедов там были, мед пили, и до нас дошло, по усам текло, в рот не попало; только ведомо стало, что Иван по смерти отца принял царский венец, правил со славой державой, и в роды родов славилось имя царя Гороха.

561. СКАЗКА О СЕМИ СЕМИОНАХ, РОДНЫХ БРАТЬЯХ

Был-жил старик со старухой, и жили они несколько лет, а детей у них не было, и уже к великой старости приходили, как начали молить бога, чтоб даровал им детище, которое б было в старости их помощью в работе. И молятся они год, другой, молятся третий и четвертый, молятся пятый и шестой, а не вымолят ни единого детища; однако через семь лет старуха понесла и после родила вдруг семь сынов, которых всех называли Семюнами. И когда старик со старухой умерли, то остались Семюны

сиротами, и были они тогда все по десятому году, и пахали свое поле уже сами, и не уступали своим соседям. В некое время случилось мимо той деревни ехать царю Адору, который был самодержавец всей той области, и увидел работающих на поле семь Семюнов. Он весьма удивился, что такие малые ребята — и пахут и боронят свою пашню, чего ради и послал к ним старшего своего боярина, чтоб спросить, чьи они дети? Боярин, пришедши к Семюнам, спрашивал: для чего они, такие малые ребята, работают такую тяжелую работу? На то ему ответ держал старший Семюн, что они сироты и что за них работать некому, и притом сказал, что всех их зовут Семюнами. Боярин пошел от них и сказал о том царю Адору, который весьма удивился, что столько ребят-братьев называются одним именем, — для чего и послал к ним того ж боярина, чтоб их взять с собою во дворец. Боярин государев приказ исполнил и взял всех Семюнов с собою. Когда царь приехал во дворец, тогда собрал он к себе всех своих бояр и думных дьяков и спрашивал у них совет таковыми словесами: «Господа мои бояра и думные дьяки! Вы видите сих семь сирот, которые не имеют у себя никаких родственников; я хочу сделать их такими людьми, чтоб после они меня благодарили, для чего и требую у вас совета: в какую науку или искусство мне их отдать должно учиться? На сие отвечали все так: «Милостивейший государь! Как теперь они уже на возрасте и в разуме, то не рассудите ли за благо спросить их каждого особливо, кто в какую науку или искусство пожелает пуститься».

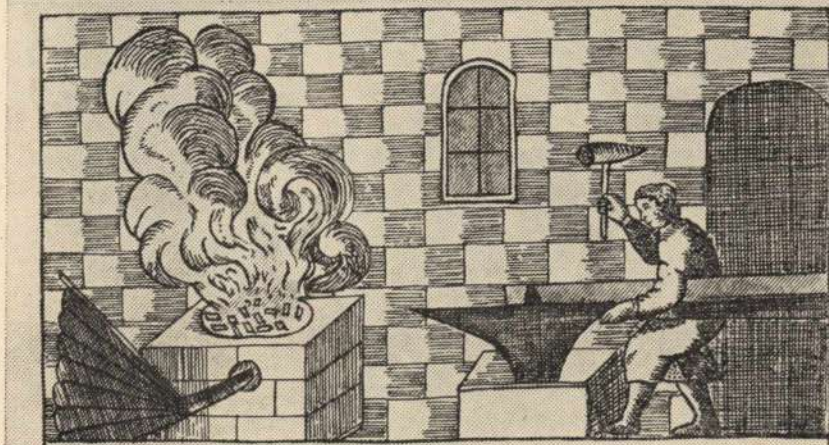
Царь принял сей совет с радостию и начал большего Семюна спрашивать: «Слушай, друг мой, в какую науку или искусство пуститься желаешь, то в такую я тебя и учиться отдам». Семюн на то ему отвечал: «Ваше царское величество! Я ни в какую науку, ни в искусство пуститься не желаю; а ежели бы вы приказали посреди вашего царского двора построить кузницу, то сковал бы я вам столб до самого неба». Царь увидел, что этого Семюна учить не для чего, потому что он и так уже кузнечное ремесло довольно искусно знает; однако не верил, чтоб он мог сковать столб до самого неба, и потому приказал в скором времени посреди своего царского двора построить кузницу. Потом спрашивал другого Семюна: «А ты, мой друг, какой науке или искусству учиться желаешь, в такую я тебя и отдам». На сие Семюн ему сказал: «Ваше величество! Я ни в какую науку, ни в искусство пуститься не хочу; а ежели большой мой брат скует железный столб до неба, то я по тому столбу взлезу на самый верх и стану смотреть во все государства и буду тебе сказывать, что в котором государстве делается». Царь рассудил, что и того Семюна учить не надобно, потому что он и так мудрен. После спрашивал третьего Семюна: «Ты, мой друг, какой науке или искусству учиться желаешь?» Семюн на то ему сказал: «Ваше величество! Я никакой науке, ни искусству учиться не хочу; а ежели бы мой большой брат сковал мне топор, я тем топором тят да ляп — тотчас бы сделал корабль». Король на то ему сказал: «Мне корабельные мастера надобны, и тебя ничему иному учить уже больше не должно». Потом спросил он четвертого Семюна: «Ты, Семюн, какой науке или искусству учиться

желаешь?» — «Ваше величество!» — сказал он на то ему. — Я никакой науке учиться не желаю, а ежели бы мой третий брат сделал корабль и когда бы тому кораблю случилось быть в море и напал бы на него неприятель, то б я взял корабль за нос и повел бы его в подземельное государство, и когда бы неприятель ушел прочь, то тогда б я опять корабль вывел на море». Царь удивился таким великим четвертого Семиона чудесам и сказал ему: «И тебя учить не надобно!» Потом спросил пятого Семиона: «А ты, Семион, какой науке или художеству учиться желаешь?» — «Я ничему учиться не желаю, ваше величество!» — сказал Семион. — А ежели большой мой брат скует мне ружье, то я тем ружьем, ежели увижу птицу — хотя за сто верст, то ее подстрелю». — «Ну, так ты исправный будешь у меня стрелец!» — сказал ему царь. После спросил шестого Семиона: «Ты, Семион, в какую науку вступить желаешь?» — «Ваше величество!» — сказал ему Семион. — Я ни в какую науку, ни в художество вступить не желаю, а ежели мой пятый брат подстрелит птицу на лету, то я ее до земли не допущу и, подхватя, принесу к тебе». — «Великий искусник!» — сказал ему царь. — Ты у меня вместо лагавой собаки в поле можешь служить».

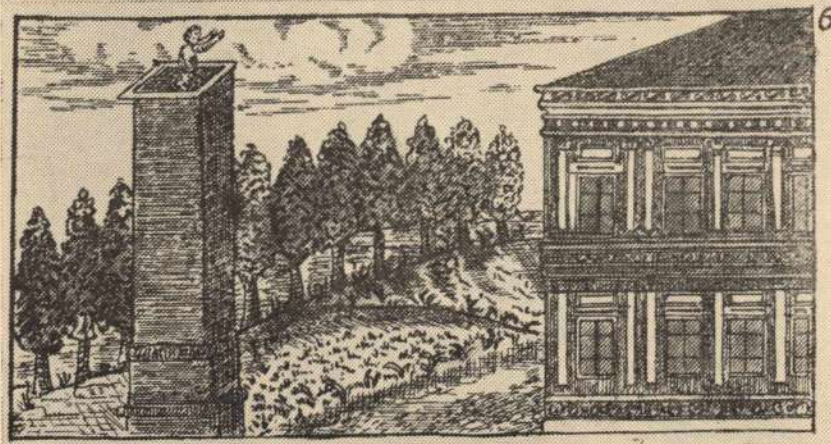
После спросил царь последнего Семиона: «А ты, Семион, какой науке или художеству учиться желаешь?» — «Ваше величество!» — отвечал он ему. — Я никаким наукам, ни художествам учиться не желаю, потому что я и так ремесло имею предорогое!» — «Да какое ж ты имеешь ремесло?» — спросил его царь. — Скажи мне, пожалуй!» — «Я хорошо умею воровать», — сказал ему Семион, — и так, что никто против меня не сворует». Царь весьма осердился, услыша о таком дурном его ремесле, и говорил потом к своим боярам и думным дьякам: «Господа мои! Чем присоветуете мне наказать сего вора Семиона, и скажите, какую казнию казнить его должно?» — «Ваше величество!» — сказали ему все они. — На что его казнить? Может быть, он вор с именем, и такой, который в случае будет надобен». — «Да почему это?» — спросил царь. «А вот потому, что ваше величество уже десятый год как достаете себе в супруги царевну Елену Прекрасную, а достать не можете, и притом много силы и войска потеряли и множество казны и прочего издержали; и этот Семион-вор, может быть, царевну Елену Прекрасную вашему величеству как-нибудь украдет». Царь на то им сказал: «Друзья мои, вы правду мне говорите!» Потом обернулся он к Семиону-вору и сказал ему: «Что, Семион, можешь ли ты съездить за тридевять земель в тридесятое государство и украсть мне царевну Елену Прекрасную, а я в нее весьма крепко влюблен; и ежели ты мне ее украдешь, то я тебе сделаю великое награждение». — «Это наше дело, ваше величество», — отвечал седьмой Семион, — и я вам ее, ежели только прикажете, украду». — «Не только чтобы тебе приказывать», — сказал ему царь, — но я еще о том и прошу; и теперь не медли больше при дворе моем и бери себе силы-войска и золотой казны, сколько тебе надобно». — «Мне ни силы, ни войска, ни золотой казны не надобно», — отвечал он. — Отпусти нас всех братьев вместе, и я тебе царевну Елену Прекрасную достану».

Царю не хотелось со всеми Семионами расстаться, однако, хотя то и жалко ему было, но принужден был отпустить их всех вместе. Между тем кузница на царском дворе была устроена, и большой Семион сковал железный столб до самого неба, а другой Семион взлез по тому столбу на самый верх и смотрел в ту сторону, где было государство отца царевны Елены Прекрасной, и после закричал он с вершины столба царю Адору: «Ваше величество! Вижу, за тридевять земель в тридесятом государстве царевна Елена Прекрасная сидит под окошечком, и у ней из косточки в косточку мозжечок переливается». Тогда царь еще больше красотою ее прельстился и потом вскрикнул к Семионам громким голосом: «Друзья мои, отправьтесь в путь как можно скорее, ибо я не могу жить без прекрасной царевны Елены!» Почему большой Семион сковал третьему Семиону топор, а пятому сделал ружье; и после того взяли с собою несколько хлеба на дорогу, а Семион-вор взял с собою кошку, и потом пошли в путь свой. Кошку ту Семион-вор так к себе приучил, что она везде за ним бегала, как собака, и ежели он останавливался на дороге или в ином каком месте, то кошка становилась на задние лапы, а потом терлась около него и мурлыкала. И так шли они путем-дорогою несколько времени и, наконец, пришли к морю, чрез которое надо было им переехать, а не на чем. Они ходили долго по морскому берегу и искали какого-нибудь дерева, чтоб сделать себе судно, и после нашли один дуб превеликий. Третий Семион взял свой топор и срубил тот дуб по самый корень, а потом по нем же тяп да ляп — сделал тотчас корабль, который был оснащен, а в корабле очутились разные дорогие товары. Все Семионы сели на тот корабль и поплыли в путь и чрез несколько месяцев прибыли благополучно в то место, в которое им надобно было. Как скоро въехали они в корабельную пристань, то тотчас бросили якорь.

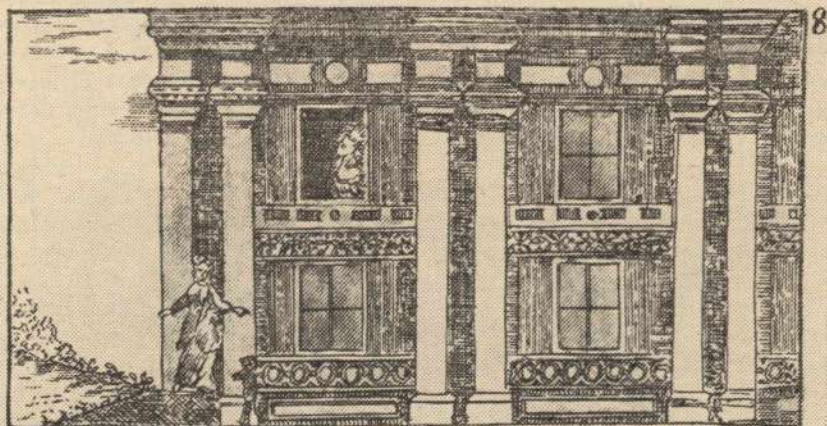
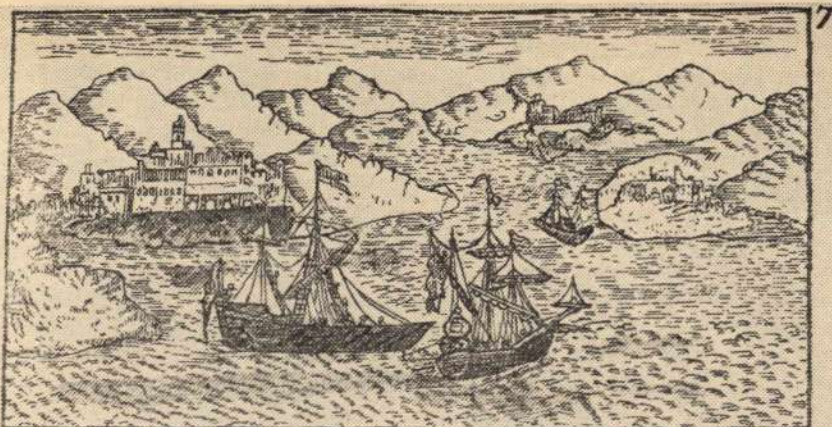
На другой день Семион-вор взял свою кошку, и пошел в город, и пришедши к царскому двору, остановился против окон царевны Елены Прекрасной; в то ж самое время кошка села на задние лапы, а потом начала тереться и мурлыкать. Надобно знать, что в том государстве совсем не знали и не слышали, что есть за зверь кошка. Царевна Елена Прекрасная в то самое время сидела под окошечком и, увидя кошку, тотчас послала своих нянюшек и мамушек, чтоб спросить у Семиона, что то был за зверек, не продаст ли он его, и ежели продаст, то какую за него просит цену? Нянюшки и мамушки тотчас выбежали на улицу и спрашивали Семиона: какой это у него зверек и не продаст ли его? Семион на то им отвечал: «Государыни мои, извольте доложить ее высочеству Елене Прекрасной, что этот зверек называется кошкою и что я его не продаю, а ежели она пожелает этого зверька иметь у себя, то оного дарю ей без всякой платы». Нянюшки и мамушки тотчас побежали в палаты и донесли о том ей, что от Семиона слышали. Царевна же Елена Прекрасная обрадовалась чрезвычайно, и выбежала сама из палат, и спрашивала Семиона: не продаст ли кошки? Семион ей сказал: «Ваше высочество! Я сей кошки не продаю; а если она вам угодна, то вам ее дарую». Царевна, взяв кошку к себе на руки, пошла в палаты, а Семиону приказала идти за собою. Когда они пришли в палаты, царевна пошла к своему батюшке

Лубочная сказка: О семи Семионах.

Лубочная сказка: О семи Семюнах.

Лубочная сказка: О семи Семионах.

Лубочная сказка: О семи Семионах.

царю Саргу, и показала ему кошку, и объявила, что ей подарил некий чужестранец. Царь, увидя такого чудного зверька, весьма обрадовался и приказал призвать к себе Семиона-вора, и когда он к нему пришел, то царь хотел его наградить казною за кошку, но как Семион не хотел принять от него, то сказал ему: «Друг мой! Живи покуда в моем доме, и между тем временем кошка при тебе лучше может привыкнуть к моей дочери». На сие Семион также не согласился и сказал царю: «Ваше величество! Я бы с радостью великою мог жить в вашем доме, когда бы не было у меня корабля, на котором я в ваше государство приехал и который препоручить мне некому; а ежели прикажете мне, то я буду ходить к вашему величеству всякий день и стану кошку приучать к вашей любезной дочери». Итак, царь приказал Семиону, чтоб ходил он к нему всякий день. Семион начал ходить к царевне Елене Прекрасной, и в некоторый день он ей сказал: «Милостивая государыня! Я уже давно к вам хожу, а вижу, что вы никуда прогуливаться не изволите; хотя бы ко мне на корабль пожаловали; я бы показал вам такие дорогие парчи, которых вы никогда еще не видывали». Царевна тотчас пошла к своему батюшке и начала проситься погулять на корабельную пристань. Царь ее отпустил и сказал, чтоб она взяла с собою нянюшек и мамушек, и пошла с Семионом.

Как скоро пришли они на корабельную пристань, то тотчас Семион просил царевну на свой корабль, и когда она на оный вошла, то Семион-вор и прочие его братья начали царевне показывать разные дорогие парчи. После того Семион-вор сказал Елене Прекрасной: «Ваше высочество! Теперь извольте приказать своим нянюшкам и мамушкам сойти с моего корабля, потому что я хочу вам показать такие дорогие товары, которых не должны они видеть». Царевна тотчас приказала своим нянюшкам и мамушкам сойти с корабля, и как скоро они сошли, то в то же самое время Семион-вор велел тихонько своим братьям отрубить якорь и пуститься в море на веех парусах; а сам между тем начал царевне показывать дорогие товары, из которых и подарил ее некоторыми. Прошло уже часа с два времени, как он показывал царевне свои товары; наконец она ему сказала, что ей время уже и домой идти, потому что царь, ее отец, будет дожидаться ее обедать. Потом вышла она из каюты и видит, что корабль на ходу и что берегов уже не видно. Тогда она ударила себя в грудь и вдруг оборотилась лебедем и полетела. Пятый Семион взял тотчас свое ружье и подстрелил лебедя, а шестой Семион и до воды ее не допустил и принес ее опять на корабль, где царевна стала по-прежнему девицею. Нянюшки же и мамушки, которые стояли на корабельной пристани, увидя, что корабль отвалил от берега с царевною, тотчас бросились все к царю и пересказали ему о том Семионовом обмане. Царь тогда ж нарядил целый флот за ними в погоню, и когда тот флот начал нагонять Семионов корабль гораздо близко, тогда четвертый Семион взял свой корабль за нос и увел его в подземельное государство. Когда же корабля совсем стало не видимо, то начальники флота, увидя, как он ушел на дно, думали, что корабль потонул и с царевною Еленою Прекрасною, почему и возвратились назад и донесли царю Саргу, что Семио-

нов корабль и с Еленою Прекрасною потонул. Семюны же благополучно в свое государство прибыли, вручили царевну Елену Прекрасную царю Адору, который за такую великую Семюнов услугу отпустил их всех на волю и дал им довольно золота, и серебра, и драгоценного камня, а сам женился на Прекрасной Елене и жил с нею многие лета благополучно и мирно.

562. СКАЗКА О СИЛЬНОМ И ХРАБРОМ НЕПОБЕДИМОМ БОГАТЫРЕ ИВАНЕ-ЦАРЕВИЧЕ И О ПРЕКРАСНОЙ ЕГО СУПРУЖНИЦЕ ЦАРЬ-ДЕВИЦЕ

В некоем царстве, в некоем государстве жил-был царь по имени Ахридей, и тот царь жил с своею супругою Дарьею много лет, а детей не имел. Уже приходили они к старости, и начали богу молиться, чтобы даровал им детище. Скоро после того царица Дарья оберменела, и чрез обыкновенное время родила прекрасную дочь, которую назвали Луною; чрез год родила она другую дочь — еще краше и лучше первой: назвали ее Звездою. Царевны выросли, и когда большая сестра была по пятнадцатому году, а меньшая по четырнадцатому, то в некое время пошли они в зеленый сад гулять с своими нянюшками и мамушками и гуляли там долгое время. Вдруг поднялся превеликий вихрь и унес обеих царевен. Нянюшки и мамушки испугались, побежали к царице Дарье и сказали ей про ту беду. Царица Дарья чуть не умерла с той горькой ведомости, а царь Ахридей начал клич кликать: кто сыщет царевен, за того отдам любую из них замуж. Ни один богатырь не вызвался. Царь собрал волхов, стал у них выспрашивать: не знают ли, где его дочери? Но и те отреклись от этого дела.

Вот царь Ахридей потужил немалое время и напоследок начал опять просить бога, чтобы даровал ему при старости наследника, и роздал великие и щедрые милостыни на бедных и по церквам и по монастырям. Бог услышал молитву, даровал ему сына, Ивана-царевича. Иван-царевич рос не по годам, а по часам, так, как пшеничное тесто на опаре киснет, и когда пришли его совершенные лета, то обучился разным наукам. И проведал Иван-царевич, что были у него две сестры родные, да без вести пропали, и вздумал проситься у отца своего, у матери, чтоб позволили ему идти в дальние государства и проведать о сестрах; пришел к своему родителю, и поклонился до земли, и стал говорить: «Милостивый батюшка! Я пришел к тебе не пир пировать, не совет советовать, не крепкую думу думать, а пришел просить у тебя благословения; хочу я идти в дальние государства и проведать о моих любезных сестрицах, что без вести пропали!» — «Ох ты гой еси, младой юноша Иван-царевич! — сказал ему царь Ахридей. — Куда тебя бог несет и в какую пойдешь ты сторону? Ведь ты еще млад и к дорожным трудам непривычен». Но Иван-царевич просил так неотступно и со слезами, что отец не выдержал — отпустил его. Царевич богу помолился, на все на четыре стороны поклонился, с отцом, с матерью попрощался и пошел один, как перст, без провожатого.

Идет царевич путем-дорогою несколько месяцев, и случилось ему в некое время идти чрез густой, дремучий лес. Услыхал он в стороне большой шум, направился на тот шум с великим торопом и увидел, что дерутся промеж себя два лешие. Подошел к ним. «Послушайте,— спрашивает,— за что вы деретесь? Скажите-ка мне, я вас помирю». Отвечал ему один леший: «Добрый человек! Рассуди, пожалуй, нашу ссору; вот посмотри, шли мы двое дорогою и нашли шляпу-невидимку, сапоги-самоходы и скатерть-самобранку: стоит только развернуть скатерть, тотчас выпрыгнут из нее двенадцать добрых молодцев да двенадцать красных девиц, принесут разных кушаньев и напитков и начнут потчевать. Из этой находки сапоги да шляпу беру я себе, а скатерть отдаю моему товарищу; а он хочет всем овладеть и для того вступил со мной в драку». — «Хорошо,— сказал Иван-царевич,— я ваше дело разберу, только дайте и мне долю». Лешие согласились. Тогда Иван-царевич сказал им: «Бегите по этой дороге изо всей мочи, и кто кого на трех верстах опередит, тому и достанется вся находка». Оба лешие с радостью побежали по указанной дороге, и скоро совсем из виду скрылись; Иван-царевич надел на себя сапоги-самоходы и шляпу-невидимку, скатерть-самобранку взял под мышку и пошел дальше. Когда лешие воротились назад, то не нашли ни Ивана-царевича, ни своих находок и бросились искать его по лесу. Однако хотя и находили на царевича, но не могли его видеть, потому что на нем была надета шляпа-невидимка.

Избегавши попусту весь лес, они напоследок разошлись по своим местам; а Иван-царевич шел несколько дней и увидел: стоит на дороге малая избушка к лесу передом, а к нему задом; подошел к ней и молвил: «Избушка, избушка, стань к лесу задом, а ко мне обернись передом». Вдруг избушка обернулась к лесу задом, а к нему передом. Царевич вошел в избушку; там на полу сидела баба-яга, ноги в потолок уперши, и пряла шерсть. Увидя Ивана-царевича, баба-яга сказала: «Фу-фу-фу! Как доселева русского духу слыхом не слыхано, а нынче русский дух воочью совершается. Зачем ты, добрый молодец Иван-царевич, сюда зашел, волею или неволею? Я здесь живу уже сорок лет, а никакой человек мимо меня не прохаживал, не проезживал, ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывала; а ты как сюда забрел?» — «Ох ты, глупая старая баба! — в ответ сказал Иван-царевич. — Ты прежде меня, доброго молодца, напои-накорми, да тогда и спрашивай». Яга-баба тотчас вскочила, собрала на стол, напоила, накормила царевича и в бане выпарила и стала опять спрашивать: «Как ты сюда зашел, добрый молодец, волею или неволею?» Ответ держал Иван-царевич: «Сколько волею, а вдвое того неволею. Иду я искать моих родных сестриц Луну и Звезду; а где их сыскать — сам не ведаю». — «Добро, Иван-царевич! — молвила баба-яга. — Молись богу и ложись спать: утро вечера мудренее». Царевич лег спать и от дорожного труда заснул крепко. Поутру, чуть только на дворе рассветать стало, яга-баба начала его будить: «Добрый молодец! Пора тебе в путь идти». Встал царевич, умылся, оделся, помолился, на все четыре стороны поклонился и начал с ягою прощаться. Тогда яга-баба ему сказала: «Что ж ты, царевич, со мною прощаешься, а не спросишь, куда тебе

надобно — в какую сторонушку? Ступай-ка ты, добрый молодец, вот по этой дороженьке и увидишь в чистом поле палаты белокаменные; в тех палатах живет твоя большая сестра Луна. Только трудно тебе взять ее, потому что живет с нею нечистый дух; приходит он в палаты медведем, а как войдет — тотчас оборачивается человеком».

Царевич простился с ягюю, надел на себя сапоги-самоходы и пошел в путь. На третий день увидел он в чистом поле белокаменные палаты, покрылся шляпою-невидимкою и вступил в спальню к любезной своей сестрице, прекрасной царевне Луне. В то время царевна Луна лежала на кровати и опочивала крепким сном. Царевич подошел к кровати, начал ее будить и скинул с себя шляпу-невидимку; царевна пробудилась: «Кто ты таков и зачем сюда пришел?» — «Любезная моя сестрица, прекрасная царевна Луна! — отвечал царевич. — Я твой брат единоутробный Иван-царевич; принес тебе челобитье от батюшки твоего царя Ахридея и от матушки твоей Дарьи: они вельми по тебе и по сестрице Звезде сокрушаются». Прекрасная царевна Луна тотчас вскочила с постели и во слезах начала обнимать царевича; долгое время они целовались, миловались, а после того царевна сказала: «Любезный мой братец! Я несказанно рада, что вижу тебя; но опасаясь, чтоб не пришел Медведь и не съел бы тебя». — «Не крушись о том, — молвил ей царевич, — я этого не боюсь!»

Скоро поднялся сильный вихрь. Тогда прекрасная царевна сказала царевичу в великом страхе: «Любезный братец Иван-царевич! Скоро Медведь прибежит; спрячься куда-нибудь, не то съест тебя». — «Не бойся!» — сказал ей царевич, потом надел на себя шляпу-невидимку и сел на стул. Медведь вошел в комнату и закричал человеческим голосом: «Фу-фу-фу! Доселева русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче и здесь русским духом пахнет». — «Ах, мой свет, — сказала Луна, — тебе стыдно о том и говорить; откуда здесь быть русскому духу? Ты по Руси бегаешь и там русского духу набрался; так тебе и здесь то же чудится». — «Да не пришел ли брат твой Иван-царевич? — спросил Медведь. — Ведь он давно уж родился». — «Я сроду брата не видела и того, есть ли у меня брат, не ведаю. А что если бы брат пришел, ведь ты бы съел его?» — «Нет, — отвечал Медведь, — я никогда того не сделаю. Ведь я знаю, что он тебе мил; а по тебе и мне мил». — «Поклянись прежде!» — «Изволь, клянусь тебе, чем сама хочешь». — «Когда так, — сказала царевна Луна, — то брат мой здесь и сидит возле тебя». — «Что ты! Как же я его не вижу?» — сказал Медведь, встал, ударился о сырую землю и сделался такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать, и молвил: «Иван-царевич! Не прячься от меня; я для тебя не злодей, ничего тебе худого не сделаю».

Тут царевич скинул с себя шляпу-невидимку и показался Медведю. Медведь разговоривал с царевичем ласково, потчевал его всякими кушаньями и напитками. Иван-царевич попробовал того-другого и говорит Медведю: «Не хочешь ли моего дорожного кушанья и моих напитков отведать?» Развернул скатерть-самобранку — и тотчас двенадцать молодец и двенадцать девиц наставили на ту скатерть разных кушаньев и напитков и начали Ивана-царевича, царевну Луну и Медведя потчевать. Мед-

ведь удивился такому чудному делу и спрашивал у Ивана-царевича, откуда он взял такую скатерть? Он про все ему рассказал. Вот таким-то образом жил царевич у Медведя три месяца, а потом собрался в путь и стал спрашивать про меньшую свою сестру, царевну Звезду, где она проживает. «Она живет не очень далеко,— сказала царевна Луна,— только, братец, не чаю, чтоб ты ее увидел, потому что живет она с Морским Чудовищем в медном замке, а вокруг того замка стоит стража великая — все водяные черти; они тебя убьют до смерти». — «Что делать! Хоть сам помру, а сестрицу увижу». Простился Иван-царевич с прекрасною царевною Луною и с Медведем и пошел в путь.

На другой день увидел он медный замок, подошел в ворота; у ворот стоят два водяных черта, на плечах пушки держат, никого в замок не пропускают. «Пропустите меня,— сказал царевич,— ведь я нарочно пришел всех вас с караула сменить». — «Нет, брат, обманываешь! Если хочешь, полезай через каменную стену, а в ворота ходить не приказано. Да смотри, полезай осторожнее: по ту стороны стены подведены струны: если чуть-чуть до струны дотронешься, то пойдет гром по всему замку и по морю. Морское Чудовище услышит, выйдет из моря и тебя жива не оставит!» Царевич ничего не уstraшилсЯ и полез в сапогах-самоходах чрез каменную стену; не задел за струны ни рукою, ни ногою, только платьем слегка зацепил — и в ту же минуту раздался великий гром по всему замку. Царевич вошел с топором в палаты, нашел прекрасную царевну Звезду в постели и разбудил ее от крепкого сна. Она проснулась и закричала: «Кто ты и зачем пришел?» — «Любезная сестрица, прекрасная царевна Звезда! — отвечал царевич. — Я твой брат родной Иван-царевич, принес тебе челобитье от батюшки твоего царя Ахридея и от матушки твоей царицы Дарьи; она вельми по тебе сокрушается».

Прекрасная царевна Звезда вскочила с постели, начала его целовать, миловать и потом говорит: «Любезный братец, спрячься куда-нибудь! Скоро придет сюда Морское Чудовище и как тебя увидит — тотчас съест». — «Не крушись,— молвил царевич,— я не боюсь!» Надел на себя шляпу-невидимку и сел на стул. Вошел Морское Чудовище и закричал человеческим голосом: «Фу-фу-фу! Доселева русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче и здесь русским духом пахнет. Кто у тебя, царевна, в гостях?» — «Ах, мой свет,— отвечала царевна Звезда,— кому у меня быть? Да русский и зайти сюда не может. Сам ты по Руси бегаешь, набрался там русского духу, так он тебе и здесь чудится!» — «Полно, не пришел ли брат твой Иван-царевич? Ведь он давно уж родился». — «Я сроду никакого брата не видала, и есть ли у меня брат — и того не ведаю. А что если б Ивану-царевичу случилось зайти сюда, ведь ты бы съел его?» — «Нет,— отвечал Чудовище,— я никогда того не сделаю. За что я его съем? Ведь он мне ничего худого не сделал. Знаю и то, что он тебе мил; а по тебе и мне мил». — «Нет, я по тех пор не поверю, покуда ты клятвы не дашь». — «Изволь! Клянусь тебе всем, чем сама хочешь». — «Когда так,— молвила царевна Звезда,— то брат мой здесь и сидит против тебя». — «Что ты врешь? — сказал Морское Чудо.— Как же я его не вижу?» — «Он, право, здесь!» — отвечала

Звезда. Тогда Чудовище ударился о сырую землю и стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать, и закричал: «Иван-царевич, не прячься! Я тебе не злодей, ничего худого не сделаю и всегда рад тебя гостем видеть».

Царевич скинул с себя шляпу-невидимку и показался Чудовищу. Чудовище разговаривал с ним ласково, потчевал всякими питьями и кушаньями. Царевич попробовал того-другого и говорит Чудовищу: «Не хочешь ли ты моего дорожного кушанья и моих напитков отведать?» Развернул скатерть-самобранку — и тотчас двенадцать молодцев и двенадцать девиц наставили на ту скатерть разных кушаньев и напитков и начали Ивана-царевича, царевну Звезду и Морское Чудо потчевать. Чудо подвинулся той скатерти, и спрашивал у Ивана-царевича, где он взял ее. Иван-царевич обо всем ему рассказал, и когда они напились и наелись, то царевич свернул свою скатерть, и стали они веселиться, всякими забавами потешаться. Прожил царевич у меньшей сестры своей близ года. Когда Чудовища не было дома, стал он говорить царевне Звезде, чтоб она ушла с ним к отцу к матери. «Что ты, братец! — отвечала она, — Морское Чудо нагонит нас, лютой смерти предаст». — «Как же мне тебя и сестру нашу выручить?» — «Ежели хочешь меня и сестру нашу выручить, то ступай за тридевять земель, в тридесятое государство. Там есть широкая река, через реку калиновый мост, под тем мостом живет двенадцатиглавый змей; не пропускает он ни конного, ни пешего, всех пожирает. Кому удастся убить двенадцатиглавого змея, за того Царь-девица замуж выйдет; а с ее помощью можно и меня и сестру выручить». Царевич выслушал эти речи, простился с сестрою и пошел за тридевять земель.

Он надел сапоги-самоходы и в три дня поспел к калиновому мосту. Зашел в кузницу и велел сковать себе меч-кладенец и палицу боевую в сорок пуд; кузнецы сковали ему и меч и палицу. Царевич заплатил за работу и пошел к мосту со змеем биться. Змей тотчас выбежал, бросился на царевича — хочет совсем проглотить его; но царевич приостерегся, махнул палицей и за один раз отсек змею три головы. Змей опять на него бросился, царевич вторично ударил его палицею и сшиб шесть голов. Тут змей испустил из себя пламя огненное — хочет сжечь царевича; царевич быстро увернулся, ударил змея мечом и рассек его надвое, потом наклак костер дров, зажег и положил все зменные головы и туловище на огонь, а сам пошел через мост на другую сторону.

Видит он — вылетело из градских ворот двенадцать голубиц; прилетели они к калиновому мосту, ударились о сырую землю и сделались красными девицами. Разделись красные девицы донага и стали купаться; а царевич надел шляпу-невидимку, любится на их красоту и ждет, что после будет. Девицы выкупались и оделись; Иван-царевич скинул с себя шляпу, подошел к ним, поклонился и сказал: «Честные девицы, скажите мне, кто этим царством владеет?» — «Этим царством владеет прекрасная Царь-девица; а ты, добрый молодец, как сюда зашел?» — «Я пришел чрез калиновый мост, — отвечал царевич, — и по ту сторону убил змея о двенадцати головах». Только выговорил он эти слова, как двенадцать девиц подхватили его под руки и сказали: «Если ты убил двенадцатигла-

вого змея, то должен быть нашим государем!»— и повели его к Царь-девице. Царь-девица вышла встречать царевича, принимала его за белые руки, сажала за столы дубовые, за скатерти браные и разговаривала полюбовно; в тот же день царевич на ней и женился.

Прошло несколько дней после свадьбы, начал царевич просить свою супругу, чтоб освободила его сестер, царевен Луну и Звезду. Царь-девица закричала громким голосом: «Приведите ко мне проклятого духа, что сидит в темном погребе». Приводят к ней того заключенника — ростом превеликий, собой страшный! Говорит ему Царь-девица: «Достань и принеси сюда царевну Луну да царевну Звезду; если сослужишь мне эту службу — на волю тебя выпущу, а не сослужишь — навек тебя заключу в темном погребе». Проклятый дух тотчас помчался буйным вихрем и в скором времени принес обеих царевен; Царь-девица отпустила его на волю, царевну Луну и царевну Звезду отправила к отцу, к матери, а сама стала жить с Иваном-царевичем в любви и совете.

563. СКАЗКА О ТРЕХ КОРОЛЕВИЧАХ

В некотором царстве, в некотором государстве жил король; у него было три сына: Василий-королевич, Федор-королевич и Иван-королевич. «Любезные дети! — говорил им отец. — Вы видите, что я стар; а слышно, что за тридевять земель в тридесятом царстве, в подсолнечном государстве есть живая и мертвая вода и яблонь, на которой растут такие яблоки, что и старому можно от них сделаться молодым. Как бы добыть этой воды и этих яблок?» Василий-королевич приказал оседлать себе коня и поехал в путь; ехал он долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, и заехал в такие горы и пропасти и леса непроходимые, что стал опасаться потерять дорогу; воротился назад и сказал отцу, что подсолнечного государства нигде не нашел. Поехал Федор-королевич, и с ним случилось то же.

Тогда вздумал попытать счастья меньшей брат, Иван-королевич; он поехал по новой дороге, ехал-ехал и видит: стоит избушка на курьих ножках, а в избушке баба-яга. Спрашивает его яга-баба: куда едет и волею али неволею? «Сколько неволею, — отвечал Иван-королевич, — а вдвое того своею охотою!» — и рассказал ей, куда и зачем путь держит. Яга-баба дала ему нового коня и послала к своей сестре; эта тоже переменяла ему коня и послала к третьей сестре, которая, узнавши в чем дело, повела королевича в конюшню и сказала: «Вот тебе конь; поезжай на этом, а своего оставь у меня. А вот и дорога, что ведет в государство, в котором есть живая и мертвая вода и моложавые яблоки. Туда нельзя проехать иначе, как ночным временем. Там увидишь ты высокую стену, перескочи ее и поезжай прямо к садовым воротам; в саду найдешь яблонь, на которой растут моложавые яблоки, и подле два колодезя с живою и мертвою водою. Да как поедешь назад, берегись, чтобы конь твой не зацепил ни за одну струну из тех, что проведены к стене».

Иван-королевич так все и сделал; перескочил через стену и въехал в сад, нарвал моложавых яблок и налил в склянки живой и мертвой воды,

да как стал ворочаться — не уберется: прыгая через стену, конь его зацепил за струны, и от того поднялся во всем городе колокольный звон, барабанный бой и пушечная пальба; все встревожилось. Царь-девица, которой принадлежали и моложавые яблоки, и живая и мертвая вода, приказала оседлать коня и тотчас же пустилась за Иваном-королевичем в погонь; но не догнала. Иван-королевич брал у каждой бабы-яги по свежей лошади; а царь-девица как приехала к первой яге и стала о нем спрашивать: «Не видала ль где, баба-яга, такого-то человека?» — «Не видала», — отвечала яга, а сама стала просить царь-девицу, чтоб побыла у нее и успокоилась от такого дальнего пути. Царь-девица пробыла у яги-бабы целый день и целую ночь; то же случилось и у других двух сестер яги-бабы. Когда царь-девица стала нагонять Ивана-королевича, он въехал уже в свое государство. «Счастлив ты, королевич, — сказала царь-девица, — что не попался в мои руки; но постой, я буду к тебе в гости!»

Иван-королевич приехал домой, вынул склянки с живой и мертвой водою, положил на блюдо моложавые яблоки и все это поднес своему отцу. Король весьма обрадовался, съел несколько яблок и помолодел. Стали они себе жить да веселиться. Раз вздумал король взглянуть в окошко и увидел в заповедном своем лугу раскинутую палатку; тотчас же послал он осведомиться, кто таков осмелился раскинуть свою палатку в королевском заповедном лугу? А в палатке была царь-девица, и говорила она: «Приехала-де я за тем, чтоб король выдал мне из своих сыновей виноватого; а не выдаст — я весь город разорю». Пошел к ней Иван-королевич. «Что мне с тобой делать? — сказала она. — Коли ты был столько смел, что похитил у меня чудесную воду и моложавые яблоки, то хочу быть твоею женою». Королевич женился на царь-девице и поехал жить в ее государство.

564. О ИВАНУШКЕ-ДУРАЧКЕ

Был-жил старик, у него было три сына: двое умных, а третий Иванушка-дурачок. Умирая, отец приказал им три ночи сряду ходить по очереди на его могилу и ночевать там. Когда умер старик и его похоронили, большому брату не захотелось идти на отцовскую могилу. «Дай дураку пирог, — сказал он своей жене, — пусть пойдет за меня, ночует на могиле». Дурак взял пирог, положил на плечо дубину и пошел на отцовскую могилу. В самую полночь вдруг свалился с могилы камень, земля раскрылась, встал старик (он был колдун) и спросил: «Кто пришел ночевать?» — «Я, батюшка, твой сын дурак». — «Ну, дурак, коли ты пришел, подарю тебе за то подарок».

После того старик свистнул-гаркнул богатырским посвистом, молодецким покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!» Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом, а из ноздрей пламя пышет; и как прибежал, то и стал перед стариком как вкопанный. «Вот тебе конь, — сказал отец, — владей по смерти своюю; потом показал ему весь прибор: копье, палицу боевую и меч-кладенец, и как скоро пропели петухи — свалился в могилу. Поутру пошел дурак

домой. «Что тебе привиделось ночью?» — спрашивали его братья. «Ничего, — отвечал он, — я проспал до рассвета». На другую и на третью ночь опять ходил дурак на отцовскую могилу, и оба раза случилось то же.

В это время один царь велел отвезть лобное место и на том месте поставить двенадцать венцов и кликать клич: кто перескочит на коне все двенадцать венцов, тот получит в жены прекрасную царевну. Стали собираться короли и королевичи, цари и царевичи и сильные, могучие богатыри; поехали и братья Иванушки-дурачка. «Братцы, возьмите и меня с собою!» — сказал Иванушка-дурачок. «Куда тебя, дурака, нелегкая несет! — закричали братья. — Оставайся дома да лежи на печи». Только они уехали, дурак слез с печи и говорит своим невесткам: «Дайте мне лукошко, я хоть в лес пойду да грибов наберу». Невестки дали ему лукошко; дурак пошел в чистое поле, положил лукошко под кустик, а сам свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Прибежал конь и стал как вкопанный.

Дурак в одно ушко коню влез, напился там, наелся, хорошенько нарядился, а в другое вылез, и стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать, ни пером написать. Сел на коня и поехал прямо к городу; нагнал своих братьев, поравнялся и начал их бить плетью, чтоб посторонились и дали ему дорогу. И как приехал к лобному месту, ударил коня по крутым бедрам. Его конь осержается, от земли отделяется, выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, и перепрыгнул шесть венцов. Тут закричали: «Держи, держи!» Но Иванушка поворотил назад, ускакал в чистое поле, влез своему коню в одно ушко, разрядился, вылез в другое и стал по-прежнему дурак дураком. Взял свое лукошко, пошел по лесу, набрал мухоморов и всяких грибов, что никуда не годятся, и принес домой. Невестки рассердились. «Что ты, дурак! — говорили они. — Разве тебе одному есть эти грибы!» А дурак сказал: «Вот еще! Поди набери грибов, да и то не угодишь».

Воротились домой братья и стали рассказывать о молодце, что нагнал их дорогою, да такой озорник — больно прибил за то, что они не посторонились. Дурак, сидя на печи, говорил: «Полно, не я ли вас бил, братцы?» — «Что ты врешь, дурак!» — закричали на него братья. В другой раз Иванушка-дурачок перепрыгнул на своем коне десять венцов, а в третий раз и все двенадцать венцов; царевна в ту ж минуту вцепилась ему в лоб алмазную звезду, а сама закричала: «Держи, лови, лови его!» Но дурак ускакал. Завязал себе голову тряпицею и засел на печи. Царь велел всем собираться к себе на пир, и как собрались, стала царевна обносить всех напитками; подошла к дураку и спросила: «Что у тебя лоб-то завязан?» — «Ходил я, — говорит дурак, — в лес за грибами, упал да зашибся». Царевна развязала тряпицу, и вдруг осветилась вся палата. Дурак женился на царевне.

После того услышал царь, что в его заповедных лугах бегает олень золоторогий, и приказывает зятьям своим поймать его. Иванушка-дурачок взял вместо доброго коня коростовую кобылу, сел на нее задом к голове, а передом к хвосту, взялся за хвост и поехал с царского двора; выехал

в чистое поле, содрал с лошади кожу, повесил на шест, а сам закричал: «Сбегайтесь, серые волки! Слетайтесь, сороки, вороны! Вот вам гостиница от царя». Свистнул и призвал сивку-бурку, клал на коня седельцо черкасское, двенадцать подпруг шелку шемаханского: шелк не рвется, булат не трется, аравитское золото в грязи не ржавеет; поскакал, как птица, и добыл оленя золоторогого. После того добыл дурак свинку золотую щетинку с двенадцатью поросятами и ветку с золотой сосны, что растет за тридевять земель, в тридесятом царстве, в подсолнечном государстве, а ветки на ней серебряные, и на тех ветках сидят птицы райские, поют песни царские; да подле сосны стоят два колодца с живою водою и мертвою.

565. СМИРНЫЙ МУЖ И ДРАЧЛИВАЯ ЖЕНА

Мужичок некий жил с своею женою в великой скудости. Он был так смирен, как теленок, а жена его так зла, как змея лютая; она мужа своего всегда ругала и била за самую малую безделицу. В некое время злая жена выпросила у соседа на один хлебец ржи и послала своего мужа, чтобы пошел он к мельнику смолоть рожь. Мельник пустил его, ради бедности, на свою мельницу и дал ему смолоть рожь. Смоловши, пошел мужик домой. Вдруг сделался такой сильный ветер, что в одну минуту сдунул всю муку из чашки, в которой нес ее мужик. Пришел мужик домой и сказал о том своей жене; а жена, услыша то, начала его бранить и бить немилосердно, и била до тех пор, покада устала, а потом стала посылать его к Ветру, который развеял у него муку, чтобы взять с Ветра за муку деньги или столько же муки, сколько в чашке было.

Мужик, претерпев от жены своей толикне побой, пошел, заплакавши, из своего дома и шел не зная куда; зашел он в дремучий лес и ходил по тому лесу дремучему. Попалась ему навстречу старуха и спросила мужика: «Добрый человек! Куда идешь, куда путь держишь? Как тебя занесло в сию сторонущку? Ведь сюда мало птица залетает и редко зверь забегает». — «Матушка старушка! — отвечал он. — Завела меня сюда неволя. Ходил я на мельницу рожь молоть, и, смоловши, высыпал муку в чашку, и пошел домой; на ту пору вдруг подул такой сильный ветер, что всю мою муку из чашки сдунул. Я пришел домой без муки и сказал о том своей жене; а она прибила меня и послала к Ветру, чтоб он отдал мою муку или заплатил за нее деньги. Теперь же я хожу, ищу Ветра и не знаю, где его найтить». — «Поди за мною, — сказала ему старуха, — я мать Ветрова, но у меня их четыре сына: первый — Ветер Восточный, второй — Полуденный, третий — Западный, а четвертый — Полуночный. Так скажи же мне теперь, который Ветер раздул муку?» — «Полуденный, матушка!» — молвил мужик.

Старуха повела старика в лес далее и привела его в небольшую хижину и сказала: «Вот, мужичок, я здесь живу. Полезай же ты на печь и окутайся хорошенько, как можно; мои дети скоро будут». — «Для чего же мне кутаться?» — спросил мужик. «Для того, — сказала старуха, — что сын мой, Полуночный Ветер, очень холоден; он зазнобит тебя скоро». После

того старухины дети стали собираться. Когда пришел Полуденный Ветер, то старуха, кликнув с печи мужика, стала говорить своему сыну: «Сын мой любезный, Полуденный Ветерочек! На тебя есть жалоба. Зачем ты бедных людей обижаешь? Ты у этого мужика муку развеел, которую он нес в чашке; теперь заплати ему за муку хоть деньгами или чем хочешь». — «Хорошо, матушка! — сказал ей Ветер. — Я ему заплачу за муку».

Ветер кликнул к себе мужика и сказал ему: «Слушай, мужичок! Возьми себе эту коробочку; в ней все есть, что только вздумает. И когда тебе что захочется: денег ли, хлеба ли, кушанья ли, питья ли какого, скота ли или что тебе вздумается — то скажи только: «Коробочка, дай мне вот то и то-то!» Она тотчас тебе и даст. Поди же теперь домой; вот тебе платеж за твою муку». Мужик, поклонясь Ветру и поблагодарив его за коробочку, пошел домой. Когда он принес коробочку домой, то отдал ее своей жене и сказал: «Вот тебе, жена, коробочка! В ней все есть, что тебе надобно, только лишь попроси у нее». Жена, взяв коробочку, сказала: «Коробочка! Дай мне хорошей муки на хлебы». Коробочка тотчас ей дала, сколько надобно было. Она попросила у коробочки еще кое-что, а коробочка все ей давала в ту же минуту.

Через несколько дней случилось мимо мужиковой избы ехать знатному помещику. Увидевши его, жена мужикова тотчас сказала своему мужу: «Поди и зови его к себе в гости, а ежели не заведешь его к себе в гости, то я прибую тебя до полусмерти». Мужик, убоясь побой от жены своей, пошел звать дворянина к себе на пир; а жена его в то время набрала у коробочки всякого кушанья и напитков и, собрав на стол, села под окном; сложивши руки, дожидалась она к себе в дом пришествия дворянина, которого мужик нагнал на дороге и стал звать к себе на пир. Удивясь такому зову, он лишь смеялся и, не хотя к нему ехать, приказал своим людям, которые при нем были, ехать к мужику и после рассказать, как он угостит их. Люди поехали к мужику в гости и, приехав туда, весьма удивились, что, судя по хижине, должно быть ему весьма бедным человеком, а по кушанью, которое поставлено на столе, — знатным господином. Кушанья и напитков было поставлено на столе великое множество. Они сели за стол, пили, и ели, и прохлаждались, и заметили, что мужикова жена — в чем имела надобность, то просила у коробочки, и коробочка ей все то давала.

Не выходя из избы, они послали одного из товарищей, чтоб заказал сделать точно такую же коробочку в самое короткое время, которую бы немедленно принесли к ним так, чтобы ни мужик, ни жена его того не заметили. Посланный побежал тотчас и велел сделать такую же коробочку, и как ее принесли, то гости сии взяли тихонько мужикову коробочку, а свою поставили на ее место, и потом все поехали от мужика и рассказали, как мужик их потчевал. Жена же мужикова в тот день к вечеру и выбросила все кушанья вон — затем, чтоб на другой день наварить свежего. Наутро пришла к коробочке и стала у нее просить того, что ей было надобно, и, видя, что коробочка ничего больше ей не дает, призвала своего мужа и сказала: «Старый хрыч! Какую ты принес мне

коробочку? Она, видно, служила нам только на время. Поди опять к Ветру и проси у него, чтоб отдал нашу муку, а не то так я прибью тебя до смерти!»

Бедный мужик пошел опять к Ветру и, пришедши к старухе, его матери, жаловался на свою жену. Старуха сказала ему: «Подожди моего сына; он скоро будет». Вскоре пришел Полуденный Ветер, и мужик начал ему жаловаться на свою жену, а Ветер ему сказал: «Жаль мне тебя, старика, что жена у тебя так зла; однако я тебе в том помогу, и жена тебя бить больше не станет. Возьми эту бочку, и когда придешь домой, а жена твоя будет тебя бить, то стань позади бочки и скажи: «Пятеро из бочки, бейте мою жену!» А когда они ее поколотят довольно, то скажи: «Пятеро опять в бочку!» Мужик, поклонясь Ветру, пошел домой и, пришедши, сказал жене: «Вот тебе, жена, вместо коробочки бочка!» Жена осердилась на своего мужа и сказала: «Что мне в твоей бочке? Для чего не принес муки!» И выговоря сии слова, ухватила ухват и хотела бить своего мужа. Мужик тотчас стал за бочку и сказал: «Пятеро из бочки, бейте мою жену хорошенько!» Вдруг выскочили из бочки пять молодцов и стали бить мужикову жену. Мужик, видя, что поколотили ее довольно и она стала просить его, чтоб помиловал ее, сказал: «Пятеро опять в бочку!» С тех пор жена его стала посмирнее.

Потом мужик стал помышлять о своей коробочке и начал подозревать гостей своих, не подменили ль они его коробочки. Он начал советоваться с своею женою о том, как бы им опять достать свою коробочку. Жена ему на то сказала: «Когда теперь у тебя есть такая диковинная бочка, что можешь ты не только с одним человеком, но даже и с великими тысячами управляться, то поди — вызови дворянина на поединок и требуй, чтобы он велел отдать тебе коробочку!» Мужик принял сие за хороший совет, пошел к дворянину и, пришедши к нему, стал вызывать его на поединок. Он же смеялся мужикову дурачеству, не хотел ему в том отказать, а вздумал над ним посмеяться и для того приказал мужику выйти в поле.

Мужик взял свою бочку, пошел и дожидался господина, который собрал с собою много людей и поехал к мужику, и как скоро к нему подъехал, то приказал служителям, чтоб его будто шуткой хорошенько поколотили. Мужик, видя, что над ним смеются, да уже и бить стали, осердился на дворянина и на его людей и молвил: «Эй, барин! Вели отдать мою коробочку, а не то худо всем будет!» Но, видя, что бить его не перестают, он закричал: «По пяти на каждого из бочки, бейте хорошенько!» Тотчас выскочили из бочки на каждого человека по пяти молодцов и стали бить всех немилостиво. Дворянин, убоясь, чтоб его не убили, закричал во весь голос: «Мужичок! Перестань бить, я велю отдать твою коробочку». Мужик, услышав то, крикнул: «Эй, эй, молодцы! Ступайте все в бочку». Тотчас все молодцы перестали бить и ушли в бочку. Дворянин же приказал своим людям отдать коробочку, что по повелению его и учинено. А мужик, взяв свою коробочку, принес домой и стал жить с своею женою в великом удовольствии и тишине.

566. СКАЗКА ПРО ПЕРСТЕНЬ О ДВЕНАДЦАТИ ВИНТАХ

Жил-был себе в одном селе сын с матерью, а мать была у него старая-престарая старуха, и звали этого сына Иван-дурак. Жили они в убогой избенке об одном оконце и в великой бедности: такая бедность была, что окромя хлеба черствого, почитай, и не едали ничего, а иной раз и того еще не было. Мать сидит, пряжу прядет, а Иван-дурак на печи сидит, в золе копается да знай сопит себе. Вот только мать и говорит ему: «Что ты, Иванушка, сидишь да сопишь себе на печи-то в золе? Шел бы ты куда, к корчме, что ли; авось-либо добрый человек какой попался, взял бы тебя к себе в батраки — все хоть какой-нибудь кусок хлеба был! А дома-то кормиться нам нечем». — «Ну, ладно, я пойду!» — говорит дурак; взял и пошел себе к корчме. Навстречу ему человек попадает: «Куда идешь, Иван-дурак?» — «В службу иду наниматься». — «Ступай ко мне служить: вот тебе столько-то я жалованья положу и все прочее». Согласился Иван, пошел к нему в службу. А у того человека сука была, и ошенилася эта сука; Иванушке очень уж понравился один щенок, и вышел он этого щенка. Проходит год, пора и к расчету за службу. Дает хозяин Ивану деньги, благодарит его, а Иван и говорит ему: «Не надо мне ваших денег, а дайте вы мне лучше того щеночка, что я у вас вышел». Тот и рад, что денег-то платить не надобно, отдал ему щенка.

Пришел Иван домой; мать как узнала, давай на него плакаться: «Все люди, как люди, один ты у меня дурак! И то есть было нечего, а теперь еще одна лишняя душа — чем кормить собаку-то будем?» Иван-дурак ничего себе не отвечает, сидит себе на печи, сам сопит да знай только в золе копается; и собачка его с ним. Проходит мало ли, много ли времени, опять мать говорит ему: «Что сидишь-то без толку? Шел бы к корчме, авось-либо добрый человек какой попался, взял бы тебя в батраки». — «Ну, ладно, я пойду!» — говорит дурак, взял собачку свою и пошел. Навстречу другой хозяин ему: «Куда идешь, Иван-дурак?» — «В службу, — говорит, — наниматься». — «Ступай ко мне служить!» — «Ладно!» Договорились они, и пошел дурак опять в батраки. А у хозяина у этого кошка была; вот она и окотилася. Полюбился дураку один котеночек, он и вышел его. Приходит время к расчету. Иван-дурак и говорит хозяину: «Не надо мне ваших денег, а отдайте мне того котеночка». — «Изволь!» — говорит. Вот пришел дурак домой, мать еще пуще того стала плакаться: «Все-то люди, как люди, один ты у меня дурак уродился! И то есть было нечего, а теперь еще две лишние души кормить надобно».

Горько стало Ивану слушать это, взял он свою собачку да кошечку и пошел себе в поле. Видит посеред поля костер горит и большущий костер такой — пребольшущий! Как подходит он ближе к этому самому костру, видит: в нем змея корчится и горит на каленых углях. Сама горит, а сама кричит ему человеческим голосом: «Эй, Иван-дурак, спаси ты меня! Я тебе большой выкуп дам за свою душу». Взял Иван палицу и палицей той выкинул змею из костра. Как выкинул он ее, глядит — а перед ним

не змея, а красная девица стоит и сама говорит ему: «Ну, спасибо тебе, Иванушка! Сослужил ты мне великую службу, сослужу я тебе еще и больше того! Пойдем,—говорит,—к моей матери; будет она тебе давать медные деньги—ты не бери, потому это уголье, а не деньги; будет давать серебряные—также не бери, то будут щепки, а не серебро; будет выносить тебе золото—и того не бери, потому что вместо золота там будет черепахе да кирпич; а проси ты у нее в награду перстень о двенадцати винтах: тяжело ей будет отдать, иначе ты не сумлевайся, потому что она за меня отдаст его». Вот все так и случилось. Хоть и важно озлилась старуха, только отдала ему перстень.

Вот идет Иван полем и думает себе: «Что же я теперь с этим перстнем буду делать?» Только глядит, догоняет его эта самая дочка и говорит: «Ты, Иван, чего ни пожелаешь только,—все это тебе будет; стань ты только вечером на пороге, отвинти все двенадцать винтов—и явятся перед тобою двенадцать тысяч человек, что захочешь, то им и приказывай,—все тебе будет исполнено!» Пришел Иван домой, ничего не сказал матери, а сам сел себе на печь, сопит да в золе копается. Вот пришел вечер, легли они спать; Иван выждал время, выходит на порог, отвинтил в перстне все двенадцать винтов—и явились перед ним двенадцать тысяч человек: «Ты—наш господин, мы—твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!» И говорит им Иван: «Сделайте вы мне, чтобы на этом самом месте стоял дворец, какого и в свете нет, и чтобы я спал на золотой кровати, на лебяжьей перине, и мать моя то же само, и чтобы кучера, и фореиторы, и лакеи, и всякие сильные и важные люди ходили бы у меня по двору и служили бы мне».—«Ложись себе с богом,—говорят ему люди,—все будет по слову твоему исполнено».

Просыпается Иван-дурак наутро и даже сам испугался; смотрит: спит он на золотой кровати, на лебяжьей перине, и стоят тут высокие хоромы и такие богатые, что даже и у царя-то ихнего нет таких, а по двору ходят кучера, и фореиторы, и лакеи, и всякие сильные и важные люди и служат ему. Подивился дурак, думает: «Ладно!» Глянул в зеркало—самого-то себя не узнать: стал таким красавцем, что ни пером описать, ни в сказке сказать; как след (следует), по хоромам и господин! Вот только просыпается тем часом и царь (а в том месте царь ихний жил), смотрит он: стоят супротив его дворца высокие хоромы, и стоят они—сами словно жар горят золотом. Посылает царь проведать: «Чьи такие? И пускай, мол, ко мне приедет показать себя, каков он такой есть». Докладывают Ивану. «А сказать ему,—говорит,—что Ивана-царевича хоромы; а коли хочет видеть меня, так не велик господин, пускай сам приедет!» Нечего делать, поехал царь к Ивану-дураку; познакомились они, и опосля этого поехал и Иван-дурак к царю-то. А у царя распрекрасная дочка-королевишна была. И она, эта дочка, угощения Ивану подносила, и тут больно уж полюбилась ему. Стал просить царя, чтобы замуж за него отдать.

Вот теперь и царю в свой черед тоже поломаться захотелось: «Отдать-то,—говорит,—отчего и не отдать; только ты, Иван-царевич, сослужи мне прежде того службу. Дочь моя роду не простого, и потому

венчаться ей надо как ни на есть лучше во всем народе. Сделай ты мне, чтоб от твоего дворца до моего дворца золотая дорога легла; а через реку чтобы был у меня мост, да не простой, а такой, чтобы одна сторона была золотая полоса, а другая сторона — серебряная полоса, и на реке чтобы плавали всякие птицы редкие, гуси и лебеди; а по ту сторону реки пускай церковь стоит, да не простая, а вся восковая, и вокруг нее пускай зацветают восковые яблони и спелые яблоки родят. Коли ты мне, — говорит, — сделаешь все это, быть дочери за тобою, а не сделаешь — на себя пеняй!» Думает царь, что ну вот теперь уже вволю насмеялся над Иваном, а Иван и в ус себе не дует. «Ладно, — говорит, — извольте; готовьте к завтраму свадьбу!» С тем и уехал.

Вечером, как все спать улеглись, стал он на пороге, отвинтил в перстне все двенадцать винтов — встали перед ним двенадцать тысяч человек: «Ты — наш господин, мы — твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!» — «Так и так, — говорит, — нужно мне то-то и то-то». — «Ладно, — говорят, — ложись себе с богом». Просыпается царь наутро, подходит к окну, а глаза ему так и ослепило — ажно отскочил на три сажени: это, значит, мост-то, одна полоса серебряная, другая золотая, так и горит и светится; на реке гуси и лебеди и всякая птица редкая, а на том берегу церковь белая восковая, и вокруг церкви яблони стоят, только без листьев, голые прутья торчат. — «Ну, — думает царь, дело-то неладное, надо снаряжать дочку к венцу». Снарядили и поехали. Выехали из дому, а на яблоньках почки проросли; едут по мосту, а яблоньки листвою одеваются; подъезжают к церкви, а на яблоньках белые цветочки распускаются; как только что время выходить им от венца, а тут встречают их слуги и всякие люди и на золотом блюде подают спелые яблоки. Так они и стали свадьбу справлять и пиры да балы задавать, и был там пир у них три дня и три ночи.

После того мало ли, много ли времени прошло, стала королевишна приставать к Ивану: «Скажи ты мне, супруг мой любезный, как ты все это делаешь, что и мост в одну ночь строишь и церковь восковую ставишь?» Иван-дурак долго не хотел говорить ей; иначе так как уж очень ее любил и очень она у него просила, так он и сказал ей, что у меня-де перстень о двенадцати винтах и так-то вот надо обходиться с ним. Ну, вот так и живут они; только на беду полюбили королевишне один лакей ихний, из себя видный, здоровый и красивый такой; она с ним и сговорила, чтобы обокрасть мужа своего и перстень у него унести, а самим уйти бы жить за море. Вот только как пришел вечер, вынула она потихоньку перстень, стала на пороге, отвинтила все двенадцать винтов — и явились перед нею двенадцать тысяч человек: «Ты — наша госпожа, мы — твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!» Она говорит им: «Возьмите вы этот дворец и как есть со всем перенесите его за море, а на сем месте пускай станет прежняя избушка с моим муженьком Иваном-дураком». — «Ложись себе с богом, — говорят ей люди, — все будет по слову твоему исполнено».

Наутро Иван просыпается — смотрит: лежит он на рогожке, дырявым зипуном покрыт, а хором и следа нет. Горько заплакался он и пошел к

царю, своему тестюшке, приходит во двор, просит доложить, что пришел де зять. Тот как увидал его: «Ах, ты, такой-сякой, беспорточный! Какой ты мне зять? У меня зятья в золотых хоромах живут, в серебряных каретах катаются. Взять его и замуровать в каменный столб?» Сказано — сделано: взяли и замуровали Ивана в каменный столб; а собачка с кошечкой от него не отстают, тут же сидят вместе с ним, и прорыли они себе лазейку и через нее поесть ему пищу приносят.

Только вот раз и вздумали они себе: «Что ж это мы с тобою, собачка, сидим здесь сложа руки! Сбегаем-ка мы за море да достанем перстень». Как надумали они себе это, так и сделали. Переплыли через море, видят: стоит ихний терем, и королевишна с тем лакеем по саду гуляет, мужа своего судачит. «Ну, собачка, пообожди ты пока здесь, а я проберуся в терем да кольцо достану», — говорит кошечка и пошла себе. «Мяу-мяу!» — под дверью. Услыхала королевишна: «А, это кошка того мерзавца, — говорит, — впустите да накормите ее!» Вот ее впустили и накормили, а она все ходит по комнатам да высматривает перстня, только и видит, стоит печка, а на печке стеклянная банка, а в банке той перстень. Обрадовалась кошечка. «Ну, — думает, — слава богу! Теперь только бы дожждаться ночи, а там достану перстень — и домой». Только как все улеглись, она вскочила на печку и свалила оттуда банку, банка упала и разбилась, а кошечка подхватила перстень в рот и притаилась под дверью. В доме все проснулись, сама королевишна встала; увидала, что банка-то разбита. «Ах, — говорит, — это, верно кошка того мерзавца разбила; выгнать ее вон!» Выгнали кошечку вон, а она и рада, бежит к собачке: «Ну, брат собачка, достала перстень! Теперь только поскорей бы домой».

И поплыли они через море; плывут-плывут себе, долго плывут. Коли устанет собачка — сядет она на кошечку, а коли кошечка устанет — сядет на собачку; так они и обходятся. Уж недалеко и до берега им осталось, только собачка стала изнемогать; кошечка видит это и говорит ей: «Садись ты на меня, ты уж устала!» Как сказала она это, а перстень-то изо рта у ней бултых в воду! Что тут делать? Доплыли до берегу, ходят себе да слезно плачут, а сами уж тем часом и проголодались. Собачка бегаёт по полю, ловит птичек-воробышков, и кошечка ходит по берегу, ловит мелкую рыбицу, которую волной выбивает; тем они и кормятся. Только вдруг кошечка и кричит: «Ой ты, собачка, ступай скорее ко мне! Я-то ведь перстень нашла! Поймала рыбку, стала ее есть, а в рыбке-то и был этот перстень». Ну, вот обрадовались они сильно, побежали к Ивану и принесли ему перстень.

Иван дождался вечера, отвинтил все двенадцать винтов — и явились перед ним двенадцать тысяч человек: «Ты — наш господин, мы — твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!» — «Разнесите, — говорит, — сейчас же этот каменный столб, чтобы и праху от него не осталось, а из-за моря перенесите мои хоромы со всеми, кто там есть и как кто там спит, и поставьте их на прежнее место!» Тотчас же все так и случилось. Наутро едет Иван к своему тестю-царю. Тот его встречает, на первое место сажает: «Где, любезный зятюшка, побывать изволил?» — «Я, — говорит Иван, — был за морем». — «То-то, — говорит, — за морем!

Видно, по спешному делу, что к тестю и проститься даже не заехал... А тут без тебя приходит ко мне какой-то голоштанник и называется моим зятем; я его приказал в каменный столб замуровать, там он, — говорит, — и сгинул, верно! Ну, а ты, любезный зятюшка, где побывать изволил, какие виды видывал?» — «А видывал я, — говорит, — разные виды; за морем одно такое дело было, что никто не знает, как и рассудить». — «Какое ж такое это дело?» — «А вот какое! И коли ты теперича умный человек, так вот и рассуди по своей царской мудрости: была у мужа жена, от живого мужа завела себе душеньку, обокрала с этим душенькой мужа-то и ушла было с ним за море, а теперь спит с ним на одной кровати. Что по-твоему надо сделать с такою женой?» — «По своей царской мудрости я, — говорит, — скажу такое слово: взять их обоих, привязать к конским хвостам и пустить в чистое поле: тут им и казнь!» — «Ну коли так, так ладно же! — говорит Иван. — Поедем ко мне в гости, я тебе покажу другие виды и другое диво». Поехали они, входят в спальню: а там королевшна, обнявшись с тем лакеем, спит на золотой кровати, на лебяжьей перине, и знать ничего не знает. Ну, уж тут нечего делать — по царскому слову взяли привязали их к конским хвостам и пустили жеребцов в чистое поле: тут им и казнь была! А Иван опосле женился на той красной девице-раскрасавице, которую он из огня спас, и стали они жить да поживать да добра наживать.

567. СКАЗКА О БЕССЧАСТНОМ СТРЕЛКЕ

Жил-был стрелок. Когда ни случалось, что в лес он пойдет стрелять птиц, все не было удачи, возвращался в свой дом с пустым мешком и прозван был Бессчастливым стрелком. Дошло до того у стрелка, что не осталось ни хлеба в суме, ни гроша в котоме. Бедный Бессчастный трое суток не ел, по лесу бродя; дрожал от холода, и пришло ему хоть умирать с голода. Лег он на траве, собираясь нацелить ружье себе в лоб; но перекрестился, остановился, отбросил ружье, и вдруг он услышал шорох при ветерке, шепот невдалеке. Шепот выходил, казалось, из густой лесной травы. Встал стрелок и подойдя к тому месту, наклонился; увидел, что трава закрывала глубокую пропасть, из той пропасти высунулся камень, а на камне кубышечка лежала. Тут стрелок услышал слабый голос: «Добрый человек прохожий! Освободи меня».

Тот голос выходил из кубышечки, и стрелок, неустрашимо с камня на камень ступая, над пропастью сам очутился: взял он кубышечку тихо и слышит — в кубышечке голос, словно кузнечик, стрекочет: «Освободи ты меня! Я тебе послужу». — «Кто ты, дружок?» — спросил Бессчастный стрелок и слышит шепот в ответ: «Мне имени нет, и меня глаза не видят, а кличь, если хочешь: Мурза! Чудодей-чародей посадил меня в эту кубышку и, запечатав Соломоновым перстнем, бросил сюда, и лежал я здесь семьдесят лет, пока ты не пришел». — «Хорошо, — сказал Бессчастный стрелок, — выпущу тебя на волю; посмотри, как исполняешь, что ты обещаешь». Стрелок сорвал печать и раскрыл кубышку, но в ней ничего не видал. «Эй, где ж ты, приятель?» — спросил Бессчастный

стрелок. «Возле тебя»,—кто-то ему отвечал. Стрелок оглянулся вокруг, но возле него нет никого! «Эй, Мурза!»—«Что прикажешь? Я слуга тебе на три дня и все, чего хочешь, доставлю; молви только: поди туда—не знаю куда и принеси то—не знаю что!»—«Хорошо,—сказал стрелок,—видно, ты лучше знаешь, что надобно; поди туда—не знаю куда, принеси то—не знаю что!»

Лишь только молвил Бессчастный стрелок, как глядит—откуда ни взялся стол на лугу, тарелки и блюда из травы налетели, всяким кушаньем по края полны, как будто бы с царского пира. Стрелок сесть за стол спешил, голод утолил, встал, помолился, на обе стороны поклонился и молвил: «Спасибо!» Стол исчез, как не бывало; а стрелок свой путь продолжал. Дорогою стрелок приустал, а на ту пору шел через лес плутоватый цыган и коня продавал. «Вот если бы деньги, купил бы я лошадь,—подумал Бессчастный стрелок,—хорошо бы, когда б не был тощ кошелек. Дай скажу приятелю... Мурза!»—«Что угодно?»—«Поди туда—не знаю куда, принеси то—не знаю что!» Не прошло минуты, как стрелок слышал бречанье денег в суме своей; невидимо откуда в нее золото сыпалось. «Спасибо на слове без обмана!»—сказал стрелок и стал торговать коня у цыгана. Купив коня, начал отсчитывать деньги; а цыган разинув рот, дивовался, сколько в суме у стрелка было золота.

Отъехав от стрелка, плутоватый цыган зашел в лес и свистнул. На свист не отвечали. «Видно, спят!»—подумал цыган и вошел в пещеру, в которой разбойники отдыхали, на разостланных кожах лежали. «Что, братцы, спите? Шевелитесь, встряхнитесь,—крикнул он,—а не то прозеваете сокола; сам-один в лесу, а сума набита золотом. Вставайте скорей!» Разбойники на коней и за стрелком поскакали. Слышит топот Бессчастный стрелок, видит он, что скачут на него со всех сторон, и крикнул: «Мурза!»—«Я здесь!»—услышал он возле себя. «Поди туда—не знаю куда!» И вот смотрит стрелок—в лесу зашумело и на разбойников что-то налетело из-за деревьев: одного взбросит, другого вскинет; а кто нападает—никого не видать! Разбойники попадали с коней, не могли и подняться с земли; а стрелок дальше прехал, песню напевая да присвистывая, из темного леса в чистое поле и добрался полем до города.

Под городом шатры раскинуты, стоит в шатрах дружина ратная. На вопрос стрелку отвечали, что под город тогда подступала татарского хана несметная сила; сватался хан за царевну Миловзору Прекрасную; рассердясь за отказ, пришел под царство с татарами. Бывало, Бессчастный стрелок на охоте видал Миловзору; царевна на статном коне скакала с копьем золотым; колчан, полный стрел, за плечами блестел; а откинет с лица покрывало, то солнышком вешним сияла—очам светло и душе тепло! Стрелок призадумался, кликнул: «Мурза!» И вмиг очутился в наряде богатом, сукно стало бархат, кафтан облит золотом, с плеча епанча, колпак—шишаком, с шишака развеваются перья страуса-птицы, а прикреплены запонкой, в той запонке яхонты, вокруг яхонтов жемчуги. И стрелок во дворец, стоит пред царем и сам весть подает, что пришел отразить силу вражескую, если царь согласится выдать за него царевну Миловзору Прекрасную.

Царь удивился, отказать не решился и спросил незнакомца об имени, роде и владеньях его. «Я называюсь Бессчастный стрелок, повелитель Мурзы невидимого». Царь подумал: не рехнулся ль молодец, хоть и с виду удалец? Но придворные видали Бессчастливого и сказали царю, что пришлец незнакомый походит лицом на Бессчастливого стрелка, но неведомо, откуда дался ему клад. Тогда царь сказал стрелку: «Слышишь, что говорят? Если лгал предо мною, то протись с головою. Посмотрю я, как с невидимкой Мурзой ты начнешь с неприятелем бой». — «Царь-надежа! — стрелок отвечал. — Я лишь слово скажу — все готово!» — «Поглядим, — молвил царь, — если правду сказал, отдам тебе дочь, или голову прочь». А стрелок себе гадал: либо пан, либо пропал, и шепнул: «Мурза! Поди туда — не знаю куда, сделай то — не знаю что».

Прошло несколько минут, ничего не было ни слышно, ни видно. Стрелок поблел, гневный царь повелев заковать стрелка в цепи, как вдруг раздалась пред дворцом и пальба и стрельба; царь и придворные на крыльцо побежали. Не четыре реки вытекали, а с правой и с левой руки шли полки со знаменами строем, отдавали честь боем; все красой удивляло, войска такого и у царя не бывало. Царь не верил глазам. «Нет тут ошибки, это полки невидимки!» — молвил Бессчастный стрелок. «Пусть же прогонят врагов, чтоб силы противной не осталось следов!» Стрелок махнул платком, войны налево кругом; марш походный заиграл; поднялся туман, полки вскачь летят, а очистился туман — как и не было их! Позвали стрелка к обеду, в царскую беседу, и расспрашивал царь о Мурзе-невидимке. Лишь обед начался, за второй сменой блюдо весть пришла, что неприятель бежит, наголову разбит; татары от города, как птицы от холода, в страхе летели, шатры опустели. Царь стрелка благодарил, дочери объявил, что нашел ей жениха. Миловзора, услышав, смутилась, покраснела, в лице изменилась, слезки из глаз побежали, жемчугом падали, алмазом сверкали; стрелок, сам не свой, что-то шептал про себя... Бросились придворные слезки подбирать — всё алмазы да жемчуги! Миловзора рассмеялась и руку стрелку подала; сама она — радость, в глазах ее — ласка. Тут пир начался, и кончилась сказка.

568. НЕОСТОРОЖНОЕ СЛОВО

Жил в Заонежье старик со старухой, кормился охотою, и была у него собака — цены ей нет! Раз попался ему навстречу хорошо одетый человек. «Продай, — говорит, — собаку, а за расчетом приходи завтра вечером на Мьян-гору». Старик отдал собаку, а на другой день пошел на гору. Поднялся на верх горы — стоит большой город, где живут лембои¹; пришел в дом того, что купил собаку; тут гостя накормили, напоили, в бане выпарили. Парил его молодец и, покончив дело, пал ему в ноги: «Не бери, дедушка, за собаку денег, а выпроси меня!» Дед послушался: «Отдай, — говорит, — мне добра молодца; вместо сына у меня будет». — «Много просишь, старик, да делать нечего, надо дать». Пришли домой,

¹ Карельское слово, означающее — черти.

и рассказывает мѳлодец старику: «Ступай ты в Новгород, отыщи на улице Рогатице такого-то купца». Старик пошел в Новгород, попросился к купцу ночевать и стал его спрашивать: «Были ль у тебя дети?» — «Был один сын, да мать в сердцах крикнула на него: «Лембой те возьми!» Лембой и унес его». — «А что дашь, я тебе ворочу его?» Добрый мѳлодец, которого вывел старик от лембоев, и был тот самый купеческий сын. Купец обрадовался и принял старика со старухою к себе в дом.

569. СКАЗКА О СЕРЕБРЯНОМ БЛЮДЕЧКЕ И НАЛИВНОМ ЯБЛОЧКЕ

Жил мужик с женою, и у них были три дочери: две — нарядницы, затейницы, а третья — простоватая, и зовут ее сестры, а за ними и отец и мать, дурочкой. Дурочку везде толкают, во всё помыкают, работать заставляют; она не молвит и слова, на все готова: и траву полет, и лучину колет, коровушек доит, уточек кормит. Кто что ни спросит, все дура приносит: «Дура, поди! За всем, дура, гляди!» Едет мужик с сеном на ярмарку обещает дочерям гостинцев купить. Одна дочь просит: «Купи мне, батюшка, кумачу на сарафан»; другая дочь просит: «Купи мне алой китайки»; а дура молчит да глядит. Хоть дура, да дочь; жаль отцу — и ее спросил: «Чего тебе, дура, купить?» Дура усмехнулась и говорит: «Купи мне, свет-батюшка, серебряное блюдечко да наливное яблочко». — «Да на что тебе?» — сестры спросили. «Стану я катать яблочком по блюдечку да слова приговаривать, которым научила меня старушка — за то, что я ей калач подала». Мужик обещал и поехал.

Близко ли, далеко ли, мало ли, долго ли был он на ярмарке, сено продал, гостинцев купил: одной дочери алой китайки, другой кумачу на сарафан, а дуре серебряное блюдечко да наливное яблочко; возвратился домой и показывает. Сестры рады были, сарафаны пошили, а на дурку смеются да ждут, что она будет делать с серебряным блюдечком, с наливным яблочком. Дура не ест яблочко, а села в углу — приговаривает: «Катись-катись, яблочко, по серебряному блюдечку, показывай мне города и поля, леса и моря, и гор высоту и небес красоту!» Катится яблочко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечке все города один за другим видны, корабли на морях и полки на полях, и гор высота и небес красота; солнышко за солнышком катится, звезды в хоровод собираются — так все красиво, на диво — что ни в сказке сказать, ни пером написать. Загляделись сестры, а самих зависть берет, как бы выманить у дурки блюдечко; но она свое блюдечко ни на что не променяет.

Злые сестры похаживают, зовут, приговаривают: «Душенька сестрица! В лес по ягоды пойдем, земляничку сберем». Дурочка блюдечко отцу отдала, встала да в лес пошла; с сестрами бродит, ягоды собирает и видит, что на траве заступ лежит. Вдруг злые сестры заступ схватили, дурочку убили, под березкой схоронили, а к отцу поздно пришли, говорят: «Дурочка от нас убежала, без вести пропала; мы лес обошли, ее не нашли, видно волки съели!» Жалко отцу — хоть дура, да дочь! Плачет мужик

по дочери; взял он блюдечко и яблочко, положил в ларец да замкнул; а сестры слезами обливаются.

Водит стадо пастушок, трубит в трубу на заре и идет по леску овечку отыскивать, видит он бугорок под березкой в стороне, а на нем вокруг цветы алые, лазоревые, над цветами тростинка. Пастушок молодой срезал тростинку, сделал дудочку, и — диво дивное, чудо чудное — дудочка сама поет-выговаривает: «Играй, играй, дудочка! Потешай света-батюшку, мою родимую матушку и голубушек сестриц моих. Меня, бедную, загубили, со свету сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко». Люди слышат — сбежались, вся деревня за пастухом оборотилась; пристают к пастуху, выпрашивают, кого загубили? От расспросов отбою нет. «Люди добрые! — пастух говорит. — Ничего я не ведаю, а искал в лесу овечку и увидел бугорок, на бугорке цветочки, над цветочками тростинка; срезал я тростинку, сделал себе дудочку, сама дудочка играет-выговаривает».

Случился тут отец дурочки, слышит пастуховы слова, схватил дудочку, а дудочка сама поет: «Играй, играй, дудочка, родимому батюшке, потешай его с матушкой. Меня, бедную, загубили, со свету сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко». — «Веди нас, пастух — говорит отец, — туда, где срезал ты тростинку». Пошел за пастухом он в лесок на бугорок и дивится на цветы прекрасные, цветы алые, лазоревые. Вот начали разрывать бугорок и мертвое тело отрыли. Отец всплеснул руками, застонал, дочь несчастную узнал, и лежит она убитая, неведомо кем загубленная, неведомо кем зарытая. Добрые люди спрашивают, кто убил-загубил ее? А дудочка сама играет-выговаривает: «Свет мой батюшка родимый! Меня сестры в лес зазвали, меня бедную загубили за серебряное блюдечко, за наливное яблочко; не пробудишь ты меня от сна тяжкого, пока не достанешь воды из колодезя царского». Две сестры завистницы затрясались, побледнели, а душа как в огне, и признались в вине; их схватили, связали, в темный погреб замкнули до царского указа, высокого повеленья; а отец в путь собрался в город престольный.

Скоро ли, долго ли — прибыл в тот город. К дворцу он приходит; вот с крыльца золотого царь-солнышко вышел, старик в землю кланяется, царской милости просит. Возговорит царь-надежа: «Возьми, старик, живой воды из царского колодезя; когда дочь оживет, представь ее нам с блюдечком, яблочком, с лиходейками-сестрами». Старик радуется, в землю кланяется и домой везет скляницу с живою водою; бежит он в лесок на цветной бугорок, отрывает там тело. Лишь он спрыснул водой — встала дочь перед ним живой и припала голубкой на шею отцу. Люди сбежались, наплакались. Поехал старик в престольный город; привели его в царские палаты. Вышел царь-солнышко, видит старика с тремя дочерьми: две за руки связаны, а третья дочь — как весенний цвет, очи — райский свет, по лицу заря, из очей слезы катятся, будто жемчуг падают. Царь глядит, удивляется; на злых сестер прогневался, а красавицу спрашивает: «Где же твое блюдечко и наливное яблочко?» Тут взяла она ларчик из рук отца, вынула яблочко с блюдечком, а сама царя спрашивает: «Что ты, царь-государь, хочешь видеть: города ль твои крепкие, полки ль твои храбрые, корабли ли на море, чудные ль звезды на небе?»

Покатила наливным яблочком по серебряному блюде, а на блюде-ке-то один за одним города выставляются, в них полки собираются со знаменами, со пищальми, в боевой строй становятся; воеводы перед строями, головы перед взводами,десятники переддесятьми; и пальба, и стрельба, дым облако свил, все из глаз закрыл! Яблочко по блюде катится, наливное по серебряному: на блюде море волнуется, корабли как лебеди плавают, флаги развеваются, с кормы стреляют; и стрельба, и пальба, дым облако свил, все из глаз закрыл! Яблочко по блюде катится, наливное по серебряному: в блюде все небо красуется, солнышко за солнышком кружится, звезды в хоровод собираются. Царь удивлен чудесами, а красавица льется слезами, перед царем в ноги падает, просит помиловать. «Царь-государь! — говорит она. — Возьми мое серебряное блюдо и наливное яблочко, лишь прости ты сестер моих, за меня не губи ты их». Царь на слезы ее сжался, по прошенью помиловал; она в радости вскрикнула, обнимать сестер бросилась.

Царь глядит, изумляется; взял красавицу за руки, говорит ей приветливо: «Я почту доброту твою, отличу красоту твою; хочешь ли быть мне супругою, царству доброй царицею?» — «Царь-государь! — отвечает красавица. — Твоя воля царская, а над дочерью воля отцовская, благословенье родной матери; как отец велит, как мать благословит, так и я скажу». Отец в землю поклонился, послали за матерью — мать благословила. «Еще к тебе слово, — сказала царю красавица, — не отлучай родных от меня; пусть со мною будут и мать, и отец, и сестры мои». Тут сестры ей в ноги кланяются. «Недостойны мы!» — говорят они. «Все забыто, сестры любезные! — говорит она им. — Вы родные мне, не с чужих сторон, а кто старое зло помнит, тому глаз вон!» Так сказала она, улыбнулась и сестер поднимала; а сестры в раскаянье плачут, как река льются, встать с земли не хотят. Тогда царь им встать приказал, кротко на них посмотрел, во дворце остаться велел. Пир во дворце! Крыльцо все в огнях, как солнце в лучах; царь с царицею сели в колесницу, земля дрожит, народ бежит: «Здравствуй, — кричат, — на многие века!»

570. СКАЗКА О ЛЯГУШКЕ И БОГАТЫРЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жил король: у него было три сына. Раз он призвал к себе сыновей и сказал: «Любезные дети! Вы теперь на возрасте, время вам подумать о невестах. Сделайте себе по стрелке, ступайте в заповедные луга и выстрелите в разные стороны. В какой дом попадет чья стрела, в том и возьмет себе невесту». Королевичи сделали себе по стрелке, вышли в заповедные луга и выстрелили: большой брат в правую сторону, средний в левую, а меньшей, что назывался Иван-богатырь, пустил свою стрелу прямо. После того пошли они в разные стороны искать свои стрелки. Большой брат нашел свою стрелку у министра, а середний у генерала; королевичи и поженились на их дочерях-красавицах.

А Иван-богатырь долго не мог найти своей стрелки и был весьма печален; целые два дня ходил он по лесам и по горам, а на третий день

зашел в болото и увидел большую лягушку, которая держала во рту пушечную им стрелу. Иван-богатырь хотел было бежать и отступить с своей находки, но лягушка закричала: «Ква-ква, Иван-богатырь! Поди ко мне, возьми свою стрелу; не то вечно не выйдешь из болота». Промолвив эти слова, лягушка перекувырнулась — и в ту ж минуту явилась раскрашенная беседка; Иван-богатырь вошел в беседку. «Я знаю, — сказала лягушка, — что ты третий день ничего не ел; не хочешь ли поесть?» Тут лягушка снова перекувырнулась — и тотчас явился стол со всяким кушаньем и напитками. Иван-богатырь сел за стол, наелся, напился. «Слушай, — сказала ему лягушка, — стрела твоя попала ко мне, ты должен взять меня замуж; а не возьмешь за себя — не выйдешь из этого болота!» Иван-богатырь опечалился и не знал, что делать: подумал и взял с собой лягушку и принес ее в свое государство. Братья и невестки стали над ним смеяться.

Наступил день, в который Иван-богатырь должен был жениться; он поехал в карете, а лягушку понесли во дворец на золотом блюде. Когда настала ночь, и жених с невестой пошли в свои комнаты, лягушка сняла с себя лягушечью кожуру и сделалась красавицею, а днем опять стала лягушкою. Иван-богатырь жил с нею благополучно и счастливо. Через несколько времени приказал как-то король призвать к себе сыновей и сказал им: «Любезные дети! Вы теперь все трое женаты; желалось бы мне износить от ваших жен, а моих невесток, по рубашке». Дал им по куску полотна и говорил, чтобы рубашки поспели к завтраму. Большие братья принесли полотно к своим женам; а те стали кликать нянюшек, мамушек и сенных красных девушек, чтоб помогли им сшить по рубашке. Тотчас нянюшки их и мамушки прибежали и принялись за работу: которая кроила, которая шила.

Меж тем послали невестки девку-чернавку посмотреть, как лягушка станет шить рубашку. И как девка-чернавка пришла к Иван-богатырю в комнаты, в то время принес он полотно и с опечаленным видом положил его на стол. «Что ты, Иван-богатырь, так печален?» — говорила лягушка. А он ей отвечал: «Как мне не печалиться? Батюшка приказал из этого полотна шить себе к завтраму рубашку». — «Не плачь, не тужи, — сказала лягушка, — ложись да засни, утро вечера мудренее, — все будет исправно!» Схватила ножницы, изрезала все полотно на мелкие лоскутки, потом отворила окно, бросила их на ветер и сказала: «Буйные ветры! Разнесите лоскуточки и сшейте свекору рубашку». Девка-чернавка пошла и рассказала королевам, что лягушка все полотно изрезала на маленькие лоскуточки и кинула за окошко. Они смеялись над лягушкою и говорили: «Что-то завтра принесет ее муж к королю!»

На другой день Иван-богатырь проснулся, лягушка подала ему сорочку: «Вот, любезный Иван-богатырь, отнеси-ка эту сорочку своему батюшке». Иван-богатырь взял сорочку и понес к своему отцу; принесли свои сорочки и старшие братья. Сперва поднес королю большой брат; король посмотрел и сказал: «Эта рубашка сшита так, как обыкновенно шьют». Посмотрел у другого сына и сказал, что и эта рубашка сшита не лучше. А как подал ему меньшей сын сорочку, то король не мог довольно нади-

виться: в сорочке нельзя было приметить ни одного шва,— и сказал: «Эту рубашку подавайте мне в самые большие праздники».

В другой раз призвал король сыновей и говорил им: «Любезные дети! Мне хочется знать, умеют ли ваши жены шить золотом и серебром; возьмите себе шелку, серебра и золота, и чтобы к завтраму было сделано по ковру». Жены старших королевичей начали кликать нянюшек, мамушек и сенных девушек, чтоб пособили им вышивать ковры. Тотчас нянюшки, мамушки и сенные красные девушки пришли и начали вышивать ковры — кто серебром, кто золотом, а кто шелком. Девку-чернавку опять послали посмотреть, что станет делать лягушка. Иван-богатырь принес к себе золото, серебро и шелк и был весьма печален. Лягушка, сидя на стуле, говорила: «Ква-ква-ква! Что ты, Иван-богатырь, так запечалился?» — «Как мне не печалиться? — отвечал он. — Батюшка велел к завтраму вышить из этого серебра, золота и шелку ковер». — «Не плачь и не тужи, — сказала лягушка, — ложись-ка спать, утро вечера мудренее!» — А сама взяла ножницы, весь шелк изрезала, серебро и золото изорвала, бросила за окошко и сказал: «Буйные ветры! Принесите тот ковер, которым мой батюшка окошки закрывал». Невестки, выслушав все это от девки-чернавки, вздумали и сами так сделать. Долго ожидали они, но, видя, что ветры ковров им не приносят, послали купить серебра, золота и шелку и стали вышивать ковры по-прежнему.

Поутру, как только встал Иван-богатырь, лягушка подала ему ковер. Вот все три брата принесли свои ковры к отцу; он взял прежде от старшего, посмотрел и промолвил: «Этот ковер годится от дождя лошадей покрывать». Посмотрел у среднего и сказал: «Этот ковер можно в передней комнате постилать, чтоб обтирали об него ноги». Потом принял ковер от меньшого сына, вздивовался и сказал: «А этот ковер в самые торжественные дни постилать ко мне на стол». Ковер Иван-богатыря приказано спрятать и беречь, а другим сыновьям отдал король ковры назад. «Отнесите их, — сказал король, — к своим женам и скажите, чтоб берегли для себя!»

В третий раз говорил король своим сыновьям: «Теперь, любезные дети, хочу я иметь по хлебу, испеченному руками ваших жен». Как услышали о том от своих мужей королевны, они тотчас послали девку-чернавку посмотреть, как будет делать лягушка. В то время Иван-богатырь пришел в свои комнаты весьма печален. «Ква-ква-ква! Что ты запечалился?» — спросила его лягушка. «Как мне не печалиться? Батюшка приказал, чтоб ты испекла хлеб». — «Не плачь, не тужи, все сделаю!» — и велела принести квашню, муки и воды; всыпала муку в квашнюю, влила воду, растворила раствор, вылила в холодную печь, и заслонила заслонкой, и сказала: «Испекись, хлеб, чист, рыхл и бел, как снег!» Девка-чернавка воротилась к невесткам и сказала: «Не знаю, за что король так хвалит лягушку; она ничего не умеет делать!» Выслушав все, невестки вздумали и сами так же сделать, как лягушка, растворили муку на холодной воде и вылили в холодные печи; но, видя, что растворы их расплылись, они приказали принести еще муки, замесили свои хлебы на горячей воде и посадили в топленные печи. Они боялись не поспеть и так спешили, что у

одной хлеб пригорел, а у другой вышел совсем сырой; лягушка же вынула свой хлеб из печи и чист, и рыхл, и бел, как снег.

Пришли братья к отцу и принесли свои хлеба. Король принял от большого сына хлеб, посмотрел и сказал: «Такой хлеб можно есть только от нужды!» Принял от среднего сына и промолвил: «Этот хлеб не лучше!» Потом взял от меньшого сына и велел, чтобы этот хлеб подавали ему за стол, когда будут у него гости. «Любезные дети! — продолжал король. — Жены ваши сделали для меня все, что я приказывал, и потому прошу вас вместе с женами приехать завтра во дворец на обед». Королевици пошли к женам.

Иван-богатырь очень печалился и думал: «Как повезу я с собой лягушку?» А лягушка, сидя на стуле, спрашивает: «Ква-ква-ква! О чем, Иван-богатырь, ты так запечалился?» Иван-богатырь отвечал: «Как мне не печалиться? Батюшка приказал всем нам завтрашний день приехать к нему во дворец с женами; как я тебя повезу?» — «Не плачь, не тужи, — сказала лягушка, — утро вечера мудренее, ложись да спи!»

На другой день Иван-богатырь собрался и поехал во дворец; а невестки послали опять деву-чернавку смотреть, в чем поедет лягушка. В то время лягушка открыла окно и кликнула громким голосом: «Ох вы, буйные ветры! Полетите в мое государство и скажите, чтоб приехала богатая карета со всем прибором, с лакеями, гайдуками, скороходами и вершниками». После того она хлопнула окошком и села на стул. Все уж съехались во дворец, дожидались только лягушки — и вдруг увидели, что бегут скороходы, скачут вершники¹ и едет пребогатая карета. Король подумал, что едет к нему какой-нибудь иной король или королевич, и пошел встречать. «Не трудитесь, батюшка! — говорит Иван-богатырь. — Это, знать, моя лягушонка тащится в коробчонке».

Подъехала карета, и вышла из нее жена Иван-богатыря такую красавицей, что все дивиться стали. Сели за стол; лягушка чего не допьет, то за рукав льет, а кости за другой кладет. Другие невестки увидели и стали то же делать: чего не допивали, то за рукав лили; чего не доедали, то за другой клали. Как встали из-за стола, заиграла музыка, и лягушка пошла танцевать: махнула одним рукавом — вдруг на аршин высоты стала вода, махнула другим рукавом — поплыли по воде гуси и лебеди, что видя, все не могли надивиться ее хитрости; а как перестала она танцевать — все исчезло: и вода, и гуси, и лебеди. Тогда пошли танцевать другие невестки и как махнули своими рукавами — то всех облили, обрызгали и костями чуть глаз не выбили! Тут Иван-богатырь пошел домой, схватил лягушечью кожу и тотчас сжег ее. Приехала его жена и бросилась искать своей кожурилки, не нашла и говорит: «Ну, Иван-богатырь, коли ты не мог потерпеть малое время, то ищи теперь меня за тридевять земель, в тридесятом царстве, в подсолнечном государстве, и знай, что зовут меня Василиса Премудрая». Сказала и вмиг исчезла.

Иван-богатырь заплакал неутешно и пошел искать Василису Премудрую; шел он долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка

¹ Верховые (Ред.).

сказывается, да не скоро дело делается, и пришел к избушке, которая стояла на курьих ножках и сама поворачивалась. Иван-богатырь сказал: «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, а ко мне передом!» — и по его речам избушка остановилась. Иван-богатырь вошел в избушку и увидел, что в переднем углу сидела баба-яга; говорит она сердитым голосом: «Доселева русского духу слыхом не слыхивано и видом не видывано, а нынеча русский дух в очах проявляется! Что ты, Иван-богатырь, волею али неволею?» Иван-богатырь отвечал, что сколько волею, а вдвое того неволею, и рассказал все, как было. «Жаль мне тебя, — сказала баба-яга, — изволь, я тебе услужу, покажу тебе Василису Премудрую: она каждый день прилетает ко мне отдыхать. Как прилетит она, ты старайся поймать ее за голову, и как поймаешь — она начнет превращаться лягушкой, жабой, змеею и прочими гадами, а после всего превратится в стрелу. Ты возьми эту стрелу и переломи надвое: тогда она будет вечно твоя. Только смотри, как поймаешь свою жену — не выпускай ее!»

Потом баба-яга спрятала королевича, и только успела его спрятать, как прилетела Василиса Премудрая. Иван-богатырь подошел к ней тихонько и схватил ее за голову; она стала оборачиваться лягушкой, жабою и, наконец, змеею. Иван-богатырь испугался и отпустил руку; Василиса Премудрая в ту ж минуту пропала. А баба-яга сказала ему: «Когда не умел ты удержать, то больше никогда не увидишь ее здесь; а коли хочешь, ступай к моей сестре; к ней Василиса Премудрая также летает отдыхать». Иван-богатырь отправился к другой бабе-яге, и тут не удержал он Василисы Премудрой; пошел он к третьей сестре, бабе-яге. «Если теперь упустишь Василису Премудрую, — сказала она, — то уж больше никогда ее не найдешь». Как ни оборачивалась Василиса Премудрая, Иван-богатырь не выпускал ее из рук; наконец оборотилась она стрелою, Иван-богатырь взял стрелу и переломил надвое. В ту ж минуту явилась перед ним Василиса Премудрая и сказала: «Ну, Иван-богатырь, теперь отдаюсь я в твою волю!» Баба-яга подарила им ковер-самолет, и они полетели на ковре-самолете в свое государство; через три дня на четвертый опустился ковер прямо на дворец. Король встретил своего сына и невестку с великою радостью, сделал большой пир, а после сделал вместо себя королем Ивана-богатыря.

571. СКАЗКА ОБ ИВАНЕ-БОГАТЫРЕ, КРЕСТЬЯНСКОМ СЫНЕ

В некоей деревне был крестьянин не весьма богатый, и тот крестьянин жил со своею женою три года, а детища у них не было. На четвертое лето жена его понесла и родила сына, которого назвали Иваном. Когда Ивану минуло пять лет, а ходить он не мог, потому что был сидень, то отец его и мать стали кручиниться и просили бога, чтоб дал сыну их здоровые ноги; однако сколько они ни молились, а сын их не мог ходить и сидел сиднем тридцать лет и три года.

В некое же время пошел крестьянин со своею женою к обедне, и в то же время подошел под окно их избы нищий и стал у Ивана кресть-

янского сына просить милостыню. Иван крестьянский сын на то ему сказал: «Я бы подал милостыню, да встать с места не могу». Тогда ему нищий молвил: «Встань и сотвори мне милостыню; ноги твои здоровы и исцелены». Иван крестьянский сын тотчас встал с места и несказанно обрадовался, что ноги его совсем стали здоровы и невредимы. Он кликнул нищего в избу и накормил. Тогда нищий попросил у него пива напиться, а Иван тотчас пива принес; однако нищий пива не пил, а велел ему всю ендову¹ выпить, и он в том не отрекся и выпил. Тогда нищий спросил: «Что, Иванушка, много ли ты теперь в себе силы чувствуешь?» — «Много», — отвечал ему Иван. «Прости же теперь», — молвил нищий и, проговоря сии слова, стал невидим, а Иван остался в великом удивлении.

Вскоре после того пришел его отец с матерью и, увидя сына своего здрава всем, весьма удивились и стали его спрашивать, как он исцелился от болезни. Тогда Иван пересказал обо всем ясно, и старики подумали, что приходил к нему не нищий, а некий святой человек исцелил его от скорби, и начали пировать. А Иван пошел силу испытывать; вышедши в огород, он взял в руки кол, воткнул посредине огорода и повернул его так сильно, что вся деревня с колом повернулась.

После вошел он в избу и начал с стариками своими прощаться и просить у них благословения. Старики стали плакать горькими слезами и просили его, чтоб он пожил у них хотя малое время; но Иван, несмотря на их слезы, сказал: «Ежели вы меня не отпустите, то я и так от вас уйду». Тогда старики его благословили. И стал Иван крестьянский сын молиться, на все четыре стороны кланяется, с отцом и с матерью прощается; и сошел с своего двора, повернул на правую сторону, пошел куда глаза глядят. И шел он ровно десять суток и пришел в некое государство. И лишь только что вошел в него, то поднялся вдруг крик и гам великий, от чего царь смутился и вельми бысть ужасен и велел клич кликать: ежели кто уймет тот крик и гам, тому отдаст он дочь свою в супруги и половину своего государства в приданое за нею.

Иванушка, услыша о том кличе, пошел на царский двор и, пришедши туда, велел о себе доложить царю, что он хочет унять тот крик и гам. Привратник, услыша от него те слова, пошел в царю и сказал ему о слышанном. Царь повелел тотчас призвать пред себя Ивана крестьянского сына; и как он к нему пришел, то царь ему говорил: «Друг мой! Правда ли то, чем ты хвалился привратнику?» — «Точно, я тем хвалился, — молвил ему Иван крестьянский сын, — и за то ничего больше от тебя не требую, только отдай мне этот шум и гам». Тогда царь сказал ему, рассмеявшись: «Пожалуй, возьми, когда тебе надобно». Иван крестьянский сын поклонился царю и пошел от него, пришел к привратнику и потребовал сто человек рабочих людей; привратник дал ему работников.

Тогда Иван крестьянский сын привел их пред царский дом и велел рыть землю. Работники, рывши землю, увидели железную дверь с медным кольцом. И ту дверь Иван крестьянский сын одною рукою отломил и от-

¹ Ендова — чаша (Ред.).

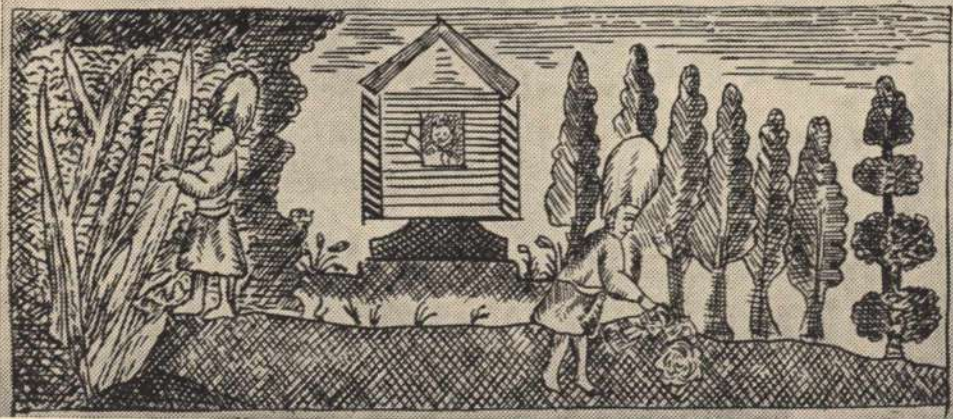
туда выбросил и увидел там доброго коня богатырского со всею сбруею и доспехами богатырскими. Конь увидел по себе седока, пал пред ним на колени и промолвил человеческим голосом: «Ох ты гой еси, добрый мóлодец, Иван крестьянский сын! Засажен я здесь сильным и храбрым богатырем Лукопером, и сию здесь леты несметные, и ждал сюда тебя ровно тридцать лет и три года, и насилу дождался. Садись на меня и поезжай куда тебе надобно; я служить тебе буду верой и правдою, как служил Лукоперу — сильному богатырю». Тогда Иван крестьянский сын седлает того доброго коня, надевает на него уздечку тесмѣнную, накладывает седелечко черкасское и подтягивает двенадцать подпруг шелку шемаханского; садится на доброго коня и бьет его по крутым бедрам, и тот конь осердится, от земли подымается выше леса стоячего, что пониже облака ходячего, долы и горы между ног пускает, великие реки хвостом устилает, из ушей своих выпускает густой дым, а из ноздрей кидает пламя великое.

И тогда Иван крестьянский, сын попал в незнакомую сторонущу, и ехал он ровно тридцать дней и тридцать ночей, и приехал в китайское государство; слез с своего доброго коня и пустил его в чистое поле гулять, а сам пошел в город, купил себе пузырь, и надел на голову, и ходит около царского двора. И спрашивают его, откуда он пришел, и какого рода человек, и чьего отца и матери сын? А Иван крестьянский сын на все их вопросы отвечал только: «Не знаю». Тогда все почли его дураком и сказали о нем царю китайскому. И царь велел его к себе привести и стал его спрашивать: кто он, и откуда пришел, и как его зовут? Однако и царю отвечал: «Не знаю». Тогда царь повелел его согнать со двора; но прилучился на ту пору царский садовник и стал просить царя, чтоб того дурака ему отдал для садовой работы, и царь ему в том не отказал. Садовник взял его и повел в царский сад и стал ему приказывать, чтобы он сад чистил, и, отдавши ему такой приказ, ушел от него. Иван крестьянский сын лег под древо и уснул малое время, а после встал ночью, и начал деревья ломать в саду, и переломал все до единого. Поутру пришел в сад садовник, испугался крайне и стал Ивана крестьянского сына бранить, и журить, и спрашивать, кто переломал деревья. А он ему отвечал на то только: «Не знаю».

Садовник боялся о том царю сказать, дабы тем не прогневать его; однако царская дочь усмотрела то из окна своего и подивилась тому. Немало, спрашивала садовника, кто переломал в саду деревья. Садовник ей на то отвечал, что Незнайко все дорогие деревья исковеркал; просил царевну, чтоб не сказывала отцу своему, и обещался сад развести лучше прежнего в скором времени. На другую ночь Незнайко не спал нисколько, а все носил из колодца воду и поливал те ломаные деревья — и к утру те деревья стали вырастать, и как скоро взошло солнышко, то распустились они и выросли еще лучше прежнего. Садовник пришел в сад, подивился тому немало и уже не хотел спрашивать Незнайку — затем что от него никогда не мог добиться толку. Царевна же, проснувшись и встав от ложа своего, увидела в окно сад свой в наилучшем против прежнего порядке, почему и велела опять призвать садовника и спрашивала его, каким образом сад исправлен в такое малое время. Садовник ей отвечал, что он

Лубочная сказка: Иван, крестьянский сын

Лубочная сказка: Иван, крестьянский сын

Лубочная сказка: Иван, крестьянский сын

Лубочная сказка: Иван, крестьянский сын

совсем о том не знает, отчего так скоро исправлен; почему царица узнала великую мудрость в Незнайке и с тех пор стала его любить паче самой себя и посылала ему ествы всегда с своего стола.

У царя китайского было три дщери, прекрасные собою: большая называлась Дуазою, средняя Сиасою, а меньшая, которая полюбила Ивана крестьянского сына, называлась Лаотою. Царь призвал тогда всех дочерей и говорил им: «Вселюбезнейшие мои дщери, прекрасные царевны! Уже приспело время вам сочетаться брачным союзом, и для того я вас велел призвать пред себя, дабы о том сказать вам. И вы избирайте себе в женихи царевичей или королевичей, кто вам по мысли». Две большие выбрали себе по жениху царевичей, а меньшая стала просить своего родителя со слезами, чтобы отдал ее замуж за Незнайку. Царь изумился, услыша о том от своей дочери, и сказал: «Никак ты, дочь, в уме помешалась, что хочешь выйти за Незнайку-дурака, который и говорить-то не умеет!» — «Пусть он дурак, — отвечала она ему, — однако я прошу вас, государя моего родителя, чтобы выдать меня за него». — «Если так хочешь, — сказал ей царь с великим огорчением, — то, пожалуй, ступай за него замуж».

Вскоре повелено было от царя послать к тем царевичам, коих две царевны выбрали себе в женихи, указы, дабы приехали они в Китай для сочетания с его дочерьми браком. Как скоро получили они те указы, тотчас с великою поспешностью прибыли в Китай; а по прибытии туда и сочетались браком с царевнами; также и царица Лаота с Иваном крестьянским сыном. Большие ее сестры смеялись, что меньшая сестра выбрала себе мужа дурака.

По некоем времени подступила под Китай-град сила великая, и требовал Полкан от царя любезную его дочь, прекрасную Лаоту, себе в замужество с великими угрозами и с наказом: ежели не отдаст дочь свою ему в супруги, то государство его огнем пожжет, а войско мечом посечет, а царя и с царицею засадит в темницу, а дочь их возьмет неволею. Царь, услыша такие угрозы от Полкана-богатыря, весьма испугался и велел собрать все свое войско. И как оное было собрано, то и вышло против Полкана-богатыря под начальством царевичей, и начали два войска сражаться, как две тучи грозные, и Полкан-богатырь побивал войско китайское. В то время пришла царица к своему мужу Ивану крестьянскому сыну и говорила ему: «Вселюбезнейший мой друг Незнаюшка! Ведь меня хотят у тебя отнять; подступил под наше государство неверный Полкан-богатырь и уже побивает наше войско грозным мечом своим».

Иван крестьянский сын велел царице оставить его в покое, а сам выскочил в окно, и пришел в чистое поле, и крикнул своим богатырским голосом: «Гей ты, сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Конь бежит — земля дрожит, из ушей дым столбом, из ноздрей пламя пышет. Иван крестьянский сын влез в ушко, наелся, напился, нарядился и в другое ушко вылез: стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать, и, севши на своего коня, поехал на рать Полкана-богатыря, стал его войско рубить и прогнал его от своего государства. Тогда царь китайский подъехал к

Ивану крестьянскому сыну и, не узнав его, стал просить его к себе во дворец. А он ему отвечал: «Я не твой слуга и не тебе служу!» — и, проговоря сии слова, уехал от него и пустил своего коня в чистое поле, а сам пошел к царскому дому, влез в окно и лег спать, надевши на голову пузырь. Царь от той великия радости сотворил пир великий на несколько дней.

Опять подступил под его царство Полкан-богатырь и просил дщерь его себе в супруги с прежнею угрозою. Царь тотчас велел собрать свое войско и послал против Полкана сражаться. И Полкан опять стал побивать китайское войско. В то самое время Лаота опять пришла к крестьянскому сыну и говорила, что Полкан хочет у него отнять ее себе в жены. Тогда Иван крестьянский сын паки¹ выслал ее от себя, а сам выскочил в окно и, пришедши в чистое поле, кликнул своего коня. Сел на коня, поскакал на войско Полканово, и начал его рубить, и вскоре прогнал от своего государства. Царь опять подъехал к Ивану крестьянскому сыну и стал его просить во дворец; однако он не поехал, а поскакал от него прочь, отпустил своего коня и пошел спать. Царь паки стал торжествовать победу свою над Полканом, хотя и не знал, какой был то кавалер, который вступался за его государство и побивал Полканово войско.

По некоем времени подступил Полкан в третий раз под его государство и просил Лаоту-царевну себе в жены с пущими угрозами. Тогда царь велел собрать свое войско и послать против Полкана, и как сразились обе рати весьма крепко — начал Полкан побивать силу китайскую. В то самое время приходит царица к своему мужу и со слезами говорит, что Полкан хочет ее у него отнять. Иван крестьянский сын, удалясь с поспешностью, выскочил из окна и прибежал в чистое поле; кликнул своего коня, сел на него и поскакал на рать Полканову. Тогда конь проговорил человеческим голосом: «Ох ты гой еси, Иван крестьянский сын! Теперь-то пришла и мне и тебе служба великая; обороняйся от Полкана и стой против него крепко, а не то — так ты и все войско китайское погибнет». Иван крестьянский сын разъяряет своего доброго коня, и въезжает в рать-силу великую Полканову, и начал то войско рубить.

Полкан, увидя, что силы его уже много побито, осержается и нападает на Ивана крестьянского сына, словно лютый лев. И сразились два сильных богатыря, и все войско им подивилося; они бились долгое время, и ранил Полкан Ивана крестьянского сына в левую руку. Тогда Иван на Полкана осержается и направляет острое копьё — прободал ему сердце, а после срубил ему голову и все войско Полканово прогнал от Китая прочь. Тогда подъехал он к царю китайскому, и царь стал ему кланяться до лица земли и просил его к себе во дворец, Лаота-царица увидела у него кровь на руке, обвязала рану своим платком и начала его просить в царский дом. Однако Иван крестьянский сын не послушался, ускакал от них и отпустил своего доброго коня, а сам пошел — лег спать. Тогда царь повелел великий пир сотворити.

¹ Снова, опять (Ред.).

В то самое время царица пришла к своему мужу по приказу своего отца и стала его будить, однако разбудить не могла; и увидела царица у него на голове золотые волосы и подивилась тому; а после увидела свой плат, которым завязала его руку: тогда узнала она, что это он трижды победил Полкана и напоследок умертвил его. Тотчас побежала к отцу и привела его к своему мужу, сказав: «Вот, государь батюшка, вы мне говорили, что я вышла за дурака; поглядите пристальнее на него, осмотрите его волосы и ту рану, что получил от Полкана». Царь узнал тогда, кто защищал его государство от Полкана, и пришел от того в великую радость. Как скоро Иван крестьянский сын проснулся, то царь принял его за белые руки, повел в свои чертоги и благодарил за защиту от Полкана нападения; а как царь уже был в престарелых годах, то и возложил венец свой на главу Ивана крестьянского сына. Иван принял престол, начал управлять Китаем и стал жить со своею супругою весьма любовно и мирно — и скончали век свой благополучно.

572. ЛИХО

Жил да был человек и не знал, что то есть на свете лихо; слышит — люди часто его поминают, и решился во что бы то ни стало увидеться с ним. Взял сумку на плеча и пошел. Шел-шел, под лесом стоит железный замок, кругом частокол из человеческих костей, черепа воткнуты сверху. Подходит к замку. «Чего надо?» — «Лиха; его ищут!» — «Лихо здесь». Вошел в горницу, а там лежит громадный и тучный великан; голова на полу, ноги на печке; ложе под ним — людские кости. Это Лихо, а вокруг него сидят Злыдни и Журба. Подало ему Лихо человеческую голову и потчует, а само Лихо слепое. Взял гость голову да под лавку. «Что, скушал?» — спрашивает Лихо. «Скушал». — «А где ты, головка-мотовка?» — «Под лавкою». Жаром и холодом обдало гостя. «Скушай, голубчик, ты сам вкусней для меня будешь». Он взял голову и спрятал за пазуху. А Лихо: «Где ты, головка-мотовка?» — «Подле желудка». — «Значит, съел, — подумало Лихо. — Ну, теперь твоя очередь». Гость улучил минуту¹ да бегом. Дверь железная закричала; Лихо узнало побег и закричало: «Двери, держите, уйдет!» Но он уже был за дверью; только правую руку не уберег, в дверях оставил, да тут и сказал: «Оце лыхо!»

573. ЛЮДСЬКА ДОЛЯ

Посилав пан козака з листом, і йому випала дорога через ліс, і він їхав тим лісом, та надібав святого Миколая, що він в'язав лика — єдно добре, а друге кепське. Але святий Миколай показався йому в постаті старого діда. Де той козак, приїхавши близько св. Миколая, і дивиться на тоє і повідає: «Що то ви, дідуно, ото робите?» А св. Миколай відзивається до нього: «А що ж? Ти бачиш добре, що я роблю;

¹ Час.

лика в'яжу». — «Та я, дідуню, бачу, що ви лика в'яжете; іно не знаю, нащо?» — «Ото так, козаче! Тії лика, которії я в'яжу докупи, то вони свідчать людську долю!» — «А чого ви в'яжете єдно лико добре, а друге кепське?» — «Бо так треба; бо і люди такі на світі: єсть добрії і недобрії, то треба їх так вінчати, щоб були злі з добримми, а добрі зо злимми». — «А то для чого?» — «Для того, бо як би се звінчали самі злі, то вони би не могли в світі жити; а як би се повінчали добрі, обоє робучії, то вони б з великого добра забули за бога».

574. НУЖДА

Богатый брат выстроил новый дом, задумал сделать влазины¹ и позвал к себе в гости и бедного брата с женою. «Куда нам, баба, с богатыми знаться!» — говорит бедный жене. «Что ж, давай сходим, нам от этого бесчестья не будет!» — «Да ведь на влазины надо гостинцы несть, а мы что понесем? Разве занять у кого, да кто нам поверит?» — «А Нужа-то! — сказала баба с горькой усмешкою. — Ужли она выдаст? Ведь мы с нею век в ладу живем». Отвечает тут Нужа из-за печки: «Возьмите-ка праздничный сарафан да продайте, на те деньги купите окорок и отнесите брату». Переглянулись мужик с бабою, не знают, что и подумать; посмотрели за печь — не видать никого. «А давно ли ты, Нужа, живешь с нами?» — спросил мужик. «Да с тех самых пор, как ты с братом разделился». — «И привольно тебе со мною?» — «Благодаренье богу, живу помаленьку!» — «Отчего ж мы тебя никогда не видали?» — «А я живу невидимкою». Мужик продал сарафан, купил окорок и явился с женою к богатому брату на влазины. Скоро наехали туда важные гости и мало-помалу вытеснили их совсем из избы. Идет бедный к своему двору и думает: «Понесла же нас нелегкая!» Глядь — стоит поперек дороги лошадь с двумя большими сумками, через спину накинутыми; ударил мужик ее рукавицею — лошадь вмиг исчезла, и остались на земле две сумки — полнехоньки золотом. Дался бедному брату большой клад; забрал он золото, пришел домой и спрашивает бабу: «Ты где спать ляжешь?» — «Я в печь залезу». — «А ты, Нужа, где уляжешься?» — «В корчаге, что на печи стоит». — «Ну, ладно!» Мужик, выждавши время, опять спрашивает: «Баба, ты спишь?» — «Нет еще!» — «А ты, Нужа, спишь?» — Та и голосу не подает — заснула. Мужик взял последний жenin сарафан, завязал корчагу и забросил ее вместе с Нуждою в прорубь. (Окончание такое же, как в сказке о Горе.)

575. СКАЗКА О СИЛЕ-ЦАРЕВИЧЕ И ОБ ИВАШКЕ БЕЛОЙ РУБАШКЕ

Жил-был царь, по имени Хотей; у того царя было три сына. Меньшего звали Сила-царевич. Старшие братья стали проситься у отца поехать-погулять в иные государства, людей посмотреть и себя показать; царь дал

¹ Новоселье.

им по кораблю и отпустил. И Сила-царевич пришел к отцу и стал проситься со слезами отпустить и его вместе с братьями. Царь сказал: «Сын мой возлюбленный, Сила-царевич! Ты еще млад и к дорожным трудам не обычен; оставайся лучше дома». Но Сила-царевич так неотступно просился у отца, что царь дал ему корабль и отпустил в дорогу. Сели царевичи на свои корабли, отвалили от берега и поплыли по морю; старший брат впереди, за ним средний, а Сила-царевич позади. Плывет им навстречу гроб обитый железными обручами; старшие братья пропустили его мимо, а Сила-царевич приказал корабельщикам спустить лодку, перенять тот гроб и взять на корабль. Так и сделано. На другой день поднялся великий ветер, сбил корабль Силы-царевича с пути, занес его в неизвестную сторону и прибил к берегу. Съехал царевич на тот берег и зарыл гроб в землю; потом наказал корабельщикам дожидать его год, и два, и три, а сам пошел куда глаза глядят, один-одинешенек.

Шел он путем-дорогою целых три дня, никого впереди себя не видывал, а сзади никто его не обгонял; на четвертый день слышится ему — бежит за ним кто-то. Оглянулся царевич и видит: нагоняет его человек в белой одежде; нагнал, бросился ему в ноги и начал благодарить за свое избавление. «За что челом бьешь?» — спрашивает царевич. «Ох гой еси, молодой юноша Сила-царевич, как мне тебя не благодарить? Ведь я лежал в том гробе, что ты перенял и велел похоронить; если б не ты, я, может статься, вечно бы плавал по морю». — «Да как же ты в гроб попал?» — «Я называюсь Ивашка белая рубашка; великий еретик; мать прокляла меня, велела сделать гроб и, положив меня туда, закрыть наглухо крышкою и набить железные обручи, а потом бросила в море. Два года плавал я по морю, никто меня не взял; один ты сжалился. Бью челом за мое избавление и буду тебе верным слугою. Если желаешь жениться, то я знаю прекрасную королеву Труду». Сила-царевич сказал: «Коли та королева собою хороша, то готов на ней жениться».

После того пошли они вместе путем-дорогою, и шли близко ли, далеко ли, наконец очутились у того царства, где жила королева; кругом стояли тычинки, как бы палисадом обнесено, и на всякой тычинке воткнуто по богатырской голове: только одна стояла незанятая. Сила-царевич ужаснулся и спросил, что б это значило? «Это всё головушки тех богатырей, что сватались за прекрасную королеву Труду, — сказал Ивашка белая рубашка, — но ты не бойся, ступай смело». Сила-царевич пошел во дворец, и как скоро увидел его король — сейчас сам вышел навстречу, принимал его за руки белые, повел в палаты каменные и стал расспрашивать: «Ох ты гой еси, добрый молодец! Откуда пришел ты, из какого государства, которого отца сын и как тебя по имени зовут?» — «Я сын царя Хотя, а зовут меня Сила-царевич, и пришел к тебе свататься за твою дочь, прекрасную королеву». Король обрадовался такому жениху, собрал князей и бояр и обвенчал Силу-царевича на своей дочери; потом сели все за столы дубовые, за скатерти браные, пили-ели, прохлаждались. Время молодым в камору идти. Ивашка белая рубашка отозвал царевича и сказал ему: «Слушай, Сила-царевич, как будешь с своею супружницею опочив держать, станет она тебя целовать, миловать, крепко к сердцу прижи-

мать, а ты с нею ничего не твори — или пропадешь, и голова твоя на последней тычинке будет торчать! А как наложит она на твою грудь свою руку и делается тебе тяжело — вскочи с постели и бей ее палкою изю всех сил; ведь королевна-то любитя с нечистым духом: каждую ночь прилетает он к ней по воздуху в виде шестиглавого змея и перекидывается человеком. А я буду стоять у дверей на карауле».

Сила-царевич выслушал эти речи, пошел с своею прекрасною супружницею в камору и лег на постелю. Начала его королевна целовать, миловать, крепко к сердцу прижимать; а Сила-царевич не хочет сотворить обычную любовь с нею. Королевна наложила на него свою руку и так давила, что он насилу опомнился. Вскочил царевич с постели, схватил палку и стал бить королевну, и бил ее до тех пор, пока не упала она замертво. Вдруг поднялся вихрь — прилетел шестиглавый змей и хочет пожрать Силу-царевича, а Ивашка белая рубашка взял острый меч и начал с тем змеем сражаться. Бились они ровно три часа; Ивашка срубил у змея две головы — и змей улетел прочь. Поутру послал король проведать зятя, и когда принесли весть, что он жив и здоров, — король весьма возрадовался: это еще первый избавился от неминуемой смерти. И целый тот день король с зятем веселился, пили-ели, прохлаждались. На другую ночь случилось то же; Ивашка белая рубашка срубил змею еще две головы. На третью ночь опять царевич бил королевну, а Ивашка сражался с лютым змеем; срубил ему две последние головы и сжег змеиное туловище вместе с головами, а пепел развеял по чистому полю.

Прошел год, и Сила-царевич просится у короля, чтоб отпустил его с родителями повидаться. Король отпустил. Сила-царевич и поехал в путь-дорогу вместе с королевною. На половине пути остановились и разбили палатки. Ивашка белая рубашка набрал костер и зажег, выхватил меч и рассек королевну надвое. Царевич заплакал горькими слезами. «Не плачь, опять будет жива!» — сказал Ивашка. Как скоро рассек он королевну — из чрева ее поползли всякие гады. «Видишь, какая нечистота! Все это злые духи зародились в твоей супружнице», — сказал Ивашка белая рубашка. Пожег всех гадов, потом сложил тело королевны и sprыснул живою водою: в ту ж минуту она ожила и сделалась столько же кроткою, сколько прежде была злою. «Ну, теперь прощай, Сила-царевич! Ты меня больше не увидишь», — сказал Ивашка и стал невидим. А Сила-царевич поехал к морскому берегу, сел на свой корабль и приплыл в свое государство вместе с прекрасною королевною.

576. О ГОРЕ-ГОРЯНИНЕ, ДАНИЛЕ-ДВОРЯНИНЕ

Горе-горянин, Данило-дворянин — жил он у семи попов по семи годов, не выжил он ни слова гладкого, ни хлеба мягкого, не то за работу получил; и пошел он в новое¹ царство лучшего места искать. И палася² ему навстречу бабка голубая шапка: «Куды, — говорит, — Горе-горянин,

¹ Иное.

² Попалася (Ред.).

Данило-дворянин, путь-дорогу держишь?» Отвечает ей Горе-горянин, Данило-дворянин: «Жил я у семи попов по семи годов, да у дядюшки князя Владимира девять лет; не выжил я ни слова гладкого, ни хлеба мягкого, не то за работу получил». — «Что дашь от добра? — говорит ему бабка голубая шапка. — Доведу тебя до места хорошего. Будешь ли, — говорит, — поить-кормить, при смерти в зыбке качать?» — «Буду, — говорит Данило-дворянин, — кормить-поить, при смерти в зыбке качать». И пошли они вместиах, и довела она его до места хорошего; вот и дошли они до двора: двор как город, изба как терем, комли не отрублены, вершины на сарай загибаны.

Вот она и поставила его под окошечко, а сама в палаты вошла. В палатах живет одна себе Настасья-царевна; вот наша бабка голубая шапка вошла, помолилась, на все четыре стороны поклонилась, а Настасье-царевне в особицу. «Эка, Настасья-царевна! Какая ты, — говорит, — хороша-пригожа, а живешь ты одна!» — «Как быть бабушка! — говорит Настасья-царевна. — Уж так привелось; нет никого, так живешь и одна; что делать?» — «Вот, — говорит бабка голубая шапка, — я тебе привела молодца; поглянется ли?» Сейчас в околнку¹ брякнула, он и бежит в покои. Прибежал он в покои, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, Настасье-царевне в особицу. Вот он Настасье-царевне и приглянулся, и стала она с ним жить да поживать.

Вот она с ним живет долго ли, коротко ли, и посылает его к дядюшке князю Владимиру: «Зови его в тысяцкие², жену его Оброксу в сватьи; надоть, — говорит, — нам с тобой обвенчаться». Вот он сейчас обуваляса-одевался и прибежал к дядюшке князю Владимиру. Прибежал он к дядюшке князю Владимиру в терем, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру на особицу. Вот он и говорит: «Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи, надоть нам с ней обвенчаться». У дядюшки князя Владимира сидят в это время гости енаралы за столом и говорят ему: «Дядюшка князь Владимир! За экого чужестранного ладишь ты отдать Настасью-царевну; нет ли у нас людей хороших? Накинь на его такую службу, чтоб ему ввек не сделать». — «А какую же, — говорит, — накину я на него службу?» — «А такую, — говорят, — чтобы к утру выстроил церковь».

Вот он и пошел домой кручинен-невесел, головушку повесил. Вот Настасья-царевна встречает его и говорит: «Что ты, Горе-горянин, Данило-дворянин, кручинен-невесел, головушку повесил? Разве тебя, — говорит, — дядюшка князь Владимир царским питьем обошел или бранным словом нашел?» — «Нет, — говорит Горе-горянин, Данило-дворянин, — и бранным словом не нашел и питьем царским не обошел; а енаралы на меня службу накинули». — «А какую, — говорит, — службу?» — «А такую службу: приказали к утру церковь изготовить». — «Не твоя печаль, не тебе и качать! — говорит Настасья-царевна. — Молися спасу, ложися спать; утро

¹ В околнку — намеком, невзначай (Ред.)

² Почетный начальник свадебной церемонии (Ред.).

вечера мудренее». Вот он спасу помолился и спать повалился, а Настасья-царевна вышла на крутò красно крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом: «Служки, няньки, верны служанки! Кто деревины вези, кто строй станови, чтоб к утру церковь поспела». Вот как словом, так и делом; сейчас церковь готова. Вот она и встает утром ранешенько: «Ставай,— говорит,— Горе-горянин, Данило-дворянин! Пора тебе идти к дядюшке князю Владимиру, зови его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи; нам надоть с тобой обвенчаться: церковь готова».

Вот он и ставал утром ранешенько, умывался, обувался, одевался скорешенько и побежал к дядюшке князю Владимиру. Вот он и прибежал туда; богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру на особицу, и говорит: «Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне, тебя в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи; надоть нам с ней обвенчаться: церковь готова». Гости енаралы опять говорят дядюшке князю Владимиру: «За экого чужестранного человека ладить ты отдать Настасью-царевну; нет ли у нас людей хороших? Накинь,— говорят,— на его службу такую, чтобы ему ввек не сделать». Вот он и говорит: «А какую-такую я на его службу накиню? Совсем я никакой не знаю». — «А такую,— говорят,— службу накинь, чтобы к утру, к свету, мост он соорил: мостовины на три стороны, тесом на четыре, гвоздём прибитые, по краям были бы перилы то́чены, головушки позолочены; на каждой головушке сидели бы птицы-пташечки и разными голосами пели».

Вот Горе-горянин, Данило-дворянин пошел опять к своей Настасье-царевне кручинен-невесел, головушку повесил. Настасья-царевна его встречает и говорит: «Что ты, Горе-горянин, Данило-дворянин, оченно кручинен-невесел, головушку повесил? Али тебя дядюшка князь Владимир царским питьем обошел или бранным словом нашел?» — «Нет,— говорит,— и бранным словом не нашел и питьем царским не обошел; а как же мне веселу быть? Великую службу накинуди на меня енаралы». — «Какую же службу накинуди на тебя?» — спрашивает его Настасья-царевна. «А такую,— говорит он,— велели мост к утру, к свету, построить — мостовины на три стороны, тесом на четыре, гвоздём прибитые, по краям были бы перилы то́чены, головушки позолочены; на каждой бы головушке сидели птицы-пташечки, разными голосами пели». Вот она и говорит: «Спасу молися и спать ложися: не твоя печаль, не тебе и качать! Утро вечера мудренее». Вот он спасу помолился и спать повалился. Вот Настасья-царевна выходит на крутò красно крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом: «Служки, няньки, верны служанки! Сбегайтесь, сряжайтесь со всех четырех сторон; кто мостовины вези, кто теши, кто перила точи, золоти, кто птиц имай и на головушки сади». Вот и сделался такой шум, гром, визготок, что дядюшка князь Владимир и окошко затворил, подумал, что преставление свету будет. Вот как словом, так и делом соорили мост. Вот и будит Настасья-царевна и говорит: «Ставай, Горе-горянин, Данило-дворянин! Пора идти к дядюшке князю Владимиру, зови его в тысяцкие, жену его Оброксу в

сваты; надоть нам с тобой обвенчаться, а мост готов — хоть царю по нем кататься, так не стыдно!»

Вот он ставал ранешенько, одевался скорешенько, умывался, обувался и побежал. Вот он и прибежал туда, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю на особицу, и говорит: «Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне; тебя в тысяцкие, жену твою Оброксу в сваты; надоть нам с ней обвенчаться, а мост готов — хоть царю кататься по нем, так не стыдно!» Гости енаралы опять говорят: «За экого чужестранного ладишь ты отдать Настасью-царевну; нет ли у нас людей хороших? Накинь на его службу такую, чтоб ему не сделать и ввек». — «А какую же я накину на его службу?» — «А такую, — говорят, — вели ему шубу шить из сорока сороков черных соболей; соболи не чинены, шелки не виты, золото не лито, а шуба была бы сошита».

Вот Горе-горяanine, Данило-дворяanine пошел опять к своей Настасье-царевне кручинен-невесел, головушку повесил. Вот и встречает его Настасья-царевна и говорит: «Что ты, Горе-горяanine, Данило-дворяanine, кручинен-невесел, головушку повесил? Али тебя дядюшка царским питьем обошел или бранным словом нашел?» — «Нет, — говорит, — и царским питьем не обошел и бранным словом не нашел, а как же мне веселу быть? Великую службу накинули на меня енаралы». — «А какую же?» — говорит Настасья-царевна. «А такую, — говорит, — велели шить шубу из сорока сороков черных соболей, соболи не чинены, шелки не виты, золото не лито, а шуба была бы сошита». Вот она и говорит: «Спасу молися и спать ложися, не твоя печаль, не тебе и качать! Утро вечера мудренее». Вот он богу помолился и спать повалился. Вот Настасья-царевна выходит на красно круто крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом: «Служки, няньки, верны служанки! Кто соболи чини, кто шелки вей, кто золото лей, кто шубу шей, чтобы шуба к утру была сошита». Вот сейчас служки, няньки, верны служанки только тряхнули — шуба готова! Вот Настасья-царевна и будит его. «Ставай, — говорит, — Горе-горяanine, Данило-дворяanine, в божую церковь к заутрене!» — и пода-ла ему три золотые яичка: первым с попом похристосоваться, вторым с дядюшкой князем Владимиром. «А третье береги, — говорит, — чем жить!»

Вот он и приходит в божую церковь к заутрене о Христовом дне; людно народу в церкви, не пушают его: «Бодёр очень!» — говорят. Вот он сейчас рукой пихнул, другой толкнул — народу лежит две улицы; он прошел наперед, стоит да молится. Вот это дядюшка князь Владимир усмотрел, посылает енарала: «Поди, — говорит, — спроси: что это за чело-век, из чьих родов, из каких городов, зачем приехал, что ему надоть?» Вот енарал пришел перед его, поклон отдал и стал его спрашивать. Он отворотился, да и рассмеялся: «Вот, — говорит, — брюханьё! Не узнали же — службу-то прежде накидывали». Вот приходит время христосовать-ся; он с попом похристосовался, с дядюшкой князем Владимиром тоже, а третье яичко в пазухе держит. Вот вышли из церкви. Бежит по буюу¹

¹ Ограде церковной.

Гришка фурлатильный², черненький, маленький, хроменький, на одной ножке поскакивает, ищет борца против себя молодца. Вот он Горе-горянин, Данило-дворянин третье яичко выхватил, годил³ в лоб, угодил в грудь, сшиб его с ног, бил, топтал, волочил, как барана в крови сделал.

Вот он приходит домой к жене; та его спрашивает, где яичко девал? «Первым яичком,— говорит он,— с попом похристосовался, вторым с дядюшкой князем Владимиром, а третье... Есть у вас здесь какой-то мошенник Гришка фурлатильный, черненький, маленький, хроменький, на одной ножке поскакивает, ищет борца против себя молодца; я сшиб его в лоб, угодил в грудь, бил-топтал, волочил, как барана в крови сделал». — «Ну и черт с ним! Так ему и надоть!» — говорит Настасья-царевна. Вот она сходила в горенку, вынесла оттуда два золотые яичка, себе взяла, ему дала — похристосовались. Опять его посылает к дядюшке князю Владимиру — звать его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи: «Надоть нам с тобой обвенчаться».

Вот он побежал. Вот и приходит, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру на особицу: «Милости просим,— говорит,— к Настасье-царевне — тебя в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи; а енаралам твоим ничем меня не загонить». Вот он и сказал: «Сейчас пару коней вороных запрягу да и еду; ступай,— говорит,— домой, сряжайся да обряжайся». Вот он приходит домой, с Настасьей-царевной сряжались да обряжались. Дядюшка князь Владимир приехал, ни пива варить, ни вина курить — все готово! Веселым пирком да и за свадьбу; обвенчались, стали жить да поживать да добра наживать. Я там был, пиво пил, по усам текло, в рот не попало; дали мне колпак — стали в шею толкать, дали мне шлык — я в подворотню и шмыг!

577. РАССКАЗ О МЕРТВЕЦЕ

Ехал мужик по полю мимо кладбища, а уж стемнело. Нагоняет его незнакомый в хорошем полушубке и в красной рубахе. «Остановись! — говорит. — Возьми меня в попутчики». — «Изволь, садись!» Приезжают они в село, подходят к тому, к другому дому; хоть ворота и настезь, а незнакомый говорит: «Заперто!» Вишь, на тех-то воротах были кресты выжжены. Подходит к крайнему дому, ворота на запоре, и замок в полпуда висит; но креста нету — и ворота сами собой отворилися. Вошли в избу; там на лавке сидят двое: старик да молодой парень. Незнакомый взял ведро, поставил позади парня, ударил его по спине — и тотчас полилась из него алая кровь; нацедил полное ведро крови и выпил. То же самое сделал он и с стариком и говорит мужику: «Уж светает, пойдем-ка теперь ко мне». В один миг очутились они на кладбище. Упырь обхватил было мужика руками, да на его счастье петухи запели — и мертвец сгинул. Наутро смотрят: и молодой парень и старик — оба померли; тотчас разыскали могилу, разрыли — а упырь весь в крови лежит! Взяли осиновый кол, да и всадили в него.

² Фурлатильный — дурашливый (Ред.).

³ Метил.

578. СКАЗКА О БОГАТЫРЕ ГОЛЕ ВОЯНСКОМ

Мужичок-простачок пахал пашню; лошаденка его была худенькая, хромоногая, и ту облепили слепни с комарами. Вот простачок взял свой кнут да взмахнул так счастливо, на диво, что разом убил тридцать трех слепней, а комаров без счета. Простачок-мужичок думать стал. «Мал, да удал, в богатыри я попал; тридцать трех молодцов сразу положил, а мелкой силы и сметы нет!» Голем мужичок назывался; смотришь—и Голь взвеличался, выпряг свою лошаденку, взобрался на нее полегоньку, сел верхом, выехал на большую дорогу, срубил дерево стояростовое и поставил столб с надписью: «Здесь проехал богатырь Голь Воянской, встретился с силой бусурманской, тридцать трех богатырей сразу положил, а мелкой силы и сметы нет. Если какой богатырь навстречу едет, у столба поджидай, а позади, так меня догоняй».

Голь взобрался на клячу и в путь поплелся наудачу. Немного спустя едет мимо столба Чурила Пленкович, надпись прочитал—подивился, Голя нагнать торопился; такого имени и не слыхивал, а видно, могуч богатырь, так надобно с ним подружиться. Чурила скачет во весь опор, нагоняет Голя и спрашивает: «Не проезжал ли богатырь Голь Воянской?»—«Я,—сказал Голь,—а ты кто?»—«Чурила Пленкович»,—отвечал молодой богатырь, поклонясь, а сам думает: «Что за чудеса? Мужичонка невидный, и ехать с ним стыдно; сам он шарашится, а кляча чуть тащится».—«Ступай в науку, поезжай по левую руку!»—сказал Голь, и Чурила в раздумье поехал возле него, на Воянского богатыря досматривая и на клячу поглядывая. Между тем едет Еруслан Лазаревич мимо столба с надписью, прочитал и ну гнать коня за Голем Воянским. Догнал и, увидя знакомого Чурилу, спросил, не видал ли он Голя? Чурила указал на товарища. Еруслан Лазаревич поклонился, а сам подивился. «Погоняй в ряду по правую руку!»—сказал ему Голь. На ту пору нагоняет их еще богатырь, Бова королевин сын; надпись на столбе прочитал и коня погонял отыскивать Голя Воянского, победителя бусурманского; видит мужичка на клячонке, тащится потихоньку, а по сторонам его едут два славные богатыря Еруслан Лазаревич и Чурила Пленкович, говорят с ним почтительно, а тот отвечает: «Рад вам, товарищам!» Поклонился Бова королевин сын Голю да об имени спрашивал. «Голь Воянской, сам себе большой,—отвечал простачок,—а ты кто?»—«Я Бова королевин сын»,—отвечал богатырь. «Милости просим на подвиги,—сказал Голь,—ни поздно, ни рано; поезжай возле Еруслана!»

Едут богатыри, куда Голь едет, и подъехали к заповедным лугам царь-девицы богатырки. «Тут заказан путь»,—сказал Еруслан. «Не беда!—молвил Голь.—Много Русь обижала, путь не нам заказала. Пускайте коней на луга!»—«Голь Воянской!»—сказал Еруслан.—У королевны сила великая: двадцать два богатыря да Зилант Змеуланович, Тугаринов брат».—«С меня мало,—сказал Голь,—будет ли на долю твою? Я всех как мух перебью».—«Ну, ин быть так!»—сказал Еруслан.—Поедем в заповедные луга тешиться, силами богатырскими переведаемся». Въезжают богатыри, топчут цветные луга, видят белый пустой шатер, пустили ко-

ней на траву, а сами вошли в шатер, сели да поглядывают; один Голь лег отдыхать и, чтоб не было жарко, снял с себя кафтан, занавесил шатер от солнышка, а сам захрапел. «Голь надеется на себя!» — сказал Бова королевин сын.

Между тем во дворце королевны поднялась тревога; в колокола звонят, в трубы трубят, и выехала из города дружина воинов да три богатыря в латах. Чурила будит Голя: «Вставай! Силы много на нас». Голь встал и, спросонья зевая, сказал: «Что это? Три богатыря — три слепня, а сила вся — комары: не дадут уснуть до поры. Ступай, Чурила, переведайся с ними, оставь одного и пошли к богатырке да вели ей сказать: за меня шла бы замуж!» Чурила поехал, долго бился-рубился и перерубил всех, одного послал к королевне. Но вместо ответа выслали из города шесть богатырей с тремя дружинами. Опять разбудили заснувшего Голя. «Эге! — сказал Голь. — Что за сила? Одной рукой махнуть — пришибу! Королевин сын! Поди справься один, да оставь одного послать к королевне». Сказав, пошел спать. Посчастливилось королевину сыну высланных богатырей победить, одного за другим перебить, а дружины их разбежались. Но королевна высылает еще более силы: двенадцать богатырей, с ними шесть дружин. Скачут, трубят и мечами машут. «Ого, сколько высыпало! — сказал Голь, вставая. — Туча лихая! Двенадцать слепней, а комаров без счета. Еруслан! Будет с тебя? А не то — мы пособим». Еруслан сел на коня, пустился соколом, мечом-кладенцом наотмашь рубит — вправо и влево, богатырей разметал, дружины погнал.

Королевна видит беду неминуемую, высылает Зиланта Змеулановича. Загремел Зилант, выходя из железного гнезда, а висело оно на двенадцати дубах, на двенадцати цепях. Несется Зилант как стрела на орла, зовет как трубой перевестись в бой. «Видно, мне очереди!» — сказал Голь. «Нечего делать, — подумал он, — ехать на смерть; тут мне и конец, зато богатырская честь, а делу венец!» Перекрестился Голь, сел на клячонку, едет потихоньку, зажмурил глаза, а сам топором что есть силы машет. Зилант заревел, увидя издалека Голя, и думает: не на смех ли послали? А Голь шепчет про себя: «Отцы и братия, поминай как звали!» — и, ожидая смерти, опустил голову на шею своей лошаденки, которая бежала на трех ногах, а четвертой прихрамывала. У Зиланта запыгали глаза во лбу. «Нет ли тут умысла? — думал он. — Мужичонка прилег к лошаденке, — что за богатырь? Пальцем щелкнуть — на сажень отлетит». Зилант оглядывается, нет ли тут хитрости, и к седлу наклонился, а Голь приподнял голову и вдруг приподрился, с топором наскочил да так оглушил, что Зилант на песок повалился. Тут Голь, не дав Зиланту опомниться, стал рубить его, как сосну в щепы, машет да рубит топором, сдернул шелом и поехал к товарищам.

Тогда королевне забота, принуждена приказать отпереть городские ворота, просить богатырей на пир, заключить с ними мир. Увидела Голя, дивится, в ком богатырская сила, и сама подошла к нему, руку на плечо наложила и так придавила, что Голь едва повернулся, выбился из-под руки, отшатнулся, а королевна ему говорит: «Рада я витязю славному, храбрость всегда почитала». Тут она Голю руку пожалала; Голь вспрыгнул,

и зубы он стиснул, боясь их разжать, закричать. «Защищай мое царство! — королева сказала. — Тебе нас стеречь». А Голь поклонился и думал, как бы голову свою уберечь. Королева велела в беседу принести крепкого меду; думала гостей испытать, но Голь не хотел пировать, за кубок не брался, а молвил: «Кончив труды, ничего я не пью, кроме богатырской воды!» — «У нас есть в запас вода богатырская», — сказала королева. «А много ль ее?» — спросил Голь. «Бутыль полная», — отвечала королева. «Да такая ль она, как у нас?» — спросил Голь. — «Иная бутыль склянки не стоит». — «Отведай», — сказала королева и велела принести бутыль с богатырской водой и ковш золотой. Голь налил ковш, выпил, сила в нем прибывала, а королева знать желала, какова вода. «Еще вкуса не доберусь», — сказал Голь; налил другой ковш, и разом он выпил еще три ковша. «Полно, полно!» — закричала королева. Ты и мне воды не оставишь». — «Славная водица!» — молвил Голь, расходясь, руками размахивая. — «Какова-то теперь сила моя?» Тут велел он принести большой корабельный канат, завязать крепко-накрепко петлю, из конюшни королевниной вывести коня богатырского. Сел на него, разъехался, вскочил в петлю головою и порвал канат.

С той поры Голь богатырствовал, приосанился, на королеву женился; от ней у него были две дочери: Смета да Удача. Голь на них глядя, величался, и никто не сомневался, чтобы он не одолел тридцать трех богатырей одним разом.

579. ХИТРИЙ ЧОЛОВІК

Один чоловік найшов гроші да й хитрує, як би поступить із жінкою, щоб вона кому не сказала; бо він знав, що жінки дуже нетерплячі — зараз розбредуть, як тільки що почують. От він пійшов на двір да з надвору і уносить яйце у хату. «Жінко, — каже чоловік, увійшовши у хату, — оце, як бачиш, я яйце ізніс». Жінка його аж об себе ляпає — дивується, що чоловік яйце ізніс. Після того пійшов чоловік на базар, накупив там бубликів, розвішав їх уночі перед вікнами на лісі, на колках, да й каже жінці уранці: «Жінко! Ти не чула, що сю ніч було?» — «Ні, не чула, — каже жінка, — а що ж там?» — «Бублишна туча летіла; я тебе будив, да ти не чула. Ось ходім лишень на двір да подивимось, чи не зачепилась котора в'язка». Пійшли, дивляться. Жінка дивується, що на лісі зачепились бублики, думає, що се їй сниться. «Збирай, жінко, щоб хто не побачив да не сказав пану сотнику; бо йому як скаже хто про сі бублики, дак він звелить їх до себе принести». Після сього чоловік якось і каже жінці: «Ось, жінко, іще буде куряча туча летіть, дак ти заховайся у погреб; я тебе там накрию, а сам сховаюсь, кудя сам знаю». От узяв зачинив жінку у погреб, да там і накрив її лубком; на лубок посипав гречки, напуска тудя курей: вони і давай клювать собі тую гречку. Жінка ж сидить там да й не поворохнеться вже. Поїли кури гречку, а чоловік і питає жінку: «Чи ти, жінко, тут?» — «Тут, да ізлякалась дуже! Що, пролетіла куряча туча?» — «Пролетіла!» — «Що ж, багато курей наловив?» — «Еге! Насилу свої вдержав». Недовго після сього чоловік ходяв кудись, да прийшовши додому і каже жінці: «Оце, жін-

ко, був я на базарі і щось там бачив, да боюсь тобі казать, щоб ти не сказала кому». — «Ні, не бійсь, не скажу!» — «Бачив я, жінко, як пана сотника водили по базару, начеплявши йому на шию потрохів за те, що у кражі піймали». — «Оце! Чи можна ж то було сподіватися сього от його? Дивно!..»

Наробивши таких штук, чоловік на що хотів, на те й тратив гроші ті, що ізнайшов. А жінка бачить, що чоловік її набрав десь багато грошей, да й питає його: «Де се ти грошей набрав, Іване?» — «Мовчи, жінко, да не кажи нікому; се я ізнайшов їх». — «Коли же се ти їх ізнайшов? Чому ж ти мені й досі не сказав?» — «Да за клопотами не вспів». — «Да коли ж ти он таки ізнайшов, скажи мені теє время?» — «А тоді, як яйце ізніс да тобі уніс; да тоді, як бублишна туча летіла; да тоді, як пана сотника водили по базару». Жінка й мовчала, да недовго; чоловік якось побив її, от вона й побігла до сотника жаловаться: «Пане сотнику! Я тобі щось хочу сказать». — «Кажі, кажі, молодичко!» — одказує сотник. «Отак, пане сотнику! Мій чоловік ізнайшов гроші, просив мене, щоб я нікому не казала, да тепер іще бить мене начав, дак я оце прийшла тобі сказать». — «А, так ось як! — каже сотник. — Ну, погуляй же тут, підожди; ось я за ім зараз пошлю кого-небудь». Скоро прийшов і чоловік. Сотник і питає його: «Чому се ти не кажеш мені, що гроші ізнайшов? Га?» — «Ні, — каже чоловік, — грошей я ніяких не находив. А ось я прийшов сказать, що моя жінка щось не при собі, мов». — «Еге, дак ось як! — закричала жінка. — Ты ізнаходиш гроші, а жінка твоя дуріє?» — «Да коли ж я гроші ізнайшов?» — «А тоді, як яйце ізніс; забув?» — «Ну дивися ж сам, пане сотнику, що се вона каже! Чи можна ж таки чоловіку яйце знести? Я тобі казав, що вона щось не теє!» — «Е, сякий-такий! А як куряча туча да бублишна летіли; іще й се, може, скажеш, що не правда?» — «Вона, як сам, пане, бачиш, не при собі!» — «Не при собі! А те забув, що ти іще і тоді гроші ізнайшов, як пана сотника водили по базару, навішавши на шию потрохів йому? Ага, попавсь!» — «Ну, пане, воля твоя, вона зовсім надурила». А сотник, почувши, що каже на його жінка, велів її добре вибить, щоб не давала язика волі. «Бач, жінко, що то значить не держать дурного свого язика на привязи!» — сказав чоловік, як вернулись додому.

ДОПОЛНЕНИЯ

I. СКАЗКИ, ИЗЪЯТЫЕ ЦЕНЗУРОЙ ИЗ СБОРНИКА «НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ»

1. О ХИТРОСТИ ЦАРЯ СОЛОМОНА

До рождения Христова все умершие — грешные и праведные сидели в аду. И Анна-пророчица была тут же и все пророчила, что родится Иисус Христос и выведет всех праведных из аду. А праведные давно ждут и дожидаться не могут избавления и говорят:

«Вот ты, Анна, пророчишь, пророчишь, а все ничто не сбывается, только нас морочишь!» Анна их уверила, что вправду все то сбудется, что она пророчила.

Вот и родился Иисус Христос и начал с апостолами ходить по земле; зашел и в ад. Ад затрепал, Сатанаил закричал: «Аде, крепись!» Нет, ад все трещит. Господь повел из аду всех с собою, а царя Соломона оставил. Соломон и говорит: «Что же ты, господи, всех выводишь из аду, а меня одного покидаешь?» Господь сказал: «Ты сам хитёр-мудёр, дак выходи на свои мудрости!»

Вот Соломон остался в аду и начал размеривать ад да приговаривать: «Вот тут будет церква, тут престол, а тут часовня». Сатанаил его остановил: «Соломон, что ты делаешь?» А он отвечает: «Да вот хочу здесь церкву строить, а вот тут часовню». — «Что ты, царь Соломон! У меня и прежде тесно было. Я рад, что избавился назойливых жильцов, а ты опять меня теснишь». — «Ну, Сатанаил, вот тебе три аршина в уголку — будет с тебя и этого места!»

Сатанаил рассердился и вытурил (выгнал) царя Соломона из аду вон. Соломон и пошел к царству небесному. Стучится у ворот и спрашивает: «Братие! Скажите, пожалуйста, которое житие лучше — старое ли в аду или новое в царстве небесном?» — «Нет, — говорят, — новое в царстве небесном лучше». — «Покажите-ка мне ваше житие хоть немножко! Я бы посмотрел на вас». Отворили ему дверь немножко, чтобы можно было за-

глянуть. Он смотрел, смотрел и засунул ногу. Стали рай затворять и прижали ему ногу-то. Он и закричал: «Ногу прижали! Ногу прижали!» Вот как отворили шире, Соломон и проскочил в царство небесное — да в уголок. Тут и остался, а не на пёреде, где заняли место, первые.

2. ХРИСТОВ КРЕСТНИК

В старое время было так: жил-был бедный крестьянин, и у того у крестьянина было немалое семейство — ровно шесть сыновей. Родился у него еще седьмой сын. Надо было младенца крестить. Жена и посылает своего мужа искать крестного. Мужик на первый же день обошел всех богатых поселян, только никого не мог найти, кто захотел бы принять младенца. Все отказались, потому что к бедному не так-то охотно идти. На другой день жена опять посылает своего мужа искать кума. Тот опять никого не сыскал, идет да сам плачет. Вдруг попадаетея ему навстречу незнакомый человек, и тот человек был сам господь. Спрашивает он мужика: «О чем плачешь, старичок?» Тот отвечает: «Да вот родился у меня сын. Надоно его окрестить, да никто не идет ко мне в крестные, потому что беден». — «Не тужи, я твой кум. Пускай несут младенца в церкву. Я сейчас там буду». Мужик обрадовался, что нашел кума. Веротился домой и посылает бабушку с младенцем в церкву. Бабушка взяла ребенка и пошла. Приходит в церкву, а муж уже там. Вот как окрестили младенца, стала бабушка звать к себе кума хлеба-соли откусать. Кум отказался: — «Мне, — говорит, некогда!»

Прошло немало времени — эдак лет шесть, или семь. Мальчик порядочный вырос. Настает пасха Христова. Соседние ребятишки бегают по улице и говорят: «Завтра мы пойдем к своим крестным христосоваться, они нам по яичку дадут». Тот мальчик с ними же бегал. Услыхал такие слова, прибежал домой и давай спрашивать у матери: — «Кто у меня крестный?» Мать и говорит: «Спрашивай у отца! Он, бестолковый, кого-то созвал и нам не показал, что за человек такой был». — «Ну да молчи, мама! Я завтра пойду в церкву и стану высматривать крестного. Может и найду».

Приходит к заутрене. Становится прямо против образа Спасителя и усердно молится, чтобы показал ему бог крестного. По отходе утрени все вышли из церкви, а он остался и видит: выходит в царские врата невидомый человек, манит его к себе и дает два яичка. Одно велит отнести отцу, другое матери. — «А сам, — говорит, — опять приходи в церкву. Тогда я тебе еще яичко дам». Мальчик с радостью побежал домой. Прибегает, отдает отцу-матери по яичку и говорит: — «Мне тятенька крестный дал, велел вам отдать, а мне наказал еще прийти».

Приходит к обедне и опять становится на то же место. По окончании службы невидимой силой подняло его до третьего неба. Сперва несли его двухкрылые ангелы, а потом шестикрылые серафимы подняли его до шестого неба, в предивную палату, где он узрел лик ангелов, праведников и пророков. Господь посадил его на престол, вручил скипетр и державу и оставил вместо себя. Тогда он увидел всю подвселенную. Сидит и смот-

рит: вон плывет корабль, а на тот корабль наступают разбойники. Он и подумал: «Лучше б тому кораблю потонуть, нежели быть разграблену!» Корабль тотчас и потонул со всеми людьми и товарами. Потом увидел он, что в такой великий праздник не хотела жена с своим бедным мужем обед разделить, а ушла в чужие люди и стала с чужим мужиком пировать и любодейничать. Мальчик подумал: «Лучше бы тому дому сквозь землю провалиться, нежели такое распутство зреть!» — И дом провалился сквозь землю. В третий раз видит он, как разбойники под монастырь подкапываются, и опять подумал: «Как же у этих разбойников руки поднимаются на божие храмы? Лучше бы тому монастырю опрокинуться да задавить их!» Монастырь сейчас опрокинулся и задавил разбойников.

Господь, видя такое нетерпение, удалил его с престола, дал ему ячико и велел ангелу отнести его на землю. Ангел понес его к отцу и на пути сказал ему: «Как будешь ты дома, то разговейся этим ячком и удались в пустыню. Там тебе будет спокойнее». Он так и сделал — разговелся и удалился в пустыню. Пробыл в ней двенадцать лет, потом преставился. Тело его было похоронено ангелом в той самой церкви, где это чудо совершилось.

3. РИЗА НА ИКОНЕ

Жил в одном городе богатый человек, ездил в Нижний на ярмарку за разными товарами. Однажды случилось ему плыть с товаром по Волге. Плывет день и два — хорошо, а на третий поднялась сильная буря и потопила у него судно с людьми и с товарами, — только сам кое-как мог спастись на одной дощечке. Приплескало его к берегу, он очутился, вышел на берег и пошел домой пешком.

Приходит домой, рассказывает жене о своей беде. Жена плачет не столько о муже, сколько о богатстве. Вот этот бедняк не знает, как и пропитанье себе найти. Потому что жил он прежде богато, привык к роскоши, работать ему совсем не под силу. Стал он ходить в церкву, стал просить помочи у иконы божьей матери. Просит раз, другой и третий — икона все не дает помочи. Он осердился и говорит: «А когда так!..» И вздумалось ему: «Дай-ка я сниму с нее серебряную ризу». Улучил время, когда в церкви никого не было, и снял с образа ризу, смял ее в комок и продал серебряннику. На те деньги опять стал торговать, и расторговался в пять лет так, что лучше прежнего стал жить. Как-то и вспомнил: «Что ж я — снял с божьей матери ризу, а новую-то не сделал!»

Заказал серебряннику ризу на образ и дал ему мерку. Серебрянник скоро ее изготовил, принес, отдает купцу. Тот взял ризу, пошел в церкву, и никто не заметил, как он одел ее на икону. А риза-то оказалась гораздо лучше прежней. Собираются прихожане в церкву, видят: риза не та. Сказали священнику, и тот удивляется: — «Как же это могло случиться?» А во все время, когда икона стояла без ризы, никто того не видел; всем казалось, что она стоит в окладе; иные даже к ней прикладывались и ничего не замечали. Только тогда все и открылось, как появилась на иконе новая риза и как сам купец покаялся перед священником.

II. СКАЗКИ ИЗ СБОРНИКА
«РУССКИЕ ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ»
И РУКОПИСИ
«НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ НЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ»

ПРЕДИСЛОВИЕ К «РУССКИМ ЗАВЕТНЫМ СКАЗКАМ»
ЖЕНЕВА, 1872¹

«Honnay soit qui mal y pense»

[Пусть будет дурно тому, кто плохо подумает].

Издание наших «Заветных сказок» в том виде и последовательности, в которых мы предлагаем их любителям русской народности, едва ли не единственное в своем роде явление. Легко может быть, что именно поэтому наше издание даст повод ко всякого рода нареканиям и возгласам не только против дерзкого издателя, но и против народа, создавшего такие сказки, в которых народная фантазия в ярких картинах и нисколько не стесняясь выражениями развернула всю силу и все богатство своего юмора. Оставляя в стороне все могущие быть нарекания собственно по отношению к нам, мы должны сказать, что всякий возглас против народа был бы не только несправедливостью, но и выражением полнейшего невежества, которое по большей части, кстати сказать, составляет одно из неотъемлемых свойств кричащей *rudrie**. Наши «Заветные сказки» — единственное в своем роде явление, как мы сказали, особенно потому, что мы не знаем другого издания, в котором бы в сказочной форме была таким живым ключом неподдельная народная речь, сверкая блестящими и остроумными сторонами простолюдина.

Литературы других народов представляют много подобных же «заветных» рассказов, и давным-давно уже опередили нас и в этом отношении. Если не в виде сказок, то в виде песен, разговоров, новелл, *farces*, *sotties*, *moralités*, *dictions*** и т. п., другие народы обладают огромным количеством произведений, в которых народный ум, так же мало стесняясь выражениями и картинами, пометил юмором, зацепил сатирой и выставил резко на посмеяние разные стороны жизни. Кто сомневается в том, что игривые рассказы Боккаччо не почерпнуты из народной жизни, что бесчисленные французские новеллы и *facéties**** XV, XVI и XVII вв. — не из того же источника, что сатирические произведения испанцев, *Spottlieder***** и *Schmähschriften****** немцев, эта масса пасквилей и разных летучих листков на всех языках, являвшихся по поводу всевозможных событий частной и общественной жизни — не народные произве-

¹ В этом разделе прим. Афанасьева помечены цифрой со звездочкой (*Ред.*).

* Показной добродетели (*франц.*).

** Фарсов, соти, моралите, поговорок (*франц.*).

*** Фаететии (*франц.*).

**** Насмешливые песни (*нем.*).

***** Поносные сочинения (*нем.*).

дения? В русской литературе, правда, до сих пор есть еще целый отдел народных выражений не печатных, не для печати. В литературах других народов издавна таких преград народной речи не существует. Не восходя к классической древности, разве «Ragionamenti» Р. Аретино, «Capitoli» Franc. Berni, Giov. dela Casa, Molza, «La Rettorica delle puttane» Pallavicini, «L'Alcibiade fanciullo» а scola* и произведения других итальянских писателей, далее книга Меурсия — «Elegantiae latini sermones»**, целый ряд известных во французской литературе: «Joyuesetez» facéties et folastres imaginations^{1*}***, знаменитый «Recueil de pièces choisies par le soins du Cosmopolite****», разве весь этот поток «Flugschriften»*****, о которых говорит***** Schade: «die damals wie eine Fluth übers Land führen»^{2*} не доказывают ясно, что печатное слово не считало нужным прикрываться дымкой стыдливой pruderie и виноградным листом цензурного письма? Нужно ли при этом упоминать о макаронических произведениях, пользующихся такою честью от великолепного Лаврентия Медичиса и до Медичисов нашего времени? Нужно ли, наконец, заметить, что не одним только библиофилам известны целые отделы, предмет которых описывают специальные библиографии, вроде «Bibliotheca Scatologica» (Scatopolis, 5850)***** отделы, известные в книжном мире под именем: «Singularités», «Curiosa», «Erotica», «Ouvrages sur l'amour», «...sur la galanterie»***** и т. д.

Итак, обвинение русского народа в грубом цинизме равнялось бы обвинению в том же и всех других народов, другими словами, — само собой сводится к нулю. Эротическое содержание заветных русских сказок, не говоря ничего за или против нравственности русского народа, указывает просто на ту сторону жизни, которая больше всего дает разгула юмору, сатире, иронии. Сказки наши передаются в том безыскусственном виде, как они вышли из уст народа и записаны со слов рассказчиков. Это-то и составляет их особенность: в них ничего не тронуту, нет ни прикрас, ни прибавок. Мы не будем распространяться о том, что в разных полосах широкой Руси одна и та же сказка рассказывается иначе. Вариантов таких, конечно, много, и большая часть их, без сомнения, переходит из уст в уста, не будучи еще ни подслушана, ни записана собирателями.

* «Беседы» П. Аретино, «Капитоли» Франч[еско] Берни, Джов[анни] Делла Каза, Мольцы, «Риторика девок» Паллавицини, «Мальчик Алквиад» (итал.).

** «Изящные латинские разговоры» (лат.).

*** «Потешки, фацетии и забавные выдумки (франц.).

^{1*} См. Réimpressions par Caron, Montaran, Tschener, Veinant, J. Gay и других [Переводы] Карона, Монторана, Тешнера, Дж. Гей (франц.).

**** «Сборник избранных отрывков для развлечения всего света» (франц.).

***** «Листовок» (нем.).

***** Шаде: «Которые тогда летали над землей подобно целой стае» (нем.).

^{2*} Sie Kennzeichnen sich fast alle durch ein scharfes satirisches Element, beispiellosen Freimuth, mitunter durch grosse Derbheit u. s. w. (Satiren u. Pasquille von Oskar Schade). [Они почти все отличаются острым сатирическим элементом, беспримерной свободой, иногда большой грубостью и т. д. («Сатиры и пасквили» Оскара Шаде)] (нем.).

***** «Скатологическая библиотека» (Скатополис, 5850) (лат.).

***** «Странности», «Курьезы», «Эротика», «Произведения о любви», «Руководство к ухаживанию» (франц.).

Приводимые нами варианты взяты из числа наиболее известных или наиболее характеристичных почему-либо.

О последовательности, в какой являются наши сказки, мы считаем даже излишним распространяться. Заметим только по этому поводу, что та часть сказок, где действующие лица животные, как нельзя более рисует всю сметливость и всю силу наблюдательности нашего простолюдина. Вдали от городов, работая в поле, в лесу, на реке, он везде глубоко понимает любимую им природу, верно подсматривает и тонко изучает окружающую его жизнь. Живо схваченные стороны этой немой, но красноречивой для него жизни сами собой переносятся на его собратий — и полный жизни и светлого юмора рассказ готов. Отдел сказок о так называемой народом «*жербячей породе*», из которых пока мы приводим только небольшую часть, ярко освещает и отношение нашего мужичка к своим духовным пастырям и верное понимание их.

Любопытны наши «*Заветные сказки*» помимо многих сторон и в следующем отношении. Важному ученому, глубокомысленному исследователю русской народности они дают обширное поле для сравнения содержания некоторых из них с рассказами почти такого же содержания иностранных писателей, с произведениями других народов. Каким путем проникли в русские захолустья — рассказы Боккаччо^{3*}, сатиры и фарсы французов XVI столетия, как переродилась западная новелла в русскую сказку, в чем их общая сторона, где и, пожалуй, даже с чьей стороны следы влияния, такого рода сомнения и заключения из очевидности подобного тождества, и т. д. и т. д.

Предоставляя решение всех этих и иных вопросов нашим патентованным ученым, мы и без того надеемся, что наши читатели помянут добрым словом труды почтенных собирателей этих сказок. Мы же, со своей стороны, издавая это редкое собрание с целью спасти его от гибели, равно чужды, смеем думать, как хвалы, так и порицаний.

Таким образом, не принимая лицемерно ученой наружности, книга наша является случайным и простым сборником той стороны русского народного юмора, которому до сих пор не было места в печати. При диких условиях русской цензуры, ее кривом понимании нравственности и морали, книга наша тихо печаталась в той отдаленной от тревожений света обители, куда еще не проникла святотатственная рука какого бы то ни было цензора. Мы не можем при этом не высказать одного из наших задушевных желаний: да последуют и другие тихие уголки нашей отчизны примеру нашей обители. Пусть разовьется в них, чуждое всякой цензуры, благородное искусство книгопечатания, — и да выйдут из рук трудящейся братии, сойдут с заветных станков их всякое свободное слово, всякая заветная речь, к какой бы стороне русской жизни ни относились они.

Прибавим в заключение, что впоследствии мы намерены также издать: «*Русские заветные пословицы*» и продолжение «*Русских заветных сказок*». Имеющиеся в наших руках материалы приводятся в порядок. Изданием

^{3*} См., например, сказку № LXXVII — Купеческая жена и приказчик [в наст. томе сказка № 39, с. 339].

их мы надеемся оказать услугу как вообще делу изучения русской народности, так и в особенности нашим собратиям — истинным любителям и знатокам всего заветного, меткой, образной русской речи и ее светлого юмора.

Филобибл.

1. СКАЗКА О ТОМ, КАК ПОП ТЕЛЕНКА РОДИЛ

Был-жил поп да попадья. У них был казак¹, по имени Ванька; только житье у них казаку было не очень-то хорошее: больно скупа попадья была. Вот однажды поехал поп с казаком по сено, верст за десять. Приехали, наклали воза два. Вдруг пришло к сену стадо коров. Поп схватил хворостину и давай за ними бегать; прогнал коров и воротился к казаку весь в поту. Тотчас вместе dokonчили работу и поехали домой. Было темно. «Ванька,— сказал поп,— не лучше ли нам ночевать в деревне хоть у Гвоздя: он — мужик добрый, да у него и двор-то крытый». — «Хорошо, батюшко», — отвечал Ванька.

Приехали в деревню, выпросились ночевать у того мужика. Казак вошел в избу, помолился богу, поклонился хозяину и сказал: «Смотри, хозяин, когда станешь садиться ужинать, то скажи: садитесь, все крещеные; а если скажешь попу: садись, отец духовный, то он рассердится на тебя и не сядет ужинать; он не любит, когда его так называют». Поп выпряг лошадей и пришел в избу, тут хозяин велел жене собрать на стол и, когда все было готово, сказал: «Садитесь все крещеные, ужинать». Все сели, кроме попа; он сидел на лавочке да подумывал, что его хозяин особенно просить станет, а то и не сбилось. Отужинали. Хозяин и спросил попа: «Что, отец Михаил, не садился с нами ужинать?» А поп отвечал: «Мне не хочется есть».

Стали ложиться спать. Хозяин отвел попа и его казака в скотницу, потому что в ней было потеплее, чем в избе. Поп лег на печь, а казак на полати. Ванька сейчас уснул, а поп все думает, как бы найти что-нибудь поесть. А в скотной ничего не было, окромя квашни с раствором. Поп стал будить казака: «Что, батюшка, надобно?» — «Казак, мне есть хочется». — «Ну, так что не ешь? В квашне тот же хлеб, что и на столе», — сказал Ванька и сам сошел с полатей, наклонил квашню и говорит: — будет с тебя». Поп начал лакать из квашни, а Ванька как будто невзначай толкнул ее и облил попа раствором. Поп, налакавшись досыта, лег опять и скоро заснул.

В это время отелилась на дворе корова и стала мычать. Хозяйка услыхала, вышла на двор, взяла теленка, принесла в скотную и пихнула его на печь к попу; а сама ушла. Поп проснулся ночью, слышит: кто-то лижет его языком; схватил рукою теленка и стал будить казака. «Что опять понадобилось?» — сказал Ванька. А поп: «Ванька! Ведь у меня на печито теленок, и не знаю: откуда он явился?» — «Вот еще что выдумал, сам родил теленка, да и говорит: не знаю, откуда взялся». — «Да как же это

¹ Батрак.

так могло статься?» — спрашивает поп. — «А вот как: помнишь, батюшка, как мы сено клали, мало ли ты бегал за коровами! вот теперь и родил теленка!» — «Ванька, как бы сделать, чтобы попадьа не узнала?» — «Давай триста рублей, все сделаю, никто не узнает». Поп согласился. «Смотри же, — говорит казак попу, — ступай теперь тихонько домой, да надень вместо сапогов мои лаповики¹».

Только что ушел поп, казак к хозяину: «Ах вы, ослы! Ведь не знаете того, что тележок попа съел, оставил только одни сапоги. Ступайте посмотрите». Напуганный мужик обещал казаку триста рублей, чтоб обделать дело так, чтоб никто про это не узнал. Ванька все обещался сделать, взял деньги, сел на лошадь и поскакал за попом. Нагнал его и говорит: «Батюшка, теленка-то хозяин хочет привести к попадье, да сказать, что ты его родил». Поп еще больше испугался и набавил Ваньке сотнягу: только обделай все тихонько. «Ступай себе, все сделаю», — сказал казак и поехал опять к мужику: «Ведь попадьа сойдет с ума без попа, тебе худо будет». Этот простофиля дал казаку еще сотнягу: «Только обмани попадью, да никому не сказывай». — «Хорошо, хорошо!» — сказал казак; приехал на погост, содрал с попа денежки, отошел от него, женился и стал себе поживать да добра наживать.

2. КАКОВ Я!

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик, такой плутоватый, что боже упаси! Стибрил где-то сотню рублей и убежал из своей деревни. Шел-шел и выпросился переночевать у попа: «Ступай, — говорит поп, — ты у нас места не пролежишь». Пришел мужик, разделся и лег на лавке. Вздумалось ему пересчитать деньги, вынул и давай считать. Поп увидал, что мужик считает деньги — а на это они чутки — и думает: «Ишь, ходит оборванцем, а денег какая пропасть. Дай-ко напою его пьяным да и оберу». Вот поп немного погоды подошел к мужику и говорит: «Пойдем, свет, к нам ужинать». Мужик обрадовался: «Спасибо, батюшка!» Сели ужинать; поп поставил вина и давай его наливать: так поштует — просто отдыха не дает. Мужик напился пьян и свалился на пол, поп сейчас вытащил у него из кармана деньги, припрятал к себе, а мужика уложил на лавку.

Наутро проспался мужик, глядь, а в кармане пусто; смекнул в чем дело, да что возьмешь: коли просить на попа — так станут спрашивать: откуда деньги взял и сам откуда пришел; еще беды наживешь. Так мужик и ушел, таскался кое-где месяц, другой и третий, а там и думает себе: «Чай поп теперь меня позабыл; оденусь-ка так, чтобы не признал меня, да пойду к нему за старое отплатить». Пришел к попу в избу; а попа на ту пору дома не случилось, одна попадьа сидела. «Пусти, матушка, переночевать к себе». — «Пожалуй, иди». Он вошел в избу и уселся на лавке. «Как зовут, свет? Откуда идешь?» — «Какофием, матушка, иду издалеча на богомолье».

¹ Лаповики — обноски лаптей (Ред.).

На столе у попа лежала книга. Вот мужик взял, переворачивает листы да губами бормочет, будто читает, а потом как заплачет. Попадья и спрашивает: «О чем, свет, плачешь?» — «Как мне не плакать? В Святом-то писании писано, что кому за какие грехи будет, а мы грешные столько творим нечестивого, что не ведаю, матушка, как еще бог грехам-то терпит?» — «А ты, свет, научен грамоте?» — «Как же, матушка, насчет этого дела я не обижен от бога». — «А петь по-дьячковски умеешь?» — «Умею, матушка, умею. С малых лет учился: весь церковный устав знаю». — «А у нас, свет, дьячка нету; уехал отца хоронить; не сможешь ли батюшке завтра обедню отслужить?» — «Хорошо, матушка! Отчего не помочь?»

Приехал поп, попадья ему все рассказала. Поп тому и рад, угостил мужика как можно лучше. Наутро пришел с мужиком в церковь и начал слушать обедню. Только мужик стоит на крылосе и молчит себе. Поп закричал на него: «Что же ты стоишь молча, а не поешь?» А мужик ему: «Пожалуй, я и сяду, коли стоять не велишь». И сел... Поп опять кричит: «Что же ты сидишь, а не поешь?» — «Пожалуй, я и лягу». И развалился на полу. Поп подошел и выкинул его из церкви, а сам остался обедню доканчивать. Мужик пришел к попу на двор. Попадья спрашивает: «Что, отслужили обедню?» — «Отслужили, матушка!» — «А где же батюшка?» — «Он в церкви остался: надо хоронить покойника. А меня послал к тебе взять новый тулуп, сукном крытый, да бобровую шапку, идти далеко, дак он хочет потеплей одется». Попадья пошла за тулупом и шапкою. А мужик зашел в избу, снял свою шапку, ... в нее и положил на лавку, а сам взял поповский тулуп с бобровою шапкою и драла.

Поп отслужил обедню и приходит домой. Попадья увидела, что он в старом тулупе, и спрашивает: «Где ж новый тулуп-то?» — «Какой?» Ну тут рассказали друг дружке про мужика и узнали, что мужик-то их обманул. Поп сгоряча схватил шапку, надел на голову и побежал по деревне искать мужика, а из шапки так и плывет по рожу: весь обгадился. Подбежал к одной избе и спрашивает хозяина: «Не видал ли Какофья?» — «Вижу, батюшка, каков ты! Хорош!» Кого ни спросит — все ему одно отвечают. «Какие дураки, — говорит поп, — им одно толкуешь, а они тебе другое!» Бегал, бегал, всю деревню обегал, а толку не добился. «Ну, думает, что с воза упало, то пропало»... Тем сказка и кончилась.

3. В-ЧЕМ-Я?

Жил-был старик со старухою; у них был сын Иван-дурак. Пришло время — старик со старухой умерли. Иван-дурак и говорит: «Что мне жить одному дома, лучше идти на божий путь бурлачить». Вот он и пошел. Ему навстречу попал поп. Поп говорит Ивану-дураку: «Ты куда пошел?» Иван-дурак отвечает: «Да вот отец и мать у меня умерли, так я пошел бурлачить». — «Наймись ко мне в строшны¹». «Пожалуй». «Тебя как зовут?» — «Зовут меня: В-чем-я».

¹ Строшной — работник, батрак (Ред.).

Вот поп нанял строшного. После и спрашивает у него: «Ты учен грамоте?» — «Учен». — «Ну, пойдём, — говорит поп, — обедню со мной служить». — «Пожалуй, пойдём». Они зашли в церковь. Поп надевает на себя ризу, а Иван-дурак спрашивает: «А мне чего надеть-то?» — «Где-то был куль рогожный, — сказывает поп, — надень хоть его». Иван-дурак принес куль, спрашивает: «Как же надевать его? Куда голову записать-то?» Поп говорит: «Где-то был нож?», принес его, перерезал в куле дыру: «Пихай вот сюда».

Иван надел куль и стал служить за дьякона. Поп учит его: «Говори: благослови, владыко». — А Иван ему: «А тебя, батько, можно повесить на лыко». Поп взял и выгнал его из церкви. Иван-дурак побежал к попадье: «Давай, попадьа, четыреста рублей, поп деревню купил». Она и отдала ему четыреста рублей. В поповой избе стояла квашня с раствором; Иван взял да и вылил раствор попу в шляпу, поставил ее на стол и закрыл платком, а сам убежал.

Приходит поп от обедни домой. Попадья спрашивает: «На какую деревню просил ты четыреста рублей денег?» — «Что ты, вздурела? Когда я просил?» — «Да строшной приходил за ними, говорит: батько деревню купил; я ему сама отдала». — «Что ты, подлая, наделала? Ведь он обманул тебя!»

Схватил поп шляпу с раствором-то, надел на себя: «Побегу, — говорит, — нагоню его». Вот и побежал догонять; бежит себе, а мужик навстречу дрова везет. Поп спрашивает у него: «Не видал ли, свет, В-чем-я?» — «Да, кажись, в растворе, батюшка». Поп побежал дальше, увидел другого мужика, спросил и этого; он то же сказал. Поп пустился еще дальше, увидел третьего мужика, рубит в лесу дрова. «Дядюшка, — спрашивает его, — скажи, не видал ли ты В-чем-я?» — «Да ты, батько, весь в растворе. Оглянись на себя — сам увидишь».

Поп осмотрелся, а по нем из шляпы так и ползет раствор-то. Поп вернулся домой, весь морщится. «Что, поп, морщишься? Али гриб с корешком съел?» — спрашивает попадьа. Поп осерчал, выбил попадью и пошел с горя в кабак, да пропил себе рясу.

4. СУД О КОРОВАХ

В одной деревне жил-был поп да мужик; у попа было семь коров, у мужика была только одна, да хорошая. Только поповы глаза завистливы; задумал поп, как бы ухитриться, да отжилить у мужика и последнюю корову: «Тогда было бы у меня восемь!» Случился как-то праздник, пришли люди к обедне, пришел и тот мужик. Поп вышел из алтаря, вынес книгу, развернул и стал читать середь церкви: «Послушайте, миряне! А еще кто подарит своему духовному пастырю одну корову — тому бог воздаст по своей великой милости: та одна корова приведет за собой семеро!»

Мужик услышал эти слова и думает: «Что уж нам в одной корове? На всю семью и молока нехватает. Сделаю-ка я по Писанию, отведу корову к попу. Может, и впрямь бог смилуется». Как только отошла обедня,

мужик пришел домой, зацепил корову за рога веревкою и повел со двора к попу. Привел к попу: «Здравствуй, батюшка!» — «Здорово, свет, что хорошего скажешь?» — «Был я сегодня в церкви, слышал, что сказано в Писании: кто отдаст своему духовному отцу одну корову, тому она приведет семеро. Вот я; батюшка, и привел к вашей милости в подарок корову». — «Это хорошо, свет, что ты помнишь слово божее! Бог тебе воздаст за то седмирицею. Отведи-ка, свет, корову в сарай и пусти к моим коровам». Мужик свел свою корову в сарай и воротился домой. Жена ну его ругать: «Зачем, подлец, отдал попу буренку? С голоду что ли нам пропадать, как собакам?» — «Эка ты дура, — говорит мужик, — разве ты не слыхала, что поп в церкви читал? Дождемся, наша корова приведет за собой еще семь: тады¹ похлебаем молочка досыта!»

Целую зиму прожил мужик без коровы. Дождались весны. Стали люди выгонять в поле коров, выгнал и поп своих. Вечером погнал пастух стадо в деревню; пошли все коровы по своим дворам, а корова, что мужик попу подарил, по старой памяти побежала на двор к своему прежнему хозяину; семеро поповых коров так к ней привыкли, что и они следом за буренкою очутились на мужицком дворе. Мужик увидел в свое окошко и говорит своей бабе: «Смотри-кась, ведь наша корова привела за собой целых семь. Правду читал поп: божие слово всегда сбывается. А ты еще ругалась. Будет у нас теперича и молоко и говядинка». Тотчас побежал, загнал всех коров в хлев и накрепко запер.

Вот поп видит: уж темно стало, а коров нету, и пошел искать по деревне. Пришел к этому мужику и говорит: «Зачем ты, свет, загнал к себе чужих коров?» — «Поди ты с богом! у меня чужих нет, а есть свои, что мне бог дал: это моя коровушка привела за собой ко мне семеро, как помнишь, батька, сам ты читал на празднике в церкви». — «Врешь ты, сукин сын! это мои коровы». — «Нет, мои». Спорили-спорили. Поп и говорит мужику: «Ну, черт с тобой. Возьми свою корову назад; отдай хоть моих-то». — «Не хошь ли кляпа собачьего?»

Делать нечего, давай поп с мужиком судиться. Дошло дело до архиерея. Поп подарил его деньгами, а мужик холстом, архиерей и не знает, как их рассудить. «Вас, — говорит им, — так не рассудишь. А вот что я придумал: теперь ступайте домой, а завтра из вас кто придет раньше утром ко мне, тому и коровы достанутся». Поп пришел домой и говорит своей матке-попадье: «Ты, смотри, пораньше меня разбуди завтра утром». А мужик не будь дурак, как-то ухитрился, домой-то не пошел, а забрался к архиерею под кровать. «Здесь, — думает себе, — пролежу целую ночь и спать не стану, а завтра рано подымусь — так попу коров-то и не видать».

Лежит мужик под кроватью и слышит: кто-то в дверь стучится. Архиерей сейчас вскочил, отпер дверь и спрашивает: «Кто такой?» — «Я, игуменья, отче!» [Лежа под кроватью, мужик слышит разговор архиерея с игуменьей; на другой день, опасаясь разоблачений мужаика, архиерей присуждает ему коров]. Так поп и остался ни при чем, а мужик зажил себе припеваючи.

¹ Тогда (Ред.)

5. ЖАДНЫЙ ПОП

Жил-был поп, имел большой приход, а был такой жадный, что великим постом за исповедь меньше гривенника ни с кого не брал; если кто не принесет гривенника, того и на исповедь не пустит, а зачнет страмить: «Экая ты рогатая скотина! За целый год не мог набрать гривенника, чтоб духовному отцу за исповедь дать, ведь он за вас, окаянных, богу молится».

Вот один раз пришел к этому попу на исповедь солдат и кладет ему на столик всего медный пятак. Поп просто взбесился. «Послушай, проклятый,— говорит ему,— откуда ты это выдумал принести духовному отцу медный пятак? Смеешься, что ли?» — «Помилуй, батюшка, где я больше возьму? что есть, то и даю!» — «По б..... да по кабакам носить, небось, есть деньги, а духовному отцу одни грехи тащишь! ты про эдакий случай хоть украдь что да продай, а священнику принеси, что подобает; заодно уж перед ним покаешься и в том, что своровал; так он все тебе грехи отпустит». И прогнал от себя поп этого солдата без исповеди. «И не приходи ко мне без гривенника».

Солдат пошел прочь и думает; что мне с попом делать? Глядит, а около крылоса стоит поповская палка, а на палке висит бобровая шапка. «Дай-ка,— говорит сам себе,— попробую эту шапку утащить». Унес шапку и потихоньку вышел из церкви да прямо в кабак; тут солдат продал ее за двадцать рублей, припрятал деньги в карман, а гривенник отложил для попа. Воротился в церковь и опять к попу. «Ну, что, принес гривенник?» — спросил поп,— «Принес, батюшка». — «А где взял, свет?» — «Грешен, батюшка, украл шапку да продал за гривенник». Поп взял этот гривенник и говорит: «Ну, бог тебя простит, и я тебя прощаю и разрешаю».

Солдат ушел, а поп, покончивши исповедывать своих прихожан, стал служить вечерню; отслужил и стал домой собираться. Бросился к крылосу взять свою шапку, а шапки-то нету: так простоволосый и домой пришел. Пришел и сейчас послал за солдатом. Солдат спрашивает: «Что угодно, батюшка?» — «Ну, скажи, свет, по правде, ты мою шапку украл?» — «Не знаю, батюшка, вашу ли украл я шапку, а только такие шапки одни попы носят, больше никто не носит». — «А из которого места ты ее стащил?» — «Да в нашей церкви висела она на поповской палке у самого крылоса», — «Ах ты, сукин сын, такой-сякой! Как смел ты уворовать шапку у своего духовного отца? Ведь это смертный грех!» — «Да вы, батюшка, сами меня от этого греха разрешили и простили».

6. ДУХОВНЫЙ ОТЕЦ

Пришел великий пост: надо мужику итить на исповедь к попу. Завернул он в кулек березовое полено, обвязал его веревкой и пошел к попу. «Ну, говори, свет, в чем согрешил? А это у тебя что такое?» — «Это, батюшка, белая рыбица, тебе на поклон принес!» — «Ну, это дело хорошее! Чай замерзла?» — «Замерзла, все на погребке лежала». — «Ну, когда-

нибудь растает!» — «Я пришел, батюшка, покаяться: раз стоял за обеднею да...» — «Что это за грех! Я и сам один раз в алтаре... Это ничего, свет! Ступай с богом».

Тут начал поп развязывать кулек, смотрит, а там березовое полено. — «Ах, ты..., проклятый! Где-же белорыбица-то?!»

7. АРХИЕРЕЙ ОТЧИТЫВАЕТ

Был у барина продувной слуга Ванька. Убежал от него и принялся воровать да плутовать. Идет он по рынку, видит: мужик свинью продает. «Что, продаешь, свинью?» — «Продаю». — «А сколько просишь?» — «Пять карбованцев». — «Ну, вези за мной на архиерейский двор; нам архиерей не приказывал торговаться». Приехали на архиерейский двор.

А Ванька знал, что архиерей нечистых из людей выгоняет, отчитывает. Сейчас бросился к нему: «Святой владыко! Беда случилась: в моего батюшко нечистый вселился; нельзя ли отчитать?» — «Веди его сюда». Ванька воротился к мужику. «Ступай,— говорит,— к преосвященному за деньгами, да как придешь — нагни голову пониже; он наперед молитву прочитает». Старик прошел в горницу и нагнул голову, а владыко взял книгу и давай отчитывать.

Тем временем Ванька сел на телегу и уехал по-добру, по-здорову, и лошадь украл, и свинью увез. Мужик стоял-стоял, согнувшись, инда тошно стало — шея заболела, а архиерей знай себе читает. Надоело старику. «Буде, владыко, пора деньги за свинью платить!» — «Ах, окаянный, и впрямь в тебе бес сидит,— говорит архиерей,— вишь про свинью поминает». — «Что ты, владыко, али деньги зажилить хочешь? Коли так, я лучше свинью назад повезу».

Бросился на двор — ни повозки, ни свиньи. Ванька уж давно все это спустил, куда надобно, и идет себе как ни в чем не бывало. Шел, шел да в лошадиное дерьмо и попал. Слегка ногою коп — выскочил поп. «Ты откуда, долгогривый, взялся? Как сюда попал?» Ванька еще покопал, на два дьякона напал; взял палочку да тычком — выскочил пономарь с дьячком.

8. ДОБРЫЙ ПОП

Жил-был поп; нанял себе работника, привел его домой: «Ну, работник, служи хорошенько, я тебя не оставляю». Пожил работник с неделю, настал сенюк. «Ну, свет,— говорит поп,— бог даст, переночуем благополучно, дождемся утра и пойдем завтра косить сено». — «Хорошо, батюшка».

Дождались они утра; встали рано. Поп и говорит попадье: «Давай-ка нам, матка, завтракать; мы пойдем на поле, косить сено». Попадья собрала на стол, сели они вдвоем и позавтракали порядком. Поп говорит работнику: «Давай, свет, мы и пообедаем за один раз, и будем косить до самого полдня без роздыху». — «Как вам угодно, батюшка. Пожалуй и пообедаем». — «подавай, матка, на стол обедать!» — приказал поп жене. Она подала им и обед. Они по ложке, по другой хлебнули и сыты. Поп

говорит работнику: «Давай, свет, за одним столом и попоуднуем; и будем косить до самого ужина». — «Как вам угодно, батюшка, полудновать, так полудновать». Попадья подала на стол полдник. Они опять хлебнули по ложке, по другой и сыты. «Все равно, свет, — говорит поп работнику, — давай заодно и поужинаем, и заночуем в поле — завтра раньше на работу поспеем». — «Давай, батюшка!»

Попадья подала им ужинать. Они хлебнули раз-два и встали из-за стола. Работник схватил свой армяк и собирается вон. «Куда ты, свет?» — спрашивает поп. «Как куда? Сами вы, батюшка, знаете, что после ужина надо спать ложиться». Пошел в сарай и проспал до света. С тех пор перестал поп угощать работника зараз завтраком, обедом, полдником и ужином.

9. ПАХОМ

Помер в селе поп, оставался один дьякон; худо ему стало без попа, доходу нет ни копейки, а жить надо; и задумал он поставить какого-нибудь мужика за попа. В одно время пошел он искать, не согласится ли кто на селе быть попом. Идет дорогою, повстречался с ним мужик.

«Здравствуй, мужичок!» — «Здорово, дьячок!» — «Как тебя звать?» — «Пахом». — «Ну, ты будешь у нас попом». — «Да я грамоте не умею» — «Ничего, я тебя научу, что говорить надобно».

Мужик согласился. Пришли они в село; дьячок объявил его прихожанам: «Вот-де вам поп новый поставлен». Дождались праздника, зазвонили к обедне. Мужик оделся в поповские ризы и затянул в алтаре нараспев: «Во время оно шел дьячок, навстречу ему мужичок. — Здравствуй, мужичок! — Здравствуй, дьячок! — Как тебя звать? — Меня зовут Пахом! — Ну, будь у нас ты попом!» А дьячок знай подхватывает: «Господи, помилуй!» Православные слушают да поклоны бьют.

Вот так-то и пошло дело у них на лад. Только через год, через два случилось в то село заехать архиерею; приказал он попу служить обедню и певчих своих на крылосе поставил. Пахом оделся в ризы и затянул по-прежнему: «Во время оно шел дьячок, навстречу его мужичок. — Здравствуй, мужичок! — Здравствуй, дьячок! — Как тебя звать? — Меня зовут Пахом! — Ну, будь ты попом! — Я грамоте не учен! — Не в грамоте дело; говори: архиерею будет четверня лошадей, а певчим пятьсот рублей». Архиерей услышал, что ему сулят лошадей, да всю обедню и прослушал молча; а как отошла обедня, взял четверню и пятьсот рублей на певчих и уехал куда надо, а мужика Пахома похвалил за усердие: он и теперь еще служит.

10. ПОХОРОНЫ КОБЕЛЯ

Жил-был мужик, у него был кобель. Рассердился мужик на кобеля, взял — повез его в лес и привязал около дуба. Вот кобель начал лапами копать землю, подкопался под самый дуб, так что его ветром свалило. На другой день пошел мужик в лес и вздумал посмотреть на своего кобеля,

пришел на то место, где привязал его, смотрит: дуб свалился, а под ним большой котел золота. Мужик обрадовался, побежал домой, запряг лошадь да опять в лес, забрал все деньги и кобеля посадил на воз. Вернулся домой и говорит бабам: «Смотрите, угождайте у меня кобелю всячески; коли не станете за ним ходить да не будете его кормить — я с вами по-своему разделаюсь». Ну, бабы стали кормить кобеля на убой, сделали ему мягкую постель, холят его всячески. А хозяин никому, кроме кобеля, и не верит: куда ни поедет, а ключи завсегда повесит кобелю на шею.

Жил-жил кобель, заболел да околел. Вздумалось мужику похоронить кобеля со всей церемонией; взял он пять тысяч и пошел к попу: «Батюшка, у меня помер кобель и отказал тебе пять тысяч денег с тем, чтобы ты похоронил его по христианскому обряду». — «Ну, это хорошо, свет, только в церковь носить не надо, а похоронить можно! Приготовляйся, завтра приду к выносу». Мужик изготвился, сделал гроб, положил в него кобеля, а наутро пришел поп с дьяконом и дьячками, в ризах, пропели что надо и понесли кобеля на кладбище да и закопали в могилу.

Дошло у попа до дележа с причтом; он и обидел дьячков, мало им дал; вот они просьбу на него к архиерею: так и так, дескать, похоронили кобеля по-христиански. Архиерей позвал к себе попа на суд: «Как ты смел, — говорит, — хоронить нечистого пса?» — и посадил его под арест. А мужик взял десять тысяч и пошел к архиерею попа выручать. «Ты за чем?» — спрашивает архиерей. Так и так, отвечает мужик: «Помер у меня кобель, отказал вашему преосвященству десять тысяч денег да попу пять». — «Да, братец, я слышал про то и посадил попа под арест, зачем он, безбожник, как нес кобеля мимо церкви — не отслужил по нем панихиды». — Взял архиерей отказанные кобелем десять тысяч, выпустил попа и пожаловал его благочинным, а дьячков сдал в солдаты.

11. ПОХОРОНЫ КОЗЛА

Жил старик со старухой; не было у них ни одного детища, только и был что козел; тут все и животы!.. Старик никакого мастерства не знал, плел одни лапти — только тем и питался. Привык козел к старику: бывало — куда старик ни пойдет из дому, козел бежит за ним из дому.

Вот однажды случилось старику идти в лес за лыком, и козел за ним побежал. Пришли в лес: старик начал лыки драть, а козел бродит там и сям да траву щиплет; щипал-щипал, да вдруг передними ногами и провалился в рыхлую землю, зачал рыться и вырыл оттедова котелок с золотом. Видит старик, что козел гребет землю, подошел к нему — и увидел золото; несказанно возрадовался, побросал свои лыки, подобрал деньги и домой. Рассказал старухе обо всем. «Ну, старик, — говорит старуха, — это нам бог дал такой клад на старость за то, что столько лет с тобой потрудились в бедности. А теперь поживем в свое удовольствие». — «Нет, старуха, — отвечал ей старик, — эти деньги нашлись не нашим счастьем, а козловым, теперича надо нам жалеть и беречь козла пуще себя».

С тех пор зачали они жалеть и беречь козла пуще себя, зачали за ним ухаживать, да и сами-то поправились — лучше быть нельзя! Старик позабыл, как и лапти-то плетут; живут себе — поживают, никакого горя не знают.

Вот через некоторое время козел захворал и издох. Стал старик советовать со старухой, что делать: «Коли выбросить козла собакам, так нам за это будет перед богом и людьми грешно, потому что все счастье наше мы через козла получили. А лучше пойду я к попу и попрошу его похоронить козла по-христиански, как и других покойников хоронят». Собрался старик, пришел к попу и кланяется: «Здравствуй, батюшко!» — «Здорово, свет! Что скажешь?» — «А вот, батюшка, пришел к твоей милости с просьбою, у меня на дому случилось большое несчастье — козел помер. Пришел звать тебя на похороны».

Как услышал поп такие речи, крепко рассердился, схватил старика за бороду и ну таскать по избе: «Ах ты, окаянный, что выдумал, вонючего козла хоронить!» — «Да, вить, этот козел, батюшка, был совсем-таки православный; он отказал тебе двести рублей». — «Послушай, старый хрен, — сказал поп, — я тебя не за то бью, что зовешь козла хоронить, а зачем ты по сю пору не дал мне знать о его кончине; может, он у тебя уж давно помер».

Взял поп с мужика двести рублей и говорит: «Ну, ступай же скорее к отцу дьякону, скажи, чтоб приготовлялся: сейчас пойдем козла хоронить». Приходит старик к дьякону и просит: «Потрудись, отец-дьякон, приходи ко мне в дом на вынос!» — «А кто у тебя помер?» — «Да вы знавали моего козла, он-то и помер!». Как начал дьякон хлестать его с уха на ухо. «Не бей меня, отец-дьякон, — говорит старик, — ведь козел-то был, почитай; совсем православный; как умерал — тебе сто рублей отказал за погребение». — «Эка ты стар да глуп, — сказал дьякон, — что же ты давно не известил меня о его преславной кончине; ступай скорей к дьячку; пушай прозвонит по козловой душе!»

Прибегает старик к дьячку и просит: «Ступай, прозвони по козловой душе». И дьячок рассердился, начал старика за бороду трепать. Старик кричит: «Отпусти, пожалуй! Вить козел-то был православный, он тебе за похороны пятьдесят рублей отказал». — «Что же ты до этих пор копаешься, надобно было пораньше сказать мне; следовало бы давно прозвонить!» Тотчас бросился дьячок на колокольню и начал валять во все колокола. Пришли к старику поп и дьякон и стали похороны отправлять; положили козла во гроб, отнесли на кладбище и закопали в могилу.

Вот стали про то дело говорить промеж себя прихожане, и дошло до архиерея, что поп де козла похоронил по-христиански. Потребовал архиерей к себе на расправу старика с попом: «Как вы смели похоронить козла? Ах вы, безбожники!» — «Да, вить, этот козел, — говорит старик, — совсем был не такой, как другие козлы — он перед смертью отказал вашему преосвященству тысячу рублей!» — «Эка ты, глупый старик, я не за то сужу тебя, что козла похоронил, а зачем ты его заживо маслом не соборовал!..» Взял тысячу и отпустил старика и попа по домам.

12. ПОП-ВОРОЖЕЙКА

Жил-был поп, по прозвищу Жаворонок; а при нем дьячок находился: оба горькие пьяницы. Овдовел и поп, овдовел и дьячок, и начали еще больше прежнего пить горькую. Пропили сначала дьячково имение, а после промотали и батьково. Не на что стало опохмелиться. Говорит поп дьячку: «Возьми, свет, с крылоса церковные книги; заложим в кабак, а после, как поправимся — назад выкупим». Дьячок сейчас сграбастал книги, заложил в кабак и кутнули с попом на славу. Наутро голова трещит, надо бы опохмелиться — да опять не на что! Как быть? Откуда достать? «Погоди, свет, — говорит поп, — что ни будет, а я свои ризы заложу, дак еще с тобой погуляем». Заложили ризы и тут же пропили с дьячком все деньги.

Вот так-то они в две недели все церковные вещи обработали; все в кабак пошло.

Приходит воскресенье, а попу и обедни отслужить нельзя: нет ни одной книги, ни одной ризы — не во что и одеться. «Что нам делать, дьяче?» — «Не знаю, батюшка. Что вам угодно, то и делайте; ведь с вас, не с меня спросят» — «Ну, я вот больным скажусь; пускай люди знают, что оттого обедни нет, что поп заболел».

Прошло одно воскресенье, и другое, и третье, а до церкви все не звонят. Люди поговаривают: «Батько крепко болен. Нельзя же нам быть без службы божией, станем просить себе другого попа». Услыхал про то поп: «Ну, думает, это дело неладно. Еще, черт возьми, коли наедет иной священник да увидит, что у нас в церкви дочиста обработано, так мне за это достанется; неровен час и в Сибирь угодишь. Надо выдумывать, как бы поправиться». Призывает поп дьячка: «Что, свет, дело-то наше плохо. Умели мы гулять, надо сметь и поправиться». Дьячок в ответ: «Мое дело сторона, я ничего не ведаю, что хотите, то и делайте». — «Да ты слушай, что я стану сказывать». — «Сказывайте, батюшка». — «Вот что, дьяче. Ты ступай воровать, а я буду ворожить. Коли что украдешь — мне прямо и сказывай, где спрячешь, а я буду отгадывать. Вот мы и поправимся». — «Ну, хорошо».

На их счастье в ту же ночь гнали через село гурт быков: дьячок отшиб одну пару и загнал в лес; приходит к попу: «Ну, батюшка, я пару быков украл». — «Куда ж девал?» — «А вот за селом в лесу к сосне привязаны». — «Ладно, свет. Завтра, когда станут быков, искать, посылай ко мне ворожить».

Утром рано хватился купеческий приказчик быков, ходит по селу — везде ищет — нет нигде. «Что ты ищешь?» — спрашивает его дьячок. — «Да беда приключилась; нынешней ночью пропала из гурта пара лучших быков. Не могу отыскать». — «Эх, почтенный! Да вы ступайте к нашему попу: он сейчас выворочит и вашему горю поможет. Хоть он теперь болен, ну, да коли вы лучше заплатите, так ничего, — авось для вас потрудится. Он — старик добрый». — «Да я сотни рублей не пожалую, только бы пропажа нашлась».

Пошел приказчик к попу: «Здравствуйте, батюшка!» — «Здравствуй, свет! Что скажешь?» — «Я к вашей милости. Потрудитесь, батюшка, побойте моему горю». — «Какому, свет?» — «Пропала у меня пара быков, так поворожите». — «Ах, свет! Я теперича слаб, хвор, не знаю, что и делать-то?» — «Сделайте милость! Вот вам, батюшка, за труды сто рублей». — «Ну, так и быть. Становись, свет, перед образом на колени да молись богу: авось откроет». Купеческий приказчик встал перед образом на колени и давай лбом поклоны бить, а поп взял старую книгу, книгу читает, а сам воздыхает. Битый час читал, приказчик аж вспотел. «Ну, свет, — говорит поп, — пропажа твоя нашлася, открыл господь. Ступай за село, там есть лесок, а в том лесу твои быки к сосне привязаны; только иди скорее, а то мошенники дальше уведут».

Приказчик бегом в лес пустился и как сказал поп — так и вышло: стоят быки к сосне привязаны. Воротился приказчик в деревню, благодарит попа и говорит между слов: «Батюшка, мне бы хотелось узнать, кто это спроворил — моих быков увел?» — «Ну, свет, этого нам не дано знать». После того призывает поп дьячка: «Теперь, брат, поправимся. Сто рублей в кармане. На первый раз выкупим ризы да книги; а там посмотрим». — Выкупили ризы и книги.

Два дня спустя рассказывает поп дьячку: «Поди-ка, свет, к нашему барину, сведи с конюшни любимого его жеребца; тогда совсем поправимся». Дьячок дождался ночи и забрался на барский двор; на его счастье кучера были пьяные, он вывел жеребца из стойла да в чистое поле, завел в овраг и привязал около пня. Воротился к попу: «Ну, батюшка, барский жеребец в наших руках». — «Хорошо, свет! Где же ты его спрятал?» — «В овраге».

Поутру просыпаются кучера, смотрят в стойло — нет барского любимого жеребца: где искать? Доложили барину: жеребца де нету. — «Как нету? Где же вы были, чего смотрели? Вот я вас всех передеру, всех в солдаты отдам, коли не сыщете!..» Искали, искали — не нашли — нечего делать, посылает барин за попом, чтобы непременно к нему явился. Пришел поп: «Здравствуйте, барин». — «Здравствуй, поп!» — «Что вам надобно?» — «А вот что, отец, в прошлую ночь у меня воровство случилось: пропал с конюшни жеребец, что ни есть самый лучший; я за него три тысячи заплатил». — «Да, это дело нехорошее». — «То-то и есть. Потрудись, поворожи, а я тебе за хлопоты триста рублей жертвую». — «Надо для вашей милости потрудиться; прикажите мне отвести особую комнату».

Барин приказал отвести ему особую комнату. Поп взял старую книгу, стал у образа и начал читать; битый час читал, а после выходит к барину: «Господь, — говорит, — открыл вашу пропажу мне, грешному, нашелся жеребец». — «Где, батька?» — «А вот в таком-то овраге у пня привязан: скорей поезжай на то место, а то мошенники вечером уведут дальше». Барин нашел жеребца, воротился домой и отдал попу триста рублей с великою благодарностью: «Спасибо, отец, за твои труды».

Поп выкупил на те деньги и остальные церковные вещи и начал опять служить в церкви, да еще порядком осталось — было на что погулять с дьячком, не день, не два, а почитай с целый месяц, коли не больше. Как только узнали прихожане, что поп может ворожить, так все к нему и бро-

сились: у кого курица али поросенок пропадет, тот сейчас к попу и тащится. «Поворожи, батюшка!» — «Подите вы, окаянные, с эдакими пустяками лезете; стану я курицею да поросенком богу надоедать».

Пошла о попе слава по всему околодку. Вот у одного знатного князя пропала как-то из кабинета шкатулка с деньгами, а денег-то было тысяч со сто; свои люди утащили. Князь приказал заложить карету и ехать за попом, чтоб непременно к вечеру его представить. Приехали за попом. «Собирайся,— говорят,— к князю, у него деньги пропали, ворожить надо». Поп думает: «Что ж это дьячок мне ничего про то не сказывал?» Призывает к себе дьячка: «Что же, свет, молчишь? Куда деньги спрятал?» — «Какие деньги? Я ничего не знаю». — «Как не знаешь? Ведь у князя деньги пропали, требует меня ворожить». — «Да я в его вотчине сроду не бывал». — «Боже мой, что делать-то? Что я князю-то скажу; ведь он меня кнудом засечет». — «Что хотите, то и делайте. Мое дело сторона».

Поп — нечего делать — взял свою старую книгу, сел в карету и поехал на княжеский двор. «Здравствуй, батька!» — «Здравствуйте, ваше сиятельство!» — «Ну, слушай; я ведаю, что ты большой мастер ворожить; поворожи-ка мне, у меня пропала из кабинета шкатулка с деньгами, тысяч сто будет. Ежели воротишь — половину тебе дарю». — «Рад потрудиться для вашей милости; только не знаю, как господь откроет». — «Да неужели ж я грешнее того барина, у которого жеребец пропал? Ты — я вижу, батька, постараться не хочешь». — «Никак нет, ваше сиятельство! Прикажете отвести комнату, стану трудиться. Авось господь милостив — и откроет».

Отвели попу особую комнату; зажег он свечу перед образом, положил свою книгу на стол, читает, а сам думает: «Какой ответ дам я князю? Лучше дождусь глухой полночи и как только пропоют третьи петухи, убегу куда глаза глядят и домой не явлюся». Стоит у стола и книгу читать перестал, дожидается, когда улягутся все спать, да петухи пропоют.

А шкатулку-то князеву украли три его камердинера; сошлись они меж собой и говорят: «Что, братцы, как этот ворожейка-поп да нас узнает, ведь все в Сибирь пойдем. Он, проклятый, теперь книгу читает. Чего доброго, пожалуй, и вычитает. Давайте подслушивать у дверей: коли вычитает — так станем его просить, чтоб на нас князю не показывал». Пошел один и стал у дверей подслушивать. Вдруг петухи запели, а поп перекрестился и говорит: «Слава тебе господи, один уже есть; остается двух ждать».

Лакей прибежал к своим товарищам: «Ах, братцы! Одного вычитал; только я к двери, а он и кричит: слава тебе господи, один есть». Пошел другой подслушивать; запели вторые петухи. А поп крестится: «Слава богу, и два есть». — «Эх, братцы, и меня вычитал; только я к двери — сейчас узнал». Третий говорит: «Ну, коли и меня помянет, то пойдем к нему прямо, бросимся в ноги и станем просить, чтобы не выдавал барину». Пошел подслушивать третий, а петухи опять запели. Поп перекрестился: «Слава тебе господи, все три есть!» Схватил книгу подмышку да в дверь бежать, а лакеи ему навстречу — бросились в ноги: «Батюшка, голубчик, не погуби, прости, не сказывай князю, что мы деньги-то унесли». — «Знаю, светы, что унесли; да где спрятали?» — «В саду, батюшка, в озеро, по ка-

нату спущены!» — «Знаю, что в озере, да в каком месте?» — «У такого-то дуба». — «Ну, ладно, ложитесь спать, не бойтесь — не выдам».

Утром призывает князь попа: «Что, батька, твои дела?» — «Слава богу! Господь открыл вашу пропажу». — «Где ж шкатулка?» — «Да в саду — в озере по канату опущена». — «Кто же затащил ее туда?» — «Известно кто — нечистый!» Сейчас вытащили шкатулку, принесли в горницу. Князь отомкнул ее, высыпал на стол золото и разделил на две части: «Ну, поп, бери свою кучу!» Поп стал загребать деньги, а у самого на уме — кабы поскорей удрать домой. Князь не пускает: «Пообедай, батька, у меня; а после обеда велю тебя домой отвезти».

А самому князю жалко стало денег. Вот он изловил молодого жаворонка, принес в горницу и посадил под блюдо, и говорит попу: «Ну-ка, ворожея, отгадай, что под этим блюдом? Коли отгадаешь, твоя будет и другая куча золота, а не отгадаешь, — и прежнюю назад возьму». Поп вздохнул и проговорил про себя: «Вот когда попался, Жаворонок». Князь плюнул: «Ну, батька, твоя взяла. Забирай и остальные деньги». Поп взял и другую кучу. Приехал домой и говорит дьячку: «Вот когда поправились — так поправились; в целую жизнь не пропьешь. Одначе полно ворожить, а то еще в беду попадешь. Давай-ка этой ночью сожжем книгу».

Как скоро стемнело, поп выбрал из дому все деньги и зажег свою избу. Набежали на пожар люди. Поп орет: «Православные, помогите; книгу-то, книгу-то вытащите». Нет, не вытащили. Поп выстроил себе новый каменный дом и зажил с дьячком богато, в свое удовольствие, а ворожить перестал: «Не могу, — говорит, — книга сгорела».

13. ПОП УГОДИЛ В СОЛДАТЫ

Попадья попу говорила: «Поп, что нам Северная пчела принесет?» — «Вестимо, не смолу, а мед; к нам не прильнет — размешаем мы с кутьей да съедим с тобой, любезною попадьей». — «Да нет, поп! Я тебе говорю не задор». Поп рассердился, попадье в шею сунул, пошел полосьмушки клюнул. Не проспится поп ни ночью, ни днем; повезли попа на прием. Поп возопил: «Прощай, моя питательная кутья; оставайся, моя горемышная попадья! Будешь теперь ты ни матушкой, ни маткой, а навеки солдаткой!» Попал поп в солдаты, говорит себе: «Наполню теперь водою ма-нерку, забуду до веку пить горелку; насыплю в ранец сухарей — я солдат, не иерей. Может, заслужу чин генерала, а покамест хоть дойти до кап-рала».

14—15. ПОП, ПОПАДЬЯ, ДЬЯКОН И РАБОТНИК

14

Жил-был поп да попадья, дьякон да дьяконица. Тольки и случись так, што попадья-то полюби дьякона, а ни попа. У папа был казак¹, такой парень работсяга. А йон и узнай, што попадья-то любит не папа,

¹ Батрак (Ред.).

а дзьякона; только и думает, как бы эдак отучить дзьякона ат пападзѣи. а пападзѣю ат дзьякона. Вот ланно! Анной парой поехали яны с папом на пустыш. Пападзѣи и блиной, и пирагов напекла, а сама атпустила сва-во папа с коркай хлеба. Казак смикнул, што яна настряпала для дзьякона. «Постой-ка,—баит,—я те дам знатсь!»

Лишь только поп с казаком уехали, а дзьякон и шмык к пападзѣи и ну угашатсьѣи. Дзело приходит к вечиру. Поп, парабатавши, стал ложить-цѣи спать, а казак: «Пусти-ка,—баит,—батя, я схожу на беседки к дзевкам, а на зари — баит,—опятьсь приду к тебе работатсь».— «Што дзелатсь,—баит поп,—ступай погуляй, да матри приходзи раньше».— «Нешто», баит казак и ушол. Только не к дзевкам, а к пападзѣи — посмотреть, што яна дзелае.

Пришел да пад акном² и слушает. А дзьякон сидит у пападзѣи да и гаварит: «Ну што,—баит,—если поп или казак придет таперичка, куда мне будзет дзеватьцѣя?» — «Я тя,—баит пападзѣи,—спрятаю так, што ни каторый из них не найдзет; вот матри: только лишь стукнет к нам в окно каторый нибудзь, ты скорей под печку». Только лишь яна этое молвила, казак стук в окно. «Хто тама?» — «Я»,—баит. «Зачем ты?» — «Черт бы вас драл с папом-та: день работай, да и ночью покою нет! Откутай-ка»³. — «Ну што?» — «Вишь,—баит,—поп велел заостринныя кольи пад печку пакидать, штобы яны тама высохли».— «Ланно,—баит пападзѣи,—ступай атдыхай; я сама пакидаю».— «Да черт знает, каво из вас слушатсь! Мне батька велел, так я сам перекидаю. Посто-ка. Што это так, как ровна мешае?» — «Эта камни»,—баит пападзѣи.— «Ну, так ланно! прощай покаместо; я опять пойду к папу на пустыш».

Еще гдзе да зари, а уж казак будзит папа: «Ставай,—баит,—батьюшка, пара на работу!» Поп скочил и ну работатсь. Весь день бенной работал — не линился. Приходит ночь. «Пусти-ка, батя, опять меня на беседки; мне нешто полюбилось!» — «Ступай,—баит поп,—да матри, приходзи завстра нонешней порой».— «Нешто!» Пашол, да вместо посидзелок к пападзѣи.

Падашол под окно да и слухат. А дзьякон-та тама так все и гостил. «Ну што,—баит,—если апятсь тот азарник придзет, куды мне дзеватьцѣя-та?» — «Вот уж таперичка знаю,—баит пападзѣи,—я тебя спрятаю туды, што йон уж никогда не найдзет. Матри, как только йон стукнитцѣи пад акном, ты вота в этот мешок, што с рожью-та, и садись, а я тее⁴ завяжу».— «Ланно,—баит,—дзело будет».

Только лишь успела это вымолвить, а казак как тут да и стучитцѣи пад акном. Наш дзьякон как прыснет, развязал мешок и сел в нево, а пападзѣи завизала да и кричит: «Хто там?» — «Я»,—баит казак. «Зачем ты?» — «Вишь поп-та покою мне не дает: день работай, ночью на мельницу поезжай!» — «Экой какой! Да так и быть,—баит пападзѣи,—отдыхни ночь-та, а на мельницу-та съездзишь и завтра, а не то и после-

² Окном (Ред.).

³ Отвори-ка (Ред.).

⁴ Тебя (Ред.).

завтра; а то што теперь за езда! Ступай, ступай, агдахни». — «Да ведь черт знает, каво из вас слухать! Мне што велено, то я и дделаю». Взял мешок, поднял на плечо. «Ох,— баит,— что-та дюжа грузна». Да как с плеча-та фуркнет. Дзьякон только тама здыхат. Вот йон апясть да и апясть: поднимит да кинит, поднимит да кинит. «Ну,— баит,— измучился... Черт с ним, што хочет, то и дделаает, а теперичка ни за што ни паеду на мельницу; и без таво устал. Прощай, матушка».

Паутру ранешинько, а уж казак апясть на работи. Папу ничево ни баит а вчорашнем, работает себе. Апясть вечер на дворе. Наш казак па-прежнему проситцы у папа пагулятьсѣ. «Ступай, братец, да матри приходзи раньши!» — «Небось». Пашол опятьсѣ туды жа, стал пад акном да и слухат. А дзьякон весь избитай, абвязавшись сидзит в переднем углу да охает: «Ох,— баит,— как меня ваш казак изувечил. Беда, как апясть придет!» — «Вот уж таперичка,— баит пападзѣя,— амману — так амману». — «А как?» — «Только лишь йон стукнитцы пад акном, ты,— баит,— скарѣя и пабегай в клева⁵, разденься да распусти волас-та, да и ходи на карачках».

Только лишь успела яна вымолвить, как тут казак и стучитцы; а дзьякон уж давно тама. «Што скажешь?» — «Черт вас дзери и с папом-та! измучился, а он йешшо велел напоить телят». — «Ланно,— баит пападзѣя,— я сама напою». — «Йевота! я сам пойду; гдзе плетсѣя-та? Все ли телята дома?» — «Все». — «Ну так ланно».

Вашол в хлев, поставил пойво; тппррось, тппррось, тппррось! Теляте все падашли, только адзин стоит в углу прижавшись. «Тппррусѣя, бог с тобой, тппррусѣя!» — не идзет. Вот йон и плетсѣю йиво — нейдзет. Вот йишо, йишо да и йишо. Дзьякон видзит ддела неланно, стал на ноги. «А, отсец дзьякон! эта ты? Как так?» — «Малчи, брат,— баит дзьякон,— ни гавари папу; вот тси⁶ сто рублев». — «Ланно, отсец дзьякон,— баит казак,— так и быть — никаму не скажу. Только матри к пападзѣи не ходиты!» Пришол дамой в избу с дзьяконам; а пападзѣя йиму: «Батсющка, вот тси двестси рублев, ни гавари никому». — «Так и быть, хазяющка, никому ни скажу; только матри дзьякона не любитсѣ!»

Наш работник прожил летсину у папа, взял йишо с ниво дзенежек за работу, и стал жить да поживать, да йих паминать.

15

Жил себе поп. Нанимается к нему в батраки дурак. «Что же с меня,— говорит поп,— возьмешь?» Батрак отвечает: «День работать, а ночь на улицу гулять». Поп тому и рад. Вот он день работал с попом в поле; ночь приходит — батрак на улицу пошел. Вернулся домой, стучит в воротах; встречает его попадьѣя. «Что ты, батрак, зачем?» — говорит. — «Да вот день паши, а ночью опять работай на вас,— говорит батрак,— поп велел под печь колья класть — сушить». Приносит батрак колья и начал под

⁵ Хлев (Ред.).

⁶ Тебе (Ред.).

печку пхать; а под печкой-та сидит любовник попадьи — дякон; все ему бока исколол. Дякон жался, жался, не в мочь стало — лезет из-под печки. «Батрак, молчи, пожалуйста, не сказывай, что был у попадьи».

Батрак смолчал; приходит он опять к попу в поле работать. «Ну что, батрак, хороша ли улица была?» — «Эх, батюшка, славная!» Настает вечер, поп опять отпускает его на улицу. Приходит батрак домой, слушает под окном, что попадьё разговаривает с дяконом. «Ну, как дурак опять придет? куда тебе спрятаться?» — «Да куда! В закуту к овцам». Вот батрак стучится: «Отворитя ворота!» — «Что ты?» — спрашивает попадьё. — «То-та, у вас день-то паши, а ночью иди скотину пой!» — «Сама поила». — «Да не знаю: не то поила, не то нет; батька велел напоить».

Батрак выгнал скотину, а дякон с овцами на четвереньках ползет; боится, чтоб как его не признал. Скотина пьет, а дякон уперся — не идет в реку. Вот батрак его раз десять дубиной огрел. «Что ж ты, скотина, нейдешь?» Дякон жался, жался, да домой бежать. Батрак вернулся в избу и давай сажу обметать. «На что это, батрак?» — спрашивает попадьё. — «Я не знаю; так поп захотелось». Намел кошву большую сажу, поставил на полати, а сам пошел к попу в поле пахать.

Вот опять настал вечер — батрак на улицу идет. Слушает опять под окном: дякон тут, али нет? Дякон спрашивает: «Куды-то мне спрятаться будет?» — «Лезь в кошву¹ с сажею — на полатях стоит; авось дурак не догадается», — отвечает попадьё. Батрак застучал в ворота. Попадья спрашивает: «Кто это?» — «Это я, матушка!» — «Зачем ты, батрак?» — «Вот тогда увидишь зачем». Схватил веретье², идет в избу, накрыл кошелку с сажею, где дякон сидел, увязал-упутал, вынес на телегу и повез со двора. «Куда ты? погоди, не езди, поужинай». — «Некогда».

Вот едет он мимо одной мельницы, а навстречу ему помещик. «Что ты, мужик, везешь?» — «Черта везу». — «Покажи, пожалуйста, чтой-то за черт? Я сроду не видал!» Отвечает батрак: «Нет, он уйдет; показать нельзя». — «Что же он тебе стоит?» — «Сто рублей». — «Покажи». — «Да ведь уйдет!» — «Я тебе плачу сто рублей за эвто». Батрак развязал и говорит дякону: «Смотри же, беги прямо в речку». Как выскочит дякон, как бросится — бултых в воду! Барин ужаснулся: «Эх, жаль, — говорит, — ведь взаправду ушел». Отдает барин батраку деньги, а он, получивши сто рублей, поехал к попу в поле. «Что ж, батрак, хороша ли улица была?» — «Еще какая знатная!»...

Целой день они работали; настает ночь, батрак опять на улицу просятся. Приходит, слушает под окном, дякон опять говорит попадьё: «Экая шельма! Как он меня осрамил. Ну, — говорит, — завтра я сам в поле поеду — пахать стану». — «А я тебе, — отвечает попадьё, — наварю каши, на жарю поросятинки, лепешек наделаю, полуштоф вина припасу да все и принесу. Да как тебя найти?» — «Я буду по дороге стружки стругать; по тем стружкам прямо ко мне придешь. А лошадь у меня, сама знаешь, пегая — не то, что у попа, вороная».

¹ Кошва — телега для возки дров, снопов и т. п. (Ред.).

² Веретье — полотнище из грубой ткани (Ред.).

Вот поутру встает попадья и принимается обед готовить, а батрак уже давно к попу воротился. Стали пахать. Пахали, пахали. «Что, батрак,— говорит поп,— а не пора ли обедать?» — «Нет, ище рано. Погоди маленько, нам попадья принесет славной обед». — «Эх, батрак, она сродясь не нашивала». — «Небось, батюшка, принесет». Тут батрак взял — скинул с себя белые портки и навязал на свою лошадь, а стружки уж он давно перетаскал к себе на дорогу. Вот попадья несет обед по стружкам. «Батка! Смотри-ка, вон попадья идет, обед несет». — «И то никак она». Попадья увидела, что не туда попала, хотела было назад воротиться, а батрак во все горло кричит: «Сюда, сюда неси, матушка». Нечего делать, пошла прямо; поп обрадовался, бежит к ней, гриву растрепав: «Ай да мать! Право слово умница». А батрак стоит без портков. «Прости,— говорит,— матушка, что без порток пахал, вишь какая жара».

Вот сели они обедать; попадья глядь-глядь по сторонам: «Это кто там пашет?» — «Отец дьякон», — говорит поп. «Позови, поп, дьякона, а то скажет: вишь, не позвал». — «Батрак, поди позови». Батрак пришел к дьякону и говорит: «Ну, отец дьякон, поп узнал, что ты с его попадьею живешь, хочет топором тебя срубить. Нарочно затем и зовет тебя». Дьякон не пошел. Батрак приходит и говорит попу: «Нейдет — не хочет». Попадья говорит: «Эй, поп, поди сам, позови». Поп пошел. Батрак и кричит ему: «Захвати, батюшка, топор, у него собаки злы». Поп захватил топор.

Вот дьякон увидел, что поп идет с топором, да скорее бежать с пашни; поп за ним. «Что ты, дьякон, постой, постой!» — Нет, тот все улепечивает. Попадья за ними след. Батрак подобрал все съестное-та, вышел на большук дорогу, сел, поедает да водочку попивает.

Наезжает на него помещик с борзыми и гончими собаками. «Не видал ли ты, мужик, каких зверей тут?» — «Э, да вон тут побежал в яругу волк, за волком медведь, за медведем лисица». Помещик кинулся в яругу, выпустил всех гончих и видит: поп бежит за дьяконом, попадья за попом... Плюнул и поехал куда ему надобно.

16. ПОП У БАБЫ И БАТРАК

Жил мужик (хохол) да баба; у них был работник — хитрый, молодой. И повадился к той бабе поп ходить; как только услышит, что мужа дома нет, сейчас и прибежит к ней. Работник это заметил. Вот дело было в самый сенокос — собрался мужик вечером ехать к морю за песком, запряг лошадей и выехал на улицу. «Послушай, хозяин,— говорит работник,— не ездн нонче за песком, воротись потихоньку назад,— увидишь, как твоя жена с попом гуляет». — «Как же мне это сделать?» — «А вот как». Взял работник лошадей, поворотил назад в сарай и говорит хозяйину: «Вот тебе нож и мешок; садись в мешок, я тебя завяжу, а вот как хозяйка пошлет меня за щепками — я тебя и принесу в избу. Тогда сам узнаешь, как твоя жена с попом прохлаждаются. Станут они пить, гулять и меня с собой посадят, а после заставят петь песни. Ты хорошенько слушай, что я запою — так ты и делай».

Завязал мужика в мешок и пошел в избу. «Что, проводил хозяина?» — спрашивает работника баба. — «Проводил». — «Ну, ступай скорей — позови попа». Работник сбегал за попом; сели они за стол, стали угощаться. «Ну, работник, садись с нами; ведь ты, чай, совсем управился». — «Со всем, хозяйшка! только вот щепок надо принести — завтра печь топить по утру». — «Ну, ступай, — принеси». Работник побежал в сарай, притащил в избу мешок и положил под печку. Принялись они пить, гулять, песни затягивать. Поп порядком-таки подкутил и говорит работнику: «Спой-ка, свет, ты нам песенку». — «Нет, пускай прежде хозяйшка споет». Хозяйка затянула: «Ой, поихав мой Григорий! Да поихав вин до моря! Ой, бог знае — ой, бог висть, чи буде вин дома!» Потом запел работник: «Да чи чуешь ты, Григорий, што твоя жена говорить? Возьми нож, мех пореж; бери швидче макогон¹, давай жинки перегон — жинку раз, попа два... трантата-трантата» — «Славная песня, — говорит поп, — вот тебе за нее стакан водки! Спой-ка еще разок».

Работник запел в другой раз; мужик разрезал мешок, выскочил из-под печки, ухватил макогон и давай лупить бабу — раз, попа — два. Поп на силу выбрался; в окно улизнул.

17. ПОП РЖЕТ КАК ЖЕРЕБЕЦ

В некотором селе жил-был поп, великий охотник до молодых баб: как только увидит, бывало, в окне, что мимо двора его идет молодка — сейчас высунет голову и заржет по-жеребьячи. На том же селе жил один мужик, у которого жена была очень хороша собой. И ходила она каждый день за водою мимо поповского двора; а поп только усмотрит ее — сейчас высунет в окно голову и заржет. Вот баба пришла домой и спрашивает у мужика: «Муженек, скажи, пожалуй, отчего это; иду я за водой мимо попова двора, — а поп на всю улицу ржет по-жеребьячи». — «Эх, дура баба! Это он тебя любить хочет. А ты смотри, как пойдешь за водой и станет поп ржать по-жеребьячи: иго-го! — ты ему и сама заржи тонким голосом: иги-ги! Он к тебе сейчас выскочит и попросится ночевать с тобой; ты его и замани; вот мы попа-то и обрабатываем: пусть не ржет по-жеребьячи».

Взяла баба ведро и пошла за водой. Поп увидел ее из окошка и заржал на всю улицу: «иго-го! иго-го!». А баба в ответ ему заржала: «иги-ги, иги-ги». Поп выскочил, надел подрясник, выбежал из избы к бабе: «Что, Марьюшка, нельзя ли того...» — «Можно, батюшка! вот муж собирается в город на ярманку, только лошадей нигде не добудет». — «Ты давно бы сказала! присылай его ко мне — я дам свою пару лошадей и с повозкой: пусть себе едет». Воротилась баба домой и говорит мужу: так и так, бери у попа лошадей.

Мужик сейчас собрался и прямо к попу, а поп давно его ждет. «Сделайте милость, батюшка, дайте пару лошадей на ярманку съездить». — «Изволь, изволь, свет!» Запряг мужик поповых лошадей в повозку, при-

¹ Макогон — деревянный пест, которым толкут мак (Ред.).

ехал домой и говорит жене: «Ну, хозяйка, я выеду за деревню, постою немножко, да и назад. Пусть поп приходит к тебе гулять, а как я ворочусь, да застучу в ворота, он испугается и станет спрашивать: где-бы спрятаться? Ты и спрячь его в этот сундук, что с голанской сажей стоит; слышишь?» — «Ладно!»

Сел мужик в повозку и поехал за деревню. Поп увидел и сейчас бросился к бабе: «Здравствуй, Марьюшка!» — «Здравствуй, батюшка, теперь нам своя воля — погуляем! Садись-ка за стол да выпей водочки». Поп выпил рюмку и не терпит ему: поскидал с себя рясу и сапоги... Вдруг как застучат у ворот. Поп испугался и спрашивает: «Кто это, Марьюшка, стучится?» — «Ах, батюшка, ведь это мой муж домой приехал, кажись что-то позабыл». — «Куда ж мне-то, свет, спрятаться?» — «А вон порожний сундук стоит в углу, полезай туда». Поп полез в сундук и прямо попал в сажу; улеся там, еле дышит; баба сейчас закрыла его крышкой и заперла на замок.

Вошел мужик в избу. Жена и спрашивает: «Что воротился?» — «Да позабыл захватить сундук с сажею; авось на ярманке-то купят. Пособи-ка на повозку снести». Подняли они вдвоем сундук с попом и потащили из избы. «Отчего он такой тяжелый, — говорит хозяин, — кажись совсем порожний, а тяжел?» А сам тащит-тащит, да нарочно об стенку или об дверь и стукнет. Поп катается в сундуке и думает: «Ну, попал в добрый капкан». Втащили на повозку; мужик сел на сундук, и поехал на поповых лошадях в город; выехал на дорогу, как стал кнутом помахать да коней постегивать, помчались они во весь дух.

Вот едет ему навстречу барин и говорит лакею: «Поди, останови этого мужика, да спроси — куда так шибко гонит?» Лакей побежал и кричит: «Эй, мужичок, стой, стой!» Мужик остановился. «Барин велел спросить, что так шибко гонишь?» — «Да чертей ловлю, оттого шибко и гоню». — «Что же, мужичок, поймал хоть одного?» — «Одного-то поймал, а за другим гнался, а вот ты помешал. Теперь за ним не угонишься». Лакей рассказал про то барину; так и так, одного черта мужик поймал. Барин сейчас к мужику: «Покажи, братец, мне черта; я с роду их не видывал». — «Дашь, барин, сто рублей — покажу». — «Хорошо», — сказал барин.

Взял мужик с барина сто рублей, открыл сундук и показывает, а в сундуке сидит поп весь избитый да вымазанный сажею, с растрепанными пátлами. «Ах, какой страшный, — сказал барин, — как есть черт! Волосы длинные, рожа черная, глазища так и вылупил». Потом мужик запер своего черта и опять поскакал в город. Приехал на площадь, где была ярманка, и остановился. «Что, мужик, продаешь?» — спрашивают его. «Черта», — отвечает он. — «А что просишь?» — «Тысячу рублей» — «А меньше как?» — «Ничего меньше. Одно слово тысячу рублей». Тут собралось около мужика столько народу, что яблочку упасть негде. Пришли двое богатых купцов, протолкались кое-как к повозке. «Мужик, продай черта!» — «Купите». — «Ну что цена будет?» — «Тысяча рублей, да и то за одного черта без сундука, сундук-то мне нужен: коли еще поймаю черта, чтоб было куда посадить».

Купцы сложились и дали ему тысячу. «Извольте получить!» — говорит мужик; открыл сундук. Поп как выскочит — да бежать! Прямо в толпу бросился, а народ как шарахнется от него в разные стороны... Так поп и убежал. «Экой черт! К эдакому коли попадешься, совсем пропадешь!» — говорят купцы промеж себя. А мужик воротился домой, отвел к попу лошадей. «Спасибо, — говорит, — батюшка, за повозку; славно торговал, тысячу рубликов зашиб!»

После того баба его пошла за водой мимо попава двора, увидала попа, и ну ржать: иги-иги-иги! «Ну, — сказал поп, — муж твой славно меня угигикал!» С тех пор перестал поп ржать по-жеребьячи.

18. МУЖ ДА ЖЕНА

Жил мужик да баба; она была больно востра, не любила мужика, любила попа; сама не работала, да и мужу не давала, все больной прикидывалась, да посылала в разные места за лекарствами: хочется как-нибудь да извести мужа. Вот посылает его раз в Ревель¹ за лекарем. Муж пошел, повстречался с мужиком. Тот спрашивает: «Куда идешь?» — «Да жена больна, иду приискать лекаря». — «Давай, я вылечу». — «Пойдем, батюшка! Помоги Христа ради, замучилась бедная».

Вот вернулись, стали подходить к избе; лекарь и говорит: «Погодит-ко на дворе, дай я наперед посмотрю, что с ней деется?» «Заглянул в окно — она с попом гуляет, харчей, вина и браги — всего вдоволь. Он и просится: «Хозяюшка, пусти ночевать». Она было не хотела, да поп говорит: «Пусти, ведь он не знает: ни кто ты, ни кто я».

Пустила его в избу и накормила-напоила, мужик говорит: «Хозяюшка, мне бы соломки надобно». — «Пойди в пелевню², возьми сколько надобно». Он пошел, завернул хозяина в солому и принес в избу. После ужина баба с попом заплясала. «Мужичок, — говорит, — спой песенку». — «Прежде ты спой, а потом я спою». Она пляшет и поет: «Пошел мужик до Ревеля, пошел мужик до лекаря; ему дома не бывать, жены не видать». А мужик запел: «Слышишь ли, солома, что деется дома? Кнут висит на стене, быть ему на спине». Мужик выскочил из соломы и ну дуть попа да хозьяйку. Важно отдул. Перестала хворать.

19. ХИТРАЯ БАБА

Жил-был мещанин, у него была пригожая жена. Жили они и прожились. И говорит жена мужу: «Надо нам с тобой поправиться, чтоб было чем свои головы прокормить». — «А как поправиться?» — «Уж я придумала, только не ругай меня». — «Ну, делай, коли придумала». — «Спрячься-ка, — говорит жена, — да выжидай; а я пойду приведу к себе гостя, ты и застучи: тут мы дело и обделаем». — «Ну, хорошо!» Вот взяли они короб,

¹ Таллин (Ред.).

² Пелевня — сарай для мякины (пелевы) (Ред.).

насыпали сажеею и поставили на полатях. Муж спрятался, а жена набелилась, нарумянилась, убралася и вышла на улицу, да и села подле окошечка — такая нарядная.

Немного погодя едет мимо верхом на лошади поп, подъехал близко и говорит: «Что, молодушка, нарядилася, али у тебя праздник какой?» — «Какой праздник, с горя нарядилася: теперь я одна дома». — «А муж где?» — «На работу уехал». — «Что ж, голубушка, твоему горю пособить можно; пусти-ка меня к себе в гости, так и не будешь одна ночь коротать». — «Милости просим, батюшка!» — «Куда ж лошадь девать-то?» — «Веди во двор. А я велю батраку прибрать ее».

Вот вошли они вдвоем в избу. «Как же, голубушка, надо наперед выпить; вот целковый — посылай за вином». Принес батрак им целый штоф водки; они выпили и закусили. «Ну, теперь пора и спать ложиться», — говорит поп... Поп только улегся на кровать, как муж застучал шибко-нашибко. «Ох, беда моя! Муж воротился! Полезай, батюшка, на полати и спрячься в короб!» Поп вскочил в короб и улегся в саже. А муж идет в избу да ругается: «Что ты, мать твою разъедак! Дверь долго не отворяешь!»

Подошел к столу, выпил водки стакан и закусил; вышел потом из избы и опять спрятался, а жена поскорей на улицу и села под окошечком. Едет мимо дьякон. С ним то ж случилось. Как застучал муж, дьякон, раздетый догола, чебурах в короб с сажеею и прямо попал на попа: «Кто тут?» — «Это я, — говорит поп шепотом. — А ты, свет, кто?» — «Я, батюшка, дьякон». — «Да как ты сюда попал?» — «А ты, батюшка, как? Уж молчи, чтоб хозяин не услышал, а то беда будет».

Потом таким же образом заманила к себе хозяйка дьячка. Очутился и он в коробе с сажеею; ощущал руками попа и дьякона: «Кто здесь?» — «Это мы, я и отец дьякон, — говорит поп, — а ты, кажись, дьячок?» — «Точно так, батюшка». Наконец пошла хозяйка на улицу и звонаря заманила. Звонарь только разделся, как раздался шум и стук, он бултых в короб: «Кто тут?» — «Это я, свет, с отцом дьяконом и дьячком; а ты, кажись, звонарь?» — «Так точно, батюшка». — «Ну, свет, теперь весь причт церковной собрался».

Муж вошел и говорит жене: «Нет ли у нас сажи продажной? Спрашивают, купить хотят», — «Пожалуй, продавай, — говорит жена, — на полатях целый короб стоит». Взял он с батраком, взвалил этот короб на телегу и повезли по большой дороге. Едет барин: «Сворачивай!» — кричит во всю глотку. — «Нельзя, у меня черти на возу» — «А покажи», — говорит барин. — «Дай пятьсот рублей!» — «Что так дорого?» — «Да коли открою короб, только и видел их: сейчас уйдут». Дал ему барин пятьсот рублей: как открыл он короб — как выскочил оттуда весь причт церковный да во всю прыть бежать — настоящие черти, измазанные да черные.

20. ХИТРАЯ ЖЕНА

Жил-был бедняк чеботарь¹, ничего за душой не было, и пошел он на выдумки; попросил товарищей придти с утра на свой пустырь с лопатами да носилками и обещал им за то выставить на последние деньги ведро водки, и начали они на улице рвы копать. Увидал то богатой купец и стал спрашивать бедного: «Что он делает?» А парень в ответ: «Хочу дом каменный ставить, так вот рвы копаю».

Купец поверил. На другой день посватался парень за купеческую дочь. Купец обрадовался: «У него, вить,— думает,— деньги есть». И выдал за него свою Машу. А Маша была куда хитра. Видит, что у мужа нет ничего, и вздумала поправиться; оделась в цветные платья и пошла гулять по городу; подходит к монастырю, видит — стоит у ворот монах. Она к нему под благословение. Монах благословил, да и позарился на бабу: «Зачем,— говорит,— милая, сюда зашла?» — «Да что от вас, отец святой, утаишь, а от бога-то нет; по правде сказать, погулять хочется...» — «Ну, это ничего. Хочешь ли со мной познакомиться?» — Маша ответила, что не прочь с ним знакомство свести, коли даст за то сто рублей, объявила ему свою квартиру и велела приходить вечером. Воротившись домой, рассказала про все мужу, села под окошечко и дожидается гостя.

Как только стемнело, а монах уж тут. «Ах, это вы, душенька! — встречает его Маша.— Пожалуйста сюда!» Впустила его в комнату. Монах снял свой клобук и рясу, взял Машу, посадил к себе на колени.— «Постойте,— говорит Марья Гавриловна,— отдайте наперед, ваше преподобие, рядные деньги». Монах вынул деньги и отдал сто рублей. Хозяйка взяла, а муж подошел тут к двери и давай кричать сердито: «Эй, шкура! Отпирай двери!» Монах испугался: «Что такое?» — «Ах, милушка, ведь это мой хозяин пришел, да никак еще пьяный». — «Ох, куда ж я-то деваюсь?» — А у чеботаря стояла большая кадка, в которой мочил он кожи; Марья Гавриловна посадила туда монаха и закрыла крышкой; потом, отперла дверь ипустила мужа. Он вошел и закричал: «Что, курва, намочила ль кожи?» — «Намочила, голубчик!» — «Врешь». — «Да хоть сам посмотри». Он поднял крышку, заглянул в кадку и заревел. «Это что за черт сидит?» — Ухватил монаха за волосы, вытащил из кадки и ударил об пол, да таково крепко, что из него и дух вон. Что тут делать? Взял мертвое тело и положил пока в подполье.

На другой день Маша нарядилась и пошла опять прогуляться, дошла до монастыря, встретила иного монаха и того к себе на ночь подговорила. Пришел святой отец в гости и только было хотел разговеться, как муж в дверь застучал. Монах с испугу под печь схоронился, где лежали старые колодки. Вошел муж в избу: «Ну, что, шкура, нашла мои колодки?» — «А я тебе что за слуга! Ищи сам, коли надо». Он взял свечку, заглянул под печку, увидел монашьи ноги: «Это что за ноги?» Ухватил монаха, вытащил, ударил об пол и убил до смерти, а убивши, спрятал в подполье.

¹ Сапожник (Ред.).

На те деньги, что жена взяла с гостя, купили они вина и закусок и пиروвали себе, как ни в чем не бывало.

На третий день Марья Гавриловна подговорила третьего монаха, взяла с него сто рублей и запрятала в печь. Муж вошел в избу, и просит у жены поест. А она говорит: «Что есть в печи, то и на стол мечи!» Чеботарь открыл заслонку и закричал: «Это что за гусь в печи?» Вытащил монаха за длинные космы, ударил об пол, убил до смерти и бросил в подполье. После того думает он себе: «Куда ж я их деваю?» Взял три рубля денег и пошел в кабак, а там на ту пору пьяница Тимошка Кавардак. Стали они вместе пить да гулять; выпили целый штоф. Тимошка просит приятеля: «Возьми еще полштофа». — «Как же? За что тебя поить-то?» — «Всем заслужу! Только прикажи». Чеботарь купил ему полштофа, вывел его в сени и говорит: «Надо-де снести мертвого монаха; залез ко мне в голбез², да там и окачурился». — «Ишь его леший занес куда! Да ладно, — говорит, — все сделаю».

Пошли они домой; ночью взвалил Тима монаха на плечи и понес в воду; прилучилось ему идти мимо монастыря; около ворот стоит придверник и окликает: «Кто идет?» — «Черт», — отвечает Тима. «Кого несет?» — «Монаха!» — «Ахти, какая беда! Да куда ж он несет?» — «В воду». Придверник побежал к настоятелю с докладом: «Ваше преподобие, черт-де монаха унес!» Настоятель оградил себя крестным знамением: «Что ты, дурак, бредишь!» — и прогнал его вон. Тима успел уже бросить одного мертвеца в воду и воротился к чеботарю. «Ну, — говорит, — обработал дело, снес монаха». — «А это что?» — отвечает ему чеботарь и показывает на другого монаха; он вытащил его из подполья. Тима давай пихать мертвеца ногами: «Ах ты, дьявол длинногривый, прежде меня успел назад прибежать!»

Схватил его за плечи и потащил опять тою же дорогою. Монастырский привратник опять спросил Тимошку, получил прежние ответы и побежал снова с докладом к его преподобию. Настоятель диву давался и велел пересчитать монахов. Пересчитали — трех как есть недостает. Настоятель крепко смутился, взял крест в руки, велел монахам поднять иконы и обходить монастырь крестным ходом. Надо же отстаивать себя от нечистой силы. Пока все это готовилось, Тиме пришлось стащить в воду третьего мертвеца: «Ишь — говорит Тима, — ты все из воды бегаешь? Так я же ухитрюсь, свяжу тебя веревкою по рукам и по ногам, авось в омуте останешься».

Спутал мертвецу руки и ноги, стянул крепко-накрепко, выпил стакан другой вина и понес к реке. Идет мимо монастыря, а навстречу ему сам настоятель и иноки, с крестами, образами и хоругвиями, тянутся вереницею и поют псалмы: «Кто идет?» — спрашивает опять привратник. — «Черт!» — «Что несет?» — «Монаха!» — «Куда?» — «В омут!» Монахи испугались, побросали кресты и образа и пустились — кто куда попало. А Тима им вдогонку: «Вот я до вас доберусь! Ложи их! Держи их!» Тем дело и кончилось.

² Голбез — голбец.

21—22. НИКОЛА ДУПЛЯНСКИЙ

21

Жил-был старик, у него была жена молодая. Повадился к ней в гости ходить парень, Тереха Гладкий. Опознал про то старик и говорит жене: «Хозяйка, я был в лесу, Миколу Дуплянского нашел: о чем его ни попросишь — то и дает тебе». А сам наутро побежал в лес, нашел старую сосну и залез к ней в дупло.

Вот баба его напекла пирогов, колобов да масляных блинков и пошла в лес молиться Миколу Дуплянскому. Пришла к сосне, увидала старика и думает: «Вот он, батюшка, Микола Дуплянский-то!» — Давай ему молиться: «Ослепи, батюшка Микола, моего старика». А старик отвечает: «Ступай, женка, домой и будет твой старик слеп; а зобенку¹ с пирогами оставь здесь». Баба оставила зобенку с пирогами у сосны и воротилась домой.

Старик сейчас вылез из дупла, наелся пирогов, колобов и блинков, высек себе дубинку и пошел домой. Идет ощупью, будто слепой. «Что ты, старичок, — спрашивает его жена, — так тихо ползешь?» Разве не видишь?» — «Ох, женушка, беда моя пришла, ничего-таки не вижу». Жена подхватила его под руки, привела в избу и уложила на печку. В вечеру того ж дня пришел к ней дружок, Тереха Гладкий. «Ты теперича ничего не бойся, — говорит ему баба, — ходи ко мне в гости, когда хочешь. Я нынче ходила в лес, молилась Миколу Дуплянскому, чтобы мой старик ослеп; вот он воротился намеренно домой и уж ничего не видит».

Напекла баба блинов, поставила на стол, а Тереха принялся их уписывать на обе щеки. «Смотри, Тереха, — говорит хозяйка, — не подавись блинами, я схожу, масла принесу». Только вышла она из избы по масло, старик взял самострел, зарядил и выстрелил в Тереху Гладкого; так и убил его насмерть. Тут соскочил старик с печки, свернул блин комом, будто он сам подавился; сделал так и влез на печь. Пришла жена с маслом, смотрит: сидит Тереха мертвый. «Говорила тебе, не ешь без масла, а то подавишься, так не послушал: вот теперь и помер». Взяла его, сволокла под мост и легла одна спать.

Не спится ей одной-то, и ну звать к себе старика; а старик говорит: «Мне и здесь хорошо». Полежал-полежал старик и закричал ровно во сне: «Жена, вставай! У нас под мостом Тереха лежит мертвый». — «Что ты, старик? Тебе во сне привиделось». Старик слез с печки, вытащил Тереху Гладкого и поволок к богатому мужику, увидел у него бадью с медом, поставил около бадьи Тереху и дал ему в руки лопаточку, будто мед колукает. Смотрит мужик, кто-то мед ворует, подбежал, да как ударил Тереху по голове, тот на землю и повалился, аки мертв. А старик выскочил из-за угла, схватил мужика за ворот: «За что ты парня убил?» — «Возьми сто рублей, только никому не сказывай!» — говорит мужик. — «Давай

¹ Корзину (Ред.).

пятьсот, а то в суд поволоку». Дал мужик пятьсот рублей. Старик подхватил мертвеца и поволок на погост; вывел из поповой конюшни жеребца, посадил на него Тереху, привязал вожжи к рукам и пустил по погосту. Поп выбежал, ругает Тереху и хочет его изловить; жеребец от попа да прямо в конюшню, да как ударит Тереху Гладкого об перекладину, он упал и покатился на землю. А старик выскочил из-за угла и ухватил попа за бороду: «За что убил парня? Пойдем-ка в суд». Делать нечего, дал ему поп триста рублей, только отпусти да никому не сказывай, а Тереху похоронил.

22

Жил-был поп с попадьей; завела попадья себе любовника. Батрак заметил то, и стал ей всячески помеху творить. «Как бы избыть его?» — думает попадья и пошла за советом к старухе-знахарке, а батрак с ней давно сделался. Приходит и спрашивает: «Родимая, бабушка, помоги мне, как бы работника с попом извести». — «Поди, — говорит старуха, — в лес; там явился Никола Дуплянский, его попроси — он тебе поможет».

Побежала попадья в лес искать Николу Дуплянского. А батрак выпачкался сам весь и бороду свою выпачкал мукой, влез на ель и кряхтит. Попадья глядь — и увидала: сидит на ели белый старец. Подошла к ели и давай молить: «Батюшка Никола Дуплянский! Как бы мне извести батрака с попом?» — «О, жено, жено, — отвечает Никола Дуплянский, — совсем извести грех, а можно ослепить. Возьми завтра напеки побольше да и масляней блинов; они поедят и ослепнут; да еще навари им яиц: как поедят, так и оглохнут».

Попадья пошла домой и давай творить блины. На другой день напекла блинов и наварила яиц. Поп с батраком стали собираться в поле; она им и говорит: «Наперед позавтракайте!» И стала их потчевать блинами да яйцами, а масла так и поливает — ничего не жалеет. «Кушайте, родимые, маслянее. Мокайте в масло-то, поскусней будет». А батрак уж и попа научил, пошли они и стали говорить: «Что-то темно стало». А сами прямо-таки на стену лезут. «Что с вами, родимые?» — «Бог покарал, совсем ослепли».

Попадья отвела их на печь, а сама позвала своего дружка и стала с ним пить-гулять и веселиться... Тут поп с батраком слезли с печи и ну их валять со всего маху: важно отдули.

23. МОНАХ И ИГУМЕНЬЯ

В одном городе было два монастыря, вот хоть бы так, как у нас в Питере: Невский да Смольный. В одном монахи, в другом монашенки. Вот хорошо. Повалился один молодой монах ходить к монашенке, а чтоб не узнали, всегда наряжался в женское платье. Бороды у него еще не было, а волосы у попов да у монахов все такие ж по-бабьему положению. Видят все, что к монашенке часто гостя жалует, ну да что за беда! А она уж брюхата стала. Дали знать про то игуменье. Игуменья дает приказ: «Коли кто придет к той монашенке, тотчас доложить».

Вот на другой день приходит монах к своей полюбовнице. Увидели его келейницы и побежали к матушке-игуменье. «Пришла-де какая-то женщина в гости». Игуменья приказала вытопить баню и всем, кто только есть в монастыре, идтить париться. Нечего делать, собрались все монашенки. Повели и гостью с собой. Пришли в баню и стали раздеваться. Монах разделся да поскорее на полоч, забился в уголке и не знает, как ему быть? У него на шею висел крест на тесемке. Отвязал... [крестом, который ниже пояса повесил, «стыд» прикрыл]. Вот игуменья надела очки, взяла в руки свечку и стала обходить всех монашек да осматривать, нет ли кого между ними... Стала игуменья к монаху приглядываться, подошла поближе, нагнулась... [тут тесемка и оборвалась, крест нательный отлетел в сторону] да прямо игуменья в левый глаз попал.— «Ай господи! С нами пресвятая богородица!» — закричала игуменья и схватилась за левый глаз. А глаза как не бывало — совсем-таки вышиб! Пока что — монах уже высочил из бани и убежал голый. Игуменья осталась кривою.

Прошло время — монашенка родила. Я и на крестинах был, только не разобрал: кого бог дал — мальчика или девочку?

24. РАЙСКАЯ ДУДКА

Жили-были три брата: двое умных, а третий Иван-дурак. Вырыл дурак яму. «Стану,— говорит,— волков ловить». Вот в первую же ночь попал в яму серый волк. Дурак пошел и выпустил его на волю. Приходит домой, братья и спрашивают: «Что, поймал?» — «Нет, братцы, попалась в яму попова собака, я ее назад выпустил». — «Какая собака?» — «Да, такая серая, большущая, глаза так и светятся.» — «Да ведь это волк.» — «Ну, пусть в другой раз попадет; ни за что не выпущу».

На другую ночь попала в яму лисица. Дурак пошел и ту выпустил. «Что, поймал?» — спрашивают опять братья. «Нет, братцы, попалась попова кошка с большим пушистым хвостом». — «Эх ты, дурак, ведь это лиса.» — «Ну, пускай в другой раз попадется — от меня не увернется».

На третью ночь попала в яму какая-то деревенская баба. Дурак пошел. «Ага,— говорит,— попалась!» Взял дубину, убил ее до смерти и волочит домой. «Дурак, где взял мертвую бабу?» — спрашивают братья. — «Какая баба? Это лисица — в яму попала, я ее поленом и доконал!» — «Ах ты, бестолочь эдакая! С тобой беды наживешь». И задумали умные братья бросить дурака и бежать от него — в иное место жить. Сговорились и собрались бежать ночью; только дурак подслушал их уговор, взял ступу и побежал вслед за ними. Братья в лес, и он в лес. Так и не ушли от дурака. Что тут делать? Время ночное, пришлось в лесу ночевать. Вот они влезли все трое на деревья, уселись на ветках и сидят себе.

На ту пору ехали мимо купцы-разносчики. «Что нам плутать-то ночью? — говорят меж собой. — Остановимся у этого дерева, отдохнем до утра, а как станет светать, тогда и в путь поедем». Остановили возы, распрягли лошадей и сели под тем самым деревом, где дурак спрятался, развели костер и давай варить кашину. [Следует неудобный для печати эпизод, как дурак напугал купцов]. Купцы всполошились да — бежать,

и ушли в разные стороны, весь товар покидали. Братья слезли наземь и поделили меж собой. Умные взяли себе красный товар, а дурак — целый воз ладану.

Сейчас положил его в кучу, зажег и пустил хвалу к богу. Только прилетает к нему ангел божий и говорит: «Ну, мужичок, за то, что ты не пожалел целого воза ладану и пустил такую хвалу богу, сказывай, чего ты желаешь? Все тебе дано будет». — «Дай мне, — говорит дурак, — что у бога в раю за дверьми висит». Ангел полетел и принес ему дудочку.

Вот дурак взял райскую дудочку, пошел к попу и нанялся в работники — лошадей пасти. И что же? Как только пригонит дурак лошадей в поле, то и начнет играть на своей дудочке, а лошади в пляс пойдут. Так целый день — он на дудочке играет, а лошади пляшут да пляшут — исхудали бедные. Спрашивает поп работника: «Что у тебя животные-то исхудали, на какой траве пасешь их?» — «На хорошей, батька; лучше нигде не сыскать». — «Дай сам погляжу», — думает поп.

На другой день дурак погнал лошадей в поле, а поп собрался да следом за ним и залез в терн. Дурак пригнал поповские животы¹, сел под кустик, вынул дудочку и принялся наигрывать. Стали лошади плясать. Схватился поп трепака откалывать; уж он плясал-плясал, весь-то ободрался, искололся, и до тех пор выдывал ногами всякие штуки, пока дурак играл. Измаялся поп, еле ноги тащит, прибрел кое-как домой и говорит попадье: «Ну, матка, у нашего работника есть такая дудка, что коли заигрывает, то и мертвый распляшется, а живому и удержу нет». — «Ах, батька, как бы мне послушать?» — «Сама проси, а с меня уж будет; я и слушать не стану».

Вечером, только работник пригнал лошадей, попадьа и просит: «Заиграй, пожалуйста!» — «Хорошо», — говорит дурак. Поп услышал, живо побежал на чердак и спрятался в сундук, а попадьа на ту пору квашню месила. Вот дурак достал дудочку и заиграл — пошла попадьа по избе плясать вместе с квашнею, а поп, сколько ни крепился, не мог выдержать: выскочил из сундука и ну по чердаку отжаривать, и до тех пор плясал, пока с чердака упал, да работник играть перестал. Смотрит поп, а попадьа до того доплясалась, что язык высунула. «Ах, матка, — говорит поп, — наняли работника себе на беду, на горе. Давай, убежим из дому!» — «Убежим, батька!»

Вот они с вечера наклали целый мешок книжек и поставили в угол. Дурак потихоньку выбрал из мешка все книжки и залез в него сам. Ночью поп проснулся и будит попадью: «Вставай, матка, бежать пора». Подняли они мешок и пошли из дому. Шли, шли, вдруг работник как закричит из мешка: «Что ж ты, батько, возьми и меня с собою!» — «Ах, проклятый! Гонится за нами следом; побежим скорей, матка». И припустили бежать, сколько силы хватило. Бежали-бежали, утомились и стали было опять шажком идти, тут работник как закричит: «Батько, возьми меня с собою!» Они опять принялись бежать; так, наконец, измаялись, что и ноги не держат. «Ну, что будет — то будет, а остановимся здесь отдохнуть», —

¹ Лошадей (Ред.).

говорит поп. Бросил мешок на земь, глядь — лезет оттуда работник. «Не стыдно ль тебе, батюшко, сам пошел с матушкой, а про меня и забыл».

Вот все трое подошли к реке и остановились ночевать на берегу. Поп положил работника с край реки и говорит попадье: «Как только заснет батрак, ты его и столкни в воду». Работник подслушал эти речи и не спит, ворочается; прошло не много, не мало времени, уснули и поп и попадьа; он сейчас перетащил попа на свое место, а сам на его место лег. Попадья проснулась да как толкнет попа в воду. Пошел на дно рыб считать. Наутро проснулась. «Где поп?» — «Черти с водяным утащили».

После того попадьа пошла замуж за своего работника, и стал Иван-дурак за попа, хоть ни читать, ни обедни служить не умеет. А с той попадьей еще допрежде жил архиерей. Вот одна собрался архиерей и поехал подначальные церкви смотреть да попов судить. Приезжает в то самое село, где Иван-дурак в попы угодил, и прямо в церковь. Что делать? Надо обедню служить; вот Иван-дурак нарядился в ризу, взял в руки книгу и давай читать: «Братие! Был архиерей, гулял с моей попадьей; милости прошу и теперь с ней гулять, и ныне, и присно, и во веки веков!» И твердит все одно да одно. Архиерей слушал-слушал и говорит: «Много церквей я объехал, а такого умного попа нигде еще не видывал: всю службу церковную знает!»

25. ПОП-ТОЛОКОННЫЙ ЛОБ

В одном селе жил-был поп-толоконный лоб, по имени Ерема; у него был малый сынок Петрушка, такой прихотливый да балованный: уж если чего захочет, так в ту же минуту давай; не то — заревет так, что святых выноси. Да все, что под руку попадется, начнет бить-кромсать, на куски ломать. Хоть летами мал, а ноготок востер: не раз случалось — попу с попадьей глаза подбивал. А батракам просто житья не было: ни один еще не оставался больше дня у попа-толоконного лба.

Вот поп Ерема пустился на выдумку, вздумал наперед уговор делать с каждым наемщиком. Одна сидел поп под окном и смотрел, пригорюнясь, в огород: надо бы гряды полоть, да некому. На ту пору идет по улице мужик с лопатою и кричит: «Кому поработать? Кому поработать?» Поп тотчас схватился, накинул свой подрясник, выбежал за ворота, кликнул мужика и говорит: «Ступай ко мне в батраки; за деньгами спору не будет. Только, мужичок, я с тем уговором нанимаю: если ты на меня рассердишься, то я вырежу из твоей спины ремень пальца в два ширины, а если я рассержусь на тебя — тогда ты вырезывай из моей спины».

Мужик согласился и пошел к попу в батраки. «За что, — думает, — стану я на попа сердиться». Принялся за работу и проработал до самого обеда. Приходит в избу и только было сел за стол, Петрушка заревел во все горло: «Я гулять хочу!» — «Батрак, — говорит поп, — веди сынка погулять». Батрак взял поповича за руку и повел на улицу. Часа два протаскался с ним без толку; воротился в избу, а уж поп с попадьей давно пообедали и спать завалились. Остался батрак с голодным брюхом.

На другой день опять то же, а на третий батрак не выдержал. «Нет, батька, черт с тобой и с твоим потрохом, а я больше не хочу у тебя ни жить, ни работать!» — «Что ж ты сердишься?» — сказал поп. Вырезал у него по уговору ремень из спины и отпустил, не заплатив ни копейки.

У того мужика был меньшой брат Иван; по всей деревне дураком слыл. Видит дурак, что брат его на печь залез да все охает, и спрашивает: «Что ты, аль спина болит?» — «Поживи-ка у попа, так сам узнаешь». Иван взял лопату и отправился в путь. Пришел в то же село и нанялся к попу-толоконному лбу Ереме. Поп и ему говорит: «Слушай, Иван, у меня за деньгами остановки не будет; только соблюдешь ли уговор? Если кто из нас двоих рассердится, у того из спины ремень вырезать». — «Ладно, батько, — отвечал Иван, — только ты не сердись, а мне не за что!»

Взялся батрак за работу, целое утро за двоих работал, пришло время обедать, только сели за стол, Петрушка и ну кричать: «Гулять хочу!» — «Батрак, — говорит поп, — поведи моего сына прогуляться да присмотри, пожалуйста, чтоб не убили где». — «Хорошо, батько». Повел батрак Петрушку и прозевал обед. «Плохо, — думает, — надо за ум братья». На другой день опять только за обед, а Петрушка гулять хочет, Иван схватил со стола кулебяку и повел поповича. Пока тот играл, батрак кулебяку убирал. Воротился в избу, а поп с выговором: не годится-де так делать; зачем кулебяку унес? А батрак в ответ: «Никак ты, батько, осердился? Подставляй-ко спину, я ремень вырежу». — «И, что ты? Я вовсе не сержусь, так только пошутил с тобой...» — «То-то же, смотри», — говорит Иван.

На третий день Петрушка опять за свое: «Гулять хочу». Батрак ухватил целую ногу жареной баранины и пошел с ним на улицу. Пока Петрушка гулял да играл, батрак баранину уплетал. Поп и сам не рад своей затее; иной раз и поругал бы батрака, так тот сейчас ему в ответ: «Никак ты осерчал, батько? Подставляй-ко спину!»

Вот как-то был на селе праздник; попадья напекла и нажарила всего вдоволь. Сели было обедать; батрак думает: «Вот когда нажрусь, упьюся!» По губам уж слюнки текут. Не тут-то было, веди Петрушку гулять. Иван повел его в огород, да с досады посадил его на кол, а сам в избу воротился и уселся за стол. «А Петрушка где?» — спрашивает попадья. — «Да с ребятишками играть остался». На дворе давно стемнело, а Петрушка все не ворочается. Пошла попадья искать, смотрит, а он на колу торчит: совсем-таки окаменел. Поп с попадьею обмыли его, поплакали и похоронили, а выговаривать батраку бояться: пожалуй еще до спины доберется.

Стали они думать, как бы от него избавиться, целых три дня думали. На четвертый день зовет поп Ивана и приказывает: «Сослужи мне великую службу, съезди на Чертово озеро да спроси у нечистых: почему давно оброка не платят? Чтобы сейчас весь заплатили». — «Изволь, — отвечает Иван, — для чего не сделать такой безделицы?» Запряг лошадь в телегу и поехал на Чертово озеро. Поп возрадовался: «Ну, попадья, авось его черти возьмут!» Батрак ехал лесом, надрал лык полную телегу и приехал

на озеро, сел на берег и принялся веревку вить. Был день и прошел, а Иван все веревку вьет. Вдруг выпрыгнул из воды чертенок. «Батрак, что ты делаешь?» — «Сам, чай, видишь: веревку вью». — «А зачем тебе веревка?» — «Как зачем? Хочу озеро морщить да вас, чертей, корчить». — «Что ты, батрак? За какую вину?» — «А за такую, зачем попу Ереме оброку не платите?» — «Подожди немножко, не морщи озера, я пойду своему дедушке скажу», — сказал чертенок, и пырь в воду.

Иван тем временем вырыл глубокую яму, накрыл ее шапкою, а в шапке-то загодя дыру прорезал. Чертенок высочил и говорит батраку: «Дедушка спрашивает, много ли оброку надо?» — «Вот эту шапку полную серебра насыпать». Чертенок бултых в воду, передал ответ дедушке; жаль стало старому черту с деньгами расставаться; велел наперед внуку померяться с батраком силами: стоит ли отдавать ему деньги? Чертенок ухватил дедушкину палицу и говорит Ивану: «Ну, батрак, кто из нас выше бросит?» — «Бросай ты прежде».

Чертенок бросил палицу так высоко, что за щепочку показалась, а назад упала — земля ходенем пошла. Теперь очередь стала за батраком; взял он палицу за один конец и видит, что не только бросить вверх, да и поднять не может. Пустился на хитрости: взвел глаза на небо и начал пристально присматриваться. «Что же ты попусту глазеешь?» — «А вот поджидаю, когда пойдет облачко; хочу на него забросить твою палицу». — «Что ты! — закричал чертенок, — не бросай, а то дедушка прибрани меня». — «Ишь, чертово племя, жалко небось. Ну, завяжи свои зенки-то, не то лопнут, как я палицу брошу!» Чертенок завязал глаза, а Иван понатужился, приподнял палицу, да его по лбу; едва он опомнился. Нечего делать, стал мешки с серебром таскать да шапку насыпать; долго таскал, насилу с батраком расплатился.

Тогда Иван склал все серебро на телегу и повез попу Ереме. «Бери, батько! Взыскал с чертей весь оброк дочиста». Поп и деньгам не рад: «Коли с чертом сладил, до нас с попадьей еще скорей доберется; надо бежать». И уговорились поп с попадьей уйти от батрака...

(Конец тот же, что в сказке под № 24).

26. ЧУДЕСНАЯ ДУДОЧКА

Жил-был мальчик крестьянский, у него была чудесная дудочка да скотины всего одна свинья с тремя поросятами. Выгонит он свинью в поле пасты, сядет на пенечке да заиграет в дудочку. Свинья с поросятами знай пляшет перед ним. Была у царя дочь — прекрасная царевна. Узнала, что у этого-то мальчика свинка с поросятами пляшет, и вздумала купить хоть поросеночков.

Приезжает в поле. Мальчик сидит на пенечке, играет в дудочку, а свинья пляшет с поросятами. Говорит царевна: «Продай мне поросенок!» — «У меня они не продажные, а заветные». — «Сколько у тебя завету?» — «Показать свое тело по колена». Царевна показала ему свое белое тело по колена, он ей и отпустил поросенок. Привезла их домой,

созвала музыкантов. Музыканты взыграли, а поросята со страху врозь разбежались, визг на весь дом подняли. «Верно без матки скучают,— подумала царевна,— сем поеду да матку куплю».

Приезжает она в поле; мальчик сидит на пенечке, играет в дудочку, а свинья перед ним пляшет. «Продай мне свинку, поросята без матки скучают». — «Она не продажная, а заветная». — «А сколько завету?» — «Показать все свое тело наголо». Нечего делать, показала ему свое белое тело наголо; мальчик ей и свинку отдал. Привозит царевна свинку, собрала музыкантов. Музыканты взыграли; нет, не пляшут ни поросята, ни свинка, туды-сюды бросаются да визжат. Поехала царевна покупать дудочку. *[Следует неудобное для печати третье требование мальчика, после чего царевна получает дудочку]*.

Узнал отец и выдал ее замуж за того пастуха. Сделался крестьянский парень царевичем и зажил себе во дворце без хлопот, без дела. Поехал он однажды на охоту, и попался ему на дороге поп. Увидал поп названного царевича, поклонился ему. «А ты, батька, куда идешь?» — спрашивает его царский зять. И пошли у них разговоры: «Я иду с требою, а вы куда изволите?» — «А я на охоту выехал». — «Ах ваше высочество, застрелите мне вот ту птичку».

На ту пору, как нарочно, прилетела малая пташка и села в кустах шиповника да репейника, а кругом кустов грязная лужа стоит. «Хорошо, застрелю; только, батька, сам доставай». Царский зять застрелил пташку, а поп полез доставать; только пошел в кусты, а хитрый царевич вытащил свою дудочку и заиграл в нее. Поп плясать пустился: так и скачет, так и прыгает, весь-то он в кустах изодрался, ноги, руки, лицо в кровь исцарапал, весь-то он в луже измазался. Перестала дудочка играть, а поп еле дух перевести может. Вылез усталый, избитый, испачканный; рассердился и пошел к царю жаловаться: «Твой-де зять избил меня всего, а за что — не знаю; ехал на охоту, напал на меня и давай тузить; чуть-чуть не убил, насилиу убежал».

Гневен стал государь, разослал слуг во все стороны, чтобы тотчас же привели к нему зятя. Приехал царевич домой, царь захотел судить его перед всем народом, велел собрать и вельмож, и войско, и купцов, и чернь; по тому приказу живо все сошлись на площадь и стали супротив царского крыльца. Царь вышел на свое высокое крыльцо и говорит зятю: «Показывай по сущей правде, как дело было?» Царевич вынул свою дудочку; поп, как увидел ее, побледнел со страху, лихорадка так его и трясет, и начал просить, чтобы взяли его да покрепче к каменному столбу привязали. Тотчас явилась стража с веревками, скрутила ему руки и накрепко притянула к столбу. «Косу-то, косу-то привяжите!» — кричал поп. Привязали и косу.

Тут царевич заиграл в дудочку, и, боже мой, весь народ, все войско, и сам царь с придворными пустились вприсядку отжаривать, а поп головой о каменной столб бьет, ногами всякие шутки выделявает, а сам что есть мочи орет да в грехах кается. Перестал царевич играть, и все затихло. Царь узнал, в чем было дело, прогнал попа со своих светлых глаз, зятя простил и после того долго-долго смеялся его шутке.

27. НЕ ЛЮБО, НЕ СЛУШАЙ

Как у нас на селе подралась попадьа с дьяконницей; маленько понорова, черт треснул пономоря; поп затужил и обедни не служил. Собрались сельски, деревенски, господски, посадски, собралось семьдесят семь нищих; плели они лычный колокол о сто пудов, повесили на крапивный сук, ударили в соборе не рано; услышали люди не мало; Филька да Илька, Савка да Ванька. Принесли они нищим пищу: курицы сливки, свиные рожки, бараньи крылья. Пошел Ванька в кладь, взял кусок железа, сковал себе топор — ни мал, ни велик — с комарье плечо. Пошел с ним в чистое поле пресвятое дерево рябину рубить; впервые тюкнул — пошатилась, вдругорядь тюкнул — повалилась. Он рубил-рубил, ничего не срубил, только у себя как-то ногу отсек. День лежал и ночь лежал, никто не спознал; спознали комар да муха, зеленое брюхо; посадили его на колеска, повезли на небеска. На небесах стоит церковь — из пирогов складена, шаньгой покрыта, калачом заложена. Ванька на это хитер бывал: взял — калач переломил, да и двери отворил. В церкви-то все не по-нашему: паникадило репяное, свечи морковны, образа — пряничны; стоит поп железный, пономарь оловянный, жестяная просвирня. Он у них спросил: «Когда у вас бывает репно заговенье?» Они ничего ему на то не сказали, а Ванька осерчал, по щелчку им дал, да с неба упал.

28. СОЛДАТ-СКРИПАЧ И ЧЕРТ

Солдат идет в отпуск, садится около ручья на отдых и играет на скрипке. Приходит черт, зовет его к себе в гости. Солдат проводит три года, как три дня, и боится вернуться в полк. Черт делает его попом. Поп служит в праздник обедню. Черт приходит и заставляет его играть на скрипке. Поп играет. Его берут и сажают в острог. Черт его освобождает из темницы. — «Что ты обробел, — говорит нечистый, — я тебя теперь архиереем сделаю».

Приводит солдата в иное государство и выдает его за архиерея. Король взял его к себе и дал место в своем столичном городе. А у этого короля были три прекрасные дочери. Настал великий пост, и вздумали они говеть. Пришло время — надо исповедоваться. Вот пошла старшая королевна к архиерею на исповедь, покаялась в своих грехах. И дает ей архиерей крест целовать. Вдруг является к нему нечистый и на ухо шепчет: «Что она совсем исповедолась?» — «Совсем!» — «Ну, теперь возьми ее, поцелуй». — «Как можно, — я за это могу пострадать!» — «Ничего не бойся, — целуй смело». Архиерей взял да и поцеловал ее. Она пошла от него и думает: «Видно так по закону следует».

Приходит на исповедь середняя королевна. Покаялась. Дает ей архиерей крест целовать. В ту же минуту опять шепчет ему на ухо нечистый: «Совсем ли исповедалась?» — «Совсем!» — «Ну, возьми ее ... за груди». — «Ах, что ты! Король меня за это смерти предаст». — «Ничего, хватай смело за груди». Он взял... потрогал и отпустил от себя. Королевна пошла, думает, что так по закону и следует.

Наконец приходит меньшая королевская дочь. Отисповедовал ее архиерей и дает крест целовать. Вдруг является нечистый и опять шепчет: — «Что кончил исповедь?» — «Кончил!» — «Ну теперь сотвори с ней грех». — «Нет, ни за что не сделаю. Король меня непременно на казнь отдаст». — «Делай, что говорю, — все равно тебе пропадать. Если не сотворишь с нею греха, я всем объявлю, что ты беглый солдат, а не архиерей». Архиерей, — делать нечего, ... [послушался нечистого]. И эта королевна пошла и думает: «Видно так по закону велено!» С того самого часу младшая королевна забрюхатела.

Прошло несколько месяцев. Отец заметил... и стал ее спрашивать: — «Что это с тобой? Отчего...?» — «Оттого, батюшка, что как ходила я к архиерею на исповедь...» Король приказал архиерея посадить в крепость и нарядил над ним суд. На том суду приговорили его повесить.

Сидит архиерей один с кручиною в темнице и смотрит в окно. А перед окном уже релю¹ ставят. — «Что вы строите?» — спрашивает он у рабочих. — «Что, ан, не знаешь? Ни для кого другого — для тебя трудимся. Это, брат, виселица!» Еще больше задумался бедный солдат: «Связался я на свою беду с чертом!» В ту же минуту явился к нему нечистый. — «Не кручинься, — говорит, — я тебя выручу...»

Вот повели архиерея на виселицу. Народу собралось великое множество. Надели на него петлю... Подняли его на виселицу, а черт невидимо подбросил ему под ноги свою голову. Все думают, что он мертвый, а он как ни в чем — живехонек! Народ разошелся и разъехался в разные стороны, а дьявол оборвал веревку, освободил солдата от смерти и пошел с ним в другой город. — «Что, хочешь быть опять архиереем?» — спрашивает нечистый. — «Нет, спасибо, и так страху набрался».

Черт делает солдата купцом, а сам уходит в тридцатое царство — мучить царевну. Солдат пробирается туда же, выдает себя за лекаря. Заказывает кривые клещи и садится во дворце перед царевниной спальней. Приходит дьявол, поздоровался с ним, спрашивает: «Что это за штука?» — «Это клещи, кривые пальцы выпрямлять, чтоб лучше на скрипке играть». — «Выправь мне». Солдат сжимает его руки в тиски, бьет, освобождает царевну и делает затем уговор с чертом, чтоб ему не подходить к царевнинному дворцу за сто верст, а солдату не выходить из дворца дальше тридцати верст. Если выйдешь дальше, да попадетс я нечистому — тот его задушит!

Женился солдат на царевне, сделался сам царем, позабыл уговор и поехал в загородный сад. Тут попался он черту. Черт позволил ему напоследок только с женой проститься. «Ну жена! — говорит царь, — принимай стыд ради меня... Разденься и ложись на траву». А нечистый подошел..., увидел... Вдруг как закричит: «Ах ты проклятый! Опять клещи привез!» — и бросился от него бежать сколько сил было.

Так беглый солдат избавился от черта и остался царствовать в своем государстве.

¹ Виселицу (Ред.).

29. СОЛДАТ-СКРИПАЧ И НЕЧИСТЫЙ

В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, где мы живем, жил-был царь. У того царя поселился во дворцовой палате черт — не дает никому отдыха! Вот царь и пообещал отдать свою дочь за того замуж, кто переночует ночь в этой палате и жив останется. Много находилось охотников, только все наутро помирали — поминай, как звали! Уж и охотников больше не стало. Тут приходит к царю отставной солдат. «Здравствуй, служба! Что скажешь?» — «Хочу, ваше величество, с чертом померяться». — «Ну что ж, ночуй себе во дворце — мне все едино за кого не выдать дочь — только б молодец был».

Вот солдат взял скрипку, два штофа водки, топор, бритву да железную палицу и пошел в палату, где черт поселился. Сел за стол и попивает себе водочку да орехами закусывает. Вдруг выскочил нечистый. «Что ты русский солдат здесь делаешь?» — «Водку пью» — «Дай и мне!» — «Изволь».

Нечистый взял штоф, да весь сполна и осушил. И порядком его поразбрало. Подгулял дьявол, хоть и плясать — так готов! А солдат тотчас за скрипочку и давай комаринскую отжаривать. Нечистый плясал, плясал, уморился и говорит: «Важно, русский солдат, ты играешь! Поучи-ка меня». — «Хорошо, кому ж и играть, коли не тебе, добру молодцу».

Взял топор, расколол одну перекладину и забил в нее здоровенный клин. «Ну, — говорит нечистому, — лезь на стул да клади в щель лапы». — «А зачем?» — «Затем, что такова наука».

Нечистый просунул в щель свои лапы, взял скрипку и смычок, а солдат в ту же минуту и клин вытащил, и стул принял — так и приплюснуло дьявольские лапы, и сам-то черт так и повис на перекладине! Солдат тотчас за бритву, поднял нечистому хвост, обрил ему... Потом ухватил железную палицу и давай угощать по голой... Бьет да все приговаривает: «Живей смычком води! Чаше пальцами перебирай!» — «Отпусти, русский солдат, — кричит нечистый. — Не хочу на скрипке учиться!» — «Нет, брат, врешь. Кому и музыканту быть, коли не тебе, добру молодцу». А сам знай лупит по бритвой... Только к утру его отпустил. Черт вырвался да бежать.

Видит царь, что солдат справил свое дело, и выдал за него дочь свою, царевну. Женился солдат, взял свою молодую жену и поехал домой. А черт давно его стережет: «Отплачу, — думает, — за обиду — задушу русского солдата». Как только поехал солдат с женою в путь-дорогу, он и пустился догонять его. Видит солдат: дело нехорошее! Снял царевну с повозки... и давай ее тело брить. Черт как увидел это, сейчас назад. Прибежал в пекло, словно в лихорадке трясется: «Что ж ты задавил русского солдата?» — «Да погоди-ка, задави его! Он царевну учит на скрипочке играть, уж... брест».

30. СОЛДАТ И ЧАСЫ

Был на свете царь, у него была любимая дочь Анна-царевна, на возраст, красоты неописанной, и сидела она в белокаменных палатах, в высоких теремах за двенадцатью дверями; и у каждой дверей стояла на карауле стража великая, никого кроме царя да придворных нянюшек-матушек к ней не пускала. Не токмо человек, муха туды не пролетит.

Случилось в некое время стоять во дворце на часах одному bravому солдату, стоит он и вслух сам с собой разговаривает: «Если б у меня было столько денег, сколько у нашего царя, я бы и сам не глупей его был». Услыхал эти речи царь, осерчал и говорит: «Слушай ты, умная голова, коли ты не хвастаешь, то вот тебе сроку три месяца, бери себе денег сколько надобно, гуляй сколько хочешь, только ухитрись — сотвори грех с моей дочерью. Если это не сделаешь, велю тебя за твою похвальбу словно пса повесить!»

Вот солдат месяц гуляет, и другой гуляет; а как сотворить грех с царевною — не ведает, даже к теремам ее подойти боится. Уж и третий месяц на исходе, пошел он в кабак, спросил штоф водки, пьет, а сам слезно плачет: «Пропадай,—говорит,— моя жизнь молодецкая!» Подошел к нему горький пьяница, ярыга кабацкая: «О чем, брат, плачешь?» — «Эх, лучше не спрашивай. Пропадаю за свою похвальбу!» — «Поднеси мне стакан, я твое горе рассужу». Солдат поднес ему стакан водки и рассказал, как было дело. «Это еще не беда,—говорит горький пьяница,— есть у тебя деньги?» — «Еще бы не быть: мне царская казна не заказана, сколько хошь — бери». — «Ну, пойдем на взморье; там приехали чужестранные купцы, привезли с собой штуки разные, затейливые».

Побежали на взморье; зашли на купеческий корабль. Стали разные товары высматривать и выбрали славные стенные часы, в большой футляр вделаны; с музыкой, с барабанами и всякими немецкими хитростями. Тотчас солдат сторговался, заплатил за те часы чистым золотом; сам в футляр залез и приказывает: «Ну, купцы-торговцы, отнесите часы во дворец да бейте царю челом, чтоб на двор принял». Купцы принесли часы во дворец и били челом государю; царь принял подарок, как увидел он, что часы-то с музыкой и с барабанами, тотчас велел иноземным гостям торговать безданно-беспошлинно, а часы поставить в спальню к царевне, пускай де тешится.

Ну, солдату того и надобно. Царевна сильно возрадовалась, заставила часы играть, а сама в танцы пустилась; весь день проплясала. Приходит ночь. Легла она усталая и крепко-крепко уснула. [Солдат приходит ночью к царевне, называет себя ангелом с небес и получает от нее перстень]. Солдат взял перстень, спрятался опять в футляр и нарочно испортил музыку. Наутро стала царевна заводить часы — нет, не играют, испорчены. Как тут быть? Сейчас послала за иноземными купцами, приказали взять часы и исправить музыку. Купцы увезли часы в починку, отворили футляр и выпустили солдата. А уж срок совсем вышел; царские слуги бегают да ищут того солдата, увидали и повели: «Пойдем,—говорят,— Варвара, на расправу!» Вот привели его к царю. «Здравия желаю, ваше

величество». — «Здорово, умная голова! Ну, что, сделал свое дело?» — «Сделал, ваше величество!» — «Врешь ты, каналья?» — «Извольте сами спросить у царевны: прилетал ли к ней ангел и что она пожаловала ему на память?» — «Позвать царевну!» — закричал царь.

Позвали. «Говори, дочка, кто у тебя был севодняшнюю ночь?» [*Царевна говорит, что прилетел ангел с небес, и она ему именной перстень пожаловала*]. Солдат вынул царевнин перстень и подал государю. «Ну, хитер же ты, служивый, — сказал царь, — ступай домой с богом, денег сколько знаешь возьми, только помни, никому не хвались, что с моей дочерью сделал, не то прикажу казнить». С той поры стал солдат при деньгах. Живет себе да служит, ни о чем не тужит.

31. БЕГЛЫЙ СОЛДАТ

Беглый солдат залез ночью к одному мужику в ригу и залег на сене спать. Только стал засыпать, слышит — кто-то идет. Солдат испугался и залез под самую крышу. Вот пришла туда девка, а за нею парень, принесли с собой вина, разных закусок, поставили в угол, разделись... и давай целоваться, да любоваться ... Девка говорит: «Ах, милый друг, коли бог даст, да рожу я ребенка — кто за ним присмотрит, кто его выходит?» А парень отвечает: — «Тот, кто над нами!»

Как услышал эти речи солдат, не вытерпел и закричал: — «Ах вы, подлые!.. Я за вас отвечать буду?!» Парень тотчас вскочил да бежать. Девка тоже — давай бог ноги! А солдат слез наземь, забрал их одежду, вино и закуски и пошел своей дорогой.

32. СОЛДАТ, МУЖИК И БАБА

Стояли в деревне солдаты, и бабы были к ним очень привычны. Дело-то, знаешь, было не без греха: хозяин на заработку, а хозяйка ... с солдатом! Вот у одного мужика была жена больно гульливая: много раз заставал он ее и с мужиками-то, и с солдатами, а все она права оставалась. В одно время застал ее мужик с парнем в сарае: «Ну, ... что теперь станешь говорить?» А она ... как встала да прибежала в избу — сейчас бросилась к свекрови и давай плакать. Пришел муж и говорит: «Ну, матушка! Я людям не верил, а теперь сам застал жену с парнем в сарае». А баба со слезами: «Видишь, матушка, какую терплю я напраслину!» — «Ах ты..., проклятая! Вить я сейчас поднял тебя!..» — «Врешь, подлец! Ну-ка скажи, куда я головой лежала?» Мужик задумался и сказал: «А черт тебя знает, куда ты головой лежала?» — «Вот вишь, матушка, как он врет-то на меня!» Мать накинулась на сына и давай его ругать. «Хорошо, — говорит мужик, — я тебя, голубушку, опять скоро поймаю!»

Прошло несколько времени, связалась та баба с солдатом, и пошли они вместе в сарай... Хозяин-то и подметь, пришел в сарай и захватил солдата... «Их, брат служивый! Это нехорошо». — «Черт вас разберет! —

отвечает солдат, — она говорит — хорошо, а ты нехорошо. На вас не угодишь!» — «Я, брат служивый, пойду на тебя просить!» — «Ну, ты ступай, еще проси, а я уж выпросил».

33. СОЛДАТ И БАРИН

Вышел солдат в отпуск, нанялся служить к скупому барину, в год — за сто рублей; помещик велел ему и лошадей чистить, и навоз возить, и воду таскать, и дрова рубить, и сад мести, словом сказать — не дает ему отдыха ни на минуту, совсем измучил работой. Отслужил солдат год и просит расчета. Помещику жалко отдавать деньги, стал доставать, а сам ревмя ревет: «О чем вы, сударь, плачете?» — «Да денег жалко!» — «Экой ты барин! Ведь я тебе целый год прослужил; если бы ты мне прослужил три дня, так я б тебе отдал сто рублей и слова не сказал». — «Три дня — немного», — думает барин.

Пошел советоваться с барыней. Она говорит: «Что ж, отслужи три дня!» А сама думает: «Ведь не мне служить, а мужу; ему — не мне плохо будет». Барин согласился. Солдат поужинал, лег спать в сарае, разулся, один сапог забросил в один угол, другой — в другой угол. Поутру проснулся, кричит: «Эй!» Помещик входит. «Подавай сапоги; я хочу одеваться!» Помещик хват — сапогов нету, и запорол горячку. Спрашивает солдата: «Где твои сапоги?» — «Ах ты, сукин сын, каналья, ты у барина спрашиваешь о сапогах? Верно и не чистил их!» — да хватить его по уху, да по другому. Барин туда-сюда, насилу один сапог отыскал, а другого нет. «Подайте палок!» — закричал солдат и давай дуть помещика, до того промял, что он не рад и деньгам. «Не хочу, — говорит, — тебе служить, возьми свои деньги, черт с тобой!»

34. ВОР

Живал-бывал Микулка вор. Услыхал про него барин, что Микулка хоть что — так украдет; призывает его и говорит: «Укради из-под меня с барыней пуховик; коли украдешь — сто рублей, не украдешь — сто плетей». — «Идет!» отвечает Микулка. «Когда ж воровать придешь?» — «Нынче ночью». — «Ладно!»

Барин лег спать с барыней, а Микулка еще спозаранок забрался к нему под кровать, выждал, когда все уснули, да и напакостил промеж барина с барыней. Барин с барыней проснулись, стали друг на друга сваливать, подняли шум, никто не переспорит. Встали оба, ухватились за перину, да никак не стащут; принялись звать человека.

Тут откуда ни взялся Микулка и потащил перину на двор. Барин думает, что это ихний слуга. «Смотри же, — приказывает, — хорошенько вытряси, чтоб чисто было». Микулка унес перину к себе. А барин с барыней ждали — так и не дождались; кого ни спрашивали — никто ничего не знает. Утром приехал Микулка на барский двор и перину привез: «Принимай, барин, да плати сто рублей!» — «Возьми хоть двести, только никому не сказывай, что мы с барыней опакостились».

Через неделю зовет барин Микулку: «Украдь,— говорит,— у меня жену; украдешь — сто рублей, не украдешь — сто плетей». — «Изволь, барин!» Воротился Микулка домой и велел купить водки и закусок разных, а сам пошел попа в гости звать. Поп тому и рад. Известное дело, у попа глаза завистные, рад на чужой счет нажраться, напиться. До тех пор поп тянул водку, пока с ног свалился.

Микулка раздел его чуть не до грешного тела, нарядился в поповскую рясу и пошел на барский двор; смотрит: кругом стоят сторожа с дубинами, все барыню берегут. Вошел Микулка в хоромы: «Здравствуйте, батюшка!» — говорит барин. «А я мимо вашего двора шел,— сказывает облыжный поп,— смотрю — стоят везде сторожа с дубиною; дай, думаю себе, зайду да разузнаю, что такое?» — «Знаете ли вы, батюшка, Микулку вора?» — «Как не знать? Такой плут, каких еще не бывало, давно бы повесить пора». — «Вот он самый и похвалялся украсть нынешнюю почью мою барыню». — «Не ладно дело. От него, хоть втрое больше поставь сторожей, все не убережешься». — «Да что же мне делать-то?» — «А вот что: отошлите-ка свою барыню (да потихоньку, чтоб никто не знал) к моей попадье, пусть вместе ночь проведут. Хоть Микулка и придет воровать, так барыни не найдет». — «И то правда. Спасибо вам, батюшка, что надоумили». — «Я, пожалуй, сам и провожу барыню».

Повел Микулка барыню только не к попу на двор, а прямо к себе. Наутро посылает барин к нему [попу] за женой, а тот еще спит с похмелья. Попадья и говорит: «Никакой барыни у нас не было, да и муж с самого вечера, как притащили пьяного от Микулки, никуда не выходил из дому, лежит словно убитый — и не ворохнется». Нечего делать, пришлось барину выручать свою жену от Микулки. Заплатил ему сто рублей, взял барыню и пошел домой, только в затылке почесывается.

Случилось попу быть у барина в гостях; зашла речь про Микулку, что вор-де вор — такой хитрый: с живого штаны сымет. А поп говорит: «Кому как, а мне Микулка не страшен: я и сам хитер». — «Ну, батька, не хвались, прежде богу помолись». И приказывает барин своим холопьям позвать Микулку: «Поп-де не верит твоей удали, так покажи ему». — «Отчего не показать? Рад стараться». «А ну,— говорит поп,— украдь у меня сто рублей?» — «Украду». — «Да как же ты украдешь, когда я их повешу на шею себе?» — «Про то мне знать».

Поп как приехал домой от барина, сейчас вынул из сундука сто рублей, завернул в лоскутье и повесил на шею. Уж на дворе давно темно. Поп все не спит, боится, как бы вор не явился да не отобрал денежек. Микулка подвязал себе крылья, взял большой кошель, собрался и полез к попу в окно. Поп видит, крылатый человек у окна и принялся читать заклятие: «Сгинь, пропади, дьявольское наваждение». — «Я не бес,— говорит Микулка,— я — ангел с небес». — «Почто ты ко мне прилетел?» — «Господь велел взять тебя на небо, садись в кошель».

Поп сел в кошель. Микулка поднял его и понес на колокольню; начал было подниматься по лестнице, остановился и говорит: «Отче, или согрешил или при тебе есть что мирское, больно тяжело тебя нести. Покаяйся наперед в грехе и сбрось с себя все мирское». Поп вспомнил, что у него

на шее сто рублей привешено, снял их и отдал вору. Микулка втащил его на самый верх, привязал к перекладине и давай отзванивать во все колокола. Стал народ просыпаться, что за звон такой? Побежали все на колокольню — нет никого (Микулка уж успел улизнуть с поповскими деньгами), только мешок на перекладине болтается. Сняли мешок, распутали, а в нем поп сидит.

35. ЧУДЕСНАЯ ДУДКА

В некотором царстве, в некотором государстве жил барин, да еще был мужик, такой бедный, что и сказать нельзя! Призвал его барин и говорит: «Послушай, мужичок! Долгу своего ты не платишь и взять с тебя нечего. Ступай ко мне и живи за долг три года».

Прожил у него мужик год и другой и третий. Барин видит, что мужику скоро срок отходит, и думает: какую бы сыскать вину, чтоб еще оставить мужика при себе на три года. Позвал его барин и стал говорить: «Послушай, мужичок! Вот тебе десять зайцев, гони их пастись в поле, да смотри, чтобы все были целы! А то опять оставляю при себе на три года». Только погнал мужик зайцев в поле — они все у него разбежались в разные стороны. — «Что делать, — думает он: теперь пропал я!» Сел и плачет. Откудава ни возьмись — явился старик и спрашивает: «О чем, мужичок, плачешь?» — «Как мне, старик, не плакать! Дал мне барин пасти зайцев, они все и разбежались. Теперь беда мне неминуемая!» Старик дал ему дудочку и говорит: «На тебе дудочку. Когда заиграешь в нее, они все к тебе прибегут».

Мужик сказал спасибо, взял дудочку и только заиграл в нее — как тотчас все зайцы к нему прибежали. Он погнал их домой. Барин, пересчитал зайцев и говорит: «Все целы!» — «Ну что нам делать?» — сказал барин своей барыне, — «какую вину на мужике сыскать?» — «А вот что, душенька: когда он завтра погонит зайцев, я переоденусь в другое платье, пойду к нему и куплю одного зайца». — «Ну, хорошо!»

Наутро погнал мужик зайцев в поле, и только подошел к лесу — они тотчас все разбежались в разные стороны. А мужик сел на траву и начал плести лапти. Вдруг едет барыня. Остановилась — подошла к нему и спрашивает: «Что, мужичок, здесь делаешь?» — «Скотину пасу». — «Какую скотину?» Мужик взял дудочку и заиграл — все зайцы сбежались к нему. — «А, мужичок! — сказала барыня — продай мне одного зайчика». — «Никак нельзя, ведь это господские зайцы, а барин у меня очень строг. Он, пожалуй, меня совсем заест!» Барыня стала к нему приставать: «Пожалуйста, продай!» Мужик видит, что ей очень хочется зайчика и говорит: «У меня, барыня, завет положен». — «Какой завет?» — «Кто даст... что потребу, тому и зайца уступлю». — «Возьми лучше деньгами, мужичок!» — «Нет, мне больше ничего не надо!» Барыня — делать нечего — согласилась... Подал ей зайца: «Только, барыня, держи его потихоньку, а то раздавишь».

Она взяла зайца, села в коляску и поехала. А мужик как заиграл в свою дудочку — этот заяц услышал, выпрыгнул из рук барыни и ушел назад к мужику. Приехала барыня домой. «Ну, что купила зайца?» — «Купила-то купила, только как мужик заиграл в свою дудочку, заяц выпрыгнул от меня и ушел».

На другой день опять поехала барыня к мужику. Подходит к нему и спрашивает: «Что делаешь, мужичок?» — «Лапти плету да господскую скотину пасу». — «Где ж твоя скотина?» Мужик заиграл в дудочку, и сейчас сбежались к нему все зайцы. Барыня стала торговать зайца. «У меня положен завет». — «Какой?» — «Дай...» Барыня опять согласилась ... и получила за то зайца. А как мужик заиграл — заяц выскочил и ушел от нее.

На третий день переоделся и поехал сам барин. «Что, мужичок, делаешь?» — «Скотину пасу». — «Да где ж твоя скотина?» Заиграл мужик в дудочку — сбежались к нему зайцы. «Продай мне одного!» — «За деньги не продам. У меня положен завет». — «Какой завет?» — «Кто захочет на кобылу влезть..., тому и зайца отдам». Барин влез на кобылу... Мужик подал ему зайца и говорит: «Держи его, барин, потихоньку, а то задавишь». Барин взял зайца и поехал домой, а мужик заиграл в дудочку — заяц услышал и ушел от него к мужику. Видит барин, что ничего не возьмешь и отпустил мужика жить на волю.

36. ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ЖЕНА И КУПЕЧЕСКИЙ СЫН

Жил-был богатый купец, у него был молодой приказчик. Купец нагрузил корабль дорогими товарами, дал приказчику много золота и серебра и отправил торговать в иные города. Вот приказчик приплыл в чужестранное государство, в столичный город. Зашел в трактир пообедать и услышал, что в этом городе была у генерала жена такая красавица, каких во всем свете мало родится, и задумал, как бы ее увидеть. Только генерал держал свою жену взаперти, никуда не выпускал и к себе никого не принимал: на такую красавицу кто не позарится.

Приказчик насыпал блюдо серебра и золота и пошел к генералу в дом. «Что тебе надобно?» — спрашивает слуга. «Хочу генералу поклониться». Слуга доложил генералу, а он был куда на деньги падок. «Коли с деньгами пришел, так пусти его». Приказчик вошел в комнату, блюдо с серебром и золотом на стол поставил. Спрашивает генерал: «Какая у тебя нужда?» — «Ах, ваше превосходительство! Во всех городах только и молвы, что про красоту вашей жены. Нельзя ли посмотреть ее?» Генерал подумал и согласился. Тотчас подошел к дверям и крикнул: «Эй, жена, подай нам водки!» Генеральша вынесла на подносе графин с водкою и две рюмки, поставила перед мужем и ушла в свою комнату.

Приказчик как увидел такую красавицу, тотчас и влюбился в нее; чуть ли с ума не сходит. На другой день насыпал он другое блюдо серебра и золота и опять понес к генералу; поклонился ему, поставил блюдо на стол и говорит: «Позвольте, ваше превосходительство, еще разок взглянуть на вашу супругу!» — «Эй, жена, подай нам водки!» — закры-

чал генерал. Приказчик увидел ее в другой раз и еще больше прельстился. С того времени почал каждый день ходить к генералу, все деньги, товары и самый корабль, все спустил, и сделался чист молодец. Сидит в трактире и не знает, что ему делать.

В это время прибыл в тот город какой-то купеческий сын с тремя кораблями, зашел в трактир и заказал себе хороший обед. Подали ему водки и разных кушаньев; только было принялся он есть, вдруг подходит к нему оборванный и обшипанный приказчик, не спрося, выпил водки и стал закусывать. Закусил и не думает за чужую хлеб-соль благодарствовать. «Это что за теребень? вишь какой обдерганный!» — говорит купеческий сын. Отвечает ему теребень: «Коли узнаешь, так сам таков будешь». Взяло купеческого сына любопытство, стал к нему приставать: «Расскажи, пожалуйста». Тот ему рассказал: «Вот,— говорит,— теперь и остался ни при чем; хожу обдерганный».

Захотелось и купеческому сыну посмотреть на генеральшу. «Слушайся меня,— сказал ему теребень,— мы сыграем с генералом такую шуточку, что долго не забудет. Рядом с генеральской квартирой отдается внаймы другая; найми ее и сделай тайный ход к нему в спальню». Купеческий сын так и сделал.

Вот генерал уехал в свое время к государю с докладом, а жену в спальне запер; купеческий сын напустил смелость и тотчас тайным ходом к его жене. Генеральша увидела, что больно хорош собою... А после и говорит: «Ах, купеческий сын, освободи меня от мужа; мне эта каторжная жизнь наскучила». — «Хорошо,— говорит,— можно». Взял у нее мужнину трость и поехал на площадь, где государь развод делал. Ходит да тросточкой помахивает; генерал увидел свою трость, подскочил к нему: «Эта трость моя!» — «Помилуйте, ваше превосходительство, что вы на честного человека клеплет! А я на вас пойду в суд с жалобой».

Генерал сел в дрожки и поспешил домой, а купеческий сын еще скорей его приехал домой и через тайный ход отдал трость генеральше. Генерал отпер жену и спрашивает: «Где моя трость?» — «А вон в углу стоит». — «Ах, ведь я понапрасну поклепал купеческого сына». На другой день купеческий сын взял у генеральши кольцо, генерал опять пристал к нему и точно так же должен был признаться, что напрасно его поклепал. На третий день просит купеческий сын генерала: «Посватайте за меня невесту — рядом с вашей квартирой живет». Генерал рад ему услужить, чтобы только на него за напрасные поклепы не жаловаться; собрался и пошел в соседнюю квартиру. А там уже все готово: сидит какая-то старуха. Генерал посватал купеческого сына за ее дочь. Старуха говорит: «Хорошо, я согласна, надо у дочери спросить». Зовет дочь — выходит к ней генеральша и сказывает: «Я, маменька, согласна». Генерал глаза выдупил: точь-в-точь моя жена. Да побоялся в третий раз вклепаться. Вернулся домой — жена его дома. «Ну,— думает,— хорошо, что остерегся».

Наутро обвенчался купеческий сын на генеральше; сам генерал их посватал и от венца домой проводил да спать уложил. После того приходит он домой — хватился — жены-то нет. Туда-сюда — нет да и только.

Куда делась — никто не знает. Утром бросился к купеческому сыну: «У меня, — говорит, — жена пропала». — «Да, ведь вы, ваше превосходительство, выдали ее за меня замуж!» Генерал рассердился, поскакал к царю; царь разобрал это дело, посмеялся и сказал: «Ну, брат, ты сам ее отдал, так пенять не на кого, оставайся-ка без жены».

37. ПОДЗЕМНЫЙ ХОД

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был король. У этого короля был сын Иван-королевич. Понравилась королю [королевицу] одна из придворных фрейлин — очень собою хороша была! Спознался он с нею и дал ей свой именной перстень. Ни много, ни мало прошло времени, — родила эта фрейлина сына. Король тотчас узнал про все ихнее дело. Приказал ее вместе с ребенком посадить в бочку и пустить в море. Бочка плавала-плавала, остановилась у одного острова и развалилась. Мать с сыном вышла на берег и осталась тут жить.

Вот сын ее рос-рос, да и вырос. В одно время говорит он: «Любезная государыня матушка! Дай мне свое благословение, я поеду службы искать». — «Поезжай с богом». Вот он приехал в тот город, где отец его Иван-королевич царствовал (король-то старый давно помер). Идет по улице и повстречал одного купца. «Господин купец! Возьми меня к себе в приказчики». — «Да ты чей?» — «Я сирота — нет у меня ни отца, ни матери». А собой он был писанный красавец и тотчас же полюбился купцу. «Ну, — говорит, — коли ты сирота, ступай ко мне в приемыши. У меня своих детей нету». Стал купеческий приемыш торговать в лавках, и пошло дело словно по маслу. Старые приказчики только дивуются, — откуда у него такая сметка: барыши сами к нему в карман так и просятся.

В ту самую пору Иван-королевич задумал жениться на одной купеческой дочери — такая красавица была, что люди по десять тысяч за один посмотри давали. Стала купеческая дочь готовиться к свадьбе и послала свою служанку закупать в лавках разных материй. Служанка входит в лавку к купеческому приемышу, а он сидит да игрою на гусях забавляется. И как хорошо играет! Век бы слушать — не наслушался. Служанка слушала, слушала и забыла, что ей невеста наказывала. Воротилась домой и говорит купеческой дочери: «Простите, сударыня! Так и так, позабыла, зачем меня посылали?»

Захотелось купеческой дочери самой послушать этой чудесной музыки. Оделась и поехала в лавку. А приказчик сидит себе да на гусях поигрывает. Только что вошла она в лавку, как усмотрела молодца, — тотчас по уши в него влюбилась. А он бросил свои гусли, встал и спрашивает: «Чего вам, сударыня, угодно?» Тут она набрала всяких товаров на несколько тысяч и говорит приказчику: «Со мной теперь денег нет, а ты приходи ко мне вечером попозднее — я тебе дома заплачу». — «Хорошо, приду».

Вечером приказчик запер лавку и пошел к купеческой дочери. Она тотчас повела его в свою комнату, положила на стол острую саблю и

говорит ему: «Коли хочешь жить,— полюби меня, а не станешь любить — сниму с плеч твою буйну голову!». А он и сам непрочь с нею знаться. Скоро они поладили и переспали ночь вместе. «Ну, милый,— говорит ему купеческая дочь,— сделай ты теперьча от своей лавки к моим покоям подземный ход, освети его фонарями и ходи ко мне каждую ночь, чтобы тебя никто из людей не видал. А то, коли королевич узнает, беда нам!»

Приказчик простился с нею, пришел домой и, долго не думая, нанял сейчас работников и вырыл подземный ход от лавки до покоев купеческой дочери. С той поры и начал он к ней похаживать да в свайку поигрывать.

Меж тем Иван-королевич говорит отцу своей невесты: «Батюшка! Пора нам свадьбу играть». — «Да я готов хоть сейчас. Вот что дочка скажет?» А дочка притворилась больной и просит обождать до ее выздоровления. Ждали месяц, и другой, и третий — она все кажет себя больною. Запало королевичу сомнение: «Уж нет ли у нее кого другого, что за меня выходить не хочет». Поставил он везде часовых, чтобы строго смотрели: не ходит ли кто к его названной невесте. Но куда часовым усмотреть, когда ход такой устроен?

Видит королевич, что дело-то неладно. Нарядился в солдатскую шинель и пошел поздним вечером по городу: не проведает ли чего сам? Шел-шел и усмотрел — в лавке огонь светится. «Зачем бы в такое время в лавке огню быть?» Постучался в дверь. «Чего тебе, служба, надобно?» — спрашивает купеческий приемыш. — «Пусти, добрый человек, ночь переночевать. Даром нигде не пускают, а денег нет. Я пришел издалеча». Жалко его стало приказчику. «Ну, говорит, иди!» Ровно в двенадцать часов собрался он к купеческой дочери в гости. Встал потихоньку и пошел подземным ходом. А королевич не спит — все видит. Поднялся, да вслед за ним. Вот таким-то случаем и узнал он, что к его невесте ходит подземным ходом купеческий приемыш, что каждую ночь они пьют-гуляют и спят на одной постели...

На другой день солдат простился с приказчиком и ушел. Приказчик ничего не ведает. А тут вдруг нагрянула стража и королевский указ принесла: велено его взять и в тот же день повесить на торгу на виселице. Народу сбежалось видимо-невидимо. Сам королевич приехал. Только повели купеческого приемыша вешать, а он просит последнее слово сказать: «Есть-де у меня именной перстень, от моего батюшки достался, возьмите его и перешлите на такой-то остров к моей родной матери». Королевич взглянул на перстень и тут же спознал, что этот приемыш его сын. Тотчас велел остановить казнь, обнял его крепко и стал расспрашивать, как и что с ним делалось. После того королевич обвенчал этого молодца на купеческой дочери, а сам женился на его матери.

38. СНЫ

Жил-был бедный мужик, с женой и детьми; в одну ночь приснился ему такой сон: будто под печкою в ихней избе лежит большой медведь. Поутру стал рассказывать свой сон жене; она говорит: «Ах, хозяин, ведь и мне такой же сон был». Дети говорят: «Ах, батюшка, ведь и мы то же самое во сне видели». Задумался мужик: «Недаром всем одно приснилось — сон вещий, да что он пророчит: к беде, али к счастью?» Думал, думал и решил ехать к колдуну Асону, который один на все царство сны судит.

Едет он деревню, а навстречу ему мальчик: «Дяденька, покатай меня». — «Проваливай! не до тебя!» — «Дяденька, покатай, я тебе доброе слово скажу. Ведь я знаю, куда ты едешь. Ты едешь к Асону посудить сону». Мужик удивился: «Вишь, — говорит, — какой хитрый народился. Садись на телегу!» Посадил мальчика на телегу, прокатил его по деревне, выехал за околицу и спустил наземь. «Спасибо, дядюшка!» — сказывает мальчик, — смотри же: будет у тебя Асон торговать твой сон, не продавай ему дешево: бери сто тысяч. А спросит: кто тебя научил — ты молчи, на меня не показывай».

Вот приехал мужик к Асону: «Так и этак, — говорит, — приснилось мне ночью, будто под печкою лежит большущий медведь, рассуди, что этот сон значит?» Колдун бросился смотреть по своим книжкам, посмотрел и затрясся от радости: «Послушай мужичок, продай мне этот сон!» — «Пожалуй, отчего не продать?» — «Что тебе дать за него?» — «Давай сто тысяч». — «Ах ты, сукин сын, — закричал на мужика Асон и ногами затопал, — что мне в твоём сне — много ли корысти? Хочу пособить тебе при бедности; а он, дуралей, вишь какую цену заломил!» — «Как знаешь, а меньше ни единой копейки не возьму».

Спорили-спорили, ругались-ругались; нечего делать, видит колдун, что мужика не переспоришь, да и цена-то средняя: хоть и сто тысяч заплатить, все другое сто в барышах останется. Насыпал мужику два больших воза деньгами; а наутро приехал к нему на деревню с четырьмя возами. Разломал печь, а там серебра да золота видимо-невидимо. Еле-еле на четырех подводах уложил. Стал в путь собираться и говорит хозяевам: «Послушай, мужичок, скажи, кто тебя научил запросить за твой сон так дорого? Ведь сам ты ни за что б не догадался?» — «Нет, брат, этого не скажу». — «Скажи, вот тебе пять тысяч на прибавку». Мужик тотчас польстился на деньгу и выдал мальчика. После попрощались; колдун домой поехал, а мужик разбогател и зажил себе припеваючи — по-купечески.

На другой день Асон нарядился словно барин, запряг заводских лошадей, сел в коляску и катит прямо на двор к родителям того мальчика, что мужика научил. Приезжает и говорит: «Нельзя ли отдохнуть маленько?» — «Отчего нельзя, отдыхай». Вошел в избу, пошли те, другие разговоры. «Это чей мальчик спит?» — «Мой сын», — говорит старик. «Послушай, старик, мне твой сынок полюбился. Вижу я — ты живешь при бедности, а у меня и золота, и всякого имения, чего только душа про-

сит — всего вдоволь. Только детей бог не дал. Отдай мне мальчика, я ему вместо отца буду, в люди выведу, и тебя со старухой награжу деньгами и хлебом». Старик со старухой помялись, помялись и согласились, продали сына за десять тысяч.

Асон взял его сонного, положил в повозку и повез к себе. Приехал домой; мальчик проснулся, смотрит, где это он очутился? «Что глаза-то вылупил? Чай, знаешь, зачем привез тебя...» — «Как не знать, — отвечает мальчик, — затем, чтобы с молодой женой твоей спать». — «Вот, брат, не угадал!» — сказал колдун, зло улыбнулся и крикнул: «Позвать ко мне повара». Повар пришел; он и говорит ему на ухо: «Возьми этого мальчишку, зарежь, вынь из него сердце, изжарь и принеси ко мне». Повар привел мальчика на кухню, достал широкий нож и принялся точить на камне. «Эх, дядя, — говорит мальчик, — ведь я знаю, для чего ты нож точишь». — «А для чего?» — «Да хочешь меня зарезать». — «Правда твоя!» — «Послушай, дядя, пожалей меня — отпусти на волю: тебя бог наградит». — «Я б отпустил тебя, да ведь хозяин у меня хитер; сейчас узнает». — «Не бойся, не узнает. Есть у вас на дворе супоросая свинья, поди-ка, спроси у хозяина сколько она поросят принесет? Он и этого не разгадает».

Повар пошел к Асону, спросил про свинью, воротился и говорит: «Хозяин рассказывает, что двенадцать поросят будет» — «Вот и не узнал: ваша свинья уже опоросилась — принесла тринадцать». Повар побежал, справился: как раз тринадцать. «Правда твоя», — говорит мальчику. «Ну, так отпусти ж меня на вольный свет, а тринадцатого поросенка зарежь, вынь из него сердце, зажарь и снеси хозяину». Повар так и сделал. Понес поросычье сердце, только переступил порог — и уронил блюдо. Кобель подхватил и съел сердце. «Ну, пес его бери!» — сказал колдун.

А мальчик вышел на большую дорогу и, долго ли, коротко ли, пришел в столичный город. Остановился у гостинных рядов, да на знатные заморские товары любитесь. Увидал его купец и взял к себе за приказчика. С того самого времени пошла у купца торговля широкая, покупатели так и валят в лавку, просто отбою нет. Успевай только деньги брать. Время идет, мальчик растет да растет, вырос и сделался таким молодцем да красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером написать.

В один день поехала молодая Асонова жена в гостинные ряды за покупками; зашла в самую богатую лавку, увидела этого приказчика и сразу влюбилась в него. Набрала целый ворох всяких товаров и говорит: «Послушай, добрый молодец. Со мной денег не случилось; потрудись сегодня вечером ко мне в дом побывать, я там-то живу». — «Извольте, сударыня». Вечером приехал к ней за деньгами; она тотчас ухватила его за белые руки, повела в свою спальню, стала целовать-миловать, нежно к сердцу прижимать; уложила его на мягкую постель вместе с собой: «Ну, — говорит, — придвинься ко мне плотней, будет нам теплей!» Тут они и слюбилась, и стали часто друг к другу наезжать, вместе ночи коротать.

Прошло с год времени, приснился царю этой земли такой сон: будто стоит в его палатах драгоценная золотая чарка, а в той чарке один край

выломился. Встал царь поутру и думает: что бы этот сон значил? Сейчас посылает он за колдуном Асоном. «Ну-ка, Асон, рассуди мой сон!» Колдун бросился смотреть по своим книгам, искал-искал — нет, не может разгадать царского сна. Царь рассердился и назначил ему три дня срока: «Коли не разгадаешь, прикажу тебя казнить». Три дня прошло, повели Асона на площадь и повесили на виселице.

После того разослал царь указы по всей земле: «Коли кто разгадает этот сон, тому пожалует половину своего царства». Услыхал про то молодой приказчик, явился к царю поздним вечером и говорит: «Ваше величество! я могу ваш сон разгадать». — «Ну, разгадай. Скажешь правду — половину царства пожалую, а соврешь — то мой меч, твоя голова с плеч». — «Есть, — говорит, у вашего величества три дочери; скажите, которую царевну вы больше любите, больше жалуете?» — «Все три, — отвечает царь, — мне дороги, а больше всех люблю и жалую меньшую царевну: нет ее на свете дороже». — «Ну, так пойдите к ней в спальню — там будет разгадка». Пришли к царской спальне, смотрят, дверь заперта. Царь постучался: «Отопри-ка, дочка». — «Ах, батюшка! Я уж спать легла»: — «Ничего, отопри». — «Да я не одета». — «Отопри, не то велю дверь выломать!»

Царевна отперлася: входит царь с приказчиком в спальню. Приказчик тотчас подбежал к мамке. Оказывается мамка — мужчина. Царь отдал этому приказчику половину своего царства, царевну наказал, мамку казнил, а о том, что было, велел втайне хранить, лишнего никому не говорить. Приказчик сделался сам царем, женился на Асоновой вдове, разбогател и стал жить-поживать, добра наживать, лиха избывать.

39. КУПЕЧЕСКАЯ ЖЕНА И ПРИКАЗЧИК

Жил-был купец, старый хрыч, женился на молоденькой бабенке, а у него было много приказчиков. Старшего из приказчиков звали Потапом; детина он был видный, зачал к хозяйке подбираться, так у них дело и сладилось. Стали люди примечать, стали купцу сказывать. Вот купец и говорит своей жене: «Послушай, душенька, что люди-то говорят, будто ты с приказчиком Потапом живешь». — «Что ты, бог с тобой, соглашусь ли я. Не верь людям; верь своим глазам». — «Говорят, он к тебе давно подбирался. Нельзя ли как-нибудь испытать его». — «Ну что ж, — говорит жена, — послушай меня, нарядись в мое платье и пойди к нему в сад — знаешь, где он спит, да потихоньку шопотом и скажи: я-де к тебе от мужа пришла. Вот и посмотришь тогда, каков он есть». — «Ладно», — сказал купец.

А купчиха улучила время и научила приказчика: как придет муж, хорошенько его поколоти, чтобы он, подлец, долго помнил. Дождался купец ночи, нарядился в женино платье с ног до головы и пошел в сад к приказчику: «Кто это?» — спрашивает приказчик. Купец отвечает шопотом: «Я, душенька!» — «Зачем?» — «От мужа ушла, да к тебе пришла». — «Ах ты, подлая! И то про меня говорят, что я к тебе хожу. А ты

хочешь, чтоб я совсем опостылел хозяину». И давай колотить купца по шее, по спине, да в поволочку: «Не ходи, мерзавка, не срами меня! Я ни за что не соглашусь на такие пакости».

Кое-как купец вырвался, прибежал к жене и говорит: «Нет, милая, теперь никому в свете не поверю, что ты живешь с приказчиком. Как принялся он меня ругать, страмить да бить — насилу ушел». — «Вот видишь, а ты всякому веришь!» — сказала купчиха и с того времени стала жить с приказчиком без всякого страха.

40. «НЕТ!»

Жил-был старый барин, а у него была жена и молода, и собой хороша. Случилось этому барину куда-то уехать далеко. Он боится, как бы жена его не стала с кем... и говорит: «Послушай, милая! Теперь я уезжаю надолго от тебя, так ты никаких господ не прймай к себе, чтоб они тебя не смутили, а лучше вот что: кто бы тебе и что бы тебе ни сказывал — отвечай все: «Нет!» да «Нет!» Уехал муж, а барыня пошла гулять в сад. Ходит по саду. А мимо на ту пору проезжал офицер. Увидал барыню такую славную и стал ее спрашивать: «Скажите, пожалуйста, какая это деревня?» Она ему отвечает: «Нет!»

«Что бы это значило, — думает офицер, — о чем ее ни спросишь, она все: нет да нет!» Только офицер не будь промах: «Ежели, — говорит, — я слезу с лошади да привяжу ее к забору — ничего за это не будет?» А барыня: «Нет!» — «А если взойду к вам в сад, вы не рассердитесь?» — «Нет!» Он вошел в сад. «А если я с вами стану гулять, вы не прогневаетесь?» — «Нет!» Он пошел рядом с нею. «А если возьму вас за ручку, — не будет вам досадно?» — «Нет!» Он взял ее за руку. — «А если поведу вас в беседку — и это ничего?» — «Нет!» Он привел ее в беседку. — «А если ..., вы не станете противиться?» — «Нет!»... [Потом он опять спрашивает]: — «Вы теперь довольны?» — «Нет!» — «Ну когда нет...» Еще раз спрашивает: — «А теперь довольны?» — «Нет!» Он плюнул и уехал. А барыня встала и пошла в хоромы.

Вот воротился домой барин и говорит жене: — «Ну что, все ли у тебя благополучно?» — «Нет!» — «Да что же?...» — «Нет!» Что ни спросит, она все: нет да нет. Барин и сам не рад, что научил ее.

41. ЖЕНА СЛЕПОГО

Жил-был барин с барыней. Вот барин ослеп, а барыня загуляла с одним подьячим. Стал барин подумывать ..., и шагу не даст ей без себя сделать. Что делать? Раз пошла она с мужем в сад, и подьячий туда же пришел ... Вот муж-то слепой у яблони сидит, а жена ... с подьячим. А сосед ихний смотрит из своего дома, из окна в сад, увидел, что там строится... и сказывает своей жене: «Посмотри-ка, душенька, что у яблонито делается. Ну что как теперя откроет бог слепому глаза да увидит он — что тогда будет? Ведь он ее до смерти убьет». — «И, душенька! Вить и нашей сестре бог увертку дает!» — «А какая тут увертка?» — «Тогда узнаешь».

На тот грех и открыл господь слепому барину глаза: увидел он ...— «Ах ты!.. Что ты делаешь, проклятая!»— А барыня: «Ах как я рада, милый мой! Ведь сегодня ночью приснилось мне: сделай грех с таким-то подьячим, и господь за то откроет твоему мужу глаза. Вот оно и есть правда: за мои труды бог дал тебе очи».

42. ДВЕ ЖЕНЫ

Жили-были два купца, оба женатые, и жили они промеж себя дружно и любовно. Вот один купец говорит другому: «Послушай, брат! Давай сделаем пробу, чья жена лучше мужа любит».— «Давай. Да как пробу-то сделать?»— «А вот как: соберемся-ка да поедем на Макарьевскую ярмарку, и которая жена лучше станет плакать, та больше и мужа любит». Вот собрались в путь, стали их провожать жены. Одна плачет, так и разливаются, а другая прощается и сама смеется.

Поехали купцы на ярмарку, отъехали эдак верст пятьдесят и разговорились между собой.— «Ишь как тебя жена любит,— говорит один,— как она плакала на прощанье, а моя стала прощаться, а сама смеется!» А другой говорит: «Вот что, брат! Теперя жены нас проводили, воротимся-ка назад, таким образом да посмотрим, что наши жены без нас делают».— «Хорошо!»

Воротились к ночи и вошли в город пешие. Подходят наперед к избе того купца, у которого жена на прощанье горько плакала. Смотрят в окошко. Она сидит с любовником и гуляет. Любовник наливает стакан водки, сам выпивает и ей подносит: «На, милая, выпей!» Она выпила и говорит: «Друг ты мой любезный! Теперя я твоя».— «Вот какие пустяки: вся моя! Что-нибудь есть и мужнино!» Она оборотилась к нему задом и говорит: «Вот ему... — один зад!» Потом пошли купцы к той жене, которая не плакала, а смеялась. Пришли под окошко и смотрят: перед иконами горит лампадка, а она стоит на коленях, усердно молится да приговаривает: «Подаждь, господи, моему сожителю в пути всякого возвращения!» «Ну вот,— говорит один купец другому,— теперя поедем торговать».

Поехали на ярмарку и торговали очень хорошо: такая задача в торговле была, какой никогда не бывало! Пора уж домой. Стали собираться и вздумали купить своим женам по гостинцу. Один купец, у которого жена богу молилась, купил ей славной парчи на шубку, а другой купил жене парчи только на ее зад: «Вить мой только зад! Так мне только пол-аршина и надобно—я свою жену не хочу паскудить!» Приехали и отдали женам гостинцы. «Что же ты купил эдакой лоскут?»— говорит жена с сердцем.— «А ты вспомни..., как сидела ты с любовником и говорила, что мой у тебя только зад,— ну, я свою часть и снарядил. Нашей парчу на него да и носи».

43. ЖЕНА ХИМКА

Жил муж Филя, у него жена была Хима — беспечная, сонливая, нерадивая. Раз в летний день пошла она рожь жать; жать не жала, легла в поле и заснула. Приходит Филя, взял ей остриг голову, обмазал тестом, обсыпал пухом и ушел домой. Вот Хима проснулась, схватилась за голову и говорит: «Что б это значило? По уму-то я Хима, а по голове, кажется, нет. Постой, пойду в деревню; узнаю ли свой двор?»

Идет она по деревне, считает дворы, подходит к своему двору и говорит: «Вот наш двор!» Спрашивает хозяина: «Филя, а Филя! Дома ли твоя Хима?» — «Дома». Вот она и пошла прочь от окна. «Постой, — думает, — суну-ка я в подворотню голову; если узнает меня собака, так я Хима, а не узнает — значит не Хима». Сунула голову в подворотню; собака залаяла.

Тут бедная баба совсем поверила, что она не Хима, и пошла к вечеру на большую дорогу. Попадаются ей навстречу воры. Она и просит: «Возьмите меня с собой; я знаю богатого мужика, обворуем его». — «Пойдем». Пошли воровать. Проломали в клети крышу и опустили туда Химу: «Подавай, а мы брать станем». Она набрала себе орехов, а им подала мешок с золою. Воры осерчали: «Черт с ней, — говорят, — бросим ее, пусть сидит там!» Хима услышала это, навязалась сама на веревку и кричит им: «Тащите, вот добро, так добро». Воры ее и вытащили.

Пошли искать иного места; идут мимо кладбища. «Ну, Химушка, ты сиди пока тут, а мы пойдем к дьякону баранов красть». Воры ушли, а Хима села на могиле, сидит да орехи щелкает. Вышел дьякон помочиться и видит на могиле эдакое чудище. Побежал к попу: «Вставай, батюшка, покойник из могилы вылез, зубами щелкает!» Поп был нездоров, позвал еще дьячка и велел нести себя на носилках: «Пойду, — говорит, — мертвеца отчитывать». Вот дьякон с дьячком несут попа, а Хима думает, что то воры и закричала: «Что, несете?» Дьякон говорит: «Несем!» — «Жирного?» — «Жирного!» — «Ну, скорей давайте, я есть хочу». Дьякон думает: «Что ж, я-то жирнее попа, пожалуй, за меня хватится!» Испугался, бросил попа на землю, да бежать; дьячок за ним, а поп так головой о могильный камень пришелся, что еле-еле к рассвету опомнился. Поутру шел народ на работу, увидел Химу и отвел к мужу.

44. ФОМКА-ДУРАК И ЕГО ЖЕНА

Жил мужик с бабою; звали его Фомкою, был он большой дурак и трус. Только смеркается, то и на двор побоится выйти. А баба — известное дело, как при таком муже не завести любовника — и таки завела. Один раз Фомка пришел домой пьяный да веселый; еще никогда таким не бывал. Поужинал, снял портки и лег с женой спать. А ночь была темная-темная, дождь как из ведра поливает.

На ту пору постучался к бабе любовник, собака и залаяла. Фомка услышал, что собака на дворе лает, и давай тюкать: «Тю-тю, тю-тю». —

«Молчи,— говорит жена,— а то волки по деревне ходят, овец режут, пожалуй, к нам зайдут». — «Невжли ты боишься?» — «А ты разве не боишься?» — «Я-то? Да ты знаешь, какой я смельчак? Хочешь: сейчас окно отворю да начну тюкать?» — «А ну, Фомушка, отвори да потюкай». Фомка отворил окно и кричит спьяна: «Тю-тю». — «Ах, Фомушка, затвори окно, не то волки в избу залезут да нас поедят». — «Я ничего не боюсь». — «Экой ты смелый!» — «Э, ты еще меня не знаешь! Хочешь, я выйду в сени да в сенях начну тюкать?» — «А ну, выйди да потюкай в сенях», — говорит жена, а сама на уме держит, как бы поскорей его на двор выпихнуть.

Фомка вышел в сени и опять: «Тю-тю, тю-тю!» Баба идет сзади да подхваливает: «Ох, Фомушка, какой ты небоязливый! А я думала, что ты побоишься». — «Э, дура, разве не знаешь, какой я хватюга? Я еще отворю двери на двор да еще громче начну тюкать!» — «А ну, попробуй, попробуй, Фомушка!» Фомка отворил двери, высунул на двор голову и снова кричит: «Тю-тю!» Тут баба как толкнет его в шею, выпихнула на двор и заперла двери засовом, а любовника в окно впустила и легла с ним на постель.

Фомка ходит без порток, вокруг избы, намок весь, стучится в окно да просится со слезами в избу. «Какой леший там стучится?» — спрашивает хозяйка. — «Это я», — говорит Фомка. — «А ты кто?» — «Фома!» — «Какой Фома? Ты — Мора, а не Фома. Мой Фома со мной на постели лежит». А сама шепчет любовнику: «Откликнись ему». Любовник и закричал: «Кой черт там около избы бродит? Вот только выйду на двор, так дам себя знать: так шею наkostenяю, что долго не забудешь!»

Бедный Фомка не знает, что и делать. «Видно,— думает,— я пьяной к чужой избе подошел». И начал себя поверять — считает избы. «Вот эта — кумова изба, а это — братова, а эта — Кондратова, а четвертая моя». Постучал опять в окно; а его все не пускают, беда да и только. Пошел к куму, постучался. «Кто там?» — «Это я, кум». — «Чего тебе?» — «Да видишь, кум, я немножко выпивши, не могу до своей избы дойти; проводи меня, пожалуйста». Кум оделся, вышел, смотрит — Фомка без порток в одной рубахе стоит, перезяб, трясется. Провел его до двора и стучится: «Кумушка, ты спишь?» — «Нет, кум, еще не сплю, а что там?» — «Да вот возьми своего Фому, он совсем пьяный». — «Какой там Фома? Это Мора — всю ночь около избы таскается, не дает нам покою; мой муж давно дома». На ее речи и любовник отозвался. «Что ты, кум, я давно дома; это у тебя Мора. Брось ее к черту!»

Кум испугался, бросил Фому и убежал домой. Что делать Фомке? На дворе холодно, а в избу не попадешь. Принужден был забраться к свиньям в хлев, там и переночевал до утра. На другой день приносит баба свиньям корм, увидала мужа и говорит: «Это ты, Фомушка? Каким манером сюда попал? А я тебя всю ночь проискала». — «Молчи, жена, я и сам себя с похмелья не помню. Видно меня пьяного черти таскали». — «То-то, Фомушка, говорю тебе, не напивайся».

45. ДОГАДЛИВАЯ ХОЗЯЙКА

Жила-была старуха, у ней была дочь — большая неряха. За что ни возьмется, все у ней из рук валится. Пришло время — нашелся дурак, сватал ее и взял за себя замуж. Пожил с нею год и больше и прижил сына. Пришла один раз она к матери в гости. Эта ну ее угощать да потчевать. А дочь ест да сказывает: «Ах, матушка! Какой у тебя хлеб скусный, настоящий ситный, а у меня такой, что и проглотить не хочется, — настоящий кирпич». «Послушай, дочка! — говорит старуха, — ты верно не хорошо месишь квашню, оттого у тебя и хлеб не скусен. А ты попробуй квашню вымесить так, чтобы у тебя... была мокрая! Так и дело будет ладно».

Пришла дочь домой, растворила квашню и начала месить. Помесит-помесит, да подымет подол и пощупает — мокрая ли... Часа два так месила, всю... выпачкала, а узнать не может, мокрая ли у ней или нет? Мальчик посмотрел и говорит: — «Эге, матушка, у тебя все в тесте». Тут она полно месить квашню и спекла с того теста хлеба такие скусные, что, если б знали, как она месила, — никто б и в рот не взял.

III. ПРЕДИСЛОВИЯ А. Н. АФАНАСЬЕВА К «НАРОДНЫМ РУССКИМ СКАЗКАМ»

а) К 1-МУ ВЫПУСКУ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ

Между разнообразными памятниками устной народной словесности (песнями, пословицами, поговорками, причитаниями, заговорами и загадками) весьма видное место занимают сказки. Тесно связанные по своему складу и содержанию со всеми другими памятниками народного слова и исполненные древних преданий, они представляют много любопытного и в художественном и в этнографическом отношениях. Важное значение народных сказок как обильного материала для истории словесности, филологии и этнографии давно признано и утверждено даровитейшими из германских ученых. Они не только поспешили собрать свои народные сказки и легенды (Märchen und Sagen), но еще усвоили в немецкой литературе в прекрасных переводах почти все, что было издано по этому предмету у других народов. Конечно, нигде не обращено такого серьезного внимания на памятники народной словесности, как в Германии, и в этом отношении заслуга немецких ученых действительно велика, и нельзя не пожелать, чтобы благородный труд, подъятый ими на пользу народности, послужил и нам благом примером. Пора, наконец, и нам дельней и строже заняться собранием и изданием в свет простонародных сказок, тем более что, кроме поэтического и ученого достоинств подобного сборника, он может с пользою послужить для первоначального воспитания, представляя занимательные рассказы для детского чтения. Разумеется, предпринимая издание с этою последнею целью, необходимо допустить строгий выбор, но такой выбор легко будет сделать. Увлекаясь простодушною фантазиею народной сказки, детский ум нечувствительно привыкнет к простоте эстетических требований и чистоте нравственных побуждений и познается с чистым народным языком, его меткими оборотами и художественно верными природе описаниями. Мысль эту разделяли лучшие из наших поэтов: Жуковский и Пушкин, познакомившие публику с некоторыми народными сказками, передавая их простое содержание в прекрасных стихах. Жуковский под конец своей жизни думал исключительно заняться переводом сказок различных народов; а Пушкин в одном из неизданных своих писем говорит о себе: «Вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!»

Цель настоящего издания объяснить сходство сказок и легенд у различных народов, указать на ученое и поэтическое их значение и представить образцы русских народных сказок.

Мы не раз уже говорили о доисторическом сродстве преданий и поверий у всех народов индоевропейского племени. Такое сродство условливалось: во-первых, одинаковостью первоначальных впечатлений, возбужденных в

человеке видимою природою, обожание которой легло в основу его нравственных и религиозных убеждений, в эпоху младенчества народов; во-вторых, единством древнейшего происхождения ныне столько разъединенных народов. Разделяясь от единого корня на отдельные ветви, они вынесли из прошлой своей жизни множество одинаковых преданий и доказательства своего изначального родства затаили в звуках родного слова. Доказано, что тою же творческою силою, какую создавался язык, создавались и народные верования и верная их представительница — народная поэзия; образование слова и мифа шло одновременно, и взаимное воздействие языка на создание мифических представлений и мифа, на рождение слова не подлежит сомнению¹. Теперь, если мы припомним, что народные сказки древнейшей первичной формации сохранили в себе много указаний и намеков на седую старину доисторического периода, что они суть обломки древнейшего поэтического слова — эпоса, который был для народа хранилищем его верований и подвигов,— для нас будет понятно и то удивительное с первого взгляда сходство, какое замечается между сказками различных народов, живущих на столь отдаленных одна от другой местностях и столь разною историческою жизнью. Особенно такое сходство замечается между сказками народов, состоящих в наиболее близком племенном родстве, например между сказками славянскими и немецкими. Читатели убедятся в этих высказанных нами мнениях из подробного сличения народных сказок, на котором мы, с надеждою пояснить многие старинные предания, основываем наши примечания к издаваемому теперь выпуску. При сравнении народных сказок мы пользовались следующими превосходными изданиями:

a) *Kinder und Hausmärchen, gesammelt durch die Brüder Grimm. Grosse Ausgabe. Göttingen, 1850, 2 части.*

b) *Deutsche Sagen, herausgegeben von den Brüdern Grimm. Berlin, 1816.*

c) *Norwegische Volksmärchen, gesammelt von P. Asbjørnsen und Sorgen Moe. Deutsch von Friederich Bresemann. Berlin, 1847, 2 части.*

d) *Zeitschrift für Deutsche Mythologie und Sittenkunde herausgegeben von J. W. Wolf. Göttingen, 1853—1854; т. I (4 выпуска) и т. II (2 вып.).*

e) *Der Pentamerone oder: Das Märchen aller Märchen von Giambattista Basile. Aus dem Neapolitanischen übertragen von Felix Liebrecht. Breslau, 1846, 2 тома.*

f) *Walachische Märchen, herausgegeben von Arthur und Albert Schott. Stuttgart und Tübingen, 1845.*

g) Српске народне приповијетке, скупио их и на свијет издао Вук Стеф. Караджич. У Бечу 1853.

h) Два сборника, изданные г. Боричевским: «Повести и предания народов славянского племени. СПб. 1840» и «Народные славянские рассказы. СПб. 1844». Г-н Боричевский воспользовался здесь некоторыми эпическими песнями сербов и сборником Войницкого: *Klechdy, czyli starozytne podania narodu Polskiego i Rusi. 1836, 2 тома.* (Сказки или старинные поверья наро-

¹ См. мою статью «О соотношении языка с народными поверьями» (Акад. изв. по отд. Русск. словесн., 1853) и статью «О мифической связи понятий:

света, зрения, огня» и пр. (во 2-й половине II тома Архива, изд. г. Калачовым).

да польского и Руси — именно: Красной Руси, Галиции, Подолии и Воыни.) Из этого последнего издания были переведены также две сказки в «Русском вестнике» 1842 года, № 5 и 6 (в статье: «Казимир Владислав Войницкий», стр. 112) и три сказки в «Москвитянине» того же года № 1 (Смесь, стр. 49). «Народные славянские рассказы», кроме отдельного издания, были напечатаны еще в «Маяке» 1844 года.

Собственно, у нас нет до сих пор ни одного сколько-нибудь полного и удовлетворительного издания народных сказок. Изо всех печатных сборников сказок заслуживают внимания только: а) «Русские народные сказки, собранные Богданом Броницыным. СПб., 1838. Книжка I, в 16 д.л.». В этой книжке помещено пять сказок, записанных, по свидетельству издателя, «со слов хожалого сказочника, крестьянина из подмосковной, которому рассказывал старик, отец его. В них замечателен склад рассказа, представляющего по большей части сбор разномерных русских стихов». б) «Русские народные сказки», издание г-на Сахарова (СПБ., 1841, ч. I). Здесь напечатано шесть сказок с отчетливо записанных рукописей XVIII столетия. Если к этим одиннадцати сказкам прибавим еще несколько разбросанных по периодическим изданиям и одну, записанную со слов и напечатанную в 1-м выпуске «Этнографического сборника», издаваемого Русским географическим обществом (с. 247: «Надзей папов ѱнук»), то пред нами — все, что сделано для народной русской сказки! Другие сборники сказок, изданные в разное время, не много дадут любителю народной словесности; составлялись они и печатались людьми, мало приговоренными к этому делу, и с целями вовсе не археологическими и не литературными. В сказках видели одну забаву, достойную низшего слоя общества или детского возраста, и потому всякий считал за собою полное право переделывать их по-своему. Книжная торговля наша наводнялась и до сих пор продолжает наводняться множеством серых, неприятных, обильных опечатками изданий, в которых под именем народных сказок печатаются столь искаженные, что в них трудно доискаться не только следов народности, но и самого смысла. Здесь допущены и переводы, и переделки, и присочинения — плод собственной досуговой фантазии издателей, а меткая и выразительная народная речь заменена бесцветною и не всегда правильною прозою. Упреки наши вполне могут быть отнесены к изданиям сказок Попова, Чулкова и многих других. (См. предисловие к «Русск. нар. сказкам» г-на Сахарова, с. XXXIII—LXXI.) Впрочем, из некоторых печатных сборников² можно выбрать несколько сказок не совсем испорченных, но такой выбор требует большой осторожности и достаточного знакомства с сказками, живущими в устах поселян³.

Существуют у нас еще так называемые *лубочные* сказки, издаваемые грамотниками из простонародья и украшенные грубыми картинками их

² «Веселая старушка, забавница детей, рассказывающая старинные были и небыли»; «Дедушкины прогулки, содержащие в себе десять русских сказок»; «Старая погудка на новый лад, или полное собрание древних простонародных сказок»; «Лекарство от задумчи-

ности и бессонницы, или вторая часть настоящих русских сказок»; «Собрание старинных русских сказок».

³ То же должно сказать о переделках народных сказок, разбросанных в разных периодических изданиях.

собственного изделия. Начало лубочных изданий относят к XVII столетию (см. «Русск. нар. сказки» г-на Сахарова, с. LXXI и далее); но когда появились в этом виде сказки, решить трудно; по всему вероятно, им принадлежат не очень значительная давность. На лубочных сказках нельзя не заметить очевидного влияния тех печатных сборников, о которых мы сейчас говорили; в содержании их попадаются такие же искажения, а в расположении фраз явственны следы книжного языка. Сверх того, наряду со сказками, в складе и содержании которых, несмотря на некоторую попорченность текста, обнаруживается народный тип, — наряду с такими сказками в лубочные издания попали и повести, не имеющие ни малейших следов народности, таковы: а) «Сказка (полная и краткая) о Бове Королевиче»; повесть эта встречается в рукописях XVII и XVIII веков⁴; она переделана из старинного рыцарского романа⁵, б) «История о принце Одольфе Лападийском и о острове вечного веселия» — повесть, тоже занесенная из чужи, о принце Адольфе, который попал на счастливый остров и прожил там более трехсот лет, не стареясь; но когда он оставил остров, Время нагнало его и предало смерти, в) «Повесть о благородном князе Петре, златых ключах и о благородной королевне Магилене» — заимствованная из романа: «Pierre de Provence et la belle Maguelone, fille du roi de Naples». См. «Corps d'extraits de romans de chevalerie par M. le comte de Fressan, de l'Académie Française, à Paris. MDCCLXXXII», т. I, с. 382—442, г) «Сказка полная о славном, сильном и храбром богатыре Добрыне Никитиче, служившем при князе Владимире» — перепечатанная из 1-й части сказок Чулкова: это собственное сочинение Чулкова, наполненное самыми странными и грубыми вымыслами, д) «Сказка о купцовой жене и приказчике» и е) «Сказка о воре и о бурой корове» — обе в стихах: заимствованы из книги «Старичок-весельчак, рассказывающий давние московские были».

В рукописных сборниках сказок (XVII и XVIII столетий) мало сохранилось народных памятников. Г-н Сахаров заимствовал из этого источника только шесть сказок, да еще указал на восемь, в которых, судя по заглавиям и по шести изданным сказкам, должно признать чисто народные произведения⁶. К ним должно присоединить сказку об Илье Муромце и, может быть, сказки о бражнике и о богатыре Еруслане, встретившиеся нам в рукописных сборниках XVIII столетия. Большею же частью сборники эти наполнялись переводными повестями и романами, как, например, «Сказание о королевиче

⁴ В собрании рукописей, принадлежавших М. П. Погодину: №№ 1287, 1289 и 1296; в библиотеке графа Ф. А. Толстого, №№ 215 и 415 (Моск. телегр., 1830, № 22, с. 162).

⁵ См. Моск. телегр., 1830, № 22, с. 160—162, в статье Макарова «Догадка об истории рус. сказок»: «тут без труда находишь имена Анконы (Антоня города), Гвидо (Гвидона), Бовье (Бовы), Дьедоно (Дидона), Марк Брюно (Малкобруна), Амико (Дружевну) и пр.». См. Совр., 1854, № 12, ст. Пыпина, с. 93—97.

⁶ «Змей Горыныч», «Соловей сын гостинной Иванович», «Иван гостинной сын», «Алексей Попович», «О чудных и зело умилных гусях-самогудах», «Емеля-дурачок», «Шемякин суд», «О жар-птице и Иване-царевиче». Последние три попадают и в лубочных изданиях, а сказка о гусях — в печатных сборниках. Упоминаемая же г-ном Сахаровым сказка «О семи мудрецах и о юноше» заимствована из чужи и не составляет народного произведения (см. «Дедушкины прогулки»).

Брунsvике», «Повесть о Дракуле Мутьянския земли воеводе» и мн. др.⁷ Между этими переводными произведениями попадаются и повести русского состава, издание которых было бы весьма важно и полезно для истории русской словесности⁸.

Для предпринятого нами издания «Народных русских сказок» главным материалом послужат сказки, записанные прямо со слов, с сохранением по возможности местных, областных оттенков языка. Кроме сказок, записанных лично мною, в настоящее издание войдет богатый запас памятников этого рода, записанных в разных местах империи и доставленных в императорское Русское географическое общество вместе с другими этнографическими сведениями. По благосклонному содействию своему Общество (в заседании Совета 23 февраля 1852 года) разрешило передать в мое распоряжение имеющееся у него собрание народных сказок (См. «Вестн. Русск. геогр. общ.», 1852 г., кн. 2, с. 61 Приложений). Это прекрасное собрание представляет много в высшей степени любопытного. Многие из этих сказок записаны превосходно, с удержанием всех особенностей народного говора; другие хотя и записаны языком более книжным, нежели простонародным, и не всегда грамотно, но чужды всякого произвольного, нарочно придуманного искажения. Печатаемая первая, я буду в точности следовать доставленным спискам; относительно же последних решаюсь дозволить себе исправление слова и грамматических ошибок. Под всякою сказкою будет означено: где и кем она записана, исключая только те случаи, когда в присланном списке фамилия доставителя или вовсе не показана, или не могла быть разобрана. Печатными сборниками и лубочными изданиями сказок мы воспользуемся не более как пособием, заимствуя из них варианты там, где это покажется почему-либо интересным, и пополняя собрание устных сказок теми из печатных и лубочных, которые, не противореча народным преданиям, обращают на себя внимание некоторыми указаниями и подробностями; при этом сообщим и несколько изображений, представляющих (в лубочных изданиях) мифических героев: Змея Горыныча, леших и др.

В первый выпуск нашего издания вошло двадцать четыре сказки; из них только две перепечатаны с лубочных изданий; одна заимствована из

⁷ См. «Рукописи Слав. и Росс., принадлежащие И. Н. Царскому» — «Библ. Общ. Истор. и Древн. Росс.». Образцы подобных повестей напечатаны в «Русск. вестнике» 1842 года за январь: «Слово о Акире премудром» и «Повесть о Басарге-купце» (с. 54—74).

⁸ Таковы: повесть о Фроле Скобееве, напечатанная в «Московитянин» 1853 года (№ 1) и «Повесть зело предивная бысть в древние времена града Великого Устюга купца Фомы Грутцына о сыне его Савве, како он даде на себе диаволу рукописание и како избавлен бысть милосердием пресв. Богородицы казанския». («Библ. Общ. Истор. и Древн. Росс.», № 223, с. 106. Пого-

динск. собр. № 183—1291). Это повесть о Савве Грутцыне, жившем при царе Михаиле Феодоровиче, и история его любви. Приведем любопытную выписку о волхве: «Бысть во граде том (Орле) волхв некий, волшебством своим сказуя, кому какая скорбь приключится или умереть. Гостинник же и жена его... не малое попечение имеют о юноше (Савве), и призва волхва тайно, хотят уведати, какая скорбь приключалась юноше. Волхв же, посмотрев на юношу и (в) волшебные свои книги, и сказа им истину, ако у него нет никакия скорби; только напушена тоска, и тужит по бажениковой жене».

рукописи XVIII столетия, остальные же записаны со слов и по преимуществу заимствованы из материалов, собранных Русским географическим обществом.

Народные русские сказки раскрывают пред нами обширный мир. Поверья и предания, встречаемые в них, говорят о старинном доисторическом быте славянских племен; олицетворенные стихии, вещие птицы и звери, чары и обряды, таинственные загадки, сны и приметы — все послужило мотивами, из которых развился сказочный эпос, столько пленительный своею младенческой наивностью, теплою любовью к природе и обаятельною силою чудесного. Позднее сказка, верная народной жизни, отразила в своих богатырских повестях черты из эпохи великой борьбы христианских идей с языческими. Рядом с богатырями, сражающимися против языческих обрядов, «законных обедов» и чар, стоят богатыри-кудесники, защитники священной для них старины, напоминающие нам летописные рассказы о волхвах XII столетия. Между этими богатырями-кудесниками некоторые сохранили весьма яркие следы древнейшей связи своей с различными силами и явлениями обоготворенной природы. Эти могучие силы и поразительные явления, признанные в эпоху язычества за богов, вследствие обычного развития древних верований воплотились в антропоморфические образы и, сблизившись мало-помалу с человеческими формами и свойствами, снизились, наконец, с своей недосягаемой высоты на степень *героев*, доступных людским страстям и житейским тревогам, и породили богатырские легенды, повествующие о их чудесных подвигах. Таковы все герои финской поэмы Калевалы и греческие полубоги; таков наш Змей Горыныч, который в «былинах» является уже богатырем, хотя и сохраняет все атрибуты огненного змея (молнии); таковы в народных сказках великаны и богатыри, удержавшие даже свои стихийные названия: Вихорь, Гром и др. Эти сказочные герои удержали за собой то страшное могущество, какое принадлежит силам природы, получили громадные, соответственные этому могуществу размеры и по самому значению своему остались представителями темных начал язычества. Но богатыри-кудесники не могли выдержать борьбы и пали пред всеокрушающим светом возвышенного христианского учения. Сражаясь против языческой старины, христианские витязи наших эпических сказаний выносят еще на своих крепких плечах беспрестанные и беспощадные битвы и с *погаными* азиатскими кочевниками и отстаивают независимость и государственные основы родной земли. Любопытно, что народное предание богатырей-кудесников, представителей своего собственного доисторического быта, делает защитниками басурманства и таким образом смешивает две различные эпохи.

Еще позднее — и народная сказка, свидетельствуя нам о некоторых чертах древнего новгородского быта (см. Русс. нар. сказки Сахарова), вводит читателя в мир действительных событий и через то сближает его с чисто историческим эпосом Слова о полку, малороссийских дум и народных песен о Грозном, Петре Великом и других знаменитых деятелях.

Составляя вместе с «былинами» отрывки старинного эпоса, сказки уже по тому самому запечатлены прочным художественным достоинством. В доисторическую эпоху своего развития народ необходимо является поэ-

том. Обогащая природу, он видит в ней живое существо, отзывающееся на всякую радость и горе. Погруженный в созерцание ее торжественных явлений и таинственных сил, народ все свои убеждения, верования и наблюдения воплощает в живые поэтические образы и высказывает в одной немолкаемой поэме, отличающейся ровным и спокойным взглядом на весь мир.

Народные русские сказки проникнуты всеми особенностями эпической поэзии: тот же светлый и спокойный тон; то же неподражаемое искусство живописать всякий предмет и всякое явление по впечатлению, ими производимому на душу человека; та же обрядность, высказывающаяся в повторении обычных эпитетов, выражений и целых описаний и сцен. Раз сказанное метко и обрисованное удачно и наглядно — уже не переделывается, а как будто застывает в этой форме и постоянно повторяется там, где это признано будет необходимым по ходу сказочного действия. Оттого, несмотря на неподдельную красоту языка, народные сказки поражают однообразием, тем более что и темы рассказов, и действующие лица, и чудесное — в большей части подобных произведений повторяются, с небольшими отступлениями. Народ не выдумывал; он рассказывал только о том, чему верил, и потому даже в сказаниях своих о чудесном — с верным художественным тактом остановился на повторениях, а не отважился дать своей фантазии произвол, легко переходящий должные границы и увлекающий в область странных, чудовищных представлений.

При всем однообразии, замечаемом в народных сказаниях, в них столько истинной поэзии и трогательных сцен! С какой поэтической простотой, например, передана в сказке встреча Федора Тугарина с Анастасией Прекрасною.

Поехал Федор странствовать. Едет, едет и на пути видит: лежат три рати-силы побитые. «Кто здесь живой, — окликает странствующий герой, — скажи: кто побил эти рати?» В ответ ему слышится голос: «Поддай воды напиться». Подает Тугарин воды раненому и узнает от него, что победила все три рати Анастасия Прекрасная, а сама отдыхает теперь в шатре. Приехал Тугарин к шатру Анастасии Прекрасной, привязал своего коня, вошел в палатку, лег сбоку девицы и заснул. Анастасия Прекрасная проснулась прежде; разбудила незнамого гостя и сказала: «А что — станем биться или мириться?» Отвечал ей Тугарин: «Коли кони наши станут биться, тогда и мы попробуем силы!» — и спустили они своих коней. Кони обнюхались, стали лизать друг друга и пошли дружно пастись вместе. Тогда Анастасия Прекрасная сказала Федору Тугарину: «Будь ты мне мужем, я тебе — женою!»

Как ото всех народных произведений, от сказок веет поэтической чистотою и искренностью; с детскою наивною и простотою, подчас грубою, они соединяют честную откровенность и свои повествования передают без всякой затаенной иронии и ложной чувствительности. Мы говорим о сказках древнейшего образования. В позднейшем своем развитии и сказка подчиняется новым требованиям, порожденным развитием дальнейшей жизни, является послушным и прочным орудием народного юмора и сатиры и утрачивает первоначальное простодушие (см. сказки о Ерше Ершовиче сыне

Щетинникове, о Шемякином суде и др.). Но всегда сказка, как создание целого народа, не терпит ни малейшего намеренного уклонения от добра и правды; она требует наказания всякой неправды и представляет добро торжествующим над злобою. Напечатанная в настоящем выпуске сказка «О Правде и Кривде» задает практический вопрос: как лучше жить — правдою или кривою? Здесь выведены два лица, из которых каждый держится противоположного мнения: правдивый и криводушный. Правдивый — терпелив, любит труд, без ропота подвергается несчастью, которое обрушилось на него по злобе криводушного, а впоследствии, когда выпадают на его долю и почести и богатство, он забывает обиду, какую причинил ему криводушный, вспоминает, что некогда они были товарищами, и готов помочь ему. Но чувство нравственное требует для своего успокоения полного торжества правды — и криводушный погибает жертвою собственных расчетов. На таком нравственном начале создалась большая часть сказочных интриг.

Несчастье, бедность, сиротство постоянно возбуждают народное участие. Целый ряд сказок преследует нелюбовь и ненависть мачехи к падчерицам и пасынкам и излишнюю, зловредную привязанность ее к своим собственным детям. Этот характер мачехи, выставляемый народными сказками, составляет одно из самых характерных указаний на особенности патриархального быта и вполне оправдывается и древним значением сиротства и свадебными песнями о судьбе *молодой* среди чужой для нее семьи. Мачеха, по народным сказкам, завидует и красоте, и дарованиям, и успехам своих пасынков и падчериц, особенно если сравнение с этими последними ее собственных детей, безобразных и ленивых, заставляет ее внутренне сознаваться в том, чему так неохотно верит материнское сердце. Мачеха начинает преследовать бедных сирот, задает им трудные, невыполнимые работы, сердится, когда они удачно выполняют ее приказания, и всячески старается известить их, чтобы не иметь перед глазами постоянного и живого укора. Но несчастья только воспитывают в сиротах трудолюбие, терпение и глубокое чувство любви ко всем страждущим и сострадания ко всякому чужому горю. Это чувство любви и сострадания, так возвышающее нравственную сторону человека, не ограничивается тесными пределами людского мира, а обнимает собою всю разнообразную природу. Оно одинаково сказывается при виде раненой птицы, голодного зверя, выброшенной на берег морского волноу рыбы и больного дерева. Во всем этом много трогательного!.. Нравственная сила спасает сироту от всех козней; напротив, зависть и злоба мачехи подвергают ее наказанию, которое часто испытывает она на родных своих детях, испорченных ее слепою любовью и потому гордых, жестокосердных и мстительных.

С этой точки зрения особенно интересно представляется нам роль младшего из трех братьев, действующих в сказке. Большая часть народных сказок, следуя обычному эпическому приему, начинается тем, что у отца было три сына: два — умные, а третий — *дурень*. Старшие братья называются умными в том значении, какое придается этому слову на базаре житейской суеты, где всякий думает только о своих личных интересах; а младший — глупым в смысле отсутствия в нем этой практической мудрости: он

простодушен, незлобив, сострадателен к чужим бедствиям до забвения собственной безопасности и всяких выгод. Согласно с этим слова *хитрый* и *злой* в областных говорах значат: ловкий, искусный, умный, острый⁹. Народная сказка, однако, всегда на стороне нравственной правды, и по ее твердому убеждению выигрыш постоянно должен оставаться за простодушным, незлобием и сострадательностью меньшего брата. Очевидно, что эпическая поэзия истинно разумным признает одно добро, а зло хотя и слывет таковым между людьми, но вводит своих поклонников в безвыходные ошибки и нередко подвергает их неизбежной гибели; следовательно, оно-то и есть истинно неразумное. В сказке: «Норка-зверь» три брата отправляются искать этого чудного зверя; им предстоят многие опасности. Старшие братья обнаруживают при этом всю слабость духа и отстраняют от себя трудный подвиг, но когда третий брат смелостью преодолевает все опасности — они замышляют завладеть добытым им счастьем и посягают на самую жизнь этого добродушного дурня. На возвратном пути из стран подземного мира он готов был уже подняться на Русь по нарочно опущенному канату, но братья обрезают канат и лишают его последней надежды возвратиться когда-нибудь в родную семью. В такой беде его спасает то высокое чувство любви, которое не допускает в сердце бедняка ни малейшего ожесточения даже после столь горестного обмана. Оставленный в подземном царстве, младший брат заплакал и пошел дальше. Поднялась буря, заблестала молния, загредел гром, и полился дождь. Он подошел к дереву с надеждою укрыться под его ветвями от непогоды; смотрит, а на том дереве сидят в гнезде маленькие пташки и совсем измокли от дождя. Сострадательный дурень снял с себя одежду и накрыл птичек. Вот прилетела на дерево птица, да такая огромная, что затмила собой дневной свет, и как увидала своих детей накрытыми — спросила: «Кто покрыл моих пташек? Это — ты! Спасибо тебе: проси от меня чего хочешь!» — и, по просьбе бедняка, выносит его на своих могучих крыльях на Русь.

Таково в немногих словах значение народной сказки. Нет сомнения, что в ней найдется многое, что не может удовлетворить нашим образованным требованиям и взглядам на природу, жизнь и поэзию; но если в зрелых летах мы любим останавливать свой взгляд на детских играх и забавах и если при этом невольно пробуждаются в нас те чистейшие побуждения, какие давно были подавлены под бременем вседневных забот, то не с той ли теплою любовью и не с теми ль освежающими душу чувствами может образованный человек останавливать свое внимание на этой поэтической чистоте и детском простодушии народных произведений¹⁰.

Александр Афанасьев.

1 декабря 1854 г.

⁹ Отеч. зап., 1852. Критика. Ноябрь, с. 16.

¹⁰ Считая издание наше далеко не излишним в русской литературе, мы обращаемся ко всем любителям народного слова с покорнейшею просьбою о доставлении нам имеющихся у них собраний русских народных сказок, записанных

со слов (с означением места, где сказка записана) или заимствованных из старинных рукописных сборников (с означением времени, к которому должно относить рукопись). Обещаемся напечатать эти материалы с указанием имен доставителей, если только они не пожелают скрыть своей фамилии.

б) К ПРИМЕЧАНИЯМ 2-ГО ВЫПУСКА ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ

Самый важный, любопытный, но вместе и самый трудный вопрос, рождающийся при издании памятников устной народной словесности, — это вопрос о их древности. Памятники эти, оставаясь весьма долгое время незаписанными и сберегаясь в народе простою передачею на словах от одного поколения к другому, необходимо подвергаются самым разнообразным влияниям. В течение целых столетий каждое поколение налагает на них свою печать, подчиняя изменениям и язык и самое содержание произведения. Указать исторический ход подобных изменений не легко и едва ли возможно при современном состоянии русской филологии. Все это прилагается и к народным сказкам даже более, нежели к другим произведениям устной словесности. Пословицы и поговорки, ради самой краткости своего выражения и ради постоянного применения их к житейским случаям, а песни ради стихотворного своего склада, живее сохраняются в памяти и подвергаются сравнительно меньшим переделкам. Сказка не представляет таких счастливых условий: свои эпические повествования она передает в прозаической форме, более доступной произволу рассказчика. «Сказка — складка, — говорит простолудин, — а из песни слова не выкинешь». Чем ранее приступили бы к записыванию народных сказок, тем ближе были бы эти списки к первоначальным образцам. Но и теперь записанные народные сказки хотя и носят на себе явные признаки позднейших влияний, содержат много полезных и любопытных указаний. В языке сказочном довольно уцелело старинных оборотов и форм, которыми в свое время необходимо воспользуется историческая грамматика; что же касается содержания — нужно заметить, что сказка народная может быть весьма нова по языку и заключать в себе предания глубочайшей древности; даже ее основа и все подробности рассказа могут принадлежать, как не раз было указываемо исследователями, эпохе доисторической. Исключать подобные сказки издатель считает делом неизвинительным.

Вот почему я не мог решиться при издании народных русских сказок различать их, по мере давности, на древнейшие и позднейшие и положительно причислять к тому или другому столетию; такая задача выходила бы из пределов возможного. Чтобы удовлетворить строгости ученых требований, можно бы разделить сказки по наречиям: великорусскому, белорусскому и малорусскому, распределив каждый из этих отделов по губерниям; с другой стороны, можно бы печатать рядом сказки одинакового содержания, но разных редакций, дабы таким образом нагляднее показать, как один и тот же сказочный мотив варьируется в различных местностях. Но такое систематическое издание — в настоящее время труд несколько ранних. Надо наперед собрать и подготовить для того все необходимые материалы, которые достаются не разом, а исподволь, понемногу. Не располагая еще собранием материалов, достаточным для издания строго систематического, я не хотел, в ожидании новых, не всегда верных присылок, отложить дело в сторону на весьма неопределенный срок и, сообщая народные русские сказки по мере их накопления в моих руках, думал вызвать через то и других к

собранию этих столько интересных памятников народного слова. Когда материалы будут собраны, сличены и объяснены, тогда нетрудно будет приступить к новому изданию и еще легче будет распределить их в том или другом порядке. Теперь же при каждом новом выпуске моего сборника буду прилагать и варианты к напечатанным уже сказкам, по вновь получаемым мною спискам.

в) К 4-МУ ВЫПУСКУ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ

В настоящем выпуске «Народных русских сказок» напечатаны сказки, собранные В. И. Далем. Свое богатое собрание народных сказок он передал, по моей просьбе, мне для издания этих любопытных материалов в свет, что теперь отчасти и выполняется. Собрание В. И. Даля заключает в себе более тысячи списков. Само собою разумеется, что в этом числе довольно попадается и таких, которые записаны весьма слабо, неотчетливо и по содержанию своему указывают на заимствование из печатных книг (например, из «Тысяча одной ночи») или вовсе не представляют ничего занимательного (таковы некоторые солдатские рассказы). Вообще относительно языка собранных г-ном Далем сказок следует заметить, что очень немногие переданы с соблюдением местных грамматических форм. Несмотря на то, собрание это весьма важно. Оно, во-первых, содержит в себе много в высшей степени интересных сказаний и легенд: это можно видеть уже из напечатанных в настоящем выпуске сказок, и еще более оправдываются слова наши при издании дальнейших выпусков. Оно, во-вторых, весьма обильно вариантами, и если это обстоятельство значительно уменьшает численное количество входящих в его состав сказок, то, с другой стороны, этим самым дана возможность поверять один список другим и хотя приблизительно восстановить народный рассказ в его первоначальной простоте. От лица науки и любителей русской народности приносим здесь искреннюю благодарность просвещенному собирателю, который с такою живою любовью и так много трудов посвятил на пользу народного слова.

В заключение прибавим, что некоторые очень любопытные сказки из собрания В. И. Даля, к сожалению, не могут быть допущены в печать, ради нескромности своего содержания: героем подобных рассказов чаще всего бывает *попов батрак*. Здесь много юмору, и фантазии дан полный простор.

IV. ЗАМЕТКА АФАНАСЬЕВА О СКАЗКЕ «ЕРУСЛАН ЛАЗАРЕВИЧ»

Сказка о славном и сильном витязе Еруслане Лазаревиче одна из наиболее любимых у грамотного простонародья; она распространена во многих рукописных сборниках (XVII и XVIII столетий), в лубочных листках и картинах и в серых изданиях вроде «Лекарства от задумчивости и бессоницы» (Москва, 1819) и «Собрания старинных русских сказок» (Москва, 1830).

При изучении устной народной словесности нельзя не обратить на нее внимания, потому что, несмотря на встречающиеся в ней чуждые нам имена (Еруслан, царь Картаус, вещий конь Араш) и на очевидное влияние на ее состав приемов письменной литературы, в сказке об Еруслане есть много прекрасных эпических выражений и тех обычных сказочных мотивов, какие составляют исконную принадлежность всех индоевропейских народов. На эти-то сказочные мотивы и намерены мы указать в настоящей заметке. Но для этого необходимо изложить самое содержание сказки, что мы и делаем по тексту, напечатанному в «Летописях русской литературы и древности» (1859, кн. IV, стр. 100—128), пользуясь отчасти и тем списком, который помещен в «Памятниках старинной русской литературы» (вып. II, стр. 325—339): оба означенные текста взяты из рукописей XVII века и в несомненной свежести сохранили чистоту народного языка и эпического предания.

Был некий царь Картаус (Киркоус), а у него дядя князь Лазарь Лазаревич; у того Лазаря родился сын Еруслан Лазаревич. Как было Еруслану десять лет, стал он ходить на улицу и шутить шутки не гораздо добры: кого возьмет за руку — у того руку вырвет, кого за ногу — тому ногу выломит. Царь приказал выслать его из царства вон. Еруслан о том не тужит, а тужит об одном, что нет у него коня по мысли: ни один конь его поднять не может. Вот выстроили ему каменную палату у синя моря и выслали из царства. Учал Еруслан гулять по лукоморью и стрелять по тихим заводям гусей-лебедей: как натянет лук да выстрелит — ино как из тучи гром грянет, а по чему стрелит — того не грешит (не промахнется).

Однажды подъехал к нему человек, сошел с своего сивого коня, ударил челом низко и промолвил: «Дай-де бог здравие государю нашему Еруслану Лазаревичу!» — «Ты меня почему знаешь?» — «Как мне не знать тебя! Я, господине, отца твоего старой конюх, гораздой стрелец, сильной борец; стерегу стада уже тридцать лет, а зовут меня Ивашко». Еруслан ему признался: «Тужу-де я, что нет у меня коня по мысли». Ивашко молвил: «Есть, господине, в отцове стаде жеребец третьим летом; ни у кого еще в руках не бывал, а тебе, чаю, по мысли будет». Когда пригнал он стадо на водопой, Еруслан накинул на того жеребца тесмянную узду и дал ему имя вещий Араш; а был жеребец величиной мало не с палатою равен. Сел богатырь на коня, поскакал в чистое поле и наехал на рать-силу Данила князя Белого, который пришел под царство Картаусово и похвалялся все это царство

разорить, самого царя и двенадцать богатырей его в полон взять. Еруслан хочет с Данилою в бой вступать; говорит ему отец: «Ты еще молод, ратное дело тебе не за обычай!» — «Государь батюшка! — отвечал сын. — Не учи ты гоголя по воде плавать, не учи нас, богатырей, на ратное дело ездить».

Напускался он на своем добром коне на рать-силу Данила Белого и стал побивать ее. Много было воинства вражьего — ни в которую сторону не объехать, ни оком обозреть! Еруслан все порешил, сколько побил, а вдвое того от его зычного голоса наземь попадало и смертью померло; самого Данилу отпустил он на слове, чтобы впредь ему не приходится больше под государство Картаусово. Совершив такой подвиг, отправляется Еруслан в путь-дорогу; едет он много дней и видит — в чистом поле великая рать побита: кликнул богатырским голосом: «Есть ли в этом побоище жив человек?» Отозвался ему жив человек, и спросил его Еруслан: «Чья это рать побита: и кто побил ее?» — «Это рать Феодула-змея, а побил ее Иван русский богатырь, и не одну эту рать, а много побил он: хочет у змея понять за себя дочь-царевну».

Поехал Еруслан искать Ивана русского богатыря; близко ли, далеко ли — стоит в чистом поле шатер с золотою маковкою; у шатра богатырской конь встреножен. Рядом с тем конем Еруслан своего поставил к белоярской пшенице, и вошел в шатер; а там лежит Иван-богатырь и крепко спит. Еруслан лег возле и сам уснул. Пробудился Иван русский богатырь, посмотрел на гостя и ужаснулся; выглянул из шатра — ажно вещей Араш отбил его доброго коня от корму прочь. Емлет Иван острой меч и хочет отсечь Еруслану голову, да помыслил в уме своем: «Не честь убить сонного человека! Сам он приехал в те поры, как я спал богатырским сном, и воля ему была убить меня сонного, и он меня не убил, а живот дал». Разбудил он Еруслана, и выехали они силы пробовать Еруслан ударил Ивана-богатыря тупым концом копья против сердца и свалил его на сырую землю; а вещей Араш наступил ему копытом на ожерелье. Еруслан дал побежденному живот; тут они назвались братьями: Еруслан большим, а Иван младшим.

Вся эта прекрасная сцена богатырского великодушия целиком встречается в сказке об Иване-царевиче и Белом Полянии (№ 96)¹, из которых последний долгие годы сражался с бабой-ягою, желая достигнуть ее прекрасную дочь. Еруслан помогает своему названному брату в войне с Феодулом-змеем, и когда змей в бегство ударился — он поскакал за ним в погоню. У обоих у них были жеребцы быстрые — родные братья, рожденные от тех славных водяных (морских) коней, о которых не раз упоминают народные сказки; словно соколы летели они чистым полем и по озеру скакали поверх воды, словно по мосту. Еруслан настиг-таки Феодула-змея и рассек его, а дочь Феодулову, прекрасную царевну, отдал Ивану русскому богатырю. Лег Иван с своей красавицей опочив держать и стал спрашивать: «Душечка моя, свет красная царевна! Доставал я тебя и добром и лихом, скажи-ка мне правду: есть ли где тебя краше, а брата моего Еруслана удалее?» Отвечала царевна: «Чем я красна и хороша? Есть, господине, в поле —

¹ В настоящем издании — № 161 (Ред.).

кочуют две царевны, и у тех царевен краше меня девки, что им на руки воду подают; а брата твоего Еруслана есть удалее Ивашко Белая Поляница (вариант: Белая Епанча), индейского царя сторож; стоит он на украине, и мимо его никаков человек не проедет».

Услыхал эти речи Еруслан Лазаревич и захотел ехать посмотреть на тех царевен и с Ивашком Белой Поляницей переведаться; а наперед того вздумалось ему побывать у отца, у матери и ударить им челом. Приезжает в царство Картаусово, а оно совсем пусто, только и нашел одного человека и узнал от него, что третий год тому, как Данило Белой повоевал все царство, царя Картауса, князя Лазаря и двенадцать богатырей в полон взял, выкопал у них очи и посадил в своем городе в крепкую темницу, а достальных людей мечом высек. Еруслан поскакал в государство Данилово, перебил у темницы всю стражу и навестил пленных. Сказал ему князь Лазарь: «Сыне мой! Только хочешь послужить великому царю Картаусу и мне, своему отцу, и двенадцати богатырям, и ты поезжай за тихие воды, за теплое море, к вольному царю Огненному Щиту, Пламенному Копью; убей его и добудь из него желчи». Еруслан отправился искать вольного царя, и наехал на кряковистый дуб добре велик посеред поля, и остановился под ним, не ведая, какой дорогою ехать.

Ровно в полдень летит великое стадо птиц-хототуней, сели кругом дуба и учали изметоваться красными девицами. Еруслан поймал одну девицу. «У вас,— говорит,— крылья; вы летаете по многим землям и царствам; не слышали ли, где живет вольный царь Огненный Щит?» — «Есть такой царь, да никаков человек его видеть не может». — «Не говори того, а лучше поставь меня в его царство; не то не быть тебе живою, и отпуску от меня не жди!» — «Господине Еруслан, зажмурься, и я поставлю тебя куда надобно». Еруслан зажмурился да ступил трижды на своем добром коне — и очутился как раз в чистом поле под государством вольного царя Огненного Щита. На том поле, знать, побоище великое, посреди побоища лежит богатырская голова добре велика.

Говорит голова Еруслану: «Есть-де подо мною меч таков, что опричь того меча никакое железо не возьмет вольного царя. И я с тем мечом выехал было против царя Огненного Щита, чаял убить его: а он выехал на осьминогом коне, да, не допусаячи, сжег меня, и я, падая с лошади, кинул свой меч себе под голову. Супротив вольного царя ничем нельзя взять, как только хитростью». Послушался Еруслан головы и решился: где нельзя одолеть силою, там взять хитростию. Приехал он к вольному царю Огненному Щиту, попросился к нему на службу и вызвался добыть ему из-под головы великана чудодейный меч. Голова сама скатилась и отдала ему меч с таким наказом: «Не секи царя больше одного разу; ударишь в другой — тебе самому не быть живым». Как скоро въехал он на царский двор, царь Огненный Щит, не ожидая измены, бросился к нему навстречу; а Еруслан подпустил его близко, ударил мечом и рассек надвое. Падая наземь, вольный царь молвил: «Секи вдругорядь!» — «Дважды богатыри не секут!» — отвечал Еруслан, вспорол у царя Огненного Щита могучую грудь, вынул желчь (вариант: взял в вошаночку кровь горячую и печень свежую) и положил в сумку. После поехал к голове великана и

помазал ее желчью — и тот богатырь стал жив. Тут они поцеловались и отправились каждый в свою сторону. Воротившись к Картаусу, Еруслан помазал ему, отцу своему Лазарю и двенадцати богатырям глаза желчью — и они тотчас прозрели; а Данила Белого за его обман и ложную клятву предал смерти.

Этот рассказ в высшей степени интересен и целиком принадлежит мифологии. Вольный царь — Огненный Щит, Пламенное Копье, сожигающий своих противников, а сам ни в огне не горит, ни в воде не тонет, — и есть олицетворение солнца, которому в заговорах придается эпитет привольного и которое у древних поэтов и в мифологических преданиях различных народов изображается под видом щита и колеса. Вуотан, по древним германским сказаниям, имел один глаз (солнце), который назывался и щитом и колесом; одинокий глаз циклопов также уподоблялся щиту. Солнечный луч, равно как и молния, был сближаем метафорически с стрелой и копьем; удар этого копья рассеивает темноту ночи и заволакивающих небо туч. По скифскому преданию, от Солнца родилось три сына-героя: один из них Щит (Hleipokksais), другой Стрела (Arpokksais). (См. «Летописи русск. литературы и древности», кн. I, с. 134). В одной народной русской сказке (№ 60²) баба-яга, преследуя добрых молодцев, палит огненным щитом на все на четыре стороны. Царь Огненный Щит выезжает на восьминогом коне, подобно скандинавскому Одину, у которого был превосходный конь Слепнир о восьми ногах. Поезды Солнца на чудесных конях и в золотой колеснице известны во всех мифологиях.

Далее: царь Огненный Щит живет за морем, что совпадает с общераспространенным языческим представлением о погружении солнца в океан, представлением, которое породило поэтический миф о купанье солнца после дневного странствования его в небесных пространствах. Сияние солнца и блеск золота производят то же впечатление желтого цвета, как и желчь, и это послужило основанием их лингвистической и мифической связи. Слова: *желтый*, *желчь*, в Остромировом евангелии *зльчь*, *зльчь*, чешское *zluty* — *золотой*, *злато* — филологически тождественны; *злато* в зендском *зара* филологи сближают со словами *заря*, *зреть* и *зрак* (у нас — око, у сербов — солнечный луч). Все атрибуты древнего божества солнца представлялись золотыми; народная поэзия дает один постоянный эпитет и солнцу и золоту: *красное*. О связи понятий света и зрения смотри подробное исследование, помещенное во II кн. Архива г. Калачова (2-я половина). В санскрите *agni* означало: огонь, божество огня, желчь и золото («Материалы для сравнительн. словаря и грамматики», т. II, с. 242). Если зрение понималось как свет, а слепота приравнивалась тьме, то и выражения: *возвратить зрение*, *избавить от слепоты* могли употребляться для обозначения солнца, прогоняющего ночную тьму или выходящего из-за туч; с другой стороны, свет солнца сближался с желчью и назывался ее именем.

Очевидно, что и в приведенном сказании об Еруслане под желчью, дающей зрение, надо понимать именно солнечный свет, без которого нельзя ничего видеть, ибо тогда все скрывается во мраке. Из одного источника с

² В настоящем издании — № 105 (Ред.).

этую любопытную баснею возникли и обряды, до сих пор известные в народной медицине: так, во время кори и оспы *глаза* больного нарочно обводят *золотым кольцом* (*кольцо* и *колесо* одного корня) — с тою целью, чтобы болезнь не повредила зрению; во время же болезни глаз обыкновенным и лучшим лекарством почитается желчь (см. выдержки из старинного лечебника XVII века, советующие в таком случае употреблять желчь совы, лебедя, козы или коровы — в «Пермск. сборнике», кн. II, с. XXXIII). Подобный рассказ занесен и в народную русскую сказку, напечатанную нами под № 119-а³. Иван-царевич едет к Огненному Царю, который на тридцать верст огнем палит; добывает из-под убитого богатыря-великана меч-кладенец, этим мечом поражает Огненного Царя и находит у него живую и мертвую воду, с помощью которой оживляет мертвого великана, точно так, как Еруслан делает это желчью. Самое изображение царя Огненного Щита, Пламенного Копья весьма характеристично.

Заслуживает внимания и та особенность, что убить его можно только чудодейственным мечом и хитростью и что удар должен быть нанесен один раз; тот же совет не ударять дважды дается и другим сказочным героям, направляющим свои силы против различных мифических лиц: Вихря, бабы-яги и др. (см. № 95, № 71 и № 81⁴). От огненного змея чаровник может отделаться, поразив его сонного, но для того должен ударить его со всего размаху один раз; если же ударит его в другой, то змей оживет («Могилевск. губерн. ведомости», 1851, № 19).

Девы-птицы, с которыми встречается Еруслан на пути к вольному царю, часто упоминаются в сказках у всех индоевропейских народов (см. примечание к № 125⁵). Впрочем, эпизод этой встречи внесен только в ту редакцию сказки, какая напечатана в «Летописях» г. Тихонравова; в других же списках нигде его не находим.

Возвратив царю Картаусу свободу и земли, Еруслан отправился в дальние страны доезжать хваленов царевен. Прибыл к ним в шатер, взял старшую на постель и стал выспрашивать: «Есть ли где вас, царевен, краше, а меня удалее?» Отвечала царевна: «Есть, господине, у индейского царя красная царевна; мы ей обе в ногу не судны. А тебя удалее Ивашко Белая Поляница». Еруслан рассердился, сшиб ей голову и взял к себе меньшую сестру. На сделанный ей вопрос она отвечала: «Есть Ивашко Белая Поляница, индейского царя сторож — тот силен, а ты, господине, удал же; обоих вас бог ведает, кто из вас удалей будет». Еруслан оставил ее живую и поехал в индейское царство; ехал, ехал, и видит — на рубеже того царства спит человек на коне, копьем подперся. Еруслан разбудил его и сказался, кто он таков. «Слышал про тебя, — отвечал Ивашко, — да два богатыря в поле не живут!» Стали силами мериться: Еруслан сбил его с коня и говорит: «Пожалел бы тебя, да за то убью, что тобой девки хвалятся!» И проколол его копьем. Приезжает он в индейское государство, а там беда приключилась: стало выходить из озера чудо (змей) о трех головах

³ В настоящем издании — № 206 (Ред.).

⁴ В настоящем издании — №№ 160, 128—130, 142 (Ред.).

⁵ В настоящем издании — №№ 219—226 (Ред.).

и емлет всякой день по человеку: уже дошла очередь до царевны. Еруслан вызвался защитить ее от чуда, а царь обещал отдать ему за то дочь в супружество и с ней половину царства. Повели царевну к озеру, и Еруслан поехал: «Не бойся! — говорит он девице. — Молись богу да смотри на озеро: как учнут волны являться — разбуди меня». А сам уснул крепко. Начали подыматься волны — стало чудо показываться, царевна его будит и не может никак разбудить, вынула нож и поколола его в стегно. Еруслан проснулся, и началась битва. Чудо дает ему за свою жизнь выкуп великий — камень самоцветный. Еруслан камень взял, а врага убил. Вся эта сцена с теми же подробностями о крепком сне богатыря перед битвою составляет обыкновенный, часто повторяемый мотив в сказках арийских племен (см. примечание к № 68⁶). Женился Еруслан на царевне и стал ее спрашивать, есть ли кто ее краше, а его, молодца, удалее? «Чем я, господине, красна и хороша? Есть на море солнечный град, а в том городе царствует царевна (или: в девичье царстве, в солнечном граде есть девица — сама царством владеет), а служащие у нее все девки; и та царевна в семь седмериц краше меня, а я несудна тем девкам, которые у нее служат, красотою и хорошеством. А тебя удалее и сильнее никого нет!» Спал с нею Еруслан единую ночь, а поутру встал, дал ей самоцветный камень и молвил: «Милая красная царевна! Родится у тебя после меня сын, и ты возложи ему самоцветный камень на руку; а родится у тебя дочь, и ты ей из того камня серьги доспей». Сам Еруслан уехал в солнечный град, где царствует девица, краше которой на всем свете нет, и учал с нею жить в любви много лет. Эта царевна солнечного града напоминает собою царь-девицу русских сказок (см. любопытные предания об ней в примечаниях к №№ 93 и 104⁷).

Пока Еруслан наслаждался любовью несказанной красавицы, жена его — индейского царя дочь — родила сына, назвала его Ерусланом Еруслановичем и дала ему на руку самоцветный камень. Вырос он, почувал в себе богатырскую мощь и поехал искать отца. Подъезжает к солнечному граду, остановился по конец моста и свистнул богатырским посвистом; в то время отец его исполошился: «Не простой то человек свистнул, а сильномогучий богатырь!» Сел на своего вешего Араша, и вот начинается борьба между отцом и сыном, не узнающими друг друга. Сын ударил отца тупым концом копья, и мало Еруслан Лазаревич с коня не упал — удержался за седельную луку. Съехались богатыри вдругорядь; отец ударил сына тупым концом и сшиб его с коня наземь, а веший Араш наступил на его ожерелье. Жаль Еруслану убить паробочка, потому что добре молод; а юноша в сердцах под Ерусланом рвет у отца копье булатное, и оттого оголилась у него рука. Еруслан Лазаревич усмотрел на его руке самоцветный камень, опознал своего сына и учал спрашивать: «Скажи мне, брате, какой ты человек?» Тут все объяснилось и добром покончилось; Еруслан покинул солнечный град навсегда и вместе с сыном воротился к своей жене. Этот эпизод принадлежит к числу общеизвестных эпических сказаний в литературах как восточных, так и европейских народов. Так, Илья Муромец сражался с

⁶ В настоящем издании — № 125 (Ред.).

⁷ В настоящем издании — №№ 156—158 и 171—178 (Ред.).

своим сыном сокольников (или Збут-Борис-Королевичем); долго они водились, по колена в земле приобмялися; Илья изнемог, и сокольник насел на его белые груди. Молитва спасла старого; с земли метал он противника в высь небесную, сам на него насел и стал спрашивать о роде, о племени. «Вот как бы я на тебе сидел, то не стал бы спрашивать, а спорил бы тебе, старому, белые груди!» — отвечал побежденный. Наконец Илья узнает сына и отпускает его к матери. Тот же сюжет встречается в песнях кельтских бардов, в готской поэме о Гильдебранде и в персидской поэме о Рустеме и Зорабе, известной у нас по переводу Жуковского; у сербов «Предраг и Ненад» — Серб. песни (см. Песни Киреевского, вып. I, с. 2—14; Песни Рубникова, I, стр. 75—85, II, с. 345—351; Буслаева: Русск. богатырский эпос — в «Русск. вестнике», 1862 г., № IX, с. 68—69).

Текст сказки об Еруслане Лазаревиче, напечатанный в «Летописях», оканчивается так: «И захотел (сын Еруслана) отведати плеча своего богатырского и захотел прославиться во многие орды своею удачею; а отцом своим жити не похотел. Захотел свою честь получить и славу захотел свою пустити во многие орды». В лубочном издании это простое краткое указание уже распространено. Еруслан Ерусланович, приняв от своих родителей благословение, едет в путь-дорогу, пять лет странствует, и, наконец, встречается ему мал стар человек (напоминающий собою карликов немецких сказок — ein altes schwarzes, graues Männlein, ein kleines Männlein): стоит на дороге и не дает проезду. Богатырь хочет раздавить его, а мал-стар человек насмехается: «За что ты меня, старого-малого, убить хочешь? С меня нечего снять!» Еще пуще богатырь разгневался, поднял меч-кладенец и кинулся на старого; а тот приклонился и дунул на Еруслана Еруслановича, да таково сильно, что он и на коне не усидел — пал на сырую землю что овсяный сноп! Тогда мал-стар человек сжалился над витязем и пропустил его домой.

Из приведенных нами указаний и сближений очевидно, что составитель любопытного сказания о Еруслане Лазаревиче воспользовался несколькими отдельными эпизодами, принадлежащими различным эпическим произведениям народной фантазии, и всех их соединил вместе, связав с именем одного славного богатыря.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АА — Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.
- Азадовский. Ск. о боге — Народные сказки о боге, святых и попах. Русские, белорусские и украинские/Сост. М. К. Азадовский, подг. текст Н. И. Савушкина, ред. и вступ. статья Л. М. Пушкирева. М., 1963.
- Адрианова-Перетц. Сатира XVII в.— Русская демократическая сатира XVII века/Подг. текстов, статья и комм. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, дополн. М.: Наука, 1977.
- Арайс-Медне — Arajš K., Medne A. Latviešu Pasaku tipu Raditajs. Riga, 1977.
- Башк. творч.— Башкирское народное творчество. Сказки. Уфа, 1976—1983, кн. I—V (Тексты на башкирском, комментарии на русском языках).
- Бессонов. Башк. ск.— Башкирские народные сказки/Запись и пер. А. Г. Бессонова, под ред. Н. К. Дмитриева. Уфа, 1941.
- Бронницын — Бронницын Б. Русские народные сказки. СПб., 1838, кн. I.
- ВГО — Всесоюзное географическое общество (см. РГО).
- Данилов — Сказка перед судом цензуры 1870 года.— Родной язык в школе, 1924, кн. 6.
- ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения.
- Завет. ск.— [Афанасьев А. Н.]. Русские заветные сказки. Валаам: Типарским художественном монастырствующей братии. Год мракобесия. Отпечатано единственно для археологов и библиофилов в небольшом количестве экземпляров [Женева, 1872].
- Казах. ск.— Казахские народные сказки в трех томах, т. I—III. Алма-Ата, 1971.
- Курганов — Курганов Н. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмо-слово, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с семью присовокуплениями разных учебных и полезных вещей. Во граде св. Петра, тип. Морск. кад. корпуса, 1769.
- Левшин — [Левшин В. А.]. Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочия, оставшиеся чрез пересказывания в памяти приключения. Ч. 1—10. Унив. тип. у Н. Новикова, 1780—1783.
- Лекарство... — Лекарство от задумчивости и бессонницы, или Настоящие русские сказки. СПб., печ. у Вильковского и Галченкова. 1786 (переиздания: 1793, 1815, 1819, 1830).
- Молдавский — Молдавский Д. Русская сатирическая сказка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
- Осет. ск.— Осетинские народные сказки/Собрал Г. А. Дзагуров. М.: Наука, 1973.
- Погудка... — Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок. Издана для любителей оных иждивением московского купца Ивана Иванова. Ч. I—III. М., тип. А. Решетникова, 1795.
- Похожд. Ивана — Похождение Ивана, Гостиного сына, и другие повести и сказки. СПб., 1785—1786, ч. I—II.
- Похожд. россиянина — Похождение некоторого россиянина, истинная повесть, им самим писанная. Содержащая в себе историю его службы и походов, с приключениями и слышанными им новостями. М., тип. А. Решетникова, 1790, ч. II.
- Пропп. Кум. ск.— Пропп В. Я. Кумулятивная сказка.— Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976.
- Ровинский — Русские народные картинки/Собрал и описал Д. Ровинский. СПб., 1881, кн. I—V.
- Садовников — Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым (Записки РГО. СПб., 1884, т. XII).
- Смирнов — Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Вып. I—II. Издал А. М. Смирнов (Записки РГО, Пгр., 1917, т. XLIV).
- Соколов. Поп и мужик — Соколов Ю. М. Поп и мужик. М.; Л., 1931.

- Спутник* — Спутник и собеседник веселых людей, или Собрание приятных и благопристойных шуток, острых и замысловатых речей и забавных повестей, выписано из лучших сочинений, а на русский язык переведено московским мещанином Хрсфром Дбрсрдвм [Христофором Добросердовым]. На иждивении книгопродавца и университетского переплетчика Христиана Рыдигера. Ч. I—IV. М., 1774—1791.—Первое изд.—М., тип. Моск. унив., 1773—1776.
- Страпарола. Приятные ночи* — Джованфранческо Страпарола Да Караваджо Приятные ночи/Изд. подготовили: А. С. Бобович, А. А. Касаткин, Н. Я. Рыкова. М.: Наука, 1978.
- Сумцов. Разыскания* — Сумцов Н. Ф. Разыскания в области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцах. Харьков, 1898.
- СУС* — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка/Сост. Барак Л. Г., Березовский И. П., Кабашников К. П., Новиков Н. В. Л., 1979.
- Тат. творч.* — Татарское народное творчество. Казань, 1977—1981, т. I—III (на татарском языке).
- Удмурт. ск.* — Сто сказок удмурдского народа/Сост. Н. Кралина. Ижевск, 1960.
- Узбек. ск.* — Узбекские народные сказки в двух томах/Сост. М. Афзалов, Х. Расулев, З. Хусаинова. Ташкент, 1960—1961, т. I—II.
- Худяков* — Великорусские сказки в записях И. А. Худякова/Изд. подг. В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева. Отв. ред. В. Г. Базанов. М.; Л., 1964 (первое изд. в трех вып. М., 1860—1862 гг.).
- Чувашск. ск.* — Чувашские легенды и сказки/Сост. Е. Сидорова. Чебоксары, 1979.
- Чудинский* — Чудинский Е. А. Русские народные сказки, прибаутки и побасенки. М., 1864.
- Шейн. Вел.* — Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п./Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб., 1898, т. 1, вып. 1.
- Шейн. Материалы* — Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб., 1893, т. II.
- Элиасов* — Бурятские сказки/Сост., вступ. статья и прим. Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ, 1959.
- Этногр. обзор.* — Этнографическое обозрение. Издание Этнографического Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.
- AT* — The types of the folktale. A classification and bibliography. «Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen» translated and enlarged by Sifith Thompson. Second revision. Helsinki, 1964.
- Bédier* — Bédier Joseph. Les Fabliaux. Etudes de littérature populaire et d'histoire du moyen âge. Paris, 1893.
- Chauvin* — Chauvin V. Bibliographie des ouvrages arabes ou relatifs aux arabes, publiés de 1810 à 1885. Liege, 1892—1922, I—XII.
- FFC* — «F. F. Communications. Edited for the Folklore Fellows».
- Federowski* — Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. T. I—III. Kraków, 1897—1903.
- Krzyżanowski* — Krzyżanowski J. Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. Wrocław — Warszawa—Kraków. Wyd. 2. 1962—1963, t. I—II.
- Krzyżanowski Par.* — Krzyżanowski J. Parallele. Z pogranicza literatury i folkloru. Warszawa, 1941.
- Liungman* — Liungman W. Die schwedischen Volksmärchen. Berlin, 1961.
- Novelline* — Novelline popolari sammarinesi/Anderson W. Tartu, 1927—1929. 1933. I—III.
- Pauli* — Pauli J. Schimpf und Ernst/Hrsg. J. Bolte. Berlin, 1924.
- Rotunda* — Rotunda D. P. Motif-Index of the Italian Novella. Bloomington, 1942.
- Wesselski* — Wesselski A. Märchen des Mittelalters. Berlin, 1925.

ПРИМЕЧАНИЯ

319—320. ШЕМЯКИН СУД

(с. 5—10)

319(184a)

В первом издании этот текст отсутствовал, напечатан Афанасьевым с лубочного издания (Ср.: *Ровинский*, I, № 55, текст XVIII в.).

АТ 1534 (Шемякин суд). В *АТ* наряду с вариантами на европейских языках учтены турецкие и индийские. Русских вариантов — 21, украинских — 11, белорусских — 8. Творческая история и устное распространение новеллистического сюжета связаны с древними литературными памятниками Востока, например, с тибетским сборником «Дзанглуна», и западноевропейской средневековой литературой — с немецким стихотворением «Правда Карла Великого» (XV в.), итальянскими новеллами и русской «Повестью о Шемякинском суде» второй половины XVII в., которая в отличие от восточных и западных вариантов сюжета, повествующих о мудром суде, имеет социально-обличительный характер, направлена своим сатирическим острием против несправедливого суда, воспроизводит форму русского судебного процесса и имеет близкое отношение к традиционным русским бытовым сказкам о бедном и богатом братьях, на что обратил внимание Афанасьев. Он в *Примечаниях* (кн. IV, 1873, с. 467) впервые поставил вопрос: «Овладела ли народная фантазия книжным рассказом и стала его варьировать по-своему, или самая книжная редакция есть только обработка устного народного рассказа, принадлежащая перу старинного грамотника?» По поводу замечания Афанасьева исследователь нашего времени В. П. Адрианова-Перетц говорит: «...ответить окончательно на этот вопрос нелегко. И все же более вероятным представляется переделка книжником сказочного сюжета. В противном случае трудно объяснить полное исчезновение в устных пересказах всяких следов того, что в повести связано с судебной практикой XVII в., всяких элементов книжного языка, весьма ощутительных в повести» (*Сатира XVII в.*, с. 174). В XVIII в. повесть о Шемякинском суде была переложена слабыми стихами (там же, с. 19—25). Лубочный текст XVIII в., перепечатанный Афанасьевым, является сокращенным изложением повести XVII в., некоторые эпизоды повести здесь опущены. Несмотря на архаический книжный стиль, русская бытовая и фольклорная основа сказочного повествования вполне ощутима. Сказка о Шемякинском суде в обработанном Н. А. Полевым виде была напечатана в 1832 г. в прибавлениях к «Московскому телеграфу» (№ 21—24). О ней упоминает в *Примечаниях* Афанасьев. Дополнительно к названной монографии В. П. Адриановой-Перетц отметим следующие исследования: *Буслаев Ф. И.* *Перехожие повести.*—Сб. «Мои досуги». М., 1886; *Сухомлинов М. И.* *Повесть о суде Шемяки.* СПб., 1873; *Ольденбург С. Ф.* *Шемякин суд* (Библиографический обзор различных версий).—*Живая старина*, 1891, № 3, с. 183—185; *Лапидский И. П.* *Демократическая сатира XVII века и русское народное творчество* (Повесть «Шемякин суд»).—*Уч. зап. ЛГУ*, 1954, № 173, серия филол. наук, вып. 20, с. 328—374.

320(184b)

Место записи неизвестно. Сказка напечатана Афанасьевым без окончания. *АТ 1534*. От предыдущего текста данный вариант отличается живостью народного слога, острым социальным противопоставлением образов обездоленного бедняка и его богатого брата, как и в приведенном выше варианте из подстрочных примечаний Афанасьева, и своеобразными подробностями.

После слов «и повез его к праведному судие» (с. 10) Афанасьев указал вариант начала сказки: «В некотором царстве жили два брата: один — как черт

богат, другой — до того беден, что почти есть нечего; у богатого не было ни единого детища, а у бедного — девять сынов. Однажды повстречал брат брата, и говорит богатый убогому: «Послушай, тебе самому есть нечего, не токма детей прокормить; а я, по милости божией, ни в чем не знаю нужды; отдай мне одного сына, наделю тебя за то и хлебом и деньгами!» — «Постой, у жены опрошу; что скажет, так тому и быть!» Спросила у жены; она и слушать не хочет: «Черт с ним и с его добром! Я сына своего ни за какие деньги не продам». Говорит убогий богатому, что жена не согласна, не дает сына. «Ну, хоть помолись, брат, вместе со своею хозяйкой богу, чтоб даровал мне детище; коли родится у меня сын, али дочь — возьму тебя кумом и щедрой рукой наделю и хлебом и деньгами!» Пришел убогий к хозяйке, рассказывает ей про то; она в ответ: «Ну что ж, родит ему жена, али нет, а богу молиться — не грех!»

Зачали они молить бога, целую ночь поклоны каали, и услышал их господь: взволновалась у богатого жена и родила ему сына. Только богатый забыл про свое обещание, взял в кумовья к себе именитого купца, назвал гостей, и пошел у них пир горой! «Ну что, много надавал тебе брат денег и хлеба? — стала говорить убогому жена его. — Пойди, хоть лошадки попроси в лес по дрова съездить». Пошел убогий; увидел его богатый и закричал грубым голосом: «Ты еще зачем?» — «Будь милостив, дай лошади в лес по дрова съездить». — «Ишь выбрал время! Разве не видишь, что у меня гости?» Поломался-поломался и дал ему старого мерина. Поехал убогий в лес; пока рубил он дрова — прибежал волк и съел мерина. Как узнал про то богатый, напустился на брата пуще ворога. «Собирайся, — говорит, — поедем в суд судиться». — «Твоя воля: что хочешь, то делаешь!»

После слов «убей наперед своего сына» (с. 10) указан вариант: «Говорит праведный судия: „Пусть убогий купит тебе новую лошадь; а ты, богатый, отдай ему сына; ведь он тебе сына вымолил, а ты его добра не попомнил“».

321—323. ЗАГАДКИ

(с. 11—13)

321(185a) Записано в Уфимском уезде.

Отчасти АТ 851 (Неразгаданные загадки). См. прим. к тексту № 239. Свообразная разновидность данного сюжетного типа. В сказке сборника Афанасьева неясно, почему старуха пытается отравить купеческого сына.

322 (185, прим.) Записано в Архангельской губ.

Отчасти АТ 851. К указанному сюжетному типу относится еще более приблизительно, чем предыдущий текст, с которым данный вариант сближает мотив неудавшегося отравления героя.

323(185b) Записано в Архангельской губ.

АТ 921 А (Куда тратятся деньги). Сюжет учтен в АТ в фольклоре многих народов Европы, а также в индийском и африканском материале. Русских вариантов — 19, украинских — 8, белорусских — 5. Такие сказки, сходные с русскими, встречаются в неучтенных в АТ латышских (*Арайс-Медне*, с. 141—142), башкирских (*Башк. творч.*, IV, № 21), татарских (*Тат. творч.*, III, № 9) публикациях. Формирование сюжета связано со средневековыми апокрифами о царе Соломоне и Морольфе и с латинским сборником «Gesta Romanorum». Первые публикации подобных русских сказок в «Письмовнике» Н. Курганова 1769 г. (№ 233) и в «Спутнике» (I, № 54). Характерной особенностью восточнославянских вариантов этого сюжетного типа является их антибарская сатирическая заостренность, яркое противопоставление умного, находчивого мужика бестоковым «боярам и генералам».

324—325. ГОРШЕНЯ

(с. 14—16)

324(186a) Записано в Чистопольском уезде Казанской губ.

Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись — в архиве ВГО (р. XIV, оп. 1, № 3, лл. 1—3 об.).

АТ 921 E* («Горшеня»). В АТ учтены только русские варианты. Русских вариантов — 7, украинских — 2. Ср. немецкий шванк «Репа Людовика XI» (Спутник, I, № 103 — из сборника Г. В. Киргофа «Wendunmuth», 1533). Известны также подобные анекдоты в Талмуде, в итальянских сборниках XIII—XIV вв. (см.: *Novelline*, 74), сборнике «Триста новелл» итальянского писателя XIV в. Франко Саккетти и в других изданиях. Однако близких сюжетных параллелей к сказкам типа 921 E* в зарубежном материале нет. Старейшая известная версия этого сюжета — сказка о Иване Грозном и лапотнике, записанная в России врачом царя Алексея Михайловича Сэмюэлем Коллинзом, опубликована впервые в Лондоне на английском языке в 1667 г. в его книге «The present state of Russia in a letter to a friend at London» (гл. X. Русский перевод: Коллинз С. Нынешнее состояние России.— Чтения общ. ист. и древн. при Московском ун-те, 1846, № 1, с. 15). Ангибоярская социальная тенденция «Горшени», по-видимому, восходит к эпохе Грозного и связана с проводившимся им политическим курсом. Одним из самых ярких сатирических вариантов «Горшени» является текст сборника Афанасьева, в котором крестьянин обличает царскую казну как самое лютое и злоедливое на свете и жестоко проучивает жадного барина. По справедливому замечанию А. Н. Веселовского, «ближе всего к рассказу Коллинза как по мотиву, так и по сознательному противоположению боярского и крестьянского сословия, сказка о «Горшене» у Афанасьева» (Собр. соч. М.; Л., 1938, т. XVI, с. 151—152). Цензор П. А. Вакар, член Совета Министерства внутренних дел, в отзыве на 2-ой том «Русских детских сказок» А. Н. Афанасьева посчитал эту сказку вредной, поскольку она изображает «историю самодурства царя Ивана Васильевича и преимущество простонародья перед дураками боярами» (Данилов, с. 58). Еще в XVIII в. сюжет народной сказки был обработан в стихотворной форме басни «Повар и портной» Василием Майковым. Но баснописцу пришлось заменить крестьянина остроумным поваром, барина — бестолковым портным, а царя — проезжим паном. Исследования: Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, СПб., 1861, т. I, с. 512—515; Веселовский А. Н. Сказки об Иване Грозном (Собр. соч., т. XVI, с. 149—166 — комм. М. К. Азадовского, с. 309—312); Алексеев М. П. К анекдотам об Иване Грозном у С. Коллинза.— Советский фольклор, 1936, № 2—3, с. 325—330; Молдавский, с. 246—249.

Текст сказки напечатан Афанасьевым с очень незначительной стилистической правкой, в частности, в нем сокращено большое количество таких многократно повторяющихся диалектных слов, как «знашь», «слышь».

325(186)

Записано в Симбирской губ. Н. М. Языковым со слов крестьянина села Головина и первоначально напечатано в журнале «Москвитянин» (1842, № 1, с. 130—131).

АТ 921 E*+921 F* («Гуси с Руси»). Второй сюжетный тип учтен в АТ только в русском материале. Русских вариантов — 11, украинских — 5, белорусских — 1. Сюжет «Гуси с Руси» встречается также в чувашских (Чувашские сказки/Пер. и сост. С. Г. Григорьев, М., 1971, с. 181—185), башкирских (Башк. творч., IV, № 20), татарских (Тат. творч., III, № 22) сказках, близких русским, а также в опубликованных казахских, уйгурских, туркменских, болгарских, македонских, румынских, еврейских, турецких, арабских, австрийских, англо-американских вариантах, которые существенно отличаются от русских. В сказке сборника Афанасьева, как и в сказке, записанной Коллинзом, повествуется о Иване Грозном. Она имеет столь же ярко выраженный сатирический характер, что и предыдущая.

326. МУДРЫЕ ОТВЕТЫ

(с. 17)

326(187)

Место записи неизвестно.

АТ 922 (Беззаботный монастырь). Сюжет распространен во всех частях света. Из сказок народов СССР в АТ учтены только русские и литовские, но такие сказки есть и в латышском (Арайс-Медне, с. 142), татарском (Тат. творч., II, № 48), а также в другом национальном фольклоре. Русских вариан-

тов — 38, украинских — 11, белорусских — 4. Во многих западноевропейских вариантах вопросы аббату задает Карл Великий, Иосиф II, а в восточнославянских вопросы игумену монастыря задает Петр I; отвечает обычно подставное лицо — крестьянин или солдат, пастух, мельник, пьяница, бродяга; император (царь) ставит его начальником над монахами вместо прежнего аббата (игумена). В монографии В. Андерсона (Император и аббат, Казань, 1916, т. I); в полном, законченном виде — Kaiser und Abt. (FFC, N 42. Helsinki, 1923) дан обзор 428-ми фольклорных и 167-ми литературных вариантов сюжета. Его история прослеживается, начиная с сочинения арабского автора IX в. Ибн Абдель-Хакима о том, как горшечник ответил на вопросы короля (что есть бог, сколько звезд, где центр земли и т. п.), и рассказа вавилонской редакции Талмуда о состязании загадками между рабби Ишуа Бен-Хананья и мудрецом из Афин. Сказки данного типа получили в средневековой Европе наряду с устным бытованием популярность в форме новелл, фавль, шванков (см. *Wesselski*, N 60, S. 251). Особенно широкую известность получила баллада немецкого поэта Г. Бюхнера «Император и аббат» (1784). На основе сказки братьев Гримм о короле и пастухе написано Аполлоном Майковым стихотворение «Пастух, испанская легенда» (1866). Старинная английская баллада типа «Король и пастух» была искусно переведена на русский язык С. Я. Маршаком. В варианте сказки сборника Афанасьева изменена традиционная ее композиция: обычно царь, проезжающий через «беззаботный» монастырь, сначала задает вопросы монахам (игумену), а затем, на обратном своем пути получает ответы от мнимого монаха — подставного лица, как в приведенном Афанасьевым воронежском варианте. Необычны для сказок типа 922 эпизоды заточения царем в темницу солдата и бестолковых богачей, чтобы солдат сумел у них «по перу выдернуть». Последняя часть сближается с сюжетом «Гуси с Руси» — АТ 921 F* (ср. предыдущий текст).

Из исследовательских работ последнего времени, посвященных сюжету «Беззаботный монастырь», отметим статью: Громов П. Т. Из истории сказочного сюжета «Беспечальный монастырь. (Царь и аббат)». — Учен. записки Дальневосточного гос. ун-та, 1968, т. XXII, с. 17—28.

Афанасьев в сокращенном изложении привел вариант сказки, записанный в Воронежской губернии: «Царь задает хитрые вопросы и никто не берется разрешить их. Выискался один солдат, нарядился монахом и явился к царю. Тот его спросил: «Сколько капель в море?» — «Повели, государь, запереть все реки, впадающие в море, тогда я наверное скажу тебе, сколько в нем капель». — «А как велико число звезд на небе?» Солдат не затруднился ответом и сказал наобум какую-то огромную цифру, а когда царь усомнился в ее верности, — спокойно заметил ему: «Если не веришь, сочти сам». Наконец, царь спросил: «Разгадай, что я думаю?» — «Ты, государь, думаешь, что я — монах, а я напросто — солдат! Сбросив с себя клобук и рясу, сорвал бороду и стал перед царем в полной солдатской форме. Царь похвалил его и щедро наградил за ум и сметку».

327—328. МУДРАЯ ДЕВА

(с. 18—20)

327(188a)

Место записи неизвестно.

АТ 1562 В* (Скупой хозяин и хитрый работник) + 921 (Невестины загадки). Первый сюжет учтен в АТ только в русском материале. Русских вариантов — 3, украинских — 4. Второй сюжет имеет широкое распространение, известен в разных частях света. Русских вариантов — 22, украинских — 13, белорусских — 2. Сходные сказки имеются и в сборниках фольклора тюркоязычных народов СССР (Тат. творч., III, № 10, 11; Казах. ск., II, с. 223—224). Сюжет типа 921 отчасти связан со средневековыми апокрифами (диалогами) о Соломоне и Морольфе и особенно с древнерусской «Повестью о Петре и Февронии», имеющей фольклорные источники. См.: Повесть о Петре и Февронии/Подг. текстов и иссл. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979. Другие исследования: Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861, т. I, с. 268—300; Веселовский А. Н. Новые отношения муромской

легенды о Петре и Февронии и Сага о Рагнаре Лодброке.— *ЖМНП*, 1871, № 4, с. 95—142; *Скрипиль М. О.* Повесть о Петре и Февронии муромских и ее отношение к русской сказке.— *Труды отдела древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский дом) АН СССР*, VII. М.; Л., 1949, с. 131—167; *Померанцева Э. В.* Сказка о Петре и Февронии — Славянский сборник, II, вып. филологический. Воронеж, 1958, с. 255—265; *Юдин Ю. И.* Историко-художественная проблематика русских народных бытовых сказок о разрешении трудных задач и мудрых отгадчиков.— *Научные труды Курского пед. ин-та*, 1973, т. 24, с. 3—22; de Vries Jean. Die Märchen von klugen Rätsellösern (*FFC*, N 73). Helsinki, 1928; *Wesselski A.* Die Knabekönig und kluge Mädchen. Prag, 1929; *Krzyżanowski J.* Proza polska wczesnego renesansu. Warszawa, 1954, с. 83—112.

328(188b)

Записано в Саратовской губ.

АТ 875 (Мудрая девушка). Всемирно известный сюжет. Русских вариантов — 34, украинских — 29, белорусских — 11. Подобные сказки имеются в сборниках фольклора многих народов СССР (например: *Башк. творч.*, IV, № 2—4; *Тат. творч.*, III, № 29; *Элиасов*, с. 208—220). Некоторые мотивы этого сюжета отмечены в древних и средневековых литературных памятниках — «Махабхарате», «Ятаке», латинском сборнике XIII в. «Dolopothos» Иоганна де Альта Сильвы, апокрифах о Соломоне и Моральфе, латинском сборнике «Gesta Romanorum» и в русских повестях XV—XVII вв. о Петре и Февронии, о купце Дмитрии Басарге и сыне его Борзомысле. См. исследование де-Фриза, Весельского и Дмитриевой, указанные в прим. к предыдущему тексту. В большинстве восточнославянских вариантов героиней также является семилетка, но не всегда завязкой служит спор о жеребенке, связанный с характерным для них социальным конфликтом бедняка и богача. Цензор П. А. Вакар отнес ее к числу «вредных по содержанию» и обратил внимание на то, что, решая спор о жеребенке, семилетка дерзко обращается к царю: «А ты умен?» (*Данилов*, с. 57). Задача, которую дает семилетке царь, — соткать из ниточки полотенце, — и ответ семилетки — «Чтоб нашел такого мастера, который сделал бы из этого прутника красны» — напоминают задачу, заданную князем Петром Февронии, и ответ мудрой девы князю в древнерусской повести.

После слов «а бедный словами оправдывается» (с. 19) Афанасьевым указаны два варианта начала сказки:

«Вариант 1: Шел прохожий, припоздал и попросился ко вдове ночевать; у него был мерин, у вдовы кобыла. Пустила его вдова ночевать, поставила мерина вместе с своей кобылою — в один сарай. Вдова говорит: «У меня, батюшка, кобыла жереба!» Прохожий говорит: «У меня меринок жереб!» Ночью кобыла ожеребилась. Вдова говорит: «Мой жеребеночек!» А прохожий: «Нет, мой!» — «Пойдем к старосте, он нас рассудит!» Пришли к старосте, рассказали все дело. Староста велел привести обеих лошадей, поставил их на горке, дружку от дружки врозь, а жеребенка пустил под горкой: к какой лошади подбежит, та его и matka! Жеребеночек подбежал к мерину. Староста говорит: «Ну, видно, мерин ожеребился!» Прохожий взял жеребенка, а вдова пошла бить челом самому царю...

Вариант 2: У одного царя работали трое плотников. Пришло время к расчету, царь и говорит: «Отгадайте четыре загадки... Отгадаете — деньги заплачу; не отгадаете — казнить велю!» Пошли плотники домой; двое стали советоваться с своими хозяйками...

К загадке «Что всего в свете жирнее» (с. 19) дан вариант: «сытнее».

После слов «зайца догонит» (с. 19) указан вариант: «У моего мужа есть борзая собака — скорее зайца бегаёт».

К словам «Милее всего внучек Иванушка!» (с. 19) — вариант: «А что же всего милей мужу, как не жена».

После слов «земля питает!» (с. 19) указан вариант: «Сытней всего соль: какие кушанья ни поставь, а без соли не естся; соль всему вкусу дает!»

В Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 476—477) к группе сказок о загадках Афанасьев приводит вариант, записанный Д. М. Петуховым в Пермском уезде: «Какой-то бурлак на возвратном пути на родину издержал все заработанные деньги. Забрел в деревушку, пристал у знакомого мужичка Пахома и выпросил

у него взаймы дюжину вареных яиц. Яйца съел за ужином, а поутру ушел в дорогу. Прошло немало времени, а бурлак долга своего не платит. Вот Пахом написал на него челобитную и подал в управу, а в той челобитной было сказано: «Занял-де бурлак у меня двенадцать вареных яиц и доселева не отдает, отчего причинил мне великие убытки. Из дюжины яиц вывелось бы у меня двенадцать цыплят; те цыплята выросли бы большими курами и каждая снесла бы мне по малой мере по сотне яиц; из тех яиц вывелось бы новые цыплята...» — и так дальше, насчитал на бурлака большую сумму. Бурлак с горя завернул в кабаки; а на ту пору был там отставной приказной крючок, расспросил его про дело и вызвался помочь ему за полштофа водки. Бурлак выставил полштофа, и тотчас же вместе распили. Старшина послал звать ответчика на суд; бурлак говорит: «Я-де за себя нанял приказного, он будет на суде ответ держать». Старшина ждал, ждал, насилу дождался этого приказного и закричал на него: «Что ж ты так долго на суд не являлся?» — «Горох варил, — отвечал крючок, — хочу в огороде садить да стручьями торговать». Старшина засмеялся: «Экой дурак! Разве можно, чтобы вареный горох уродился?» — «А разве можно, чтоб из вареных яиц да цыплята выводились?» Тут вся управа в одно слово решила отказать Пахому в его челобитье».

329. ПОНОВ РАБОТНИК

(с. 21)

329(189)

Записано близ села Кадома Тамбовской губ.
 АТ 1562 В* (Скупой хозяин и хитрый работник). Антиповскую сатирическую направленность имеют также украинские варианты. В первых пяти изданиях сказок Афанасьева воспроизводились некоторые фонетические особенности местного говора (сильное оканье).

330. ЦАРЕВИЧ-НАЙДЕНЬШ

(с. 21—22)

330(190)

Место записи неизвестно. Отчасти АТ 920 (Царь Соломон). Библиографические указания на литературные параллели к сказочному сюжету см. в кн.: Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе (2-е изд. Пгр., 1924). Загадка, которую в сказке решает царевич-найденш, та же, что и загадка, решаемая семилеткой в сказках типа АТ 875.

331. СОСВАТАННЫЕ ДЕТИ

(с. 22—23)

331(191)

Место записи неизвестно.
 АТ 926 С* (Сосватанные дети). В АТ учтены варианты этого сюжета только в финском (один текст) и русском фольклорном материале. Русских вариантов — 3, украинских — 1. Сюжет известен также по средневековым западноевропейским повествовательным сборникам (см.: *Weeselski*, N 7, S. 197).
 После слов «то пленку назад» (с. 22) указан Афанасьевым вариант: «По-езжай в Москву; в тамошних садах я поставил сетку — так ты, сынок, или пеночку излови, или сеточку сними».

332—334. ДОБРОЕ СЛОВО

(с. 24—28)

332(192a)

Записано в Раненбургском уезде Рязанской губ. П. И. Якушкиным.
 АТ 910 В (Добрые советы)+отчасти 677 (В подводном царстве). Традиционная контаминация сюжетов. Первый сюжет распространен во всех частях света. Русских вариантов — 32, украинских — 19, белорусских — 2. Встречается во многих сборниках сказок неславянских народов СССР (например: Башк. творч., IV, № 37, 38; Абхазские народные сказки./Сост. К. С. Шакрыл. М.: Наука, 1975, № 49; Осет. ск., № 51, 52, 84; Сказки адыгских народов./

Сост., вступ. статья, прим. А. И. Алиевой. М., 1978, № 51; Дунганские народные сказки и предания. Пер. и сост. М. Хасанова и И. Юсупова. М., 1977, № 32). История сюжета типа «Добрые советы» связана с древними литературными произведениями Востока, например, со «Сказкой о Нур-ад-дине и Мариам-кушачнице» из «Тысячи и одной ночи» (ночи 683—894 — отчасти тип 910 В) и рассказами Талмуда (см.: Gaster M. The Exempla of the Rabbis, III. London—Leipzig, 1924, N 402, 446). Старейшей европейской литературной версией является исландская сказочная повесть XI в. о Хайдреке и Хакен Хариксоне (см.: Wesselski, № 31). В XVI в. сюжет о добрых советах литературно обрабатывали Страпарола («Приятные ночи», ночь I, сказка 1) и Г. Сакс (III, № 2). Обычно в таких сказках герой получает три добрых совета (ср. текст № 333), а не два. Сюжет типа 677 учтен в АТ только в финском, эстонском и русском фольклорном материале. Русских вариантов — 6, украинских — 2, белорусских — 2. Сюжет имеется и в сборниках сказок других народов СССР, например, латышей (*Арайс-Медне*, с. 109—110), башкир (*Башк. творч.*, IV, № 37), татар (*Тат. творч.*, III, № 65); казахов (*Казах. ск.*, I, с. 116—120). Обычно герой решает спор морского царя с царницей, что дороже золота. Образ Судьбины в других вариантах не отмечен. История сказок о подводном царстве связана с «Тысячью и одной ночью» (ночи 941—946), см. также *Chauvin*, VIII, N 136, p. 138, 139.

333(192b)

Записано в Зубцовском уезде Тверской губ.

АТ 910 В+отчасти 677. Второй сюжет дан схематично. Эпизод расправы в подводном царстве со спорящей девицей имеет частичное соответствие в восточных сказках (см., например: *Башк. творч.*, IV, № 35).

После слов «три корабля подарю» (с. 26) Афанасьевым указан вариант: «Бросай жребий, кому в воду лезть? Жребий выпал на самого хозяина, а он сделал клич к своим корабельщикам и приказчикам: кто полезет за него в море, того наградит деньгами».

К словам «сидят старик и девица» (с. 26) дана сноска: «Морской царь и его дочь».

334(192c)

Записано в Саратовской губ. К. А. Гуськовым.

АТ 910 В. Вступительный эпизод.— Царевна против воли отца, изгнанная им, выходит замуж за несчастного — имеется и в башкирской сказке типа 910 В (*Бессонов*, *Башк. ск.*, № 75). Вместо традиционного эпизода «В подводном царстве» здесь своеобразно разработан эпизод змеборства на острове.

К словам: «Без денег и разума нет!» (с. 27) Афанасьев привел вариант: «ума много да денег нет!»

335. ДОЧЬ ПАСТУХА

(с. 28—29)

335(193)

Место записи неизвестно.

АТ 887 (Терпеливая жена). В АТ учтены варианты на европейских и турецком языках. В восточнославянском материале встречается редко. Русских вариантов — 2, украинских — 1. История сюжета связана с произведением англо-французской поэтессы XII в. Мари де Франс «Lais del Freisne», рассказами еврейского сборника XII в. «Мидраш» и испанского сборника XIII в. Жуана Мануэля «Принц Луканор» («El conde Lucanor»), а также с новеллой «Декамерона» Боккаччо (10-я новелла 10-го дня), сказкой Перро о Гризельде. Народные книги и народные пьесы на этот сюжет получили распространение во многих странах Западной Европы. Исследования: *Saintyves P. Les contes de Perrault et les récits parallèles*. Paris, 1923, p. 537—557; *Leserstein K. Der Griseldisstoff in der Weltliteratur*. Weimar, 1926. В варианте сборника Афанасьева имеются все основные традиционные эпизоды, но изложен сюжет несколько схематично.

336—337. ОКЛЕВЕТАННАЯ КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ

(с. 30—35)

- 336(194a)** Записано в Воронежской губ.
 АТ 882 А (Спор о верности жены). См. прим. к тексту № 313, в котором сюжет развернут неполно.
 К словам «золотой волосок» (с. 31) Афанасьев дал сноску: «небольшое пятнышко».
- 337(194b)** Место записи неизвестно.
 АТ 882 А. Та же разновидность сюжета, что и в предыдущем тексте, отличающаяся вступительной частью и рядом подробностей.

338. ЦАРИЦА-ГУСЛЯР

(с. 35—36)

- 338(195)** Место записи неизвестно.
 АТ 888 (Жена вызывает мужа). В АТ учтены ливские, литовские, исландские, датские, ирландские, испанские, немецкие, чешские, словенские и русские немногочисленные или единичные тексты. Русских вариантов — 3, белорусских — 2. История сюжета связана с немецкой балладой XV в. о графе Римском, которая входила в репертуар мейстерзингеров, и с народной книгой «Александр из Метца». Русская сказка сходна с былинной о Ставре Гоудиновиче.

339. ОТЕЦ И ДОЧЬ

(с. 36—37)

- 339(196)** Место записи неизвестно.
 Приблизительно АТ 781 (Детоубийца). В АТ учтены легендарные сказки этого типа в финском, эстонском, словенском, русском, а также американском (Вест-Индия) и африканском материале. Русских вариантов — 1, украинских — 2. Обычно действие развивается следующим образом: отец или мачеха, или девушка убивают своего ребенка; юноша узнает язык птиц; птица поет; останки находят под деревом.

340. СОЛДАТ И ЦАРЬ В ЛЕСУ

(с. 38—40)

- 340(197)** Место записи неизвестно.
 АТ 952 (Солдат и царь). В АТ учтены только тексты на европейских языках. Русских вариантов — 17, украинских — 18, белорусских — 4. В большинстве восточнославянских вариантов царь именуется Петром I. Старейший текст — немецкий шванк XIV—XV в. о мяснике, который спас от разбойников знатного дворянина.

После слов «и бежал из полку» (с. 38) Афанасьев в сноске указал вариант начала сказки: «Был солдат Горе; двенадцать лет послужил в полку, и за все это время не выдалось ни единого дня, чтоб его палками не дули. Больно зол на него фельдфебель был и терпел солдат всякие нападки, всякие придирки. Вздумал он и пошел жаловаться ротному командиру. «Хорошо, брат Горе, — сказал ротный командир, — завтра в роту прииду, твою обиду рассужу». На другой день явился в роту и присудил Гору сто палок. Солдат пошел с жалобой к майору; тот присудил ему двести палок; пошел к полковнику — тот дал ему триста палок. Видит Горе, что жалобой ничего не возьмешь, и вздумал бежать...»

341. СОЛДАТ И РАЗБОЙНИК

(с. 40—41)

- 341(198)** Место записи неизвестно.
 АТ 955 А* (Помощь молитвы). В АТ учтен только данный текст. Дополнительно: Садовников, № 108г. Это легендарный рассказ, а не сказка.

342—343. РАЗБОЙНИКИ

(с. 41—45)

342(199) Записано в Бобровском уезде Воронежской губ., вероятно, самим А. Н. Афанасьевым.

АТ 956 В (Девушка и разбойники) + отчасти *1685* (Дурак женится). Сюжет о девушке и разбойниках учтен в *АТ* только в вариантах, записанных на европейских и турецком языках. Русских вариантов — 21, украинских — 16, белорусских — 6. В Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 481—482) Афанасьев сослался на сюжетные параллели из литовского и румынского сказочного материала и отметил: «Подобных преданий о разбойниках еще довольно слышится в простонародье; несмотря на сказочную обстановку, в преданиях этих нельзя не заметить отголосков суровой старины». Сюжетные параллели имеются и в некоторых сборниках фольклора тюркоязычных народов СССР (*Башк. творч.*, IV, № 99; *Тат. творч.*, III, № 40).

В Примечаниях Афанасьев привел другой вариант сказки: «Узнавши, что поп уехал, разбойники вздумали украсть его; положили в гроб одного разбойника, приехали к попу на двор и спрашивают: «Дома ли батюшка? Надо похоронить покойника». Поповна говорит: «Нету дома: он будет дня через три». — «Куда же девать нам мертвеца-то? Мы поставим его у вас в избе». — «А мне что! — говорит поповна. — Поставьте». Разбойники поставили гроб и уехали. Попова дочь стала рассматривать гроб, заметила в гробу отверстие, поусомнилась и положила подле себя на ночь саблю. Все подружки ее заснули, а она не спит; вот разбойник, когда всё утихло, встал из гроба и стал против солнца (вариант: справа налево) обводить уснувших мертвою рукою, чтобы спали беспробудно; а сам пошел в чулан. Тут поповна улучила время и отрубила ему голову. Приехали другие разбойники; она и выбросила в окно отрубленную голову. Один из разбойников бросился было за нею в окно; поповна и этому отхватила голову саблей. Разбойники подобрали убитого и уехали. Немного спустя приехали разбойники к попу, сосватали его дочь и повезли с собой в лес; привезли к большому каменному дому (а в доме-то везде золото да серебро) и заперли под стражу; на другой день положили бросить ее в горячую смолу. Сторожа ночью заснули; поповна отрубила им головы, а сама думает, как бы уйти. Вот увидел ее седой старик — а этого старика взяла с дороги разбойники и оставили жить у себя, — и говорит ей: «Беги ты глухими дорогами и берегись погони; разбойники ездят с собакою, которая по следам сыскивает человека». Поповна убегает и спасается от погони, один раз взлезая на высокое ветвистое дерево, а в другой раз закапываясь в воз сена, с которым ехал мужик в город. Сказка оканчивается гибелью разбойников: стан их был разорен, а награбленные деньги розданы по церквам».

343**(199, прим.)**

Записано в Воронежской губ. *АТ 956 В*.

После слов «а сама поскорей вон бежать» (с. 44) Афанасьевым указан вариант: «Привезли разбойники девицу, а у них была мать да малая девочка-сестрица. Увидела эта девочка, бежит к матери и говорит: «Матушка, матушка! Братцы привезли девушку, да такую пригожую, заперли ее в хлев, а сами ножи точат, зарезать хотят!» — «Молчи, дитятко! Мы ее выпустим». Разбойники сели пить да гулять, а старуха потихоньку в хлев — и выпустила девицу: «Скорее беги! Будут на дороге три колодца — взгляни в них, что делается». Девица побежала, в один колодец взглянула — ничего не видать, в другой заглянула — и там ничего, а как посмотрела в третий — и видит, что за ней погоня послана, и влезла на дерево».

344. КОРОЛЕВА И РАЗБОЙНИКИ

(с. 45—46)

344(200) Записано в Новогрудском уезде Гродненской губ. учителем М. А. Дмитриевым. Язык белорусский.

АТ 955 (Жених-разбойник). В *АТ* учтены варианты на европейских языках, записанные не только в Европе, но и в Америке. Русских вариантов — 27,

украинских — 15, белорусских — 6. Сюжет сформировался, вероятно, в средние века на западноевропейской культурной почве. Намек на данную «старую сказку» есть в одной из реплик Бенедикта, героя шекспировской комедии «Много шума из ничего» (см.: *Liungman*, S. 248). Сказочный сюжет послужил основой баллады А. С. Пушкина «Жених» (1825, напеч. в 1827 г.). Об ее источниках высказывались в научной литературе разные суждения. Л. Лотман и А. Кукулевич в статье «Источники баллады Пушкина «Жених» (Студенческие записки филологического факультета, ЛГУ, 1937, с. 90—111), обратив внимание на близость баллады сказке бр. Grimm «Жених-разбойник», предположили, что именно гриммовская сказка была творчески использована Пушкиным. Р. М. Волков в книге «Народные истоки творчества А. С. Пушкина. Баллады и сказки» (Черновцы, 1960) стремился доказать, что пушкинская баллада имела своим непосредственным источником русскую устную сказку, хотя ее записи среди рукописей поэта нет. Несколько раньше баллада Пушкина была создана на основе того же сказочного сюжета пьеса Г. Х. Андерсена «Разбойник и девушка» (1822). В отличие от других вариантов в белорусском варианте сборника Афанасьева героиней является не купеческая или крестьянская дочь, а королева, к которой сватались двенадцать разбойников, а не один разбойник.

В Примечании (кн. IV, 1873, с. 485—486) к сказке Афанасьев привел сокращенный вариант: «Жил богатый именитый купец, у него была дочь-красавица. Прослышали про нее двенадцать разбойников, свели с купцом знакомство, стали навещать его, пить-гулять с ним и веселиться. Раз и зовут они к себе в гости купеческую дочку, рассказали ей дорогу; вот она и пошла. Пришла в густой да темный лес, а там стоит большой дом. Входит в двери, в доме светло, везде огни горят, на столе всего наготовлено вдоволь — и пить и есть, а нет ни одной души. Пошла в другую горницу; там лежат все убитые и зарезанные, на колях торчат девять девичьих голов, а десятый кол стоит пустой. На девушку напал страх. Вдруг раздался крик, шум, гам, она взяла да и спряталась под кровать. Приехали разбойники и привезли с собой красную девуцу, посадили ее за стол и говорят: «Не пей, не ешь, а за ужин почитай!» И стали сами есть, пить, прохлаждаться и над девицею разные насмешки насмехать. (Затем следует рассказ об отрубленном пальце и о кольце, поднятом купеческой дочерью). На другой день купеческая дочь прибежала домой, с лица совсем переменялась. Отец начал спрашивать: «Что с тобою? Где пропадала?» Она ему все рассказала. Вот приехали к купцу разбойники, сели за стол; купеческая дочь и говорит: «Позвольте я вам сказку расскажу». — «Ну, расскажи!» Она стала рассказывать им свое приключение. «Полно, — прерывают ее разбойники, — сказка хороша, оставь на другой раз!» А она все себе знай продолжает (конец обычный)».

345. МУДРАЯ ДЕВИЦА И СЕМЬ РАЗБОЙНИКОВ

(с. 46—50)

345(201)

Записано в Пермской губ. А. Сергачевым.

АТ 676 (Два брата и сорок разбойников). В АТ учтены варианты, записанные в Европе, Африке, Азии (Турции, Индии, Китае) и в Северной, Южной Америке (записи на французском и испанском языках). Русских вариантов — 10, украинских — 9, белорусских — 3. Сюжет встречается и в сборниках фольклора других народов СССР (например, *Башк. творч.*, IV, № 101). Международное распространение получил благодаря переводам «Рассказа про Али-Бабу и сорок воров и невольницу Марджану» (См. Халиф на час. Новые сказки из книги «Тысяча и одна ночь»/Пер. М. А. Салье. М., 1961, с. 297—319). Сказка стала популярной в Европе после издания «Тысячи и одной ночи» во французском переводе Галлана (1712) и неоднократно служила основой для драматических произведений: «Али-Баба» Гильбера де Пексерекюра (1822) и либретто опер — Крюзеля (1824), Керубини (1833), И. Штрауса (1871), Лекока (1887) и др. В XIX—XX вв. сказка об Али-Бабе выдержала много русских лубочных изданий. Начальные и заключительные эпизоды сказки сборника Афанасьева восходят к другим сюжетам «Тысячи и одной ночи» — это эпизоды продажи женой бедняка Али золы, в которой им были спрятаны

чужие деньги (ср. аналогичный эпизод в следующем тексте — № 346). При всей зависимости сюжетной схемы русской сказки от «Тысячи и одной ночи», она отличается русским бытовым колоритом, живостью разговорного русского слога и своеобразной трактовкой некоторых мотивов, образов (например, девушки, губящей разбойников).

346. СЧАСТЬЕ И НЕСЧАСТЬЕ

(с. 51—52)

346(202) Записано в Новогрудском уезде Гродненской губ. учителем М. А. Дмитриевым. Язык белорусский.

АТ 736 (Счастье и богатство). Варианты учтены в *АТ* в эстонском, ирландском, чешском, польском, русском, украинском, турецком, франко- и испано-американском, арабском (см.: *Chauvin*, VI, N 202, p. 31—32) материале. Русских вариантов — 3, украинских — 9, белорусских — 5. Международное распространение сюжета связано со сказочной повестью о Ходже Гасане Аль-Габбале из «Тысячи и одной ночи», на которую в качестве параллели сослался в Примечаниях Афанасьев (кн. IV, 1873, с. 487—488). Многие ее эпизоды, однако, не имеют никакого соответствия в белорусской и других подобных восточнославянских сказках, а другие имеют лишь неполное сходство. Обычно в сказках типа *736* рыбак достигает счастья, поймав рыбу с драгоценным камнем в желудке, а не рыбу, заставляющую смеяться. Женские образы Счастья и Несчастья необычны для сказок этого типа и напоминают сюжет о двух долях (*АТ 735*).

347. УБОГИЙ

(с. 52—53)

347(203) Записано в Зубцовском уезде Тверской губ.

*АТ 750**. (Скупые хозяева: не приглашают странников к ужину; дом проваливается, остается одна печь с рукавицами нищего). Ученные в *АТ* наряду с русскими, финская, финско-шведская, и шведская легенда существенно отличаются от русских и не учтенных в *АТ* и подобных белорусских легендарно-сказочных повествований. Русских вариантов — 4, белорусских — 3. В научной литературе отмечалось частичное сходство таких сказок с рассказом младшей «Эдды» о странствовании Тора (см. *Liungman*, S. 211). Образ ловкого бедняка Нестерки характерен для русских и белорусских сказок типа *790** («Золотое стремячко»), встречается и в сказках на разные другие сюжеты о ловких людях. Вступительная рифмованная формула «Жил-был Нестерка, было у него детей шестерко...» является для русских и белорусских сказок о Нестерке традиционной.

348(204a)

348—350. БЕССТРАШНЫЙ

(с. 54—60)

Записано в Моршанском уезде Тамбовской губ. Алексеем Добровольским.

АТ 326 (Мальчик учится страху). Кроме многочисленных текстов на европейских языках, записанных в Европе и в Северной, Южной Америке (от американских индейцев, негров и американцев европейского происхождения), в *АТ* учтены также турецкие и индийские. Русских вариантов — 4, украинских — 8. Из не учтенных в *АТ* следует отметить польские (*Krzyżanowski*, I, S. 104—106) и латышские (*Арайс-Медне*, с. 52—53). Старейшая литературная обработка сюжета — итальянская — относится к середине XVI в. (Страпарола, «Приятные ночи», ночь IV, сказка 5). От западноевропейских значительно отличаются сказки восточнославянских и некоторых других восточноевропейских народов: искатель страха не пугается мертвеца на виселице, привозит его к разбойникам и устрашает их, борется с мертвецами и, наконец, узнает страх, когда его неожиданно окатили холодной водой или когда ему, спящему, положили за пазуху живую рыбку. В некоторых русских и украинских сказках типа *326* имеется также эпизод встречи бесстрашного с приведениями на колокольне. Первая русская публикация — *Полудка...*, II, № 6, с. 3—11.

После слов «и попрятались — кто куда» (с. 54) указан вариант: «В лесу бесстрашный капрал наезжает на избушку. «Остановимся-ка здесь да переночуем!» — говорит он товарищу. Вошли в избушку, а в избушке никого нет — только гроб на столе стоит, на том гробу двенадцать железных обручей набито. «Я боюсь!» — говорит капралу его товарищ. «Да чего ты боишься?» — «Да страшно!» — «Да чего тебе страшно?» — «Да боюсь!» Бесстрашный плюнул и лег на скамейке, а боязливый на печку забился. В глухую полночь пошел гул по лесу — лопнул железный обруч на гробе, за ним — другой, а там — третий; так все двенадцать и развалились! Встает из гроба мертвец и давай тащить капрала за ноги. Тот проснулся и говорит: «Как ты смеешь будить меня? Я богу и великому государю двадцать пять лет прослужил да капральский чин выслужил!» Мертвец не слушает, знай тащит да зубами скрипит. Капрал осерчал, вскочил с лавки, схватил мертвеца и выкинул вон из избы.

Долго мертвец в избу стучался, пока петухи не запели, а как закричали петухи — так наземь и грохнулся. Капрал положил его в повозку и поехал с товарищем дальше; ехали, ехали и наезжают на разбойников — вокруг огня сидят да кашницу хлебают. Те увидели их и говорят: «Вон гуси сами к нам летят, не надо и на добычу ехать». Капрал соскочил с повозки: «Здравствуйте, добрые люди!» — «Нет, брат, не узнал; мы — те, что добрых людей на дороге подбирают!» Капрал выхватил у атамана ложку из рук и давай кашницу уписывать; разбойники только рты разинули, глядя на такого смельчака. «Что ж вы, ребята!» — говорит капрал. — «Про гуся поминали, а гусем-то вовсе и не пахнет. Гей, Тереха! Поддай сюда гуся!» Тереха притащил мертвеца. Капрал отрезал у мертвого икру с правой ноги, понюхал и сказал: «Немножко протух! Гей, Терешка! Бери свежего!» — «Которого прикажешь?» — «Да вот с краю-то, рыжего!» Разбойники было бежать да капрал ухватил атамана за ноги и давай им направо-налево помахать: всех до единого перебил, а деньги их себе забрал».

349(204b)

Записано в Саратовской губ. К. А. Гуськовым.

АТ 326 В*. Сказки этого типа отличаются от сказок типа 326 лишь тем, что их герой не стремится найти, испытать страх. В АТ варианты отмечены в литовском и русском фольклорном материале, но встречаются и в польском (*Krzyżanowski*, 1, s. 104—106), латышском (*Араис-Медне*, с. 53). Русских вариантов — 14, украинских — 4, белорусских — 7. Старейшая русская публикация относится к XVIII в. (*Левшин*, 1, с. 221). Текст сборника Афанасьева своеобразен развитием некоторых мотивов: бесстрашный избивает Смерть и сатану, спасает царевну от нечистых.

350(204c)

Место записи неизвестно.

АТ 326 В* (Бесстрашный). Из своеобразных мотивов отметим: бесстрашный изгоняет чертей из дворца, очищает от них зеленый луг.

351—362. РАССКАЗЫ О МЕРТВЕЦАХ

(с. 60—70)

351(205a)

Записано в Воронежской губ. и доставлено Афанасьеву Н. И. Второвым.

АТ —. Данная быличка (легендарный рассказ) примыкает своим содержанием к сказкам о Бесстрашном (АТ 326, 326 В*), которые испытали влияние быличек о мертвецах, сблизившись отчасти с быличками и в свою очередь оказали на них воздействие.

После слов «Вот она взяла саван, приходит домой» (с. 61) Афанасьев указал два варианта:

«Вариант 1: Хозяйка хвастает: «Я ничего не боюсь! Хоть сейчас пойду к церкви». — «Ну пойд!» Вот идет она к церкви и видит: стоят покойники. Девка сотворила вслух молитву, покойники расступились и дали ей дорогу. Подошла она к церкви, взялась за веревку и ударила в колокол; стала назад идти, сорвала с одного покойника саван и прибежала в избу.

Вариант 2: На деревенских посиделках полюбил один парень красную девушку, полюбила и она его крепко; а была она сирота бедная, так жила в чужом доме в работницах. Раз у ее хозяйна засиделась долго гости; после надо закуску, посуду убрать, вот и опозднилась красная девица. На дворе полночь,

а на посылки хочется. «Чего бояться? Побегу, хоть минутку на милого погляжу!» Побежала, а дорога-то шла мимо кладбища. Глядь — на дороге покойник стоит, весь в белом. Девка думает, что то ее парень — испугать хочет, побегала к нему, обхватила и говорит: «Ах, милый мой! Я тебя не боюсь». Мертвец исчез, а в руках девицы осталась белая рубаха. Отнесла ее домой и спрятала в укромное место. Ночью стучится мертвец. «Кто там?» — спрашивает хозяйин. «Отдай мою рубаху!» — «Какую рубаху?» — «Твоя работница знает; спроси её...»

Даны два варианта окончания сказки:

«*Вариант 1:* Отец с матерью благословили свою дочь отнести саван на кладбище. Вот идет она на кладбище — стоят покойники, один совсем голый; стала надевать на него саван — тут её покойники схватили и разорвали на мелкие части!»

«*Вариант 2:* Пошла бедная девка на кладбище и пропала. Наутро стали осматривать могилы — одна как будто недавно взрыта; разрыли, а в ней лежит мертвец с тою девицей, крепко-накрепко охватил ее руками — костлявые пальцы так и впились в белое тело! Лежит она мертвая, русая коса в горло втиснута. Взяли их розняли: девицу похоронили с честью, а тому мертвецу осиновый кол вбил».

352(205b)

Записано в Моршанском уезде Тамбовской губ. Алексеем Добровольским. АТ —. Ср. АТ 760 А*: бесстрашный заставляет мертвеца поведать его тайну (например, текст № 370). Относится к быличкам о мертвецах. Нередко героем подобных восточнославянских быличек выступает бесстрашный солдат, — он, выпытав тайну у упыря, оживляет умерщвленных тем молодых людей.

После слов «где был и что делал?» (с. 61) Афанасьевым указан вариант: «Мертвец уходит из могилы: мужик занимает его место. «Выходи из моей могилы!» — кричит мертвец, воротясь назад. — «Не пойду, пока не скажешь, куда уходил!» — «Вот под таким-то камнем спрятаны мои деньги; ходил посмотреть: все ли цело?» — «А как добыть твои деньги?» — «Ну, это трудно! Только мизинный палец с моей руки может поднять камень». Тут запели петухи, мертвец грохнулся наземь; мужик вылез из могилы, отрезал у него мизинец, поднял камень и завладел всем богатством».

353(205c)

Место записи неизвестно.

АТ —. Отчасти напоминает сюжетный тип АТ 365 (Жених-мертвец): человек, завлеченный мертвецом в гости, спасается бегством. Относится в основном к быличкам. Сюжет о женихе-мертвце устно бытует в Европе в форме сказки, былички и (в некоторых странах) в песенной балладной форме. В АТ учтены, наряду с прозаическими текстами на европейских языках, турецкие. Русских вариантов — 15, украинских — 15; белорусских — 7, в том числе и варианты, занимающие в жанровом отношении промежуточное положение между сказками и быличками. История сюжета о женихе-мертвце связана с итальянской новеллой XII—XIII вв., с балладами Г. А. Бюргера («Lenore», 1773), В. А. Жуковского («Людмила», 1808, «Светлана», 1811, «Ленора», 1831), П. А. Катенина («Ольга», 1816). Из многочисленных исследований отметим: Дестунис Г. С. Сказание о брате-мертвце или женихе-мертвце. СПб., 1886; Созонович И. «Ленора» Бюргера и родственные ей сюжеты. Варшава, 1893; Huska M. A. Medzilovanske paralele lenorskeho cyclu. — Národopisný sbornik, Praha, 1943, roč. 4, s. 227; Peuckert W. E. Lenore. (FFC, N 158). Helsinki, 1955.

354(205d)

Записано в Моршанском уезде Тамбовской губ. Алексеем Добровольским.

АТ —. Вариант, традиционный для восточнославянской солдатской былички, замечателен яркой разработанностью сюжета.

355(205e)

Место записи неизвестно.

АТ —. Вариант того же сюжета, что и в предыдущем тексте. Записана быличка от умелого рассказчика.

После слов «и будут здоровы и невредимы» (с. 65) Афанасьевым указаны два варианта:

«*Вариант 1:* Надо у черной коровы надонть молока в чистую тарелку да отыскать такой старый гвоздь, который уж ржавчина переела; после раздеть

молодых — будет у них на груди по три синих пятна; тогда взять тот старый гвоздь, обмотать в молоко и капать на синие пятна; сейчас оживут.

Вариант 2: «Ну, так и быть, — сказал колдун, — молодые спят смертным сном. У самых дверей воткнул я в стену гороховое зерно: если его вырвать да положить к голове жениха или невесты — они тотчас проснутся».

После слов «Будет с тебя и этого!» (с. 65) дан вариант: «Приехал колдун со свадьбы и говорит солдату: «Ну, внучек, теперь я тебя съем!» — «Эх, дедушка, сегодня ты и так много ел; оставь меня на завтра — все равно от тебя не уйду». — «Ладно!» — отвечает колдун; вышел из избы, стал у дверей и слушает, что будет внучек говорить. А солдат-то приметил и говорит сам себе: «Ведь когда-нибудь умирать надо! Так уж лучше пускай меня дедушка съест, чем могильные черви». Колдун поверил и ушел...»

356(205f)

Место записи неизвестно.

AT — Эта характерная солдатская быличка отчасти напоминает сюжет типа *AT 326 (326 В*)* — о бесстрашном, поборовшем колдунов-мертвецов, нечистую силу.

357(205g)

Место записи неизвестно.

AT — Нравоучительная быличка, не имеющая отношения к традиционным сказочным сюжетам.

358(205h)

Место записи неизвестно.

AT 470 (В гостях у мертвецов: человек следует за умершим другом на тот свет и проводит там триста лет, думая что был в гостях совсем недолго). В *AT*, кроме европейских (итальянских, румынских, словенских, чешских, польского, русского) и франко-американских, учтены варианты на турецком и китайском языках. Русских вариантов — 1, украинских — 10, белорусских — 2. Восточнославянские варианты имеют легендарный колорит, тяготеют к жанру былички-побывальщины. Сюжет литературно обрабатывался на Западе в средние века и имеет родственную связь с легендой о Дон Жуане и Каменном госте. Как отмечено в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. (с. 434), некоторые подробности русского варианта точно воспроизводят легенду из сербского сборника «Беседы» Матвея Дивковича (1610). Сюжетному типу 470 посвящены специальные исследования: *Wesselski, S. 241; Mackay D. The Double Invitation in the Legend of Don Juan. Stanford University, 1943; Petzold L. Der Tote als Gast. Volkssage und Exempel (FFC, N 200). Helsinki, 1968.*

359(205i)

Место записи неизвестно.

AT 760 (Мертвец за грехи не имеет покоя в могиле: брат добывает ему прощения проклявшей матери) + *507 В* (Благодарный мертвец). Первый сюжет учтен *AT* в финском, финско-шведском, лопарском, датском, испанском, немецком, сербохорватском и русском фольклоре. В опубликованном русском материале текст сборника Афанасьева является единственным. Варианты сюжетного типа 507 учтены *AT* в литовском, итальянском, румынском, греческом, русском и индийском фольклоре. Русских вариантов — 2. О средневековых сказках типа «Благодарный мертвец» см.: *Libjebblad S. Tobiasgeschichte und andere Märchen mit toten Helfern. Lund, 1927; Wesselski, S. 200—202; Пропл. Ист. ск., с. 134—136.* Восточнославянские варианты сюжетов о беспокойном мертвце-грешнике и благородном мертвце не обладают значительной устойчивостью и носят не столько сказочный, сколько легендарный характер.

360(205k)

Место записи неизвестно.

AT — Сходный с данной традиционной быличкой эпизод бегства от преследующего мертвеца встречается в ряде восточнославянских вариантов сюжетного типа *AT 365* (Жених-мертвец). Ср. *Садовников, № 72 б.*

361(205l)

Место записи неизвестно.

AT — Афанасьев в Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 490) указал на сходные былички о приходе умершей матери к своему младенцу кормить его грудью. Записано, как указал Афанасьев, в одной из западных губерний.

362
(205, прим.)

AT — Легендарный сюжет о том, как мертвецы преследовали грабителя и, поставив гроб на гроб, взбирались на церковные хоры, получил международное распространение. Афанасьев в Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 490) привел подобный украинский рассказ из «Записок о Южной Руси» П. Кулиша (т. II,

СПб., 1857, с. 42—44) и подобные же русские рассказы. Белорусские рассказы записаны и опубликованы М. Федеровским (*Federowski*, I, N 185, 202; II, N 183, 205). Встречается сюжет о лестнице из гробов в польском материале («*Wisla*», III, 1889, с. 730), а также в английском, немецком, датском, греческом, албанском, сербском, болгарском (см.: *Веселовский А. Н.* История эпоса. СПб., 1886, ч. 1, вып. 2, с. 119—120), армянском (см.: Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. Тифлис, 1898, вып. XXIV, отд. 2, с. 102—104). Отмечалась (например, в комментарии М. К. Азадовского к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. I, с. 435) связь сюжета с песней «Эдды» о Жельчи и Смурне и средневековой христианской нравоучительной литературой. К легендарному сюжету о нападении мертвецов в церкви на грабителя относится стихотворение Гете «*Totentanz*» («Танец мертвецов»).

363. УПЫРЬ

(с. 70—73)

363(206)

Место записи неизвестно.

АТ 363 (Жених-упырь) + 407 (Девушка-цветок). Первый сюжет учтен в АТ в финском (54 текста), финско-шведском, эстонском, ливском, норвежском, датском, ирландском, испанском, итальянском, чешском, сербохорватском, польском, русском и турецком материале, но встречается и в латышском (*Арайс-Медне*, с. 59), украинском, белорусском. Русских вариантов — 2, украинских — 2, белорусских — 2. В некоторых вариантах, более подробных, жених-упырь, или муж-упырь пожирает трупы в трех церквях, является к невесте в облике ее отца, матери. Этот сюжет, напоминающий сказку о Сиди Нумане и его жене-колдунье из «Тысячи и одной ночи» (АТ 449), обрабатывался датским писателем и фольклористом С. Х. Грундтвигом (См.: *Lunding A.* The System of Tales in the Folklore Collection of Copenhagen, N 85). Контаминация сюжетных типов 363 и 407, 365 (Жених-мертвец) и 407 встречается в сборниках восточно- и западнославянских сказок неоднократно и особенно характерна для репертуара карпатской и закарпатской Украины, а также словацкого Закарпатья. Ю. Поливка высказал предложение о том, что слияние сюжетов о женихе-мертвце (упыре) и девушке-цветке произошло на карпатской культурной почве. В АТ сюжетный тип 407 учтен в балтском, германском, балканском, славянском, а также индийском, китайском материале. Русских вариантов — 2, украинских — 6 (записаны в Закарпатье), белорусских — 2. Тема упыря, как отметил в комментариях к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. (с. 436) М. К. Азадовский, часто разрабатывалась на фольклорной основе в мировой романтической поэзии начала XIX в. Особенно характерны в этом отношении произведения П. Мери-ме, Ш. Нодье, а также поэма «Дяди» А. Мицкевича (фольклоризму поэмы Мицкевича посвящено исследование Ю. Кшижановского «*Ludowosc w «Dziadow» Czesci III*»: *Krzyzanowski. Par.*, s. 350—368).

364. ИВАН-КУПЕЧЕСКИЙ СЫН ОТЧИТЫВАЕТ ЦАРЕВНУ

(с. 73—75)

364(207)

Место записи неизвестно.

АТ 307 (Девушка, встающая из гроба). Сюжет распространен преимущественно в странах Восточной Европы. В АТ наряду со славянскими, балтскими и балканскими учтены варианты, записанные во Франции, Бельгии, Германии, Дании, Индии, Африке, Америке (на франц. яз.). Русских вариантов — 46, украинских — 31, белорусских — 14. Ср. повесть Гоголя «Вий». Данный текст носит не столько сказочный, сколько легендарный характер. Эпизод изгнания из царевны злого духа Иваном-купеческим сыном сходен с эпизодом освобождения от нечистого духа королевны Силой-царевичем в сказке, перепечатанной Афанасьевым в Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 493) из сборника XVIII в. «Лекарство от задумчивости» (см. текст № 575 настоящего издания). Заключительный эпизод является традиционным и для сказок типа 307, и для сказок типа 507. Отражению легендарного сказочного сюжета о девушке, встав-

шей из гроба, в польской литературе посвящено исследование Ю. Кшижановского «Dziewicz-trup» (*Krzyżanowski. Par.*, s. 524—539).

После слов «На другую ночь было то же самое» (с. 74) Афанасьевым дана сноска: «В другом списке Иван купеческий сын скрывается от царевны в первую ночь за царские двери, а во вторую — за престол. Царевна встает из гроба и кричит громким голосом: «Сестрицы мои голубушки! Поищите — кто здесь?» На тот зов слетаются ведьмы...»

365—369. РАССКАЗЫ О ВЕДЬМАХ

(с. 75—82)

365(208a)

Место записи неизвестно.

АТ —. СУС — 307 Н*. Русских вариантов опубликовано — 6. Былички о наказанной ведьме-людоедке встречаются в украинских и белорусских дореволюционных фольклорно-этнографических сборниках. Сюжет использован Гоголем в первой главе повести «Майская ночь, или утопленница». Сходная башкирская сказка-быличка о солдате, избавившем деревню от людоеда, который по ночам губил девушек, напечатана в кн.: *Башк. творч.*, II, № 26.

366(208b)

Место записи неизвестно.

АТ 307 (Девушка, встающая из гроба). Отсутствует характерный для сказок этого типа финал: обычно юноша, разрушив колдовские чары, получает руку избавленной от чар девушки. В данном варианте, как и в «Вие» Гоголя, попович три ночи сряду читает псалтырь в церкви над лежащей в гробу девушкой-людоедкой, ведьмой, несмотря ни на какие наваждения. Но если гоголевский Хома в третью ночь погибает, сказочный попович остается жив.

367(208c)

Место записи неизвестно.

Основная часть относится к типу АТ 307. Так же, как и предыдущий, вариант имеет сходство с повествованием Гоголя в «Вие» о том, как бурсак Хома «отчитывал» три ночи мертвую панночку. Своеобразно разработан эпизод погребения ведьмы солдатом. Во вступительной части эпизод превращения ведьмы в лошадь, верхом на которой солдат мчится по горам, по долам, близок к сюжету «Солдат и ведьма», учтенный в СУС под номером — 832*. Русских вариантов — 4, украинских — 1, белорусских — 3. В подробных вариантах солдат останавливается на постой в избе ведьмы, выслеживает хозяйку и, превратив ее в лошадь, ездит на ней верхом всю ночь, попадает на шабаш (к чертям); ведьма снова принимает человеческий облик, но руки и ноги оказываются подкованными; ее, изобличенную, казнят. Ср. стихотворение Пушкина «Гусар» (1833, напеч. в 1834 г.). История сюжета связана с «Золотым ослом» Апулея, «Оносом» Псевдолукиана, рассказом Талмуда о колдуне Ианнаи, «Симплициссимусом» Гриммельсгаузена и с «Гексамероном» испанского новеллиста XVI в. Л. Торквемады. Подобные рассказы имеются также в западноевропейских трактатах о колдовстве. Исследования: *Андерсон В.* Роман Апулея и народная сказка. Казань, 1914, т. I, с. 87—192; *Богаырев П. Г.* Стихотворение Пушкина «Гусар», его источники и влияние его на народную словесность. — В сб.: *Очерки по поэтике Пушкина.* Берлин, 1923, с. 147—195.

368(208d)

Записано в Шенкурском уезде Архангельской губ.

АТ —. СУС — 307 Н*. В быличке о неверной жене-колдунье проявляется влияние сказочных мотивов и сказочного стиля. Это отчасти легендарное, отчасти сказочное повествование.

369(208e)

Место записи неизвестно.

АТ —. Относится к традиционным сюжетам быличек о смерти колдуни (или колдуна), тело которой уносят черти. Афанасьев в Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 494) указал параллели из двух украинских сборников (*Nowosielski A.* «Lud ukraiński...». Wilno, 1857, II, № 370 и *Рудченко И.* Народные южнорусские сказки. Киев, 1869, вып. I, № 37).

370. СМЕРТЬ СКУПОГО

(с. 82)

370(209)

Записано в Саратовской губ.

АТ 760 А* (Смерть скупого). В АТ легендарный сюжет учтен в русском фольклорном материале и в испанской средневековой литературе — по каталогу Келлера (Keller J. E. Motif-Index of Mediaeval Spanish Exempla. Knoxville, Tennessee, 1940, N Q 272.3). Русских вариантов — 2, украинских — 5, белорусских — 4. Особенно подробную сказочную разработку и популярность получили польские сказки о ловком лакее Флерке, который с помощью черта вытряс проглоченные перед смертью паном деньги из его трупа (*Krzyżanowski*, I, s. 249—250); им близки и сказки западнобелорусского сборника (*Federowski*, II, № 252). Из не учтенных Томпсоном сказок данного типа следует также отметить латышские (*Арайс-Медне*, с. 123).

371. СКРИПАЧ В АДУ

(с. 82—84)

371(210)

Записано в Зубцовском уезде Тверской губ.

АТ — СУС — 677** (Скрипач или гармонист у чертей, в аду) + 761 А* (Богач в аду). Традиционная для фольклора восточных славян контаминация сюжетов. Русских вариантов сюжета «Скрипач у чертей» — 12, украинских — 6 (дополнительно к учтенным в СУС отметим: Современник, 1856, № 11, раздел «Смесь», с. 19—22; Сб. Харьковского Историко-филологического о-ва. Харьков, 1893, т. V, вып. 1, с. 64—65 — две былички; *Даниленко И.* Этнографические сведения о Подольской губернии. 1869, с. 21, раздел II), белорусских — 8. Эпизод, в котором по желанию скрипача сами лопаются струны скрипки, напоминает игру на гусях былинного Садко в подводном царстве. Обычно в фольклорных повествованиях о похождениях скрипача в аду (у чертей на свадьбе) герой, протерев глаза, обретает способность видеть нечистых «гостей» и «дворец» в истинном виде; он возвращается на землю в сопровождении черта, от которого потом избавляется. Русских вариантов второго сюжета — 2, украинских — 1, белорусских — 3. Ср. известную древнюю новгородскую «Повесть о посаднике Щиле», сохранившуюся в нескольких рукописных списках и получившую отражение в новгородской инокопис. Заключительный эпизод текста — «Благодарность за строительство моста» — имеет параллели в восточнославянских легендах разных типов и известен также в виде самостоятельного легендарного рассказа, былички.

372. ГОРШЕЧНИК

(с. 84—85)

372(211)

Место записи неизвестно.

АТ — СУС — 817*** (Черт-горшечник) — учтен только один русский текст. К сюжетному типу относится и «Горшечник» сборника Афанасьева, не учтенный в СУС. Теме «Богатство, добытое благодаря черту, до добра не доведет» посвящены разнообразные сказки и легенды. К ним относится и украинская легенда о нежданно разбогатевшем батраке, использованная Гоголем в повести «Вечер накануне Ивана Купала».

373. ВДОВА И БЕС

(с. 85)

373(212)

Место записи неизвестно.

АТ — СУС — 365 D**. Афанасьев в Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 494—495) указал на аналогичные легендарные рассказы, напечатанные в «Казанских губернских ведомостях» (1859, № 7, с. 62) и в сб. Л. Семеновского (*Siemski L. Podania i legendy polskie, ruskie i litewskie*, Poznań, 1845, s. 36—37). В «Указателе сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических perso-

нажах» С. Айвазян (см.: Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975, с. 178— Указатель) отмечены, наряду с текстом сборника Афанасьева, 13 опубликованных текстов восточнославянских быличек о черте, принявшем облик знакомого, родственника. Однако обстоятельную легендарно-сказочную трактовку сюжет о черте в облике мужа получает редко. Отметим не так давно записанную легендарную сказку о черте, который пришел к жене солдата в облике её мужа во время войны. (Сказки, легенды и предания Башкирии в новых записях на русском языке./Под ред. и комм. Л. Г. Бабага. Уфа, 1975, № 21).

374. ЛЕШИЙ

(с. 86)

374(213)

Место записи неизвестно.

АТ —. Относится к быличкам о лешем. Ср. АТ 813 А (Проклятая дочь, унесенная чертом или лешим, — тексты № 227, 228). Леший в облике старика, ковыряющего лапоть при свете луны, рисуется и в других русских быличках: в Указателе С. Айвазян (см. предыдущее прим.) учтено 3 варианта.

375—377. МОРОКА

(с. 87—91)

375(214a)

Место записи неизвестно.

АТ 664 В (Морока). Сказки учтены Томпсоном в европейском (балтском, скандинавском, германском, славянском, французском, фламандском, ирландском) и франко-американском фольклорном материале. Русских вариантов — 10, украинских — 1, белорусских — 1. Недавно опубликован относящийся к данному сюжетному типу хантыйский мифологический рассказ (см.: Юдин Ю. И. Русская бытовая сказка и хантыйский мифологический рассказ. — Советская этнография, 1979, № 1, с. 124—132). Отдаленное сходство со сказками о мороке, не лишенных, как, например, текст сборника Афанасьева, юмористического оттенка, имеет рассказ индийской «Катхасаритсагара» («Сомадевы») о демонах, морочивших человека. Приведенный Афанасьевым в Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 495) рассказ из «Саратовских губернских ведомостей» (1860, № 9) относится к особой разновидности сюжета о мороке — тип СУС — 664 С** (см. Чудинский, № 24a).

В Примечаниях к сказке Афанасьев отметил:

«Морочить или отводить глаза значит: заставить всех присутствующих видеть то, чего на самом деле нет. Это чародейное искусство обыкновенно приписывается колдунам и ведьмам. Не раз приходилось нам выслушивать от простодушных рассказы о том, как положили колдуна или ведьму наказывать плетью, а им и горя мало; всем кажется, что плеть бьет по голой спине, а на деле она ударяет или по земле, или по бревну. Те, которым случалось приходиться на место казни позже других и глаза которым не были потому зачарованы, усматривали обман и открывали его сельскому сходу».

После слов «и побежали в чисто поле» (с. 87) Афанасьевым дан вариант начала сказки: «Пришел к старику солдат». «Пусти ночевать!» — «Иди, служба! Только, чур, всю ночь рассказывать; ведь ты человек бывалый, много видел, много знаешь!» — «А что тебе рассказывать: был или небыл?» — «Сказывай бывальщину». Солдат рассказал про свое житье-бытье, где бывал и что видал; говорить-то больше нечего, а хозяин все не спит. «Постой, — думает, — отведу ему глаза!» — «Хозяин, а хозяин! Знаешь ли, кто с тобою на полатах лежит?» — «Кто? Вестимо — солдат». — «Нет, брат, не узнал; пощупай-ка рукою». Старик ухватил его рукою — как есть медведь лежит! И крепко он испугался. «Да ты меня не бойся, посмотри на себя: ведь и ты, брат, такой же медведь, как я!» Старик ощупал себя — кругом оброс шерстью! Вот и лежат они медведями. «Слушай, хозяин, — говорит солдат, — нам теперь лежать на полатах не приходится; чего доброго, как увидит нас народ да признает за настоящих зверей — тогда не миновать смерти! Лучше до поры до времени убраться с богом. Пойдем в лес! И побежали они в дремучий лес...»

Вариант окончания сказки: «Ох, господи!» — застонал старик. «Что с тобой? Али черти с полатей сбросили?» — говорит солдат. «А ты, служивый, разве на полатях лежишь?» — «А где ж? Ты и в самом деле думаешь, что меня охотники убили?»

376(214b)

Место записи неизвестно.

АТ 664 А*. Эта разновидность сюжета «Морока» встречается только в русских сборниках — 6 вариантов. Отчасти напоминает, как отмечено в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. (с. 439), сказку о Шахабеддине из «Синбад-наме» и аналогичную сказку из «Тысячи и одной ночи» (ночи 582—584).

После слов «Покажи, как ты сделал это?» (с. 88) Афанасьевым дана сноска: «В другом списке вместо матроса выведен солдат. Трактирщик доносит на него фельдфебелю, фельдфебель ротному командиру, ротный полковнику, полковник генералу, и дошло дело до самого государя. Призвал он солдата, стал допрашивать; перед царем не солжешь — признался ему солдат, умеет морочить, туман в глаза напускать. «А ну, служивый, — говорит царь, — сыграй-ка ты с нами свою игрушку». Солдат глянул в окно и закричал: «Не до игрушки, ваше величество! Того и смотри, что совсем потонем...»

После слов «собрали с мужиков деньги и стали делиться» (с. 88) дан вариант окончания сказки: «Все лето царь да солдат пасли деревенскую скотину, а настала осень — мужики заплатили им, что следовало деньгами да по уговору исправили им новые сапоги и полушубки. Снарядились они и пошли домой; месяца три до своей земли тащились: приходят в стальной город и идут рынком. Солдат купил пару телячьих лопаток: одну дал царю, другую сам несет. Вдруг прибежала стража: «Стойте, что у вас в руках?» Поглядели, а в руках-то вместо телячьих лопаток очутились человеческие ноги. Вот беда! Хоть кандалы надевать да в тюрьму тащить. Царь испугался; пожалел его солдат, как крикнет во все солдатское горло и в ту же минуту очнулся царь. Видит он, что по-прежнему стоит во дворцовой палате у окошка, что при нем те же самые люди, и всего-то прошло с полчаса времени; ему почудилось, будто целое лето скотину пас. «Ну, молодец ты, солдат!» — сказал царь и велел отпустить его в чистую (то есть отставку), а трактирщику заплатил за него деньги из своей государственной казны».

377(214c)

Место записи неизвестно.

АТ 664 А* + 664 В*. Имя Аггей носит царь в «Повести о гордом царе Аггее», известной по русским рукописным сборникам XVII в. Так же именуется царь в ряде литературных обработок легендарно-сказочного сюжета о гордом царе (АТ 757): в «Сказании о гордом Аггее» В. М. Гаршина (1886), в стихотворной украинской «Повісті про царя Аггея» В. Щурата (1894), в «Оповіданні про царя Аггея» Ивана Франко (1902), в сказке «Царь Аггей» А. М. Ремизова (1914—1917), напечатана в 1933 г.). В повествованиях о гордом Аггее он испытывает не иллюзорные злоключения, как обмороченный Иваном-бурлаком царь Агей сказки сборника Афанасьева, а такие бедствия, которые являются чудесной карой за грехи его. Последняя часть сказки, где повествуется о мнимом превращении мужика, расположившегося слушать сказку Ивана-бурлака, в медведя, сходна с небылицей о приснившихся чудесных похождениях, например «Сон-небылица» (см. СУС — 1910*).

После слов «и полетел с полатей наземь» (с. 91) Афанасьевым дана сноска: «В другом списке бурлак приходит к мужику и морочит его тем же, чем и царя: будто вся изба полнехонька водой налилась. «Это еще не большая беда, — думает мужик, — ведь я плавать умею». Бросился было плыть, да и загремел с полатей, весь живот отбил».

378. ДОКА НА ДОКУ

(с. 91—92)

378(215)

Место записи неизвестно.

АТ —. Характерная восточнославянская быличка о состязании сведущего в колдовстве солдата с мстительным колдуном, чинившим путем чародейства преграды на пути свадебного поезда. Рассказы о колдовских чарах, направлен-

ных во вред свадебному поезду, имеются и в неславянском фольклорном материале. Ср., например, близкий русской быличке башкирский легендарный рассказ «Мосафир» («Путник») в кн.: *Башк. творч.*, II, № 25.

379—380. ВОРОЖЕЯ

(с. 92—96)

379(216a)

Записано в Тамбовской губ., близ села Кадома.

AT 1641 (Знахарь). Сюжет распространен во всех частях света. Наибольшее количество текстов учтено в *AT* в европейском материале. Русских вариантов — 49, украинских — 18, белорусских — 11. Вариант сборника Афанасьева является одним из наиболее полно разработанных в восточнославянском фольклоре. Истоки сюжета связаны с памятниками древней индийской литературы «Гунадхия» (I—II вв. н. э.), «Катхасаритсагара». Подобная сказка есть в древнем монгольском сборнике VII—VIII вв. «Шиди-хюр» («Волшебный мертвец», сказка «Знахарь со свиной головой»). Старейшая европейская литературная обработка — в сборнике новелл Серкамби (ок. 1400 г.). В XVI в. сюжет был пересказан Бебелем в книге «Фацеций» (сказка «Об одном угольщике») и Страпаролой в книге «Приятные ночи» (ночь XIII, сказка 6). Первая литературная обработка русской народной сказки — *Спутник*, II, № 233. Мастерским литературным пересказом сюжета является сказка А. М. Ремизова «Догадливая» из его сборника «Докука и балагурье» (СПб., 1914). Исследования: *Миллер В. Ф.* Восточные и западные родичи одной русской сказки. — Труды этногр. отд. Общ-ва любителей естествознания, Антропологии и Этнографии. М., 1877, кн. IV, с. 174—190; *Гордлевский В.* Обзор турецких сказок по сборнику Куноша. — Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. М., 1900, с. 187—219 (Сказка № 94, с. 216—217); *Крымский А.* По поводу сюжета сказки № 94, послужившей темой первого ученого труда В. Ф. Миллера. — Там же, с. 219—224; *Polivka J.* Lidové povídky slovanské. I. Praha, 1929, s. 23—86.

380(216b)

Место записи неизвестно.

AT 1641 (Знахарь).

Вместо имен воров «Брюхо» и «Ребро» (с. 95) в сноске Афанасьев указал имена «Пузо» и «Слива» — из другого варианта сказки.

381. ЗНАХАРЬ

(с. 96—97)

381(217)

Место записи неизвестно.

AT 1641 (Знахарь). Знахарь по имени Жучок, восклицаящий «Что, попался, Жучок...» и тем самым случайно угадывающий, что у царя в руке зажат жучок — традиционный персонаж восточнославянских сказок. Эпизод с жучком имеет соответствие в западных вариантах сюжетного типа 1641, так же, как и другой традиционный для восточнославянских сказок эпизод случайного угадывания, кто украл жемчуг: «Слава богу все три есть!» (ср., например, аналогичный эпизод в упомянутой сказке из сборника Бебеля — см. прим. к предыдущему тексту).

382. СЛЕПЦЫ

(с. 97—99)

382(218)

Место записи неизвестно.

*AT 1577** (Слепой и нищий). В *AT* учтены только эстонские, словенский и турецкий варианты. Русских вариантов — 1, украинских — 2. Заключительный эпизод близок к сюжетному типу *AT 1577* (Человек ссорит двух слепцов), отмеченному только в русском материале.

После слов «следом за ним пошел и мужик» (с. 98) Афанасьевым дан вариант начала сказки: «В некотором царстве жил-был старик со старухой в большой бедности; работать-то не в силах, а что было — то прожли. Одна коровенка осталась. Говорит старику старуха: «Веди на базар корову да про-

дай; станем жить на эти последние деньги. А как проживем, тогда делать нечего — наденем на плечи котомки и пойдем побираться по миру». Старик зацепил корову за рога веревкою, пошел в город и продал за десять целковых. Идет домой, а навстречу ему двое слепых. «Здравствуйте, божие люди!» — «Здравствуй, добрый человек! Откуда идешь?» — «Да, вот водил в город последнюю корову продавать». — «А за много продал?» — «За десять целковых». Слепые недолго думали, схватили его за руки и вытащили кошель с деньгами да припрятали к себе в лохмотья. «Смилюйтесь, братцы! — просит их старик. — Я сам человек бедный, самому скоро идти по миру!» — «Пошел ты к черту! Что ты на слепцов накинуся!» Идут они дорогою; а старик за ними, горько плачет, боится с пустыми руками показаться старухе...»

После слов «тащит оттудова бочонок» (с. 98) указан вариант: «Полез в подполье и вытащил оттуда кувшин — полнехонек серебра; поставил на стол и высыпал в него из мошны собранные деньги. Мужик глядел-глядял, напустил на себя смелость и сграбастил кувшин в свои лапы».

После слов «и побежал домой без оглядки» (с. 99) указан вариант: «Не нашупал слепой кувшин и стал звать соседа (такой же слепой нищий был): «Кум, а кум! Поди поскорей!» Кум пришел с большой дубинкою, расспросил как следует и говорит: «Охота в кувшине деньги держать! Вот у меня так не пропадут: всегда с мной, вся дубинка целиком набита!» Сел кум на лавку, а дубинку возле себя поставил; мужик и ее схватил да давай бог ноги!»

383—390. ВОР

(с. 99—112)

383(219a)

Место записи неизвестно.

AT 1525 A (Ловкий вор) + 1525 P (=AA 1525 C*. Кража быка) + 1737 (Поп в мешке). Традиционная сюжетная контаминация. Первый сюжетный тип распространен во всех европейских странах и учтен AT в турецком, индийском, индонезийском, японском и арабском (Chauvin, VIII, р. 136) материале, английский и испанском языках в Америке. Старейшая литературная версия — в книге арабского писателя X в. Масуди (*Masudi. Les prairie d'or*, VIII). Первой известной европейской литературной обработкой сюжета является сказка о ловком воре итальянского новеллиста XV в. Манетти. В середине XVI в. подобная сказка была пересказана Страпаролой в книге «Приятные ночи» (ночь 1, сказка 2). У Масуди, Манетти и Страпаролы сюжет о ловком воре контаминирован с сюжетом «Поп в мешке», как в варианте сборника Афанасьева и в ряде других восточнославянских фольклорных текстов. Сюжет «Ловкий вор» вошел также в немецкий сборник шванков И. Паули «В шутку и всерьез» (Pauli. «Schimpf und Ernst»), изданный впервые в 1553 г. Распространение сюжета на Западе связано и со шведской народной книгой XVII в., напечатанной в 1843 г. на норвежском языке в переложении П. К. Асбьернсена и Й. И. Му (см.: *Ljungman*, S. 301—302). Первая русская обработка сюжета — Левшин, 2, с. 32—53 («О воре Тимоне»). Сюжет о краже быка учтен в AT в эстонском, литовском, русском, встречается и в латышском (*Арайс-Медне*, с. 190). Русских вариантов — 4, украинских — 2, белорусских — 5. Сюжет типа 1737, иногда получающий самостоятельную разработку и нередко контаминированный с сюжетом типа 1740 (Свечи на спинах раков), учтен AT в многочисленных вариантах, записанных на европейских языках, в Европе и Америке, а также на турецком, японском, корейском, языках народов Индии, Индонезии, Филиппин, Америки. Русских вариантов — 16, украинских — 10, белорусских — 3. Поскольку история сюжетов типа 1737 и типа 1525 связаны между собой, они рассматриваются в некоторых исследованиях как цельная композиционная структура (см. *Wesselski, Versuch einer Theorie des Märchens*, Reichenburg, 1931, S. 17—18). В варианте сборника Афанасьева отражаются нравы эпохи крепостного права (старик идет к барину бить челом на сына; барин угрожает Ивану «... — влеплю двести плетей»). Своеобразно разработан вступительный эпизод (старик не хочет кормить взрослого сына-бездельника), необычные подробности есть в эпизодах похищения Иваном барских сапог, черного быка и др. Ис-

следования: Юдин Ю. И. Из истории русской бытовой сказки.— Русский фольклор, XV, Л., 1975, с. 77—92.

384(219b)

Записано в Малоархангельском уезде Орловской губ.

АТ 1525 А + отчасти 1525 D (Вор притворяется повесившимся на дереве).

В варианте первого сюжетного типа есть ряд отсутствующих в предыдущем тексте, но традиционных для восточнославянских сказок типа 1525 А эпизодов — испытания ловкости вора-ученика вором-учителем, кражи барыни, шкапулки. Иначе, чем в тексте № 383, но, традиционно разработан эпизод кражи коня. Сюжетный тип 1525 D, обычно в разных соединениях с другими родственными им сюжетными типами, учтен в АТ только в вариантах на европейских и турецком языках. В опубликованном русском фольклорном материале тип 1525 Е имеет 9, в украинском 8, в белорусском — 1 вариант. Тип 1525 D представлен в восточнославянских сборниках 36 русскими, 15-ю украинскими и 9 — белорусскими текстами. Первые русские публикации всех трех сюжетных типов — в сборниках XVIII в.: Левшин, 2, с. 32—53; Погудка..., I, № 6, с. 3—26. Имя «Климка» нередко носит герой русских сказок типа 1525 (ср. текст № 387); так же именуется герой в некоторых белорусских и украинских сказках данного типа.

После слов «у сороки яйца красть» (с. 101) указан вариант начала сказки: «Жили-были два брата родные; один — беден, другой — богат: у бедного — три сына, у богатого — ни единого. Вот все три племянника собрались и пошли к дяде: «Дядя, отчего ты богаче нас?» — «Оттого, — говорит, — что день я работаю, а ночь приворовываю». — «Возьми и нас с собой приворовывать». — «Пойдемте». Пришли они в село; стоят рыльи (рель, качели). «Дядя, это что?» — «Это славная штука: как поймают нас, так на ней повесят!» — «Если так, — говорят два старшие брата, — не хотим воровать!» А меньшей: «Ну, бабушка найдёте сказала: либо нас повесят, либо мы повесим!» — «Молодец! — говорит дядя. — Пойдем, я покажу тебе, как у сороки яйца крадут...» (Записано в Воронежской губернии).

385(219c)

Записано в Воронежской губ.; рукопись доставлена Афанасьеву Н. И. Вторым.

АТ 1525 D (Ловкий вор обманывает проезжих или прохожих).

386(219d)

Место записи неизвестно.

АТ 1525 А (Ловкий вор) + отчасти 1525 К* (Кому должна достаться шуба или другая вещь). В развернутых вариантах типа 1525 К* (см. текст № 383) один из двух воров-сообщников забирается к сонному барину (генералу, попу) рассказывает ему о краже в виде сказки-сна, и тот определяет, кому из двух грабителей должна достаться украденная у него ценная вещь. Сюжет отмечен Томпсоном только в русском и литовском фольклорном материале, но имеется и в латышском (Арайс-Медне, с. 190). Русских вариантов — 26, украинских — 11, белорусских — 4. В данном тексте оба контаминируемых сюжета осложнены своеобразными эпизодами (герой учится у «ночного портного», ср. текст № 388; обертывается в солому; пугает гостей генерала, заgrimировавшись и нарядившись чертом).

После слов «чтоб наука впрок пошла!» (с. 103) приведен вариант начала сказки: «Жила-была старуха со внучком. Остановились у них на квартире портные, и говорит она внучку: «Поди, батюшка, к ним в науку; будешь шить да стегать; станешь денежки добывать». — «И — и, бабушка! Стану шить — пальчик наколю, пальчик разболится, прочь отвалится; кто нас поить-кормить будет?» Дня через два, через три пришли на деревню плотники. Старуха опять начала говорить внучку: «Учись, батюшка, плотничать; будешь рубить да тесать, станешь денежки огребать». — «И — и, бабушка! Стану плотничать — ножку отрублю, ножка разболится, прочь отвалится; кто нас кормить-поить будет? Лучше благослови-ка меня, бабушка, на большую дорогу идти с вязовой иголкою: что ни кольну, то шуба с кафтаном, лошадь с санями да сто рублей в кармане». — «Нет, внучек, на это не будет моего благословения». — «Ну, когда не благословляешь, я и так пойду!» Вот идет он дорогою, а навстречу ему два разбойника: «Стой, ты кто?» — «Вор». — «А ну покажь свое мастерство; вот тебе торба: повесь ее на ветку этого дерева, да так, чтоб ни один лист не пошевелился». Ба-

бушкин внучек взял торбу и так искусно зацепил за ветку, что ни один лист не шелохнулся. «Ай, да молодец! — говорят разбойники. — Пойдем воровать вместе...»

После слов «да и были таковы!» (с. 104) указан вариант: «Впустил своего учителя, оставил его замки ломать, анбары вычищать, а сам пошел в генеральскую спальню. Только генерал любил по ночам сказки слушать, и завсегда возле его кровати сидел сказочник. Вор подошел к сказочнику, дернул его за руку; тот подумал, что другой пришел ему на смену, встал и пошел спать; а на его место уселся незванный гость. «Что ж ты молчишь?» — спрашивает генерал. «Да не придумаю, какую сказку начать: разве про бабушкина внучка?» — «Пожалуй, хоть эту сказывай». — «В некотором царстве, в некотором государстве был у бабушки внучек. Пришли к ним портные; стала бабушка посылать его учиться; будешь, говорит, шить да стегать, станешь денежки зашивать. А он в ответ: «И—и, бабушка! Палец наколю, палец разболится, прочь отвалится; кто нас понть-кормить будет?» — «Экой забавный!» — говорит генерал.

В это время вор-учитель попал в кадку со смолою, а внучек услышал беду и кричит ему из окна: «Вылезай из кафтана, поживешь — другой наживешь!» — «Что это такое?» — спрашивает генерал. «Это присказка!» — «Хах-ха-ха, какая смешная присказка! Сказывай дальше». — «Вот пришли на деревню плотники. Говорит бабушка внучку: поди, родимый, в плотники, будешь рубить да тесать, станешь денежки огребать. А он в ответ: «И—и, бабушка! ножку отрублю, ножка разболится, прочь отвалится... Тут учитель вылез из кадки, подошел под окно и стал говорить: «Ну, чего сидишь?» — «Не на что накладывать». «А разве у богатого хозяина лошадей мало? Бери да накладывай». Генерал опять спрашивает: «Это, братец, что такое?» — «Это присказка, сказка будет впереди!»... Схватил шкатулку с деньгами, и бегом из дому. Наутро докладывавют генералу: были-де ночью воры, замки поломали, анбары очистили, лошадей увели. Вспомнил генерал про шкатулку с деньгами, хватился — и той нету. «Ну, — говорит, — видно, это был бабушкин внучек!» (Ср. АТ 1525 К*).

После слов «а двух у дверей поставил» (с. 104) указан вариант: «Кому велел за хвост держать, а кому за гриву; двум конюхам за уши, четверем за ноги: если и заснут, так не уведешь».

387(219e)

Записано в Курской губ.

АТ 1525 А + отчасти 1525 D (Вор бросает один сапог, потом другой) + АА* 1525 С I (Вор притворяется повесившимся на дереве) + отчасти 1535 (Заключительный эпизод сюжета «Дорогая кожа»: вместо бедняка-ловкача топят проезжего глупого богача. См. прим. к тексту № 447). Эпизод с продырявленной шкатулкой, в которую барин сыплет деньги, аналогичен сюжетному типу 1130 (Шляпа денег. См. текст № 150).

После слов «сторожей подразнивает» (с. 106) Афанасьевым дана сноска: «В другом списке Климка вместо того зарывает бочонок с водкою в ясли; сторожа находят и напиваются пьяны».

Вариант рассказа о похищении барыни (с. 106): «Климка-вор добыл себе кромку красную да другую черную, поднял свои балахоны и побежал кустами, шагов на сто опередил барина, зацепил себе на шею красную кромку, закатил глаза под лоб и повис на дереве, будто совсем удавился. Едет барин с барыней мимо. «Глянь, душенька, — говорит барыня, — Климка повесился!» — «Туда ему и дорога! Собаке собачья и смерть!» Поехали дальше; Климка соскочил с дерева, опять забежал вперед и повис на черной кромке. «Что за диво, — сказывает барин, — опять Климка!» — «Быть не может!» — говорит барыня, — Климка позади остался, на красной кромке висит: это другой!» Спорили, спорили; вылез барин из коляски и пошел посмотреть, кто из них прав. Тут Климка прыг с дерева да на козлы, столкнул кучера, ударил по лошадям и понесся во всю прыть по дороге...» (Ср. АТ 1525 D).

После слов «Коробочку серебра» (с. 107) указан вариант: «Что возьмешь?» — «Тысячу рублей». Прислал барин Климке тысячу рублей: Климка берет, усмехается. «Ишь, — говорит, — какие у бояр жены дорогие! Сказать было барину, не нужно ль ему еще жены? Я б свою продал ему задешево».

388(219f)

Место записи неизвестно.

АТ 1525 К* (Кому должна достаться шуба). Текст отличается своеобразным рифмованным вступлением.

389(219d)

Место записи неизвестно.

АТ 1525 А (Ловкий вор). Оригинально разработана вступительная часть.

После слов «из сапог подошвы повыврезал» (с. 108) Афанасьев в сноске привел вариант начала сказки: «В некотором царстве, не в нашем государстве, жил да был старик; у него было три сына, последнего звали Барма-Кутерьма. Спрашивает раз отец своего старшего сына: «Сынок! Чем ты меня кормить будешь, как я состареюсь?» — «Буду землю пахать, хлеб сеять да тебя кормить». — «А ты чем?» — спрашивает среднего. «А я, батюшка, пойду в плотники, стану избы строить, да тебя кормить». — «Ну, а ты, Кутерьма?» Держал ответ Кутерьма: «Я, батюшка, ремесла никакого не знаю; стану и тебе и себе искать хлеба легкого, буду воровать да обманывать, да на больших дорогах с вязовой иголкой стоять». Отец рассердился и выгнал его из дому, с глаз своих долой. Барма-Кутерьма пошел к дяде, а тот уже давно воровством промышляет. Стали вместе жить, вместе на промысел ходить. Идут как-то лесом. «Послушай, — говорит дядя, — видишь — вон ворона — вон ворона в гнезде сидит; я у ней яйца повытаскиваю, так что и не услышит». — «Это что за хитрость! Как полезешь ты за яйцами, я у тебя тем временем сапог стащу — ты и не заметишь!» — «А ну попробуй!» Покудова дядя лазил за воронными яйцами, Барма-Кутерьма не дремал, стащил с него оба сапога и ушел подобру-поздорову.

390(219h)

Место записи неизвестно.

АТ 950 (Дядя и племянник). Сюжет имеет устное распространение во всех частях света. Русских вариантов — 26, украинских — 18, белорусских — 5. Встречаются сказки данного типа и в фольклоре многих других народов СССР, например, татар (из 6-ти печатных текстов отметим только последние публикации: *Тат. творч.*, III, № 44); башкир. (*Башк. творч.*, V, №№ 48—51); казахов (Казахские народные сказки/Под ред. В. М. Сидельникова. Алма-Ата, 1956, I, с. 285); узбеков (Узбекские народные сказки/Сост. М. И. Афзалов. Ташкент, 1963, с. 69); бурят (*Элиасов*, с. 285), народов Кавказа (*Dirr A. Kaukasische Märchen*, Jena, 1922, № 74). В фольклоре чеченцев и ингушей сюжет бытует не только в сказочной, но и в песенной форме (см.: *Мунаев И. Б.* Сказочные мотивы в героико-исторических песнях (или) вайнахов. — Фольклор народов РСФСР, Уфа, 1979, с. 126—132). Нередко в сказках восточнославянских и других народов СССР сюжет осложняется мотивами сказок типа АТ 1525 (Ловкий вор). Старейшая письменная версия в «Истории» Геродота (кн 2, раздел 121 — рассказ о сокровище фараона Рампсинита, более известно в новое время под именем Рамзеса II), относится к V в. до н. э. Геродот передал рассказ ливийца Евгаммона из города Цирены о двух братьях, сыновьях строителя здания сокровищницы фараона, которые вместе ловко обкрадывали ее, пока один из них не попался в ловушку и по его просьбе был обезглавлен братом. Литературная судьба сюжета связана с восточными сборниками «Типитака», «Катхасаритсагара», «Панчатантра» и с латинским сборником конца XII в. «Dolopothos», а также со средневековым фавль, новеллами. Первые русские литературные обработки сюжета типа 950 в сборниках XVIII в.: *Спутник*, № 95; *Левшин*, 2, с. 32—53. Сопоставительному изучению итальянских и других вариантов сюжета типа АТ 950 посвящена монография С. Прато (*Prato Stanislao. La leggenda del tesoro di Rampsinite nelle varie redazioni italiane e straniere*. Como, 1882). А. Н. Веселовский в своей рецензии отметил, что работа Прато, «полезная как введение к более точному анализу», не решает задачи исследования сложной истории сказки о Рампсинитовом сокровище (см.: *Собр. соч. А. Н. Веселовского*, М.; Л., т. XVI, 1938, с. 185—190). Эта задача не решена и поныне. Наиболее основательной из имеющихся многочисленных работ о сказках, пересказанных Геродотом, является монография В. Алю (*Aly W. Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen*. Göttingen, 1921). В данном тексте сборника Афанасьева начальные эпизоды напоминают сюжетные типы АТ 1525 Д и АТ 1525 Е, как и в некоторых других русских вариантах «Сокровищ Рампсинита» (ср., например: *Сказки Терского берега Белого моря*/Изд. подг. Д. М. Балашов. Л.: Наука, 1970, № 61),

эпизод, в котором вор помогает тетке оплакать убитого мужа, отсутствует в версии Геродота, но имеет, возможно, не менее древнее происхождение, чем мифы, известные по геродотовой версии: не оплаканному мертвецу, согласно мифологическим представлениям, суждены в потустороннем мире беды. Эпизоды обрезания волос спящему вору и обрезания им волос встречным людям, тоже отсутствует в геродотовой версии, однако нередко встречаются в сказках этого типа разных народов.

После слов «пропал дядя ни за грош!» (с. 111) Афанасьевым в сноске указан вариант: «Чем же нам помянуть его?» — спрашивает тетка. «Погоди до вечера; я украду у царя козла-золотые рога, заколем его, сварим и дядю помянем?» Вечером украл Сенька козла, зарезал и велел тетке ужин готовить: «А голову козлиную спрячь, старая, подальше; не то беда будет!» Царь хватился — нет козла-золотые рога, нанял нищего и послал его ходить по домам да разыскивать. Нищий зашел к сенькиной тетке и увидел на лавочке козлиную голову с золотыми рогами; сейчас из дому, замелил ворота и бросился к царю с доносом. Сенька Малой увидел крест на воротах и давай бранить старуху: «Ах ты, сякая-такая! Зачем козлиной головы не спрятала? Того и смотри под суд угодишь!» Побежал поскорей в лавку, купил мелу и замелил ворота по всей улице, по всем переулкам. А царь уже выехал судить вора; куда ни придет — всюду ворота забелены; рассердился царь, разругал нищего и возвратился во дворец».

Вариант окончания сказки: «Доложили царю, что мертвое тело украдено. «Хитёр вор! — думает царь.— Как бы изловить его?» И приказал застлать всю улицу серебряными рублями, а с боков часовых поставил: пусть-де народ по улице ходит, а денег не трогает. Захотелось Сеньке пожить казенным добром, взял свои лапти, окунул в смолу, обулся-оделся и пошел разгуливать по серебряным рублям; много серебра к подошвам налипло! Вернулся домой, деньги в карман положил, лапти на гвоздь повесил. А царь между тем приказал все дома тайно осматривать: не найдутся ли где смоляные лапти? Начали осматривать; нашли смоляные лапти у Сеньки Малого. Тут его подхватили, раба божьего, и повесили».

391. ВОРОВАТЫЙ МУЖИК

(с. 112—113)

391(220) Место записи неизвестно. *AT 1540* (С того света) + *1540 A** (Мужик спрашивает у барыни свинью в гости) + *1528* (Сокол под шляпой). Традиционная для восточнославянского фольклора сюжетная контаминация. Первый сюжет распространен преимущественно в Европе, но в *AT* учтены также варианты, записанные в Палестине, Индии, Индонезии и Латинской Америке. Русских вариантов — 34, украинских — 35, белорусских — 7. Сюжет встречается и в сборниках сказок других народов СССР, например, латышей (*Арайс-Медне*, с. 194), башкир (*Башк. творч.*, IV, № 125), татар (*Тат. творч.*, III, № 130), чуваш (*Чувашск. ск.*, с. 176—177). Старейшая литературная версия сюжета — латинское стихотворение, изданное в 1509 году. В XVI в. анекдотические сказки этого типа обрабатывались Бебелем и Саксом, стали основой польской интермедии XVII века «*Wdowiec z usadem niebieskim*». Им соответствуют восточные анекдоты о Насреддине. Исследования: *Arne A. Der Mann aus dem Paradiese (FFC, N 22)*. *Hamina*, 1915. Второй сюжет — о приглашении свиньи в гости, учтенный в *AT* частично в русском и литовском материале. Русских вариантов 33, украинских — 10, белорусских — 6. Первые русские публикации в лубочных сборниках: *Друковцов С.* «Сова, ночная птица» (СПб., 1779, № 20) и *Хомяков Е.* «Забавный рассказчик...» М., 1791, ч. 1, с. 78—87. Третий сюжет устно бытует преимущественно в странах Восточной и Южной Европы, не учтен в *AT* и в индонезийском, латиноамериканском материале. Русских вариантов — 36, украинских — 9, белорусских — 6. Восточнославянские сказки типа *1540 A** и типа *1528* отличаются сатирической антибарской заостренностью. В этом отношении вариант «Вороватый мужик» очень характерен.

Вариант начала сказки: «Сидит на печи старуха. Пришел солдат. «Бабушка, дай пообедать». Она дала ему пообедать. «А как тебя зовут, родимый?» —

«Я — Тихон, с того свету спихан». — «У меня там сынок — Филатушка; повестить, как он живет там?» — «Он, бабушка, свиной пасет; ну да и хлопотно ж ему: весь-то он оборвался, весь-то он обносился». — «Ах, батюшки-светы! — Ну, служивый, я с тобой к сынку гостинец пошлю: унеси к нему шубу, поддевку да целковый денег». — «Хорошо, бабушка, унесу!» Взял шубу с поддевкой да целковый рубль и ушел, куда сам знал. А старухин сын на ту пору в лес за дровами ездил; воротился он домой, старуха и говорит: «А ко мне весточка пришла от Филатушки!» — «Какая весточка?» — «Давеча приходит солдат Тихон, с того света спихан; я с ним и гостинец к Филатушке послала...».

Вариант эпизода приглашения свиной на свадьбу (с. 113): «Увидала барыня: «Позвать ко мне мужика!» Позвали. «Здравствуйте, матушка!» — «Здравствуй! Что ты, мужичок, моей свиной земно кланялся?» — «Свиной-то ваша пестрая, моему сыну мать крестная; мой сын женится, так послал попросить, не отпустите ль ее на свадьбу?» — «Изволь, мужичок, отчего не отпустить!» — «Что ж, барыня моя добрая, гнать мне ее одному — не согнать, несть мне ее — не несть; нет ли какой лошаденки?» — «Хорошо; я сейчас прикажу запречь барина иноходца в парные дрожки...»

Другой вариант этого же эпизода: «Говорит мужик девке: «Ваша свиная пестра, моей жене сестра, зову на крестины; жена сына родила». Доложила девушка барыне. «Пушай возьмет; что за горе!» — говорит барыня».

Вариант окончания сказки: «Мужик запрятал лошадь с дрожками в лесную чащу; сам вышел на дорогу, выбрал местечко у ручья, поскорей нагреб коровьего дерьма, накрыл своей шляпою и сидит барина поджидает. Вот катит барин в коляске: «Эй, мужичок! не видал ли ты, как провезли свиной на дрожках?» — «Видал». — «Можно догнать?» — «Отчего не догнать, только бы не заплутать!» — «А ты что за человек?» — «Охотник». — «Что ж у тебя под шляпою?» — «Заморская птица; сейчас накрыл». — «Когда ж ты ее из-под шляпы вынимать будешь?» — «А вот погоди, уснет!» — «Давай я присмотрю за твоею птицею, а ты садись в коляску да поймай мне того мужика, что свиной увез. Коли поймашь — я тебя деньгами награжу». — «Изволь, барин! Да сумеешь ли ты над птицей приговоривать?» — «Приговоривать? Это зачем?» — «Затем, что без приговора она еще целые сутки не заснет». — «Ну, ты поучи меня». — «Приговор простой: сижу на берегу, дермо стерегу; головой качаю, прибыли не чаю!» — «Хорошо, поезжай с богом!» — Мужик влез на козлы и погнал лошадей, а барин с кучером сели сторожить заморскую птицу. Долго барин сидел да приговоривал: «Сижу на берегу, дермо стерегу; головой качаю, прибыли не чаю!» Наконец надоело ему: «Должно быть, этот мужик надул меня! По крайней мере хоть птица дорогая осталась. Ну, кучер, я стану шляпу поднимать, а ты лови птицу». — «Эх, барин, у меня рука тяжела, пожалуй — задавлю ее; уж лучше ты лови, а я шляпу подыму». Стал ловить барин птицу и вымарал себе руки. (Еще в одном списке мужик сажает под шляпу ежа, барин хватает и колет свои руки).

392—394. СОЛДАТСКАЯ ЗАГАДКА

(с. 114—116)

392(221) Записано в Пермской губ. *АТ 1544 А** = 1636 (Солдатская загадка). В *АТ* учтены финские, литовские и русские тексты, известны и латышские (*Арайс-Медне*, с. 358). Русских вариантов — 15, украинских — 6, белорусских — 4. История сюжета связана со средневековыми шванками, фациями о странствующих монахах. См.: *Wesselski A. Monchsleben*. Leipzig, 1909, S. 119; *Dunn T. F. The Facetiae of the Mensa Philosophica*. St. Lois, 1934, N 52. Анекдот о монахе, имеющий в своей основе игру слов, трансформировался в восточнославянском и балтском фольклоре в анекдот о предприимчивом солдате.

К словам «Здравствует ли Курухан Куруханович?» (с. 114) Афанасьевым дан вариант: «царствует ли?»

393 (221, вар. 1) Записано в Оренбургской губ. АТ 1544 А* = 1636.

394 (221, вар. 2)

Место записи неизвестно.

АТ 1544 А* = 1636. Вариант сюжета осложнен эпизодом продажи солдатом якобы соленого зуба от сохи (ср. анекдотические солдатские сказки типа «Каша из топора» — АТ 1548; см. также СУС — 1548*. Русских вариантов — 4, белорусских — 1).

395—396. МЕРТВОЕ ТЕЛО

(с. 116—118)

395(222a)

Место записи неизвестно.

АТ 1537 (Мертвое тело). В АТ учтены, кроме многочисленных европейских, варианты, записанные в Индии, Индонезии, от негров, индийцев, американцев европейского происхождения в Латинской Америке. Русских вариантов — 32, украинских — 15, белорусских — 15. Сюжет представлен в многих сборниках сказок народов СССР: *Тат. творч.*, III, № 74, 98; *Узбек. ск.*, II, с. 332—340; *Казах. ск.*, I, с. 205—207, 251—257, II, с. 219—223; *Удмурт. ск.*, с. 236; Сказки народов Памира/Сост. А. Грюнберг, М. Стеблин-Каменский. М., 1976, № 7. Распространение сюжета связано с «Тысячью и одной ночью» (ночь 25-я), персидским сборником VIII—IX вв. «Царь Афсханеб», многочисленными средневековыми фабль, шванками, фацециями о трижды убитом мертвецке и подобными восточными анекдотическими рассказами о Насреддине. Сюжет получил своеобразное отражение в трагедии К. Марло «Мальтийский еврей» (1633). Первая русская литературная обработка анекдота «Мертвое тело» — «Сказка о Дурине» (М., 1794). Исследования: *Suchier H. Der Schwank von der viermal getöteten Leiche*. Halle, 1922; *Сумцов. Разыскания*, с. 48—50. Вариант сборника Афанасьева имеет характерную для восточнославянских сказок сатирическую антибарскую и антипоповскую заостренность.

После слов «а дураку ничего не дали» (с. 116) Афанасьевым указан вариант: «Померла старуха, много всякой скотинки оставила. «Давайте, братцы,— сказал старший сын,— заплетем сарай (загоны); в чей сарай пойдет скотина — того и будет». Согласились; умные братья сплели из голого хворосту, а дурак из зеленых веток. Как пришла с поля скотина, так вся и бросилась к дураку в сарай. Вот умные рассердились, отняли у дурака все начисто: живи как знаешь!»

В сноске к концу текста дан вариант (с. 117): «Жили-были два брата: умный да дурак; много звали Тереха Гладкий, дурак слыл Иваном-больваном. Помер Тереха, дурак взял покойника и поволок к богатому мужику на двор; у того мужика остановились извозчики: везли в город кадки с медом. Дурак поставил Тереху к возу, дал в руки лопатку — точь-в-точь мед колупает. Увидели извозчики, прибежали с палками и давай колотить мертвого. Тереха упал, дурак караул закричал и взял с них за свою выдумку сто рублей откупного. Опосля того поволок дурак Тереху к попу на конюшню, посадил его верхом на лошадь, ноги веревками опутал и пустил лошадь по погосту гулять. Поп увидал, что Тереха Гладкий на его лошади разъезжает, схватил палку, побежал за ним следом. «Слезай,— кричит,— с чужого коня среди грязи долой! Ишь взобрался!» Тереха не слезает. Хватил его палкой раз, другой, третий — мертвец на бок, а дурак за попа: «Стой, батька! Пойдем в суд, почто человека убил?» Поп испугался: «Что хошь — возьми, до суда не доводи!»»

396(222b)

Записано в Осинском уезде Пермской губ. Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись (*Васильев. Этнографические сведения о России*) — в архиве ВГО (р. XLVIII, оп. 1, № 18, лл. 1 об. — 2 об.) АТ 1537. В сказке, как и во многих других восточнославянских ее вариантах, дурак сам является убийцей матери. Обычно он несколько раз обвиняет встречных в убийстве его мертвой матери и берет с них деньги, здесь же он обвиняет в убийстве и вынуждает откупиться только встречного чиновника.

Сказка напечатана Афанасьевым с многочисленными стилистическими изменениями. Воспроизводим ее полностью по рукописи:

«Жил-был старый бобыль со своею старухой; у него было три сына, а младший Иван-дурак. Когда случится идти большим братьям на охоту, то дурак идет за ними; братья ево ловят зверей и птиц, приличных, а дурак крыс, мышей, стреляет сорок и ворон. Однажды посеяли они в огороде гороху, и к несчастью кто-то горох воровал. Тогда они для преследования воров оставили караулить горох Ивана-дурака. Тогда что-то нужно было сходить в огород матери их; и как она влезла в огород, то строгий сторож закричал: «А вот, вор, я тебе дам помнить!» И треснул мать свою по голове дубинкой, так что она и уснула. Братья и отец прибыли домой, узнали о несчастьи, а дурак сидел на печи, перегребал сажу, сказал: «Черт ли ее несет на кражу, разве не вы заставили меня караулить». После сего отец и старшие сыновья, видя свою беду, говорили дураку: «Поезжай, убирай мясо-то». А дурак сказал: «Не ваше об этом дело, я лучше другога слажу». Взял мать свою, средил в празднишну одежду, посадил в задок, а в руки дал пяла, называя ее королевскою золотшвейкой, ехал к церкви. Дорогой попавшись ему навстречу один чиновник, но дурак с дороги не воротил, а кучер, которой воз чиновника, кричал: «Вороти, мужик!» А дурак отвечивал: «Вороти-ко, сударь, сам, я везу королевскую золотшвейку». Чиновник, видя глупость мужика, сказал кучеру: «Мни его совсем дурака». И, как скоро поверстались лошади, тут опрокинули дурака с телегой, из которой мать ево вылетела далеко, а дурак закричал: «Государи убили мою маму!». Чиновник, видя мертвеца, испугался и говорит дураку: «Что тебе надо, не хлопочи много». Тогда дурак сказал: «Сладь (уговори) попа, да мне отдай триста рублей, тогда и хлопотать не буду». Этим предложением и дело кончилось, а дурак, приезжая домой, объявил отцу и братьям свою выдумку, которые ево поступок одобрили. После сего стали жить да быть».

397—399. ШУТ

(с. 118—125)

397(223a)

Записано в Шадринском уезде государственным крестьянином А. Н. Зыряновым. Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись — в архиве ВГО (р. XXIX, № 32а, лл. 22—25 об.) *АТ 1539* (Шут. Всемирно известный сюжет здесь является основным) + *1542 II* («Шутки дома оставил») + *1538** (Шут-невеста) + *1535* (Дорогая кожа: заключительный эпизод — героя хотят утопить). Такая контаминация сюжетов имеет русскую лубочную традицию, восходящую к сборнику «Поудка...» (II, № 15, с. 24—32). Контаминация сюжетных типов *1539*, *1535* встречается и в сказках неславянских народов СССР (например: *Башк. творч.*, IV, № 129). Русских вариантов типа *1539—55*, украинских — 23, белорусских — 25. Многочисленными вариантами сюжеты типа *1539* и *1535* представлены и в фольклоре других народов СССР. Старейшей литературной версией первого из них является латинское стихотворение X или XI вв. «Unibos». Сказка типа «Шут» вошла в сборник XVI в. «Приятные ночи» Страпароли (ночь I, сказка 3). Мотивы таких сказок встречаются в восточных анекдотах о Насреддине. Исследования: Müller J. Das Märchen vom Unibos. Jena. [1934]; Сумцов. Разыскания, с. 126—137. Сюжет «Шутки дома оставил» учтен в *АТ* в русском, литовском, фламандском, немецком, шотландском, корейском и испано-американском материале. Старейшие литературные обработки сюжета — в средневековых повествовательных сборниках (см. *Weselski*, комм. к № 36). Русских вариантов — 15, украинских — 13, белорусских — 3. Сюжет о шуте-невесте — учтен в *АТ* также только в русских сказках. Русских вариантов — 14, украинских — 4, белорусских — 3. О сюжетном типе *1535* см. в прим. к тексту № 387. Разным восточнославянским сказкам о плаутах и дураках посвящена статья: Юдин Ю. И. Типология героев бытовой сказки. — Русский фольклор. Л., 1979. XIX, с. 49—64.

Сказка напечатана Афанасьевым с многочисленными стилистическими исправлениями, касающимися главным образом добавлений и сокращений отдельных слов и фраз, замены одних слов и целых выражений другими перестановками слов. Вот некоторые характерные примеры:

Страница, строка	Напечатано:	Рукопись:
118, 19—20 сн.	К тебе, свет; не шутишь ли шутку мне?	К тебе, шут не шутишь ли мне шутку?
17—18 сн.	дак снаряди потеплей да дай лошади съездить за нею	дак дай лошади съездить за нею
13 сн.	поехал назад	поехал
12 сн.	в ограду пустил	пустил в ограду
10—11 сн.	и воротился к попадье. Она	и поехал домой; приезжает домой, попадьа
7—8 сн.	Узнал поп, каковую шутку сыграл над ним шут!	Тут-то поп узнал, каку шутку шутил ему шут
119, 13—14 сн.	С тобой вчераш пошутил	с тобой вчера чево-то делал
120, 1—2 св.	и за свадебку. Справили все как следует. Ночью молодая говорит мужу	и свадебку. Ночью невеста говорит жениху ли, мужу
9 св.	поехал	пошел
11 св.	те-други разговоры	те разговоры, други разговоры
19 сн.	Вот едет шут, а навстречу	вдруг навстречу
18 сн.	где взяла? — Где взяла!	где взяла? Смешно, сколь где берут!
12 сн.	Еле-еле убрались шуты	Видишь еле можахом убрались
121, 13 св.	раз пообедать. Эй, хозяйка! Давай обедать	раз пообедать. Говорит бабе ли, хозяйке ли: Давай обедать
3—4 сн.	побежали домой: только прибежали	пошли домой, только пришли
2 сн.	— ух! Стой! — закричали семеро шутов.	ухат. Они закричали: стой! стой!
1 сн.	Эх вы, дураки!	Да, дураки вы
122, 1—3 св.	коней имал. Там их много, да такие славные! Это что еще! Я дрянь взяла — спереди, а там дальше воронные — вот так лошади!	коней вот этих имал, там столько лошадей, да такие ведь лошади-то! Это что еще я взяла дрянь спереди, а там дальше-то воронные славные лошади
4 св.	в воду; пойдем и мы	туда, мы пойдем

К словам «в избе была козлуха» (с. 120) Афанасьевым дана сноска: «В некоторых вариантах вместо козы выведена лошадь».

Вариант окончания сказки: «Шут обманывает своих братьев; наконец они решаются утопить его, завязали в куль, принесли к реке, а сами пошли за топорами, чтоб было чем прорубь вырубить. Шут лежал, лежал и давай кричать: «Посудите, люди добрые, ни читать, ни писать не умею, а меня в головы сажают». Едет богатый мужик на тройке: «Я,— говорит,— и читать и писать умею; пусти меня в куль». Выпустил шута и залез в куль. Пришли братья, сделали прорубь и потащили его в воду. Мужик ну кричать: «Я хочу! Я хочу!» — «Ну коли хочешь, не о чем и спорить! Нам того и надобно». Взjali и сунули его в прорубь...»

Место записи неизвестно. AT 1539 + 1542 II + 1535. Из своеобразных подробностей варианта сюжета «Шут» отметим: шут топил лошадь попа, и тот вместе с шутком тянет увязшую в болоте лошадь за хвост, отрывает его и па-

дает. К словам «Пошути мне!» (с. 122) Афанасьевым указан вариант: «Хоть ты и мудер и хитер, а попададя хитрее тебя! Попробуй-ка, пошути над ней!»

После слов «тянут в разные стороны» (с. 122) дана сноска: «В другом варианте поп раздевается и лезет в воду, а Фомка-шут уносит тем временем его одежду».

399(223с)

Записано в Тверской губ. писателем И. И. Лажечниковым.

АТ 1539 + 1535 + 1538*. Необычными для сказок о шуте являются эпизоды поджога поповского дома и кражи у попа улья.

400—401. ИВАНУШКА-ДУРАЧОК

(с. 126—128)

400(224а)

Записано в Вологодской губ. АТ 1681 А (Дурак делает покупки) + 1691 (Дурак домовничает) + 1535. Первые два сюжета о дураке контаминируются в восточнославянских сказках нередко. Первый сюжет учтен в АТ только в русском, венгерском и испанском фольклорном материале. Русских вариантов — 21, белорусских — 3. Известны также подобные варианты в сборниках сказок других народов СССР (например, *Тат. творч.*, III, № 137, 139, 140). Второй сюжет распространен преимущественно в северо-восточной части Европы. Русских вариантов — 17, украинских — 11, белорусских — 8. История таких сказок связана с сочинением Бебеля «Orscula nova» (1514) и с итальянскими новеллами XIII—XVI вв., о дураке, делающем все невпопад (см. *Novelline*, № 109, 110). Первая русская публикация — *Почудка...*, I, № 5, с. 17—31.

К словам «Эх,— думает,— ребята-то без шапок» и т. д. (с. 126) Афанасьевым дан вариант: «Братцы рódные, что ж вы без шапок стоите? Дождь пойдет — вымочит».

После слов «Разве задаром я мешок соли высыпал» (с. 127) указан вариант: «Дело было осенью; дорога — скользкая, лошаденка — некована, шаг сделает да оступится. «Что ты все спотыкаешься? — говорит дурак. — Постой, вот я маслицем копыта смажу». Вылила полон бочонок масла, а лошадь еще больше спотыкается. — «Что ж ты, волчье мясо, разве задаром я масло сгубил?» Стал дурак поить лошадь... потом догадался: «Али ей неловко, до воды далеко!» Взял и обрубил ей ноги по колена».

401(224б)

Записано в Черноярском районе Астраханской губ. Рукопись, находящаяся в архиве ВГО, опубликована Афанасьевым неполностью. В полном виде текст напечатан в сб.: *Смирнов*, № 256. Недостояющий у Афанасьева конец перепечатан в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. (с. 448—449) и состоит из двух эпизодов: братья пытаются бежать от дурака (АТ 1132), дурак рассказывает им небылицы (АТ 1920 P).

АТ 1681 + 1691.

402. ДУРАК И БЕРЕЗА

(с. 128—129)

402(225)

Место записи неизвестно.

АТ 1643 (Дурак и береза) + 1600 (Дурак-убийца). Традиционная контаминация сюжетов. Первый сюжет: русских вариантов — 17, украинских — 15, белорусских — 5. Второй сюжет: русских вариантов — 26, украинских — 10, белорусских — 2. Ареал бытования сюжета о дураке и березе в основном ограничен европейскими странами; сюжет о дураке-убийце, кроме Европы, распространен на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, Латинской Америке. История сказок типа 1643 связана с «Пентамероном» Базиле (I, № 4), история сказок типа 1600 — с «Тысячью и одной ночью» и западноевропейскими сборниками эпохи средневековья, а также более поздними, например, «Gesta Romanorum», «Pentameron» (см. *Novelline*, № 39). Исследования: *Сумцов*, *Разыскания*, с. 137—142; *Пельтцер А.* Происхождение анекдота в русской народной словесности. — Сб. Харьковск. Ист. Филол. О-ва, 1898, XI и отд., с. 96—99.

После слов «Вдруг попадается им навстречу дьячок» (с. 129) Афанасьевым

указан вариант: «Дурак подбирает деньги... Шел мимо поп, увидел и ну приставать: «Дурак, поделись со мной деньгами!» — «Отойди, батька, голову отрублю!...»

403—404. НАБИТЫЙ ДУРАК

(с. 130)

403(226a)

Записано в Тамбовской губ.

АТ 1696 (Набитый дурак). Сюжет бытует во всех частях света. Русских вариантов — 31, украинских — 4, белорусских — 10. Сказка встречается и в фольклоре других народов СССР (Тат. творч., III. № 136; Осет. ск., № 91). Распространение таких сказок связано с известными литературными памятниками народов древнего Востока — «Цапао-панг-кинг» и «Типитака», а также с «Тысячью и одной ночью». На западноевропейской культурной почве история сюжета прослеживается по литературным памятникам, начиная с XVII столетия. Сюжет поэтически обрабатывался С. Я. Маршакom (стихотв. «Не так»). Старейший русский текст — песенный — «Про дурня» сборника Кириши Данилова. Известны и другие восточнославянские песенные варианты (Шейн. Вел., № 966; Доленга-Ходаковский В. Українські народні пісні. Київ, 1974, с. 563—564. Исследования: Сумцов. Разыскания, с. 113—119; Naavio M. Kettenmärchen (FFC, № 88); Пропп. Кум. ск., с. 255; Юдин Ю. И. Типология героев бытовой сказки. — Русский фольклор. Л., 1979, XIX, с. 49—64. Текст сборника Афанасьева состоит из трех эпизодов: дурень буквально выполняет совет «около людей потереться да ума набраться»; говорит при виде похоронной процессии: «Носить вам, не переносить»; говорит при виде свадебного кортежа: «Канун да ладан». Первый эпизод встречается в сказках редко, два других — часто.

404(226b)

Записано в Липецком уезде Тамбовской губ.

АТ 1696. От предыдущего данный вариант сюжета отличается большим количеством традиционных для восточнославянских сказок эпизодов («молотить три дня и намолотить три зерна»; «возить вам не перевозить»; «канун да ладан»; дурак пляшет при виде пожара, заливает водой свинью, которую палит мужик). Последний эпизод сближается с сюжетом о дурне, делающем все невпопад — АТ 1691. Приведенный Афанасьевым в списке вариант начинается эпизодом сватовства дурака. Этот эпизод относится к сюжетному типу АТ 920 С — Выбор жены с помощью загадочных вопросов и выказываний. В АТ учтены только средневековые немецкие, испанские, итальянские и еврейские шванки, новеллы. Вариант, записанный в Бобровском уезде Воронежской губ., больше соответствует восточным анекдотам о сватовстве и женитьбе мудреца на мудрой девушке, не уступавшей ему остроумием, например, казахским анекдотам о Жиренсе, киргизском Джээрэнче, башкирскому об Ерэнсэ-сэсэнэ (Башк. творч., IV, № 4, 6, комм., с. 350—351). Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись — в архиве ВГО (р. XL, оп. 1, № 36, лл. 8—9 об.; 1848).

Сказка напечатана Афанасьевым со следующими стилистическими исправлениями:

Страница, строка	Напечатано:	Рукопись:
130, 12—13 ст.	стала смотреть за ним, как за малым ребенком.	и взяла его на особое попечение: стала смотреть за ним, как за ребенком.
130, 8—9 ст. 6—7 ст.	и намолотить три зерна! Мужики его за такие слова колотили хохла!	и три зерна намолотить. Они его за таковые слова колотили хохла без жалоств
5 ст.	на гумне	на нем
131, 1—4 ст.	и намолотить три зерна. Они за то меня и прибили	и три зерна вымолотить! — И они за то меня прибили

Страница, строка	Напечатано:	Рукопись:
131, 3—4 св.	Обрадовался дурак, пошел на другой день	И рад дурак, что ума нет. На другой день пошел дурак
5 св.	наставление	наставление матери
6—7 св.	Опять отдули его! Дурак воротился	Они и отдули его. Дурак возвратился
9 св.	На другой день опять пошел он бродить по селу	На следующий день дурак опять пошел по селу бродить
10—11 св.	как только свадьба	Как только она
12 св.	пошел	опять пошел
15 св.	Спасибо тебе, матушка моя!	О, матушка моя! Спасибо тебе!
15—16 св.	да взял	взяв
18—19 св.	да играть в свою дудочку. И тут дурака отколотили	и играть в дудочку свою. И тут дурака отколотили за неприличное веселье.
20 св.	побили. Мать ему сказала	прибили. Мать сказала ему
21—22 св.	Через три дня, как зажили у дурака бока, пошел он бродить	Через три дня, пока зажили у дурака бока, дурак опять пошел бродить
22—27 св.	Дурак схватил у мимошедшей бабы с коромыслом ведро с водою, побежал туда и начал заливать огонь. И тут дурака порядком поколотили. Опять воротился он к матери и рассказал, за что его били. Мать заклалась пускать его по слободе, и с тех пор дурак и поныне кроме двора своего	дурак, схватив с коромысла ведра с водою у бабы, — далеко от него шедшей — побежал туда и начал заливать огонь; а хозяин на этот раз отлучился куда-то. Увидав дурака, брат хозяина довольно поколотил его. Дурак опять возвратился к матери. И мать заклалась пускать его по слободе. С тех пор дурак и поныне, кроме печи и двора

В сноске приведен вариант сказки, записанный Афанасьевым в Бобровском уезде Воронежской губернии «Жила себе вдова; у ней был сын дурень. «Матушка,— просится он,— я пойду свататься». — «И, дурачок, кто за тебя пойдет?» — «Уж я знаю: есть на примете девка хорошая!» Вот это он отпросился и пошел. Приходит во двор невестин, да так-таки тихо, что ни одна собака его не слышала; влез в избу — и богу не помолился. А девка и говорит: «Глух двор, глухая изба!» Поставила она на стол еду и покормила дурня. Вот это он ел-ел: зараз брал куска по три, а как понаелся — стал брать зараз по два куска, а там и по одному куску; а сам дурень смотрит на бревенчатую стену и спрашивает у девки: «Чай, этого бревна лошадь не довезет?» А девка говорит: «Как была одна лошадь голодна — везла и три бревна, а посылней стала — и одно возить перестала».

Ну, эта свадьба не сошлась, и пошел дурень дальше; смотрит по дороге везут мужики хлеб. Он и говорит им: «Царство вам небесное!» Мужики его били-били... Пришел дурень домой и плачет: «Меня, дурня, били, меня колотили, за волосы драли, за ус подергали», — «За что?» — спрашивает мать. «Так и так, матушка!» — рассказывает дурень. «Экой ты дурень! Ты бы сказал: дай вам, боже, носить — не переносить, возить — не перевозить». — «Хорошо, я вперед так и скажу». Пошел дурень, видит — несут мертвого. Он и сказал:

«Дай вам, боже, носить — не переносить, возить — не перевозить». Опять его уж били, били!...»

405—406. ЛУТОНЮШКА

(с. 131—133)

405(227a)

Записано в Липецком уезде Тамбовской губ. Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись — в архиве ВГО (р. XL, оп. 1, № 36, лл. 12 об.— 14; 1848).

АТ 1450 (Плач о беде, которая еще не случилась) + 1384 (Человек ищет и находит людей глупее своих родителей или жены) + 1210 (Корову тащат на крышу пастись) + 1214* (Вгоняют лошадь в хомут) + 1263 (За каждой ложкой сметаны отдельно ходят в погреб). Первый сюжетный тип почти всегда контаминируется в восточнославянских сказках со вторым, который встречается и в иной контаминации (см., например, текст № 406). Кроме вариантов на европейских языках, записанных в Европе и Америке, в АТ учтены турецкие варианты; старейший литературный текст — стихотворение Генриха Гёттингга «Умная Эльза» (1585); старейший русский литературный текст, представляющий контаминацию сюжетных типов 1450 и 1384, — сб.: Друкотцев С. Сава, ночная птица. СПб., 1779, № 20. Русских вариантов типа 1450 — 16, украинских — 6, белорусских — 3. Близкие им варианты — в сборниках сказок неславянских народов СССР (Тат. творч., III, № 130; Чувашск. ск., с. 204—206). Сюжет типа 1384, бытующий преимущественно на европейских языках в Европе и Америке, учтен АТ также в записях на турецком и африканских языках. Русских вариантов — 29, украинских — 24, белорусских — 5. Этот сюжет встречается и в сборниках сказок неславянских народов СССР (Тат. творч., III, № 133; Чувашск. ск., с. 204—206). Сюжет типа 1210 учтен в АТ в вариантах на европейских и турецком языках. Русских вариантов — 21, украинских — 14, белорусских — 6. Старейшая русская литературная обработка сюжета — В. Березайский. «Анекдоты, или веселые похождения древних пошехонцев» (СПб., 1798). Сюжет типа 1214* учтен только в русском материале. Русских вариантов — 7. Сюжет типа 1263 учтен в АТ в финском, эстонском, литовском, итальянском и русском, а также африканском фольклоре, но встречается и в латышском (Арайс-Медне, с. 169—170). Русских вариантов — 7, белорусских — 2. Первая русская публикация (литературная обработка) — Подудка..., II, № 9, с. 17—28. О подобных данной и следующей сказках о глупцах — см. Сумцов. Разыскания, с. 23—33.

Сказочный образ Лутони получил своеобразное творческое развитие в комедии-сказке В. Курочкина «Принц Лутоня» (1860), проникнутой революционно-демократическим пафосом.

Сказка напечатана Афанасьевым со следующими стилистическими исправлениями:

Страница, строка	Напечатано:	Рукопись:
131, 12 ст.	со старухой; был у них сынок	с старухой и был у них еще сынок
9 ст.	уронила его	и уронила оное
8 ст.	услыхал крик	услыхав необыкновенный крик
7 ст.	старуху	старуху свою
132, 1 ст.	я бы его, ведь, ушибла	я бы его ушибла, ведь
1—2 ст.	вместе с нею кричать	кричать вместе с нею о сем
4 ст.	Лутоня	их Лутоня
6—7 ст.	старуха убила бы его поленом; оно	я бы убила его поленом, которое
8—9 ст.	Если я найду кого глупее вас	если я глупее вас найду

Страница, строка	Напечатано:	Рукопись:
132, 9 св.	и	то
15 св.	Мужики ужасно тому	Те ужасно сему
16 св.	сказал	отвечал
18—19 св.	Вот в одном селе увидел он толпу мужиков у избы: привязали они в воротах хомут, и палками вгоняют в этот хомут лошадь	Тут — в одном селении увидел он толпу мужиков у одной избы: мужики эти привязали хомут в воротах и палками вгоняют в оный лошадь
22 св.	И эти мужики с дива	И эти с дива
22 сн.	Остался он у них	остался у них
20 сн.	устал	и от усталости
12 сн.	Лутоня	и Лутоня
11 сн.	дале	далее

406(227b)

Записано в Тамбовской губ. АТ 1541 (Весна-красна) + 1384 (Человек ищет людей глупее своей матери) + 1244 (Растягивают бревно) + 1202 (Топят серп, приняв его за червяка или змею) + 1293 В* (Привязанный за ноги к бревну переворачивается в воде) + 1204 (Глупая женщина бьет курицу за то, что не дает молока цыплятам) + 1287 (Не могут сосчитаться). Первые два сюжета контаминируются очень часто. Сюжет типа 1541 учтен в АТ в многочисленных вариантах на европейских языках, а также в записях, сделанных в Турции, Индии, у американских индейцев и негров. Русских вариантов — 9, украинских — 1, белорусских — 1. Старейший зафиксированный текст итальянский — относится к концу XIV — началу XV в.: *Serkambi. Novelle* (Ed. Renier, 1889, № 69). Сюжет типа 1244 учтен в АТ в финском, эстонском, литовском, саамском, французском, испанском, немецком, венгерском, сербохорватском и русском материале, встречается и в латышском (*Арайс-Медне*, с. 169). Русских вариантов — 6, украинских — 1, белорусских — 2. Сюжет типа 1202 учтен в АТ в финском, эстонском, ливском, испанском и испано-американском, немецком и русском материале, встречается и в польском (*Krzyżanowski*, II, s. 27), латышском (*Арайс-Медне*, с. 167 — только архивные тексты). Русских вариантов — 10, украинских — 5, белорусских — 3. Первые русские литературные обработки сюжета — Погудка..., II, № 9, с. 17—28 и «Анекдоты, или веселье похождения древних пошехонцев» В. Березайского. Сюжет типа 1293 В* учтен в АТ только в русских сборниках. Русских вариантов — 6, белорусских — 2. Сюжет типа 1204 учтен только в русском фольклорном материале. Русских вариантов — 3, украинских — 14, белорусских — 2. Сюжет типа 1287 учтен в многочисленных европейских, а также в индийских, индонезийских, англо-американских вариантах. Русских вариантов — 3, украинских — 2, белорусских — 2. Первые русские публикации те же, что и сюжета 1202.

407—409. МЕНА

(с. 134—138)

407(228a)

Записано в Липецком уезде Тамбовской губ. Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись — в архиве ВГО (р. XL, оп. 1, № 6, лл. 1—1 об.; 1848). Сказка напечатана Афанасьевым без изменений.

АТ 1415 (Мена). В АТ, кроме многочисленных европейских, учтены варианты, записанные в Индии, Индонезии и Латинской Америке. Русских вариантов — 11, украинских — 12, белорусских — 3. Формирование сюжета связано с китайским сборником конца V в. — «Типитак». Старейший европейский литературный текст относится к XIII в. (исландская «*Sautreks-saga*). В XIX в. сюжет разрабатывал Андерсен («Что делает отец, все правильно», 1861). Мо-

тивы мены золотой тетерки, полученной от царя за кисель из одного зерна, на коня и т. д. отмечен только в русских сказках. Исследования: *Пропл. Кум. ск.*, с. 252.

408(228b)

Место записи неизвестно. *АТ 1415*.

409(228c)

Сказка украинская, передана Афанасьеву М. А. Максимовичем.

АТ 1960 С (=АА 1960 С, 1960 С I)*. Горох до неба (см. прим. к тексту № 19 первого тома) + 1415 (см. прим. к тексту 407). Второй сюжетный тип является здесь основным.

410—411. СКАЗКА ПРО БРАТЬЕВ ФОМУ И ЕРЕМУ

(с. 138—139)

410(229a)

В первом издании не было. Записано в Архангельской губ. А. Харитоновым.

*АТ 1716** (Фома и Ерема). Сюжет, имеющий песенное происхождение и нередко сохраняющий в сказке особенности формы шуточной песни,— например, в данном тексте,— встречается преимущественно в русском фольклорном материале. Русских вариантов — 31, украинских — 4. В *АТ* наряду с русскими учтены немногочисленные ливские и сербохорватские фольклорные тексты. Кроме сказок и песен о нелепых похождениях двух глупцов — Фомы и Еремы, известны посвященные им старинные русские рукописные повести (6 списков XVIII в.), а также лубочные картинки (см. например, *Ровинский*, I, № 188, 189, 205). Последнее лубочное издание «Фомы и Еремы» («Из народных былей и небылиц» — 6 картинок) вышло в 1896 г. в Москве. Повествования о Фоме и Ереме неустойчивы. В них своеобразно проявляются способности народных рассказчиков к творческой импровизации. Исследования: *Аристов Н. Я.* Повесть о Фоме и Ереме.— *Древняя и новая Россия*, т. I, 1876, № 4, с. 365 и след.; *Адрианова-Перетц.* *Сатира XVII в.*, с. 151—152, 186—189; *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971, с. 401—421. В приложении к работе П. Г. Богатырева «Импровизация и нормы художественных приемов на материале повестей XVIII века, надписей на лубочных картинках, сказках и песен о Ереме и Фоме» дана обширная библиография русских источников. Сюжет народной сказки поэтически обработан С. Я. Маршакom («Фома и Ерема, Сказка про двух лодырей»).

411(229b)

В первом издании не было. Место записи неизвестно.

*АТ 1716**. Ритмичность данного варианта связана с песенным происхождением сюжета. Один из трех эпизодов («вздумаи торговать») в предыдущем тексте отсутствует.

412—417. ХОРОШО, ДА ХУДО

(с. 140—143)

412(230a)

Записано в Болховском уезде Орловской губ. Из собрания П. В. Киреевского; вероятно, запись П. И. Якушкина.

Начало (первые четыре вопроса барина, на которые отвечает мужик) относятся к типу *АТ 1702 С** (=АА* 2014 II. Комические ответы). В основном *АТ 2014 А* (=АА 2014. «Хорошо, да худо»). Первый сюжетный тип учтен *АТ* только в русском фольклорном материале. Русских вариантов таких «Комических ответов» опубликовано 7 (из них 4 в сборнике Афанасьева), украинских — 12, белорусских — 10; им свойственна сатирическая заостренность. Тип *2014 А* учтен *АТ* в эстонском (7 вариантов) и в русском материале, но встречается и в латышском (см. *Арайс-Медне*, с. 239).

Русских вариантов — 15, украинских — 3, белорусских — 7. Данный текст имеет близкие совпадения с рядом восточнославянских вариантов типа *2014 А*. Исследования: *Пропл. Кум. ск.*, с. 257.

413(230b)

Записано в Малоархангельском уезде Орловской губ. П. И. Якушкиным.

*АТ 1702 С**. Тексты, близкие варианту.— *Шейн. Материалы*, № 155, с. 319—320; № 163, с. 324—325, № 164, с. 325—327.

- 414(230c)** Место записи неизвестно.
Отчасти *АТ 2040* («Все благополучно») + *2014 А* («Хорошо, да худо»). Вопрос и ответ, богаты ли мужики, напоминает небылицу «Богатые люди» — *АТ 1930 А**. Анекдотический сюжет типа *2040* учтен в *АТ* в литовском, английском, испанском, венгерском, сербохорватском, русском, индийском и англоамериканском материале. Русских вариантов — 12, украинских — 1, белорусских — 3. В *АТ* отмечены латышские варианты. Известны также восточные сказки-анекдоты о Насреддине. Старейший западноевропейский литературный вариант сюжета «Все благополучно» — в латинском сборнике XIII века «*Exempla*» Жака де Витри. Аналогичные анекдоты встречаются в нескольких средневековых сборниках (см.: *Wesselski A. Monchslatrein. Leipzig, 1909, S. 20.*) Исследования: *Пропп. Кум. ск., с. 257.* Этот и особенно другой, более полный сюжет типа *2040* (текст № 217), замечательны яркой антипомещичьей направленностью. Они вообще характерны для восточнославянских анекдотических сказок о том, как мужик доложил барину о «благополучии» в его имени. Ср. имеющий ту же анекдотическую основу фарс о разоренном помещике — «Гольи барин» (Ончуков Н. Е. Северные народные драмы. СПб., 1911, с. 124—133).
К словам «Ах, дурак, ты мне лошадь извел!» и т. д. (с. 141) Афанасьевым дан вариант «Ты никак, Афонька, глух?» — «И без того свели коня в луг».
Вариант окончания сказки: «А в низовых городах был?» — «Был». — «Видел моих любимых птичек?» — «Видел». — «Какие они?» — «Зеленькие». — «Как поют?» — «Ква-ква-ква!» — «Дурак, да то лягушки!»
- 415(230d)** Записано в Тверской губ.
АТ 1931 («Как дела в Ростове?»...) + *2014 А*. Второй сюжет является основным. Первый сюжет небылицы учтен в *АТ* в финском, эстонском, литовском, шведском, итальянском и русском фольклорном материале, но встречается и в латышском (*Арайс-Медне, с. 237*). Русских вариантов — 5 (первая публикация в «Собрании русских народных сказок». М., 1820, с. 1—24).
- 416(230e)** Место записи неизвестно.
Отчасти *АТ 1702 С** (Комические ответы) + *2014 А*.
- 417(230f)** Записано в Пермской губ. Д. М. Петуховым.
АТ 2040 («Все благополучно») + *1930 В** (Похвальба приданным). Первый сюжетный тип, разработанный подробно, отличается своеобразными деталями, — см о нем в прим. к тексту № 414. Второй тип учтен только в русском материале. Русских вариантов — 8, в том числе два лубочных (см. *Ровинский, I, № 143, 144*). В примечаниях к сказке Афанасьев приводит вариант, из «Пословиц русского народа» Даля (1862, с. 1094). Приходит староста к помещице и на ее вопрос, все ли в усадьбе благополучно, отвечает: «Все, матушка, слава богу, только любимый ваш ворон объелся падали». — «Да где ж он ее нашел?» — «Да жеребец вороной пал». — «Как так?» — «А усадьба горела, так на нем воду возили, да загнали». — «Отчего ж пожар сделался?» — «Да как хорили матушку вашу со свечками (факелами), так невзначай подожгли».
- 418—427. НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ
(с. 144—155)
- 418(231a)** Записано в Липецком уезде Тамбовской губ. Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись — в архиве ВГО (р. XL, оп. 1, № 36, лл. 3 об.—6; 1848).
*АТ 1920 Н** (Огонь и обмен на небылицы) + *1889 Р* (Человек шивает две половинки лошади) + *1889 К* (= *804 А*. Человек влезает на небо по дереву и спускается на ремнях. См. примечания к тексту № 18) + *1900* (Волк вытаскивает человека из болота). Первый сюжет служит здесь обрамлением трех сюжетов небылиц; он учтен в *АТ* в русском, греческом и турецком материале. Русских вариантов — 31, украинских — 27, белорусских — 6. Небылицы о награждении за лодь, о вытаскивании волком человека из болота и о влезании на небо по дереву встречаются и в фольклоре неславянских народов СССР (*Тат. творч., III, № 77, 145, 146, 147*). История первого сюжета связана с древними восточными повествовательными сборниками; старейшие западноев-

ропейские литературные тексты небылиц относятся к XII—XIII вв. (см. Mann O. Die Mundarten der Lur Stämme im südlichen Persien. Berlin, 1910, S. 5—12). Сюжетный тип 1889 P учтен в AT в русском и немецком фольклорном материале. Русских вариантов — 19, украинских — 17, белорусских — 3. Ср. «Удивительные приключения, путешествия и военные подвиги барона Мюнхгаузена», в первом русском переводе Н. П. Осипова — «Не люблю — не слушай, врать не мешай», СПб., 1791. Сюжетный тип 1900 учтен в AT в эстонском, словенском, англо-американском и в русском (наибольшее количество текстов) материале, встречается и в латышском (*Арайс-Медне*, с. 236). Русских вариантов — 34, украинских — 9, белорусских — 3. История небылицы связана со сборниками шванков и фазеций XVI—XVII вв. Исследования: Федорова В. П. Небылицы.— В кн.: Проблемы изучения русского устного народного творчества. М., 1975, вып. I, с. 90—95; Левина Е. М. Прозаическая небылица (К вопросу о границах жанра).— Фольклор народов РСФСР, 1981, с. 79—86.

Сказка напечатана Афанасьевым со следующей стилистической правкой:

Страница, строка	Напечатано:	Рукопись:
144, 13 св.	И приходит	Вот и приходит
22 св.	сам за огнем	сам дурак за огнем
20 сн.	наsupротив	наспротив
18 сн.	к солнцу лысиной	к солнцу своей лысиной
18 сн.	Дурак	Вот дурак
15 сн.	сидел я	я сидел
11—13 сн.	Ну, слушай, дед! — говорит дурак, а сам его голицею по лысине щелк! — Слушаю, свет! — Вот я на передке	Ну, слушай, дед! — Слушаю свет, а сам — дурак — его голицею по лысине щелк! Вот я на передке
10 сн.	ходит он	он ходит
8—9 сн.	Слушай, дед! — А сам опять голицею по лысине его щелк! — Слушаю, свет!	Слушай, дед! — Слушаю свет, отвечал старик, а сам опять голицею по лысине его щелк!
7 сн.	высокий дуб	дуб высокий
6 сн.	увидел я	я увидал
5 сн.	мухи дороги, взял	мухи там дороги. Я взял
4 сн.	взвалил их	взвалил я их
4 сн.	вскарабкался опять	вскарабкался я опять
144—145 4 сн., 1 св.	Сложил кули и стал раздавать грешным людям	Сложивши кули, я стал раздавать оные грешным людям
145, 3 св.	погнал я скотину, пригнал я к тому месту	погнал я их, пригнал я их к тому месту
4 св	дуб-то подсекали	дуб этот подсекали
6 св.	перерезал я всю скотину, сделал	я перерезал всю скотину и сделал
8—9 св.	Слушай, дед! А сам голицею по лысине его щелк! — Слушаю, свет!	Слушай, дед! — Слушаю, свет, а сам голицею по лысине его щелк
9 св.	на мое счастье	к моему счастью,
10 св.	летит вверх	вверх летит

Страница, строка	Напечатано:	Рукопись:
145, 12 св.	оторвалась у меня веревка из половы	и оторвалась у меня из половы веревка
13—14 св.	вылезть мне хочется, а нельзя. На моей голове свила утка гнездо.	На моей голове свила утка гнездо: вылезть мне хочется, а нельзя.
15—16 св.	из тины руку	руку из тины
16 св.	как стоял он подле	который стоял подле
17—18 св.	Слушаешь, дед? А сам голицею его по лбу щелк! — Слушаю, свет!	Слушаешь, дед! — Слушаю, свет, а сам голицею по лбу его щелк!
19 св.	Видит дурак	Дурак видит
19—20 св.	свое слово, но перебивал его; чтобы раздражить старика, начал дурак	свое слово. Чтобы раздражить старика, дурак начал
22 св.	перебил сказку старик	сказал старик, перебив сказку дурака
24 св.	к своим братьям	к братьям своим

В Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 513) Афанасьевым приведен вариант: «Жил-был старик; у него было три сына: один слепой, другой ничего не видел, а третий ошупью ходил. Вот и пошли они уток стрелять; один взял палку лутоховую, другой яроховую, а третий такую, с чего лыки дерут. Приходят они к реке и видят: утки плавают. Первый кинул в них палку — и не докинул, второй кинул — и перекинул, а третий не кидал, да всех уток побил. Вот они все троя стоят и думают, как бы им этих уток достать? — и на свое счастье находят три лодки; одна худая, другая без дна, а на третьей ехать нельзя; вот они взяли да в эту лодку, что ехать нельзя, сели и поехали за утками. Достали уток и думают, как бы их сварить? А огня нету. Вот один из них влез на дуб посмотреть, не видно ли где огня? и увидел, что у одного старика огонь горит. Они и послали к нему за огнем меньшого брата; тот пришел к старику и говорит: «Дедушка, а дедушка! дай огоньку». А старик говорит: «Спой песню». — «Не умею». — «Ну, попляши». — «Не горазд». — «Скажи сказку!» — «Не учился». — «Ну, так поди же, — сказал старик, — да пришли кого постарше себя». Тот пошел и послал среднего брата просить у старика огня. Старик приказывает ему спеть песню, поплясать и сказать сказку. «Не умею, не горазд, не учился!» — отвечает средний брат. «Ну, так пришли кого постарше себя». Вот идет самый старший брат и просит огня; а старик говорит: «Спой песню!» — «Не умею», — отвечает слепой. — «Ну, попляши!» — «Не горазд!» — «Ну, скажи сказку!» — «Хорошо, а стану говорить тебе сказку, только, чур, не перебивать, а перебеешь — сто рублей с тебя и огоньку...»

419(231b)

Место записи неизвестно.

AT 1881. (Журавли на веревке) + 1895 С* (Лошадь пролезает сквозь хомут) + 1910 (Медведь в упряжке). Первый сюжет бытует у народов северной части Европы, у всех восточнославянских народов, встречается в англо-американском и изредка в сербохорватском, японском фольклорном материале. Русских вариантов — 7, украинских — 10, белорусских — 5. Подобные небылицы есть и в фольклоре неславянских народов СССР (Тат. творч., III, № 145). Сюжет типа 1895 С* отмечен только в данной сказке и в белорусской сказке сборника Федеровского (Federowski, III, № 217). Сюжет типа 1910 учтен в AT в финском, эстонском, литовском, украинском, русском, французском, франко-американском и англо-американском фольклорном материале. Русских вариантов — 9, украинских — 1, белорусских — 2.

Распространение небылиц такого типа связано с «Удивительными приключениями барона Мюнхгаузена».

420(231c)

Записано в Тверской губ.

AT 218 В* (Небесная избушка: человек попадает в нее, поднявшись по

стеблю из горошины на небо. См. прим. к тексту № 18) + 1889 К (=804 А. Человек спускается с неба на веревке и попадает в болото) + 1900 (Человек выбирается из болота, ухватившись за хвост волка). Первый сюжет разработан подробно.

421(231d)

Записано в Архангельской губ.

АТ 1920 Н (О сюжетном обрамлении данного типа см. в прим. к тексту № 418) + 1887* (Человек переплывает через море на рогоже и перебрасывает оттуда коров) + 1889 К (=804). Тип 1887* учтен в АТ только в русском фольклорном материале. Русских вариантов — 13, украинских — 2, белорусских — 1

Афанасьевым после слов «больших быков» (с. 148) дан вариант: «за слепча — быка».

422(231e)

Место записи неизвестно.

АТ 1920 Н + 1960 М (Большой шмель дерется с медведем) + 1889 Р (Человек сшивает две половинки лошади) + СУС 1960 L* (Из одного гнезда человек набирает полную лодку яиц) + АТ 1886 (Человек пьет из собственного черепа) + 1889 К (=804). Тип 1960 М учтен в АТ в англо-американском материале. Русских вариантов — 3, украинских — 7, белорусских — 2. Тип 1889 Р учтен в АТ в немецком и русском материале, известен по «Удивительнымключениям барона Мюнхгаузена». Русских вариантов — 19, украинских — 15, белорусских — 3. Тип 1960 L* представлен в опубликованном материале только текстом сборника Афанасьева. Тип 1886 учтен в АТ лишь в русских сборниках. Русских вариантов — 2, украинских — 6, белорусских — 1.

423(231f)

Место записи неизвестно.

АТ 1930 А* (Богатые люди) + 1889 Р + 1889 К (=804) + 1900 (Человек выбирается из болота, ухватившись за хвост волка). Небылицы о богатых людях, относящиеся к типу 1930 А*, учтены в АТ в русском материале, но встречаются и в латышском (*Арайс-Медне*, с. 237). Русских вариантов — 12, белорусских — 4. Ироническое изображение «богатства» бедняков-молодоженов, близкое к текстам небылиц, приведенным Афанасьевым в примечаниях, дано в стихотворении Некрасова «Молодые» (1866). Эпизод угощения пивом (жижей) имеет соответствие в сказке сибирского сказочника Терентьича, пересказанной в статье К. Авдеевой «Воспоминания об Иркутске» (Отечественные записки, 1848, т. LIX, с. 132—135).

В Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 514) Афанасьев привел приговор дружки на свадьбе, напоминающий начало этой сказки: «Пожалуй, сватушко и свахонька, к новобрачному князю хлеба кушать; у нас двор-от под окошком, а изба-то у ворот; у нас-то рогатые скотины — таракан да жужелица, а медные-то посуды — крест да пуговица; а хлеба-то у нас про вас три сусека, в первом сусеке мак, в другом лбом; только, сват, а в третьем растянись да и ляг. А пива-то у нас про вас наварено три пива: пиво киснет, а другое на крюке виснет, третье пьем — ковшик поднесем да за волосы потрясем, об пол грядем да топком прибавим, да об лавку лбом; только, сват, а этого пива у нас по трое суток с похмелья лежат. (Я. Крживоблоцкий, Костромская губерния, с. 506)».

После слов «насилу выпили» (с. 150) даны два варианта начала этой сказки:

«Вариант 1: Жили мы с дедушкой богато: от наготы и босоты ломились шесты. Было у нас медной посуды — крест да пуговица, рогатой скотины — петух да курица; было у нас денег — сто без девяноста, класть было не во что, а купить мешка не на что; было у нас сто ульев да пятьдесят пчел: которая пчела в поле летит — хвостом вертит, а с поля летит — корову тащит. Лошадка была у дедушки иноходь, а не на чем было выехать: с горы-то сам сойди, а в гору пешком побег; одной рукой погоняй, другой слезы утирай! Ты впрягать, она лягать; ты орать, она играть! На глади хоть не клади, а в грязи хоть сам повези! Сварили мы с дедушкой два пива: одно пожиже, а другое что вода; выпьешь бурак, станешь как дурак, а стакан поднесешь да четвертным поленом оплетьешь — так всяк идет да спотыкается.

Вариант 2: Жили мы богато; было у нас скота рогатого много: десять кошек дойных, два кота езжалых, один кот-виноход. Паханой земли еще больше:

печь да полати, да настольные лавки. Посеяли мы на печи-то просо, на полатях семя. Выросло наше просо в косую сажень; мы с дедушкой просо сжали, на печном столбе склаали. Кот-виноход увидал мышь да крысу, шмыг за ними, и свалил зерно в корыто. Дедушка просо собирал, бабушка шелуху сдирала. А бабушка была куда резва, на печь три года лезла, да оттуда сорвалась, натрое разодралась; дедушка взял лычко и сшил ее, так она еще десять лет жила. Было у нас пчел много, и что за пчелы! Одна подымает козла, а которая сильна — та свинью да кабана».

424(231g) Записано в Костромской губ.

В основном АТ 1930 А* + 1890 (Ружье стреляет нечаянно и убивает теререва). Вступительный рассказ о драке невестки с золовками имеет соответствие в скоморошине «Агафонушка» сборника Кирши Данилова, «Древние российские стихотворения» и ее вариантах (они указаны А. М. Астаховой в комментариях к второму тому «Былин Севера», М., Л., 1951, с. 787 и дополнительно в комм. А. П. Евгеньевой и Б. Н. Путилова в кн. Сборник Кирши Данилова, М., 1977, с. 445). В скоморошинах, пародирующих стиль героической быliny, повествуется о драке свекра со снохой или о бое женщины. Исследования: Федорова В. П. Небылицы. В кн. Проблемы изучения русского устного народного творчества. М., 1975, вып. 1, с. 90—95.

После слов «киселя-горюна» (с. 152) — «шаньги да блины». К словам «Уродилась у нас гречиха предобрая» (с. 152) дан вариант: «Нынче хлебу не род, а прежде дородно рос: три пуда колос тянул, три фунта зерна. Коли в одно место собирать, надо по семи лошадей под сноп запрыгать...»

425(231h) Место записи неизвестно.

АТ 1932 (Страна обетованная). Сюжет учтен в АТ только в литовском фольклорном материале. Русских вариантов — 22, украинских — 5, белорусских — 3. Польские варианты — см. Krzyżanowski, II, s. 161. Свообразным является эпизод сведения попа толоконного лба. Небылица типа 1932 генетически связана с сюжетом АТ 1930 («Страна чудес»), пародирующим предания о золотом веке. Они известны не только по многочисленным западноевропейским фольклорным, но и по литературным вариантам (Боккаччо. Декамерон, день 8-й, новелла 3; «Удивительные приключения... барона Мюнхгаузена»).

К словам «блином накрыта» (с. 153) Афанасьев в списке указал вариант: «Шаньгой, ватрушкою».

426(231i)

Записано в Шенкурском уезде Архангельской губ. Борисовым. АТ—СУС — 1930 D* (=АА 1931 С*. Подпоясался топором: увидел в утке озеро, корова бабу доит и т. п.). Русских вариантов — 14. Афанасьев опубликовал текст, передающий некоторые фонетические особенности местного говора.

427(231k)

Место записи неизвестно.

АТ 1920 С (Барин награждает за ложь. Рассказ, обрамляющий ряд сюжетов небылиц) + 1882 А (Человек сам вырубает себя из дупла; идет домой за топором и проч.) + 1886 (Человек пьет из собственного черепа. См. прим. к тексту № 422) + 1889 К (=804. Человек влезает на канате, свитом из пылюпоты). Сюжетный тип 1920 С учтен в АТ в целом ряде вариантов на европейских языках и в записях на турецком языке. Русских вариантов — 22, украинских — 7, белорусских — 6 (ср. Тат. творч., III, № 77). Сюжет типа 1882 А учтен в АТ в венгерском и русском фольклорном материале; встречается также в польском (Krzyżanowski, II, с. 155) и латышском (Арайс-Медне, с. 235). Русских вариантов — 13, украинских — 15, белорусских — 6. Слова «...зашел я по конец моря, взял да зажег...» отчасти напоминает небылицы типа 1930 С* — «Чудо чудное».

К словам «пришел я к морю» (с. 154) Афанасьевым указан вариант: «к озеру».

После слов «по белу свету разгуливать» (с. 154) указан вариант: «Кинул топором раз — недокинул, в другой — перекинул. Топор-то плавает, топориче тонет. Зажег я озеро с конца; оно трещит да горит; как вода совсем выгорела — яйца испеклись. Я был смел — те яйца съел».

После слов «у моей лошадечки брюхо прорвали» (с. 155) указан вариант:

«Взялся за топор дрова рубить, глядь — бежит семеро волков: шесть куцых, седьмой без хвоста. Я думал: то серые волки, ах бирюки! Прибежали да мою кобылу разорвали».

428. БАЙКА ПРО СТАРИНУ СТАРОДАВНЮЮ

(с. 155—156)

428(232)

Записано в Архангельской губ. А. Харитоновым.

Скоморошина-небылица, пародирующая былинный стиль и соответствующая второй части «Агафонушки» из сборника Кириши Данилова, относится к сюжетному типу *АТ 1930 С** (Чудо чудное: море горит, по поднебесью медведь летит и пр.). Ср. текст № 424. Небылицы о «Чуде чудном» учтены в *АТ* только в русском фольклорном материале. Русских вариантов — 7, белорусских — 1.

Вместо «кутюшка» (с. 155) Афанасьевым в сноске указано: «курочка».

429. УДАЛОЙ БАТРАК

(с. 157)

429(233)

Записано в Енотаевском уезде Астраханской губ. священником Григорием Рышкиным.

АТ 1875 (На хвосте у волка) + *1970* (Волк или медведь в упряжке). Первый сюжет учтен в *АТ* во многих вариантах на европейских языках. Русских вариантов — 10, украинских — 6, белорусских — 4.

430. ИВАН-ДУРАК

(с. 158—159)

430(234)

Записано в Шадринском уезде Пермской губ. государственным крестьянином А. Н. Зыряновым. Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. XXIX, оп. 1, № 32а, лл. 3 об.— 6; 1850), ей соответствует печатный текст сборника Афанасьева.

АТ 1640 (Мнимый богатырь). В *АТ* учтены, кроме европейских, сказки, записанные в Юго-Восточной Азии и Африке. Русских вариантов — 24, украинских — 11, белорусских — 5. Сходные тексты встречаются в сборниках фольклора восточных народов СССР (например, *Башк. творч.*, II, № 59; *Тат. творч.*, III, № 61; *Удмурт. ск.* № 75). Формирование сюжета связано с древними индийскими, китайскими и монголо-ойратскими сборниками — «Ятака» (III в.), «Типитака» (V в.), «Шиди-хюр» (VII—VIII вв.), — с итальянскими новеллами (см. *Novelline*, № 56), и с «Schwankenbücher» М. Монтана). Широкою литературную известность получила в переводе сказка бр. Гримм «Хитрый портняжка». Первая русская литературная обработка сюжета — *Бронницын*, № 2 — перепечатана в примечаниях Афанасьева (см. ниже текст № 578). Исследования: *Polivka J. Pohádkoslovne studie* (статья «Udatny krejci»). Если в западных вариантах обычно тщедушный портной случайно становится победителем великанов, то в вариантах Афанасьева и других восточнославянских сказках Иван-дурак или захудалый крестьянин (крестьянский сын) Фома Беренников (Фома, широкая борода), убивший много мух или пауков и объявивший себя победителем многих противников, становится спутником могучих богатырей и побеждает, вместо них, страшных врагов. Традиционный заключительный эпизод женитьбы мнимого богатыря на царевне в текстах сборника Афанасьева отсутствует.

431—432. ФОМА БЕРЕННИКОВ

(с. 160—164)

431(235a)

Записано в Чекалинском уезде Тульской губ. П. И. Якушкиным.

АТ 1640. Слог данного варианта отчасти близок былинному.

432(235b) Место записи неизвестно.

АТ 1640. Начало напоминает сюжет «Кто боязливее зайца?» — АТ 70. Заканчивающая сказку присказка о возвращении сказочника со свадебного пира на восковой таявшей кобыле (ср. тексты № 146, 147) относится к сюжету типа 1880. Русских вариантов — 21, украинских — 3, белорусских — 6.

После слов «и полетела голова с плеч долой» (с. 163) Афанасьевым указан вариант: «Сел Фомка на клячу, выехал навстречу и говорит сам себе: «Дай лучше глаза завяжу: все не так страшно будет лютую смерть принимать!» Завязал глаза платком и прилег к лошаденке. Великан смотрит. «Вот,— думает,— вояка! Глаза завязал — значит, на себя надеется! Да ведь я не хуже тебя, и сам то же сделаю!» Только завязал он глаза и прилег к своему богатырскому коню, а уж Фомке насучило ждать, глянул Фомка, смекнул, в чем дело, выхватил у великана меч-кладенец и тем мечом срубил ему голову».

433—437. СКАЗКА О ЗЛОЙ ЖЕНЕ

(с. 164—170)

433(236a) Записано в Череповецком уезде Новгородской губ. Н. Чернышевым. Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись («Быт крестьян в Череповецком уезде Новгородской губернии») — в архиве ВГО (р. XXIV, оп. 1, № 5, лл. 12—13; 1848).

АТ 1164 (Злая жена в яме). Сюжет учтен в АТ преимущественно в записях, сделанных в Европе и Америке на европейских языках; отмечены также немногочисленные турецкие и индийские варианты. Башкирская сказка, сходная с русской, записана в 1903 г. на русском языке писателем Н. А. Крашенинниковым (Научный архив Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, ф. 3, оп. 22/61, с. 15—21). Подобные сказки народов СССР имеются и в опубликованном материале (Тат. творч., III, № 101; Азерб. ск./Сост. Н. Сидов. Баку, 1960, с. 124; Чувашские легенды и сказки/Сост. Е. Сидорова, Чебоксары, 1979 г., с. 201—204). Русских вариантов — 35, украинских — 18, белорусских — 11. Формирование сюжета связано с индийским сборником XII—XIV вв. «Шукасапати» («Семьдесят рассказов попугая»), переведенным с санскрита на другие восточные языки и подвергшимся обработкам. Одной из восходящих к древнеиндийской литературе обработок сюжета о женщине, утратившей демона, является вариант рассказа турецкого средневекового сборника «Сорок везирей». Из европейских писателей XV—XVI вв. сюжет использовали Н. Макиавелли (новелла «Бельфогорархиднавол» — о черте, посланном богом ада Плутоном на землю жениться, прожить там десять лет и убедиться, правду ли говорят души грешников, что были замучены злыми женами; он убеждается, что это правда), Г. Сакс (стихотворный шванк «Как черт женился на старухе»), Страпарола («Приятные ночи», ночь II, сказка 4), Басня Лафонтена «Бельфогор» (1678—1679), имеющая своей основой сюжет новеллы Макиавелли, переведенная с французского на другие европейские языки. Еще раньше сюжет подвергался обработке в драматической форме — первая постановка «Бельфогора» на сцене состоялась в 1602 году в Англии (пьеса Дж. Уилсона). В новое время был создан ряд пьес о Бельфогоре (Брауна, Леграна, Дюмануара, Вернье), которые шли на английской и французской сценах. Из прозаических литературных обработок народных сказок типа 1164 писателями XIX и XX вв. назовем польские — Л. Семеновского («Вечорицы») и К. Тетмайера («Как баба ододела черта»). Исследования: Ахон Ш. The Story of Belfagor in Literature and Folk-Lore («Transactions of the Royal Society of Literature». London, 1902); Krzyżanowski, Par., s. 430—432. Вступительная часть данной и следующей сказок сборника Афанасьева соответствует сюжетному типу СУС — 1365 А* (наперекор мужу жена прыгает в яму), а финал — сказке Страпарола.

В рукописи имеется введение, которое Афанасьев опустил: «Я был в избе у большого крестьянина, он страдал, несчастный, горячкой, и хотя я не доктор, но утешал его в болезни, предлагал ему средства для излечения, означенные в «Сельском лечебнике». В это время мать этого крестьянина Авдотья рассказы-

вала детям сказку, которую я записал, пришедши домой и удержал все ее произношения». (л. 12).

В печатном тексте Афанасьев пытался более последовательно провести некоторые местные фонетические произношения в написании, например, таких слов, как жена и жона, она и ёна.

434(236b)

Записано в Землянском районе Воронежской губ. бургомистром Рышковым. АТ 1164. Вариант сюжета о злой жене, брошенной в яму, здесь неполный. Начало ср. с анекдотом типа 1365 А и А* — о жене, всегда поступавшей наперекор мужу.

435(236c)

Записано в Тульской губ. Мясоедовым.

АТ 1164. Данный вариант отличается обстоятельностью изложения. Своеобразно разработаны, например, эпизоды ссоры супругов, выполнения Антипом обязанностей жены (ср. АТ 1408), изгнания им беса из домов откупщика и боярина, смерти Антипа от запоя.

После слов «Полетела в ямище и не пикнула» (с. 166) Афанасьевым указан вариант: «Сокрушила баба мужика; не знает, что с ней делать, как поступать? Случилось зимою, на самое таки крещение — был мороз градусов в тридцать, подает ему баба корзинку и говорит: «Слушай, негодяй, что ты все на печке сидишь, а того не знаешь, что скоро жрать нечего! Что сама достану, то и есть! Ступай сейчас в лес да набери грибов!» Вот какова была ехидная! Бедный мужик встал, оделся, взял корзинку и ушел с глаз долой. Идет да думает: «Куда теперь за грибами идти? На дворе мороз трещит, а у ней чтоб грибы росли! Ведь навязалась же этакая злая жена на шею! Пойду лучше к куму!» Пришел к куму, занял у него медных грошей да пятакон пригоршни две и пустился в лес — прямо к провалищу, где черт проживал; давай сыпать деньгами: здесь грош, там другой, а где и пятак. Воротился домой: «Жена моя, государыня! На наше с тобой счастье бог вместо грибов послал клад большой: нашел я в лесу, как раз у провалища, много всяких денег; вот немножко с собою захватил». — «Что ж ты, подлец, не все забрал?» — «Жена моя, государыня! Озяб крепко; погреешь маленько и опять пойду». Баба напустилась ругать его: «Озяб!.. Небось, не взял бы черт тебя — остался бы жив! Пожалуй, теперь кто другой пойдет, да все и сграбастает! Веди меня, негодяй, на то самое место; я и сама соберу!» Накинула шубенку и побежала в лес; мужик едва за ней поспевает. Как увидела разбросанные деньги — от радости себя позабыла, суетится около провалища да все в подол собирает. Вот мужик стал позади бабы, приоровился потихоньку да как хватит ее коленом под сиденье. Загула баба, провалилася, на старого черта навалилася, ухватила его за бороду, и ну со злости таскать во все стороны; только ключья летят!»

После слов «без бабы пирушки в аду!» (с. 168) в сноске Афанасьева отмечено: «В другом списке мужик приходит в боярские хоромы, а следом за ним прибегает собака — и ну царапаться в двери. «Кто там за тобою пришел?» — спрашивает бесенок. «Разве не слышишь? Жена в двери скребется, сейчас за тебя, брат, возьмется!»

436(236d)

Место записи неизвестно.

АТ 1378 В* (Жена хочет взять верх над мужем) + 1164. («Злая жена в яме»). Вариант типа 1164 сборника Афанасьева имеет своеобразную концовку: муж, испугавшись жены, которую пытается вытащить из ямы, нечаянно роняет ее, «и загремела косая баба по-прежнему в ад». Сюжет типа 1378 В* учтен в АТ только в финском и русском материале. Русских вариантов — 6, украинских — 1, белорусских — 2. Мотив «Муж объявляет жене, что будто бы по царскому указу жены получили власть над мужьями» встречается также в варианте сборника Н. Е. Ончукова «Северные сказки» (СПб., 1908, № 62) и развивается там подробно.

437(236e)

Вариант к тексту № 433. Записано в Череповецком уезде Вологодской губ. АТ 1164.

438—440. ЖЕНА-СПОРЩИЦА

(с. 170—171)

438(237a) Записано в Ливенском уезде Орловской губ. К. О. Александровым-Дольником.

АТ 1365 F (=АА 1365* Д. Упрямая жена: с досады притворяется мертвой и дает похоронить себя). В АТ сюжет учтен только в русском материале (7 вариантов).

439(237b) Записано в Малоархангельском уезде Орловской губ. П. И. Якушкиным. Из рукописного собрания П. В. Киреевского.

АТ 1365 А (Упрямая жена: падает в реку, муж ищет ее труп вверх по течению). Кроме многочисленных европейских вариантов, в АТ учтен текст, записанный в Индии. Русских вариантов — 18, украинских — 4, белорусских — 1. Формирование сюжета прослеживается с V в. (сб. «Типитака»). Старейшая европейская версия в «Speculum exemplorum» Жака де Витри (XIII в.). Анекдот вошел также в «Speculum magnum exemplorum» (первое голландское издание 1481 г.), переведенный в XVI в. на польский, а в XVII в. на русский языки («Wielka zwierciadło» — «Великое зеркало»). Сюжет известен и по европейским новеллам, шванкам, фавль, фацециям эпохи средних веков и Возрождения (см., например, Rotunda, индекс Т 255. 2; Pauli № 142), а также по восточным анекдотам о Насреддине. К сюжетному типу 1365 А относится басня Лафонтена «Утопленница» и стихотворение Адама Мицкевича «Zona uparta» (1840), которое, очевидно, является переложением белорусского или польского народного анекдота.

440(227c) Записано в Черноярском уезде Астраханской губ. волостным писарем О. Л. Волконидиным. Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не указан. Рукопись — в архиве ВГО (р. II, оп. 1, № 93, лл. 10 об.; 1857).

АТ 1365 В (Кошен-стрижен: жена наперекор мужу утверждает, что луг не кошен, а стрижен, и, когда брошенная в реку тонет, показывает, — стрижен). В АТ учтены многочисленные варианты только на европейских языках, записанные в Европе и Америке. Русских вариантов — 2, украинских — 3, белорусских — 5. История сюжета прослеживается с V в. (сб. «Типитака»). Старейшая европейская литературная версия — «Муж и жена-спорщица», средневекового латинского сборника «Расширенный Ромул» (см. Басни Эзопа. Пер., статья и комм. М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1968, с. 212). Анекдот встречается в сборниках французских фавль и в других повествовательных сборниках XII—XVII вв. (Мари де Франс, Жака де Витри, Паули, Монтаня и др.). На его сюжет написана притча А. П. Сумарокова «Спорщица» (изд. 1762 г.) и стихотворение Адама Мицкевича «Golono-struzona» (1840), последнее имеет, вероятно, белорусскую или польскую фольклорную основу.

В записи О. Л. Волконидина анекдотическая сказка передается таким образом:

«Некто из мужчин, обривши бороду, позвал жену и говорит: «Смотри-ка, жена, как я чисто обрился». Ж., посмотревши, отвечала: «Да разве это брито? Это так только стрижено». М.: «Врешь, каналья, говори брито». Ж.: «Нет стрижено». М.: «Я тебя изобью — говори брито». Ж.: «Нет стрижена». М., побивши ее, опять начал принуждать: «Говори брито, а то утоплю!» Ж.: «Что хочешь делай — а стрижена!». М. повел ее топить и, введши в воду, закричал: «Говори брито!» Ж.: «Нет стрижена!». М. ввел ее в глубину и, погрузив в воду, толкает в голову: — «Скажи брито!» Ж. уже не может и говорить в воде, выказала руку и двумя пальцами утверждает, что стрижена; тогда М., выбившись из сил, освободил жену. Избави боже всякого от этаких жен!»

441. ЖЕНА-ДОКАЗЧИЦА

(с. 172—175)

441(238a) Место записи неизвестно.

АТ 1381 (Жена-доказчица). Кроме довольно многочисленных вариантов на европейских языках, в АТ учтены турецкие и индийские варианты. Русским

вариантов — 24, украинских — 23, белорусских — 9. Сюжет восточного происхождения (см. *Chauvin*, VIII, № 184, p. 168) отразился, в средневековых французских фавльях (см. *Bédier*, p. 196, 466). Первая русская публикация (литературная обработка народной сказки) — *Полудка.*, III, № 7, с. 23—34. В данном и следующих вариантах, как и во многих других восточнославянских сборниках, отражаются черты быта эпохи крепостного права. Мотив «Барина черти дерут», играющий существенную роль в развязке сюжета, встречается в целом ряде восточнославянских сказок о жене-доказнице. Цензор Вакар усмотрел в сказке недозволенные изображения жестокости помещика.

К словам: «щуку повесил на дерево» (с. 172) Афанасьев в сноске привел вариант: «щуку в тенета положил».

442
(238a, var.)

Записано в Уфимском уезде.

AT 1381. Обычно старик сам находит клад, а не вместе со старухой. Своеобразно разработан заключительный эпизод расправы барина над старухой, упорно утверждающей, что «черт с нашего барина шкуру драл».

443(238b)

Место записи неизвестно.

AT 1381 + отчасти 1660 (Дурак-убийца). Необычное соединение мотивов различных сюжетных типов. Основным является сюжет о жене-доказнице.

444. ГОЛОВИХА

(с. 176)

444(239)

Записано в Шадринском уезде Пермской губ. государственным крестьянином А. Н. Зыряновым. Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись — в архиве ВГО (разд. XXIX, № 32 а, л. 35 об.; 1850).

AT 1378 B* (Жена хочет взять верх над мужем). Вариант отличается развитием мотива «Бабу проучивают, выбрав старостой». Сходное изложение сюжета имеется в еще одной русской сказке (Смирнов, № 118).

Афанасьев опубликовал запись с сохранением ее своеобразной орфографии и с очень незначительной стилистической правкой.

445. МУЖ ДА ЖЕНА

(с. 176—177)

445(240)

Записано в Курской губ.

AT 1360 C (Муж в мешке и притворно больная жена). В AT, кроме вариантов, записанных в Европе и Америке на европейских языках, учтены турецкие и индийские варианты. Русских вариантов — 28, украинских — 20, белорусских — 6. История сюжета прослежена в исследованиях: *Сумцов Н. Ф.* Песни о госте Терентии и родственные им сказки. — Этногр. обзор. 1892, № 1, с. 106—119; *Bédier*, p. 261, 406—407; *Anderson W.* Der Schwank vom alten Hieldebrandt. Dorpat, 1931). Если все русские сказки типа 1360 C восходят к песенной (былинной) традиции «Гостя Терентия», то некоторые западные белорусские и украинские варианты соответствуют польскому фольклорному материалу в большей мере, чем русскому. В отличие от былины-скоморошины в сказке действуют безымянные персонажи; обманутый муж-крестьянин, нет упоминания о Новгороде (жена посылает мужа за лекарством в «Крым-град»); солдат играет в сказке роль, подобную роли веселых скоморохов в былине-скоморошине, но поет не он, а невестная жена, пирующая с любовником — молодым парнем. В ряде восточнославянских сказочных вариантов данного сюжета любовником неверной жены является поп (см. ниже *Завет. ск.* — тексты № 16, 18). Эпизоды заворачивания мужа-рогоносца в солому и пения весельчаком, принесшим эту солому в его дом, песни «Чуешь-ль, солома, что делается дома?...» в данной и одноименной «заветной» сказке Афанасьева не имеют параллелей в западных вариантах сюжетного типа AT 1360 C и в былине-скоморошине, но характерны для восточнославянской сказочной традиции. В ней отражаются в трансформированном виде детали колядных, маслинничных и других календар-

ных обрядов, бытовавших еще недавно в народной восточнославянской среде. Сравнительному анализу сибирских сказочных вариантов «Гостя Терентия» и местных обрядовых действ, связанных с ними песен, посвящена статья Н. В. Соболевой «Обрядовые реминисценции в русской бытовой сатирической сказке Сибири (на примере сюжета «Гость Терентий»)». — В кн.: Русский фольклор Сибири. Исследования и материалы. — Новосибирск: Наука, 1981, с. 40—54.

446. ВЕЩИЙ ДУБ

(с. 178—179)

446(241)

Место записи неизвестно.

АТ 1380 (Никола Дуплянский). Сюжет имеет устное распространение во всех частях света. Русских вариантов опубликовано 28, украинских — 9, белорусских — 4. Ср. ниже Завет. ск. — тексты № 21, 22. Варианты встречаются в фольклоре неславянских народов (например: *Тат. твор.*, III, № 98, *Узбек. ск.*, с. 351—359). Старейшая литературная версия этого сюжета относится к III—IV вв. — «Панчатантра» (кн. III, рассказ 17). Аналогичный рассказ в другом санскритском сборнике «Сиддахапати» (в переводе на пехлеви — «Синбад-наме», VI в.; в переводе на русский яз. — «История о семи мудрецах», XVII в.). Первая европейская литературная обработка этого сюжета — новелла Симона Пруденция из Орвета (лат. яз.), относится к IV в. Позднее сюжет был обработан Дж. Боккаччо («Декамерон», 10-я новелла 3-го дня) и Г. Саксом (стихотворный шванк). Исследования: *Померанцева Э. В.* К вопросу о национальном и интернациональном началах в народных сказках. — В кн.: История и фольклор славянских народов. V Международный съезд славистов. 1963 г. — М.: Л., 1964, с. 386—414. Обычно в таких сказках жена после того, как муж притворился ослепшим, зовет любовника, а не гостей, и муж с ним расправляется. В отличие от многих восточнославянских вариантов, имеющих яркую социальную окраску и сатирическую антипоповскую направленность, данный текст сборника Афанасьева лишен социальной заостренности.

447. ДОРОГАЯ КОЖА

(с. 179—180)

447(242)

Записано в Пермской губ. Д. М. Петуховым.

АТ 1535 (Дорогая кожа) + 1358 А (Любовник в виде черта). Традиционная сюжетная контаминация. Всемирно известный сюжет о «дорогой коже» обычно завершается эпизодом: плута хотят бросить в мешке в воду, он заманивает на свое место другого — ср. тексты № 387, 397. Русских вариантов типа АТ 1535—74, украинских — 31, белорусских — 20. Древнейший зафиксированный текст сказки о том, как человек, сидевший в завязанном мешке, заманил на свое место другого и тот был утоплен вместо него, находится в сборнике «Типитака». Современным сказкам типа 1535 довольно близко соответствует латинское стихотворение X или XI в. «Unibos» и новелла итальянского писателя XIV — начала XV в. Серкамби. Наиболее известной литературной обработкой сюжета является «Маленький Клаус и большой Клаус» Андерсена (1835). Исследования: *Wesselski, S.* 216—217; *Müller J.* Das Märchen vom Unibos, Jena [1934]. Сюжет типа 1538 А учтен АТ в литовских, русских и в редких японских, английских вариантах, встречается также в латышских (*Арайс-Медне*, с. 176—177). Русских вариантов — 23, украинских — 13, белорусских — 8. Сказка типа 1358 А вошла в кн. *Башк. творч.*, IV, № 77.

448. КАК МУЖ ОТУЧИЛ ЖЕНУ ОТ СКАЗОК

(с. 181)

448(243)

Записано в Ливенском уезде Орловской губ. К. О. Александровым-Дольником.

АТ 1376 А* (Муж отучает жену от сказок). Сюжет учтен в АТ только в русском, но встречается также в латышском фольклорном материале (*Арайс-*

Медне, с. 179). Опубликовано 3 русских варианта; из них 2 — в сборнике Афанасьева (ср. текст № 507).

449. ЛУБОК

(с. 181—182)

449(244)

Место записи неизвестно. Язык украинский.

АТ 980 А (Дедушка и внучек). Кроме текстов, записанных на европейских языках в Европе и Америке, учтены японские и китайские варианты. Русских вариантов — 3, украинских — 10, белорусских — 3. Из них восточнославянских текстов в АТ только один — из сборника Афанасьева; не учтены в нем же польские (см. *Krzyżanowski*, I, S. 287) и латышские (*Арайс-Медне*, с. 151) тексты. Сюжет встречается и в татарском фольклорном материале (сб.: *Веселая россыпь. Татарский народный юмор/Сост. Г. Баширов*, М., 1974, с. 95). История сюжета связана с древнееврейскими притчами (см. *Gaster M. The exempla of the Rabbis*. London; Leipzig, 1924, III, p. 117, 267) и с нравоучительными французскими фавльо (см. *Bédier*, p. 463—464), испанскими новеллами (см. *Keller J. E. Motifindex of Mediaeval spanish Exempla*. Knoxville, Tennessee, 1949), немецкими шванками (*Pauli*, № 436, 760). Русский литературный пересказ сказки вошел в сборник С. Друковцева «Бабушкины сказки» (М., 1778, № 31) — пересказ схематичен, дан как притча в обращении к сыну старика-отца, заключающем повествование о том, как сын спровоцировал избивание отца встречным солдатом. Исследования: *Paudler F. Die Volkserzählung von der Abschaffung der Altentötung* (FFC, N 121). Helsinki, 1937; *Кисляков Н. А. О древнем обычае в фольклоре таджиков*. — Сб. *Фольклор и этнография*. Л., 1970, с. 70—82. См. также указанную выше монографию Бедье, который ошибочно полагал, что ареал распространения сюжета ограничен Западной Европой, и утверждал западное его происхождение.

450. КРЕСТ — ПОРУКА

(с. 182—183)

450(245)

Записано в Пермском уезде Д. М. Петуховым.

АТ 849* (Крест или икона — порука). В АТ отмечены только русские варианты. Русских вариантов — 14, украинских — 9, белорусских — 4. Наряду с данной разновидностью легендарного сюжета (брошенные в бочонке в воду деньги сами приплывают к заимодавцу) встречается в восточнославянских сборниках другая: купивший икону добывается счастья с помощью святого. В слоге заметно книжное влияние.

451. ОБ ОТЦЕ НИКОЛАЕ

(с. 183—184)

451(246)

Записано в Пермском уезде Д. М. Петуховым.

АТ 848* (Вор и св. Николай). Легендарный сюжет, в АТ учтен лишь в русском фольклорном материале. Кроме него известен еще один опубликованный текст (*Смирнов*, № 53).

452. СКРЯГА

(с. 184—185)

452(247)

Записано в Новгородской губ.

АТ 1654 (Разбойники в часовне). В АТ учтены, кроме европейских, варианты, записанные в Индии, Африке и на испанском языке в Латинской Америке. Русских вариантов — 12, украинских — 11, белорусских — 6. Первая русская публикация в лубочном сборнике *Похожд. россиянина* (с. 7—23). Вариант сборника Афанасьева имеет характерную социальную заостренность.

453—527. НАРОДНЫЕ АНЕКДОТЫ
(с. 186—213)

- 453(249a) AT 1702 A*. Варианты не отмечены.
- 454(249b) AT 1334. В AT учтены итальянские, сербохорватские, греческие, индийские варианты, а также текст сборника Афанасьева — украинский. Опубликованы еще два украинских варианта. Известны подобные восточные анекдоты о Насреддине.
- 455(249c) AT —. СУС — 2083*. Язык украинский. Опубликован также один русский вариант (Чудинский, с. 139 i).
- 456(249d) AT —. СУС — 2061*. Язык украинский. Варианты не отмечены.
- 457(249e) AT —. СУС — 2062*. Язык украинский. Варианты не отмечены.
- 458(249f) AT 1288*. Язык украинский. Кроме данного в AT учтен финский вариант. Опубликован еще один украинский анекдот в сб. Веселый оповідач. Упоряд. Б. Гринченко, Київ, 1913, № 122.
- 459(249g) AT —. СУС — 2064*. Варианты не отмечены.
- 460(249h) AT —. СУС — 1446*. Язык украинский. Варианты не отмечены.
- 461(249i) AT 1228. В AT учтены варианты в балтском, балканском, германском и русском материалае. Русских вариантов — 5, украинских — 3, белорусских — 2. Отчасти AT 1228.
- 462(249k) AT —. СУС — 2084*. Украинских вариантов — 2, белорусских — 1.
- 463(249l) AT —. СУС — 2052*. Язык украинский. Варианты не отмечены.
- 464(249m) AT —. СУС — 1618*. Отмечен украинский вариант.
- 465(249n) AT —. СУС — 2053*. Язык украинский. Варианты не отмечены.
- 466(249o) AT —. СУС — 1687** (= AA* 2081). Язык украинский. Отмечен белорусский вариант (Шейн. Материалы, № 157, с. 320).
- 468(249q) AT —. СУС — 2066*. Язык украинский. Варианты не отмечены.
- 469(249r) Отчасти AT 1539 (Шут) — начало. См. прим. к тексту № 397.
- 470(249s) AT 1529 (Подмена вола или лошади, осла). Язык украинский. В AT учтены записи на европейских языках, сделанные в Европе и Америке, а также турецкие, филиппинские варианты. Русских вариантов — 2, украинских — 13, белорусских — 3.
- 471(249t) AT 1683*. В AT учтены только русские тексты. Русских вариантов — 2 (Данный текст отнесен к русскому материалу условно), украинских — 2.
- 472(249u) AT 1699 B. Язык украинский. Анекдоты типа «Не поняли друг друга» учтены в AT в литовском, испанском, английском и русском материалае. Русских вариантов — 1, украинских — 9, белорусских — 8.
- 473(249w) AT 1525 M* (Кража сала). Текст украинский. Сюжет, учтенный в AT только в русском фольклорном материалае. Русских вариантов — 1, украинских — 8, белорусских — 3. Анекдот о краже сала вошел эпизодом в роман «Симплициссимус» Гриммельсгаузена, где получил ироническую трактовку, и известен по ряду литературных сборников, интермедиям, песенкам XVI—XVII вв., преимущественно немецким.
- 474(249x) AT 1423 (Чудесное окно). Язык украинский. В AT учтены многочисленные фольклорные тексты на европейских и турецком языках. Русских вариантов — 1, украинских — 3, белорусских — 1. Сюжет получил широкое международное распространение в литературе. Он известен, например, по «Декамерону» Боккаччо (9-я новелла 7-го дня) и в обработке других итальянских новеллистов (см. Rotunda, индекс K 1518) и по французским фавлью (см. Bédier, p. 468), а также по арабским литературным памятникам (см. Chauvin, VI, № 332, p. 175; VIII, № 69, p. 98).
- 475(249y) AT 1570*. Данный диалектный текст отнесен не к украинскому, а к русскому материалу условно. Другие варианты не отмечены. Украинских вариантов — 1.
- 476(249z) AT 1628 (Ученый сын). Язык украинский. В AT учтены литовские, шведские, немецкие, итальянские, словенские, сербохорватский, французский (записанный в Канаде) и текст сборника Афанасьева. Украинских вариантов — 10, белорусских — 4. Сюжет встречается также в латышском материалае (Aрайс-

Медне, с. 204—205). Старейшие литературные тексты — средневековые немецкие шванки.

- 477(249aa) AT 1562 A. Чистота, красота, высота. Язык украинский. В AT учтены варианты, записанные на европейских языках не только в Европе, но и в Северной, Южной Америке (от негров и американцев европейского происхождения). Русских вариантов — 17, украинских — 8 (в том числе текст № 522 — ниже), белорусских — 4. В восточнославянских сказках этого типа основными персонажами чаще всего выступают крестьянин и солдат, остановившийся на ночлег, а в западнославянских и других европейских — крестьянин и школяр-бурсак (студент), как в варианте сборника Афанасьева и в некоторых других украинских и белорусских вариантах. Истоки сюжета связаны с древними литературными памятниками Востока (см. Chauvin, VIII, № 187, p. 172), но сформировался он на западноевропейской культурной почве. Известны старинные итальянские новеллы (см. Novelline, № 8). Ряд статей о таких сказках указан в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. (с. 466). Основное исследование: Padoán L. La fiaba di Domine-Domine. Verona, 1925.
- 478(249bb) AT —. СУС — 2057*. Анекдотический разговор в рифму — см. Fedorowski, III, № 265.
- 479(249cc) AT 1867₁. В опубликованном восточнославянском материале варианты не отмечены.
- 480(249dd) AT 1867₂. Язык украинский. Русских вариантов — 2, украинских — 2.
- 481(249ee) AT —. СУС —. АА* 2068.
- 482(249ff) AT —. СУС —. АА* 2068.
- 483(249gg) AT —. СУС — 2069*. Записано в Белоруссии. Украинских вариантов — 3, белорусских — 2.
- 484—495. Анекдоты под этими номерами записаны в Черноярском уезде Астраханской губ. писарем О. Л. Волконидиным. Рукописный источник их в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись — в архиве ВГО (р. II, оп. 1, № 93; 1857). Кроме трех сказок, опубликованных Афанасьевым (№ 27—28, 118, 401), в нее входят приметы, загадки, прибаутки, рассказы о кладках, а также 24 анекдота (в рукописи они образуют отдел «Басни», лл. 8—13 об.), из которых Афанасьев отобрал для печати 12 (плюс один анекдот опубликовал в разделе сказок — текст № 440).
- Анекдоты в записи О. Л. Волконидина Афанасьев подвергал сравнительно небольшой правке. Об ее характере можно судить хотя бы по текстам №№ 485, 487, 491, 494, которые ниже мы воспроизводим по рукописи.
- 484(249hh) AT —. СУС —. АА* 2070 A.
- 485(249ii) AT —. СУС — 2070 B*.
- Рукопись: «Однажды зимою на реке Волге ехали извозчики: одному пришлось подогнать отставшую лошадь; лишь только он погнался за ней и хотел ударить, как она бросилась в сторону и, попавши в майну, пошла под лед вместе с возом. Извозчик закричал: «Ну, моли богу, что ушла, а то я бы нахлестал тебе бока-то».
- 486(249kk) AT —. СУС — 2079*. Варианты не отмечены.
- 487(249ll) AT 1525 M*. См. прим. к тексту № 473.
- Рукопись: «Один солдат (кажется, не Мишка ли?) заметил у малороссиянина в сенях под коньком висевшее сало свиное в мешке пуда два, почему ночью прорывши крышу, начал отвязывать и как-то нечаянно осклизнулся и упал во внутрь сеней вместе с салом; хозяин, услышав, тотчас вышел со свечкой и, увидавши солдата, спросил: «Чего тебе треба?» Солдат, нисколько не испугавшись, отвечал: «Не надо ли тебе сала?» Хозяин: «Ни, у меня своего богацко». Солдат: «Так потрудись: навали мне мешок на спину». Хозяин исполнил просьбу, и солдат ушел спокойно с добычей».
- 488(249mm) AT —. СУС — 2072*. Варианты не отмечены.
- 489(249nn) AT —. СУС — 1825 D*** (= АА* 1825 I). Варианты не отмечены.
- 490(249oo) AT —. СУС — 2071. Варианты не отмечены.
- 491(249pp) AT —. СУС — 2075*. Варианты не отмечены.
- Рукопись: «Трое прохожих в каком-то городке отобедали на постоялом дворе, отправились в путь, разговаривая между собой: «А что, ребята! вить мы,

кажется, дорого заплатили за обед?» Один из них сказал: «Я хоть и дорого заплатил, за то уж недаром!» — «А что?» — спрашивали другие. «Да разве вы не заметили? Только лишь хозяин засмотрится, а я схвачу из солоницы горсть соли да в рот». Что повторял несколько раз.

492(249qq) *AT 1295*. В *AT* учтены немецкие и русские варианты. Текст сборника Афанасьева является единственным в опубликованном русском материале. Украинских вариантов — 6.

493(249rr) *AT 1318*. В *AT* учтены финские, литовские, эстонские, шведские и русские варианты. Русских — 6, украинских — 2, белорусских — 1.

494(249ss) *AT 1572 B**. В *AT* учтен только данный русский текст. Белорусских вариантов — 1.

Рукопись: «Товарищ товарища позвал на обед, где, между прочим, поданы были щи с говядиной. Кусок говядины, хотя и был разрублен, но не совсем и потому гость вместо одного кусочка зацепил весь в свою тарелку, говоря: «Ну, брат, что за чепив, то и бог дал!» Хозяину остались одни щи; он хлебнул несколько ложек, потом встал и, ухвативши гостя за волосы, давай толкать, говоря: «Ну, брат, что зачепив, то и бог дал!»

495(249tt) *AT 1572 C**. В *AT* учтен только данный русский текст. Русских вариантов — 2, украинских — 2.

496(249uu) Записано в Шадринском округе Пермской губ. государственным крестьянином А. Н. Зыряновым. Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись — в архиве ВГО (р. XXIX, № 32а, лл. 17об.—18об.; 1850). Афанасьев опубликовал запись Зырянова с сохранением ее своеобразной орфографии и с очень незначительной правкой.

*AT 1572 D**. В *AT* учтен только этот текст. Старейшая русская публикация анекдота о ловком госте в сб. Похожд. Ивана, № 2, с. 5—14. Другие варианты не отмечены.

497(249ww) Записано в Новгородской губ.

AT 1538 (Мужик мстит барину). Этот сюжет учтен в *AT* в скандинаво-балтском, славянском, романском, англо-американском, испано-американском и турецком фольклорном материале. Русских вариантов — 13, украинских — 5, белорусских — 4. Формирование таких сказок связано с французским пуловским романом XIII в. «Труберт» (*Trubert. Altfranzösischer Schelmlroman de Douin Lowesne Herausgegeben von V. Ulrich, Dresden—Halle, 1903*). Восточнославянские сказки типа 1538 отличаются острой антикрепостнической и антибарской социальной направленностью. В этом отношении характерна и сказка сборника Афанасьева.

После слов «попомнишь ты этого гусака!» (с. 199) указан вариант: «Однажды мужик поехал с сыном; попадаетея ему навстречу барин: «Ей, мужик, вороти, давай мне дорогу». — «Нет, барин! ты вороти; я с возом еду, а ты порожняком; да притом твои кони кормны, а моя кляча и то чуть бредет». Барин не стал его слушать, столкнул вон с дороги и уехал. Долго провозился мужик с возом, насили поправился, и стал думать: как бы отплатить эту обиду...»

После слов «и накрепко защемил ему руку» (с. 199) указан вариант: «Приехали в лес. «Барин! — говорит мужик, — выбирай дерево потолще, чтоб в два обоймища было». Барин выбрал дерево и стал его мерить; тем временем мужик вытащил из-за пазухи веревку, захватил ее в руки и привязал-прикрутил к дереву...»

498(249xx) Записано в Оренбургской губ.

*AT 1588*** (Рыжий и красный). В *AT* учтены только литовские и русские (данный) варианты. Однако сюжет встречается также в латышском (*Арайс-Медне*, с. 202). Русских вариантов — 2 (старейшая публикация в сб. *Похожд. россиянина*, с. 7—23), украинских — 2, белорусских — 1. Напоминает известный эпизод из «Венецианского купца» Шекспира. Сюжет получил отражение в романе Матвея Комарова «Неведимка, история о Фецском королевиче Аридесе и брате его Полумедесе...» (М., 1790).

499(249yy) *AT 1533* (Дележ гуся).

В *AT* учтены, кроме целого ряда европейских, индийские и филиппинские варианты анекдотического сюжета. Русских вариантов — 21, украинских — 11,

белорусских — 5. Сюжет встречается и в сборниках сказок неславянских народов СССР (см. например, *Башк. творч.*, IV, № 115). История сюжета связана с древнееврейским мидрашем «Эха раббати» (VII в.), норвежской «Магус-сагой» (конец XII — нач. XIII в.), итальянскими средневековыми фацециями, новеллами (см. *Rotunda*, индекс H 601), немецкими шванками сборников Сакса и Паула (XVI в.), польскими фацециями XVI—XVII вв., их литературными обработками XIX в. и рассказом русского рукописного сборника «смехотворных повестей», переведенного в XVII в. с польского (см. «Памятники древней письменности», СПб., 1878—1879, с. 108). Первая русская публикация подобной народной сказки в кн. *Похожд. Ивана*, № 2, с. 5—14. В обработке Л. Н. Толстого сказка о дележе гуся вошла в его «Третью книгу для чтения». На Востоке сюжет бытует как один из рассказов о похождениях Насреддина. В восточнославянских сказках типа 1533, нередко, как и в варианте сборника Афанасьева, действуют два мужика — бедняк и неудачно подражающий ему завистливый богач. О литературной истории сказок типа 1533 см. *Wesselski*, S. 229—230; *Krzyżanowski. Par.*, s. 449—463.

После слов «раздели же ты гуся промеж нас без обиды!» (с. 201) указан вариант: «Хорошо, мужичок! Умел ты меня подарить, сумей теперь гуся разделить; коли разделишь без обиды — награжу тебя деньгами, а не разделишь — вею накормить березовой лапшой».

- 500(249zz) AT — СУС — 2051*. Русских вариантов — 3, белорусских — 1.
 501(249aaa) Отчасти AT 1430 A (Мечты о счастье). В AT отмечены варианты в немецком, румынском, русском и арабском материале (*Chauvin*, II, № 209, p. 118). Русских вариантов — 2.
 502(249bbb) AT — СУС — 1525 N***. Единственная запись.
 503(249ccc) AT 1548. Сюжет «Каша из топора» учтен в AT в литовском, шведском, норвежском, французском, словенском, сербохорватском, русском и англо-американском материале. Русских вариантов — 10, украинских — 2, белорусских — 2.
 Сюжет встречается также в латышском материале (*Арайс-Медне*, с. 196). История сюжета прослеживается с XV в. (начиная со сборника новелл Серкамби).
 504(249ddd) AT 1525 L* = 1525 Q (Кража под песню). В AT учтены литовские, сербохорватские, русские и индейские варианты. Русских вариантов — 10, украинских — 8, белорусских — 8. Подобные анекдоты имеются и в латышском фольклоре (*Арайс-Медне*, с. 190).
 505(249eee) AT 1525 L* = 1525 Q (Кража под песню).
 506(249eee
 вар.) AT 1525 L* = 1525 Q (Кража под песню).
 (507(249fff) AT 1376 B*. Сюжет о солдатской сказке отмечен только в русском материале. Русских вариантов — 5. Старейшая публикация в кн. *Похожд. россиянина*, с. 2—6.
 508(249ggg) AT 1537* (Отрубленные ноги). В AT учтены литовские и русские варианты. Русских вариантов — 13, украинских — 10, белорусских — 2. Обычно в разных соединениях, чаще всего с AT 1537 — Мертвое тело.
 500(249hhh) AT 1430 A (см. прим. к тексту № 502) + 1132 (см. прим. к тексту № 150).
 510(249iii) Записано в Осинском уезде Пермской губ. Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись (*Васильев. Этнографические сведения о России*) — в архиве ВГО (р. XLVIII, оп. 1 № 18, лл. 1—2 об.)
 AT 1430 (Разрушенные мечтания). Всемирно известный сюжет. В AT учтены преимущественно западные варианты. Русских опубликовано 7, украинских — 9, белорусских — 2. Встречаются варианты этого типа в сборниках сказок и тюркоязычных, финно-угорских народов СССР — например, татар (*Тат. творч.*, III, № 124), башкир (*Башк. творч.*, № 73, 74), чуваш (*Чувашск. ск.*, с. 214), удмуртов (*Удмурт. ск.*, № 90). Ср. басню Лафонтена «Молочница и горшок с молоком». История сюжета связана также с «Пантанатрой», «Калилой и Димной», «Тысячью и одной ночью», другими арабскими литературными памятниками (см. *Chauvin*, II, № 3, p. 100—101; V — № 185, p. 162—163;

VIII, № 196, р. 173), турецким романом «Сорок везиров», европейскими сборниками: Витри (XIII в.), Жуана Менуэля (XIV в.), Страпаролы (XVI в.), Транкозо (XVI в.), Сакса (XVI в.) и др. Сюжет получил отражение в русских лубочных картинках (см. Ровинский, I, № 80 — вирши). Исследования: Буслаев Ф. И. Перехожие повести, — в сб. статей Буслаева «Мои досуги», т. II, М., 1886, с. 259—406. Разновидность сюжета (Бедняк увидел под кустом зайца и стал мечтать) характерна для восточнославянского сказочного материала.

Сказка подверглась Афанасьевым существенной стилистической правке. Приводим текст по рукописи:

«Бедный мужик хотел богато пожить, и идучи по чистому полю, увидал под кустом лежащего зайца, с радостью сказал, облокотившись на свой багат (трость) грудью: «Вот где домок-от, возьму этова зайца убью, а за кожу получу денег четыре алтыня, а на их куплю свинushку, коя принесет мне 12-ть поросеночков, а те 12-ть поросенков все принесут по 12-ти, тогда возьму всех приколю и анбар мяса накоплю, и продам, а на деньги заведу дом, стану пашеньку пахать, загорю перемену, да женюсь, возьму жену Апросинью, которая принесет мне двух сыновей: Ваньку да Иванку, сам буду сидеть под окошком и распоряжаться: «Ей вы, ребята! Ванька да Иванко, шибко людей на работу не туаньте (не понуждайте), видно, сами бедно не живали». Кончивши речь, багат его переломился, заяц испугался и убежал, а дом со всем богатством пропал».

511(249kkk) AT 1371 A* («Искусная жена»). Учтены только русские варианты. Их опубликовано 3.

512(249lll) AT — СУС — 2074*. Варианты не отмечены.

513

AT 1378 A*. (Муж в кабаке). Сюжет отмечен только в русском варианте. Других опубликованных русских текстов нет.

(249mmm)

514(249nnn) AT — СУС — 2078*. (Плач молодухи). Варианты не отмечены.

515(249ooo)

AT 1698 (Не понимают друг друга из-за глухоты). В AT учтены многочисленные европейские варианты. Русских вариантов — 3, украинских — 22, белорусских — 3.

516(249ppp)

AT 1826 (Поп не может проповедовать). В AT учтены финские, эстонские, сербохорватские, немецкие, чешские, румынские и русские фольклорные варианты. Известны также латышские (Арайс-Медне, с. 226). Русских вариантов — 15, украинских — 8, белорусских — 1. Формирование сюжета связано со средневековыми шванками (см. Wesselski A. Die Schwanke und Schnurren des Pfarres Arlotto. Berlin, 1910, Bd. I, № 8, S. 188).

517(249qqq)

Отчасти AT 1525 L* = 1525 Q*.

518(249rrr)

AT 1383 (Жена не узнает себя). В AT учтены тексты на европейских языках, в том числе английский, записанный в Америке. Русских вариантов — 23, украинских — 7, белорусских — 3. Распространение сюжета прослеживается на западноевропейской культурной почве с XVI в. (нидерландская школьная комедия на латинском языке «Aluta» (1535), шотландская баллада, немецкие шванки). Сюжет обработан С. Маршаком («Сказка о старухе»). Ср. ниже Завет. ск. «Жена Химка» и «Фомка-дурак и его жена» (№ 43, 44).

519(249sss)

Записано в Осинском уезде Пермской губ. Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись (Васильев. Этнографические сведения о России) — в архиве ВГО (р. XLVIII, оп. 1, № 18, лл. 3—4 об.).

AT 901. Всемирно известный сюжет, использованный Шекспиром в комедии «Укрощение строптивой» (1593). В AT учтены тексты на европейских языках, записанные в Европе и в Америке. Русских вариантов — 14, украинских — 3, белорусских — 3. Варианты встречаются в сборниках сказок других народов СССР (Башк. творч., IV, № 84; Мордовские народные сказки/Сост. К. Самородов, Саранск, 1972, с. 325; Тат. творч., III, № 110). История сюжета связана не только с шекспировской комедией, но и со сборниками «Принц Луканор» Жуана Мануэля (см.: Wesselski, № 24 и S. 217), «Приятные ночи» Страпаролы (ночь VIII, сказка 2). Мотивы сюжета об укрощении строптивой отмечены также в древних памятниках восточной литературы, например, в «Ты-

сяче и одной ночи» (см. Chauvin, II, № 35, p. 155). Афанасьевский вариант отличается ярко выраженным русским бытовым колоритом.

Сказка напечатана Афанасьевым со стилистическими поправками, касающимися главным образом перестановки и замены одних слов другими.

Страница, строка	Напечатано:	Рукопись:
208, 5—6 стр.	свататься к попу; вот и сватает девку Устинью.	свататься к попу девку Устинью, вот и сватает
2 стр.	не с кем	и не с кем
209, 1 св.	увез Устю	Устю увез
2—3 св.	Коли ты осердишься, что делаешь? Он сказал: Когда осержусь, с воды пьян бываю! Потом	Если он осердится, что делает? Он сказал ей: Когда осержусь, тогда с воды бываю пьян. Потом он
4 св.	Коли я сердита	Она сказала ему,— есть ли я когда сердита
5 св.	к углу лицом	лицом к углу
5—6 св.	назад сделаю. На другой день утром уехал наш Мартынка	сделаю назад. Утром на другой день наш Мартынка уехал
8 св.	пашет себе. Устя	пашет. Она
9 св.	съела и села	съела, села
10 св.	как приехал	приехал
11 св.	к жене, оборвался	к жене Усте, и оборвался
12 св.	Жена	Жена его
12 св.	дверей отпереть не посмела	не посмела отпереть дверей
13 св.	дров натаскала	принесла дров
15—16 св.	дорогою кобыла-то у них	и дорогою у них кобыла
17 св.	тестя	тестя попа
18 св.	Устя Мартынка везет	Мартынка та везет Устя
19 св.	пособляют	и пособляют
19 св.	так учит	он так учит
20 св.	пришли	По приходе
21 св.	вином да пивом	пивом да вином
21—22 св.	Мартынка воды напьется	он напьется воды
22 св.	На другой	На третий
23 св.	приказывает	приказывал
24—26 св.	дрожит, да все попа просит, чтобы дал им своего бурка. Поп подарил им лошадь; Мартынка уехал с Устей домой, и теперь они живут да хлеб жуют, а Устя поди-кось какая	дрожит с матерью, просили попа, чтобы он дал бурка (лошадь) им, поп и дал. Мартынка с Устей уехал домой, и теперь живут да роят, а Устя поди

520(249ttt) AT 1562 B* (Скупой хозяин и хитрый работник). В AT учтены только русские тексты. Русских вариантов — 3, украинских — 4.

521(249uuu) AT 1525 N* (Солдат меряет скупого мужика, тем временем товарищ солдата ворует). В AT учтен только данный текст. Имеется белорусский вариант.

522 (249www) AT 1562 A. См. прим. к тексту № 477. Разновидность сюжета «Чистота (красота, высота)», представленная в варианте сборника Афанасьева (Солдат на ночлеге), особенно характерна для русского сказочного материала.

523(249xxx) AT —, СУС — 2055*.

- 524(249уу) АТ 778* (Баба ставит свечку богу и черту). В АТ учтен только данный текст. Русских вариантов — 2 (первая публикация в кн.: Куртанов, № 88), украинских — 3, белорусских — 2.
- 525 (249s, прим.) В первом издании не было. АТ 1610 (Дежж награды). В АТ учтены многочисленные европейские варианты и текст, записанный на испанском языке в Америке, а также индийские и африканские тексты. Русских вариантов — 8, украинских — 14, белорусских — 10. Формирование сюжета прослеживается по литературным памятникам Востока («Тысяча и одна ночь», «Зеленый луг» Масуди — см. Chauvin, V, № 160, р. 166) и европейских повествовательных сборников XIV—XVII вв. («Триста новелл» Сакетти, «Фавецци» Бебеля, «В шутку и всерьез» Паули) и со сборниками польских фавецци (см. Krzyżanowski, II, S. 101—102). В первом издании не было. АТ 1610.
- 526(248s, прим.) В первом издании не было. АТ 1705 В* («Шерстни проучили»). В АТ учтены только литовские и данный русский варианты. Русских вариантов — 4, украинских — 9, белорусских — 2. Аналогичный анекдот о мужике и цыгане имеется в одном из польских фольклорных сборников: Ciszewski St. Krakowiacy. Kraków, 1894, T. I, N 229.

528—532. ДОКУЧНЫЕ СКАЗКИ

(с. 214)

Большинство этих лаконичных шуточных произведений чаще всего рассказывается детям в ответ на настойчивую просьбу «рассказать сказочку».

- 528(250a) Записано в Никольском уезде Вологодской губ. АТ 2300 (=АА* 2020).
 529(250b) Записано в Никольском уезде Вологодской губ. АТ 2300 (=АА* 2020).
 530(250c) Место записи не указано АТ 2300 (=АА* 2020).
 531(250d) Место записи не указано АТ 2300 (=АА* 2020).
 532 Записано в Воронежской губ. АТ 2300 (=АА* 2020).
 (250d, вар.) В Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 546) Афанасьев привел следующие

тексты.

«1. Був собі чоловік Сашка, на йому сіра сірмяжка, повстяна шапочка, на спини латочка — чи хороша моя казочка? (или: Был человек Яшка, на нем серая сермяжка, на затылке пряжка, на шее тряпка, на голове шапка — хороша ли моя сказка?»).

2. Жил-был журавль с журавлихой, поставили они стожок сенца (или: Жила-была старица одна в сельце, поставила старица зарод сенца... или: Накосил мужик сенца, поставил стожок среди поляца...) — не сказать ли опять с конца? (См. Пословицы русск. нар. В. Даля, с. 1095)».

Некоторые докучные сказки сборника Афанасьева имеют параллели в фольклоре не только славянских, но и других народов СССР. Так, например, текст 532 близко соответствует башкирской докучной сказке: Баш. творч., V, № 141 — «Расскази — не надо».

О докучных сказках см.: Нікіфоров А. Російська докучна казка. — Етнографічний вісник. Київ, 1932, кн. 10, с. 47—103.

533—553. ПРИБАУТКИ

(с. 215—219)

Под названием «Прибаутки» Афанасьев поместил ряд текстов самого различного жанрового (главным образом песенного) характера.

- 533(251a) Место записи не указано.
 534(251b) Место записи не указано.
 535(251c) Записано в Новгородской губ. Представляет собой кумулятивную сказку. Ср. АТ 2016* — цепь ответов на каждый вопрос: перечисление действий, предметов, — имеет близкие варианты не только в восточнославянском, но и в другом, например башкирском фольклоре (Башк. творч., V, № 155).

К тексту № 535 Афанасьев привел два варианта:

Вариант 1: «Как ударили в доски, поехали в гости...» — «А кони-то где?» — «А гора-то где?» — «В сосняк ушла.» — «А сосняк-то где?» — «В тростник ушел.» — «А тростник-то где?» — «Девки выломали.» — «А девки-то где?» — «По замужьям ушли.» — «А мужья-то где?» — «В Питер ушли» — «А Питер-то где?» — «Питер выгорел.» — «А огонь-то где?» — «Огонь в камень ушел.» — «А камень-то где?» — «Камень в землю ушел.»

Вариант 2: «Боба (заяц) ты, боба, ты куды, боба, ходила?» — «В гости ходила.» — «Чего пила, ела?» — «Сыр да масло, печено яйцо.» — «Мне принесла ли?» — «Принесла, покинула (положила) на полку.» — «На полке нету!» — «Собачки съели.» — «Где собачки?» — «В лес убежали.» — «Где лес?» — «Огнем сгорел.» — «Где огонь?» — «Водой залили.» — «Где гора?» — «Черви выточили.» — «Где черви?» — «Гуси выклевали.» — «Где гуси?» — «Стрельцы пристрелили.» — «Где стрельцы?» — «Умерли.» — «Где душа?» — «На небе.»

536(251d) Записано в Чердынском уезде Пермской губ.

537(251e) Записано в Чердынском уезде Пермской губ.

538(251f) Записано в Чердынском уезде Пермской губ. В сноске Афанасьев привел вариант:

«Скакала галка по ельничку, по хвошничкам (хвош — растение), по березничкам; наехали на галку разбойнички, сняли с галки синий кафтан, не в чем галке по городу скакать! Волк по дороге в три ноги бьет, свинья в ожерелке (ожерелок — воротник у шубы) овес толчет. Был я у тещи, била меня теща веничком; плакать я: хень, хень! утешали меня: тбрюнь, тбрюнь!»

539(251g) Записано в Чердынском уезде Пермской губ.

540(251h) Место записи не указано. Текст представляет собой прозаический вариант песни «Птицы» (ср.: *Гильфердинг А. Ф.* Онежские былины, № 130, 264, 280, 298). К концу прибаутки дана сноска: «Начинается и так: Скажем-ка про лето, про тепло, про весну про красну, про зиму студену, про хлеба хлебисты, ярицы яристы, пшеницы пшенисты, ржи колосисты. Прилетали пташки...»

541(251i) Место записи не указано. Текст представляет собою вариант игровой песни «Зайнька».

542(251k) Место записи не указано. В сноске Афанасьев привел два варианта:

Вариант 1: Тирушки, тирушки, в городе витушки, висят калачи, как огонь горячи; в Питере вино по три денежки ведро — хсть пей, хсть лей, хсть окачивайся да поворачивайся! Тон-тонаны, с овсом пироги, обалиха (саламата) — с киселем, а кашка с молоком: это по зубам пришло!

Вариант 2: Господи помилуй! На конике Данило, на лавке Флор, на печи приговор, в печи калачи — как огонь горячи, про бояр печены. Наехали бояре да собак навезли; собаки-то вздурили да попа укусили!»

543(251b) Место записи не указано.

544(251m) Записано в Тверской губ.

545(251n) Записано в Тверской губ.

546(251o) Место записи не указано.

547(251p) Записано в Вологодской губ.

548(251q) Место записи не указано.

549(251r) Место записи не указано.

550(251s) Место записи не указано.

551(251t) Место записи не указано.

552(251u) Место записи не указано.

553(251w) Место записи не указано.

554—579. СКАЗКИ ИЗ «ПРИМЕЧАНИЙ» АФАНАСЬЕВА

(с. 220—286)

Тексты № 554—579 в Примечаниях Афанасьева (изд. 1-е, вып. 1, 2, 3; изд. 2-е, кн. IV) перепечатаны им из различных изданий, которые указаны ниже.

554. КАЗКА ПРО КОЗЛА И БАРАНА

(с. 220—221)

Черниговские губернские ведомости, 1860, № 21, часть неофициальная, с. 159—160. Язык украинский. Записано в Борзнянском уезде. АТ 125. К текстам 44—47.

555. КАЗКА ПРО КРАВЦЯ І ВОВКА

(с. 221)

Черниговские губернские ведомости, 1860, № 21, часть неофициальная, с. 159. Язык украинский. АТ 122 А. К текстам № 55, 56.

556. ПОВЕСТЬ О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ, СЫНЕ ЩЕТИННИКОВЕ

(с. 221—222)

Из лубочного издания, текст которого соответствует публикации Ровинского (I, № 173). В лубочном издании рукописная повесть воспроизведена с сокращениями, в обработанном виде. АТ 254**. К текстам № 77—80.

557. ДЕВУШКА И МЕДВЕДЬ

(с. 222—223)

Маяк, XV, 1844, отд. «Смесь», с. 23—25. Сказка белорусская в переводе. АТ 480 (=АА 480* С). К тексту № 98, 99.

558. ТРИ СЕСТРЫ

(с. 222—223)

Маяк, XV, 1844, отд. «Смесь», с. 17—19. Сказка белорусская, в переводе. АТ 480 А*. К текстам № 103, 113.

559. СКАЗКА О ЗОЛОТОМ, СЕРЕБРЯНОМ
И МЕДНОМ ЦАРСТВАХ

(с. 224—226)

Из лубочного издания — Ровинский, I, № 47, 48. АТ 301. К текстам № 128—131, 139—142, 156.

560. СКАЗКА О ВАСИЛИСЕ ЗОЛОТОЙ КОСЕ,
НЕПОКРЫТОЙ КРАСЕ И ОБ ИВАНЕ-ГОРОХЕ

(с. 227—231)

Бронницын, № 1. Перепечатано Афанасьевым с рядом неточностей. АТ 312 D. К текстам № 133, 134.

561. СКАЗКА О СЕМИ СЕМИОНАХ, РОДНЫХ БРАТЬЯХ

(с. 231—240)

Лекарство..., с. 132—151. Перепечатано Афанасьевым из издания 1819 г. (4-е изд.). АТ 653. К текстам № 145—147.

562. СКАЗКА О СИЛЬНОМ И ХРАБРОМ НЕПОБЕДИМОМ
БОГАТЫРЕ ИВАНЕ-ЦАРЕВИЧЕ
И О ПРЕКРАСНОЙ ЕГО СУПРУЖНИЦЕ ЦАРЬ-ДЕВИЦЕ

(с. 240—245)

Лекарство..., с. 98—131. АТ 552 А, 518. К текстам № 159, 160.

563. СКАЗКА О ТРЕХ КОРОЛЕВИЧАХ

(с. 245—246)

Сказки русские, содержащие в себе 10 различных сказок/Собр. и изд. Петром Тимофеевым. М., тип. Пономарева, 1787, с. 1—22. Перепечатано Афанасьевым с рядом неточностей. АТ 557. К текстам № 171—178.

После слов «барабанный бой и пушечная пальба» (с. 246) дана сноска: «Такой же рассказ о струнах встречается в сказках о жар-птице, об Иване-царевиче и царь-девице и во многих других».

564. ОБ ИВАНУШКЕ-ДУРАЧКЕ

(с. 246—248)

Лекарство..., с. 189—236. АТ 530 А к текстам № 182—184. К отдельным местам текста Афанасьевым даны пояснения в сносках:

К словам: «Дай дураку пирог» (с. 246) — «По другому списку дурак получает старые онучи и лапти, берет краюшку хлеба и отправляется на могилу».

К словам: «Он был колдун» (с. 246). — «Что колдуны по смерти могут вставать из могил — это поверье, общее многим народам».

После слов «прекрасную царевну» (с. 247) — «По другому списку: кто достанет до окна, у которого сидит царевна, поцелует ее и поменяется с нею перстнем, за того она выйдет замуж; а высота покоев до окна была двенадцать венцов».

В конце сказки сноска: «По другому списку, вместо оленя добывает Иванушка-дурачок кобылицу златогривую с двенадцатью жеребятками, а вместо ветки с золотой сосны — яблонь с золотыми и серебряными плодами и листьями, которая также растет за тридевять земель, в тридесятом царстве, в заповетном лугу, и весь луг освещает, как красное солнышко».

565. СМИРНЫЙ МУЖИК И ДРАЧЛИВАЯ ЖЕНА

(с. 248—252)

Из лубочного издания, текст которого соответствует публикации Ровинского (I, № 61). АТ 564. К текстам № 186, 187.

После слов «сколько в чашке было» (с. 248) Афанасьевым дана сноска: «В старинную повесть о царе Соломоне занесен рассказ о бабе, которая жаловалась Соломону на ветер, рассыпавший у нее муку».

566. СКАЗКА ПРО ПЕРСТЕНЬ О ДВЕНАДЦАТИ ВИНТАХ

(с. 253—257)

Русское слово, 1861, № 1, критика, с. 67—73. АТ 560. К текстам № 190, 191.

567. СКАЗКА О БЕССЧАСТНОМ СТРЕЛКЕ

(с. 257—259)

Бронницын, № 3. АТ 465 А. К текстам № 212—215.

568. НЕОСТОРОЖНОЕ СЛОВО

(с. 259—260)

День, 1862, № 52 (из статьи П. Рыбникова «Заметка с дороги»). АТ 813 В. К тексту № 227—229.

569. СКАЗКА О СЕРЕБРЯНОМ БЛЮДЕЧКЕ
И НАЛИВНОМ ЯБЛОЧКЕ

(с. 260—262)

Бронницын, № 5. АТ 780. К текстам № 244—246.

570. СКАЗКА О ЛЯГУШКЕ И БОГАТЫРЕ

(с. 262—266)

Лубочное издание «Сказка о лягушке и богатыре». М., 1847. АТ 402. К текстам № 267—269. Перепечатано Афанасьевым в сокращенном виде АТ 402. К текстам № 182—184.

571. СКАЗКА ОБ ИВАНЕ-БОГАТЫРЕ, КРЕСТЬЯНСКОМ СЫНЕ

(с. 266—275)

Из лубочного издания, текст которого соответствует публикации Ровинского (I, № 44) АТ 532, 400. К текстам № 295, 296.

572. ЛИХО

(с. 275)

Отечественные записки, 1840, № 11. Предания, записанные Боровиковским. АТ 1137. К тексту № 302.

573. ЛЮДСЬКА ДОЛЯ

(с. 275—276)

Современник, 1866, № 12, с. 189—193. Записано в Мамлыжском уезде Вятской губ. Осокиным. Язык украинский. Отчасти напоминает АТ 822. К тексту № 304.

574. НУЖДА

(с. 276)

Из собрания журнала «Основа». Язык украинский. АТ 735 А. К текстам № 303, 304.

575. СКАЗКА О СИЛЕ-ЦАРЕВИЧЕ
И ОБ ИВАШКЕ БЕЛОЙ РУБАШКЕ

(с. 276—278)

Лекарство..., с. 237—254. Перепечатано Афанасьевым с некоторыми изменениями. АТ 507. К тексту № 310.

576. О ГОРЕ-ГОРЯНИНЕ, ДАНИЛЕ-ДВОРЯНИНЕ

(с. 278—282)

Москвитянин, 1843, № 4, с. 389—394. Записано в Шенкурске Архангельской губ. Борисовым. АТ 465 А. К текстам № 313, 314.

577. РАССКАЗ О МЕРТВЕЦЕ

(с. 282)

Тамбовские губернские ведомости 1857, № 4. Побылочка о мертвце. К текстам № 351—362.

578. СКАЗКА О БОГАТЫРЕ ГОЛЕ ВОЯНСКОМ

(с. 283—285)

Бронницын, № 2. АТ 1640. К текстам № 430—432.

579. ХИТРИЙ ЧОЛОВІК

(с. 285—286)

Черниговские губернские ведомости, 1860, № 15. Язык украинский. АТ 1381. К текстам № 441—443.

ДОПОЛНЕНИЯ

I. СКАЗКИ, ИЗЪЯТЫЕ ЦЕНЗУРОЙ
ИЗ СБОРНИКА «НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ»

(с. 287—289)

№№ 1—3 — сказки, полностью изъяты цензурой в 1863 г. из верстки 6-го выпуска «Народных русских сказок», сохранились в корректурных листах: они вплетены в печатный экземпляр этого выпуска, который находился в библиотеке П. А. Ефремова, известного библиографа и литературоведа, друга Афанасьева. Впервые опубликованы в статье В. И. Чернышева «Цензурные изъятия из «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева. — Советский фольклор, 1936, № 2—3, с. 307—315.

1. О ХИТРОСТИ ЦАРЯ СОЛОМОНА

(с. 287—288)

1(в корр.
№ 50)

Записано в г. Дедюхино Пермского уезда лекарем Д. М. Петуховым.

АТ 803 (Цепь сатаны: Христос освобождает из ада грешников, но оставляет там царя Соломона...) + 804 В (Соломон в аду: пугает чертей тем, что построит церковь) + отчасти СУС — 800* (АТ — Грешник проникает в рай). Ср. легенду «Как Соломон освободился из пекла» в книге Ивана Франко «Апокрифи старозавітні...» Львів, 1896, с. 293—294. Первый сюжет учтен в АТ только в литовском, финском, эстонском, украинском сказочном и легендарном материале, но встречается и в латышском (*Арайс-Медне*, с. 127). Русских вариантов — 1, украинских — 7, белорусских — 2. Сюжетному типу 803 посвящены исследования: Krohn K. *Der gefangene Unhold.* — *Finnisch-ugrische Forschungen.* Helsingfors, 1907, VII, S. 129 ff; Von d. Leyen F. *Der gefesselte Unhold.* Prague, 1908. В данном варианте отсутствует характерный эпизод: прикованный Соломоном к цепи сатана непрерывно грызет ее, но каждый год после пасхи цепь становится такой же, как прежде. Сюжетный тип 804 В учтен в АТ в эстонском, ливском, литовском, венгерском, чешском и русском фольклорном материале, но встречается и в латышском (*Арайс-Медне*, с. 128), украинском, белорусском. Русских вариантов — 11, украинских — 17, белорусских — 5; нередко повествуется не о Соломоне, а о солдате или кузнеце, напугавшем в аду чертей. Сюжет о грешнике, вошедшем в рай, имеет русских вариантов — 5, украинских — 6, белорусских — 3. Его история связана с французским фableм «Про вилана, который судом добыл рай» (см.: Пуришев Б. и Шор Р. Литература средних веков. Хрестоматия. М., 1953, с. 273—275) и переводной русской «Повестью о бражнике» XVII-го века, обработанной Л. Н. Толстым («Кающийся грешник» — из цикла «Народные рассказы»).

2. ХРИСТОВ КРЕСТНИК

(с. 288—289)

2(в корр.
№ 51)

Записано в г. Дедюхино Пермского уезда Д. М. Петуховым.

АТ 471 (Крестник бога) + 800 (Крестник бога на божьем месте). Первый сюжет учтен в АТ во многих вариантах, записанных в разных частях света, преимущественно в странах Европы и на европейских языках в Америке (от негров, индейцев и американцев европейского происхождения). Из восточнославянских вариантов в АТ отмечены только русские. Русских вариантов — 17, украинских — 10, белорусских — 3. Сюжет о крестнике бога обработан Л. Н. Толстым («Христов крестник» — из цикла «Народные рассказы»). Ср. стихотворение Ф. Н. Глинки «Беда и утешение». Сюжетный тип 800 учтен в АТ в эстонском, литовском, шотландском, немецком, венгерском, чешском, словенском, русском материале. Русских вариантов — 6, украинских — 9, белорусских — 4. Встречаются такие сказки и в латвийском фольклорном материале (*Арайс-Медне*, с. 127).

3. РИЗА НА ИКОНЕ

(с. 289)

3(в *контр.* № 52) Записано в г. Дедюхине Пермского уезда Д. М. Петуховым. АТ — СУС — 849***. Варианты не отмечены.

II. СКАЗКИ ИЗ СБОРНИКА «РУССКИЕ ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ» И РУКОПИСИ

«НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ НЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ»

(с. 290—343)

ПРЕДИСЛОВИЕ К «РУССКИМ ЗАВЕТНЫМ СКАЗКАМ»

(с. 290—293)

Из «Русских заветных сказок» (Женева, 1872; 2-е стереотипное издание 1878) и рукописи «Русские сказки не для печати. 1857—1862. Собраны, приведены в порядок, сличены с литературными списками А. Н. Афанасьевым» (рукописный фонд ИРЛИ АН СССР, шифр Р I, оп. 1, № 112).

1. СКАЗКА О ТОМ, КАК ПОП ТЕЛЕНКА РОДИЛ

(с. 293—294)

Завет. ск. (Женева, № XXXVIII); переиздано по рукописи № 39 в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 362—363. Записано во Владимирской губ.

АТ 1775 (Голодный поп или барин на ночлеге) + 1739 (Как поп или ксендз, раввин, купец телелся) + 1537* (Отрубленные ноги). Первый сюжет получает в других вариантах обычно такое развитие: на ночлеге работник, запасшись в дорогу хлебом, делает вид, будто ест сено, угощает сеном попа; сажает его в мешок (для тепла) и бьет; поп ищет ночью ужин, засовывает руки в узкий горшок, снять его не может, хочет разбить горшок о камень и ударяет им по лысине старика. Сюжет учтен в АТ в записях, сделанных во многих странах Европы, в Китае и от американских индейцев и американцев европейского происхождения в Америке на испанском и английском языках. Русских вариантов — 23, украинских — 12, белорусских — 8. Старейший литературный текст — немецкий шванк XVII века. Первая русская публикация анекдотической сказки типа 1775 относится к концу XVIII в.: Хомяков Е. Забавный рассказчик... М., в тип. А. Решетникова, 1791, ч. I, с. 70—71 (=Ровинский, I, № 60); сказка XVIII в. о голодном хозяине (он не назван в печатном тексте попом) и сытом работнике была перепечатана Афанасьевым с лубка в примечаниях к разделу «Рассказы об инородцах» сборника «Народные русские сказки» (3-е издание, т. II, М., 1897, с. 421). Сюжет типа 1739 учтен в АТ в многочисленных вариантах на европейских языках, а также в турецком варианте. Русских вариантов — 17, украинских — 14, белорусских — 6. Старейшая литературная обработка сюжета относится к 1506 г. (Бебель. Фацетни — «Об одном монахе»). Широкую известность получил в Германии XVI в. стихотворный шванк Г. Сакса о монахе, который «телелся». В Швеции этот сюжет был обработан в стихотворной форме в начале XVII в. И. Руниусом. Фацеция вошла в польский сборник XVII в. «Sowizral». В России народная сказка о том, как поп телелся («Сын бычок») впервые напечатана в 1860 г. (Худяков, № 66). Так же, как в «Русских заветных сказках», в сборнике Худякова этот сюжет контаминирован с сюжетом «Отрубленные ноги» — АТ 1537*, учтенном в АТ только в русском фольклорном материале. Русских вариантов — 13, украинских — 10, белорусских — 2. Сказка сборника Афанасьева отличается не только яркой сатирической обрисовкой глупого и трусливого попа-богатея,

но и весьма выразительным образом мстящего за свое горемычное житье находчивого, остроумного батрака.

2. КАКОВ Я!

(с. 294—295)

Завет. ск. (Женева, № LXXVI), переиздано по рукописи в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 373—374.

АТ 1138 (Какофей). Отчасти сближается со сказками о ловком воре, обокравшем попа,— ср., например, *АТ 1807, СУС — 1807** (печатается ниже — текст № 5). Сюжет типа «Какофей» учтен в *АТ* в финском, эстонском, литовском, шотландском, итальянском, словенском, сербохорватском, русском, китайском, испано-американском фольклорном материале, но встречается и в латышском (*Арайс-Медне*, с. 163), польском (*Krzyżanowski*, II, S. 19.) Русских вариантов — 11, украинских — 4, белорусских — 3. В большинстве сказок мужик, назвавшийся Какофеем (Каков я, Такой), пачкает попу (или дурню) шляпу (или бороду —, например, в следующем тексте) смолой. Восточнославянские сказки типа *1138* чаще всего имеют антипоповскую сатирическую направленность, особенно остро выраженную в настоящем варианте, где поп рисуется жадным грабителем. Сказка печатается с некоторыми пропусками слов, неудобных для печати.

3. В-ЧЕМ-Я?

(с. 295—296)

Афанасьев. Рукопись № 86; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 377—378.

АТ 1138. Так же, как и сказка «Каков я!» —, относится к тематическому циклу о попе и работнике, оставляющем попа в дураках. Отчасти напоминает сказки о комических происшествиях во время церковной службы (ср. *АТ 1825*).

4. СУД О КОРОВАХ

(с. 296—297)

Завет. ск. (Женева, № XLXIX); переиздано по рукописи в прил. к т. III сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 365—367 и в сборниках: Соколов. *Поп и мужик*, с. 146—150; Азадовский. *Ск. о боге*, № 23; *Молдавский*, с. 57—59.

АТ 1735 (Кто отдаст последнее, получит десятирицею). Сюжет учтен в *АТ* только в европейских сборниках. Русских вариантов — 13, украинских — 6, белорусских — 2. Близкую «заветной» сказку «Суд о коровах» записал М. К. Азадовский в 1915 году от сибирского сказочника Ф. И. Аксаментова (Верхнеленские сказки. Сборник М. К. Азадовского, Иркутск, 1938, № 28). Сатирические сказки о мулле встречаются в фольклоре тюркоязычных народов СССР (например, *Тат. творч.*, III, № 91). История сюжета связана со средневековыми французскими фавль, итальянскими новеллами и более поздними немецкими шванками. Старейшие немецкие шванки типа *1735* относятся к XVI в., шведские — к XVII в.; первая же подобная русская сказка опубликована в 1804 году в «Журнале приятного, любопытного и забавного чтения» (кн. 12, с. 227 — переп. в сб. Русские сказки в ранних записях и публикациях XVI—XVIII вв./Сост. Н. В. Новиков, Л., 1971, № 55). Исследования: *Veldier*, с. 451—452; *Лупанова И. П.* Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск, 1959, с. 55—56. В «заветной» сказке пародируется церковная поповская проповедь, а вместе с тем и священное писание. Свообразно разработан эпизод свидания архиерея с игуменьей, разговор которых подслушивает мужик, лежа под кроватью. Параллели к этому эпизоду в других сказках типа *1735* не отмечены.

Концовка: «Лежит мужик под кроватью и слышит...» в тексте женеваского издания опущена.

После слов «молоко и говядинка» (с. 297) Афанасьев указал вариант: «Вот как-то нанял поп мужика вычистить загородку, где коровы стоят. Мужик стал

чистить, да нарочно ворота и отворил, коровы и ушли со двора. А он, не будь глуп, взял и загнал всех поповых коров к себе».

Вариант к другому эпизоду дан после слов «Пришел к этому мужику» (с. 297): «Пришел поп к мужику, а у того и ворота взаперти; смотрит сквозь плетень, а мужик свежует поповских коров да солонину готовит».

5. ЖАДНЫЙ ПОП

(с. 298)

Завет. ск. (Женева, № L); переиздано по рукописи в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 367—368 и в сб.: *Молдавский*, с. 61—62; *Азадовский. Ск. о боге*, с. 26—27.

АТ — *СУС* — 1807* (Жадный поп и солдат-вор). Варианты в опубликованном материале не отмечены. Ср. *АТ 1807* (Поп отпускает грехи вору). Русских вариантов — 2, украинских — 14, белорусских — 2. В *АТ* учтены литовские и редкие чешские, сербохорватские, греческие тексты; польские — см. *Krzyżanowski*, II, S. 143, латышские — *Арайс-Медне*, с. 225.

6. ДУХОВНЫЙ ОТЕЦ

(с. 298—299)

Завет. ск. (Женева, № XLII); тот же текст в рукописи Афанасьева — № 43. Перепечатывается с женевого издания впервые с пропусками слов, неудобных для печати.

АТ — *СУС* — 1807 *A**** («Белорыбица»). Варианты не отмечены.

7. АРХИЕРЕИ ОТЧИТЫВАЕТ

(с. 299)

Афанасьев. Рукопись, № 132; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 394—395.

АТ — *СУС* — 1525 *L**** («Архиерей заплатит»). Вариантов в опубликованном материале нет. Относится к циклу сюжетов о хитрых ворах.

8. ДОБРЫЙ ПОП

(с. 299—300)

Завет. ск. (Женева, № LXXIV), переиздано в прим. к последним томам 3-го (1897 г.) и 4-го (1914 г.) изданий «Народных русских сказок» и в прил. к III т. сказок Афанасьева, изд. 1940 г., с. 373, а также в сб.: *Соколов. Поп и мужик*, с. 43—44; *Азадовский. Ск. о боге*, № 5.

АТ 1561 (Усердный работник). Сюжет учтен в *АТ* в финском, финношведском, эстонском, литовском, фламандском, валлонском, ирландском, английском, англо-американском, румынском, венгерском, словенском, сербохорватском, русском, украинском, но встречается и в латышском (*Арайс-Медне*, с. 210), белорусском материале. Русских вариантов — 9, украинских — 19, белорусских — 3.

9. ПАХОМ

(с. 300)

Афанасьев. Рукопись № 125; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 392—393.

АТ 1825 (Прихожане жалуются на попа архиерею). В *АТ* учтены финские, шведские, норвежские, немецкие, сербохорватские, русские фольклорные тексты. Русских вариантов — 10, украинских — 2. История сюжета связана со сборниками немецких шванков (см. *Pauli*, № 711) и итальянских новелл (см. *Rotunda*, индекс J 1211.1.1) эпохи позднего средневековья и Возрождения. Имя сказочного попа Пахома стало нарицательным. Как в этой, так и в некото-

рых других восточнославянских сказках типа 1825 сатирически остро обличаются поповские невежество, жадность и взяточничество.

10. ПОХОРОНЫ КОБЕЛЯ

(с. 300—301)

Завет. ск. (Женева, № XLVIIIa); переиздано по рукописи в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 363—364 и в сборн. Молдавский, с. 59—60.

АТ 1842 (Похороны собаки или козла). В *АТ* сюжет учтен в испанском, чешском, русском, украинском, персидском, фольклорном материале; но встречается и в болгарском (см.: *Българско народно творчество*, София, 1963, т. X, с. 459—460), мордовском (*Шахматов А. А.* Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910, с. 378—383). Русских вариантов — 14, украинских — 18 (два из них в стихотворной форме), белорусских — 3. История сюжета прослеживается с XIII в. — стихотворное переложение народной анекдотической сказки, принадлежащее французскому поэту Рутбефу. Варианты встречаются в итальянских, немецких, польских литературных повествовательных сборниках Поджио, Паули, Рея и др. Сказка о том, как была похоронена собака по религиозному (мусульманскому) обряду, получила в XVIII веке отражение в популярном романе А. Р. Лесажа «Жиль Блаз» (рассказ дона Рафаэля о его похождениях на Востоке). Старейшие русские публикации — *Курганов*, № 262; *Спутник*, II, № 19. См. также комм. к сб. «Русские сказки в ранних записях и публикациях, XVI—XVIII вв.» (Л., 1971, с. 269). Во всех известных русских вариантах XVIII века повествуется о пасторе, похоронившем свою собственную собаку, и о епископе, принявшем деньги, якобы завещанные ею. Характерные для восточнославянского народного репертуара сказки о похоронах подкупленным православным попом собаки или козла богатого мужика и о подкупе архиерея по цензурным условиям в дореволюционной России на русском языке не печатались. Сказка сборника Афанасьева отличается некоторыми подробностями, отсутствующими в других сказках типа 1842: дьякон и дьячки, обиженные попом при дележе денег, доносят на него архиерею; попа арестовывают; архиерей выпускает попа, жалует его саном благочинного, а дьячков сдает в солдаты. Ср.: Русские народные сказки. Сказки рассказаны воронежской сказочницей А. Н. Корольковой/Сост. и отв. ред. Э. В. Померанцева. М., 1969, с. 355—359.

11. ПОХОРОНЫ КОЗЛА

(с. 301—302)

Завет. ск. (Женева, № XLVIIIb); переиздано по рукописи в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 364—365 и в сб.: *Соколов. Поп и мужик*, с. 97—100; *Азадовский. Ск. о боге*, № 2.

АТ 1842. В данном варианте, как и в предыдущем, наряду с попом действуют дьякон и дьячок, но мотив ссоры при дележе денег отсутствует.

12. ПОП-ВОРОЖЕЙКА

(с. 303—306)

Афанасьев. Рукопись, № 99; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. с. 384—385.

АТ 1641 (Знахарь). См. прим. к тексту № 379. Сказки, в которых в роли знахаря-отгадчика выступает поп, действующий заодно с дьячком-вором, представляют характерную для восточнославянского устного репертуара разновидность данного типа сюжета. Ср., например, подобные белорусские сказки (*Шейн. Материалы*, № 101, с. 217—219; *Federovski*, III, № 98, 99). «Заветная» сказка «Поп-ворожейка» отличается своеобразными подробностями: поп и дьячок пропивают все богослужебные книги и ризы; сказавшись больным, поп-пропойца закрывает церковь, но благодаря хитрости ему удается не только «поправиться», но и разбогатеть.

13. ПОП УГОДИЛ В СОЛДАТЫ

(с. 306)

Афанасьев. Рукопись, № 90, впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 383.

АТ — СУС — 1849***. Вариантов нет. Завязка сюжета этой ритмичной по своему складу сказки-побасенки связана с шутовым истолкованием названия газеты «Северная пчела», которая издавалась в Петербурге с 1825-го по 1864-й годы: до 60-х годов (под редакцией Ф. В. Булгарина, а также под его и Н. И. Греча редакцией) имела реакционное направление: с 1860 года (под редакцией П. С. Усова) перешла на либеральные позиции. Быть может, вопрос попадания «Поп, что нам Северная пчела принесет?» задан по поводу изменения характера этой политической и литературной газеты в 60-е годы.

14—15. ПОП, ПОПАДЬЯ, ДЬЯКОН И РАБОТНИК

(с. 306—310)

Афанасьев. Рукопись, № 133а; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 395—397. Записано в Тверской губ. писателем И. И. Лажечниковым на местном диалекте.

АТ 1725 (Влюбленный священник). Сказки этого типа учтены в АТ в многочисленных записях на европейских языках, а также в турецком, индийском фольклорном материале. Русских вариантов — 20, украинских — 29, белорусских — 13. Сходные мотивы встречаются в «Тысяче и одной ночи», но история сюжета прослеживается лишь с первой половины XVI в., когда он был обработан немецким поэтом Гансом Саксом. В публикуемой сказке сборника Афанасьева отсутствуют некоторые характерные для сюжетного типа 1725 мотивы; благодаря работнику лакомые кушанья, приготовленные хозяйкой для работающего в поле любовника, достаются хозяину; работник убеждает любовника, что хозяин будто бы хочет его убить, и ничего не подозревающего хозяина посылает к нему с топором в руке. Вместе с тем здесь своеобразно разработаны эпизоды троекратного избиения дьякона работником. Необычна концовка: работник, отучив дьякона ходить в гости к попадье, получает за обещание молчать 100 рублей от дьякона и 200 рублей от попадьи.

К словам казака-батрака «...тяперичка ни за что не поеду на мельницу; и без таво устал. Прощай матушка» (с. 308) Афанасьевым указан вариант: «Дьякон прячется в мешок с ячменем.— «Что ты, батрак?» — спрашивает попадья.— «Да вот надо ячмень хорошенько обшастать!» — «Не трожь! Я сама на гулянках обшастаю!» — «Еще когда-то будет, а мне надо приказ исполнить». Взял мешок, вынес на крыльцо (а крыльцо-то было высокое) и бац его: пускай, дьякон пересчитает все до единой ступеньки!»

Афанасьев. Рукопись № 133в; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева 1940 г. с. 397—399. Записано в Воронежской губ. К. О. Александровым-Дольником.

АТ 1725. В конце сказки опущены некоторые подробности.

После слов «хочет топором тебя срубить» (с. 310) дан вариант: «Хочет до смерти тебя заколоть».

16. ПОП У БАБЫ И БАТРАК

(с. 310—311)

Афанасьев. Рукопись, № 135; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 399.

АТ 1360 С (Муж в мешке и притворно больная жена). См. прим. к тексту № 445. Варианты, в которых в роли любовника неверной жены выступает поп, весьма часто встречаются среди восточнославянских сказок данного сюжетного типа.

17. ПОП РЖЕТ, КАК ЖЕРЕБЕЦ

(с. 311—313)

Завет. ск. (Женева, № LXIV); переиздано по рукописи в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 368—369.

АТ 1730 (Поп приходит на свидание к жене мужика). В АТ учтены наряду с европейскими варианты, записанные в других частях света. Русских вариантов — 40, украинских — 15, белорусских — 5. Истоки сюжета прослеживаются с III-го века до н. э. Его судьба связана с такими литературными памятниками древнего Востока, как «Ятака», «Катхасаритсагара», «Синбад-наме» («История о семи мудрецах»). «Тысяча и одна ночь» (ночи 593—596), а также со средневековым французским фавльо «Constant du Hamel», русской «Повестью о Карпе Сутулове» XVII в. Исследования: Bédier, p. 454—456; Ольденбург С. Фавльо восточного происхождения. III, Constant du Hamel.— ЖМНП, 1907, № 9, с. 46—52; Соколов Ю. Повесть о Карпе Сутулове. М., 1914. Необычными для сказок данного типа являются мотивы: муж и жена отучают попа ржать по-жеребячи; муж одалживает у попа и, проучив его, возвращает лошадей с повозкой. Свообразно разработаны эпизоды показа «черта» барину за деньги и продажи «черта на базаре богатым купцам. Если в этой сказке действует только один сатирический персонаж — поп, то обычно в восточнославянских сказках типа 1730 действуют еще дьякон и дьячок, тоже помогающиеся любви замужней красавицы (см. следующий текст).

18. МУЖ ДА ЖЕНА

(с. 313)

Афанасьев. Рукопись, № 97; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 384.

АТ 1360 С. См. прим. к тексту № 445.

19. ХИТРАЯ БАБА

(с. 313—314)

Афанасьев. Рукопись, № 66, впервые опубликована к прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 370—371 и в сб.: Молдавский, с. 67—69.

АТ 1730. В данном варианте иная экспозиция (обедневшие супруги договариваются добыть деньги хитростью), подобная той, что и в следующей «заветной» сказке, относящейся в основном к типу 1730.

20. ХИТРАЯ ЖЕНА

(с. 315—316)

Афанасьев. Рукопись, № 145 — в основном совпадает с текстом № 65 женеваского издания «Русских заветных сказок»; переиздано с сокращениями в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 404—406.

АТ 1730+1536 В (Мужик хоронит трех монахов или попов). Традиционная для восточнославянских сказок сюжетная контаминация. Начало напоминает отмеченный в СУС тип — 859 F*. Бедняк выдает себя за богача и женится на дочери поверившего ему богатого купца (ср.: Фольклор Саратовской области/Сост. Т. М. Акимова. Саратов, 1946, № 403). Сюжет типа 1536 В учтен в АТ в многочисленных вариантах на европейских языках, записанных в Европе и в Америке (у американцев европейского происхождения и негров), а также в арабских и турецких вариантах. Русских вариантов — 24, украинских — 12, белорусских — 7. Истоки сюжета восходят к XIII веку и связаны со средневековыми французскими фавльо, итальянскими новеллами, немецкими, шведскими, польскими и др. народными книгами. См. Bédier, p. 236—237; Rotunda, индекс К 2322. Специальная монография: Pullet A. Das Fabliaux von den trois bosus menestrels und verwandte Erzählungen früher und später Zeit. Halle, a.S., 1901. Данный вариант отличается оригинальной разработкой ряда

эпизодов, — таких, как, например, знакомство Маши с первым, вторым и третьим монахами у монастыря, расправа мужа-чеботаря со спрятанными в кадке и в печи монахами-гостями, встреча пьяницы Тимошки с настоятелем монастыря и иноками, идущими крестным ходом.

21—22. НИКОЛА ДУПЛЯНСКИЙ

(с. 317—318)

Завет. ск. (Женева, № LXVIIIa; переиздано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 371—372.

АТ 1380 (Никола Дуплянский)+1537 (Мертвое тело). Традиционная для восточнославянских сказок контаминация сюжетов. См. прим. к текстам № 446 и 395. Заключительный эпизод сближает сказку с сатирическими антиповскими сказками.

Завет. ск. (Женева, № LXVIIIb), переиздано по рукописи № 69 в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 372 — и в сб.: *Азадовский. Сказки о боге*, № 25.

АТ 1380 (Никола Дуплянский). См. прим. к тексту № 446. Если обычно в восточнославянских сказках этого типа основными персонажами являются крестьянин и его неверная жена, то в данной сказке действует поп, попадья и находчивый поповский батрак — традиционный герой антиповских сказок: он, а не нелюбимый муж выдает себя попадье за святого Николаю.

23. МОНАХ И ИГУМЕНЬЯ

(с. 318—319)

Афанасьев. Рукопись, № 93. Публикуется впервые с некоторыми сокращениями.

*АТ — СУС — 999** (Монах и игуменья). В опубликованном материале варианты не отмечены. В рукописи Афанасьева на листе 181 указан в подстрочном примечании к словам «...пришла какая-то женщина в гости» вариант: «Зачастил монах в девичий монастырь, перепортил всех монашек — и та забрюхатила, и другая забрюхатила! «Дай посмотрю, нет ли мужчины у нас», — думает игуменья».

24. РАЙСКАЯ ДУДКА

(с. 319—321)

Афанасьев. Рукопись, № 87; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 378—380. Опущено несколько строк, неудобных для печати.

АТ 1653 В (Дурень и его братья ночуют в лесу на дереве)+592 (Герой получает чудесную дудку) + 1132 (Бегство от работника) (см. прим. к тексту № 150)+1120 (Хозяйка сброшена в воду вместо работника. См. прим. к тексту № 150)+1825 В (Безграмотный поп). Необычная контаминация сюжетов. Первый из них учтен в *АТ* в записях, сделанных в Европе и Америке на европейских языках, и в турецких вариантах. Русских вариантов — 18, украинских — 15, белорусских — 7. История сюжета связана с рядом древних восточных сборников — «Типитака», «Катхасаритсагара», «Шиди-хюр» — восходит к более древним тибетским и индийским сборникам сказок о Ветале. Еще более соотносятся восточнославянским сказкам относящиеся к сюжетному типу 1653 В итальянские новеллы эпохи позднего средневековья и Возрождения (см. *Novelline*, № 39, 104). Сюжет типа 592 учтен в *АТ* в многочисленных записях, сделанных в Европе, Америке на европейских языках и в индонезийском варианте. Русских вариантов — 12, украинских — 22, белорусских — 5. Эпизоды сжигания ладана и награждения за это героя богом отмечены только в некоторых восточнославянских и южнославянских вариантах. Тип 1825 В учтен в *АТ* в эстонских, литовских, польских, франко-американских и русском вариантах. Русских вариантов — 6, украинских — 2, белорусских — 2. В публикуемой «заветной» сказке сюжет осложнен подробностями, которые придадут ей особен-

ную сатирическую остроту: батрак, женившийся на овдовевшей попадье и ставший попом, разглашает в церковной проповеди любовную связь попадьи с архиреем и предлагает тому быть по-прежнему ее любовником, за что архиерей хвалит нового попа — Ивана-дурака.

25. ПОП — ТОЛОКОННЫЙ ЛОБ

(с. 321—323)

Афанасьев. Рукопись, № 89; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 381—383.

АТ 1000 (Уговор не сердиться)+*1012 А* (Посади ребенка)+*1045* (Угроза морщить озеро веревкой. См. прим. к тексту № 150)+*1130* (Шапка денег. См. прим. к тексту № 150)+*1063* (Кто дальше бросит дубину. См. прим. к тексту № 151)+отчасти *1084* (Кто громче свистнет. См. прим. к тексту № 149)+*1132* (Бегство от работника. См. прим. к тексту № 150)+*1120* (Хозяйка сброшена в воду вместо работника. См. прим. к тексту № 150). Последние два сюжета в тексте рукописи опущены, но наличие их в устном тексте отмечено Афанасьевым в сноске. Традиционная сюжетная контаминация. Она в значительной мере соответствует контаминации сюжетов в сказке о найме попом батрака за три щелчка в лоб, известной по пушкинской записи (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6-ти томах. М.; Л., 1936, т. II. Приложение 1, № 11) и по его же «Сказке о попе — толоконном лбе и работнике его Балде». Примечательно также совпадение прозвища попа («толоконный лоб») в «заветной» и пушкинской сказках, — тем более, что вторая до 1882 г. печаталась в искаженном виде как «Сказка о купце Кузьме Остолопе и работнике его Балде». Сюжет «Уговор не сердиться» учтен в *АТ* в многочисленных записях на европейских языках, а также в турецких, индийских, индонезийских вариантах. Русских вариантов — 33, украинских — 31, белорусских — 5. Сюжет «Посади ребенка» учтен в *АТ* в меньшем количестве европейских и восточных вариантов. Русских вариантов — 5, украинских — 4, белорусских — 1.

После слов «кулебяку убирал» (с. 322) Афанасьев дал вариант: «работник вытащил поповича на двор, взял да и посадил на кол. «Считай пока звезды, а я пойду ужинать». Воротился в избу и принялся есть. «Где же мой сын?» — спрашивает поп. — «А сын твой остался звезды считать, а я пришел краюхи убирать».

Другой вариант указан к словам «до спины доберется» (с. 322): «поп — толоконный лоб пошел батрака нанимать. Идет мужик: «Найми меня, батька». — «А что возьмешь?» — «Ничего не возьму, еще тебе дам. Год у тебя в батраках проживу да тебе же дам щелчок, а попадье дам щипок». — «Недорого, — думает поп, щелчок да щипок — невелика беда. Зато деньги будут целы. Пойдем, свет!» Идут дорогой, а навстречу им ведут мужики быка; рога и ноги веревками опутали, а он все упирается да в сторону норовит. «Куда быка ведете?» — «На бойню; да никак не справимся». — «Постойте, братцы, я вам помогу», говорит батрак. Дал быку в лоб щелчок, из него и дух вон. Ухватил за хвост двумя пальцами и содрал всю шкуру долой. «Эге-ге! вот каковы его щелчки-то, — думает поп, — надо от него поскорей избавиться...»

26. ЧУДЕСНАЯ ДУДОЧКА

(с. 323—324)

Афанасьев. Рукопись, № 113а, впервые опубликована в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 389—390. Печатается с сокращениями некоторых строк, неудобных для печати.

АТ 850 (Приметы царевны. См. прим. к № 24 — «Райская дудка»). Такая же контаминация сюжетов имеется в другой сходной антипоповской сказке (*Худяков, № 73*). В «заветной» сказке есть своеобразные подробности: поп идет жаловаться к царю; привязанный к каменному столбу, поп бьет о столб головой, «ногами всякие штуки выделяет» и кается, когда герой играет на волшебной дудочке.

27. НЕ ЛЮБО, НЕ СЛУШАЙ

(с. 325)

Афанасьев. Рукопись, № 81в; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 375—376.

АТ 1932 (Страна обетованная). См. прим. к тексту № 425. К последним словам небылицы Афанасьевым в сноске указан вариант: «Высочил тут попок-толоконный лобок, сам низок, на нем семьдесят семь разодранных ризок, поп-ат присел, он его съел, да и с неба слетел». Из известных восточнославянских рифмованных небылиц данного типа «заветная» «Не люблю, не слушай» выделяется сатирической антипоповской заостренностью.

28. СОЛДАТ-СКРИПАЧ И ЧЕРТ

(с. 325—326)

Афанасьев. Рукопись, № 104. Публикуется впервые. В рукописи на листе 206, над заглавием, имеется помета: «(вып. VII)». Вероятно, Афанасьев прежде, чем включил эту сказку в рукописный «заветный» сборник, намечал ее к изданию в VII выпуске. На том же листе в строке 13 снизу перед словами «место в своем столичном городе» зачеркнуто слово «первое», а в строке 4 снизу после слов «в своих грехах» тоже зачеркнуто слово — так густо, что его нельзя прочесть. В публикуемом тексте опущены некоторые подробности, неудобные для печати.

АТ —. Начальная часть схематично изложена, относится к сюжетному типу «Поп-музыкант» — СУС — 779** (отмечены русский и белорусский варианты), но дальнейшее изложение не имеет параллелей в опубликованном сказочном материале.

29. СОЛДАТ-СКРИПАЧ И НЕЧИСТЫЙ

(с. 327)

Афанасьев. Рукопись, № 110. Публикуется впервые, с незначительными сокращениями.

АТ 1159 (Черт хочет научиться играть на скрипке. См. примечания к тексту № 154). Мотив «Царь обещает руку дочери тому, кто переночует в палате, где поселился черт» напоминает тип, обозначенный в СУС номером — 308**. Заключительная часть напоминает сюжетный тип «Человек брест черта» (АТ —. СУС — 1134*).

30. СОЛДАТ И ЧАСЫ

(с. 328—329)

Афанасьев. Рукопись № 116; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 391—392 с некоторыми сокращениями.

АТ 854 («С деньгами все возможно»). В АТ наряду с многочисленными вариантами на европейских языках учтены индийские и турецкий варианты. Подобные сказки встречаются также в сборниках фольклора восточных народов СССР (например, «Истребитель колючек. Сказки, легенды и притчи современных ассирийцев», М., 1974, с. 278—286; Башк. творч., IV, № 46). Русских вариантов — 2, украинских — 2. Возможно, что сюжет проник с Востока на Запад в конце эпохи средневековья устным путем и получил обработку в новеллах итальянских писателей XV—XVI вв. — Франческо Белло («Мембрано», 1494) и Франческо Сансавино («Сто новелл», 1556).

К словам солдата «Если б у меня было столько денег, сколько у нашего царя, я бы и сам не глупей его был» (с. 328) Афанасьев привел в сноске вариант: «Случилось солдату стоять на часах во дворце; вздремнул он, и привиделось ему во сне: напиши де на стене эти слова: «Что человек ни захочет, все может сделать!». Очнулся солдат, достал мел и написал эти слова на стене. Царь увидел и приказывает ему...»

31. БЕГЛЫЙ СОЛДАТ

(с. 329)

Завет. ск. (Женева, № LIX). Перепечатывается с женевого издания 1872 г. впервые. В рукописи Афанасьева, где сказка находится под номером 60, из нее вычеркнуто несколько слов, имеющих в печатном тексте женевого сборника. Незначительные сокращения сделаны и в тексте, публикуемом нами.

АТ 1355 С (Солдат на стогу сена вместо бога). В *АТ* учтены финские, литовские, венгерские и румынский варианты, однако этот сюжет имеется также в латышском архивном материале (*Арайс-Медне*, с. 176). Русских вариантов — 2, украинских — 2, белорусских — 1. Задолго до издания сборника «заветных» сказок Афанасьева сказка данного типа была напечатана в *Спутнике* (I, № 84).

32. СОЛДАТ, МУЖИК И БАБА

(с. 329—330)

Завет. ск. (Женева, № LV). Перепечатывается с женевого сборника впервые.

АТ — *СУС* — 1422* («Ступай проси, а я уже выпросил»). Варианты не отмечены.

В рукописи Афанасьева, где эта сказка имеет номер 56, есть помарки, зачеркнутые слова, вставки; на листе 95 в первой строке зачеркнуто слово «одной» («в одной деревне»); слово «стояли», зачеркнутое после слова «деревни», перенесено в начало строки; несколько слов зачеркнуто в третьей строке. Все исправления учтены в печатном тексте женевого сборника. В публикуемом тексте некоторые неудобные для печати подробности опущены.

33. СОЛДАТ И БАРИН

(с. 330)

Афанасьев. Рукопись, № 101; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 389, а затем в сб. Молдавский, с. 42.

АТ — *СУС* — 1547***. Острая антибарская сатирическая сказка. Вариантов нет

34. ВОР

(с. 330—332)

Афанасьев. Рукопись, № 83в; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 376—377.

АТ 1525 А (Ловкий вор)+1737 (Поп в мешке). Традиционная контаминация сюжета. См. прим. к тексту № 383.

В сноске Афанасьев привел вариант окончания сказки: «Высочил тут попок — толоконный лобок, сам низок, на нем семьдесят семь разодранных ризок, поп-ат присел, он его съел, да и с неба слетел».

35. ЧУДЕСНАЯ ДУДКА

(с. 332—333)

Завет. ск. (Женева, № LIII, в рукописи Афанасьева № 54) много помарок, исправлений, которые учтены в печатном тексте.

АТ 570 (Заячий пастух)+1731 (Мужик продает зайцев). Первый сюжет учтен в *АТ* во многих записях на европейских языках и в турецких вариантах. Русских вариантов — 9, украинских — 4, белорусских — 1. В научной литературе отмечались следы этого сюжета в исландской саге Одда Сноррасона, XII в., (см. *Liungmann*, S. 177—178). Второй сюжет учтен в *АТ* в финском, финно-шведском, эстонском, ливском, литовском, датском, английском, фламандском, немецком фольклорном материале, но встречается и в латышском (*Арайс-Медне*, с. 220—221). Русских вариантов — 6, белорусских — 1. Данная сказка

замечательна ярким отражением эпохи крепостного права и ненависти крестьян к помещикам.

Сказка перепечатывается из женеvского сборника впервые, с некоторыми сокращениями.

36. ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ЖЕНА И КУПЕЧЕСКИЙ СЫН

(с. 333—335)

Афанасьев. Рукопись, № 144; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 403—404.

АТ 860 В* (Украденная жена). В АТ учтены только русские тексты. Русских вариантов — 10, украинских — 1 (неполный), белорусских — 1 (другая разновидность сюжета — Чужая жена увезена на корабле). Сказка типа 860 В* вошла в сб. *Башк. творч.*, IV, № 71 (на башкирском яз.). В восточнославянских сказках этого типа обычно повествуется о том, как купеческий сын или солдат украл жену генерала. Международную известность сюжет получил благодаря его литературным обработкам во многих странах и в разные эпохи, начиная с III в. до н. э. (комедия Плавта «Хвастливый воин»). Сюжет известен и по «Сказке о Камар-аз-Замане и жене ювелира» из «Тысячи и одной ночи» (ночи 963—967), по французской и другим западноевропейским редакциям «Истории о семи мудрецах», поэме М. Боярдо «Влюбленный Роланд» (первое издание 1472) и др., а также по русской переводной «Истории о португальской королеве Анне и испанском королевиче Александре» (первая половина XVIII в.) и «Повести о короле Делфе Сирском» (рукопись середины XVIII в. из собрания И. Е. Забелина). Исследование: Лихтман Э. Т. Из истории одного сюжета. — В сб.: Новые черты в русской литературе и искусстве XVII — нач. XVIII в. М., 1976, с. 243—262.

37. ПОДЗЕМНЫЙ ХОД

(с. 335—336)

Афанасьев. Рукопись, № 131. Публикуется впервые, с незначительными сокращениями. На листе 256 рукописи в 14-ой строке снизу после слов купеческой дочери «тебе дома заплачу» зачеркнуто «нашим удовольствием» и, вместо зачеркнутых, сверху написано: «хорошо, приду»; в 5-ой строке снизу после слов «не прочь с нею знаться» зачеркнуто густо какое-то слово.

АТ 873 (Царь и купеческая дочь: царь узнает в сопернике своего сына). В АТ учтены датские, ирландские, русские, греческие, французский, индийский, испано-американский, вест-индийский (негритянский) варианты. Сказки встречаются и в сборниках фольклора восточных народов СССР, например, туркменская «Пять каландаров» (сб. «Проданный сон»/Сост. Н. Стелева, М., 1969, № 45). Русских вариантов — 15. Сказка сборника Афанасьева отличается полнотой и яркостью разработки сюжета. Первая русская публикация подобной сказки — Прогулки, содержащие в себе 10 русских сказок. СПб., 1819, № 5, с. 2—26 (Первое изд. — СПб., 1786).

38. СНЫ

(с. 337—339)

Афанасьев. Рукопись, № 139; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 400—402.

АТ 671 Е* (Чудесный мальчик разгадывает сны). См. прим. к тексту № 241. «Заветная» сказка отличается рядом своеобразных эпизодов: по желанию мальчика мужик продает колдуну свой сон за сто тысяч рублей; колдун тщетно пытается извести мальчика; мальчик становится молодцом-приказчиком, в него влюбляется жена колдуна.

Вариант начала, указанный Афанасьевым в сноске: «Жил старик со старухой, у него было три сына: два умных, третий дурак; работали они в лесу и пристигла их темная-темная ночь. Где ночевать? Увидели покинутую избушку

и легли в ней: отец в передний угол, старший сын в задний, середний у двери, а дурак под печку. И привиделся дураку сон; поутру рассказывает: «Кабы у тебя, батюшка, столб медный, у братьев по серебряному, а у меня золотой».

Вариант, приведенный Афанасьевым к словам «бери сто тысяч» (с. 337): «Смотри же не отдавай Асону твоего сону; а коли так пристанет, что и отбиться нельзя, то отдай ему половину сна». Асон разгадал мужику сон — из половины; тотчас приехал в лесную избушку, стали копать в переднем углу да возле дверей — там стоят котлы с серебряными деньгами, принялись копать под печкою — там котел с чистым золотом».

Вариант к словам мальчика, сказанным повару. — «Ну так отпусти ж меня на вольный свет, а тринадцатого поросенка зарежь, вынь из него сердце, зажарь и снеси хозяину» (с. 338): «Послушай, дядя. Не убивай меня. Есть у вас на дворе сука, принесшая семерых щенят: три белых, три пестрых, одного черного. Возьми, ты черного, заколи, вынь из него сердце и подай хозяину». Повар заколол щенка, вынул сердце, зажарил и подал на стол. Колдун тотчас в рот и съел его».

Вариант, приведенный Афанасьевым в сноске к словам: «Прошло с год времени, приснился царю этой земли такой сон...» (с. 338): «Был у царя заповедный колодец, и приснился ему сон: будто из этого самого колодца стал кобель лакать».

39. КУПЕЧЕСКАЯ ЖЕНА И ПРИКАЗЧИК

(с. 339—340)

Завет. ск. (Женева, № LXXVII); в рукописи Афанасьева под № 78 аналогичный текст. И в женевском сборнике, и в рукописи под заглавием указано в скобках: «Подобная есть у Боккаччо». Переиздано впервые в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 375.

АТ 1410 (Неверная жена и ревнивый муж). В *АТ* наряду с единственной испанской сказкой учтены только литературно обработанные варианты сюжета в западноевропейских сборниках — средневековых и эпохи Возрождения. Данный вариант единственный в восточнославянском опубликованном материале. Старейший зафиксированный текст в латинском сборнике «Scala celi» лотарингского монаха XIII века Иоганна Габриэля Юниора. История сюжета связана с такими книгами, как «Schimpf und Ernst» Иоганна Паули, «Декамерон» Боккаччо (новелла 5-я VII дня) и с другими произведениями новеллистов XV—XVI вв. (см. Rotunda, индекс J1545.2).

40. «НЕТ!»

(с. 340)

Завет. ск. (Женева, № XXIII, в рукописи Афанасьева под тем же номером). Перепечатывается из женевского сборника впервые, с незначительными сокращениями.

*АТ —. СУС — 1418 А** (Двусмысленное «Нет!»). Варианты не отмечены.

41. ЖЕНА СЛЕПОГО

(с. 340—341)

Завет. ск. (Женева, № XXVIII, в рукописи Афанасьева под номером 29). Перепечатывается из женевского сборника впервые с сокращениями слов, неудобных для печати.

*АТ —. СУС — 1421** (Жена слепого). Варианты не отмечены.

42. ДВЕ ЖЕНЫ

(с. 341)

Завет. ск. (Женева, № XXXV, в рукописи Афанасьева № 36). Перепечатывается из женевского сборника впервые, с незначительными сокращениями.

*АТ —. СУС — 1350*** (Испытание жены). Варианты не отмечены.

43. ЖЕНА ХИМКА

(с. 342)

Афанасьев. Рукопись, № 100; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 388—389.

АТ 1383 (Жена не узнает себя). См. прим. к тексту № 518. Данный вариант сюжета отличается своеобразно разработанными эпизодами встречи нерадивой жены с ворами и с попом, дьяконом, дьячком.

44. ФОМКА-ДУРАК И ЕГО ЖЕНА

(с. 342—343)

Афанасьев. Рукопись, № 127; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева, изд. 1940 г., с. 393—394.

АТ 1383 (Мужик не узнает себя). См. примечания к тексту № 518. Вариант, приведенный Афанасьевым в сноске, относится к разновидности сюжета, обозначенной в указателе СУС номером — 1383* (Одураченный муж) и имеет сходство с сюжетом типа 1739 — ср. «заветную» сказку о том, как поп родил теленка». Ср. «Жорж Данден» Мольера.

В сноске Афанасьев привел вариант заключительного эпизода сказки: «Фомка забрался в хлев и улегся спать возле вола. Наутро спрашивает его жена: «Где ты, паскудный, ночь пропадал?» — «Да в хлеву возле вола грелся». Баба пощупала ему брюхо и говорит: «Что ж теперь делать, ведь ты с волом ночевал; так дня через три теленка родишь... Ступай на это время в лес, а то от людей стыд примешь». Фомка взял хлеба и ушел в лес; а баба давай гулять с любовником. Озяб Фомка в лесу и забрел в чужую деревню, выпросился у мужика на ночь и лег на печи. А у того мужика отделилась корова; мужик принес теленка и положил его на печь. Ночью теленок лижет Фомку; он проснулся, — глядь — теленок. Ах, мать твою так — в самом деле родил. Схватила шапку да бежать».

45. ДОГАДЛИВАЯ ХОЗЯЙКА

(с. 344)

Завет. ск. (Женева, № XXII, соответствует тексту рукописи Афанасьева, где сказка имеет тот же номер). Перепечатывается с женеваского сборника впервые, некоторые слова опущены или заменены другими.

АТ 1445* (Пока не запотеет). В АТ учтены только эстонские варианты этого сюжета, но известен также украинский его вариант (Гринченко Б. Из уст народа. Чернигов, 1901, № 218). Латышские архивные тексты подобных анекдотических сказок отмечены в указателе Арайс-Медне (с. 184). Сюжетных параллелей к «заветной» сказке Афанасьева в русских сборниках нет.

УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТНЫХ ТИПОВ СКАЗОК¹
 НАСТОЯЩЕГО ИЗДАНИЯ
 СБОРНИК А. Н. АФАНАСЬЕВА²

Номер сюжета	Номера текстов	Номер сюжета	Номера текстов
1	1, (2), (3), 4—6, 10, 11	218 B*	18, 20, 188, 420
2	1—7, 10, 11	220 A	74
3	1—5	222 B*	220, 221, 224
4	1, 2, 4	227*	73
15	4, 9—13	248	66, 67
20 A	29, 30	254**	77—80, 556
21	5, 7, 29, 30	248 A*	30
37	(18), 21, 22	275	35
43	(1), 10, 11, 13, 14	283 B*	82—84
44*	28	297 B	90
56 B	(32)	298 A*	91 (есть вар.)
60	33	300 ₁	162, 171, 176, 204, 206, 271
61 A	1, 15—17	300 ₂	148
61 B	37—39, (106), (107)	300 A	134, 136—138
62	31	300 A*	135
68 B	26	—300 A**	138
70	(432)	301 A, B	128—131, 139—142, 156, (161), 559
100	59	302 ₁	156—158, (162)
101	59	302 ₂	159
103	40—44, 46	303	155
106*	17, 51, 52	306	(236), 298, 299
117*	(59)	307	364, 366, 367
121	56, 555	—307 H*	365, (368)
122 A	55, 56, 555	312 D	133, 134, 560
122 M*	56, 555	313 A, B, C	219—226
—122 P**	26	313 E*	115, 294
123	53, 54	313 H*	103, 114
125	44, (45), 46, (47), 554	313 J*	93
126 A*	45	314 A*	201, 202
130, 130 A, B	63—65	315	201—207
130 D*	45, 47	318	208, 209, (287)
152	(48)	325	(235), 249—253
154	21, 23—26	326	348
155	27	326 B*	349, 350
158	4, 6—8	327 A	114
161 A*	57, (58)	327 B	105
163	49, 50, (58)	327 C, F	106—112
170	1, 8	329	236, 237
210*	301	330 B	153
212	(14), 62, (63)		

¹ Составлен Л. Г. Барагом и Н. В. Новиковым.

Как в данном указателе сюжетных типов, так и в алфавитном указателе сказок, номера текстов, помещенных в Дополнениях (т. III) и не входящих в общую нумерацию, обозначаются пометками Д (Дополнения) и римскими цифрами (разделы Дополнений). Номер сюжетного типа, заключенный в скобки, означает частичное соответствие типу.

² По «Сравнительному указателю сюжетов. Восточнославянская сказка». Л.: Наука, 1979.

Номер сюжета	Номера текстов	Номер сюжета	Номера текстов
361	278	561	(189)
363	(363)	563	186
365	(353), (373)	564	187, 565
400 ₁	157—160, 237, 267—	566	192—194
	269, 571	567	195—197
400 ₂	(230), 232, 233, (271),	569	270
	(272)	570	А II, 35
401	270—272, (275)	571	256
402	267—269, 570	592	А II, 24, 26
403	101, 127, 264, 265	613	115—122
407	363	650 A	143, 150, 152
409	266	—650 C*	308—310, 571
410*	273, 274	—650 D*	312
425 C	276	—650 E*	311
428	(103)	652	257
430	277	653	145—147, 561
432	234, 235	664 A*	376, 377
449	254, 255	664 B*	375, 377
450	260—263	665	259
460 B	307	670	248
461	305—307	671	247
465 A	212—215, (313),	671 E*	241, А II, 38
	(314), 567, 576	675	165—167, (283)
465 B	216, 217	676	345
465 C	214, 216, 217	677	(332)
470	358	—677**	371
471	Д I, 2	700	300
480	95—97, 98, 99, 102, 557	703*	(34)
480 A*	103, 113, 558	706	279—282
480 B*	104	707	283—289
502	123—126	709	210, 211
507	359, (575)	715 A	188
510 A	292, 293	725	240, 247, 252, 253
510 B	290, 291, 294	735	304
511	100, 101	735 A	303, 304, 574
513 A	137, 138, 144, (219)	736	346
513 B	144	750*	347
516	(158)	760	359
518	185, 197, 240, 272,	760 A*	370
	562	761	226
519	(136), 198—200,	780	244, 246, 569
	(202), (575)	781	(339)
530	179—181, (564)	800	А I, 2
530 A	182—184, (564)	—800*	А I, (1)
531	(137), 169, 170, 185	803	А I, 1
532	126, 295, 296, 571	804 B	А I, 1
533	127	813 A	227, 228
545 B	163, 164	813 B	229, 568
550	168	—817***	372
551	171—178, 563	822	(ср. 573)
552 A	159, 160, 562	831	258
552 B	92	842 C*	217, 218, 297
554	159, 160, (162)	848*	451
555	75, 76	849*	450
559	297	—849***	А I, 3
560	190, 191, 566	850	238, А II, 26

Номер сюжета	Номера текстов	Номер сюжета	Номера текстов
851	198, 239, (321), (322)	1202	406
854	Д II, 30	1204**	(406)
860 В*	Д II, 36	1210	405
873	Д II, 37	1214*	405
875	328, (330)	1228	461, (462)
875 E*	(см. вар. к 328)	1244	406
882 А	(313), (314), 336, 337	1263	405
883 А	211	1287	406
884 В*	316	1288*	458
887	335	1293 В*	406
901	519	1295	492
910 В	332	1318 В	493
920	(330)	1334	454
921	327	-1350**	Д II, 42
921 А	323	1355 С	Д II, 31
921 E*	324, 325	1358 А	447
921 F*	325	1360 С	445, Д II, 16, 17
922	326 (есть вар.)	1365 А	(434), 439
926 С*	331	1365 В	440
934 В*	56, 555	1371 А*	511
936*	243	1376 А*	448, 507
946 А*	315	1378 В*	436, 444
950	390	1380	446, Д II, 21, 22
952	340	1381	441—443, 579
955	344 (в примечаниях вариант)	1383	518, Д II, 43, 44
955 А*	341	1384	405, 406
956 В	342, 343	-1410*	Д II, 39
980 А	449	1415	407—409
-999*	Д II, 23	-1418 А*	Д II, 40
1000	Д II, 25	-1421*	Д II, 41
1006*	152	-1422*	Д II, 32
1009	152	1423	474
1012 А	Д II, 25	1430	510
1030	23—25	1430 А	(501), 509
1045	150—152, Д II, 25	1445	Д II, 45
1049	149	-1446*	460
1053 А	149	1450	(405)
1060	149	1525 А	383, 384, 386, 387,
-1060*	153	1525 D	389, Д II, 34
1061	120, 153, 154, 192	1525 K*	(384), 385, (387)
1063	151, 152, Д II, 25	1525 L*	(386), 388
1071	151	1525 L***	504—506, (517)
1072	151, 152	1525 M*	Д II, 7
1082	152	1525 N*	473, 487
1083	(120)	1525 N***	521
1084	149, 151, Д II, 25	-1525 P	502
1095 А	192	1525 P	383
1120	150, Д II, 24, 25	1528	391
1130	150—152, Д II, 25	1529	470
1132	150, (509), Д II, 24, 25	1529 А	470
1137	302, 572	1533	499
1138	Д II, 2, 3	1534	319, 320
1159	154, Д II, 29	1535	387, 397—400, 447
1162	153	1536 В	Д II, 20
1164	433—437	1537	395, 396, Д II, 21
		1537*	508, (Д II, 1)
		1538	497

Номер сюжета	Номера текстов	Номер сюжета	Номера текстов
1538*	397, 399	1842	Д II, 10, 11
1539	397—399, 469	—1849***	Д II, 13
1540	391	1867 ₁	479
1540 A*	391	1867 ₂	480
1541	406	1875	429
1542 II	397, 398	1880	146, 147, 432
1544 A*	392—394	1881	419
—1547****	Д II, 33	1882 A	427
1548	503	1886	422, 427
—1548*	394	1887*	421
1561	Д II, 8	1889 K	418, 420—423, 427
1562 A	477, 522	1889 P	418, 422, 423
1562 B	327, 329	1890	424
1562 C*	520	1895 C*	419
1570*	475	1900	418, (420), 421, 423, (427)
1572 B*	494	1910	419, 429
1572 C*	495	1920 C	427
1577*	382	1920 H*	418, 421, 422
1588**	498	1930 C*	428
1600	402, (443)	—1930 D*	426
1610	525, 526	1932	425, Д II, 27
—1618*	465	1960 G*	19, 21, 409
1628	476	—1960 L*	422
1640	430—432, 578	2015	60, 61, (535)
1641	379—381, Д II, 12	2016*	535
1643	402	2021 A	69
1651	216—218	2021 B	68
1651 A	242	2022 B	70, 71
1653 A	Д II, 24	2025	36
1654	452	2040	(414), 417
1681 A	400, 401	2044	89
1685	342, 397 (есть вар.)	—2051*	500
1685 A*	(396), 401	—2052*	464
—1687**	467	—2053*	466
1691	400, 401	—2055*	523
1696	403, 404	—2057*	478
1698	515	—2061*	456
1699 B	472	—2062*	457
1702 A*	453	—2064*	459
1702 C*	412, 413, (416), 417	—2066*	468
1705 B*	527	—2069*	483
1725	Д II, 14, 15	—2070 A*	484
1730	Д II, 18—20	—2070 B*	485
1731	Д II, 35	—2071*	490
1735	Д II, 4	—2072*	488
1737	383, Д II, 34	—2074*	512
1739	Д II, 1	—2075*	491
1775	Д II, 1	—2078*	514
—1807*	Д II, 5	—2079*	486
—1807***	Д II, 6	—2083*	455
1825	Д II, 9	—2084*	463
1825 B	Д II, 24	2300	528—532 и два текста в примечаниях к дан- ным номерам
—1825 D***	489		
1826	516		
—1831 A***	Д II, 37		

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

Абрам старик 121
Абросим 196
Агафон брат Антона 203. *Агафоны* шесть братьев 424
Агей царь 377
Адор царь женится на Елене Прекрасной 561
Аксинья 255
Акулина 79
Александр Македонский 318
Алексей мужик 238
Аленка дочь ведьмы 108, 109
Аленушка 509.— поповская дочь 244, 342
Алеша Попович, Алешка Попович 308, 312, 313, 314, 431
Алешка-парнечек сын Лисы Лисафьи 37
Алуца 79
Амос 79
Анастасия Прекрасная 130, 160, 305.— выходит замуж за Федора Тугарина 160
Андрей 306.— Первозванный, праздник в честь его 363. *Андрюха* 379
Анна Прекрасная королева 198.— купеческая дочь 206.— царица 159, Д II, 30.— выходит замуж за ворона 159.— пророчица Д I, 1
Аннушка 245. *Аннюшенька* чернوبرова, черноглаза 541
Анос 556
Антип 435. *Антипа* 79
Антон 79, 203.— вор 388
Аравия см. Золото аравицкое
Арапия см. Арапы
Аред нечистый дух, колдун 136
Арефий мужик 255
Арина 518, 542, 549
Арысь-поле 266
Асон купец 241.— колдун, толкователь снов Д II, 38. *Асонова* вдова Д II, 38
Афонька 414

Афрон царь вручает Ивану-царевичу коня златогривого, поручает достать ему Елену Прекрасную 168
Ахридей царь 562

Балдак Борисьевич 315
Баран один из трех братьев 107
Барма-Кутерьма искусный вор 389
Бархат царь 316
Бездольный сын купеческий женится; берет с собой Никто; встречает дорогой человека с дубинкой, мужика с гусями и все это приобретает; меняет Никто на гусли; надевает на себя три колпака (железный, медный, оловянный); живет у царя 215
Беззаконный см. Чудо-Юдо
Без-четверги-Егор см. Егор
Бел *Белянин* царь 129
Белая-рыбца 80, 556
Белая Лебедь Захарьевна шлет царю письмо о выдаче виноватого 174
Белозер-Палтос-рыба 79
Белозерское озеро 79
Белозерцы семь братьев 317
Белый Полянин 139, 161.— брошенный с высоты, разбивается на куски 139.— перерезает канат, по которому должен был вылезти с того света Иван Сученко 139
Белуга 80, 556
Беренников см. Фома
Берка собака 26
Бессчастный см. Василий Бессчастный, Данила Бессчастный
Бессчастный стрелок находит чудесную кубышечку 567
Бит-Гребешков город 294
Бит-Сапогов город 294
Бова королевин сын 578
Богдан 78, 79, 556

¹ Указатели имен и предметов даны по изданиям: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева/Под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова. М.: Гослитиздат, 1940, т. III; Народные русские сказки А. Н. Афанасьева/Под ред. В. Я. Проппа. М.: Гослитиздат, 1957, т. III — с некоторыми дополнениями.

В указатели также вошел материал из вариантов, приведенных в примечаниях. Тире после точки заменяет ранее употребленное имя, или обозначение действующего лица, или название предмета, состояния.

- Боровичи 416
 Бродька 77
 Брюхо лакей 380
 Брянские леса 308
 Булат-молодец добывает для Ивана-царевича Василису Кирбитьевну; избивает погоню Кирбита; отыскивает Кошееву смерть; слизывает с лица Василисы Кирбитьевны зменную кровь; оборачивается в камень; оживает 158
 Буря-богатырь Иван коровий сын по просьбе отца догоняет братьев у Калинового моста; побеждает шести-, девяти- и двенадцатиглавого змея; туловища их бросает в Черное море; оборачивается мошкой; запрыгает свинью-оборотня в соху; оборачивается девицей-соколом и летит за Марьей-королевой, срывает голову у обманутого им дедушки из моря; оборачивается орлом 136
 Буслав 311
 Бухтан Бухтанович женится на царской дочери 163
 Буян остров 75, 134, 139, 295
 Вавила 79, 556
 Вазуза река пытается обмануть Волгу; называлась меньшей сестрой Волги 94
 Вандыш переславский снеток 80
 Ванильфа Тимофеевна 311
 Ванька 510, Д II, 27.— вор 389.— Гольий, вдовин сын 163.— названник (самозванец) выдает себя за Ивана-царевича 124.— слуга Ивана-царевича 124.— царский зять 238.— служит у черта 251.— казак, батрак Д II 1.— продувной слуга Д II, 7. Ванюха 430. Ванюша недоросточек, как зачищенный утенок 180. Ванюша см. Иван Быкович. Ваня идет ночью к отцу на могилу, входит в одно конское ухо, в другое выходит 180
 Варвара солдат Д II, 30
 Василий 242, 247, 259.— Бессчастный 305.— Буслаевич 311.— Васильевич (перодеята девушка) 316.— королевич 563.— несчастный 314.— Петров 417.— поп 316.— царевич 129, 168, 173, 177, 233, 314, 567.— рассаливает воду в реке; ищет коня 177. Васька, Вася 79, 247, 510
 Василиса Васильевна 316
 Василиса золотая коса, непокрытая краса выведывает у змея об его супротивнике 560.— Кирбитьевна выведывает у Кошея о его смерти 158.— поповна 316.— Прекрасная 104, 560.— узнает своих братьев 560
 Василиса Премудрая 219, 222, 224, 225, 269, 570.— обертывается колпицею и улетает; обращает коней в колодец, себя — ковшиком, царевича — стариком; обращается в ветхую церковь; царевича обращает попом 219.— в виде нищенки 219, 224.— обращается серой утицей; царевича обращает селезнем, коней — рекою медовою, берегами кисельными; обращается в ракиновый куст; царевича обращает соколом 219.— теряет сорочку; оборачивается голубкой и улетает; обращает коней в зеленый луг, Ивана-царевича — старым пастухом, себя — сминою овечкой; обращает Ивана-царевича попом, лошадей — деревьями, себя церковью; в виде работницы у просвирни; обращает коней в озеро, Ивана-царевича — селезнем, себя — утку 222.— теряет свои крылышки 224.— обращает Ивана (мужа) огородом, себя — в кочан капусты; обращает Ивана (мужа) в сокола, себя — в колодец; обращает Ивана (мужа) в соловья, себя в кустик 224.— пускает из пальца кровь в тесто 225
 Василиса царевна засыпает в палатке стрельца-молодца 169.— Василисушка 104
 Васька кот 45, 191
 Верлюка 301
 Вернигора богатырь 134
 Вернидуб богатырь 134
 Вертогор 93
 Вертодуб 93
 Весна-красна 406
 Ветер 91, 160. Ветры, четыре брата: Восточный, Полуденный, Западный, Полуночный 565. Ветрова мать 565
 Вечер, Вечорка пошел с Зорькой на охоту 140
 Вихорь уносит царицу; умирает в борьбе с младшим сыном царицы 129, 559
 Вихорь Вихревич о двенадцати головах вырезывает ремни из спин крестьянских сыновей 124
 Владимир князь 309, 312, 313, 576.— царь 315
 Влас 79.— вор 388
 Волга река 80, 485, Д I, 3.— спорит с Вазузой 94
 Волк Евстифейка см. Евстифейка волк
 Вологда 433, 437, 542
 Волхов река 80
 Вольнский двор 414
 Ворон Воронович 163.— уносит дочь старика 92.— нечистый дух, уносит царицу; побежденный Иваном-царевичем, делается простым вороном 130.— приносит живой воды и исцеляет Ивана-царевича 159
 Временная Пятница (икона) 523

- В-чем-я* батрак у попа Д II, 3
Выслав Андронович царь 168.— *Выславово* царство 168
- Гаврило* бедный брат, сначала неудачник, постепенно богатеет 447
Гагатеи Гагатеви 394
Гвоздь мужик Д II, 1
Георгий Победоносец (*Елорий Храбрый*) 295, 523, 524
Глеб 556
Говорила см. *Данила-Говорила*
Гоги и Магоги (народы) 318
Голь *Воянской* мужичок: убивает слепней и комаров и величает себя богатырем; делает надпись на придорожном столбе, побеждает Зиланта 578
Горе спаивает героя 303.— привязывается к людям 303, 304
Горе-горянин Данило-дворянин 576
Горник богатырь 141
Горох Иван см. *Иван Горох*
Горох царь 130, 560
Горошник богатырь 141
Горшанск город 394
Горшинское село 393
Горынюшка, Горыня богатырь 141, 142, 143.— несет гору 141.— подвергается побоям бабы-яги 141, 142.— копает гору 143
Град жених царевны 160
Гребенцовка село 291
Гриб птица, как гора огромная, в падали переносит героя в тридцатое государство; поедает людей; побеждена героем 271
Григорий Д II, 16.— *Григорий Иванович* волк 59
Гришка 296.— *фурлатильный* вызывает борца 576
Грицько 458, 464, 471, 478
Гром жених царевны 160
Груммант остров 228
Губа (прозвище) морская, мосальская см. *Чудо-Юдо*.
Губрей невидимый слуга 212
- Давид* 556
Данила 542, 556.— Бесщастный 313.— богатый брат, потом беднеет 447.— *Говорила* 114.— дворянин побивает *Гришку* *фурлатильного*; зовет в тысяцкие князя *Владимира*; женится на *Настасье* царевне 576
Дарья, супруга царя *Ахридея* 562
Двулазка 100
Демид 556
Демьян 135.— *Ильич* 496
Денис 429
Димеша сын *Лисы* 39
- Димитрий* купеческий сын 240.— царевич 168, 173, 177.— убивает брата *Ивана-царевича* 168.— *Иванович*, князь *Задовский*, собирает воинов на *Мамаю* 317
Добрыня Никитич 308.— богатырь погибает от *Ивана-дурака* 430
«Долинушка» песня 203
Долмат царь 168, 272 — дает поручение *Ивану-царевичу* достать коня *златогривого*; вручает *Ивану-царевичу* жар-птицу 168.— набирает войско из солдатских детей 272
Доля загоняет рыбу в сеть; ленится, подвергается наказанию 304
Дон-Мать (*Донская богородица*) 317
Дуаза дочь китайского царя 571
Дубынюшка, Дубыня богатырь: подвергается побоям бабы-яги; мешает *Ивашке-Медведке* выйти с того света 141
Душня богатырь подвергается побоям бабы-яги 142
Дунай река 220, 450
Дуня, Дунька прекрасная («приукрашенная»), злоехидная подвергается побоям 171
- Евстифейка* волк 44
Елор, *Без-четверти-Елор* 517.— царевич 174
Елорий Храбрый см. *Георгий Победоносец*
Елорушка *Залет* ищет себе невесту 128
Езь см. *Язь*
Елена царевна серебряного государства 559, 580
Елена Прекрасная 129, 147, 168, 176, 180, 199, 202, 209, 231, 240, 267, 307, 314, 559, 561 — золотого царства царица 129.— желает купить кошку 147, 561.— оборачивается лебедем 561.— царевна, королева 147, 168.— устраивает погоню за *Иваном-царевичем*; выходит за него замуж 176.— ждет молодца, который на коне-летуне с одного взмаха поцеловал бы ее в губы 180.— лишает своего мужа царства, заставляет его пасти свиней 199.— хочет известить своего брата *Ивана-царевича* 202.— убивает мужа и живет со *Змеем Горынычем*, несет за это наказание 209.— задает *Ивану-царевичу* три задачи; выходит за него замуж 240.— выходит замуж за *Василия-царевича* 314
Елена Премудрая учит разным мудростям голубок (девиц); выходит замуж за перехитрившего ее солдата 236.— с золотыми крыльшками выходит замуж за *Ивана* доброго молодца 237
Еленя богатырь 141
Елизар 79, 556

- Емельян*, *Емеля-дурак* ловит в проруби чудесную щуку; на печи едет в город к королю и обратно домой; зовет короля к себе в гости, отказывается взять от тестя королевство 165
- Ерахта* черт подвергается наказанию железными прутьями 218
- Ерема*, *Еремка* 131, 399, 410, 411, 417, 556, Д II, 25.— ищет пропавших царевен 131.— плут, обманывает попадью, своих братьев и пр. 399.— поп-толоконный лоб Д II, 25
- Ермак* 17
- Ерш* *Ершович* 77, 78, 79, 80, 81, 556
- Ефимьян* царь 175.— *Ефимьянское* царство 175
- Жаворонок* поп Д II, 12
- Журба* 572
- Журка* собака доставляет пищу заключенному хозяину 191
- Залет* см. *Егорушка* *Залет*
- Заморышек* богатырь пригоняет домой сорок одного жеребца; с братьями ищет невест; спасает от смерти братьев и себя 105.
- Заонежье* 567
- Заплетчанское*, *Заплечинское* село 393, 394
- Заря* богатырь 140
- Заскребышек* 10
- Затрубник* *Иван* см. *Иван Затрубник*
- Захар* 17. *Захарий*, *Захарка* *Тютрин* русский посол 317
- Звезда* дочь царя *Ахридея* и *Дарьи* в плену у морского чудовища; научает брата *Ивана-царевича* выручить ее и *Луну* (сестру) из плена 562
- Земира* царевна медного государства дарит *Ивану-царевичу* медное яйцо, в котором скрывается медное государство 559
- Зилант* *Змиуланович*, *Тугаринов* брат 578
- Злыдни* 572
- Змей Горыныч* полюбился царевне; учит ее извести брата *Ивана-царевича*; его разрывает «охота» *Ивана-царевича* 204.— побежден *Иваном* купеческим сыном, служит у него поваром; оболazzaет его жену *Елену Прекрасную*, изводит с ней *Ивана* купеческого сына; погибает 209
- Змей Змеевич* 163, 205.— погибает от лисы 163.— с женой *Ивана-королевича* пытается извести его; погибает 205.— царь 305.— богатырь см. *Тугарин Змеевич*
- Змиулан* царь, обманутой лисой, прячется в дупло; погибает 164
- Зорька* богатырь: с братьями едет на по-нски похищенных королевен; с *Вечоркой* уходит на охоту; домовничает; забивает бороду старика с ногтей в столб; по лыковой веревке спускается под землю; побеждает трех-, шести- и двенадцати-главого змея; в подземелье находит трех царевен; женится, делается наследником 140
- Зубово* 94
- Иван*, *Иванушка* 118, 196, 203, 244, 245, 259, 260, 261, 262, 328, 388, 509, 518, 556, 579.— проспорила деньги; лишается руки; подслушивает разговор нечистых; вылечивает руку, богатеет 118.— делается царем 196.— убит родной сестрой 244, 245.— превращается в козленочка, баранчика 260, 261, 262.— наказывает жену за обман 518
- Иван Бессчастный* полюбился купеческой дочери, женится; продает ковры за доброе слово; уезжает за море, богатеет 332
- Иван богатырь* 570
- Иван бурлак* напускает на людей мороку 377
- Иван Быкович* пробует силу с братьями; побеждает *Чудо-Юдо* шести-, девяти- и двенадцатиглавое; оборачивается воробышком и летит к змеиной матери; спасает братьев от мести жен *Чуда-Юды*; ведьма утаскивает его в подземелье; едет за царицей золотые кудри; с царицей золотые кудри едет к *Чудо-Юдову* отцу; женится на царице золотые кудри; оборачивается голубем, мурашом 137
- Иван Великий* колокольня 471
- Иван вор* 383, 389, 427
- Иван голый* 200
- Иван город* 80
- Иван Горох* побеждает змея, выручает сестру *Василису* золотую косу 560
- Иван гостиный* сын крадет крылышки *Василисы Премудрой*; служит на кухне у царя *Некрещеного* *Лба*, выполняет трудные задачи, женится на *Василисе Премудрой*; служит конюхом у царя *Некрещеного* *Лба* 224
- Иван девкин* сын 136
- Иван дурак*, *дурачок* 179, 238, 239, 242, 395, 396, 400, 430, 564, 566, Д II, 3, 24, 25.— три ночи спит на могиле умершего отца; получает за это *Сивку-бурку*; входит в одно ушко *Сивки-бурки*, в другое выходит, делается молодцом, срывает портрет и ширинку царевны с дома; делается *Иваном-царевичем* 179.— караулит горох; ловит вора; получает чудесную дудочку 238.— загадывает царевне загадки; женится на ней 239.— считает себя богатырем; женится на царской до-

- чери 430.— Запечный см. Ивашка Запечник.— Затрубник похвально найти проправшую царицу; три года пробует свою силу 130
- Иван Квашнин* 317
- Иван Кобылин сын* 137
- Иван Коровий сын см. Буря-богатырь*
- Иван королевич* 123, 205, 563, Д II, 37.— от избытка его сил страдает народ 123.— занимается охотой; добывает для мнимобольной жены волчье, медвежье, львиное молоко и волшебную пыль; поет перед смертью три песни, остается жив 205
- Иван крестьянский сын* 137, 138, 185, 571.— сын нищего старика; разъясняет царский сон; ищет и находит коня себе под силу; побеждает трех-, шести-, девяти- и двенадцатиглавого змеев; оборачивается котом и подслушивает разговор змеих со снохами; теряет, затем находит коня — что ни шерстинка, то серебрянка; женится на царской дочери 138.— царский крестник; растет — как пшеничное тесто на опаре подымается; в десять лет сильномогучий богатырь; отправляется за Настасьей прекрасной королевной; проникает в спальню Настасьи, попадает в тюрьму; спасенный конем богатырским, едет с Настасьей домой; приобретает чудесную клюку и помело; выручает крестного отца от неприятеля; женится на королеве Настасье 185.— купеческий сын 209, 225, 230, 231, 232, 239, 240, 242, 253, 271, 295, 364.— побеждает Змея Горыныча и женится на Елене Прекрасной; за измену убивает жену и женится на служанке 209.— выполняет задачи Чуда-Юда Беззаконного с помощью Василисы Прекрасной; женится на Василисе Прекрасной 225.— покупает за три сотни девицу-красавицу, теряет ее, находит и женится 230, 231.— в поисках за царь-девицей; находит и женится 232.— наказан отцом за нежелание рассказать свой сон; попадает к царевичу; помогает царевичу жениться на Елене Прекрасной 240.— продает царю соль за золото и самоцветные камни 242.— отдан отцом за море учиться птичьему языку; делается Иваном-царевичем 253.— три ночи проводит во дворце и этим освобождает королевну от злых чар; женится на королеве 271.— избавляет царевну от злого духа; женится на царевне 364.— кухаркин сын 137
- Иван Несчастный* 333, 334.— нянькин сын 137.— Поваренко 139.— полковник 237.— Попялов, побеждает змея, и в царстве наступает день 135.— Сильный 206.— солдатский сын; два брата Ивана солдатские сыновья; один делается Иваном-царевичем, другой женится на царевне; оба погибают от зменной сестры 155.— Сученко 139.— принимает Белого Полянина за меньшого брата; защемляет дедову бороду в расщелину вербового пня; спускается на канате на тот свет; побеждает шести-, девяти- и двенадцатиглавого змеев; вызывает рыжего коня запахом горячей рыжей шерсти; конь выносит его на землю; делается его помощником 139.— Тимофеевич (отец Ильи Муромца) 308
- Иван царевич* 93, 101, 124, 125, 129, 130, 132, 136, 137, 139, 155, 156, 157, 158, 159, 161, 162, 168, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 189, 198, 201, 202, 204, 206, 207, 222, 223, 264, 267, 268, 269, 283, 284, 285, 368, 559, 562.— сроду немой, заговорил с отцом двенадцати лет; просит на житье к старым швеям, к Вертодубу и к Вертогору; живет у солнечной сестрицы; его сестра-ведьма преследует; для решения спора взвешивается с сестрой на весах 93.— выпускает Никанора-богатыря из темницы, делается лакеем, пастухом, поваром; в бою ранен в руку; женится на царевне 124.— освобождает нечаянно мужичка из тюрьмы, подвергается изгнанию из царства; делается царским конюхом на чужбине; Марфа-царевна делает его губернатором; в гостях у мужичка руки железны, делается богатырем; живет пустынноком; снова делается конюхом; попадает в солдаты; побеждает трех-, шести- и девятиглавого змеев; женится на Марфе-царевне 125.— сын царя Бела Белянина; отправляется на поиски матери Настасьи золотой косы; попадает в царства медное, серебряное и золотое; находит мать; побеждает Вихря; делается подмастерьем башмачника; пишет отцу о приключениях; женится на Елене Прекрасной; побеждает трех-, шести- и девятиглавого змеев 129.— отправляется на поиски матери и братьев; берет у купающейся девицы кушачок, спускается в медное, серебряное, золотое и жемчужное царства, находит мать, побеждает Ворона Вороновича; нанимается в работники к старичку; брошенный в чан с кипящим молоком, делается красавцем; женится на царевне золотого царства 130.— борется со зверем Норкой; идет за ним на тот свет, побеждает его; на птице вылетает с того света;

- нанимается к портному, к башмачнику; женится на царевне 132.— отрубает сонному Буре-богатырю ноги; пасет свиней по приказанию своей жены 136.— брат Ивана солдатского сына проглочен львицею (сестрою трех змеев), позднее — львом 155.— отправляется на поиски матери; побеждает Кошю; венчается с освобожденной им невестой, делается наследником 156.— девятисуточный поехал жениться, теряет невесту; встречает ее у Кошю; отправляется за Кошю сестрой; женится на Ненаглядной Красоте 157.— отправляется за невестою; встречается с Булатом-молодцом; увозит Василису Кирбитьевну; отыскивает Кошю сестрой; женится на Василисе Кирбитьевне; убивает детей, чтобы спасти Булата-молодца 158.— выдает замуж трех сестер; женится на Марье Мореевне; освобождает прикованного Кошю; лишается жены; освобождает ее из Кошю плена 159.— воюет с соседними королями; едет посмотреть на Бела Полянина; сражается с войском бабы-яги; попадает в пропасть к бабе-яге, отрубает ей голову; женится на прекрасной королеве; испытывает верность Бела Полянина 161.— освобождает царевну из хрустальной горы; женится на царевне 162.— и жар-птица 168.— и звериное молоко 202, 204.— и царевна сера утица 264.— и царевна-лягушка 267, 268, 269.— и его дети — по колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре 283, 284, 285.— Царенко см. Иван-царевич.— царь (Иванушка) 196, 314
- Иванов* город 542
Иванов день 81
Иванов сын см. Илья
Иваново село 539
Иваны солдатские дети 155
Иваныч родимый 435
Ивашка белая рубашка 233, 575
Ивашко и ведьма 108, 109, 110
Ивашко Запечник 128, 175
Ивашко Медведко вытянул всю воду из озера 141
Идолище 123, 128, 308
Иисус Христос Д I, 1
Ильин день 77
Илька Д II, 27
Илья, *Илюха*, *Илюшенька*, *Илюшка*, *Иванович*, *Муромец* 308, 309, 310, 315, 430, 431
Ирина мягкая перина завлекает юношей 175
Июда 79
- Кавстрийское море* 148
Казань 85, 424
Какофий Д II, 2
Кам река 77
Каныга-Лыга вор 385
Карачарово село 308
Катерина 114
Катома-дядька, дубовая шапка, советник и помощник *Ивана-царевича* 198
Катюша 17, 541
Квашинюк-богатырек 317
Киев 148, 308, 309, 313, 315
Кирбит царь 158
Китай, *Китай-град* 571
Климка-вор 384, 387
Кожемяка см. *Никита Кожемяка*
Козельск 17
Козьма Микитич козел 46
Козьма Скоробогатый, *Кузьенька* 164
Кокот *Кокотович* петух 163
Колтома *Никита* см. *Никита Колтома*
Колтома Тимофей см. *Тимофей Колтома*
Комарово село 86
Кондрат, *Кондратова* изба Д II, 44
Конома река 81
Константин 556
Копрон 556
Корбозёрское озеро 79
Корнило 543
Кот *Котонаевич*, *Котай Иванович*, *Котонайло Иванович*, *Котофей Иванович* 37, 40, 41, 43
Кочет *Кочетович* 163
Кошеляк город 394
Кошю *Бессмертный*, *Кош Бессмертный* 156, 157, 158, 159, 269, 270.— старичок седой, сам с ноготь, борода с локоть 124.— на двенадцати цепях в чулане у *Марьи Моревны* 159
Красота см. *Ненаглядная Красота*
Кривда 116, 117
Крепкий собака 206
Кроволин татарин 317
Крошечка-Хаврошечка 100
Кручина 196
Крым-град 445
Кубенское озеро 77, 79
Кузьма 135.— вор 399
Куликово поле 317
Курлинский-Мурлинский 393
Курухан *Куруханович* 392
Кутерьма см. *Барма-Кутерьма*
Кутузовы села 309
Кухлев город 291
- Ладога* рыба 556
Лазарь 556
Лаота царевна, дочь китайского царя 571
Лая деревня 69

- Лебедь Захарьевна см. Белая Лебедь Захарьевна. Лебедь-птица, красная девица 313.— Страховна 313
 Левон Иванович волк 40
 Легкий собака 206
 Леонтий поп 312
 Лесня богатырь 141
 Лещ 556
 Лизавета Ивановна лиса 40
 Лиса Патрикеевна 12, 82
 Лисафья 37
 Липан Липанович 392
 Лихо 572.— одноглазое 302
 Лихо слепой великан 572
 Логин 556
 Луга кавалер, слуга царя 196
 Лука 17, 424, 556
 Лукпер богатырь 571
 Луна царевна 562
 Лутонюшка, Лутонь, Лутонька, Лутоня 111, 405, 406
 Лыжников 430
 Любим 78
- Магоги 318. См. Гоги
 Макар 17
 Макарий 543.— Макарка 120, 176.— плешивый, косорукий 176.— Счастливый 120
 Макарьевская ярмарка Д II, 42
 Максим семи аршин, половина тела человека, половина медвежья 141
 Маланья царица 164. См. Маланья
 Маланья 399, 424. Маланья (молния) царица грозная 164
 Мальчик с пальчик делается из мизинного пальчика 300
 Мамай безбожный 317
 Марина 79
 Марко Бегун 200
 Марко Богатый 305, 306, 452
 Мартын 191, 519, 556.— вдовый сын 191.— укрощает жену 519
 Мартышка солдат женится на Настасье-королевне 193
 Маруся дочь ведьмы 110.— невеста упыря 363
 Марфа царевна 125, 153.— ее солдат избавляет от нечистой силы 153
 Марфида царевна 252
 Марфуша, Марфутка падчерица, невеста Морозки 95
 Марышко, Паранов сын, слуга Алеши Поповича 312
 Марьюша 541. Марьюшка Д II, 17
 Марья Гавриловна купеческая дочь Д II, 20
- Марья королевна 136, 154, 194.— ее солдат избавляет от нечистой силы 154.— мастерица играть в карты 194.— Моревна выходит замуж за сокола (Ивана-царевича); уезжает на войну; попадает к Кощею; передает Ивану-царевичу чудесный платок Кощея; возвращается к мужу 159.— царевна 101, 159, 201, 213, 259, 264.— падчерица, выходит замуж за Ивана-царевича 101.— спасается с братом Иваном-царевичем от царя-медведя; ее уносит шестиглавый змий; спасена братом 201.— Премудрая, девица-утица, жена стрелка 213.— сера утица 264. См. Маша.
 Матрена. Три Матрены 17
 Матроха вор 386
 Матрюша 17
 Маша, Машка девица 95, 293.— красавица, по прозванию Чернушка 293.— купеческая дочь Д II, 20
 Медведь обращается в молодца-красавца 562
 Мелентьюшка сын Лисы Лисафьи 37
 Месяц помогает старику собрать крупу и за это получает среднюю дочь старика 92
 Мети-Шесток дочь Лисы Лисафьи 38
 Микола, Николай 377, 573.— Дуплянский Д II, 21
 Микулка вор Д II, 34. Микулка Четвертной делается из отрубленного пальчика 300
 Милловора Прекрасная царевна 567
 Мина 556
 Милолика царевна 182
 Михаил поп Д II, 1
 Михайло Иванович, Миша, Мишка медведь 24, 40, 44, 45, 46, 48, 64, 157, 164.— дружит с мужиком 24.— косолапый 40.— просит мужика выпестрить его 48.— собирает сорок сороков черных медведей 164
 Миша Косолапый сын старика 128, 296
 Моголь птица переносит Ивана-царевича к Ненаглядной Красоте 157
 Молния см. Маланья
 Мора смерть Д II, 44
 Моргуново село 86
 Морозка, Мороз 91, 95, 96.— жених 95.— красный нос, дарит девушку приданым 96.— Трескун-богатырь охлаждает баню 219
 Москва каменная, белокаменная 80, 317, 331, 382, 418, 424, 469, 471, 542, 556
 Мурза слуга-невидимка исполняет все желания стрелка 567. См. Урза-Мурза
 Муром 308, 309
 Мьянь гора 568

- Надзей* попов внук 143
Навар 556
Нарва река 80
Настасья золотая коса, ее уносит Вихрь 129.— королева 185, 193.— играет в карты с министром Мартышкой; обманом отбирает кошелек с золотом и карты однозолотные; съедает яблочко, и у ней вырастают рога; ее вылечивает Мартышка; выходит замуж за Мартышку 193.— Прекрасная 155, 224, 230.— дочь царя Некрещеного Лба 224.— дочь королевская; ее покупает Иван купеческий сын; вышивает чудный ковер; выходит замуж за Ивана купеческого сына 230.— царица 564
Наташка бабина дочь 98.— сладенька кулажка 550
Наум крестьянин 118.— вор 388
Невский монастырь Д II, 23
Незнайко, *Незнаюшка* 295, 296, 571.— побивает войско арапского королевича; убивает арапского королевича; женится на королеве 295.— садовник царский; женится на младшей царице; побеждает срацинских рыцарей; прославляется 296
Некрещенный Лоб царь 224
Неман река 346
Ненаглядная Красота царица 157
Ненила 79, 556
Неоцененная Красота царица 183
Несмеяна царица 297
Нестерка 347
Несчастье, в образе панны, дарит бедного деньгами 346.
Неумойка по уговору с чертом не стрижется, не бреется пятнадцать лет; женится на царице 278
Нижний [Новгород] Д I, 3
Никанор богатырь во всем помогает Ивану-царице 124
Никита 464.— Кожемяка побеждает змея 148.— Колтома добывает для царя невесту 199.— Македонский при содействии лисы женится на царице 164
Никола 282.— Дулянский Д II, 22.— чудотворец, спасает вора от погони 451. См. Микола
Никон 79
Никонец с того свету выходец, солдат, обманывает старуху 391.
Никто слуга-неведимка 215
Ничипор 449, 455
Ничто город 215
Новгород 568
Норка зверь в царском зверинце поедает зверей 132
Нужа (нужда) 574
Обжора, заменяя героя, съедает все кушанья 138. См. Обьедайло
Оброкса жена князя Владимира 576
Обь 311
Обьедайло, Обьедало, заменяя героя, съедает все кушанья 137, 144, 219. Ср. Опивайло
Огонь царь 164
Огненный царь 206
Огня-вздувай дочь лисы 38
Одноглазка 100
Ольга царица выходит замуж за орла 159
Омелько 462, 477
Опивайло, *Опивало*, заменяя героя, выпивает все вина 137, 144, 219. Ср. Обьедайло
Орел Орлович 159
Остап 453
Ох искусный учитель 251
Охрим 460
Павел 556.— царица, сын царя Ефимьяна 175
Пан Плещевич учит царицу, как известить Ивана-царицу 207
Пантелей слепой нищий 382
Параха 95
Пафнутьевна 399
Пахом 516, Д II, 9. *Пахомовна* 533
Пеки-пирого, дочь лисы 38
Пенское местность 392
Перебор село 86
Переславское озеро 80
Перша 78, 79, 556
Петр 15, 17, 424.— Дренчик 476.— Осетр 78.— Петрович, попович 544.— царица 129
Петров день 77
Петрушка поповский сын Д II, 25
Петя, *Петя-петушок*, *Петенька* петух 15, 37
Пимен 79
Питер 29, 228, 418, 535, 542, Д II 23
Пленира царица 559
Поддай-челнок дочь лисы 37, 38, 39
Подмети-шесток дочь лисы 37, 39
Покатигорошек убивает змея и выручает сестру и братьев 133, 134.— побеждает с другими богатырями шести-, семи- и девятиглавого змея 134
Полкан богатырь требует младшую дочь китайского царя; Полканово войско 571
Полночь богатырь, Полуночка богатырь 140
Полюша «приукрашенная царица» 171
Поляница Белая см. Ивашка
Поскребышек 9, 13
Последышек 12, 105
Потап приказчик Д II, 39
Початочек 9, 10, 12

- Починочек 13
 Пчужелка дочь Лисафьи 37, 39
 Правда спорт с Кривдой 116
 Прохор 462
 Пуд 481
 Пятница *Временная* см. *Временная Пятница*

 Ребро кучер 380
 Ревель *Д* II, 18
 Ремеша сын лисы 39
 Репка дочь старика и старухи 141
 Рогатица улица 568
 Ромны 453
 Ростов 411, 413, 415
 Ростовское озеро 77, 78, 79, 80, 556
 Русь 11, 74, 128, 139, 140, 142, 156, 157, 158, 160, 215, 222, 228, 267, 268, 317, 325, 433, 578
 Русь-кость 114, 160
 Рушниковка 291

 Савва 79, 556
 Савка *Д* II, 27
 Самон 379
 Саратов 424
 Сарга царь 561
 Сатанаил *Д* I, 1
 Саура слуга-невидимка, может в кармане жить 214
 Свиной Чехол девушка уходит от отца; выходит замуж за царевича 290
 Себеж 309
 Северная пчела *Д* II, 13
 Селиван 556
 Сельдь переславская 556
 Семен Ерофеев солдат 272.— малый юноша, солдат, скорый гонец умеет превращаться в оленя, в зайца и в птичку; женится на Марье-царевне 259.— Тупик 317
 Семьионы см. Симеоны
 Сенька Малый вор 390
 Сергей 78
 Середышек 9, 10, 12
 Серка собака 26
 Сиаса дочь китайского царя 571
 Сибирь 76, 115, 376, 395, *Д* II, 12
 Сиз 556
 Сидор 17.— Карпович 533
 Сизма река 81
 Сила царевич 575
 Симеоны семь братьев, искусные люди 145, 146, 147, 561.— одобрюшники 146.— добывают для царя невесту 145, 146, 147, 561
 Сквородное село 392
 Славенка река 81
 Смерть 349

 Смета дочь богатырская 578
 Смоленская божиа мать 115
 Смольный монастырь *Д* II, 23
 Смородинка, Смородина река 308
 Снегурушка заблудилась в лесу, ее спасает лиса 34
 Снежевиночка 246.— на ее могиле вырастает камыш 246
 Сокол Соколович 159. Ясен Сокол 314
 Солнце, Солнышко 91, 92.— хочет испечь человека 91.— уносит дочь старика 92. Солнцева сестра дает Ивану-царевичу в дорогу щетку, гребенку и два молодявых яблочка 93
 Соловей разбойник 308, 309, 310
 Соломон 565, *Д* I, 1
 Солоха 460
 Сом с большим усом, понятой 556
 Сонька богатырка спит крепким сном 177
 Сосна богатырь бьет бабу-ягу; попадает в подземное царство; обращается в булавку; убивает бабу-ягу, женится на ее дочери 142
 Спиря 79
 Степан 455
 Студенец старик охлаждает баню 138
 Судьбина в море разбирает, что дороже: золото, серебро или медь 332
 Сумин город 392
 Сученко Иван см. Иван Сученко
 Счастье бедного брата спит под кустом 304.— в виде панны одаривает бедняка деньгами 346

 Таня 398
 Тарабанов отставной солдат, странствует 214
 Тарас 424
 Терebenь кабацкая пьяница учит царских советников, как извести стрелка 213
 Терентий тетерев 31
 Терентьюшка сын Лисафьи 37
 Тереха Гладкий *Д* II, 21
 Терешечка садит в печь дочь ведьмы; просит гусей донести его к отцу, к матери 112
 Тимофей Колтома, Тимоша 199
 Тимошка Кавардак, Тима пьяница *Д* II, 20
 Триглазка 100
 Троицын день 121
 Трос река 77
 Трубу-закрывавай дочь лисы 38
 Труда королева 575
 Трунчинский митрополит 16
 Тугарин-Змеевич богатырь, летает по поднебесью; погибает от Алеши Поповича 312

- Тюша 17
 Тяжелый собака 206
 Урюмища «старша» (старик учитель) уни-
 мает Василия Буслаевича 311
 Удача дочь богатырская 578
 Урза-Мурза слуга-невидимка 212
 Устин 78
 Устинья поповская дочь 519
 Сыния богатырь ловит усом рыбу 141.—
 запрудил реку, а по его усю, словно по
 мосту, пешеходы идут 142
 Фадиев двор 37
 Феврония см. Хивря
 Федор 203, 242, 250, 257.— превращается
 в сокола, в собаку, в жеребца, в ерша,
 в перстень, в жемчуг, в ястреба 250.—
 крадет мальчика, через него богатеет;
 в наказание превращен в собаку 257.—
 королевич 563.— Тугарин 95.— освобожд-
 ает змея из плена, лишается жены, уби-
 вает змея, освобождает жену Анастасию
 Прекрасную 95.— царевич 174, 175.—
 Лыжников, богатырь 430
 Федот стрелец-молодец 212
 Фетинья старуха влюбляется в приказчи-
 ка; зажаривает для него чудесную уточ-
 ку; наказана мужем 196
 Филипп 556. см. Чуфиль-Филюшка
 Филька Д II, 27. Филя Д II, 43
 Финист, Фифилист ясный сокол превраща-
 ется в молодца 234, 235
 Флор 542
 Фока, см. Хвока
 Фома, Фомка Беренников богатырь 431,
 432
 Фомка, Фома, Фомушка 349, 398, 399,
 410, 411, Д II, 44.— слуга 349.— шут
 398.— вор 399
 Фролка-сидень («сидня») побивает змеев
 пяти-, семи- и двенадцатиглавого, осво-
 бождает царевен 131
 Хавронья, Хаврошечка 100
 Хвалыньск 247
 Хвалыньское море 94, 317
 Хвока 429
 Хивря 475
 Хима, Химка, Химушка жена Фили Д II,
 43
 Хотей царь 575
 Черепенское село 392
 Чернигов-град 308
 Черное море 136
 Чернушка падчерица делается княжной 293
 Чертово озеро Д II, 25
 Чувилыха злая ведьма 112
 Чудо Морское 222
 Чудо-Юдо 136, 137, 225, 313.— морское
 222.— Беззаконный, требует от купца то,
 чего он сам дома не знает 225.— мор-
 ская губа, без рук, без ног, с седой бо-
 родой 313.— мосальская губа 136
 Чудо-Юдова дочка 225
 Чумичка повар царя Некрещеного Лба на-
 говаривает на Ивана гостинного сына 224
 Чурила Пленкович 578
 Чуфиль-Филюшка меньшей брат изжарил
 дочь яги бурой; просит у гусей по пер-
 ышку, делает крылышки и летит домой
 107
 Чучелка дочь Лисафьи 37, 38, 39
 Шабарша батрак, перехитряет чертенка
 151
 Шексна 81
 Шемяка судья, Шемякин суд 319
 Шмат-разум слуга-невидимка 212
 Юдо см. Чудо-Юдо
 Южный ветер 272
 Яга (см. в указателе названий)
 Язь понятой 80
 Ясен Сокол, брат Елены Прекрасной, пре-
 вращается в молодца; шьет в одну ночь
 тулуп 314. Сокол Соколович 159

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТОВ

Ад 435, 524. В аду на короле, на барине возят дрова, навоз 214, 216, 427. В ад попадают скрипач 371, косая баба 436, царь Соломон Д I, 1

Аист 130

Алмаз. Алмазный дворец 129. Алмазные кисти 559

Алтын 556

Амбар 59, 92, 152, 386, 510.— строится в одну ночь 225. Амбары «вычищают» воры 386

Амбарчик-спальничек 541

Амуниция походная 161, 340

Анафема — тот, кто трижды не ударит керженского наставника 383

Ангел спрашивает дурака об его желанин, посылает его к трем мужикам 216.— дает имя ребенку 306.— приносит дураку чудесную дудку Д II, 24. За ангела выдает себя вор, солдат 383, Д II, 30, Ангелы Д I, 2

Апостолы 56, Д I, 1

Арапельник 433

Арапы 129. Арапский королевич 295

Аред 136

Аркан 158

Армия 124, 178

Армяк 408

Архиерей 15, Д II, 4, 7, 9, 10, 19, 24.— мнимый Д II, 28

Ассигнации зашиты в шапке у слепца 382

Атаман 202, 203, 322, 408. В его отрубленную голову влюбляется героння 202

Атлас 130, 136

Баба печет пироги 4, 6.— поет колыбельную песню 109.— снаряжает в дорогу сыновей 144.— родит близнецов 155.— преследует падчерцу 98, 99.— заманивает проезжих своей дочерью 171.— живет у разбойников 340.— продает ментовикам маленку с золой, в которой спрятаны деньги 345.— побита по недоразумению глухим мужем 515.— ворожит о пропавшей холстине 381.— загадывает солдатам загадку 393.— бойкая, в роли головы 444.— глупая, одурочена солдатом 502, 503, 505, 506.— попадает в яму и гибнет Д II, 24.— обманывает попа Д II, 17.— наученная нечистым, ста-

вит свечи и Егорию и Змею 524.— покупает икону Временной Пятницы 523.— злая, от нее страдает и черт в аду 433, 434, 435, 436, 437.— косая, длинная, черная, на ней женится молодец и страдает 436.— чаровница, под видом торговки проникает к царевне и губит ее 210, 211.— хозяйка двенадцати кобылиц 160. При упоминании бабы бесенок прячется 435. В виде бабы с пальцами — переодетый казак 399. Баба-вдова кормит молодца 171. См. Баба, Бабушка, Бабы, Жена-доказчица, Жена злая, Старуха

Бабка помогает деду тянуть из земли репу 89.— повивальная 9.— ворожейка 379, 380.— бельматка 17.— голубая шапка, покровительница, советница героя 314, 576. См. Баба

Бабушка см. Старуха. Бабушка-задворенка 157, 175, 207.— дает советы царю Бархату 316

Бабы пекут блины 1, 108.— в поле на работе 12, 59.— бьют волка 4, 10.— преследуют лису 16.— преследуют медведя, унесшего ребенка 59.— бросают горшки с пищей и ловят дятла 66.— выпускают из солдатского ранца чертей 153.— откармливают кобеля Д II, 10.— Над бабами куражатся мужья 398. См. Баба

Бадья с медом Д II, 21

Базар 129, 163, 382, 383, 390, 395, 401, 421, 429, 497, 500, 521, 551, 556

Байка про старину 428

Бал, балы у короля, у царя 126, 179, 267. См. Пир

Балаган на ярмарке 523

Балагта (лягушка) 83

Балалайка трехалтынная 176. См. Музыка

Балахон 79

Балкон 156.— место наблюдения окрестностей 75, 161, 198.— место беседы царя с Добрыней 430

Баловень убивает молодца-удальца 171

Баня для гостя 92, 105, 171, 215, 310, 317, 321, 380, 562.— перед смертью героя 202, 204, 207.— место лечения 18, 319.— топится три месяца 137.— железная 125.— чугунная 125, 144.— раскаляется, чтобы погубить героя 125, 137,

- 138, 144, 219.— в женском монастыре, в ней обнаруживается монах *Д* II, 23. *Баню* охлаждает старичок Мороз Трескун 137, 144, 219. *Баню* топит девушка для яги 102, месяц — для тестя 92, слуги — для барина 383. В *бане* обнаруживаются улики на теле 136, 141, 314, 316. В *бане* моют девушку по приказанию яги 103. В *бане* герою наказывает обманщицу или обидчика металлическими прутьями или нагайкой 171, 192, 193, 497. Когда в *баню* богатырь сходит, силы у него убудут 207. *Банюшка* в поле 537
- Барабан* у таракана 75. *Барабанный бой* при торжественной встрече 136, 145, 157, 176, 185.— на смотре 75.— в походе 197.— при тревоге 178. См. Музыка
- Баран* 398, 409.— живет вместе с козлом 45, 46.— с котом 38, 40, 44.— названный брат кота; добывает с козлом огонь; испытывает крепость своего лба 45.— одурчивает волка 56, 555.— самый большой в стаде 133.— наилучший, зажаренный 140.— однобокий, живет в лесу 63, 64, 65.— превращенный герой 261. *Бараний лоб* 56.— пузырь 114. *Бараньи ножки* 137. *Баранья шуба* 95. *Двенадцать баранов* 133. *Барашек*, его воруют 8, 384.— идет на шубу 63. *Бараны* 384. *Баранина* 140, 377, *Д* II, 25
- Баре* 37.— умеют кривить душой 121
- Барин* 115, 118, 125, 417, 427, 435, 441, 442, 497, *Д* II, 12, 17, 33, 34.— заказывает портному сшить шубу 63.— женится на Хаврошечке, поднесшей ему яблочко 100.— женится на подруге его сестры 114.— выдает себя царю за избавителя царевны 125.— скупой *Д* II, 33.— глупый и ревнивый *Д* II, 40.— везет горшению на себе, чтобы не платить денег за горшок 324.— парится в бане, вор уносит его сапоги 383.— призывает знахаря, колдунью, чтобы найти похитителя жемчуга, жеребца 379, 380, 381.— вор 188.— вызывает вора на трудные кражи 383, 384, 385, 387.— нанимает мужика жить за долг три года *Д* II, 35.— одурочен мужиком, дураком 391, 395, 396, 399, 400, *Д* II, 35.— слепой прозревает, когда жена совершает «грех» с подьячим *Д* II, 41. *Барин*ом по милости чудесного дерева становится старик 76. Барство, Барщина, Барыня
- Барство* 76. См. Барин
- Бархат* 127, 129, 130, 336, 559. *Бархатом* обит корабль 170. Кусок *бархата* купец несет царю в подарок 230
- Барщина* 146. См. Барин
- Барыня* 63, 102, 267, 391, 417, *Д* II, 41. Ее крадет вор Климка 387.— одурочена мужиком 391, офицером *Д* II, 40. *Барыней* делается старуха 76. См. Барин
- Барыш* 123, 165, 167, 447, 556
- Баса* (красота, щегольство) 312, 317
- Басурманы, бусурманы.* Царевич басурманский, войска басурманские, сила басурманская 308, 578
- Батист* 559
- Батог* 400
- Батрак* силач, нанят купцом за шелчок в год, приводит на двор медведя, шелчком убивает быка, медведя, купца 150.— получает от чертенка шапку денег 151.— избавляет царевну от змен 192.— удалой 429.— живет у попа 399, *Д* II 1, 18, 25.— под видом Николы Дуплянского обманывает попадью *Д* II, 22.
- Батраки* 435. См. Казак
- Батька, батюшка* (священник) 115, 143, 150, *Д* II, 10
- Бахарь* см. Кот
- Бахилы* 317
- Башмаки* 114.— необыкновенной работы 129, 130, 156, 559.— металлические для трудного пути 234, 235, 268. По *башмаку* находят невесту 240, 290, 292, 293, 294
- Башмачник* 129, 132, 559
- Башня* 158, 233
- Баюн* см. Кот
- Беглецы* 160
- Бегство* 105, 202. См. Погоня
- Бедность* 4, 75, 140, 163, 314, 333, 382
- Бедняга* 91, 123, 379.— плачет от неумения разрешить задачу 327
- Бедняк* 167, 560, 562
- Бедро, бедра* 38.— конские 137, 387.— крутые 129, 136, 160, 317
- Безбожник* *Д* II, 10
- Безрукий* — безногий 138, 317 — у яги помогает героине 103
- Белорыбица* *Д* II, 6
- Белка* 428.— отправляется на богомолье 29
- Белужина* 124, 191
- Белье* 75, 95, 104, 137
- Бельмы* 149, 382
- Белянки* грибные дворянки 90
- Бердо* 104, 161
- Берез* далекий 167.— крутой 27, 37.— реки Смородины 137.— морской, на него сползаются все раки 169.— сухой 328. *Берега* кисельные 113, 130, 425. Кисельными *берегами* оборачиваются кони 219.— Волги-реки 80
- Береза* белая 52.— в пуху (в инее) 95.— одинокая в степи 317.— у яги помогает

- героине 103. Вблизи ее животворящий крест 121. На ней герой укрывается 123, 317 — говорящая, из нее освобождается заколдованная царевна 275. В ее дуле котел с золотом 402. *Березками* войско запруживает реку и по ним переходит на другую сторону 432. *Березонька* 553. См. Береста
- Беременность* чудесная 133, 134, 136, 137, 139, 143, 155, 167
- Береста, берестечко* при добывании огня 45. См. Береза
- Берлога* змеява 148, 160.— медвежья 7, 150, 152, 375
- Бес, бесы* 78, 115, 119, 150.— долгий 16.— мучитель 115, 153, 435.— помогает герою разбогатеть 435.— является по ночам к вдове в образе ее мужа 373. *Бесенок* 151, 152.— хромой 119. См. Черти
- Беседа-пированье* 42, 95, 183, 311, Д II, 14. См. Веселье, Вечеринка, Гульба, Пир
- Беседка, беседки* на мосту 137.— золотая на море 212
- Бечева* 155. На ней герой вытаскивает из ямы чертенка 433. *Бечевою* мужик связывает в бане больного барина 497
- Билет* (паспорт) 349
- Бирюк* 1, 24, 27, 28, 53, 54, 62.— вытаскивает героя из тины 418.— попадает в хомут, везет старика с работником 429. См. Волк
- Битва* см. Бой
- Битый* небитого везет 1, 2, 4
- Благовест* 313
- Благословение, благословеннице* родительское 80, 104, 129, 140, 144, 155, 156, 157, 168, 173, 267, 308, 312, 559, 562, Д II, 37. В благословении отказывает бабушка внуку-вору 386
- Блесточка* потухшая, по ней герой узнает свою невесту 224
- Близнецы* 155, 184.— однобрюшники 146
- Блин, блины* 1, 17, 54, 68, 79, 108, 163, 542, 548. Их печет жена наперекор мужу 433, 434. Ими кормит, по совету вещего дуба, молодая жена старого мужа 446. Ими старик затykaет рты гостям 446.— падают из чудного жернова 188.— крышка лесной избушки 97.— на поминках 96, 112
- Блинник* (клоп) 85
- Блоки* для спуска с горы 129
- Блоха-попрыгуха, попрыдуха* 82.— рубашная 176.— серая, уносит упарившуюся вошку в передбанок 537
- Блюдо, блюдечко* с рыбой 79, 136, 146.— со старыми щами 95.— с киселем, с раз-
- ными ествами 400, 407.— для ягод 101.— полное серебра и золота 156, Д II, 36.— наполненное драгоценными камнями 336.— серебряное с двумя яблочками 141.— с золотым яичком 234, 235. На блюдечке являются города, поля, леса, моря 244, 569. На блюде держат невесту-лягушку во время венчания 267
- Боб* вырос до неба 21.— железный 134.
- Бобинка* 20. *Бобовое зернышко* 69
- Бобры* 79, 123
- Бобыль* 396
- Богатство* 95, 116, 122, 134, 139, 147, 163, 164, 167, 332.— невиданное и неслыханное 129.— достается от воров работнику 429.— обещает герою чертенком 435
- Богатырка* см. Богатырь-девица
- Богатырь* просыпается от упавшей ему на щеку слезы; побеждает многоглавого змея 155.— девятисуточный 157.— мертвый наделяет героя конем и оружием 176, 206.— у яги 310.— святорусский 308.— китайский 431.— слепой 198. *Богатыри* 178.— сильно-могучие 155, 175, 206, 211, 315, 317.— сыновья вдовы, родившиеся все в одну ночь 139.— близнецы, солдатские сыновья 155.— защитники города от змея 134.— сражаются против Идолица 123.— бьются друг с другом 167.— побеждают вражье войско 161, 432.— сватаются 157.— выходят из золотого кольца 190.— с тоски убиваются о камни 211.— комические 430, 431, 432. *Богатыри* — три, шесть, двенадцать 578. *Шесть богатырей* — их посылает китайский король на царя прусского 431. *Двенадцать богатырей* 578.— поднимают вилами ресницы героя 137. *Могучим богатырем* становится тот, кто изопьет сильной воды. 129. См. Алеша Попович, Белый Полянин, Беренников, Буря, Вернигора, Вернидуб, Горник, Горошник, Горыня (Горынюшка), Добрыня Никитич, Дугиня, Зорька, Иван Быкович, Иван крестьянский сын, Иван кухаркин сын, Иван солдатский сын, Иван Горох, Ивашко Медведко, Лыжников, Надзей, Никанор, Покатигорошек, Сосна, Тугарин Змеевич, Усыня
- Богатырь-девица* 136, 159, 160, 198, 199, 200, 202, 578
- Богач* 95, 435.— высылает бедного брата с пира 119. *Богачи* 182, 435, 556
- Боги*. Старуха велит старику просить дерево, чтобы оно сделало их богами 76
- Божатка* 542
- Бой* богатырский 167, 296.— Ивана Быковича с Чудом-Юдом 137.— Ивана сол-

- датского сына с двенадцатиглавым змеем 155.— смертный братев-великанов из-за наследства 185.— между птицами и зверями 220, 221, 224.— между невесткой и золовками 424. *Бой барабанный см. Барабан*
- Болезнь купеческой дочери* 127.— старухи 379.— Кошея 156.— медвежья 45
- Болого* 177, 313, 327.— с черятами 173.— с лягушками, в него падает стрела героя 268
- Борода* от Киева до моря Кавстрийского 148
- Борона* 225
- Бочка* 310. В бочке пускают по морю изрубленного царевича 163.— дурака с царевной 165, 166, 167.— мать с сыном 283, 284, 285, 286, Д II, 37.— ребенка 305.— деньги (долг) 450. Из бочки выскакивает рода солдат 197. *Бочку* покатить — дворец является 270. *Бочка* с серебром и золотом 216
- Боярин* призывает ворожейку 379.— хочет быть воеводой, гибнет в реке 387
- Бояре* 79, 80, 155, 167, 175, 179, 315, 317, 323, 325, 334, 435, 437, 542.— по жалобе курицы допрашивают петуха, орешно, коз и пр. 68.— окружают старуху-царицу 75.— отгадывают царский сон 138. *Большими боярами*, ими становятся братья Симеона-вора 145.— королевские советники 101, 123, 136, 140, 146, 216, 561.— возят дрова в пекло 216. *Боярские дворы, хоромы* 142, 436. *Боярство* 325
- Боярыня* страдает от нечистого 435. *Боярыни придворные* 168, 560
- Брага* 379, 543, 552
- Брама* (ворота) 126
- Брат* обращается в орла 224.— старший в роли советника 217. См. *Братья*
- Братия* нищенская 310
- Братоубийство* 244, 245
- Братья бедный и богатый* 195.— умные, покупают на базаре быков 216.— два близнеца, солдатские сыновья 155. *Три брата*, младший (дурак) совершает подвиги, счастлив 124, 126, 128, 129, 130, 132, 134, 135, 136, 137, 139, 140, 144, 156, 165, 166, 168, 171, 172, 173, 174, 175, 184, 216, 296.— получает в награду райскую лудочку Д II, 24. *Семь братьев искусников* 145. *Сорок братьев*, выведенных из яиц 105. См. *Брат, Дурак*
- Бревна* 179.— в одну ночь сложены в кучи 224
- Бриллиант* рождается из слез 336
- Бритва* Д II, 29, ею бреет солдат черта, царевну
- Брюханье* (генералы) 576
- Буева* 576
- Булавка*, воткнутая в героя, усыпляет 232, 233, 235. В *булавку* превращен герой 138, 142, 232, 236
- Булочник* с лотком 191
- Бурлак* наводит мороку 375, 377
- Бура* на море — наказание за неправду 217, 450
- Бывальщина* 211
- Бык, бычок*, его выменивает лиса на пирожок 6, 8, 14, 40.— зимует в лесу с бараном, свиньей и другими животными 64.— печеный 214, 425. *Бычок-третьячок* спасает царских детей от медведя 201, 202
- Быль* 343
- Вал* от Киева до Кавстрийского моря 148
- Валек* 11
- Вандыш* (рыбка) 80
- Варка* (загон для скота) 219
- Ватрушка* 18
- Вдова* 41, 98, 104, 171, 386, 404.— честная 77, 86;— бедная мать сильномогучих богатырей 140.— мать Ваньки Голого 163.— челобитчица 328.— заманивает проезжих молодцов своей дочерью 171
- Ведомость* (сведение, весть) горькая 155, 562
- Ведро* 26, 225, 404, 409, 519.— единица меры 120, 144, 170, 386, 390. *Ведром* волк ловит рыбу 7. *Ведрями* герои носят воду 133, 134, 166. *Ведрями* пьют вино, воду, мед, молоко 124, 125, 129, 130, 159, 170, 560. *Ведра* с водою, по слову дурака, идут куда ему нужно 165, 166
- Ведьма* преследует своего брата 93.— обманутая, убивает своих дочерей 105.— грызет дерево 108.— уносит у женщин детей 108, 109, 110, 112, 558.— пытается довести до ухода княжеских детей — брата и сестру 114.— утаскивает героя в подземелье 137.— обладательница живой воды и молодильных яблоков ворожит несчастье герою; на шестикрылом коне гонится за молодцом-удальцом 171.— превращает героиню в утку 265.— ночью обходит избы и кропит всех, насылая смерть 365.— снимает с себя голову и чешет волосы 366.— хочет обратить солдата в коня 367.— обращается в птицу-коллицу 368.— сгорает в огненном море 114.— с камнем на шее тонет 137.— по оплошности попадает в погреб 176. *Ведьму* после смерти уносят черти к себе 369. См. *Колдунья, Яга*
- Веленья щучье* 165, 166, 167
- Великан* ростом с лесом ровен 173.— пе-

- реносит героя через море 242.— лишается головы 432. *Великаны* дерутся при дележе диковинок 185.— слуги старухи владычицы всех тварей 212.
- Вельможи* 170, 240
- Венец* (обряд венчания) 95, 105, 114, 130, 132, 136, 144, 156, 167, 168, 335, 401.— царский (корона) 560. *Венцы* (церковные, надеваемые на головы жениха и невесты) 560, 564. *Венец* (архитект.) 424
- Веник, венчик* 273, 328.— в нем героиня спасается от яги 114.— позолоченный 157.— говорящий 202
- Вера-правда* (в суде) 125, 153, 157, 168, 175, 309, 340
- Верба, сваленная с неба* 427.— с нацепленными грушами 443
- Вербовый пень* 139
- Верблюды* 164
- Веревка* 23, 26, 44, 48, 55, 63, 97, 124, 149, 150, 165, 169, 343, 382, 384, 387, 402, 423, Д II, 4, 6, 28.— из лыка 140, 149.— из звериных кож 142, 418.— из шкурков вшей 423.— из песка, из пепла, из мякны, из паутины 151, 152, 418, 420, 421, 422, 423.— мешает бегству Верлиоки 301.— поперек ямы с горячей смолой 144.— служит для выхода и вытаскивания героя из подземелья 130, 175, 176, 390, 435, 436, 437.— служит для спуска с неба на землю 420, 423.— служит для связывания 419, 423, 435, 445. *Веревку* герой перебивает пулей 141
- Вересняк* 535
- Веретено, веретене* 22, 99, 102.— вырывается из рук и падает под пол 342, 343.— золотое 174, 234.— из него выходит царевна 267.— оборотень (превращенная героиня) 101, 264
- Верей, верей* 71, 101
- Верста, версты* 129, 131, 136, 137, 141, 142, 143, 154, 158, 168, 308, 317, 324, 376, 403, 486, 560, 561, 562. *Семь верст* 72, 79, 129, 132, 138. *Тридцать верст* 310. *Сорок верст* 382. *Тысяча верст* 144, 147
- Вертепы* 130
- Верша* 78, 79, 556
- Вершки, верхушки* (у растений) 23, 24, 25
- Вершок* (мера длины) 81, 141
- Веселка* 401. См. *весло*
- Веселье* 138, 167, 340.— на свадьбе 40, 78, 146, 155, 165, 403, 560
- Весло* золотое 109, 169. См. *Веселка*
- Весна* 1, 10, 14, 85, 94, 104, 331, 406, Д II, 4
- Вестовой* 122
- Весть* с того света 391
- Весы* 93
- Ветер* 26, 91, 93, 96, 104, 140, 143, 155, 160, 173, 328, 560.— прибывает бочку к берегу 159, 167.— подымается при приближении змея 140, 155, 158.— дует из труб, поставленных на горах Александром Македонским 318. По *ветру* пускают пепел сожженного противника 129, 135, 139, 142, 159. *Ветры* полуденные 123. *Ветер, вихорь* 317
- Ветка* 16, 73, 395. *Веткой* испытывается вода в колоде 198. *Веточки* яблони заслоняют героиню от преследователя 113.— серебряные 100.— с райскими птицами 564
- Ветчина* 103, 342
- Вечеринка* 59, 390. См. *Беседа, Веселье, Гульба, Пир*
- Ваморье* 155, 334, Д II, 30.— место прибытия корабельщиков 217.— место разлуки героя с родителями 219
- Вид* (паспорт) 56
- Визиток* 576
- Вилка* 54, 155.— серебряная, чернеет, когда умирает герой 159
- Вилы* 45, 79, 225, 387, 566.— железные 137, 233
- Вино* трех годовалое 130.— на поминках 258.— славное в реке бежит 313.— смешанное с медом, употребляется для поминки журавлей 419.— смешивается с мукой для собак 388.— награда за разгаданную загадку 522. *Вином* принимают вора 124, 390. См. *Водка*
- Винты*. Перстень о двенадцати *винтах* 566
- Виселица* 124, 129, 144, 147, 314, 315, 336, Д II, 28, 37
- Витязь, витязи* 155, 158, 197, 578
- Вихорь, вихрь* заветный 560.— уносит героиню 129, 130, 140, 160, 317, 559, 560, 561
- Внук, внучка* 34, 70, 89, 95, 136, 141, 143, 386. *Внук* попов Надеей 143.— водяного 151.— сатаны 153.— трех бабок 157
- Вода, водица* идет огонь заливать 60.— гонится по пятам за героем 157.— брызжет из рукавов царских снох во время танцев 267.— возвращает зрение 115, 122.— дает молодость 175, 560.— дает силу 123, 125, 140, 271, 310.— богатырская 578.— живая и мертвая (живущая и целующая) 134, 136, 144, 155, 159, 160, 168, 171, 172, 174, 176, 177, 182, 198, 199, 200, 202, 204, 206, 208, 209, 288, 560, 569, 575.— течет с рук и ног девицы 173.— молодая и живая 175.— сильная и бессильная 129, 130, 132, 137, 139, 140, 142.— живящая и говорящая

- 265.— оживляет героя 265, 281, 288, 289.— змеиная 560.— верная (испытанная) 134.— «настойчивая», словно кровь 136.— на дороге, в ямке от ноги, обращает в животное 261, 262.— святая, уничтожающая нечистых 363. *Воды* появляются, когда царевна-лягушка в танце машет рукой 267.— в реке Смородиной 137.— См. Водовоз, Водолаз, Водопой, Водяной, Волна, Пиво
- Водка, водочка* 130, 154, 158, 176, 271, 376, Д II, 29.— из разных кранов 123.— крепкая, у змея 208.— вину тетка, бежит к реке 313.— заместитель живой воды 123, 125. См. Вино
- Водовоз* присваивает себе честь победы над змеем 155, 204
- Водолаз* 233
- Водопой* 123
- Водяной* 125, 151, 222.— собирает в сундук скот 219. См. Вода
- Воевода* 146, 179, 308, 387, 437.— царский завидует житию Бездольного, старается его извести; через него Бездольный терпит наказание 215. *Воеводиха* 75. *Воеводство* 387, 400
- Вожжи* 7. Ими мужик скручивает обманутого медведя 48
- Воз* 26, 99.— с рыбой 1, 4, 5, 6, 11.— с горшками 67.— с подарками 95, 98.— с дровами, сам накладывается и передвигается по слову дурака 165, 166.— пустой 98.— единица измерения: *воз топор* готовят кузнецы по заказу ведьмы 109, *воз денег* Д II, 38.— его насыпает бедняку мельник в благодарность за помощь 119, *воз лык* берет с собой дурак на караул 124, *воз хлеба* кидает старик себе в рот 137, *воз серебра* — оброк с чертей 150
- Воздух* 138, 144, 151, 168, 559, 560
- Воин* храбрый 161.— неизвестный 317
- Воинство* вражье 123, 161.— из чудесного сундука 221.— звериное и крылатое, борются между собою 221, 224. См. Войско
- Вой* (плач) в доме 122.— народов, испуганных Александром Македонским 318
- Война* грибов 90.— между царями 125, 126, 161.— ведется Кошеем 157.— затевается Марьей Моревной 159.— Александра Македонского с Гогами и Магогами 318
- Войско* 123, 124, 125, 126, 129, 161, 173, 336, 337, 340.— семиглавого Идолища, тьма тьмушая 123.— змея 124.— индийского короля, побиваемое поварешкой Бури-богатыря 136.— несметное, из влязанки дров 144.— великое, побитое Марьей Моревной 159.— вражье, его топчет конь Ивана-царевича 161.— побеждаемое при помощи клюки и помела 185.— бабы-яги, шитое портными, сапожниками 161.— набранное из девиц 173.— басурманское, стоит под Черниговом 308.— богатырское у Александра Македонского 318. *Войскам* делает смотр старуха, сделавшаяся царицей 75. *Счет войска* при помощи камешков, которые бросают вонны к дубам 317. См. воинство
- Вол* 133, 149, Д II, 44.— убегает жить в лес 65. *Двенадцать вол* 133. *Волвь*я шура 149
- Волк* живет в лубяной и ледяной избе с лисой 1, 10, 11, 13.— поддается обманам лисы (ловит хвостом рыбу и пр.) 1, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12.— съедает встреченную свинью 17, 51, 52.— съедает у бедняка чужого мерина 320.— попадает в яму с другими зверями 29, 30.— встречается в лесу Снегурочку 34.— встречается с козобком 36.— испуган в лесу Котофеем Ивановичем 40, 44, 45, 46.— козлом с бараном 46, 554.— съедает у старика скотину и старуху 49, 50.— пожирает у козы козлят 53, 54.— кормит старую неблагодарную собаку; идет в кумовья к свинье и обманут 55.— идет с жалобой на кобылу и барана, терпит от портного 56.— просит корму у бога 555.— бежит от лупленой козы 62.— вламывается в зимовье зверей 63, 64; в терем мухи 82, 83, 84.— собирает для Кузьмы Скоробогатого сорок сороков волков 164.— железный, оживает 202. *Серый волк* покровительствует Ивану-царевичу 168.— благодарное животное 156, 160, 201, 202, 204. *Волк-самоглот*, сын ведьмы, летает, осматривает реки, моря, играет в карты, добывает для дурака гусли-самогуды, проглатывает царя 216. *Волк-оборотень* 168, 251. *Белый волк* над волками князь 45. *Волчище* серое хвостике 82. *Волк Григорий Иванович* 59.— из-за кустов хап 83.— из-за кустов хватыш 84. *Стай волков* — знамение несчастья 317. *Семь волков* 45, 56. *Двенадцать волков* 44, 159. *Семьдесят волков*; *сорок сороков серых волков* 164. *Волчья голова* 44, 46, 554. *Волчиха, волчица* 156, 204.— кривая 161. См. Бирюк
- Волна, волны* на море 147.— при полете жар-птицы 169.— при полете змея 176.— от храпа Норки 132. *Появлением волн* определяется выбор коня 157.— на реке

- при появлении чудища 124, 137. См. Вода
- Волна** (шерсть) 327
- Волнушки** грибы 90
- Волокита** судебная в рыбьем царстве 77
- Волос**, **волосы** 134, 142, 158, 384, 494, 560.— **честные** 382.— **золотые** 315.— под левой мышкой у девицы, тайная примета 336.— **волшебный**, **вплетенный** в косу, причиняет смерть 211. *Три волоска* с головы дедушки из моря 136. *Три волоса* конские прижженные вызывают Сивку-бурку 182
- Волости** 121
- Волхвы** 562
- Волшебницы** три сестры царевны, каждая заключает в яйцо свое царство 132
- Вопрос** предлагает спорящий с волком мужик старой кобыле, собаке и лисе 27.— предлагает Василиса яге 104
- Вор** воробей 221, 224.— лиса 2, 7, 161.— чудная кобылица, похищает сено 105.— чудище, похищает яблоки 124.— богатырь Никанор, делает потраву 124.— Вихорь Вихоревич, похищает самоцветные камни 124.— Кощей, делает потраву 124.— Иван-царевич, ворует жар-птицу, клетку, коня, уздечку 168.— молодец-удалец, похищает у ведьмы живую воду и молодые яблоки 171.— генерал, ворует у девушки перстень и перчатку 337.— учитель, попадает в кадку со смолою 386.— один из братьев Симеонов 145.— похищает царевну 145, 146, 147, 561.— Иван 383.— Климка 384.— Каныга-Лыга 385.— Микулка Д II, 34.— Митроха, «ночной портной» 386.— Климка, сын слуги 387.— Ванька 389.— Барма-Кутерьма 389.— Сенька Малый 390.— женщина Хима Д II, 43.— одурачивает и обкрадывает барыню, барина, попа и др. 391, 395, 396.— солдат, одурачивает старуху, уносит петуха, журавля 392, 393, 394. *Ворье* мужик вороватый 399, 451, 452. *Воры* Наум, Антон и Влас 388.— похищают мясо из амбара 152.— возвращают украденный перстень 381.— делят добычу в церквях 452. *Воровское* поверье 265
- Воробей** служит послом у орла 74.— защищает жихарьку от яги 106.— вор 221 (ср. Вор).— **челобитчик** 224.— поедает зерно у мужика 224.— ведет войну с мышью 220, 221, 224.— дарит крестьянскому сыну чудесную рубашку 209.— тридцать лет дружит с мышью 220.— оборачивается человеком 209.— колет дрова 537. *Воробьем* оборачивается Иван Быкович 137. *Воробьями* лиса или волк набивают пустую лошадиную шкуру 4, 6
- Ворог** см. Враг
- Ворожба** медведя на желудях, на костях 46
- Ворожейка**, **ворожея** старуха-плутовка 379, 380, 381
- Ворон** 129, 131, 138, 143, 379.— **женх** 92, 130, 159, 295.— **благодарная** птица 156, 191, 233.— предупреждает об опасности 135.— ободряет героя в несчастии 204.— нападает на kota, несущего во рту драгоценное кольцо 191.— приносит живую и мертвую воду 134, 136, 168, 204, 209.— уносит у мужика шапку с деньгами 345.— **горный**, сидит на воротах и каркает 378.— **черный**, на плече Чуда-Юда 137. *Вороны* слетаются на мертвое тело 209, 321. *Вороны* с железными клювами уносят в лошадиной шкуре спящего героя на золотую гору 243. *Тридцать три ворона* с железными носами 295. См. Ворона, Вороненок, Воронье
- Ворона** 30, 78, 136, 295.— ловит рака 73.— на суде у орла 74.— **благодарная** птица 156.— жареная подается к барскому обеду 380. *Вороны* налетают на пададь 322.— каркают над потчующим их дураком 400, 401. *Воронье* (воронье мясо) 322. См. Ворониха
- Вороненок**, **воронята** 136, 156, 168, 191
- Ворониха** говорит человеческим голосом, благодарная птица 156. См. Ворона
- Воронко** (конь вороной масти) 157, 179
- Воронье** (стая воронов) собирает кости изрубленного героя 175
- Ворота** место беседы животных 1, 30.— место ожидания, встречи, наблюдения 96, 98, 100, 126, 136, 328.— место казни 101, 123, 124, 141, 308.— из человеческих ног, рук и рта с острыми зубами 104.— из огромных столбов со страшными львами 131.— с прикованными змеями 129.— с пучком сена 331.— с водяными чертями и пушками 562.— с чудесным образом 115.— скрипят с горы 70, 71.— пропускают девочку с ведьминою двора 103.— открываются и закрываются по слову яги 104, под натиском богатырской силы 131, от удара рогов барана, козла 45.— боярские войти — широкие, выйти — узкие 80.— у царя индийского 136.— у царя себестского 309.— у Кощей 157, 158.— у морского чудовища 562.— у бабы-яги, у них железный столб 105.— градские, город-

- ские 196, 560, 562, 578.— царства небесного *Д* I, 1
- Воск* выступает на теле от жару 4.— собирает Никола 451.— ярый 154, 339. Из *воска* пчелы лепят церковь в одну ночь 225. *Воцаная* лошадка 146. *Вошиной* лисица облепивает волка 4
- Вотчина* 80, 115, 324, 556
- Вошь* поползуха 82.— упаривается в бане, ей помогает блошка 537. *Вши* заводятся у героя от худобы 423. *Вшей* «ищет» по просьбе героя девица или мать 123, 134, 171
- Вщаночка*, *вощина* см. *Воск*
- Враг* 16, 47, 115, 123, 155, 161, 317, 320, 554. *Ворогуша* 16.
- Всадники* — белый, красный, черный 104
- Вселенная* 123, 129
- Встреча* 7, 27, 75, 91, 105, 116, 118, 144, 147, 155, 156, 173, 559
- Выкуп* с золотой рыбки 75.— за пленного царя 338.— за украденную барыню 387
- Вьяма* 53, 54
- Вынос* покойника 363, *Д* II, 10
- Вырост* (возмужание) 108
- Вьюн* пишет список с судного дела 80
- Вьюноша* см. *Юноша*
- Вышничек* багровый 315
- Гад* клохчет в море, его усмиряет Иван коровий сын 136. *Гады* ползут из чрева королевны 575
- Гадание* о победе по птицам и зверям 317
- Газеты*, по ним проверяют сведения, сообщаемые Симеоном-братом 145
- Гайдамак* меняет чудесную торбу на гусли 216
- Гарьюс*, хариус рыба 79
- Гвозди*. Острыми *гвоздями* утыкается вся сбруя конская 226. *Двенадцать* больших *гвоздей* заказывает по совету жены Иван гостинный сын 224. *Гвоздь* 576
- Гвоздика* 225
- Генерал* странствует с солдатом 214.— сватает невесту (свою жену) купеческому сыну *Д* II, 36. *Генералы* 576
- Глаза*, вырезанные прирастают 127, 206.— поповы завистливы *Д* II, 4. *Глаз* левый у игуменьи вышибает крестом монах *Д* II, 23
- Глушцы* (народы, селения, отдельные лица) 405, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417
- Гнездо* Зиланта железное на двенадцати дубах, на двенадцати цепях 578
- Гнус* (мыши, мысы) 218
- Головь* 78, 80
- Голова*. В *голову* разбойника влюбляется девушка 202. *Голову* с себя снимает ведьма и чешет волосы 366. *Голова* золотая плавает в озере, от взгляда на нее беременеют 137.— отрубленная срастается с телом по приказанию героя 136.— отрубленную *голову* Тугарина подкидывает и ловит Алеша Попович 312
- Головы* рогатые чертей поднимаются на зов дурака 216.—человечьи, лошадинные, висят на изгороди, на тычинках 99, 105, 225, 575. См. *Черепа*
- Голос* зычный 216, 224.—тоненький, его кует для ведьмы кузнец 108, 110
- Голубицы* — девицы-оборотни — три, двенадцать 222, 224. См. *Голубь*, *Горлица*, *Девица*
- Голубь*, *голуби*, *голубки*, сделанные из теста и оживающие или вылетающие из пирога, напоминают герою о жене 219, 222, 223, 224, 225. В *голубок* превращаются девицы 136, 158, 220, 236. См. *Голубицы*. *Горлица*. В *голубя* обращается молодец 249. *Голуби* покровители падчерицы 293. *Голубей* поедает трехглавый змей 226
- Голяшка* собачья, на ней избушка 215
- Гонцы* посланы царем за чудесным музыкантом 230
- Гора* хрустальная, в ней заключена царевна 162.—недоступная, на ней слышен стук и гром, привлекающие внимание царевича 178.— оборотень (гребенка, мыло) 224, 225.— из соли 242.— золотая 243. *Гору* несет богатырь 141. *Горы* хрустальные, среди них пасутся кобылицы 170.—сходящиеся и расходящиеся 204. В *горах* заключены Гоги и Магоги 318
- Горбыль* требует героя в море 332
- Горлица*, *горлинка* оборотень (жена стрельца) 212. См. *Голубицы*, *Голубь*
- Город* *Д* II, 23, 37, 42.— знатный, столичный, славный 214, 230.— Ничто 215.—пуст 547. *Три города* — золотой, серебряный, медный 220.
- Горох*, его воровски поедает кривой великан Верлюка — 301. *Горошина* чудесная, от которой родится герой 133, 134. *Горошина* выросла до неба 420. *Горошину* поедает курица 20
- Горшениа* отгадывает царскую загадку 324
- Горшок* с цветами 363
- Господь* *Д* I, 1, 2, II, 41
- Государство* подсолнечное 554, 555
- Грамотка*, *грамота* 536, 542. См. *Письмо*. Поляна
- Гребенка* волшебная 93, 103, 114, 201, 224, 225
- «*Грех*» с тремя королевнами совершает солдат по наущению черта *Д* II, 28

Грибы, война грибов 90

Гривы золотые у вороных коней 213

Гроб 363, *Д* II, 10, 11.—серебряный с за- мершей королевой висит на дереве 210.—хрустальный на столбах 211.— с железными обручами плывет по морю, в нем великий еретик 575

Гульба 363. См. *Беседа*, *Веселье*, *Вечерин- ка*, *Пир*

Гусак, *гусек*, *гуся* уходит от барина со двора 63.—от зимы лета ищет 64, 497.—волшебный, к нему прилипают не- верная жена и ее любовник 256. *Гуся* получает лиса за курочку 8. *Гуси* спа- сают героя от яги 107, 108, 109, 110, 111.—несут мальчика к яге 113.—не- сят весть из дому козловой жене 277. *Гусочка*, ее получает лиса за скалочку 1

Гусли барановы струночки, на них играют кот да баран 38, Иван-царевич 204, мы- шонок, чтобы обмануть ведьму 93.—са- могуды чудесные, их добывает герой 215, 216, 230, 238.—висят на двенад- цати цепях 216.—игрой на них герой завлекает купеческую дочь-красавицу *Д* II, 37. Под игру *гуслей* пляшет невид- ка 228. На звук *гуслей* приезжает издалика царь-девица 233. См. *Гусляр*, *Музыка*

Гусляр—царица выручает из беды мужа 338

Двенадцать действующих лиц 20, 136, 137, 156, 158, 175, 203, 214, 216, 226, 227, 240, 249, 298, 339

Дверь, *двери* 215.—скрытые 156.—в цар- стве небесное *Д* I, 1

Двор, *дворы* 552, *Д* II, 4.—как город 576.—крытый *Д* II, 1

Дворец 75, 76, 93.—медный, серебряный и золотой 129, 132, 140.—из золотого ларчика 224.—является по слову дура- ка 165, 166, 167.—построен волшеб- ными слугами 216, 225.—от трех ударов прута превращается в каменную гору 216.—исчезает после освобождения из него царевны 271

Девица, *девицы*, *девушки* 541, 542.—ути- цы навязывают себе крылышки 213.— лебедушка плачет 214.—кладут крылыш- ки на печь, угощаются 214.—ищет платье, унесенное добрым молодцем 215.—обращается из плотички с золотым кольцом, из златоперой рыбки; созыва- ет двенадцать работников 216. На ней женится мальчик по воле черта 226.— выручает парня из беды 227, 228.—не- видимкой пляшет; приходит к парню три

года; дарит парню ширинку узорчатую 228.—сидит за золотой решеткой 230.— крылатая волшебница прикована на це- пях, герой из жалости освобождает ее 237.—из зависти убивает подружку 246.—проклятая, попадает к чертям 228, 271.—обращенная в змею, горит на костре 560.—богатырь 578. *Три де- вицы* оборачиваются в голубиц 224. *Две- надцать девушек* оборачиваются в две- надцать колпиц 219.—оборачиваются се- рыми утицами, купаются 220.—закля- тых живут у черта 226.—из них парень должен выбрать себе невесту 227. *Три- надцать девушек* обращаются в голубиц 222. *Тридцать три девицы* родные сест- рицы 215. *Девичье* войско 173. *Девичье царство* 173, 175

Дед едет в ступе с того света под золотой крышей (играет роль змия) 139.—боро- да золотая, волосы серебряные, живет в море 240.—хранитель кладов (масенж- ны дзядок) 126.—седой покупает у царя то, чего он сам не знает 222. *Дедушка* золотая головушка, серебряная бородуш- ка, живет в море 136

Дележ (денег) *Д* II, 11

Денежка (монета) 542, 551

Деньги 579, *Д* II, 2, 4, 7, 12, 14, 15, 25, 30, 33, 38.—меряют мерой для уверения в богатстве 163, 164.—лошадиные экс- ременты 219.—спрятанные в горшке с золой и отданные по назначению вместе с горшком, не пропадают 345, 346. См. *Клад*

Деревня 549. *Д* II, 1, 4

Деревыны 576

Дерево, *деревья* в роли золотой рыбки (исполняют желания) 76.—чудесное, вы- растающее на могиле убитого существа 100, 101.—оборотень 220, 222.—певу- чее 288.—стояростовое 578

Дети. Пять тысяч *малолетних* просят Ни- киту Кожемяку спасти царевну от змея 148. *Детей* Ивана-царевича режут и их кровью мажут обращенного в камень Булата 158. *Дети* необыкновенные, му- дрые или счастливые 217.—малые идут оживлять отца 207. *Дети* по локоть в золоте, во лбу светел месяц и т. п. 279, 280, 283, 284, 285, 286, 287, 289.—ви- дят вещей сон *Д* II, 38. *Семилеток* си- лач 240. *Малолеток* отгадывает сны и понимает птичий язык 241, 247. Все же- лания *мальчика* исполняются 257. *Девоч- ка семилетка* отгадывает загадки и ре- шает трудные задачи 328

Диво дивное, искание его по свету 254, 255, 256

- Дикий человек* с лесом ровен, в руках держит дуб, сторожит царство красной девицы; его усыпляет герой дымом зелья 173.
- Догонщики* преследуют беглецов 220. См. Бегство. Погоня
- Долото, долота* 201, 225.— говорящее 201
Дом коряной и ледяной, там живут волк и лиса 11.— горящий по воле орла, в наказание негостеприимной хозяйке 219.— проваливается сквозь землю в наказание за разбой 347. См. Изба
- Дорога, дорожка* 225.— золотая, в одну ночь появляется 566.— сухая в озере 226
- Дочь, дочери* ягишны, двуглазая и трехглазая 100, 101.— сорок невест 105.— яги-людоедки 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112.— яги, добрая 114, 142.— Соловья-разбойника 308.— султана, проводят по ночи с героем (Балдак) и кладут на него приметы 315.— поповская, ее уносят нечистые 227.— купеческая, выходит замуж за королевича *Д* II, 37.— неряха *Д* II, 45
- Дошан* 176
- Дрозд* лису кормит, поит, вытаскивает из ямы, смешит 30
- Дружины* воинов 578
- Дуб* *Д* II, 10.— место сборища нечистой силы 115.— в пятнадцать, двадцать и двадцать пять обхватов вырывается для пробы силы 130.— волшебный, ударом по нему вызывается корабль 137, 144.— на острове 218.— говорящий, под ним клад 305. Вместо дуба говорит сидящий на нем старик 446. На ветвях дуба укрывается преследуемая героиня 290
- Дубас* (одежда) 430
- Дубинка*. Киданием ее сверху испытываются силы 151.— убивает короля, разбойника, армию 165, 215, 216. См. Костыль, Палица
- Дудка, дудочка* 550.— волшебная вызывает слуг, музыкантов 123, 129.— чудесная, съзывает разбежавшихся зайцев *Д* II, 35.— заставляет всех плясать 199, 238, *Д* II, 24, 26.— из тростника с могилы убитого или убитой, говорящая 244, 245, 246, 569. См. Музыка, Свисток
- Дупло*, в нем прячется и живет гонимая героиня 211
- Дурак* просит женить его 65.— покупает кошку и собаку; получает три бочонка золота за проданную кошку; ходит по городам и оделяет нищую братию золотом; ловит плотичку с золотым кольцом; на том свете встречается с королем; добывает чудесные гусли, торбу, дубинку; утирается чудесным полотенцем; становится королем 216.— набитый совершает ряд нелепостей 400, 402, 403, 418.— видит вещий сон *Д* II, 38.— женится на девке-неряхе *Д* II, 45. См. Братья
- Дух нечистый* 228, 575.— утаскивает царя 130.— мучает царевну 153. Его выпускает солдат из башни 236.— нанимает в работники солдата 275.— в образе молодца 363.— в образе человека уносит мертвого 370. *Дух проклятый*, слуга царь-девицы, заключен в погребке 562. См. Черти
- Душа* убитой обращается в соловья 339
- Дьявол* *Д* II, 28, 29. См. Черти, Нечистый
- Дьякон* *Д* II, 8, 10, 11, 14, 15, 43
- Дьяконица* *Д* II, 14, 27
- Дьячок, дьячки* *Д* II, 10, 11, 12, 43
- Дятел* бросает лисе всех своих детей 32.— кормит выгнанную хозяином собаку 66, 67
- Еж* указывает дорогу героине 113
- Ездок* объезжает неезжаемого жеребца 224
- Езь* (язь)— в роли понятого 80
- Еретик* 575
- Ерш*. Превращение в него 137, 251.— златоперый; женщина, поевши его, понесет плод 137
- Жандармы* привозят царю невесту 127
- Жар* см. Угли
- Жар-птица*, ее добывает герой 168, 169, 170.— оживляет героя, убитого братьями 172.— уносит на себе героя от яги 232
- Жар-цвет*, когда цветет, на море волны бьют; его боятся черти 116
- Желудь* выбивает глаз у Верлюки 301
- Жемчуг* служит кормом для жар-птицы 170. Превращение в него 252.— из слез рождается 289
- Жена, жены* *Д* II, 1, 4, 38.— мудрая достается герою в виде птицы, лягушки или рыбы и помогает мужу в трудных обстоятельствах 212, 213, 214, 215, 216, 219, 220, 222, 223, 224, 225.— достается мужу от старика, кодуна 230, 231.— достается в виде лягушки 267, 268, 269.— змея, побитого героем, пытается мстить за мужа 134, 135, 136, 137, 138.— злая 433, 434, 435, 436, 437, 565.— спорщица 438, 439, 440.— болтливая, доказница 441, 442, 443, 579.— честолюбивая 444.— притворщица, неверная 445, 446, 447, 556, *Д* II,

- 14, 15, 16, 18, 21, 22, 32, 36, 39, 42, 44.— хитрая обманщица *Д* II, 17, 19, 20, 41.— глупая *Д* II, 40.— дурака, обращается в камень и появляется вновь после удара по ней тремя прутиками 216.— выручает мужа от нечистого 229.— сонливая, беспечная; во время сна муж остригает ей голову, обмазывает тестом *Д* II, 43.— ее крадет вор *Д* II, 34. См. Баба
- Женщина* переодетая мужчиной 314, 338.— ударом по спине превращает княгиню в белую уточку 265.— переодетый монах *Д* II, 23. См. Колдунья
- Жердь* длинная, по ней взобрался солдат во дворец 214
- Жеребец* *Д* II, 21.— барский *Д* II, 12.— неезжалый, оборотень 224. *Жеребец* дарит черт молодцу 226. *Жеребцы*, превращенные молодцы 249. См. Конь
- Жернова* чудесные, взятые с неба, доставляют пищу 18, 188
- Животные* благодарные: волк, волчиха 95, 156, 201, 202, 204; ворон, ворона 156, 168, 191, 204, 233, 255; воробей 209; жук 297; журавль 109, 186; заяц 269; змей, змея 233, 248; кот, кошка 103, 190, 191, 216, 566; лев, львица 159, 202, 204, 233; медведь, медведица 157, 201, 202, 204, 268, 269; Моголь-птица 157; мышка 98, 102, 190, 191, 297; орел 158, 209; пташки 132; птица заморская 159; пчелы 95, 159; рак 95, 158, 169, 170, 191; рыбка 292; рыбка золотая 75; селезень 269; собака 103, 158, 190, 191, 201, 566; сокол, соколица 209, 268; сом 297; щука 156, 157, 170, 268; ястреб 157. См. также соответствующих животных
- Жизин* (слепень) 82
- Жилейка* чудесная, сама играет, выговаривает слова 244. См. Музыка
- Жилище* подземное, царь сажает в него детей жить, чтобы спасти их от царя-медведя 201. См. Дворец, Дом, Изба
- Житницы* 222
- Жужелица* 425
- Жук* благодарный, очищает сапожки упавшего в грязь работника 297
- Журавль* 550.— неудачно дружится с лисой 33.— сватается за цаплю 72.— чудесный, награждает героя 186, 187. *Журавлей* ловит мужик на вино с медом; они несут его по воздуху 419
- Загадки* 321, 322.— связанные с женитьбой 136, 198, 219, 220, 239, 240, 272, 291, 294, 296, 327, 328, 331. О похищении своей чести во сне героиня говорит загадкой 172, 176. Царь загадывает загадки («царские загадки») 323, 324, 325, 326, 330, 332, 333, 334. Герой перед смертью говорит загадками 315.— шуточные 329, 477, 522.— солдатские 392, 393, 394. См. Задачи
- Заговенье* репное *Д* II, 27
- Заговор*. Заговоренный конем стрелок бросается в кипяток и остается невредим 169. См. Заклинания.
- Зад* *Д* II, 42, 45.
- Задачи* (поручения) 129, 144, 190, 191, 212, 213, 214, 215, 216, 219, 220, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 240, 291, 292, 293, 313, 314, 327, 329, 570. См. Загадки
- Заклинания* 165, 166, 167, 257, 272, 283. См. Заговор
- Замок* оловянный на крутой горе 270
- Замок* разлетается от удара тремя прутами с яблони 201
- Записка, записочка* 129. См. Письмо
- Заулок* 542
- Заяц, зайка, зайнык* 541, 547.— просится к лисе на телегу; приносит лисе вместо оглобли прутики 7. Зайца прогнала лиса из лубяной избушки; петух помогает ему выгнать лису 14.— попадает в яму 29.— встречается с колобком 36.— бежит послом к лисе 40.— его выгнала из дому коза рухлена 62.— приходит в терем к мухе 82, 83.— благодарное животное 151, 269, 271. В *зайца* превращается герой 259
- Звезда* оборотень 137.— алмазная, ее ставит царевна в лоб герою 564. (см. Тряпица).— золотая ставится в виде знака для опознавания виновника несчастья 315. *Звезды* по бокам чудесного мальчика 279, 280
- Звездочет* 137
- Зелье* сонное 127, 140, 160, 173, 193, 234, 243, 272, 298.— разрывное 295, 321.— ядовитое 206, 233. См. Пойло
- Земля*, ее едят при клятве 4
- Зеркальце* чудесное 123, 210, 211, 237
- Змей* сватается к царской дочери 124, 125, 126.— поедает людей 148, 149, 155, 171, 176, 204, 206.— похищает красавиц 129, 131, 133, 134, 140, 148, 159, 160, 162, 201.— летает к героине против ее воли 192, 200, 310, 359.— летает по любви взаимной 203, 204, 205, 209.— враждебное существо 129, 135, 136, 137, 138, 161, 163, 206, 334.— покровительствует герою, дает советы 128, 208, 233, 237.— оборотень 276.— превращается в веник, помело, ухват 204

- Змея** злобное существо, мстит за убийство змея; у нее пасть от земли до неба; она пролизывает языком железные двери кузницы или является в виде громадной свиньи 134, 135, 136, 137, 138.— спасенная героем, оказывается оборотнем 191, 270.— превращенная девица, горит на костре, говорит человеческим голосом 566.— горит в огне, мужик спасает ее, за это змея награждает его пониманием языка всех животных 248
- Зола** см. Пепел
- Золото** Д II, 10, 11.— аравицкое 296
- Зуб мертвый** 202
- Иголочка** сама вышивает 234. **Иглы** натыканы старшими сестрами на окне младшей сестры, чтобы помешать прилету Финиста Ясна Сокола 234.— На конце иглы смерть Кошечья 269
- Игра** Алеши Поповича — некорыстна: кого возьмет за ручку — ручка прочь 312.— мальчишек выводит из затруднения судью 345.— в жмурки 98
- Игуменья** Д II, 23
- Изба, избушка** (деревянная, снеговая, лубяная и пр.): ее строят и живут в ней звери 9, 10, 12, 13, 14, 37, 53, 64, 65.— чудесная на курьих ножках 97, 113, 114, 136, 137, 141, 172, 173, 204, 212, 215, 225, 232, 269. В ней ночует солдат с царем 340. В ней пируют разбойники 343.— загорается от зажженной пакли, привязанной солдатом к хвосту кошки 522.— покинутая Д II, 38. **Изобка** 176, 225. См. Хатка
- Изварец** 547
- Извозчик, извозчики** 320, 485
- Изгородь**, на ней висят человечьи головы 225
- Изумление** 337
- Иконы, иконы** 97, 114, 341, 364. Д I, 3, Д II, 20, 42. См. Образ
- Икры** свои Иван-царевич отдает на съедение соколу 176
- Имение**, его выигрывает Иван купеческий сын у купца 230. **Именем** награждает царь солдата за умение загадать загадку 322. Царь просит царицу продать имение и выкупить его из неволи 338. **Имение** (имущество) награбленное 429
- Индюшечка**, ее получила лиса за гусочку 1
- Искры** из лошадиных ноздрей сыплются 175
- Иповедь** Д II, 6, 28
- История** 308
- Кабан** 43, 55.— лесной 43.— в золоте и серебре, добывается дурнем 184
- Кадка**, в нее прячется монах Д II, 20
- Казак** (работник) Д II, 1, 14
- Казна** лежит в глубоких подвалах за каменными стенами 216.— золотая, обещана царем за поиски жены 213
- Казнь: расстреливание** 101, 103, 123, 235; ссылака 125; привязывание к хвосту лошади 127, 171, 191, 197, 202; закладывание в каменный столб 191, 204, 289; пускание в бочке или ящике по воде 165, 166, 167, 283, 284, 285, 286, 289; выставление нагишом на съедение насекомым 202, 240; закапывание живьем 215; судом божим 206; отрубание ног 198, 199, 200; повешение 315, 336, 337. См. Наказание
- Калач, калачи** 542. **Калачем** заложена церковь Д II, 27
- Калечище** прохожий, его встречает Илья Муромец в поле 308
- Калиха** переходящая сумка переметная 317
- Калуга** (рыба) 78
- Камень (каменя)** служит помехой герою при добывании невесты 128.— великий, белый, закрывает вход на тот свет 132.— служит для испытания силы богатырской 137. Под камнем жилище бабы-яги 141, 142. Под камнем кладутся убитые змеи или их отрубленные головы 131, 155, 176. К камню прикована царевна, обреченная на съедение змеею 155, 176. **Камни** самоцветные 220, 221, 224.— пожирает борзый конь 124.— выигрывают, заделывают в кирпичи 230. Ими насыпаны бочки, зарытые в помойной яме 23. Ими набит корабль сына купеческого 332. **Камни** драгоценные вынимаются из змеиных голов 334. Три бриллиантовых камушка получает Иван Нечастный от старика 333. В камень обращается герой, героиня 158, 216, 289, 361
- Каморднеры** каются попу в воровстве Д II, 12
- Камка** 336
- Камыш** вырастает на могиле убитой героини 245, 246
- Капкан**, в него попадает бирюк 28. См. Бирюк, Волк
- Капуста** оборотень 224
- Капустник** 542
- Карась** палач 77. Превращение в караса 252
- Карета** Д II, 12.— золотая 213
- Карты** однозолотные, всех обыгрывают 193. В карты играет солдат с чертом 153, 154; волк-самоглот с дураком 216
- Квашня** Д II, 1, 45

- Керженский наставник*, его украл Иван-вор 383
- Кияжал* см. Чинбалище
- Кипяток* см. Молоко кипяченое
- Кирпичи*, в них заделывают самоцветные камни по совету Настасьи Прекрасной 230
- Кисель* 542.— оборотень 219
- Кичига* 11
- Кит-рыба* проглатывает героев 240, 243.— лежит через море как мост, по ней идут и едут 305
- Клад* 231, 579.— в виде огня под печкою чудится по ночам 241.— находит бедный старик при копании могилы для своей старухи 258.— дается за добродетель 259.— закрытый скупцом, не дает ему покоя на том свете 371.— в дупле березы найден дураком 402
- Кладбище* 348, 351, 572. Д II, 10, 11, 43. См. Погост
- Клеймо* ставит герою царевна на лоб 183. См. Печать
- Клещи* чугунные сковорода жена для бездольного 215.— кривые для выпрямления пальцев, пугают черта Д II, 28
- Клин* Д II, 29
- Клоп* блинник см. Блинник
- Клубочек, клубок* указывает дорогу 129, 130, 173, 212, 215, 216, 234, 269.— золотой 128. См. Мячик, Шарик
- Клюка* 541.— чудесная, вражеские войска в плен берет 185
- Ключ, ключи, ключики* Д II, 10.— золотые, медные, серебряные 220, 224.— целебный 115
- Клятва* 4.— на саблях 211
- Кляча* шелудивая, оборотень 226, 578.— сорококопытная 176
- Книга* Д II, 4.— волшебная 273, 275. По ней узнают все, что делается на свете 134, 198, 212, 236, 239, 240, 271, 273.— которую всякий (и неграмотный) прочитать сумеет 154.— старая по ней ворожат Д II, 12 По книгам колдун разгадывает сон Д II, 38. Церковные книги Д II, 12
- Кнут* 578.— волшебный, самобой, обращает человека в лошадь 197. *Кнутом* бьют за долги 158
- Княгиня*, ее превращает женщина в белую уточку 265
- Княжий стол* 225
- Князь Черниговский* 308.— знатный Д II, 12
- Кобель* Д II, 11.— лакает из заповедного царского колодца Д II, 38. См. Собака
- Кобылица* 546.— волшебная, выходит из моря 105.— укрощенная заморышком, дает ему с братьями сорок одного жеребенка 105.— златогривая с двенадцатью жеребятами, ее укрощает дурак тремя прутами 571.— в золоте и серебре, ее ловит дурень 184.— сиво-бурая, златогривая, в заповедных лугах гуляет, а за ней семьдесят семь злых жеребцов бегают 213.— солосья 542.— оборотень 224, 226. На *кобылице* баба-яга каждый день свет облетает 159. *Семьдесят семь кобылиц* царь-девицы поедает людей, их выдает молодцу с помощью своего жеребенка 170. *Кобылячья* голова приходит в избу к падчерице; девица за ней ухаживает и за это получает награду 99
- Коварство*: героиня покидает мужа, похитив его волшебный предмет 190, 191, 192, 193; героиня с помощью служанки подмывает волшебный кошелек у доктора 194; жена, сестра или мать ищет способа погубить героя из любви к другому 202, 203, 204, 205, 206, 207, 209; змея сестра оборачивается то красной девицей и трогает сердце героя, то львицей и глотает его 155
- Ковер, ковры* 214.— чудно вышитый 212, 230, 231.— самолет 192, 197, 237, 240, 267, 272.— волшебный, помогает при колдовстве 236
- Ковш* оборотень 219.— золотой 222, 578
- Когти* железные 129, 192
- Кожа* превращенной героини сжигается 101, 267, 268, 269. Под лошадиной, коровьей или свиной кожей скрывается герой 183, 295. Семь кож воловьих надевает на себя батрак 192. См. Кожух, Шкура.
- Кожух* свиной, под ним скрывается герой, героиня 126, 290, 291. См. Кожа, Чехол свиной
- Коза* небесная о семи глазах 420.— с козлятами 53, 54.— с орехами 60.— лу- пленая, рухлятая 62.— золотая, манит героя за собой, чтобы отвлечь от героини 162.— золоторогая, песни поет, сказки рассказывает 213.— с золотой и серебряной шерстью 184
- Козел* убегает жить в лес 45, 46.— одурачивает волка 55.— дарит герою волшебную дудочку 238.— превращенный брат Аленушки 260, 262.— сопливый, превращенный добрый молодец 277.— находит золото Д II, 15
- Кол* осиновый, вбитый в спину или сердце мертвеца, лишает его способности оживать 350, 352, 366, 577
- Колдун* помогает Ивану добывать потерянного коня 138.— берет сына у родителей в науку и учит оборотничеству 249.

- 250, 251, 252.— умерший оживает 350.— ходит на свадьбы портить молодых 354.— пытается помешать свадьбе 378. Асон покупает сон мужика *Д* II, 38. См. Колдунья, Оборотничество
- Колдунья* подменивает собою царицу, жену 260, 261, 264, 265, 266.— ее уносит черт 369. См. Ведьма, Яга
- Колесница* чудесная с прикованными волками и медведями, топчет пшеницу 272.— невидимка 290.— золотая, летает по воздуху 236
- Колобок* 36
- Колодезь* (криница) волшебный, при ударе мечом вода в нем обращается в кровь 135, 136, 137, 138.— с огненной водой 198.— оборотень 219, 224.— царский, в нем живая вода 569.— царский заповедный *Д* II, 38. Два колодца с мертвой и живой водой в подсолнечном государстве 564
- Колокол* зычный в сто пудов *Д* II, 27
- Колотушка* помогает бить Верлюку 301
- Колпак* железный. *Три колпака* для трудного пути 215, 235
- Колпалца*, колпица птица выносит героя на вольный свет 171. *Колпицы* — превращенные в птиц девицы 130. *Двенадцать колпиц* обращаются в красных девушек 219
- Кольцо* (перстень) медное, серебряное, золотое, в них заключены три царства 128, 129, 176.— указывает дорогу 214.— надеется на палец, обращает в коня 209; усыпляет 210.— волшебное, из него являются слуги 156, 190, 191. Герой получает от красавицы кольцо, по которому он впоследствии узнается ею 132, 139, 158, 181, 231, 291. Примериванием кольца совершается выбор жены 114. По кольцу герой узнает невесту 225. *Кольцо* убеждает в действительности свидания дурака с умершим королем 216. В *кольцо* превращается ерш 251. См. Перстень
- Коляска* дорожная четверней запряжена 214.— невидимка 290
- Комар*, *комары* 566, 578, *Д* II, 27.— долгоногий живет в тереме 82.— пискун живет в кувшине 83.— превратившийся Иван-королевич 286
- Комната* полна мышей да крыс 217. *Комнаты* у черта славно убраны, хитро украшены 227
- Коник* 542
- Конь* вороной, рыжий, серый, сивый 123, 139, 184, 213.— шерсть серебряная 137, 138.— хвост и грива золотые 137.— гривы золотые, хвосты серебряные 213.— во лбу месяц 138.— по бокам звезды 124.— крылатый 171.— о двенадцати крыльях 137.— в богатой сбруе 132.— с бриллиантовой уздечкой 181.— железный 136.— паршивый жеребенок 138.— взят у мужика по указанию старого человека 138.— получен героем за пастыбу кобылиц у яги 159, 160.— добывается у змея 136, 138.— получен от волка 168.— достается в наследство от отца 129, 139, 179, 180, 181, 182, 183, 184.— получен в дар от мужика-лешего 123, 126.— получен в наследство от похороненного богатыря 176, 206. *Три коня* рождены кобылицами от выпитой грязной воды (ополосок), в которой на кухне мыли леща 139. *Конь* до зова хозяина находится в подвале, в подземном царстве, в конюшне, за замками на цепях, в поле, у шатра и т. д. 132, 139, 155, 156, 197, 206.— является по зову, свисту, по заклинанию 123, 136.— является на запаха припаленной шерсти 139, 182.— бежит — земля дрожит, изо рта пламя пышет, из ушей дым столбом валит 123, 136, 139, 175, 179, 180, 182, 183, 564.— летит по поднебесью 198.— испытывается дачей соленой воды 177.— укрощается палицей 177; чугунными поленьями 198.— дает мудрые советы 105.— спотыкаясь под героем, предохраняет его от опасности 136, 137.— помогает герою в бою 123, 129, 136, 137.— мгновенно доставляет героя на гору к змею 129; из подземного царства домой 139.— спасает героя от змеихи, перепрыгивает через ее пасть 138.— срывает с дома крышу, мешая свадьбе ложного жениха 139.— дает герою иной облик, пропускает его через свои уши 139, 179, 180, 182, 183, 184, 564.— рассыпается в серебро, испражняется деньгами 186.— обращается в птичку, в орла, в старика 185; в клячу 209, 226. Волк в виде и в роли коня 123. Опойцы, давленники, утопленники в роли коней на том свете у нечистого 226. См. Жеребец, Кобылица, Конь, Сивка-бурка
- Конюх* указывает герою вешего коня 233
- Копейка*. *Три заработанных копейки* плавают поверх воды, загораются огнем и страшат нечистую силу 217, 218, 297.— плата за ката, за три корабля 218
- Копны* 222
- Копье* долгомерное 296.— получает герой от умершего отца за ночные посещения могилы 563
- Корабельщик* 575.— в чужой земле разложил товар для продажи 216.— по до-

- роге в свое государство отдает дураку три бочонка золота за кошку 216.— на взморье 217
- Корабль, корабли* 123, 125, 217, 230, 237, 242, 243, 247, 575. *Д* II, 36.— чудесные, выходят из дуба после удара в него дубинкой 137.— является после удара топором по дереву 144.— строится в одно мгновение («тяп да ляп») 145.— плавающий под водой 146, 147.— ходящий по воде и по суше 170.— с товарами 216.— задерживается в море Чудом Морским 222.— чудесный самолет, строится в одну ночь 224. *Три корабля* проспорены Правдой 116, 122.— отданы за кота 218. *Тридцать кораблей* царь-девицы 232
- Коренья* выкопаны в одну ночь 224
- Корешок*, наделенный силой оживлять 207
- Корка репная* 546
- Коробочка* чудесная, в ней все есть, что только вздумашь 565
- Корова* *Д* II, 1, 4.— в рогоже 549.— зимует в лесу со зверями 63.— чудесная, помогающая сироте 100, 101. *Коровы* золотые рога и хвосты 124
- Королевич* арапский см. Арапы
- Королева*, королевы на исповеди у «архирея» (солдата) *Д* II, 28.— заколдованная, вся черная 271
- Король* старый, на нем черти дрова возят 214, 216.— китайский 431. *См.* Царь
- Корона* удивительно вышитая ослепленной красавицей 127
- Коса* кривая (оружие бабы-яги) 310
- Косоручка* (безрукая девица) 279
- Костер* 575.— зажженный, около него греется чернец (нечистый) 226. В *костре* горит змея 566. *Костер* пирогов 542
- Кости* чудодейные 201, 202
- Костыль*, киданием его испытывают силу 152. *Ср.* Дубинка
- Кот, котенок, котик* живет с петухом, спасает его от лисы 37, 38, 39.— муж лисы, пугает зверей 40.— в роли певца перед лисицной избой 37.— убегает из дома на житье в лес 44.— учит добывать огонь 45.— живет с воробьем и жихарем 106.— куплен за одну, за три копейки 217, 218.— сибирский, ученый, его продает царевне Семнон-вор 146, 147. Превращение в кота 138. Чудовищный *кот-баюн* (бахарь) сидит на столбе, весь люд побивает, напускает неодолимый сон, рассказывает сказки; усмиряет тремя металлическими прутами 215, 284, 286, 315.— точит когти на царя 215.— благодарное животное 103, 190, 191. *Котки* морские мяукают на яблонях 216. *См.* Кошка
- Котел, котлы* в сорок бочек 272.— с золотом 402, *Д* II, 38.— с серебряными деньгами *Д* II, 38
- Котомка* 552
- Кочан* капусты вырастает до неба 18
- Кочерга* 541
- Кочет, кочеток* вышиб курочке глаз 68.— с золотым гребнем, добытый на небе, преследует похитителя чудесных жерновов 188. *См.* Петух
- Кошва* с сажей *Д* II, 15
- Кошелек* неисчерпаемый, его подменяет Марья-королева с помощью служанки у доктора 194.— самотрес 193, 271. *Кошелечки* 552
- Кошка*.— кормит дурака и устраивает его судьбу 216.— попадает в страну, где не знали кошек 216, 217, 218. *Кошку* кормит собака 59. *Кошку* получает герой за свою службу 566. *Кошечка-судомочка* 50. *См.* Кот
- Кравец* 555. *См.* Портной
- Красавица* с тонкой кожей: видно, как мозжечок из косточки в косточку переливается 146, 147, 158, 313
- Красота* девицы неопианная, несказанная 216, 222, 228
- Кремень* и *огниво* обращаются в гору и реку огненную при погоне 175.— вызывает слуг: орла, щуку, дубинку и пр. 237, 243, 286
- Крест* 229, *Д* II, 20, 28.— снимает с шеи жена и бросается с мужем в прорубь 229.— порука в уплате долга 450.— натальный, им прикрывает «стыд» монах-любownik, проникший к монашкам в баню, и вышибает глаз у игуменьи *Д* II, 23
- Крестины* *Д* II, 23
- Крестник* (Христов) *Д* I, 2
- Крестный* *Д* I, 2
- Крестьянин* выкармливает орла 219
- Криводушный* спорт с Правдой 115
- Криница* см. Колодезь
- Кровать* *Д* II, 4.— волшебная (превращенная жена или дочь змея) при ударе накрест мечом испускает из себя кровь 134, 135, 136, 137, 138.— золотая в хоромах, построенных в одну ночь 566.— с провалом, куда попадают герои 171, 174, 175, 176
- Кровосмещение* 114, 211, 290, 291, 294, 339
- Кровь* лошадиная, ее пьют оводы и слепни из кобылиц 226.— течет из различных предметов (рукавицы, полотенца, платка, ножа), оставленных героем, когда он в опасности 135, 136, 137, 155, 288, 289.— оставленная героем в стакане, в тазу и пр., чернеет 138, 156. *Из*

- земли, орошенной кровью убитого, вырастает сад, цветы 209, 339. От крови, взятой из задней ноги богатырского коня, вырастают деревья, цветы 296. Капля крови из пальца забытой жены, пушенная в пирог, зарождает там голубей, напоминающих мужу о жене 225. Человек, у которого взято немного крови колдуном, умирает; чтобы его оживить, надо влить взятую кровь в рану 354
- Кролик** 12
- Крупа** 548
- Крылатый** Д II, 2, 5
- Крыльцо, крылечко, крылец** 219, 313, 314, 316, 325, 337, 341, 541.— золотое 569.— хрустальное 313.— крутое красное 576.
- Крылья бумажные** у Тугарина 312.— у купающихся волшебных птиц похищаются (см. Купанье).— у превращенной героини сжигаются 264.— золотые и серебряные у Елены Прекрасной и ее прислужницы 237 — золотые у девиц-утиц 213.— пестренькие 224.— цветные 235.— бараньи Д II, 27
- Крыша золотая** у дворца 216
- Крючок рыболовный** закидывается, чтобы поймать мудрую жену 216.
- Кубок** 578
- Кувшин** волк прицепляет себе на хвост 2.— волшебный: пляшет, чтобы отвлечь героя 136. В него попадает головой лиса 48. Из него выходит неизвестный покровитель героя 195
- Кудель** поет соловьем 549
- Кудри** 553
- Кувнец** 108, 110
- Кузница железная**, в ней спасается герой от зменхи 135, 136
- Кукла, куклолка** 542.— чудесная, покровительствует героине, дает советы и спасает от беды 104, 114, 225, 291, 294. Четыре куклы говорят за отсутствующих 225
- Кулебяка** Д II, 25
- Кулек** с жаром (горящими углями) обращается в золото 228.— с березовым поленом (вместо рыбы) Д II, 6
- Кум** Д II, 44. В кумовья загадывают взять того, кто первый встретится на дороге 185, Д I, 2
- Куница** 164
- Купанье девиц** (лебедушек, голубок, колпиц) и похищение крыльев (рубашки, пояса) 130, 213, 214, 219, 220, 222, 223, 224, 237. См. Крылья
- Купец, купцы** 218, Д II, 16, 37, 38.— покупает кошку за шесть бочонков золота 216.— продает котика за золото 217.— покупает на копейку кота 218.— преследует орла на охоте, богатеет, летает на спине выкормленного им орла 224.— обещает дать царю Некрещенному Лбу, чего дома не ведают 224, 225
- Купцы-разносчики** Д II, 24.— проверяют преданность своих жен Д II, 4, 42.
- Купеческий сын** Д II, 36
- Курица, курочка**, ее получила лиса за лапоть 8.— с вышибленным глазом 68.— спасает петушка, подавившегося бобом 69.— снесла яичко пестро, остро, костяно, мудроно 70.— чудесная, несет самоцветные камушки: кто ее голову съест — королем будет, а потроха — тот золотом будет харкать 197
- Куст оборотень** 219, 224.— во граде 547
- Куцаба** см. Палица
- Кучера** Д II, 12
- Кушанья початые** 214
- Лавка** с товарами, ее проигрывает купец 230.— от нее подземный ход к покоям красавицы Д II, 24, 37
- Ладан** в большом количестве добывает герой и зажигает в чистом поле, на берегу реки и пр. 216, 217, Д II, 24
- Лакей** 124, Д II, 12, 17
- Лакомозушки** 351
- Лаповики** Д II, 1
- Лапоть**, за него лиса получает курочку 8.
- Лапти** получает герой от братьев, отправляясь на могилу отца 564.— золотые с серебряными завязками получает дед за гороховые стручки 409
- Лапы дьявола** Д II, 29
- Ларчик медный, серебряный, золотой** 220, 224.— волшебный, в нем город 220. См. Ящик
- Латы** 176.— булатные 296
- Лебедь** оборачивается девушкой 214. В лебедя превращается герой 145, 251, 269, 313
- Лев оборотень** 155, 251.— благодарное животное 159, 202, 204, 233, 295.— царь, ему поднимают глаза вилами, чтобы он мог взглянуть на героя 233. Львы у входа в палаты змея 131; у ворот царь-девицы 172. См. Лывица
- Лембой** 567
- Лента** повязанная усыпляет 211
- Лепешки**. Три лепешки на материнском молоке 283. См. Молоко, Хлеб
- Лес дремучий**, в него превращается гребенка 224; щетка 225.— вырублен в одну ночь 224
- Леший любовник** 97, 374.— сидит в железном столбе, его освобождает королевич 123

- Лещ истец на суде 80.— златоперый, употребленный в пищу, служит причиной беременности 139
- Лиса прикидывается мертвой 1, 4, 5, 6, 10, 11.— крадет рыбу; учит волка ловить рыбу 1, 4, 5, 6, 7, 10, 11.— едет на волке (битый небитого везет) 1, 4.— живет в ледяной и лубяной хатке с волком 1, 10, 11, 13.— меняет скалочку на лапоть, на гусочку и пр., лапоть на курочку и пр. 8; пирог на бычка-третьячка 6.— крадет у деда с бабой пирожок с маком 4, 6.— встречается с колобком 36.— спорит с волком, у кого выступит от жару воск, мед, масло 4, 9, 10, 12.— обмазывает голову тестом 1, 4.— учит волка, медведя, свинью есть свои мозги, кишочки 7, 29, 30.— едет на санях с волком, с медведем 4, 6, 7, 8.— выгоняет зайца из избенки, гибнет от петуха 14.— лечит старуху 18.— в роли повитухи 9, 10, 11, 12, 13.— в роли исповедницы 1, 15, 16, 17.— в роли плакальщицы 21, 22.— съедает мертвую старуху 22.— спасается от собак: разговаривает с хвостом 21, 23, 24, 25, 26.— спасает мужика от медведя, от волка 23, 24, 25, 26, 27.— приводит бирюка к присяге 28.— топит в реке жбан 26.— залезает головой в кувшин 48.— сидит в яме с другими зверями 28, 30.— кормится у дрозда 30.— сманивает с дерева тетерева 31.— выманивает у дятла детенышей 32.— угощает журавля 33.— приносит старику со старухой Снегурushку 34.— состязается в беге с оком 35.— похищает петуха 37, 38, 39.— в союзе с котом пугает лесных зверей 40.— зовет кота и барана в лес в гости 44.— в гостях у козы 54.— приводит волка и медведя на зимовье зверей 64.— в роли золотой рыбки 76.— в роли свахи женит Бухтана Бухтановича и Кузьму Скоробогатого 163, 164.— мать семи дочерей 37, 38, 39.— попадает в охотничью яму, дурак принимает ее за кошку и выпускает Д II, 24
- Листья золотые и серебряные на яблоне 564
- Лоб с алмазной звездой 564
- Лодка нарисованная обращается в настоящую 138.— чудесная увозит царевну в плен 230.— серебряная с золотым веслом 109, 169
- Лодыга (владыка) 542
- Ложка серебряная чернеет, когда герою угрожает опасность 159
- Лопатка кухонная 108, 109, 110, 111, 542
- Лошадь старая выгнана хозяином со двора 27.— одурачивает волка 56.— чудесная, выкидывает из себя деньги 219. Превращение в лошадь 251, 252, 253. Лошади золотые хвосты, по бокам звезды 124.— пляшут под игру волшебной дудки Д II, 24.— поповы Д II, 17. См. Жеребец, Кобылица, Конь
- Луг оборотень 135, 136, 222. Луга запovedные 564, 578
- Лук богатырский, его несут сорок, пятьдесят человек 199, 200.— сам убивает виновного 206
- Лукавый наказан старшим за плохую службу 221. См. Нечистый, Черти
- Луна см. Месяц
- Лыко Д II, 11
- Львица оборотень 155, 159. См. Лев
- Львы в палатке 559
- Люди убогие см. Нищий.— думные 216.— посадские 389.— торговые 389.— зажигают свечи от горящей копейки 218
- Лягушка в тереме мухи 83.— съедает часть просвиры, вызывая этим заблуждение царевны 121, 122.— старая, посаженная в банку с молоком, указывает путь, переносит героя через реку 212.— превращенная царевна 267, 268, 269
- Магарыч 216
- Мазь чудодейственная 295
- Мак 4, 6, 104
- Макинница 542
- Макогон Д II, 16
- Малиновка оборотень проникает в покои Елены Премудрой 236
- Мальчик предупреждает мужика об опасности Д II, 38.— зашит в собачью шкуру и посажен на цепь 221.— чудесный, предсказывает 257.— по локти в золоте, по бокам звезды, супротив сердца солнце 279, 280.— во лбу солнце, на затылке месяц 283.— крестник Д I, 2.— догадливый Д II, 45
- Мамка царевны (перодегетый мужчина) Д II, 38
- Масенжны дядюк см. Птица
- Масло 10, 12
- Мать мертвая по ночам кормит ребенка грудью 361.— проклинает сына 568, 575
- Мачеха изводит падчерицу 95, 96, 97, 98, 99, 101, 102, 103, 104, 210, 212, 293; пасынка 233, 295.— влюбляется в пасынка 232
- Мед разговаривает с репой 545.— лиса ест тайком от волка 4, 9.— смешивают с вином и этим приманивают чудовище 124, журавлей 419
- Медведица заколдованная королева 272.

- Двенадцать медведиц* — заклятые девицы 272. См. Медведь
- Медведь* едет на саних с лисой и волком 7, 8.— таскает изюба кишочки 7.— выгоняет лису из заячьей хатки 14.— наминается плакать по старухе 21, 22.— сеет с мужиком репу и пшеницу 23, 24, 25.— сидит в яме со зверями и гибнет от обмана лисы 30.— встречается с заблудившейся Снегурушкой 34.— встречается с колобком 36.— несет быка на поклон коту 40.— пугается кота в лесу 40, 44.— в обществе кота, козла и барана 45.— гадает на желудях, пугается козла и барана 46.— просит мужика выпежить его 48.— с липовой ногой съедает старика со старухой 57.— таскает овец у старухи 58.— дружит с кобелем, кормит его, крадет ребенка, ходит в гости к кобелю, пьяный поет 59.— напуган петухом и умирает со страху 65.— разбивает терем мухи 82, 83, 84.— играет в жмурки с девушкой и награждает ее за приветливость, злую девицу съедает 98.— живет с девицей, с женщиной и приживает сына 141, 152.— ворует овес, пойман богатырем Надзем 143. *Медведя* приводит на двор из лесу батрак вместо коровы и садит в сарай 150.— борется с чертенком 151.— по совету лисы собирает для Кузумы Скоробогатого сорок сороков медведей 164.— благодарное животное 157, 202, 204, 268, 269. *Медведя* видят во сне к богатству *Д II*, 38. Превращение в медведя 40, 251.— *Михайло Иванович* 45. *Царь-медведь* похищает царских детей 201, 202. *Медведь железная шерсть* поедает людей, похищает царских детей, при переправе через реку тонет 202
- Мельница* волшебная с двенадцатью железными дверями 204, 205.— чудесная: сама мелет 286
- Мень рыба* 80
- Мертвец* дарит сыну чудесного коня 179.— в схватке с купеческим сыном терпит неудачу, вызывается достать царевну из-за тридевяти земель 348.— поедает детей 349.— дерется с другим мертвецом, с чертями 350.— приходит ночью за взятым у него саваном и похищает виновную 351.— умерщвляет людей 352, 354, 355.— ест мертвых 363.— дерется с человеком 354, 355, 356, 362; с собакой 357. *Мертвая* мать приходит ночью кормить грудного своего ребенка 361. Проклятого матерью мертвеца земля не принимает 359. *Мертвую* волшебницу отчитывает герой 207, 366, 367
- Место* лобное, на нем поставлено двенадцать венцов для состязания 564
- Месяц* на затылке чудесного мальчика 283, 285
- Метла* 219
- Меч* булатный убивает короля 216.— саморуб 270.— богатырский, его носят четыре человека на носилках 176.— *Кошчев* в пятьсот пудов 156.— *кладенец* 132, 136, 141, 173, 233, 564, 575, 578
- Мешок* (единица меры). Мешок золота — плата за котика 217.— в нем прячется мужик, наблюдающий за своей женой *Д II*, 16
- Мизирь* 85
- Мизинец* 222, 300. По мизинцу отрубает дурак у братьев за уточку золотые перышки 182. См. Расписка
- Младенец* рождается в отсутствие отца 220.— вынимается из утробы убитой матери 339
- Могила* невинно убитого, на ней вырастают цветы, тростиночка, камыш 244, 245, 246, 569.— *отцовская*, на ней проводит сын-дурак три ночи 182, 184, 564.— в ней хоронят собаку, козла *Д II*, 10, 11.— на ней поп мертвеца отчитывает *Д II*, 43
- Моголь* птица переносит героя в город, где живет красавица 157
- Мозги*. За мозги лиса, обманывая, выдает тесто 1
- Молитва* 167, 185
- Молодец* купается в молоке 170.— нанимается в работники к богатому мужику 215.— уносит платье у девушки 215, 220.— на службе у черта выполняет при помощи мудрой жены все задачи 226.— проклятый матерью, живет у чертей; его выкупает старик за собаку и возвращает отцу 568
- Молоко* звериное, за ним посылают героя в надежде его погубить 202, 204, 205.— львицы, им питаются в детстве герои 285.— тараканье 163.— материнское, его узнают дети в испеченной на нем лепешке 283, 284. *Молоком* умывается героиня 158. В кипящем молоке купается герой и делается красавцем 130, 170; купается недобрый царь и погибает 170
- Молот*, *молоток* железный 224.— золотой 235
- Моль рыба* 77
- Монастырь* *Д I*, 2, *II*, 20
- Монахи* *Д I*, 2, *II*, 20, 23. См. Чернецы
- Море* 126, 127, 132, 136, 142, 148, 155, 159, 165, 166, 167, 169, 170, 171, 212, 230, 232, 237, 260, 272, 313, 332, 333, 334.— *огненное* 114.— оборотень (поло-

- тенце, убрूस) 224, 225. Через море лежит путь на тот свет 216
- Морока** (наваждение): герой заставляет людей видеть, что они животные, и пр. 375, 376, 377
- Москаль** 454, 469, 470, 472, 473, 474, 475, 478
- Мост чудесный, золотой, хрустальный, с деревьями и птицами, строится в одну ночь** 122, 175, 176, 216, 219, 223, 313, 566, 576.—калиновый, вблизи его живет змей, Чудо-Юдо 134, 136, 137, Соловей-разбойник 308, 309.—рыбий 268. С моста бросается герой в воду 228. Под мостом садятся слушать и узнают судьбу 257, 259
- Мошка**, по ее присутствию на ухе, на глазе одной из девушек узнают невесту 220, 227
- Мудрость** (удивительный случай) 546
- Муж на свадьбе у своей жены** см. Скоморох.—находит клад, скрывает его от жены, дурачит ее 579.—везет продавать с попом сажу Д II, 17, 19.—убивает трех монахов Д II, 20
- Мужик, мужичок** (леший) заперт в железном столбе 123.—руки железные, голова чугунная, сам медный 125.—сам с ноготь, борода с локоть 125, 202.—пахарь, дает герою совет пожелать мудрую жену 216.—выкармливают орла, летает на нем, получает золотой ларчик 220.—отправляется на поиски ветра, развевшего у него муку 564.—плутоватый, делается дьячком, попом Д II 2, 9.—надует попа Д II, 6.—нанимается в батраки к попу Д II, 25.—лекарь Д II, 18.—видит вещей сон Д II, 38.—серячок Михайло Иванович (медведь) 45
- Музыка невидимая** 129. **Инструменты музыкальные:** балабайка 176; барабан 136, 178; жилейка 244; рог чудесный 212; скрипка 162, 230; сопелка 363; струны 171; тимпаны 136; трубы 136, 212. См. Гусли, Дудка, Жилейка, Рог, Скрипочка, Струны, Труба
- Музыканты** 230, Д II, 26
- Мука вечная на том свете за сделанные на земле обиды** 214
- Мука́, смолотая в одну ночь** 224
- Муравей** в одну ночь выбирает все зерна из скирдов 222. Превращение в муравья 162
- Мурлыка** см. Кот
- Муха, мушка** строит терем 82, 83.—попадает в сеть к мизгирию 85.—летает над головой, служит приметой при узнавании невесты 219.—зеленое брюхо Д II, 27.—превращение в нее героя 136, 236, 286
- Мыло** обращается в гору 225
- Мышь хвостиком роняет ячико с полки** 70, 71.—спасает царевича от ведьмы 93.—благодарное животное 98, 102, 166, 190.—дружит с воробьем 220, 221, 224.—смирненница обманывает, обижает воробья 221, 224.—спускает у мужика рожь в подполье через отверстие 224.
- Мышка-стрижка** служит герою, платье снимает с него 297. **Мышка-норушка** живет в тереме 84. **Мышиный царь** отдаст чудесное кольцо когу Ваське и собачке Журке 191. В мышь обращается нечистый 236
- Мяч** катится и указывает дорогу 212, 213. См. Клубочек, Шарик
- Навоз**, в нем валяется паршивый жеребенок 159
- Навес** из самоцветных камней над дворцом 560
- Надписи** на столбах при распутье 155, 156, 578
- Наедки** (кушанья) 139, 146, 224
- Наказание кнутом** 158. См. Казнь
- Налим** 77
- Напитки** 138, 139, 140, 146, 157, 166, 167, 224, 562
- Наставник** см. Керженский наставник
- Настоятель монастыря** Д II, 20
- Наука** нехитрая (вино-пиво пить) 137.—хитрая, ее усваивает герой (сын старика, солдат) от змея, колдуна, старца, мудреца 208, 249, 250, 251, 252, 253
- Небитый** 1, 2, 4
- Небо**, до него дорастает кочешок, боб 18, 21
- Небылицы** 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429
- Невеста** 95, 105, 114, 127, 128, 171, 176, 198, 204, 218, 224, 225, 227. См. Помощник
- Невестки** посылают дурака-деверя за водою, за дровами 165
- Невидимка** пляшет под гусли 228. См. Незнамо что, Шапка-невидимка
- Невод**, его должны выплесть мальчишки-семилетки в одну ночь 139
- Незнамо что** (Шмат-Разум, Губрей), невидимый слуга 212. См. Невидимка
- Немой** получает дар слова 93
- Нечистый** 150, 152, 153.—в виде старца с книгою в руках 154.—делает солдата купцом, попом, архиереем, 154, Д II, 28.—уносит героя или героиню 130, 153, 236, 275, 363, 370. **Тринадцать нечистых** 153. См. Дьявол, Лукавый, Черти

- Нищенка**, переодетая ведьма 137.— переодетая Василиса Премудрая 219, 224. См. Нищий
- Нищий** приходит к царю 139.— старичок, отец снотолкователя 138.— слепец, хромой с клюкой 560. **Нищие** предсказывают герою судьбу 305.— старцы помогают оправданию оклеветанной матери 283, 284. **Нищенская братия** наделяет героя силой 310. См. Нищенка
- Нога** золотая, костяная см. Яга. **Ноги** богатырские (у лошади) 155. **Ножки** курьи см. Изаба
- Ноги** натачивает кот-баюн на царя 215
- Нож**, герой очерчивает им магический круг 366
- Нора** в горе 139.— ведет в подземелье 141.— под камнем 141.— мышьяная 221
- Нос** в потолок врос см. Яга
- Ночи**. Одна ночь — срок для исполнения трудных работ 139, 213, 220, 222, 224, 225, 566. **Тринадцать ночей** 153
- Нянька** ударом руки превращает девушку в серу утицу 264. См. Мамка
- Обедня** Д II, 2, 4, 6
- Оборотничество** 208, 249, 250, 251, 252, 259. См. Береза, Булавка, Веретено, Голуби, Горлицы, Змей, Конь, Луг, Лагушка, Овечка, Птица, Река, Утка, Царевна, Щетка, Яблоня и мн. др.
- Обмывание** героя росой или водой из колодца 175
- Образ, образа** 114, 364.— лубочные, праничные Д II, 27. См. Икона
- Овечка** в обществе лисы и волка 28.— смиренная, оборотень 222. **Пять овечек** шармливает старуха волку за его песни 49
- Оводы** по воле героини загоняют кобылицу домой 226
- Овраг** глубокий-глубокий 214
- Озливо** см. Кремень
- Огонь** в печи, от его тепла вытапливается из брюха съеденное масло 12.— в печке 216.— от чудесной копеечки 218.— освещает подземное царство 171. В огне красавица 191, 270
- Огород** оборотень 224
- Одежда**, ею меняются герои 123, 230.— белая, красная, черная у всадников 104. См. Рубашка
- Одобрюшники** см. Близнецы
- Озеро** делится на две стороны 226. На дне озера палаты водяного 227.— оборотень 222
- Окаменение** см. Камень
- Окаянный** собирает воинство в сундук 221. См. Нечистый, Черти
- Океан-море**, через него птица-львица переносит героя 271
- Окно** в терему 219.— на высоте двенадцати венцов 564
- Окунь** 80.— пристав 81
- Олень** 42.— волшебный заманивает героя в чащу леса и исчезает 155, 340.— золоторогий добывается героем 183, 212, 564.— оборотень 259
- Онуци** получает герой от братьев и идет на могилу отца 564
- Опойца** на работе у черта 226
- Опочив** 575
- Орел** судья птиц 74.— выносит героя из подземного царства на вольный свет 128.— благодарный 158, 219, 220, 221, 224.— жених 159.— превращается в человека 209, 224.— покровитель детей 201.— говорит человеческим голосом 219, 220, 221, 224.— носит на своей спине охотника, купца, мужика, царя 219, 220, 221, 224.— уносит героя за облака, чтобы спрятать 237. Превращение в орла 222
- Орехи** ест солдат 120, 153, 154. Д II, 29.— герой ест трижды перед подвигом 139.— пересыпает с закланнием мальчик, раскрывая в намеках историю своей матери 280.— железные, чугунные, их грызет черт 120, 153, 154; змей 192
- Оса** попадает мизгирию в сеть 86
- Осטר** 80
- Осина**. Осинный кол, вбитый в мертвеца, лишает его возможности вставать 352, 366
- Остров** 218, Д II, 37
- Отвар** чудесной травы делает героя неуязвимым 170
- Отгадывание** пола 317.— загадок см. Загадки
- Отец** после своей смерти награждает сына-дурачка 182, 184, 564
- Офицер** ловкач Д II, 40
- Охотник** выкармливает орла 221.— ездит на спине орла 221.— получает от орла чудесный сундучок 221.— отдает черту то, чего сам не знает дома 221, 226
- Падчерица** см. Мачеха
- Палаты** белокаменные построены волшебными слугами, строятся в одну ночь 213, 220.— у нечистого 227
- Палец** отрубленный оживает, делается мальчиком, попадет в желудок волка 300.— огненный Чуда-Юда 137.— мизинный, из него берется кровь для расписки 222.— плата «заветная» за чудесную утку 182

- Палица** богатырская (палица-буявица, прут, булава, кудоба, палка, дубина) огромной тяжести 123, 129, 133, 134, 135, 136, 137, 139, 141, 171, 177, 233.— боевая, ее получает сын-дурачок от умершего отца за ночные посещения могилы 564.— железная *Д* II, 29. См. Палка
- Палка**, ее удар обращает человека в животное 254.— поповская *Д* II, 5. См. Палица
- Пан** сотник 579
- Паникадило** репяное *Д* II, 27
- Панихида** *Д* II, 10
- Парень** уводит свою невесту от черта 227.— зажигает сальную свечу, чтобы узнать невидимку 228.— с тоски бросается в воду 228.— крестьянский делается царевичем *Д* II, 26.— Тереха Гладкий *Д* II, 21
- Парча**. Кусок парчи несет купец в подарок царю 230
- Пастух** старый, оборотень 222
- Пастырь** духовный *Д* II, 4
- Пасха** 163, 167, 267, 313, *Д* I, 2
- Пасынок** см. Мачеха
- Пекло** *Д* II, 29
- Пень**, в него заземлена борода 139
- Пенька**. Триста пудов пеньки со смолой наматал на себя Кожемяка для защиты от змея 148
- Пепел** от человеческой головы, из него зарождается богатырь Надзей 143.— от бычка-дристунка, из него вырастают конь, собачка и яблоня 201.— от превращенного дерева, из него зарождаются ягнята с чудесными приметами 287.— от сожженного змея 575
- Перевоз** через три реки с платой в виде руки, ноги и головы 173
- Перевозчик** перевозит тридцать лет 305.— перевозит безденежно три года 138
- Перегонки** (бег взапуски) 35, 152
- Перила** точеные на мосту 129, 576
- Перина** *Д* II, 34.— лебяжья на золотой кровати 566
- Перо** жар-птицы как огонь светится 168, 169, 170.— превращается в доброго молодца (Финиста) 234. **Перья** воробьиные вышпианы мышью 221. См. Посошок-перышко
- Перстень** 129, 182.— о двенадцати винтах; если отвинтить винты, то является двенадцать тысяч человек, исполняющих все, что обладатель перстня захочет 566.— Соломонов, им запечатана кубышка, в которую был посажен Мураза, невидимый слуга 567.— именной *Д* II, 30, 37.— ищет царевна на берегу озера 222. **Перстнем** герой меняется с героиней 564.
- Превращение в перстень** 252. См. Кольцо
- Пескарь** на поисках ерша 78
- Песни** 1, 129, 171, 176, 213.— разные играет старик на дощечке 230.— любимые герой поет перед казнью 205, 206.— раскрывающие тайну героини *Д* II, 16
- Пестерь** 552
- Петух** на исповеди у лисы 1, 15, 16, 17.— нашел деду с бабкой пшеничный колосок 4.— с косой на плечах выгоняет лису из избы 14.— беззаконник 16.— похищен лисой, спасен котом 37, 38, 39.— с саблей на плечах выгоняет козу дуплену 62.— зимует в лесу с зверями 63, 64; с бараном 65.— подавился бобом 69.— предвещает будущее 241.— оборотень 251, 252. **Петуший** крик разгоняет нечистую силу, мертвецов 364, 367, 371, 373, 564, 577. См. Кочет
- Печать** на лбу 184, 215. См. Клеймо
- Печь** везет Емелю в город 165.— на столбах, на ней лежит Бухтан Бухтанович 163. **Три печи** хлеба в один день съедает орел 219. Под печью зарыт клад, который снится в виде огня 241
- Пещера**, в ней находятся железные когти 129
- Пиво**, пивушко 541, 552.— в роли живой воды 571. См. Вода.
- Пир** веселый и богатый после свадьбы 213. **На пиру** героиня обносит всех напитками, чтобы узнать героя-победителя 564. См. Бал, Веселье
- Пирог**, пирожок 542, 551.— меняет лиса на бычка-третьячка 6.— пшеничный, дар жениху с невестой 219.— получает герой от братьев и идет на могилу отца 564.— причина сна 160.— напечены в одну ночь 224.— с овсом 542. В пироге запечены голуби 219, 224
- Письмо** посылается привязанное к стреле 124, 155.— привязывается к птичьему хвосту 317.— от змея 124, 155.— доставляется собакой 148. Содержание письма чудесным образом меняется к благу героя 305. См. Грамотка, Записка
- Пихтиль** (пест) — оружие бабы-яги 107
- Платок** или полотенце (ширинка, убрис, хусточка, утиральник) при погоне обращаться в реку, море, озеро или мост 93, 103, 105, 114, 159, 176, 201, 204, 224, 225. По нему узнается герой 124, 126, 155, 179, 212, 215, 295. По нему узнает герой свою невесту 219, 224, 225. С него каплет кровь, когда герой в опасности 136, 137. **Платок**, полученный при

- разлуке, унимает любовную тоску 228. См. Полотенце, Убрус, Ширинка
- Платье** подвенечное 213.— необыкновенной работы 129.— шумит при пляске невидимки 228.— крадет молодца у девушки 220. Поправлять платье— знак, по которому герой узнает невесту 219.
- Платье рыцарское** 296.— женское, в него наряжается монах-любовник Д II, 23
- Плачя** лиса 22. Медведь, волк в роли плачей 21, 22
- Плеть** Д II, 14.— гороховая 432.— живилка 399. Удар плетью обращает человека в животное, в птицу 255
- Плечи** комарье Д II, 27
- Плоды** золотые и серебряные на чудесной яблоне 564
- Плотичка-сиротичка** (рыба) 78.— превращенная девица 123.— с золотым кольцом 216
- Плотники** строят хрустальный мост 219.— в одну ночь строят корабль-самолет 224
- Пляска** 172, 199, 216, 455, Д II, 26. См. Дудка
- Побратимство** змея с цыганом 149
- Повар** 124, 209, 224, Д II, 38
- Погоня** 219, 222, 224. См. Бег, Гонец, Догонщики, Платок
- Погост** Д II, 1, 21. См. Кладбище
- Погреб** Д II, 6.— заваленный медью, серебром, золотом, жемчугом 215. См. Подвалы
- Подвалы** глубокие 214.— с самоцветными камнями, их выигрывает Иван у купца 230. См. Погреб
- Подземелье**, в нем томятся героини 284.— чудесное, отворяющееся при словах-зажатыях 345
- Подлог** 220
- Подруга** утыкается вся острыми гвоздями 226. Двенадцать подруг, тринадцатая нагрудная 296
- Подушка** см. Кровать
- Подъячий** любовник барыни Д II, 41
- Пойло** разрывное 295, 321. См. Зелье
- Покои** купеческой дочери Д II, 37
- Покойник** см. Мертвец
- Покрик** молодецкий 564. См. Посвист
- Полати** Д II, 1
- Поле** чистое, на нем по приказу героя появляется стол с кушаньями 215.— в одну ночь вспахано и сборонено 225
- Полено** березовое Д II, 6
- Полк** снаряжается, чтоб выкрасть героиню 230
- Полковник** 544
- Полотенце** шитое, по нему теща-ведьма, волк-самоглот узнают зятя 216.— по воле героини становится морем 224. См. Платок, Убрус
- Полотно** 542.— необыкновенной работы 104. На полотне спускаются с высоких гор 129
- Поляна** чистая, на ней дворец 214.— дедина, на ней грамоту пишут 536
- Помело**, им можно побить целое войско 185
- Помощник** при добывании невесты 136, 158, 198, 199, 200, 202
- Пономарь** оловянный Д II, 27
- Поп** с горя рвет все книги 70, 71.— собирает пепел от сгоревшей человеческой головы 143.— нанимает батрака за три шелканца в год 150.— к его телу прирастает козлиная шкура 258.— будто бы родит теленка Д II, 1.— жадный, обманут солдатом Д II, 5, мужиком Д II, 6, неверной попадье Д II, 14, 15, 22.— прячется в сундук (короб) с сажей Д II, 17, 19.— вырезает у батрака из спины ремень Д II, 25.— пляшет под волшебную дудочку Д II, 24, 26.— попадает в солдаты Д II, 13.— в роли ворожейки Д II, 12, любовника Д II, 16.— оборотень 219, 222.— железный Д II, 27.— толоконный лоб, по имени Ерема Д II, 25. **Поповы** ребята 542. **Попович** читает в церкви над мертвой псалтырь 366
- Попадья** 542, Д II, 1, 2, 3, 4, 8, 13, 14, 15, 22, 25, 27.— пляшет под волшебную дудочку Д II, 24
- Попутчик** 230
- Поросенок, поросята** 548, Д II, 26, 38
- Портной** хитростью спасается от волка 56.— получает приказание барина шить шубу 63. Чудесные портные шьют войско для бабы-яги 161. **Ночной портной** (вор) 386. См. Кравец
- Портрет** вызывает заочную любовь 264, 336, 337.— при выборе невесты 198.— царевнин снимает герой с дома 179.— Елены Прекрасной 176
- Посвист** богатырский, молодецкий 219, 296, 564, 576. См. Покрик, Свист
- Посошок-перышко**, из него являются чудесные слуги 130. См. Перо
- Посуда** золотая, серебряная, ее приносит попова дочь от черта 227
- Похвальба** 170, 214
- Похороны** на перекрестке дорог 363.— собаки Д II, 10. См. Вынос
- Поцелуй** любви возвращает заколдованному герою его человеческий облик 276.— родных приносит моментальное забвение жены 219, 223, 224, 225.— как трудная задача при добывании невесты 182, 183,

546. Поцелуй красавицы во сне см. Честь
- Правдивый* спорит с Кривдой 115
- Праведники* на небе *Д* I, 2
- Представление* свету 576
- Престол* построен в аду *Д* I, 1.— на небе *Д* I, 2
- Придверник* монастырский *Д* II, 20
- Приемыш* купеческий, сын короля *Д* II, 37
- Приказчик* *Д* II, 12, 36, 37, 39.— отгадывает царский сон *Д* II, 38.— делается царем *Д* II, 38
- Пристань* 217, 230
- Приход* *Д* II, 5
- Причитания* 16, 21, 22
- Проклятие* отцовское 227, 228.— материнское 229, 575
- Пророки* на небе *Д* I, 2
- Прорубь* 1, 2, 3, 4, 5, 7, 165. В нее бросается молодец с конем 229
- Просвира*, часть ее наживляется на крючок для поимки златоперой рыбки — мудрой жены 216.— железная, ее грызет кот-баюн вместо сухарей 215.— дается для трудного пути 215, 235, 268. *Три просвиры* железные берет герой в дорогу 215.— каменные для той же цели 234. От половины *просвиры* сыты все семь человек 347. *Просвирую* делится старичок с Иваном 230
- Просвирия* 16.— жестяная *Д* II, 27
- Просо*, превращение в него 251
- Просьба* подается архиереею дьяками *Д* II, 10
- Проталинка*, ею идет Иван купецкий сын к Чудо-Юду 225
- Прутья* металлические (железный, медный, оловянный), им герой усмиряет враждебную силу или наказывает неверную жену, волшебницу, чудовище, свирепого коня 136, 171, 182, 192, 193, 215, 216, 218, 224, 226. Удар *прутком* превращает человека в камень 216. Изготовление *прута* 199
- Псалтырь* читается над покойницей 366
- Пташка* см. Птица
- Птица*, птичка. Птичка-невеличка в роли золотой рыбки 76. Пташка масенжны дзядок 126. Птичка серебряная, золотой хохолок, указывает дорогу 130.— золотая головка, оборотень 259. Птица-говоруня 288, 289. Три говорящих птички дают совет 161. Малиновка-оборотень пробирается в спальню Елены Премудрой 236. Громадная птица ночью ломает сад 273.— заморская помогает герою загнать кобылицу яги 159.— могучая выносит героя на вольный свет 128, 132, 171, 176, 189.— Моголь переносит героя в нужный ему город 157.— Гриб, как гора огромная, с падалью переносит героя в тридцатое государство 271.— лвыца с падалью переносит героя через океан-море 271. Птицы райские 216, 286, 564.— певчие 219.— несутся за стрелком 213.— дерутся со зверями 220.— редкие, гуси и лебеди появляются в одну ночь 566.— предвещает будущее 241
- Птичка см. Птица
- Пузырь* бычий надевает герой на голову 295
- Пустошь* в тридцать верст в длину и поперек в одну ночь делается ржаным полем 222
- Пуховик* см. Перина
- Пучина* морская вокруг глаза 311
- Пчела* выгоняет луплену козу 62. *Пчелы* в одну ночь лепят из воска церкви 222.— благодарные 159, 160
- Пшеница* посеяна, жата и убрана в одну ночь 224, 225
- Пьяница* горький, ярыга кабацкая *Д* II, 30.— Тимошка Кавардак уносит трех мертвых монахов и орошает в воду *Д* II, 20
- Пяльцы* чудесные 234
- Работник*, подслушивает разговор чертей 218.— гадая о своей судьбе, бросает в реку копеечку.— получает на копейку три корабля.— мешает Ерахте украсть царскую дочь.— женится на царевне 218.— с попом за один присест завтракают, обедают, полднюют, ужинают *Д* II, 8. *Работники* в одну ночь вырубают лес, вспахивают землю, сеют пшеницу, молотят, пекут пироги 224.— корабельные смеются над дураком, бросившим им кошку как товар 216. См. Батрак, Казак, Сиротинка
- Рабочие* строят виселицу *Д* II, 28
- Разбойник* меняет дубинку на гусли 216. К *разбойнику* попадает солдат, который его после изобличает 341. *Разбойники* нападают на Илью Муромца 308.— пугают животных, которые жили в лесу в шалаше 63. У *разбойников* герой берет много добра 203, 345, 347, 349, 429. *Разбойников* разгоняет бесстрашный герой 348, 349, 429. К *разбойникам* попадает девица, потом их изобличающая 342, 343, 344. *Разбойников* побивает солдат 340. *Разбойники* подкапываются под монастырь *Д* I, 2
- Раздорожье* 363
- Рай* *Д* I, 1

- Рак** состязается в беге с лисой 35.— хитростью спасается от вороны 73, 80.— благодарный 158, 160, 169, 170, 191, 268
- Ранец** с чертями бабы раскрывают 153
- Расписка**, писанная кровью из мизинного пальца 123, 222
- Рать-сила** великая 215.— несметная, пешая и конная, из чудесного сундука 221
- Ревятишки** мучают пойманного котенка 217.— играют 345. См. Дети
- Река** молочная с кисельными берегами 113, 130, 286.— огненная 134, 138, 159, 212.— За рекою живет змей 134, 138; баба-яга 159.— из пива, меду, вина и водки 313.— оборотень 219, 220
- Ремень, ремни**, на них спускаются в подземное царство, в пропасть 128, 161.— вырезается из спины 124, 139, 141, 182, 418, 421
- Репка** 89. Ее делят мужик с медведем 23.— Ее ворует мальчик 238.— Из нее родится девочка 141.— разговаривает с медом 545
- Решетка** золотая, за нею сидит девица 230
- Риза, ризы** Д I, 3, II, 10, 12
- Рог, рожок** чудесный, из которого являются предметы и люди 186, 212. В него перед казнью герой трубит 315. См. Музыка, Труба
- Роза** вырастают у героя от съеденных яблок 192, 193
- Рогожа** 230, 549
- Рогольки** 542
- Рожок** см. Рог
- Рожь** в одну ночь вырастает на пустоши 222
- Роса** целебная 118
- Рубашка** 108, 110, 542.— чудесная, надевший ее делается богатырем 208; неуязвимым 209.— отравленная, надевший ее умирает 295. *Рубашки* старые, заслуженные выбрасывает солдат из ранца 214
- Ружье** богатырское, его несут сорок человек 200
- Рука** мертвеца, ею обводят спящих, чтобы они крепко спали или умерли 265. *Руки* чудесные являются и служат 104.— отрубленные вырастают 279, 280, 281, 282
- Рыба**, ее ест лиса (см. Лиса), волк неудачно ловит хвостом (см. Волк)
- Рыбка** золотая 75.— златоперая, выброшенная на берег, превращается в девицу 216.— благодарная делает все за героиню 292
- Рыцарь** срацинский 296. См. Платье рыцарское
- Рыбина** пресвятое дерево Д II, 27
- Сабля, сабли** острые, на них кланутся два богатыря 211.— богатырские по триста пудов 155
- Саван** 352
- Сад** вырастает на могиле убитой 127.— появляется из зеленого сундука 219.— в одну ночь появляется 219, 223, 296.— королевский, в нем гуляет Настасья Прекрасная 230.— оборотень 136
- Садовники-огородники** насаждают зеленый сад 219
- Сажа** Д II, 15, 17, 19
- Саламата** 542
- Санки-самокатки** 38
- Сапоги** Д II, 1, 33.— их снимает солдат с мертвого колдуна 356.— самоходы (ско-roходы) 192, 240, 272.— железные для трудного пути 268
- Сапожники** чудесные, шьют войско для яги 161
- Сбруя** конская утыкается острыми гвоздями 226
- Сверчок** 85
- Свет** в целой стране похищен змеем и скрыт в его голове 135
- Свеча** сальная зажигается, чтобы узнать невидимку 228.— зажженная в бане женского монастыря обнаруживает героя Д II, 23. Когда свеча догорает, это значит — надо спешить на помощь герою 136. У кого загорится сама свеча, тому быть царем 195, 197, 314. *Свечи* лутошные морковные Д II, 27
- Свинарь** 133
- Свинья** 17, 51, 68.— боров Д II, 7. Ее притаскивает волк на еду 12.— попадает в яму 29.— прыгает через яму 30.— обманывает волка 55.— уходит в лес 63, 64.— с поросятами пляшет под чудесную дудочку Д II, 26.— супоросая Д II, 38. *Свинка* золотая щетинка с семейю, с двенадцатью поросятами 182, 213, 564
- Свист** (крик) богатырский оглушительный у змея 149.— у черта 151.— у Ивана-царевича 173.— у Соловья-разбойника 308. См. Посвист
- Свисток** волшебный: когда играет, все пляшут 199. См. Дудка
- Севрюга** 78
- Седельце** немецкое у богатыря 296
- Селезень** с золотыми и серебряными перьями и бриллиантовым чубом 167.— благодарный 269.— говорящий, присутствует при побоях Верлюки 301.— в кафтане 549.— оборотень 219, 222. Герой убивает его хохолок в бриллианты 240
- Сельдь** 11, 80
- Сем-тересем** 542

Семга 79

Семя, из него в одну минуту вырастают деревья 272.— в утином яйце; от зажженного семени тает хрустальная гора 162

Сенёу, сенцы 541

Сено Д II, 1

Серафимы Д I, 2

Сердце Д II, 38.— вынутое из убитой, необходимо добыть для ее оживления 127.— чудовища, съеденное, прибавляет силы 207.— животного, его приносит герой вместо человеческого и тем спасает обреченного человека от гибели 211.— живое у царя, его кот-баюн хочет вынуть 215

Серебряник Д I, 2

Серебро 220, 221, 224, Д II, 25

Серп, серпы 225

Сестра из зависти убивает брата 244, 245.

Сестры из зависти убивают сестру-дурочку 569.— ударяются об пол, оборачиваются лебедушками и улетают 214. Тридцать две сестры одеваются, оборачиваются голубками и улетают в синем море 215. Солнцева сестра 93

Сивка-бурка вещь каурка является на посвист богатырский, покрик молодецкий 564. См. Конь

Сиг рыба 80

Сила испытывается бросанием, отваливанием или сжиманием камня 125, 128, 132, 137, 149, 156; свистом 149, 151; киданием кверху тяжелой палицы, дубины, костыля, меча 123, 151, 152, 156; сжиманием руки 198; наложением руки или ноги в брачную ночь 136, 199, 200, 202; стрельбой из лука и из ружья 200; повертыванием вселенной за столб 123; выдергиванием дубов в пятнадцать, двадцать, двадцать пять обхватов 130. Сила нечистая, неверная. См. Черт

Сиротинка нанимается в работники в год за одну копейку; гадая о своей судьбе, бросает в колодезь копейку; покупает котенка; нанимается к купцу сидеть в лавке 217

Сказка 14, 134, 211, 418, 448, 549, 554, 555

Скалочка, за нее получает лиса гусочку 1
Скатерьть самобранка-сомовертка 123, 125, 186, 192, 219.— браная 224

Скирды 222

Склянка 578

Скоморох музыкант, переодетый герой, является на свадьбу своей невесты-царевны 171, 176, 204

Скот выходит из красного сундука 219

Скрипка. Скрипочка для обучения на ней черта Д II, 28, 29.— самодельная выговаривает речи 230. См. Музыка

Слепень, слепни 48, 578.— по воле мудрой жены загоняют кобылицу домой 226

Слепцы нищие, обокраденные незаметно мужиком, обвиняют друг друга 382

Сливки курицы Д II, 27

Слово сказанное в сердцах, служит причиной несчастья 227.— кручинное 213.— доброе 332, 333, 334

Слуга присваивает себе звание или подвиги героя 123, 124, 125, 127, 155, 171, 176, 204, 259.— Ванька плут Д II, 7. Слуги чудесные 213, 222, 565

Служба за невесту — выполнение трудной задачи 313, 314. См. Задачи

Слюнки говорящие 222, 223. Три слюнки говорят за Василису Премудрую 222

Смерть см. Мертвец

Снопы 222

Собака враг лисы 1, 14, 21, 23, 24, 25, 26, 34.— выгнана хозяином за старость 27. Собаку кормит волк 55; медведь 59; дятел 66, 67.— пустолаечка 50.— в тереме мухи 83.— носит домой письма от героини, попавшей к змею 148.— мстит хозяину за измену 357.— благодарная 158, 190, 191, 201, 566.— пытается спасти героя 206. Собаку получает Иван-дурак за год службы 566.— ее продает старик лембою 568.— дана Бездольному старухой, с ней герой идет в город Ничто 215.— кормит дурака 216. Собаки борзые, выпущенные сестрой орла на царя 219. Превращение в собаку 249, 250, 251. См. Кобель, Тяжелый

Соболь просит лису свести его к царю 164

Сова 72

Советы злые думных людей 216

Сокол жених 159.— наделяет героя даром оборотничества 162.— выносит героя на своих крыльях из подземного царства 176.— уносит детей от медведя 201.— обращаясь в молодца, наделяет героя за службу 209.— делается возлюбленным 234, 235.— исполняет работы, заданные герою 314.— оборотень 219, 224, 251, 252. На соколах ездят сестры Елены Прекрасной 176. Три сокола — три оборотня 275. См. Ясен Сокол

Соколиха благодарная птица 268

Солдат Д II, 5, 33.— освободитель змея или нечистой силы 130, 153, 154, 271, 272, 273, 275 Д II, 28, 29.— служит у нечистого 236, 278, у змея 208.— борется с мертвецами, ведьмами и колдунами 354, 355, 356, 367, 378.— странству-

- ет 214.— плут и ловкач 392, 393, 394, 445, 487, 503, 508, 521, 522, Д II, 28, 30, 32.— пугает любовников Д II, 31.
Солдаты по приказанию царя ломают каменные стены 216
Солнце поджаривает на себе олады 92.— против сердца чудесного мальчика 279, 280.— во лбу 283, 285.— спасает героя 259. См. Сестра
Соловей говорящий, вещун, предсказывает будущее 247.— оборотень 224
Солома, в ней прячется муж неверной жены 445, Д II, 18.— чудесная, от нее снег да мороз 144. Солому бросают на дорогу для указания пути 134
Соль 548. Гора из русской соли; ее привозят в страну, где не знают соли 242
Сом 80.— с большим усом, благодарный 297
Сон (состояние) необыкновенный перед подвигом, прерываемый в критическую минуту слезой героини или легким ударом, уколом 125, 157, 171, 176.— после подвига 124, 155, 161, 233.— напускает на Бездольного кот-баюн 215.— необыкновенный от воткнутой булавки 232, 233, 235.— от сонного зелья, прерываемый слезой девицы 193, 234, 243, 272.— от наговоренного яблока 230, 271.— от пирожка, полученного героем от яги 160.— от волшебных гуслей 216
Сон вещей (сновидения) 138, 176, 240, 241, 277, Д II, 38
Сопелка см. Музыка
Сорога рыба 77
Сорока приносит живую воду 265
Сорочка, ее крадет герой у девицы 219, 222. См. Рубашка
Сосна золотая, на ней птицы райские поют песни царские.— с серебряными ветками, находится в подсолнечном государстве 286, 564
Сотник 579
Софа в палатке 559
Соха, сохи 225
Спутники помощники героя при добывании красавицы или коня: Обьедало, Опивало, Звездочет и т. п. 137, 138, 144
Старик сам с ноготь (или с четверть), борода с локоть 128, 140, 214, 215.— повелитель всех зверей и птиц, которых скликает серебряной трубой 161.— с длинными ресницами и бровями, которые поднимают вилами 137.— при встрече с героем (или героиней) дает полезные советы, помогает 128, 129, 138, 144, 155, 157, 170, 173, 185, 230, 289.— дарит герою чудесную дудочку, скликающую зайцев Д II, 35.— с рогами 238.— умеет в бане париться и ершом плавать 137.— плешивый караулит коня 175.— с вросшими в землю волосами, бровями, бороδοю 289.— Обьедало, Опивало, Звездочет и др. 137.— пестун, выносит дитя в поле 101.— перед смертью делит деньги между сыновьями 216.— делится просвирой с Иваном 230.— получает за проданную собаку молодца 568.— просит попа похоронить козла по-христиански Д II, 11.— обманывает неверную жену богатого мужика и попа Д II, 21.— оборотень 219, 220, 227
Старуха при встрече с героем (или героиней) дает полезные советы, помогает 136, 156, 157, 167, 175, 215, 222, 234, 267, 268.— говоруха 97.— заплатано брюхо 313.— владычица зверей, птиц и рыб 157, 212.— колдунья, дает совет царскому воеводе, как известить Бездольного 215.— мать четырех ветров помогает бедному мужику 565.— мать неряхи Д II, 45. См. Баба, Яга
Стена, под нее кажутся отрубленные головы змея 171. Стены каменные, за ними казна спрятана 216
Степи раздольные 224
Стол чудесный, сам накрывается 129.— круглый, на нем кушанья и вина 214.— накрытый, на нем краюха белого хлеба лежит 215.— княжий 225.— поминальный 176
Столб придорожный с надписью 168, 171, 172, 174, 195, 197.— медный, серебряный, золотой, посреди поля 31, 200, Д II, 38.— каменный 204. В столб замуровывают героя 566
Сторона неизвестная 575
Стрела. Пускание стрел при выборе жен тремя братьями 267, 268, 269.— при испытании силы 139
Стрелец-молодец добывает жар-птицу 169. См. Стрелок
Стрелец-боец (рыба) 77
Стрелок охотится за утками 213.— любимый придворный 213.— Бессчастный, находит чудесную кубышечку 567. См. Стрелец-молодец
Стружки, их бросают по дороге для указания пути 133
Струны натянуты по стене 171, 172, 175, 177, 178, 563.— проведены к золотой клетке жар-птицы, к узде златогривого коня 168.— навязаны на дощечку 230. См. Музыка
Суд 77, 78, 79, 80, Д II, 4, 10, 28

- Судьбина на дне моря решает разные во-
просы 332
- Суженый-ряженный 95
- Сук дубовый, крапивный 424, Д II, 27
- Сума (торба), из нее является семьсот ка-
заков 216.— чудесная, в ней какие угод-
но наряды 219. Две сумы, сердитая и
хорошая 187. См. Торба
- Сундук ниток, когда их дошьют две ста-
рые швен, то умрут; сундук иглолок, ког-
да доломают их две старые швен, то ум-
рут 93.— чудесный, с диковинами 219,
221.— большой, железом окованный,
с золотом 214.— с сажей или пустой,
в него прячется поп Д II, 17, 24. См.
Ящик
- Сурок в роли повара 44
- Сухарики дорожные (просвиры железные)
в сумке у Бездольного 215.
- Сын рождается в отсутствие отца 219,
221, 222, 225.— зашивается в баранью
шкуру 221.— растет не по дням 225.—
продан родителями колдуну Д II, 38.—
проклятый матерью в утробе, исчезает
после женитьбы 229.— младший, дурак,
проводит три ночи на могиле отца 564.
Сыновей троих, шестерых, девятерых
рожает героиня 284, 285
- Сыта оборотень 219
- Сыч жалуется орлу на ворону 74
- Табак нюхает герой 555
- Табакерка серебряная, чернеет, когда ге-
рою угрожает опасность 159
- Таракан 85, 425
- Теленок Д II, 1
- Тело грешное, закопано на распустье 226
- Теребень кабацкая дает наставления цар-
ским советникам 213, Д II, 36
- Терем 82, 83, 84, 219.— девичий 269
- Тесемка с крестом Д II, 23
- Тетерев 31, 424
- Тетка-божатка 542
- Тигры в палатке 559
- Тимпаны см. Музыка
- Тиун («типун») 542
- Ток чугунный, железный, стальной, мед-
ный, серебряный, золотой, алмазный,
место битвы героя со змеем 129, 133,
134, 139
- Топор Д II, 29.— саморуб 165.— с золо-
той ручкой 302.— с комарье плечо Д II,
37. При помощи топора «тяп да ляп —
вышел корабль» 212
- Торба чудесная 187, 216. См. Сума
- Тот свет см. Царство подземное
- Трава целебная: потеряв ею глаза, герой
прозревает 117.— облитый ее отваром,
герой делается неуязвимым 170
- Тропинка ведет к яге 219
- Тростинка вырастает на могиле невинно
убитого героя 244, 245, 569
- Трость, из нее являются слуги 194.— се-
ребряная вызывает пение птиц, рев
львов 313.— генеральская Д II, 36
- Труба серебряная, на ее звук собираются
все птицы и звери 161. Три трубы, на
их звук слетаются птицы 232. См. Рог,
Музыка
- Тряпица, ею повязывает герой голову,
чтобы до времени скрыть алмазную
звезду во лбу 564
- Тусес 542, 543
- Туша бубличная, куричья 579
- Туша баранья. Три туши съедает орел в
один день 219
- Убрус по воле героини обращается в море
225. См. Платок, Полотенце
- Ули горящие (жар) обращаются в золо-
то 228
- Уговор между мышью и воробьем 221.—
между мужиком и медведем 23, 24, 25
- Удочка, свита дураком из своих волос 216
- Уада, уздечка утыкается вся острыми
гвоздями 226.— с потухшей блестяшкой,
по ней герой узнает свою невесту 224
- Узоры хитрые на хрустальном мосту 219
- Упырь 363, 577
- Утка золотые перышки 182. В утке яйцо
162, 268 (см. Яйцо).— несет золотые,
серебряные яйца, кто съест ее голову,
становится царем, а кто съест ее серд-
це, тот будет золотом плевать 195;
съевший ее делается царем 196.— обо-
ротень 219, 264, 265.— с крыльями,
убранными ленточками, с хохолком, ук-
рашенным бриллиантами 240. В виде
утки Василиса Премудрая 222. Две ути-
цы серебряные и одна золотая, обер-
нувшись девицами, купаются на взморье
213. Двенадцать серых утиц 220. Две-
надцать уток с золотыми и серебряны-
ми крыльшками являются по слову убо-
гого 167. Семьдесят семь уток 225
- Утиральник см. Платок
- Учитель борется с мертвецами 362
- Фата, подарок девушке от Мороза 95
- Флер самый тонкий, из него сделана па-
латка 559
- Хатка на куричьей ножке 99.— лубяная,
ледяная 1. См. Изба
- Хворост на постройку шалаша собирает
дурак 216
- Хвосты серебряные у вороных коней 213

- Хлеб**, им угощает кот-баюн героя 215.— железный, им питается змей 134.— чудесный, на целый век 259.— печет нерадивая хозяйка *Д* II, 45. *Восемь хлебов*, замешанных на материнском молоке 284. См. Лепешки
- Ход подземный** *Д* II, 37
- Хоромы** богатые появляются в одну ночь 566
- Хусточка** см. Платок
- Цапля**, за нее сватается журавль 72
- Царевич** встречается с ягой 219.— крадет девичью сорочку; у водяного царя выполняет задачи; выбирает невесту из двенадцати девиц; целует сестру и забывает жену 219.— заклятый, в виде крылатого трехголового змея 276. См. Иван-царевич, Василий-царевич, Дмитрий-царевич, Петр-царевич
- Царевна** обращает мужа в голубя, себя — в голубку 220.— обращивает молодца в старика, себя — в церковь 220.— дает солдату перстень *Д* II, 30.— за двенадцатью стеклами 183. См. Анастасия, Анна, Василиса, Дуаза, Земира, Лаота, Марфа, Марфида, Дарья, Миловзора, Настасья, Несмеяна, Ольга, Пленира, Полюша, Снаса
- Царица** золотые кудри 137
- Царство** индийское 136.— зменное 161, 191.— девичье 173, 175.— жемчужное 130.— каменное 273, 274.— медное, серебряное, золотое 128, 129, 130, 132, 140, 224.— по воле героини скатывается в ячико 140.— оловянное 270.— огненное 206.— подземное 111, 114, 128, 132, 140, 141, 142, 161, 171, 176, 191, 237, 273, 294, 298, 299.— подводное 222, 228, 259.— сонное 191.— седьмое 268.— небесное *Д* I, 1
- Царь** прусский 431.— китайский 571.— птичий, звериный 221.— зменный 191.— водяной 125, 219.— морской 222.— огненный 206.— видит вещей сон *Д* II, 38.— приказывает коту-баюну показать ему большую страсть 215.— требует или продает то, чего сам дома не знает 220, 222.— покупает котика за три корабля 218.— выкармливают орла 219.— пляшет под гусли и от усталости умирает 216.— мучается на том свете 214, 216. В *цари* выбирают того, кто прежде других придет во градские ворота 196; у кого самопроизвольно загорится свеча 195, 197.
- Царь-девица** 563, 564. См. Король, Огненный Щит, Некрещенный Лоб, Агей, Афрон, Ахридей, Бархат, Бел Белянин, Горох, Гром, Змиулан, Кирбит, Соломон
- Цветок** аленький 235.— розовый, выпадает из дудочки, сделанной из растения с могилы убитой героини 245.— обращается в девицу 245, 363.— положенный в уши, помогает преодолеть сонное состояние, навешаемое игрой гуслей-самогудов 216.— члвсный, им владеет крылатый змей 276. *Цветы* на деревьях расцветают по воле героини 219.— розовые рождаются от веселого смеха 289
- Цепочка** — лужная улика против верной жены 313
- Цепь** изготавливается для поимки чудной кобылицы 105. На *цепях* держат зверей, охраняющих дворец 296. На *двенадцати цепях* висят гусли-самогуды 216. На *двенадцати цепях* выводят волшебного коня 156, 176, 198, 206
- Церковь** *Д* I, 1, 2.— из пирогов *Д* II, 27.— построена в одну ночь 222, 566, 576.— оборотень 219, 220, 222. *Двенадцать церквей* 176
- Цыган** состязается со змеем в силе 149
- Часовня** *Д* I, 1
- Челнок** см. Лодка
- Человек** в белой одежде догоняет героя и благодарит его за спасение 575.— чужинный, с дружинами 153
- Черевички** см. Башмаки
- Череп** человеческие со святыми глазами торчат на заборе у яги 104. См. Головы
- Черепки** (битая посуда) оборотень 227
- Чернец** оборотень 226. См. Монахи
- Черти** живут под землей *Д* I, 371.— живут в воде 171, 118, 119, 120, 150, 151, 152, 216, 226, 228, 229, 349, 350, *Д* II, 25.— вселяются в людей или являются к ним, чтобы тревожить, мучить 153, 154, 271, 350, 433, 435, 436, *Д* II, 28, 29.— состязаются с человеком в силе 150, 151, 152, 153.— оказывают человеку услуги 154, 221, 236, 278, 372, 433, 435, 436, *Д* II, 28.— предъявляют свои права на человека 221, 369, *Д* II, 28, 29.— утаскивают к себе людей, вещи 349.— мучают грешников в аду 214, 216, 371. **Черт** помогает охотнику убрать несметное воинство в сундучок 221.— женит молодца на мудрой девице 226, 227.— выносит молодца на Русь, дает ему кулек золота 228.— является в виде чернеца 226. См. Бес, Дьявол, Дух нечистый, Лукавый, Нечистый, Лембой
- Честь** девичья, ее лишает девица во время сна 172, 173, 174, 175, 176, 178
- Чехол** свиной, под ним скрывается героиня 290. См. Кожа.

- Чивья** (рукоять палицы) 296
- Чинбалище** (кинжал) в полтора пуда 296
- Чудище** летает за яблоками, его ловят на вино 124.— о трех, шести, девяти головах сшибается героем с дуба стрелкой 207
- Чудо** чудное см. Диво дивное
- Чудо-Юдо** (см. в указателе имен)
- Чурбин**, из него родится герой 109, 111, 112, 142
- Шалаш** построен бараном и козлом 63.— строит дурак на берегу реки 216
- Шаньга**, ею покрыта церковь Д II, 27
- Шапка** попова Д II, 5.— бобровая Д II, 2.— невидимка 194, 199, 240, 272, 298, 299. См. Невидимка
- Шарик** медный, серебряный, золотой, чудесный указывает герою дорогу 129, 225.— бриллиантовый 235.— чудесный, его дарит герою яга 225. См. Клубочек, Мячик
- Шатер** белый в цветных лугах 578
- Швеи** старые, шьют без перерыва; живут, пока не израсходуют сундук ниток и не истратят сундук иголок 93
- Шелк**, из него солдатская жена делает дорогие ковры 214
- Шелом** 578
- Шерсть** конская трех сортов (мастей), при ее сжигании является конь 139, 182
- Ширинка**, ее дает жена мужу в дорогу 215.— узорчатая, подарок девицы молодцу, помогает от тоски 228. См. Платок
- Шкура** баранья, козляная, собачья надевается на человека для обмана нечистого 221.— козляная, с рогами и бородой, прирастает к человеку 258.— превращенного героя или героини сжигается 266, 277. См. Кожа
- Шуба** из сорока сороков черных соболей 576.— чудесная соболяная, с птицей и зверями в петлях и пуговицах 313, 314
- Шут** 397, 398, 399
- Щенок** см. Собака
- Щетка** чудесная, обращается в чашу, в горы, в тростник 93, 114, 175, 224
- Щит** железный 296.— огненный 105
- Щука** вдова честная 77.— зубастая 81.— ищет ерша 78.— златокрылая; съеденная героиней, вызывает беременность 136.— глотает героя 237, 240.— жареная прыгает в озере, говорит человеческим голосом 254.— чудесная, исполняет желания героя 165, 167.— благодаря 156, 157, 170, 268, 269. Превращение в щуку 251, 252

Юноша 259

- Яблоко** вызывает у героя непробудный сон 230, 271. Яблоки дают герою здоровье 203, 206.— дают молодость 93, 171, 174, 176, 563.— делают человека красивым 192, 193.— вырастают в одну ночь 216.— серебряные и золотые 124, 126, 135, 137, 141, 168.— волшебные, причиняющие уродство 192, 193, или смерть 134, 135, 136, 137
- Яблоня** с молодильными яблоками 563.— с золотыми и серебряными плодами и листьями 564.— волшебная, превращенная змеиха; при ударе мечом из нее течет кровь 134, 135, 136, 137.— под ней господь «открывает глаза» слепому барину на проделки его жены Д II 41. Яблони растут по обе стороны моста 216.— восковые, со спелыми яблоками, появляются в одну ночь 566
- Явор** с золотыми и серебряными ветвями вырастает на могиле убитых детей 287
- Яга, ягишна** в роли советницы и покровительницы героев 102, 128, 172, 173, 174, 178, 201, 204, 212, 219, 224, 225, 232, 235, 269, 310, 316, 563.— кормит героя, готовит ему баню 105, 172, 174, 178, 204, 219, 224, 232, 235, 269, 310.— снабжает героя богатырским конем 159.— сватает за сорок одного молодца своих дочерей 105.— превращает царевну в гусыню, подменивает ее своей дочерью 101.— сосет грудь у красавицы 198.— приказывает изжарить героя или героиню 106, 107, 111.— крадет жихаря, Филюшку, Лутоню 106, 107, 111.— преследует героев 103, 105, 111, 114, 159.— ведет борьбу с богатырями 141, 142, 161.— показывает богатырям колодец или родник с целующей и живущей водой 198, 199.— оживляет убитых змеев 155.— спит с мечом-кладенцом в изголовье 141.— спит двенадцать суток 161.— несет наказание или гибнет от руки героя 101, 106, 107, 114, 141, 198. См. Колдунья, Старуха
- Ягоды** красные и черные делают человека уродом: у него вырастают рога, шерсть 194.— белые делают человека красивым 194
- Яд** см. Зелье
- Язык** животных и птиц 241, 247, 248, 253.— отрезывается у змея для доказательства победы 134, 204
- Язь** 80
- Яйцо** заключает в себе царства медное, серебряное, золотое 132, 139, 140, 559.—

- в утке, в яйце семечко, от которого тает хрустальный дворец и освобождается царевна 162 (см. Утка). В яйце пропавшая любовь царь-девицы 232, царевна-лягушка 268. В яйце смерть Кошеля 156, 157, 158. В яйце игла, заключающая в себе смерть Кошеля 269. Яйца жар-птицы 202.—пасхальные 576. Три яйца дает героиня мужу (жениху) 313, 314
- Яма*, в ней звери сидят 29, 30.—как палата, в ней спрятаны царские дети 201.—помойная, с кладом 231.—под порогом жилища 363. В яме до краев золото насыпано 303. Через яму прыгают или переходят по доске для решения спора 1, 53, 54
- Ярлыки ханские*, их рвет Захарий Тютрин 317
- Ярмарка* 218, Д II, 42
- Ястреб* благодарная птица 157. Превращение в ястреба 251
- Ячмень* его запасает воробей 221
- Ящерка-шерошечка* живет в тереме 82
- Ящик*, ящик чудесный, из него появляются слуги 189.—сад 212. См. Ларчик, Сундук

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СКАЗОК

	Том	Номер сказки
Алеша Попович	III	312
Архиерей отчитывает	III Д II	7
Арысь-поле	II	266
Баба-яга	I	102—103
Баба-яга и жихарь	I	106—107
Баба-яга и Заморышек	I	105
Байка о щуке зубастой	I	81
Байка про старину стародавнюю	III	428
Балдак Борисевич	III	315
Батрак	I	150
Беглый солдат	III Д II	31
Беглый солдат и черт	I	154
Безногий и слепой богатыри	II	198—200
Белая уточка	II	265
Береза и три сокола	II	275
Бесстрашный	III	348—350
Буренушка	I	101
Буря-богатырь, Иван коровий сын	I	136
Бухтан Бухтанович	I	163
В чем я?	III Д II	3
Вазуза и Волга	I	94
Василий Буслаевич	III	311
Василий-царевич и Елена Прекрасная	III	314
Василиса-поповна	III	316
Василиса Прекрасная	I	104
Вдова и бес	III	373
Ведьма и Солнцева сестра	I	93
Верлюка	II	301
Вещий дуб	III	446
Вещий сон	II	240—241
Волк	I	49—50
Волк-дурень	I	55—56
Волк и коза	I	53—54
Волшебное зеркальце	II	210—211
Волшебное кольцо	II	190—191
Волшебный конь	II	185
Вор	III	383—390
Вор	III Д II	34
Вороватый мужик	III	391
Ворожея	III	379—380
Ворона и рак	I	73
Генеральская жена и купеческий сын	III Д II	36
Головиха	III	444
Горе	II	303
Горшеня	III	324—325
Горшечник	III	372

	Том	Номер сказки
Грибы	I	90
Гуси-лебеди	I	113
Гусли-самогуды	II	238
Данило Бессчастный	III	313
Два Ивана солдатских сына	I	155
Две доли	II	304
Две жены	III A II	42
Двое из сумы	II	187
Девушка и медведь	III	557
Диво	II	254—255
Диво дивное, чудо чудное	II	256
Доброе слово	III	332—334
Добрый поп	III A II	8
Догадливая хозяйка	III A II	45
Дока на доку	III	378
Докучные сказки	III	528—532
Дорогая кожа	III	447
Дочь и падчерица	I	98
Дочь пастуха	III	335
Дурак и береза	III	402
Духовный отец	III A II	6
Елена Премудрая	II	236—237
Емеля-дурак	I	165—166
Жадная старуха	I	76
Жадный поп	III A II	5
Жар-птица и Василиса-царевна	I	169—170
Жена-доказчица	III	441—443
Жена слепого	III A II	41
Жена-спорщица	III	438—440
Жена Химка	III A II	43
Журавль и цапля	I	72
За лапоток — курочку, за курочку — гусочку	I	8
Загадки	III	321—323
Заклятый царевич	II	276
Заколдованная королева	II	271—272
Звери в яме	I	29—30
Звериное молоко	II	202—205
Зимовье зверей	I	64
Змей и цыган	I	149
Знахарь	III	381
Золотая гора	II	243
Золотая рыбка	I	75
Золотой башмачок	II	292
Зорька, Вечорка и Полуночка	I	140
Иван Быкович	I	137
Иван-дурак	III	430
Иван крестьянский сын и мужичок сам с перст, усы на семь верст	I	138
Иван купеческий сын отчитывает царевну	III	364
Иван Попялов	I	135
Иван Сученко и Белый Полянин	I	139
Иван-царевич и Белый Полянин	I	161
Иван-царевич и Марфа-царевна	I	125

	Том	Номер сказки
Иванко Медведко	I	152
Иванушка-дурачок	III	400—401
Ивашко и ведьма	I	108—111
Илья Муромец и змей	III	310
История о славном и храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье-разбойнике	III	308—309
Казка про козла и барана	III	554
Казка про кравца и вовка	III	555
Как муж отучил жену от сказок	III	448
Каков я!	III Д II	2
Клад	II	258
Кобиляча голова	I	99
Коза	I	60—61
Козьма Скоробогатый	I	164
Князь Данила-Говорила	I	114
Колобок	I	36
Конь, скатерть и рожок	II	186
Королевич и его дядька	I	123—124
Королевна и разбойники	III	344
Косоручка	II	279—282
Кот и лиса	I	40—43
Кот, петух и лиса	I	37—39
Кочет и курица	I	68
Кошей Бессмертный	I	156—158
Крест-порука	III	450
Крошечка-Хаврошечка	I	100
Купеческая дочь и служанка	I	127
Купеческая жена и приказчик	III Д II	39
Купленная жена	II	230—231
Курочка	I	70—71
Летучий корабль	I	144
Леший	III	374
Лиса, заяц и петух	I	14
Лиса и дятел	I	32
Лиса и журавль	I	33
Лиса и рак	I	35
Лиса и тетерев	I	31
Лиса-исповедница	I	15—17
Лиса-лекарка	I	18
Лиса-плачя	I	21—22
Лиса-повитуха	I	9—13
Лисичка-сестричка и волк	I	1—8
Лихо	III	572
Лихо одноглазое	II	302
Лубок	III	449
Лутонюшка	III	405—406
Людська доля	III	573
Мальчик с пальчик	II	300
Марко Богатый и Василий Бессчастный	II	305—307
Марья Моревна	I	159
Масенжны дзядок	I	126
Медведко, Усыня, Горыня и Дубыня богатыри	I	141—142
Медведь	I	57—58
Медведь и петух	I	65
Медведь, лиса, слепень и мужик	I	48

	Том	Номер сказки
Медведь, собака и кошка	I	59
Мена	III	407—409
Мертвое тело	III	395—396
Мизгирь	I	85—86
Монах и игуменья	III Д II	23
Мороз, Солнце и Ветер	I	91
Морозко	I	95—96
Морока	III	375—377
Морской царь и Василиса Премудрая	II	219—226
Мудрая дева	III	327—328
Мудрая девица и семь разбойников	III	345
Мудрая жена	II	216
Мудрые ответы	III	326
Муж да жена	III	445
Муж да жена	III Д II	18
Мужик, медведь и лиса	I	23—26
Набитый дурак	III	403—404
Надзей, папов унук	I	143
Напуганные медведь и волки	I	44—47
Народные анекдоты	III	453—527
Не любо — не слушай	III	418—427
Незнайко	III Д II	27
Неосторожное слово	II	295—296
Несмеяна-царевна	II	227—229
Нет!	II	297
Нет!	III Д II	40
Неумойка	II	278
Никита Кожемяка	I	148
Никола Дуплянский	III Д II	21—22
Норка-зверь	I	132
Ночные пляски	II	298—299
Нужда	III	574
О Горе-горянии, Даниле-дворянине	III	576
О Иванушке-дурачке	III	564
О хитрости царя Соломона	III Д II	1
Об отце Николае	III	451
Овца, лиса и волк	I	28
Окаменелое царство	II	273—274
Оклеветанная купеческая дочь	III	336—337
Орел и ворона	I	74
Отец и дочь	III	339
Охотник и его жена	II	248
Пахом	III Д II	9
Перышко Финиста ясна сокола	II	234—235
Петух и жерновки	II	188
По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре	II	283—287
По щучьему веленью	I	167
Повесть о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове	III	556
Подземный ход	III Д II	37
Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что	II	212—215
Покатигорошек	I	133—134
Поп-ворожейка	III Д II	12
Поп, попадя, дьякон и работник	III Д II	14
Поп ржет как жеребец	III Д II	15
Поп ржет как жеребец	III Д II	17

	Том	Номер сказки
Поп-толоконный лоб	III Д II	25
Поп у бабы и батрак	III Д II	16
Поп угодна в солдаты	III Д II	13
Попов работник	III	329
Похороны кобеля	III Д II	10
Похороны козла	III Д II	11
Поющее дерево и птица-говорунья	II	288—289
Правда и Кривда	I	115—122
Прибаутки	III	533—553
Притворная болезнь	II	206—207
Про Мамаю безбожного	III	317
Птичий язык	II	247
Пузырь, соломинка и лапоть	I	87—88
Разбойники	III	342—343
Райская дудка	III Д II	24
Рассказ о мертвце	III	577
Рассказы о ведьмах	III	365—369
Рассказы о мертвцах	III	351—362
Репка	I	89
Риза на иконе	III Д II	3
Рога	II	192—194
Свинка золотая щетинка, утка золотые перышки, золоторогий олень и золотогривый конь	II	182—184
Свиной чехол	II	290—291
Свинья и волк	I	51—52
Семь Симеонов	I	145—147
Сестрица Аленушка, братец Иванушка	II	260—263
Сивко-бурко	II	179—181
Сказание об Александре Македонском	III	318
Сказка о богатыре Голе Воянском	III	578
Сказка о Бессчастном стрелке	III	567
Сказка о Василисе золотой косе, непокрытой красе, и об Иване-Горохе	III	560
Сказка о злой жене	III	433—437
Сказка о золотом, серебряном и медном царствах	III	559
Сказка о козе лупленой	I	62
Сказка о лягушке и богатыре	III	570
Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде	I	171—178
Сказка о семи Семюнах, родных братьях	III	561
Сказка о серебряном блюдечке и наливном яблочке	III	569
Сказка о Силе-царевиче и об Ивашке белой рубашке	III	575
Сказка о сильном и храбром непобедимом богатыре Иване-царевиче и о прекрасной его супружнице царь-девице	III	562
Сказка о том, как поп телился	III Д II	1
Сказка о трех королевичах	III	563
Сказка об Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове	I	77—80
Сказка об Иване-богатыре, крестьянском сыне	III	571
Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке	I	168
Сказка про одного однобокого барана	I	63
Сказка про братьев Фому и Ерему	III	410—411
Сказка про перстень о двенадцати винтах	III	566
Сказка про утку с золотыми яйцами	II	195—196
Скорый гонец	II	259
Скрипач в аду	III	371
Скряга	III	452

	Том	Номер сказки
Слепцы	III	382
Смерть петушка	I	69
Смерть скупого	III	370
Смирный мужик и драчливая жена	III	565
Снегурушка и лиса	I	34
Сны	III Д II	38
Собака и дятел	I	66—67
Солдат и барин	III Д II	33
Солдат и разбойник	III	341
Солдат и царь в лесу	III	340
Солдат и часы	III Д II	30
Солдат избавляет царевну	I	153
Солдат, мужик и барин	III Д II	32
Солдат, скрипач и нечистый	III Д II	29
Солдат, скрипач и черт	III Д II	28
Солдатская загадка	III	392—394
Солнце, Месяц и Ворон Воронович	I	92
Соль	II	242
Сопливый козел	II	277
Сосватанные дети	III	331
Старая хлеб-соль забывается	I	27
Старик лезет на небо	I	19
Старик на небе	I	20
Старуха-говоруха	I	97
Суд о коровах	III Д II	4
Счастливое дитя	II	257
Счастье и несчастье	III	346
Терем мух	I	82—84
Терешечка	I	112
Три колечки	II	217—218
Три сестры	III	558
Три царства — медное, серебряное и золотое	I	128—130
Убогий	III	347
Удалой батрак	III	429
Упырь	III	363
Федор Тугарин и Анастасия Прекрасная	I	160
Фома Беренников	III	431—432
Фомка-дурак и его жена	III Д II	44
Фролка-сидень	I	131
Хитрая баба	III Д II	19
Хитрая жена	III Д II	20
Хитрая наука	II	249—253
Хитрый чоловик	III	579
Хорошо, да худо	III	412—417
Христов крестник	III Д II	2
Хрустальная гора	I	162
Царевич-найденыш	III	330
Царевна в подземном царстве	II	294
Царевна-змея	II	270
Царевна-лягушка	II	267—269
Царевна, разрешающая загадки	II	239
Царевна сера утица	II	264
Царица-гусляр	III	338

	Том	Номер сказки
Царь-девица	II	232—233
Царь-медведь	II	201
Чернушка	II	293
Чудесная дудка	II	244—246
Чудесная дудочка	III <i>A</i> II	35
Чудесная курица	III <i>A</i> II	26
Чудесная рубашка	II	197
Чудесная рубашка	II	208—209
Чудесный ящик	II	189
Шабарша	I	151
Шемякин суд	III	319—320
Шут	III	397—399

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Два мужика, богатый и бедный. Лубки из собрания Д. Ровинского, № 55	7—9
Старый черт с двумя чертенятами. Скопинская керамика	96—97
Сосуд «Полкан». Скопинская керамика	96—97
Сосуд «Дракон». Скопинская керамика	96—97
Сосуд «Баран». Скопинская керамика	96—97
Сосуд «Лев». Скопинская керамика	96—97
Сосуд «Василиск», Скопинская керамика	96—97
Сосуд со львом. Скопинская керамика	112—113
Сосуд с птицей и зайцем. Скопинская керамика	112—113
Изразцы с изображением птицы, льва, коня, единорога. Рис. С. А. Маслиха	112—113
Изразцы с изображением грифа, птицы Сирин, единорога и битвы Бовы с Полканом. Рис. С. А. Маслиха	112—113
Вор и баба. Лубок из собрания Д. Ровинского, № 204	115
Пляска. Лубок из собрания Д. Ровинского, № 39	119
Изразец с изображением города. Рис. С. А. Маслиха	144—145
Вятские игрушки. Музей народного искусства. Москва	144—145
Филимоновские игрушки. Музей народного искусства. Москва	144—145
Вятские игрушки. Музей народного искусства. Москва	144—145
Тройка. Вятская игрушка. Музей народного искусства. Москва	144—145
Изразец с изображением всадника. Рис. С. А. Маслиха	144—145
Изразец с изображением птицы. Рис. С. А. Маслиха	144—145
Баба яга и мужик. Лубок из собрания Д. Ровинского	177
Лубочная сказка: О семи Семёнах	235—238
Лубочная сказка: Смирный мужик и драчливая жена	249—250
Лубочная сказка: Иван, крестьянский сын	269—272

СОДЕРЖАНИЕ

	Текст	Прим.
319—320. Шемякин суд	5	367
321—323. Загадки	11	368
324—325. Горшеня	14	368
326. Мудрые ответы	17	369
327—328. Мудрая дева	18	370
329. Попов работник	21	372
330. Царевич-найденыш	21	372
331. Сосватанные дети	22	372
332—334. Доброе слово	24	372
335. Дочь пастуха	28	373
336—337. Оклеветанная купеческая дочь	30	374
338. Царица-гуслиар	35	374
339. Отец и дочь	36	374
340. Солдат и царь в лесу	38	374
341. Солдат и разбойник	40	374
342—343. Разбойники	41	375
344. Королевна и разбойники	45	375
345. Мудрая девица и семь разбойников	46	376
346. Счастье и несчастье	51	377
347. Убогий	52	377
348—350. Бесстрашный	54	377
351—362. Рассказы о мертвецах	60	378
363. Упырь	70	381
364. Иван купеческий сын отчитывает царевну	73	381
365—369. Рассказы о ведьмах	75	382
370. Смерть скупого	82	383
371. Скрипач в аду	82	383
372. Горшечник	84	383
373. Вдова и бес	85	383
374. Леший	86	384
375—377. Морока	87	384
378. Дока на доку	91	385
379—380. Ворожея	92	386

	Текст	Прим.
381. Знахарь	96	386
382. Слепцы	97	386
383—390. Вор	99	387
391. Вороватый мужик	112	391
392—394. Солдатская загадка	114	392
395—396. Мертвое тело	116	393
397—399. Шут	118	394
400—401. Иванушка-дурачок	126	396
402. Дурак и береза	128	396
403—404. Набитый дурак	130	397
405—406. Лутонюшка	131	399
407—409. Мена	134	400
410—411. Сказка про братьев Фому и Ерему	138	401
412—417. Хорошо, да худо	140	401
418—427. Не любо — не слушай	144	402
428. Байка про старину стародавнюю	155	407
429. Удалой батрак	157	407
430. Иван-дурак	158	407
431—432. Фома Беренников	160	407
433—437. Сказка о злой жене	164	408
438—440. Жена-спорщица	170	410
441—443. Жена-доказчица	172	410
444. Головиха	176	411
445. Муж да жена	176	411
446. Вещий дуб	178	412
447. Дорогая кожа	179	412
448. Как муж отучил жену от сказок	181	412
449. Лубок	181	413
450. Крест-порука	182	413
451. Об отце Николае	183	413
452. Скряга	184	413
453—527. Народные анекдоты	186	414
528—532. Докучные сказки	214	420
533—553. Прибаутки	215	420
СКАЗКИ ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ АФАНАСЬЕВА	220	421
554. Казка про козла и барана	221	422
555. Казка про кравця и вовка	220	422

		Текст	Прим.
556.	Повесть о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове	221	422
557.	Девушка и медведь	222	422
558.	Три сестры	223	422
559.	Сказка о золотом, серебряном и медном царствах	224	422
560.	Сказка о Василисе золотой косе, непокрытой красе, и об Иване-Горохе	227	422
561.	Сказка о семи Семюнах, родных братьях	231	422
562.	Сказка о сильном и храбром непобедимом богатыре Иване-царевиче и о прекрасной его супружнице Царь-девице	240	422
563.	Сказка о трех королевичах	245	423
564.	О Иванушке-дурачке	246	423
565.	Смирный мужик и драчливая жена	248	423
566.	Сказка про перстень о двенадцати винтах	253	423
567.	Сказка о Бессчастном стрелке	257	423
568.	Неосторожное слово	259	423
569.	Сказка о серебряном блюдечке и наливном яблочке	260	423
570.	Сказка о лягушке и богатыре	262	424
571.	Сказка об Иване-богатыре, крестьянском сыне	266	424
572.	Лихо	275	424
573.	Людська доля	275	424
574.	Нужда	276	424
575.	Сказка о Силе-царевиче и об Ивашке белой рубашке	276	424
576.	О Горе-горянине Даниле-дворянине	278	424
577.	Рассказ о мертвце	282	424
578.	Сказка о богатыре Голе Воянском	283	424
579.	Хитрый чоловік	285	424

ДОПОЛНЕНИЯ

	I. СКАЗКИ, ИЗЪЯТЫЕ ЦЕНЗУРОЙ ИЗ СБОРНИКА «НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ»	287	425
1.	О хитрости царя Соломона	287	425
2.	Христов крестник	288	425
3.	Риза на иконе	289	426

	Текст	Прим.
II. СКАЗКИ ИЗ СБОРНИКА «РУССКИЕ ЗАВЕТ- НЫЕ СКАЗКИ» И РУКОПИСИ «НАРОДНЫЕ РУС- СКИЕ СКАЗКИ НЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ»		
	Предисловие к «Русским заветным сказкам». Женева, 1872	290 426
1.	Сказка о том, как поп теленка родил	293 426
2.	Каков я!	294 427
3.	В-чем-я?	295 427
4.	Суд о коровах	296 427
5.	Жадный поп	298 428
6.	Духовный отец	298 428
7.	Архиерей отчитывает	299 428
8.	Добрый поп	299 428
9.	Пахом	300 428
10.	Похороны кобеля	300 429
11.	Похороны козла	301 429
12.	Поп-ворожейка	303 429
13.	Поп угодил в солдаты	306 430
14—15.	Поп, попадья, дякон и работник	306 430
16.	Поп у бабы и батрак	310 430
17.	Поп ржет как жеребец	311 431
18.	Муж да жена	313 431
19.	Хитрая баба	313 431
20.	Хитрая жена	315 431
21—22.	Никола Дуплянский	317 432
23.	Монах и игуменья	318 432
24.	Райская дудка	319 432
25.	Поп-толоконный лоб	321 433
26.	Чудесная дудочка	323 433
27.	Не люблю, не слушай	325 434
28.	Солдат, скрипач и черт	325 434
29.	Солдат, скрипач и нечистый	327 434
30.	Солдат и часы	328 434
31.	Беглый солдат	329 435
32.	Солдат, мужик и баба	329 435
33.	Солдат и барин	330 435
34.	Вор	330 435
35.	Чудесная дудка	332 435

	Текст	Прим.
36.	Генеральская жена и купеческий сын	333 436
37.	Подземный ход	335 436
38.	Сны	337 436
39.	Купеческая жена и приказчик	339 437
40.	«Нет!»	340 437
41.	Жена слепого	340 437
42.	Две жены	341 437
43.	Жена Химка	342 438
44.	Фомка-дурак и его жена	342 438
45.	Догадливая хозяйка	344 438
III. ПРЕДИСЛОВИЯ А. Н. АФАНАСЬЕВА К «НАРОДНЫМ РУССКИМ СКАЗКАМ»		
	а) К 1-му выпуску первого издания	345
	б) К примечаниям 2-го выпуска первого издания	354
	в) К 4-му выпуску первого издания	355
IV. ЗАМЕТКА АФАНАСЬЕВА О СКАЗКЕ «ЕРУСЛАН ЛАЗАРЕВИЧ»		
		356

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список сокращений	365
Примечания	367
Указатель сюжетных типов сказок настоящего издания сборника А. Н. Афанасьева	439
Указатель имен	443
Указатель предметов	453
Алфавитный указатель сказок	483
Список иллюстраций	490

НАРОДНЫЕ
РУССКИЕ
СКАЗКИ
А. Н. АФАНАСЬЕВА

В ТРЕХ ТОМАХ
ТОМ III

*

Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Литературные памятники»

*

Редактор
О. К. Логинова

Художник
Б. И. Астафьев

Художественный редактор
Т. П. Поленова

Художественно-технические редакторы
С. Г. Тихомирова, Н. Н. Кокина

Корректоры
Р. С. Алимова, М. В. Борткова

*

ИБ № 28528

Сдано в набор 10.05.84

Подписано к печати 17.01.85.

Формат 70×90^{1/16}

Бумага книжно-журнальная импортная

Гарнитура академическая

Печать высокая

Усл. печ. л. 37,15, Усл. кр. отт. 39,47. Уч.-изд. л. 39,8.

Тираж 50000 экз. Тип. зак. 207

Цена 5 р 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва, В-485.

Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6